Издательский дом «Экономическая газета»

Посвящается моим родителям, которым я обязан всем:
матери, Глазьевой Валентине Ивановне,
и памяти отца, Глазьева Юрия Сергеевича

Издательский дом «Экономическая газета»
выражает признательность за помощь в подготовке этой книги

Секции экономики Отделения общественных наук РАН
Институту экономики РАН
Центральному экономико-математическому институту РАН
Государственному университету управления
Редакции «Российского экономического журнала»

Русская классическая библиотека

«Экономика и духовность»

С. Ю. Глазьев

УРОКИ ОЧЕРЕДНОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ:

КРАХ ЛИБЕРАЛЬНОЙ УТОПИИ И ШАНС НА «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО»

Издательский дом «Экономическая газета»
Москва, 2011

УДК 331
ББК 65.03(2Р)
Г52

Глазьев С. Ю.
Г52 Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» / С.Ю. Глазьев. – М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2011. – 576 с. («Русская классическая библиотека. Экономика и духовность»).
ISBN 978-5-900792-87-3

В своей новой книге известный российский ученый-экономист, действительный член РАН С.Ю. Глазьев обобщает обширный теоретический и эмпирический материал, накопленный за четверть века работы в системе Академии наук и органах государственной власти. Всесторонне конструктивно-критически осмысляя проведенные в постсоветской России радикально-либералистские преобразования и вызванный ими глубокий народно-хозяйственный кризис, усугубленный глобальным экономическим кризисом, автор системно разворачивает предложения по модернизации и опережающему развитию российской экономики на основе госстимулирования утверждения нового технологического уклада как ключевого направления антикризисной политики.

В монографии использованы результаты всех предшествующих исследовательских усилий автора и его коллег, в том числе новейших разработок, практически значимых для становления в нашей стране «экономики знаний», базируемой на достижениях научно-технологического прогресса, гуманистически направленной и создающей надежный задел для будущих поколений.

УДК 331
ББК 65.03(2Р)

ISBN 978-5-900792-87-3

© Глазьев С.Ю., 2011
© Издательский дом «Экономическая газета». Москва, 2011

Сегодня сама жизнь заставляет оценивать возможности долгосрочного развития, искать точки роста на перспективу. У нас осталось крайне мало времени для того, чтобы остановить разрушение России. Еще немного, и процессы деградации экономики и общества станут неотвратимыми.

С.Ю. Глазьев

«Феномен Глазьева»: штрихи к портрету 50-летнего юбиляра

Судьба со студенческих лет связала меня с Сергеем Юрьевичем Глазьевым. На экономическом факультете Московского университета мы учились фактически в одно и то же время: в 1978 году, когда он перешел на первый курс факультета с мехмата, я был на втором. Мы оба активно участвовали в вузовской научной жизни, в которую на экономическом факультете традиционно стремились вовлекать даже младшекурсников. А более тесно стали общаться в 1982 году, после моего избрания председателем факультетского Научного студенческого общества и вхождения в связи с этим в Совет молодых ученых МГУ. Могу авторитетно засвидетельствовать: выступления и доклады Сергея на молодежных научных форумах были изначально неформальны, глубоки и оригинальны, отражали собственную позицию автора по рассматриваемым вопросам (хотя далеко не всем «взрослым» нравились его твердость в отстаивании своих убеждений, самостоятельность в оценках и суждениях). Глазьев почти всегда побеждал или занимал призовые места по итогам проводимых на факультете студенческих конкурсов и общеуниверситетских конкурсов работ молодых ученых по обществоведческой тематике.

Когда по окончании университета Сергей начал восхождение к высотам науки в Центральном экономико-математическом институте АН СССР, а я стал работать в «Экономической газете», мы продолжили общение — дружеское и деловое. Глазьев выступал в газете, поднимая актуальные и дискуссионные проблемы, помогал редакции налаживать контакты с научными лидерами ЦЭМИ, в том числе со своим научным руководителем, замечательным ученым Д.С. Львовым.

И в период своего пребывания в 1992–1993 годах в составах двух первых постсоветских правительств («ельцинско-гайдаровского» и «черномырдинского») Глазьев оставался доступным для прессы и неизменно оказывал редакции ценную помощь, в частности, своими квалифици-

рованными консультациями по сложным мирохозяйственным сюжетам. Причем было очевидно, что первый заместитель, а затем министр внешнеэкономических связей занимает особую позицию по тем вопросам «интеграции новой России в глобальную экономику», волюнтаристское решение которых его начальниками чревато угрозами национальным интересам, что он не держится за свое кресло, что высокий пост для него — не самоцель, а средство посильного содействия реализации этих интересов.

Будучи маститым ученым, Глазьев — вовсе не «засушенный ботаник», он обладает хорошим чувством юмора, ценит аналогичное качество у других людей и не чужд интеллектуальным пикировкам. В этом смысле показателен следующий наш разговор в кулуарах состоявшегося в июне текущего года в Пекине Международного форума «Диалог цивилизаций». «Сергей, хочешь посмеяться? Обрати внимание на заголовок одного из материалов, тезисы которых мы получили. Сюй Минчи, президент Центра Европы Шанхайской академии общественных наук, назвал свой доклад так: «Кризис суверенной задолженности «европейских свиней», евро и европейская экономика». Зачитываю первый абзац: «Кризис суверенной задолженности «европейских свиней» становится глобальной фокусной проблемой. Несомненно, что этот кризис проявил не только слабость экономик и госбюджетов, но и недостатки присущего европейской экономической интеграции механизма. Это, впрочем, не означает скорый крах евроинтеграции».

О каких «свиньях» речь? Оказывается, «PIGS» — это аббревиатура, то есть первые английские буквы названий европейских стран, имеющих крупные неприятности, связанные с огромными бюджетными дефицитами и госдолгами, — Португалии, Ирландии, Греции и Испании. Их запредельная госзадолженность ослабляет позиции евро и провоцирует широкомасштабные протестные выступления населения против соответствующих госпрограмм экономии бюджетных средств, сокращения зарплат и пособий.

Глазьев рассмеялся и сказал, что именно эти страны действительно подкладывают делу упрочения евровалюты и всему процессу евроинтеграции приличную свинью — китайский ученый невольно попал, как говорится, не в бровь, а в глаз. И неожиданно продолжил возникшую «китайско-глазную» тему: «А знаешь, в КНР переведена одна из моих книг, и на ее обложке изобразили… глаз».

Его реплика побудила меня к размышлению: а ведь китайцы с их образным восприятием слов, идущим, видимо, от иероглифического письма, и в этом случае оказались правы — есть некое символичное созвучие фамилии и личности Глазьева. Ученый пристально, заинтересованно и квалифицированно вглядывается в экономику, видит и общую тенденцию народно-хозяйственного развития, и факторы, препятствующие ее реализации; его «свежий глаз» улавливает многое из того, что скрыто от нашего глаза, зачастую суетливо-замыленного…

— • —

После изменения общественного строя в нашей стране и распада СССР стало модным вести разговоры о поражении социализма в историческом соревновании с капитализмом, об утверждении монополярного мира и безраздельного господства рыночных критериев в развитии глобального и национальных хозяйств. В этой специфической атмосфере «победившего» рыночного фундаментализма сформировались современные официальные подходы к модернизации отечественной экономики, основанные на парадигме «больше рынка, меньше государства». При этом «ущербность» российских модернизационных институтов связывается с «избыточным» присутствием национального государства в экономике. Успех здесь считается возможным лишь на путях подчинения экономических процессов управленческим воздействиям сугубо рыночных механизмов внутри страны и внешним воздействиям глобальных институтов, превращения национального хозяйства в региональный кластер мировой экономики и адаптации внутренней политики к условиям функционирования мирового рынка. Соответственно роль государства должна ограничиться обеспечением финансовой стабильности, созданием политических условий для привлечения иностранных инвестиций, которые и принесут-де в российскую экономику новые знания, новые технологии и новые продукты. Согласно таким подходам, России дозволяется проводить лишь стратегию «догоняющего развития» под контролем глобальных транснациональных корпораций.

Против таких подходов решительно выступает С.Ю. Глазьев — самый молодой ныне академик в экономической секции Отделения общественных наук РАН. В его только что законченной новой капитальной монографии, оперативно выпускаемой Издательским домом «Экономическая газета» к 50-летию ученого, доказывается, что «догоняющая модернизация» обрекает Россию на необратимое технологическое отставание, невосполнимую утрату «инновационной ренты». А для обеспечения конкурентных преимуществ и вывода российской экономики на траекторию быстрого, устойчивого и высококачественного роста императивны разработка и реализация стратегии опережающего развития. Это определяется, с одной стороны, спецификой постсоветского состояния национального хозяйства, а с другой — неравномерностью экономического прогресса различных стран, обусловленной процессами смены длинных волн мегатехнологической динамики и соответствующих господствующих в мире технологических укладов, которые формируются на основе собственной внутренней логики и внутренних закономерностей своего воспроизводства, не связанных с однополярностью мира и тотальным господством рыночных критериев. По Глазьеву, процессы замещения одних технологических укладов другими сопровождаются появлением особого синергетического эффекта, обусловленного не только

развертыванием производств ядра нового уклада, но и перестройкой технологических цепочек уклада прежнего, соответствующей адаптацией инфраструктурных отраслей, а также приоритетным задействованием социальных факторов укладной трансформации. Все это и призвана обеспечить новая — альтернативная радикально-либералистской — социально-экономическая политика нашего государства.

Представляемая монография «Уроки очередной российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» не только воплощает результаты многолетних научных изысканий С.Ю. Глазьева, но и характеризует гражданскую позицию ученого, его политические убеждения и нравственные позиции, его человеческие качества.

— • —

Сергей Юрьевич Глазьев родился 1 января 1961 года в городе Запорожье. Его отец, Юрий Сергеевич, был мастером на крупнейшем металлургическом комбинате СССР — «Запорожстали», а мать, Валентина Ивановна, работала инженером-проектировщиком во Всесоюзном институте титана. В родословной будущего ученого-экономиста переплелись русские и украинские начала. Глазьевы прибыли в Екатеринославскую губернию из-под Воронежа в конце XIX века и основали в гуляйпольской степи крепкое крестьянское хозяйство. В период коллективизации они уехали работать на шахты в Донбасс, а затем, в годы индустриализации, перебрались в Ярославль, где и родился отец Сергея. Прадед по материнской линии — Андрей Опалатенко — во время Октябрьской революции организовал один из первых в упомянутой Екатеринославской губернии сельсовет; он был убит бандитами в ходе Гражданской войны. Оба деда — активные участники Великой Отечественной войны: Иван Задорожный, дед по материнской линии, погиб в феврале 1944 года в боях за освобождение Херсонщины; дед по отцовской линии — Сергей Глазьев — получил тяжелое ранение и в послевоенное время вернулся в Запорожье.

Русско-украинская родословная, органическая общность исторических судеб великоросских и малороссийских предков и родственников, веками живших в составе единого государства, имевших одну культуру и общие в своих славянских корнях языки, оказали большое воздействие на формирование личности, характера и мировоззренческих ценностей С.Ю. Глазьева, его жизненных установок, последующего резко негативного отношения к распаду СССР и разделению братских народов по «национальным квартирам» со всеми известными последствиями этих событий.

Рождение в семье Глазьевых сына в первый новогодний день было воспринято его родителями, их друзьями и знакомыми как новогодний подарок. Сережа рос, окруженный теплом и заботой, подобно большинству своих

сверстников посещал ясли и детский сад. Школа, в которой он учился, была русской, однако в таких школах в УССР обстоятельно изучались украинский язык и культура. Школьников учили уважению к своей стране, к ее многонациональному народу, к своему прекрасному городу, отстроенному после войны, к горожанам, которые, в частности, не только в кратчайшие сроки восстановили ведущее советское металлургическое предприятие, но и вдохнули в него новую жизнь: продукция «Запорожстали» обрела известность в мире. Природные способности, как и изначально проявившиеся упорство и целеустремленность, позволили Сергею отлично сдать экзамены на аттестат зрелости. Хорошо усвоил он и первые уроки патриотизма и нравственности, о чем свидетельствуют вся его последующая деятельность, его научные труды и его гражданская позиция в период реформационного лихолетья.

В 1978 году, сразу после окончания школы, Глазьев, блестяще выдержав исключительно жесткие конкурсные испытания, поступил сначала на механико-математический, а затем перешел на экономический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Выбор не был случайным: экономический факультет МГУ являлся признанным в СССР и в мире учебным и научным центром, готовившим кадры высококвалифицированных специалистов в области экономической теории и управления экономикой. Не был случайным и выбор специальности «Планирование народного хозяйства и экономическая кибернетика»: обучение предполагало наряду с фундаментальной общетеоретической (политэкономической) подготовкой овладение новейшими технологиями планового управления экономикой с использованием методов экономико-математического моделирования и программирования, принципов разработки межотраслевых балансов и оптимизации хозяйственных процессов. Набор компетенций, предлагавшийся программой подготовки специалистов в области планирования и экономической кибернетики, обеспечивал высокую престижность этой специальности.

На экономическом факультете МГУ на рубеже 1970–1980-х годов трудилась плеяда замечательных ученых — теоретиков и практиков; занятия вели сотрудники фактически всех столичных академических институтов экономического профиля и ответственные работники многих органов руководства плановой экономикой. Общая экономическая теория была представлена лидерами «цаголовской школы» политической экономии во главе с самим профессором Н.А. Цаголовым, конкретные экономические науки — такими знаменитыми исследователями, как академик Т.С. Хачатуров, профессора Г.А. Егиазарян, А.М. Емельянов, Г.Х. Попов, М.В. Солодков, А.Д. Шеремет и другие. Коллективы кафедр (политической экономии, планирования народного хозяйства, экономики промышленности, экономики сельского хозяйства, экономики непроизводственной сферы, управления общественным производством, математических методов анали-

за экономики, учета и анализа хозяйственной деятельности, экономической статистики; перечень можно продолжить) вели помимо учебной интенсивную научную работу по проблемам управления развитием разных уровней народного хозяйства — предприятий, отраслей, межотраслевых и региональных комплексов, единого народно-хозяйственного комплекса в целом. К этой работе широко привлекались студенты и аспиранты, что обеспечивало важную сторону «амальгамы» науки и практики, составлявшую отличительную черту обучения специалистов на экономическом факультете МГУ.

Трудно переоценить тот вклад, который внесли в подготовку экономистов «планово-кибернетического» профиля такие корифеи советской экономической науки, как А.И. Анчишкин и С.С. Шаталин. В годы учебы Глазьева эти ученые с мировым именем (тогда еще члены-корреспонденты, а впоследствии — действительные члены АН СССР) вели активную преподавательскую деятельность и даже некоторое время возглавляли факультетскую кафедру планирования народного хозяйства. Они не только щедро делились своими знаниями со студентами, но и способствовали установлению тесных контактов экономического факультета МГУ со структурными подразделениями Госплана СССР, а также с Центральным экономико-математическим институтом АН СССР — главным общесоюзным центром соответствующих исследований. Сотрудники этих учреждений часто привлекались к преподавательской деятельности, выступали в качестве руководителей как курсовых и дипломных работ, преддипломной практики студентов, так и научных исследований аспирантов.

Творческая обстановка, сложившаяся в тот период на факультете, непосредственные контакты с ведущими учеными и специалистами страны, равно как и доступность необходимых учебно-методических и научных материалов, создавали условия для раскрытия способностей и дарований студентов. Глазьев учился увлеченно и целеустремленно, активно участвовал в факультетской и университетской исследовательской жизни, о чем речь уже шла выше. Упорство, проявляемое им в учебе и научной работе, стремление доводить до конца начатое дело вызывали уважение сокурсников и преподавателей, и к концу обучения в общественном мнении факультета Глазьев выглядел как талантливый и подающий большие надежды выпускник.

С отличием окончив в 1983 году экономический факультет МГУ, Глазьев поступил в аспирантуру Центрального экономико-математического института АН СССР — одного из ведущих в академической системе институтов экономического профиля. Здесь трудилось более 1200 сотрудников, имелась мощная материально-техническая база, включая собственный вычислительный центр; соответственно в научных исследованиях наряду с традиционными широко использовались новейшие методы математического моделирования с применением электронно-вычислительной техники.

В 1980-е годы в ЦЭМИ работала сплоченная команда крупнейших, в том числе с мировыми именами, специалистов в области народно-хозяйственного планирования и прогнозирования. Возглавлял институт академик Н.П. Федоренко (одновременно являвшийся академиком-секретарем Отделения экономики АН СССР), которого сменил на этом посту академик В.Л. Макаров, а среди сотрудников были доктора экономических наук и профессора Э.Ф. Баранов, Э.Б. Ершов, Д.С. Львов, А.С. Некрасов, Ю.В. Овсиенко, Н.Я. Петраков, В.Ф. Пугачев, Н.М. Римашевская, Б.П. Суворов, Ю.В. Яременко и другие выдающиеся ученые. Неудивительно, что аспирантам и молодым ученым ЦЭМИ обеспечивал не только все условия для проведения научной работы, но и широкие перспективы карьерно-профессионального роста.

В качестве предмета своей диссертации аспирант Глазьев выбрал закономерности и механизмы долгосрочного технико-экономического развития. Интерес к этой теме возник у него после ознакомления с теорией «длинных волн экономической конъюнктуры» Н.Д. Кондратьева, а также по итогам размышлений над результатами междисциплинарных исследований в рамках разработки в 1980-х годах в СССР всемирно знаменитой долгосрочной Комплексной программы научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий. Научным руководителем молодого ученого стал Д.С. Львов — авторитетный в стране специалист в области макроэкономической динамики. Профессор, а в дальнейшем академик Львов сыграл важную роль в жизни Глазьева, последовательно поддерживая его научные инициативы. Долгие годы, вплоть до самой кончины Дмитрия Семеновича в 2007 году, их связывали дружеские, сердечно-доверительные отношения.

После блестящей защиты в 1986 году беспартийным аспирантом кандидатской диссертации он получает в ЦЭМИ АН СССР должность младшего научного сотрудника и в последующие пять лет (1986–1991) достигает впечатляющих успехов в научной карьере. Уже в 1990 году происходит защита его докторской диссертации, в которой получила развитие «укладно-длинноволновая» концепция долгосрочной мегатехнологической динамики, и Глазьев становится руководителем одной из научно-исследовательских лабораторий ЦЭМИ. Во второй половине 1980-х годов он еще далек от политики как профессиональной деятельности, ибо целиком поглощен наукой, своими теоретическими выкладками и своей лабораторией.

— • —

Все, однако, меняется в начале десятилетия 1990-х. После развала СССР тридцатилетний ученый входит в состав первых двух правительств новой России: становится первым заместителем министра, а с декабря 1992 года — министром внешних экономических связей. Однако в отличие от большинства членов правительственной команды «первопроходцев-реформаторов»,

открыто приверженных адекватному указаниям с Запада, но губительному для экономики и социальной сферы нашей страны курсу «шоковой терапии» (и потому не без мазохистской кокетливости именовавших себя «камикадзе»), он твердо намеревается отстаивать в федеральном кабинете министров общенациональные интересы и выстраивать экономически сильное государство, максимально реализуя свой потенциал ученого и патриота.

В своем новом статусе С.Ю. Глазьеву удается добиться введения валютного контроля, сокращающего масштабы нелегального вывоза из страны капитала, и запустить в действие механизм взимания таможенных пошлин с экспорта топливно-энергетических и других сырьевых ресурсов, ставший единственным способом изъятия в доход государства природной ренты, обеспечивающим до трети бюджетных поступлений; были разработаны также меры защиты внутреннего рынка от недобросовестной конкурентной экспансии импортеров. Четкая линия министра на отстаивание национальных интересов во внешнеэкономической деятельности встретила ожесточенное, порой переходившее в травлю, сопротивление тех сил в коридорах власти и в сфере бизнеса, которые выступали за дальнейшее углубление деструктивных радикально-либералистских реформ. Характерно, что Глазьев оказался единственным из всего состава «черномырдинского» правительства, кто открыто заявил об антиконституционном характере печально знаменитого президентского указа от 21 сентября 1993 г. № 1400 («О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации»), который предписывал Съезду народных депутатов и Верховному Совету прекратить свою деятельность и предусматривал проведение в декабре выборов в Госдуму. В знак протеста он подал заявление об отставке с поста министра внешнеэкономических связей РФ, которое было удовлетворено. Однако это ознаменовало не окончание, а лишь старт нового этапа политико-государственной деятельности С.Ю. Глазьева, получившей различные направления.

Общий стаж государственной службы Глазьева ныне составляет почти 20 лет, и соответствующий послужной список многообразен. Он занимал высокие должности в органах и законодательной, и исполнительной власти, причем одни посты являлись публичными, выборными, другие — административными. Если в 1992–1993 годах, как уже отмечалось, он был министром внешнеэкономических связей России, то в 1994–1995 годах избирался депутатом Государственной Думы, возглавлял думский Комитет по экономической политике. В 1996 году он назначается на должность начальника Управления экономической безопасности аппарата Совета Безопасности РФ, а в 1996–1999 годах работает начальником Информационно-аналитического управления аппарата Совета Федерации. В 1999–2007 годах вновь избирается депутатом Государственной Думы (третьего и четвертого созывов), являясь руководителем Комитета по экономической политике и предпринимательству, а также членом Комитета по охране здоровья и Ко-

митета по финансовым рынкам и кредитным организациям. Особый эпизод биографии политика — успех на парламентских выборах 2003 года созданного им избирательного блока «Родина» и участие в президентских выборах 2004 года с выходом по их итогам на третье место. С ноября 2008 года и по настоящее время С.Ю. Глазьев — заместитель Генерального секретаря Евразийского экономического сообщества, причем с февраля 2009 года — также Ответственный секретарь Комиссии Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации.

— • —

Деятельность С.Ю. Глазьева в качестве политика и госслужащего высших эшелонов управления контрастирует с моделью поведения типичного постсоветского функционера, описываемой в СМИ с употреблением таких эпитетов, как «чиновничий произвол», «безответственность», «тупость», «сидение на кормлении», «мздоимство» и т.п. В отличие от бесчисленных представителей властно-управленческих «элит» он не использует служебное положение в личных интересах, не участвует в коррупционных процессах, нарастающих пропорционально увеличению армии чиновников. От радикальных политиков «правого» и «левого» толка, для которых провоцирование в стране «великих потрясений» составляет едва ли не главный смысл социальной активности, Глазьева отличает убежденность в необходимости эволюционного строительства сильного государства, способного проводить эффективную социально-экономическую политику в интересах своих граждан. Наконец, он выглядит «белой вороной» в том отношении, что, занимая высокие госдолжности, не прекращает интенсивно заниматься наукой. Эта творческая активность, достоверность результатов которой связана с великолепным владением как современным аналитическим инструментарием, так и новейшей информацией по ключевым направлениям социально-экономического развития страны, очевидно, и придает С.Ю. Глазьеву уверенность и независимость в ответственной управленческой работе, отмечаемые и его сторонниками, и его оппонентами.

Еще в 1993 году Глазьев опубликовал монографию «Теория долгосрочного технико-экономического развития», в которой выявлены «длинноволновые» закономерности формирования и смены технологических укладов в глобальном масштабе, раскрыты причины неравномерности данных процессов, охарактеризованы механизмы структурных сдвигов в мировой и национальных хозяйственных системах, а также сопряжения этих мега- и макроуровневых сдвигов. Выход книги принес ее автору широкую известность, а для самого ученого-политика полученные выводы стали теоретической основой разработки стратегии долгосрочного социально-экономического развития России, альтернативной официальному реформационному курсу. Во второй поло-

вине 1990-х — первой половине 2000-х годов он опубликовал по соответствующей проблематике цикл статей в научно-экономической периодике, прежде всего в журнале «Вопросы экономики» и в «Российском экономическом журнале» (представление об этом впечатляющем, охватывающем десятки позиций, цикле можно получить, ознакомившись с перечнем основных научных трудов Глазьева, приведенным в конце настоящего издания). Основные идеи этих публикаций, включая системные позитивные предложения по формированию активной структурно-промышленной политики, системы макропрограммирования и индикативного макропланирования, развертыванию финансово-кредитных механизмов стимулирования экономического роста, возвращению государству рентных доходов недропользователей, госрегулированию деятельности естественных монополий, усилению социальной политики, и другие нашли свое отражение в пакете проектов законодательных актов, которые под руководством Глазьева были подготовлены в Федеральном Собрании. Так, из Комитета по экономической политике Госдумы первого созыва, в частности, вышли следующие законопроекты: «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации» (позже уже в качестве председателя Комитета по экономической политике и предпринимательству Госдумы третьего созыва Глазьев инициировал законопроект «О государственном прогнозировании, индикативном планировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации»), «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности», «О восстановлении и защите сбережений граждан», «О поставках продукции для федеральных государственных нужд», «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции».

За год до краха в августе 1998 года финансовой системы страны в Информационно-аналитическом управлении Совета Федерации под руководством Глазьева был подготовлен доклад, посвященный проблемам финансирования экономического роста. По сути это был документ о надвигавшейся вследствие деструктивной политики денежных властей финансовой катастрофе, в котором (как и в статьях конца 1997 — начала 1998 года в «Вопросах экономики», «Российском экономическом журнале» и других периодических изданиях) обосновывался комплекс конструктивных мер по ее предотвращению. Однако тогдашнее минфиновско-центробанковское руководство осталось глухим к предостережениям и рекомендациям высококлассных профессионалов. Поэтому ряд глазьевских предложений по модернизации бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики использовался уже после дефолта — в рамках «примаковской» программы антикризисных мер, сыгравшей ключевую роль в оздоровлении российской экономики.

В конце 2005 года увидела свет новая книга ученого-политика «Выбор будущего», ставшая конструктивно-критической реакцией автора прежде всего на радикальные реформы социальной сферы, развернувшиеся в стране с начала нового столетия. Опровергая утверждения доморощенных радикальных либералов-ревнителей концепции «экономики дешевого работника» об «избыточности» социальных госрасходов, об их «затратно-иждивенческой» природе, Глазьев подробно характеризует объективно созидательные функции таких расходов в современной экономике, последовательно и убедительно развивает тезис, согласно которому их наращивание, обеспечение социальной справедливости и социальной ответственности в экономической политике государства (и в бизнес-деятельности) становятся важнейшими факторами быстрого, устойчивого и высококачественного народно-хозяйственного роста. Показательна сама структура книги: первый ее раздел озаглавлен «Народовластие и ответственность государства», второй — «Социальная справедливость и экономический рост», а третий раздел назван «Нравственное оздоровление общества».

Результаты проведенных Глазьевым в 2000-х годах исследований социальных факторов и источников экономического роста и модернизации национальной экономики были опять-таки представлены в его многочисленных выступлениях в научной периодике и в СМИ, а также в пакете законопроектов, разработанных думским Комитетом по экономической политике и предпринимательству; например, — в проекте федерального закона «Об ответственности органов федеральной исполнительной власти за обеспечение конституционного права граждан на достойную жизнь и свободное развитие». В условиях присущих всему «второму постсоветскому политическому циклу» тотальной маркетизации социальной сферы и трансформации государства из производителя и гаранта предоставления населению бесплатных «публичных благ» в торговца социальными благами и услугами по монопольным ценам идеи Глазьева о расширении социальных расходов, становящихся решающим фактором структурной перестройки и роста национальной экономики, обрели поддержку не только научной общественности, но и парламентской оппозиции, а главное, — широких слоев населения. Вышеупомянутое третье место политика-ученого в выборной президентской кампании-2004 (а также третье же место на выборах в 2002 году губернатора Красноярского края с результатом в 21,6% голосов) — наглядное тому подтверждение.

В последние годы под руководством С.Ю. Глазьева ведется интенсивная и высокорезультативная в практическом плане научная проработка возможностей реинтеграции постсоветского пространства в рамках Евразийского экономического сообщества, и прежде всего ядра этой интеграционной группировки — Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана.

К настоящему моменту завершено формирование Таможенного союза (принят его Кодекс), создана единая для стран-участниц система внешнеторгового, таможенного и технического регулировании — основа функционирования единого экономического пространства, общего рынка товаров, услуг, труда и капиталов. Комиссия Таможенного союза, аппарат которой возглавляется Глазьевым, уже осуществляет функции наднационального органа по администрированию единой таможенной территории.

Занимаясь сегодня выстраиванием Таможенного союза, Глазьев в качестве ученого и политика делает все от него зависящее для вовлечения в этот союз Украины, что жизненно необходимо, по его убеждению, для российского и украинского народов, равно как и для народов других республик бывшего единого государства. Этот вектор нынешней деятельности Глазьева, органично сопрягаемый с его упомянутыми «украинскими корнями», во многом подготовлен его предыдущей, начавшейся еще в МВЭС России, активностью в области сохранения двустороннего хозяйственного сотрудничества наших стран на основе отношений свободной торговли, в том числе в сфере кооперационных связей между машиностроительными предприятиями России и Украины, производящими наукоемкую высокотехнологичную продукцию. Все последнее десятилетие Глазьев упорно разрабатывал экономические модели эффективного взаимодействия России и Украины, стал одним из создателей Российско-украинского форума — экспертно-общественной организации, которая, кроме прочего, в разгар мирового финансово-экономического кризиса приняла действенное участие в подготовке для Украины программы антикризисных действий до 2020 года, получившей высокую оценку экономистов и представителей власти.

Итак, будучи активно действующим политиком, С.Ю. Глазьев в то же время — известный в России и за ее пределами ученый. Он автор более 200 научных работ, в том числе ряда монографий и крупноформатных докладов по актуальнейшим, поистине судьбоносным, проблемам социально-экономического развития страны; в этом смысле показателен и его монографический труд, выпущенный летом 2010 года издательством «Экономика», — «Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса». Естественным признанием творческих достижений Глазьева научной общественностью стало избрание его в 2004 году членом-корреспондентом, а в 2008 году — действительным членом Российской академии наук.

— • —

Академик Глазьев известен и как последовательный сторонник возрождения традиционных для России духовно-нравственных, включая религиозные, ценностей, их активного задействования на благо социально-экономического прогресса страны. Вот только некоторые его соответствующие конкретные

заслуги: активное участие в разработке (под эгидой Отдела внешних церковных связей Русской православной церкви) «Свода нравственных принципов и правил хозяйствования», принятого на Всемирном Русском Народном Соборе в 2004 году; инициирование и авторство законопроекта «О признании имущественных прав религиозных организаций», ряд положений которого получил продолжение в действующем российском законодательстве; подготовка и внесение на рассмотрение парламента проекта федерального закона «О социальном партнерстве государства и религиозных организаций».

С.Ю. Глазьев является сопредседателем Союза православных граждан — авторитетной организации, способствующей углублению диалога церкви с обществом и государством. В этом качестве он постоянно встречается с православной общественностью, предлагает различные общественные инициативы, публикуется в России и за рубежом. Одна из его работ по этой проблематике — статья «Нравственные начала в экономическом поведении и развитии: важнейший ресурс возрождения России», вошедшая в сборник «Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние», выпущенный в 2008 году Институтом экономических стратегий.

В 2009 году ученый был включен в состав экспертного совета «Экономика и этика» при Святейшем Патриархе Московском и всея Руси Кирилле и внес значительный вклад в разработку документов, отражающих церковно-общественную позицию в отношении мирового финансово-экономического кризиса; Глазьевым акцентирована одна из его причин — деградация нравственной мотивации хозяйствования. Эту тему он ныне развивает с трибуны ежегодных Всемирных Русских Народных Соборов, обращаясь, в частности, к православным ближнего и дальнего зарубежья. Особо внимательно к его словам, естественно, прислушиваются белорусы и украинцы, тем более, что он — один из организаторов Собора славянских народов Белоруссии, России и Украины, ставшего выразителем мнения тех кругов общественности трех стран, которые по-прежнему считают их братскими.

— • —

Представляемая юбилейная монография С.Ю. Глазьева «Уроки российской революции: крах либеральной утопии и шанс на «экономическое чудо» посвящена конкретизации концептуальных основ стратегии социально-экономического развития России применительно к условиям глобальных структурно-технологических сдвигов и кризиса мировой капиталистической системы. В этом фундаментальном труде — итоге четвертьвековых творческих усилий автора — резюмируется и развивается разработанная им теория долгосрочной мегатехнологической динамики, базируемой на закономерной смене длинных волн и замещении соответствующих технологических укладов. Читателю предлагается развернутое обоснование стратегии

опережающего народно-хозяйственного развития, дополнительные «окна возможностей» которого для России открываются новейшими глобальные финансово-экономическими потрясениями.

Необходимость разработки и реализации такой стратегии связывается автором, *во-первых*, с полным провалом, скандальным банкротством радикально-либералистской «шокотерапевтической» модели реформирования национальной экономики, примененной в постсоветской России в 1990-х годах. В первом разделе монографии, названном «Катастрофа вместо реформы», на основе мобилизации огромного эмпирического материала убедительно показано, что непосредственными результатами соответствующих революционных по сути преобразований стали: беспрецедентное для мирного времени разрушение производственного, научно-технического и человеческого потенциалов страны, утрата ею статуса великой державы; «структурная перестройка наоборот», приведшая к установлению устойчиво сырьевой ориентации отечественной экономики; поразившее мир вопиюще несправедливое перераспределение собственности, запредельная имущественно-доходная дифференциация общества; отчуждение народа от власти, чудовищная коррумпированность иерархии властно-управленческих структур; массовая криминализация экономической и других сфер общественной жизнедеятельности; исключительно негативные сдвиги в системе духовно-нравственных ценностей россиян. Разразившийся в августе 1998 года финансовый кризис, проявившийся, кроме прочего, в объявлении дефолта по гособязательствам, продемонстрировал абсолютную реформационную несостоятельность навязанной обществу идеологии неолиберализма, рыночного фундаментализма.

Во-вторых, эта необходимость диктуется не менее печальными (причем в конечном счете и предопределившими максимальную среди стран «двадцатки» «чувствительность» России к нынешнему глобальному финансово-экономическому кризису) итогами постдефолтного псевдовосстановительного роста, который был обусловлен продолжением разрушительного радикально-либералистского реформационного курса в условиях резко изменившейся (ставшей с конца 1990-х годов уникально благоприятной для страны) мирохозяйственной конъюнктуры. Согласно Глазьеву, специфический макродинамический феномен этого «восстановительного роста» явился даже не просто соотносимым с позорно низкой (дополнительно обвалившейся в результате дефолта) исходной базой «ростом без развития», опиравшимся лишь на внешние факторы, главным образом на беспрецедентно высокий уровень цен на нефть и другие экспортируемые Россией товары, включая газ, металлы и прочее энергоемкое сырье. Речь правильнее вести о «росте с антиразвитием», то есть о росте, сопровождавшемся дальнейшим разрушением научно-производственного и человеческого потенциалов страны, запредельным усилением ее региональной социально-экономической дифференциации, за-

креплением российской экономики на глобальной сырьевой периферии. Во втором разделе монографии, озаглавленном «Упущенные возможности», опять-таки на огромной фактической базе, с использованием многочисленных таблиц, графиков и диаграмм, доказано: возникшие в конце 1990-х годов исключительно благоприятные внутренние (прежде всего постдевальвационные) и внешнеэкономические возможности развертывания прогрессивной структурной народно-хозяйственной перестройки — обеспечения ускоренного развития обрабатывающей, в первую очередь высокотехнологичной, промышленности и индустрии народного потребления — были не просто бездарно упущены в 2000-е «тучные нефтедолларовые» годы. Они оказались реализованными «с точностью до наоборот» правящими рыночными фундаменталистами, которые вопреки своей державно-патриотической риторике занимались главным образом профицитной бюджетной политикой и созданием гигантских внебюджетных валютных «кубышек» (что на практике превратилось в льготное кредитование стратегических конкурентов России), с одной стороны, ужесточением социальной политики (монетизацией ранее натуральных социальных льгот, маркетизацией сфер здравоохранения, образования, науки и культуры), — с другой.

Наряду с необходимостью выхода на траекторию опережающего развития в книге акцентируются те новые и, похоже, образующие последний шанс на «российское экономическое чудо» соответствующие возможности, которые предоставляет нынешний глобальный финансово-экономический кризис, кстати сказать, давно, но безответно — в смысле отсутствия какой-либо реакции федеральных властей — предсказывавшийся автором монографии и рядом его единомышленников (об этом свидетельствует, в частности, опубликованный в № 7 «Российского экономического журнала» за 2001 год обзор материалов парламентских чтений на тему «Как обеспечить развитие российской экономики в условиях дестабилизации мировой финансовой системы?», проведенных возглавлявшимся С.Ю. Глазьевым думским Комитетом по экономической политике и предпринимательству). Обстоятельное выявление таких возможностей и, главное, системно-концептуальное обоснование стратегии их реализации, одновременно являющейся лучшей антикризисной стратегией, — содержание третьего раздела монографии, названного «Стратегия развития российской экономики в условиях глобального кризиса».

Речь идет, стоит повторить, о стратегии опережающего развития, развертывание которой способно превратить Россию в одного из мирохозяйственных лидеров. Шанс на успешное проведение такой стратегии Глазьев сопрягает с теми преимуществами в формировании нового — шестого — технологического уклада (основанного на способности человека конструировать на молекулярном уровне структуры неживой и живой материи), которые появились у нашей страны в условиях глобального кризиса. Суть

дела состоит в следующем: если в ведущих капиталистических державах становление ядра нового технологического уклада, охватывающего нано-, био- и информационно-коммуникационные технологии, сопровождается беспрецедентными финансовыми потрясениями, в первую очередь массовым обесценением основного капитала, являющегося фундаментом устаревающего (пятого) технологического уклада (базируемого прежде всего на микроэлектронике и традиционных информационных технологиях), то экономика России, где расширение пятого уклада происходило на импортной основе и носило догоняющий характер, оказалась не отягощенной избыточными мощностями прежнего уклада. Отсюда и возможность опередить развитые страны в освоении ключевых, «ядерных» производств нового уклада, успев тем самым «оседлать» разгоняющуюся новую длинную волну глобального экономического роста еще до структурной перестройки мировой экономики в целом.

Естественно, реализация такой возможности мыслима лишь на основе альтернативного рыночно-фундаменталистскому социально-экономического курса, предполагающего прежде всего развертывание государством активной промышленной и структурно-инвестиционной политики. Энергично и умело задействуя ее инструменты, надлежит, настаивает Глазьев, обеспечить концентрацию инвестиционных ресурсов на приоритетных («ядерных») отраслевых направлениях становления нового технологического уклада, включая прежде всего наноэлектронику, индустрию наноматериалов и микробиологические производства, а также сосредоточиться на обновлении «несущих» отраслей этого уклада. В составе последних остаются «ядерные» отрасли пятого уклада (микроэлектроника и электротехника, приборостроение, радиотехническая промышленность и индустрия средств связи, авиационный и ракетно-технический комплексы, атомная энергетика и др.), но благодаря использованию тех же нанотехнологий и наноматериалов сюда могут войти также, в частности, сельское хозяйство и здравоохранение, химико-металлургический комплекс, строительство, судо- и автомобилестроение.

При реализации стратегии опережающего развития необходимо, по мнению автора монографии, следовать специально разработанной «дорожной карте», в связи с чем Глазьевым формируются две принципиальные рекомендательные позиции — «маршрутная» и «временна́я». *Во-первых*, требуются не только сосредоточение ресурсов на перспективных направлениях становления нового технологического уклада (на его «ядерных» и «несущих» производствах), но и искусное использование «смешанной», дифференцированной стратегии продвижения по этим направлениям. На тех из них, где отечественный научно-производственный комплекс имеет конкурентные преимущества (прежде всего в производстве отдельных видов нанооборудования, наноматериалов и нанопокрытий, в атомной, ракетно-космической

и авиационной промышленности, равно как и в создании и использовании лазерных технологий), возможно и целесообразно применение стратегии лидерства, опережающего освоения соответствующих ниш глобального рынка. На направлениях, где налицо наше резкое отставание от мирового уровня, в том числе в наноэлектронике, создании нанобиотехнологий, в судо- и автомобилестроении, логично применять стратегию догоняющего развития. Наконец, там, где конкурентные преимущества сочетаются с относительно небольшим отставанием, в частности, в нанофотонике и электротехнической индустрии, следует практиковать стратегию опережающей коммерциализации НИОКР. Последние, впрочем, при осуществлении любой стратегии должны пользоваться акцентированной господдержкой, обеспечивающей радикальный рост их интенсивности и результативности.

Во-вторых, с учетом нарастающего общего технологического отставания российской экономики и угрожающей деградации национального интеллектуального потенциала время реального выбора инновационного пути народно-хозяйственного развития ограничено ближайшими тремя–четырьмя годами. В процессе утверждения нового технологического уклада стремительно возрастает капиталоемкость его производств, а значит, если «оседлать» новую длинную волну технико-экономического роста относительно легко именно в ходе ее «разгона» — при опоре на наличные научные заделы в соответствующих технологиях, то после вступления данного уклада в фазу зрелости для этого потребуются колоссальные инвестиции. И коль скоро возможности структурной перестройки российской экономики на основе шестого технологического уклада будут упущены, ее дальнейшая эволюция пойдет по традиционному для всего постсоветского периода инерционному сценарию, загоняющему страну на сырьевую мирохозяйственную периферию.

Иными словами, в условиях спровоцированных либералистскими реформами «закритической» изношенности основных фондов, катастрофического старения квалифицированных кадров, обвала высокотехнологичных производств, равно как и все большей ориентации предприятий на импортную технологическую базу, меры по переводу народного хозяйства на подлинно инновационный (то есть сопряженный с утверждением шестого технологического уклада) путь развития надлежит принимать незамедлительно. Причем, чтобы вывести отечественную экономику на траекторию быстрого, устойчивого и высококачественного роста, ежегодный прирост инвестиций, согласно расчетам Глазьева, должен составлять в грядущую трехлетку не менее 25%, а инвестиций в развертывание производств нового уклада — не менее 35%. В противном случае России не «оседлать» очередную длинную волну технико-экономической динамики, не вернуть способность к инновационному развитию, обязательную для нашего возвращения в группу великих мировых держав.

Воспроизведение в государственной политике ближайших нескольких лет алгоритмов, практиковавшихся в «тучные нефтедолларовые» годы, сохранит, разумеется, доминирующее положение «олигархического» капитала и сверхдоходы властвующих «элит». Но платой за это станет утрата последнего шанса на «российское экономическое чудо». Таков строго научный, но, очевидно, исполненный высокого гражданского пафоса и искренней тревоги за судьбу России конечный вывод нового фундаментального труда Глазьева.

— • —

Давно появившаяся в средствах массовой информации формула «феномен Глазьева» в содержательном плане обсуждается политологами и комментируется даже писателями, например, Святославом Рыбасом. И такой феномен действительно есть. Талантливый, упорно работающий и продуктивный ученый, но одновременно активный и исключительно перспективный политик. Последовательный сторонник рыночной экономики, но яростный противник тотально-либералистских подходов в социально-экономическом реформировании, ревнитель российской государственности и традиционных духовных ценностей страны. А проще говоря, Сергей Юрьевич Глазьев служит России, прилагая свои незаурядные знания и разносторонние дарования к тому, чтобы вернуть стране величие, а народу — достойную жизнь. Его новая книга — именно о том, как этого добиться, она — и «колокол громкого боя», и позитивное руководство к действию. Пожелаем ей счастливой судьбы, а автору — новых успехов в многотрудных деяниях на благо Отечества.

Ю. Якутин,
доктор экономических наук,
заслуженный деятель науки РФ,
научный редактор «Русской классической библиотеки.
Экономика и духовность»
Издательского дома «Экономическая газета».

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трансформация российской экономики и общества, происходившая в начале 1990-х годов в связи с переходом от директивно управляемой к рыночной экономике, по глубине преобразований может рассматриваться как революция не менее масштабная, чем социалистическая революция 1917 года. Их сходство прослеживается не только в масштабах демографических потерь и социально-экономических потрясений, но и в ведущей роли идеологических доктрин, направлявших действия революционеров. Хотя по смыслу эти доктрины были противоположны, их объединяет утопичность составляющих их догм, последствия практической реализации которых оказались весьма далекими от ожидавшихся. Сходство прослеживается также в наукообразном характере революционной догматики. И коммунисты в 1917-м, и их идейные антиподы — либералы в 1991 году — пропагандировали свои идеологические доктрины как единственно верные и научно обоснованные. При этом и те, и другие безгранично верили в свою правоту, отвергали какие-либо сомнения и критику оппонентов, фанатично реализуя свои замыслы и прибегая к отнюдь не научным аргументам в подавлении инакомыслия.

Общим признаком коммунистической и либеральной утопий является явно выраженная экономическая доминанта, лежащая в их основе. И коммунистические революционеры в 1917 году, и либеральные реформаторы в 1991 году обещали народу резкое повышение материального благосостояния в результате реализации своих весьма умозрительных проектов тотального переустройства экономических отношений. И на народ же затем списывали причины провала этих проектов. Большевики репрессировали миллионы «классовых врагов», а либералы обрекли на нищету и вымирание большинство населения, «не вписавшегося в рынок». Однако с завершением борьбы и установлением нового строя доктринальная категоричность революционной идеологии становится ее слабым местом. Снижение уровня жизни большинства населения, разрушение значительной части производительных сил, падение показателей эффективности экономики делают очевидным ее утопичный характер. Революционеры вынуждены менять идейных вождей и существенно корректировать идеологическую доктрину. Вместо коммунистической утопии, в борьбе за осуществление которой были уничтожены целые классы российского общества, в 1930-е годы вырастает административная система планово-директивного управления социалистическим хозяйством. Вместо либеральной утопии, в жертву которой были принесены целые отрасли российской экономики и кото-

рую не удалось реализовать ни за 500 дней, ни за 10 лет, на наших глазах вырос государственно-олигархический неоколониализм.

Осмыслению опыта совершенной в России либеральной революции и поиску путей выхода из вызванного ею системного кризиса на траекторию быстрого и устойчивого экономического роста посвящена настоящая книга, основанная на многолетних исследованиях автора. Обосновываемые в ней выводы относятся как к развитию экономической теории, так и к методологии экономической политики. Наряду с представлением новых научных результатов она обобщает ранее полученные и опубликованные в монографиях:

- «Экономическая теория технического развития» (1990 г.);
- «Теория долгосрочного технико-экономического развития» (1993 г.);
- «Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования», в соавторстве с Д.С. Львовым и Г.Г. Фетисовым (1992 г.);
- «Геноцид» (1998 г.);
- «Белая книга реформ», в соавторстве с С.Г. Кара-Мурзой и С.А. Батчиковым (2003 г.);
- «Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике», в соавторстве с группой ученых МИФИ во главе с В.В. Харитоновым (2009 г.);
- «Стратегия опережающего развития в условиях глобального кризиса» (2010 г.).

В настоящей монографии использованы также результаты научно-исследовательских работ, выполнявшихся в последние годы автором, в том числе при поддержке Минобрнауки России, в рамках следующих проектов:

- «Возможности повышения инновационной активности российского бизнеса в период глобальных технологических сдвигов и кризисов» в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2010 г.);
- «Механизмы экономической интеграции в условиях формирования нового технологического уклада» — в рамках ведущей научной школы «Теория эффективности социально-экономического развития в динамике взаимодействия технологических укладов и общественных институтов» (2010–2011 гг.);
- «Разработка стратегии экономического развития России в условиях глобальных технологических сдвигов» — в рамках ведущей научной школы «Теория эффективности социально-экономического развития в динамике взаимодействия технологических укладов и общественных институтов» (2008–2009 гг.);
- «Россия в условиях мирового кризиса» — в рамках аналитической ведомственной программы «Поддержка приоритетных фундаментальных гуманитарных исследований» (2009 г.);

• «Измерение технологических сдвигов в экономике в связи с распространением нанотехнологий» — в рамках ФЦП «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007–2012 годы» (2008 г.).

Автор выражает признательность В.Е. Дементьеву, В.В. Харитонову, П.Ф. Андруковичу, Ю.А. Петрову, Г.Г Фетисову, Г.Б. Клейнеру и С.А. Толкачеву за участие в этих исследованиях, а также С.А. Батчикову, С.Г. Кара-Мурзе, Д.А. Митяеву, М.В. Ершову и С.М. Рогову, в обсуждениях с которыми родились многие идеи, реализованные в настоящей книге. Не могу не вспомнить о неоценимой поддержке моей исследовательской работы безвременно покинувшим нас академиком Д.С. Львовым, в многолетнем сотрудничестве с которым были получены многие научные результаты, отраженные в монографии. Автор благодарит С.П. Ткачука, А.Ю. Мелентьева, А.А. Лосева, И.Ю. Сухарева и Р.Р. Мартинес за помощь в подготовке рукописи книги к изданию. Особая благодарность — Ю.В. Якутину, взявшему на себя бремя организации издания и написавшему вступительную статью к нему, а также возглавляемому В.Н. Фридляновым Российскому гуманитарному научному фонду за поддержку этого издательского проекта.

ВВЕДЕНИЕ

Эволюция российской и других постсоциалистических экономик после 1991 года опровергла все расхожие представления доминирующей в экономической теории неоклассической парадигмы, основанной на догмах рыночного фундаментализма. Исторический эксперимент перехода от директивно управляемой к рыночной экономике не подтвердил ни одного из считавшихся очевидными преимуществ последней над первой: ни частной формы собственности над государственной, ни стихийного ценообразования над административным, ни свободного движения капитала над планированием развития и размещения производства. Напротив, хаос освобожденного от государственного регулирования рынка разрушил многие эффективно работавшие хозяйственно-технологические организации, производившие сложные виды продукции, повлек резкую примитивизацию хозяйственной деятельности, выродившейся в простые и короткие технологические цепочки по производству и экспорту сырья, с одной стороны, и импорту готовой продукции, — с другой. По уровню технического развития, способности производить товары с высокой добавленной стоимостью, сложности организации хозяйства и эффективности российская экономика оказалась отброшенной на десятилетия назад.

Аналогичные процессы были характерны для большинства постсоциалистических стран, вставших на путь радикального разрушения системы централизованного планирования экономики в расчете на ее быструю рыночную самоорганизацию. При этом чем радикальнее был переход, тем глубже оказалась величина трансформационного спада. И наоборот, страны, выбравшие путь постепенного формирования рыночных отношений без радикального разрушения сложившейся системы централизованного планирования, весьма преуспели — Китай и Вьетнам демонстрируют рекордные темпы экономического роста без какого-либо трансформационного спада. Правда, проводимая в этих странах политика была и остается весьма далекой от стандартных рецептов неоклассической парадигмы и догм рыночного фундаментализма, которым по рекомендациям Международного валютного фонда упорно следовали российские радикал-реформаторы.

Из печального опыта постсоциалистической трансформации нельзя сделать и обратного вывода о преимуществе административно-планового хозяйства над рыночным. Сложившиеся в переходных экономиках механизмы весьма далеки от классических представлений о рыночной экономике. На развалинах народного хозяйства возникли патогенные формы экономической активности, ориентированные не на производство общественно полезных благ, а на присвоение и расхищение накопленного национального богатства. Этот опыт говорит лишь об одном: формирование реальных экономических отношений существенно отличается от абстрактных

положений неоклассической экономической теории. Аксиомы рыночного фундаментализма не действуют в отсутствие институтов их реализации. Поэтому практические результаты воплощения взятых из учебников теоретических моделей не соответствуют ожиданиям реформаторов.

Россия пошла по революционному пути низвержения основ старого порядка, в очередной раз опровергнув устоявшиеся догмы глобального общественного сознания. Выяснилось, что сами по себе частная собственность, рыночное ценообразование, свободное обращение товаров, капитала и рабочей силы вовсе не гарантируют эффективного распределения и использования ресурсов. При неадекватных теоретическим постулатам мотивах поведения хозяйствующих субъектов, а также в отсутствие соответствующих институтов результаты реформ могут оказаться сколь угодно далекими от планировавшихся.

Массовая приватизация государственных предприятий привела не к повышению их эффективности, как полагали теоретики рыночных реформ, а к резкому ее снижению, вплоть до банкротства и разорения большинства из них. Даже самые благополучные предприятия нефтяной промышленности после приватизации втрое снизили производительность труда, многократно сократили расходы на разведку и освоение новых месторождений. А большинство предприятий инвестиционного машиностроения вовсе прекратили выпуск продукции и само свое существование. И дело не в том, что они имели низкий технический уровень — демонтированные с них станки и оборудование проданы и успешно работают в других, менее развитых странах, принося прибыль. Просто получившие даром государственное имущество новые собственники, за редким исключением, предпочли быструю наживу тяжелой работе по развитию доставшихся им предприятий. Банальная человеческая жадность, страх перед ответственностью и некомпетентность приватизаторов, случайно ставших владельцами крупных предприятий, опровергли казавшиеся очевидными постулаты неоклассической экономической теории.

Либерализация цен и отказ от их государственного регулирования повлекли длительную галопирующую инфляцию, образование устойчивых ценовых диспропорций, погрузивших в зону хронической убыточности сельское и жилищно-коммунальное хозяйство, большую часть обрабатывающей промышленности, а также резкое падение реальных доходов населения. Вопреки постулатам классической теории о «невидимой руке» рынка, якобы автоматически обеспечивающей достижение равновесного состояния экономики с оптимальным использованием ограниченных ресурсов, освобожденное от государственного регулирования ценообразование не привело к рациональному распределению ресурсов. Наоборот, они быстро перетекли в направлении, противоположном оптимальному с точки зрения критериев общественного благосостояния и экономического роста. Значительная часть добавленной стоимости, создаваемой в обрабатываю-

щей промышленности, сельском хозяйстве, строительстве в течение всего периода реформ перераспределялась в пользу торговли, энергетических монополий, паразитического потребления и вывоза капитала за рубеж. Не добросовестные предприниматели, осваивающие новые технологии, а организованные преступные группы под прикрытием коррумпированной бюрократии стали главными получателями национального дохода, диктуя условия экономического обмена и определяя пропорции распределительных отношений.

Отказ государства от политики доходов и защиты прав трудящихся привел не к оптимизации распределения трудовых ресурсов с выгодой как для предприятий, так и для наемных работников, а к повальной дискриминации последних. По уровню заработной платы на единицу производимой продукции Россия опустилась на одно из последних мест в мире, демонстрируя, казалось бы, навсегда забытые картины чудовищной эксплуатации рабочего класса образца XIX века. Миллионы высокообразованных работников и специалистов оказались ненужными, лишились работы и вынуждены были заняться примитивными видами деятельности, не соответствующими их квалификации. Многократное занижение оплаты труда по сравнению с его реальной ценностью и потребностями в воспроизводстве рабочей силы, массовое сокращение рабочих мест в сложных производствах и видах деятельности быстро повлекли деградацию трудовых ресурсов и обесценение человеческого капитала страны. При этом сотни тысяч высококвалифицированных специалистов покинули Россию и успешно трудятся за рубежом, повышая конкурентоспособность иностранных компаний.

Либерализация валютного регулирования привела не столько к привлечению массированных иностранных инвестиций, как предполагали теоретики радикальной реформы, сколько к вывозу сотен миллиардов долларов капитала из России, которая при остром недостатке внутренних капиталовложений стала крупнейшим донором мировой экономики. При этом контроль над наиболее прибыльными приватизированными отраслями российской экономики в значительной части перешел за рубеж. Российские нувориши стремились как можно быстрее переместить права собственности на захваченные ими предприятия в офшорные зоны для ухода от налогов и контроля государства.

Наконец, отказ федерального центра от выполнения большей части социальных обязательств государства, сбрасывание их в регионы и коммерциализация социальной сферы закрепили невиданное ранее социальное неравенство между властвующей олигархией и народом, между занятыми во внешне и внутренне ориентированных отраслях, между жителями столицы и провинции. Расчет на то, что лишенные поддержки государства люди станут изо всех сил работать и зарабатывать, обеспечивая тем самым рост экономики, не оправдался. Результатом систематического занижения оплаты труда, безработицы и демонтажа системы социальной защиты стало за-

крепление бедности большинства населения и чудовищного социального неравенства, повлекших массовый алкоголизм, наркоманию, преступность.

Уже в течение двух десятилетий страна пребывает в состоянии экономического, социального и духовного распада. За два десятилетия реформ в российской экономике не создано эффективно работающих механизмов рыночной самоорганизации, так же как и государственного регулирования. Одновременно происходящий провал и рынка, и государства объясняется грубыми ошибками в проведении реформ, с одной стороны, и криминализацией властвующей элиты — с другой. Сбросившая с себя бремя ответственности перед обществом власть погрязла в коррупции и стяжательстве. Бюрократическая верхушка слилась с олигархией, образовав правящую касту, которая контролирует основные источники доходов, остающиеся еще в российской экономике. Концентрируя власть, деньги и собственность, эта правящая каста отгородилась от народа авторитарной политической системой, исключающей реальные механизмы общественного контроля над властью.

Удручающие результаты постигшей Россию трансформации стали следствием последовательности событий, сочетающих грубые ошибки реформаторов и преступления властей. Рубежом перехода от попыток реформирования экономики к ее необратимой деградации стал государственный переворот 1993 года, сопровождавшийся расстрелом демократически избранного высшего органа власти. Он разорвал обратную связь между обществом и властью, втолкнув последнюю в порочный круг коррупции и невежества. Из системы государственной власти был изъят стержневой механизм ответственности перед обществом. Высший орган государственной власти, сформированный непосредственно гражданами на прямых выборах народных депутатов, был расстрелян, так как требовал привлечения к ответственности лиц, уличенных в коррупции и крупномасштабных злоупотреблениях, виновных в принятии явно вредных для страны решений, имевших катастрофические последствия для миллионов российских людей. В ответ на критику эти лица узурпировали власть силой, подчинили себе правоохранительную систему и занялись разграблением государственного имущества.

За годы либеральных реформ безответственность всех ветвей власти приобрела системный характер. Государственные чиновники фактически не отвечают за исполнение закона и своих обязанностей. Бизнесмены систематически недоплачивают зарплату, налоги, дивиденды. Менеджеры не несут ответственности за эффективность работы вверенных им в управление предприятий. Журналисты охотно пишут заказные статьи. Судьи подчиняются административному давлению или решают дела в пользу тех, кто больше заплатит. Стала обыденной связь правоохранительных органов с организованной преступностью. В сложившейся в России системе управления от назначаемых, как правило, на основе личных связей руководите-

лей требуется только сохранять лояльность по отношению к своим боссам и выполнять любые распоряжения начальства. Возник порочный круг безответственности, в котором угасает политическая воля руководства страны, декларирующего задачи построения современной инновационной социально ориентированной экономики.

За два десятилетия властвующая олигархия вывезла из страны около триллиона долларов, а по числу миллиардеров выходцы из России уверенно заняли второе место после США. Эти миллиарды, как правило, не были заработаны производством новых общественно полезных благ, их основной источник — перераспределение национального богатства и дохода путем присвоения природной ренты от эксплуатации природных ресурсов, разграбления приватизированных госпредприятий, занижения зарплаты наемным работникам, завышения цен посредством злоупотребления монопольным положением на рынке. Оборотной стороной этого несправедливого перераспределения национальных богатств и дохода стало обнищание подавляющего большинства граждан России. Успех аферистов и мошенников на фоне разорения страны и обеднения большинства населения создал в общественном мнении устойчивое ощущение несправедливости и незаконности проводившихся преобразований и, следовательно, нелегитимности их результатов. Это вызывает постоянное ожидание восстановления справедливости, включающее пересмотр итогов приватизации, что создает ощущение неопределенности будущего, угнетающее инвестиционную активность и сдерживающее развитие экономики.

Бесконтрольность порождает безответственность, безответственность — коррумпированность, коррумпированность — некомпетентность. Эти свойства системы управления государством лишают ее возможностей к реализации сколько-нибудь сложной программы действий в общенациональных интересах. Достижение заявляемых целей ограничено в основном сферой экспорта газа и привлечения иностранных инвесторов, часто в ущерб отечественным товаропроизводителям. Попытки государственного руководства направить страну на инновационный путь развития наталкиваются на недееспособность им же сформированного бюрократического аппарата. Коррупция и некомпетентность назначаемых по принципу личной преданности руководителей исключают успешную реализацию программ развития высокотехнологических отраслей экономики, несмотря на имеющийся научно-технический потенциал и выделяемые средства.

В этой книге анализируются причины деградации российского научно-производственного и интеллектуального потенциала под разговоры о возвращении на магистральный путь развития человечества. Среди них — невежество высокопоставленных чиновников, ошибки реформаторов, злой умысел олигархов, давление из-за рубежа, деморализация общества. Сегодня мало кто вспоминает радужные обещания Ельцина и его радикальных реформаторов перейти к развитой рыночной экономике за 500 дней.

По завершении этого перехода уровень жизни граждан снизился вдвое, они лишились своих сбережений и прав на некогда общенародную собственность. Вместо рыночного изобилия и всеобщего благосостояния граждане России неожиданно для себя оказались в джунглях криминальной экономики, контроль за которой перешел от государства к организованной преступности. И жаловаться было некому — всенародно избранный Верховный Совет был расстрелян, демократия закончилась установлением преступной олигархической диктатуры.

России, по-видимому, суждено служить экспериментальной площадкой по осуществлению разного рода утопических проектов в назидание всему человечеству. Последствия реализации доктрины рыночного фундаментализма оказались столь же далеки от ожидавшихся и столь же катастрофичны, как и опыт осуществления доктрины коммунистического фундаментализма почти столетие назад. Но в отличие от большевиков, которым хватило ума, столкнувшись с отторжением своей политики со стороны подавляющего большинства населения, перейти к более реалистичной новой экономической политике, а также отказаться от идеи мировой революции и заняться развитием народного хозяйства, рыночные фундаменталисты решили идти до конца в навязывании обществу своей веры, невзирая на колоссальные материальные и человеческие потери. И хотя эта вера, которая по своей сути является не более чем культом золотого тельца (обожествлением денег), отвергается всей русской культурой, либеральные реформаторы готовы уничтожить последнюю вместе с ее носителями ради торжества своей доктрины, реальным воплощением которой стала колонизация России в интересах международного капитала.

Прагматичные китайцы, начавшие переход к рынку одновременно с нами и добившиеся на этом пути грандиозных успехов, пытались понять причины самоубийства СССР и проводившейся в России политики саморазрушения. Отставая в начале реформ от России по объему ВВП вдвое, Китай через два десятилетия превзошел нас в четыре раза. При этом переход к рыночной экономике Китай начал с куда более низким интеллектуальным и научно-техническим потенциалом. В конечном счете китайские эксперты сочли, что причиной постигшей нашу страну катастрофы стал недостаток рациональности в русском характере, склонном к революционным решениям. Но едва ли мы можем удовлетвориться таким объяснением, так же как и сведением нашей исторической миссии к демонстрации катастрофических ошибок в назидание человечеству. Чтобы понять, как вырваться из порочного круга деградации власти, экономики и общества, надо извлечь уроки из сделанных ошибок, раскрыть совершенные против народа России преступления, отбросить ложные догмы и перейти, наконец, к научно обоснованной политике развития страны.

Эффективность любой экономической системы во многом определяется качеством государственного регулирования. Реальная рыночная экономика существует не в безвоздушном пространстве абстрактных моде-

лей из учебников по макроэкономике, а в сложной системе общественных отношений, отчасти регулируемых государством, а также формальных и неформальных институтов, определяющих стереотипы поведения хозяйствующих субъектов. Эта система основывается на правовых нормах организации хозяйственной деятельности граждан и механизмах контроля за их исполнением, от работы которых зависит эффективность рыночной экономики. Спектр ее возможных состояний очень широк: от высокоразвитых стран Европы и Северной Америки до безнадежно больных, не способных к самостоятельному развитию стран Центральной Африки. Политический выбор, определивший трансформацию социалистических стран в рыночные демократии, исходил из весьма поверхностного, если не сказать сказочного, образа высокоразвитых стран при игнорировании исторического опыта, объективных условий и имеющихся возможностей.

Революционное низвержение социализма и последующее реформирование российской экономики в очередной раз подтвердило известную со времен французской революции сентенцию о том, что революции задумывают романтики, совершают фанатики, а плодами их пользуются мерзавцы [54][1]. Совершенная в России либерально-демократическая революция быстро перешла в криминальную и вместо высокоразвитой рыночной экономики Россия оказалась в роли колонии, эксплуатируемой компрадорской олигархией.

В отличие от абстрактных моделей рыночного равновесия, представляющих хозяйствующих субъектов в форме абстрактных homo economicus, лишенных души и тела, абсолютно рациональных и законопослушных, в реальной экономике действуют живые люди со всеми присущими им недостатками. Мотивы и ограничения их поведения определяются нравственными ценностями и правовыми нормами, которые могут существенно отличаться от модельного суррогата. Стереотипы предпринимательского поведения складываются в результате сложного взаимодействия культуры хозяйствования, объективных условий извлечения прибыли и правовых ограничений. При этом в качестве успешных моделей предпринимательского поведения могут возникать стереотипы поведения, не имеющие ничего общего с теоретическими представлениями об эффективной экономике. К примеру, в криминальной среде оптимальным является поведение, ориентированное не на производство общественно полезных благ, а на присвоение чужого имущества. Если предпринимательское сообщество начинает жить по законам преступного мира, то едва ли можно ожидать рационального использования ресурсов и успешного экономического роста. К сожалению, именно в подобную ловушку попала российская экономика, кратчайший путь к богатству в ходе реформирования которой лежал через присвоение государственного имущества и коррумпирование государственной власти.

[1] Перечень основной части источников — в конце настоящего издания. Нумерация рисунков и таблиц — поглавная.

Все годы реформ российское правительство послушно выполняло рекомендации Международного валютного фонда, упакованные в наукообразные доклады и меморандумы с претензией на истину в последней инстанции. Однако вместо обещанной реформаторами идиллии свободного предпринимательства и общества всеобщего благосостояния мы получили криминально-монополистическую экономику и войну всех против всех. Возникает вопрос: то ли теория неверна, то ли реформаторы плохо ее учили, то ли бес попутал? Или, может быть, получили именно то, что хотели? Ведь немало глашатаев доктрины рыночного фундаментализма, ввергнувших Россию в хаос радикальных реформ, стали вполне преуспевающими практиками ловли рыбы в мутной воде, сколотив огромные состояния…

Следует разобраться в причинах такого выбора и в его ошибках. Если организм поражен раком, а врач ставит диагноз: диабет, при этом лечит от сотрясения мозга методом кровопускания, то виновата ли в летальном исходе пациента медицинская наука? Кто виноват в том, что к лечению богатого больного допустили преступников, заинтересованных в присвоении его наследства?

К чести российской академической науки следует заметить, что все годы реформ она стоически оппонировала рыночным фундаменталистам, находилась в интеллектуальной оппозиции к экономической политике правительства и последовательно обосновывала альтернативные меры по реформированию российской экономики и обеспечению ее быстрого и устойчивого роста исходя из закономерностей современного социально-экономического развития. Следовало бы сказать о сотнях ученых, многие годы тщетно предупреждавших власти о надвигающемся глобальном кризисе, о порочности проводившейся экономической политики, о необходимости сохранения и активизации научно-производственного потенциала и модернизации экономики на основе передовых технологий. Среди них — уже ушедшие в мир иной академики Д.С. Львов, Н.Н. Моисеев, Ю.В. Яременко, А.Г. Гранберг, работы которых по вопросам экономического развития признаны мировым научным сообществом, но остались не востребованными российскими властями.

Российская экономическая наука достаточно хорошо исследовала совершенные властью стратегические ошибки в экономической политике, своевременно предлагая меры по устранению их разрушительных последствий. В первое десятилетие радикальной реформы ежегодно отделение экономики Российской академии наук направляло в Правительство России специальные доклады о состоянии российской экономики и прогнозах ее развития, содержавшие объективную критику проводившейся экономической политики и рекомендации по ее изменению в целях преодоления системного кризиса и выхода на траекторию экономического роста. Написаны сотни книг и тысячи статей с критическим анализом и научно обоснованными предложениями. Однако олигархическая власть предпо-

читала не замечать предостережений и рекомендаций российских ученых, шарахаясь от большой науки как черт от ладана.

Неизменная приверженность российского руководства неолиберальной доктрине рыночного фундаментализма предопределяла содержание проводившейся экономической политики все постсоветские годы, за исключением непродолжительного периода после финансового краха и банкротства государства в августе 1998 года. Но, как только экономика вошла в режим устойчивого роста и восстановились предкризисные объемы производства, последовала отмена ограничений на валютные спекуляции, прекратился валютный контроль, началась еще более масштабная, чем прежде, кампания по дерегулированию экономики, отказу государства от выполнения своих социальных обязательств и ответственности за экономическое развитие. Вернувшись к доктрине рыночного фундаментализма, правительство не смогло распорядиться сверхприбылями, поступившими в страну в результате бурного роста цен на экспортируемые из России сырье и энергоносители, направив большую часть нефтедолларов на кредитование финансовой пирамиды долговых обязательств США по совету Вашингтона. Тем самым был упущен уникальный шанс модернизации российской экономики на передовой технологической основе и не реализованы возможности опережающего развития за счет стимулирования роста нового технологического уклада. Если бы сотни миллиардов долларов, беспечно вложенных в американские финансовые пирамиды, были бы направлены на стимулирование инновационной и инвестиционной активности в прорывных направлениях экономического роста, Россия не оказалась бы столь уязвимой по отношению к глобальному финансовому кризису. Наоборот, она бы выиграла от него, используя депрессивное состояние развитых стран для привлечения капиталов и технологий в развитие собственных передовых производств и захватывая новые рынки, как это делает Китай или Индия.

Увы, Россия более других стран пострадала от глобального кризиса, хотя могла бы избежать его разрушительных последствий, если бы правительственные экономисты были знакомы с отечественной научной школой долгосрочного технико-экономического развития. Опираясь на теорию длинных волн Н.Д. Кондратьева, она в течение последнего тридцатилетия успешно развивалась рядом российских и зарубежных ученых, дала заблаговременный прогноз наступления глобального финансового кризиса. При этом она не ограничилась постановкой правильного диагноза, предложив и способ лечения, обосновав рекомендации по опережающему развитию экономики, которые сегодня успешно реализуются как на Западе, так и на Востоке, только не у нас.

Задолго до нынешнего мирового экономического кризиса в работах Л. Ларуша и Д. Тененбаума в США, Ш. Перес и А. Грублера в Латинской Америке и Европе, Д. Митяева, М. Хазина, М. Ершова, А. Кобякова и ав-

тора этого труда в России давались прогнозы коллапса долларовой финансовой пирамиды и глобальных финансовых пузырей всевозможных суррогатов ценных бумаг. Специалисты в области долгосрочного технико-экономического развития заблаговременно предупреждали о надвигающемся структурном кризисе мировой экономики и необходимости резкого наращивания инновационной активности для своевременного создания новых возможностей экономического роста. Международной сетью ученых, занимающихся вопросами экономического развития, GLOBELICS (The Global Network for Economics of Learning, Innovation, and Competence Building Systems) проводились международные конференции, в том числе и в России, с целью привлечения внимания управленческой элиты и экспертного сообщества к необходимости проведения активной политики научно-технического развития. В том числе для смягчения и быстрого преодоления последствий объективно обусловленного закономерностями долгосрочных технологических сдвигов глобального кризиса.

К сожалению, эти предостережения не были услышаны правящими кругами развитых стран, включая Россию. В деловых кругах доминировало благодушное ожидание продолжения финансового бума, поддерживаемого новыми, все более сложными и виртуальными финансовыми инструментами. Федеральная резервная система США (ФРС), выполняющая функции глобального эмиссионного центра, подпитывала эти ожидания накачкой дешевых кредитов, которые растекались по всему миру, способствуя раздуванию финансовых пузырей краткосрочных спекуляций ценными бумагами и их многочисленными производными. За исключением Китая и Индии, которые предусмотрительно развили институты стратегического планирования и сохранили валютный контроль, руководители ведущих стран мира легкомысленно доверились адептам неолиберальной идеологии, полагаясь на «невидимую руку» рынка, примитивные рекомендации Международного валютного фонда и безответственные рейтинговые агентства.

Коллапс мировых финансовых пирамид застал врасплох политических и экономических лидеров большинства стран мира. Накануне кризиса в политической и деловой элите России господствовали наивные представления о чрезвычайной прочности российской финансовой системы и ее привлекательности для международного капитала. Построенная по лекалам МВФ, она действительно была привлекательной — но не для долгосрочных инвестиций, а спекулятивных атак с целью получения сверхприбылей на дестабилизации национальной валютно-финансовой системы.

На доморощенных финансовых пирамидах 1990-х годов, апофеозом которых стало сооружение пирамиды государственных краткосрочных обязательств, приведшее к банкротству государства в августе 1998 года, международные финансовые спекулянты получали астрономические прибыли. Вывезя из России сотни миллиардов долларов и обрушив финансо-

вую систему страны, они затем снова вернулись, скупая тридцатикратно подешевевшие активы. Очередная накачка ими российского рынка ценных бумаг, подогреваемая ростом цен на нефть, была ошибочно воспринята российскими властями как экономический бум. Предметом особой гордости правительственных экономистов стал бурный рост капитализации фондового рынка, который на поверку оказался финансовым пузырем. Он лопнул сразу же после падения цен на нефть и оттока иностранного спекулятивного капитала, в очередной раз повергнув российскую финансовую систему в глубокий кризис.

К сожалению, уроки дефолта 1998 года не пошли впрок российским денежным властям. Вскоре после макроэкономической стабилизации, достигнутой за счет четырехкратной девальвации рубля, чудовищного обесценения национального имущества и доходов граждан, они демонтировали валютный контроль, открыв шлюзы для вывоза капитала из страны. Одновременно, следуя рекомендациям вашингтонских финансовых институтов, они подсадили финансовую систему страны на иностранные источники, жестко привязав эмиссию национальной валюты к приросту валютных резервов. Вследствие этого экономика России оказалась чрезвычайно уязвимой от колебаний мирового финансового рынка.

Падение фондового рынка, производства и инвестиций в России оказалось самым глубоким среди ведущих стран мира. За первое полугодие 2009 года по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года ВВП сократился на 10,4%, объем производства обрабатывающей промышленности — на 21,3%, в том числе машиностроения — на 39%. Несмотря на то что объем средств, израсходованных российским государством на антикризисные меры, относительно ВВП достиг 25% ВВП (а с учетом расходов валютных резервов на поддержку курса рубля — 40%) и оказался самым большим в мире, инвестиции снизились в 2009 году на 16,2%, разорились сотни тысяч поверивших государству и взявших ипотечные и потребительские кредиты граждан, восстановление экономики идет медленнее, чем в других странах [1]. Девальвация рубля на 40% привела к утрате доверия к российской валюте и спровоцировала очередную волну бегства капитала, масштаб которого вернулся на уровень 50 млрд долларов в год.

Вследствие отсутствия валютного и финансового контроля, а также слабости государственного регулирования финансового рынка основная часть выделенных государством «антикризисных» средств была использована банками для валютных спекуляций против рубля с целью извлечения сверхприбылей на его девальвации. В первые месяцы кризиса Банк России потерял около 200 млрд долларов валютных резервов. Оборотной стороной падения курса рубля и сокращения валютных резервов стало обогащение на полтриллиона рублей небольшой группы влиятельных банкиров, получивших от государства беззалоговые и низкопроцентные кредиты и направивших их на спекулятивную атаку против национальной валюты. При этом банки не

торопились доводить полученные от государства кредитные ресурсы реальному сектору, извлекая сверхприбыли на падении курса рубля и завышении процентных ставок. А некоторые из них прибегли к банальному рейдерству, захватывая наиболее лакомые активы у должников, или воровству, выводя полученные от Банка России кредиты за рубеж.

Следует заметить, что и в других странах «восьмерки» происходят аналогичные процессы перераспределения собственности в пользу финансовой олигархии. Но если в США станок по печатанию денег (ФРС) принадлежит частным банкам, в интересах наиболее близких из которых организуются махинации с предоставлением льготных кредитов, то в России с характерной для нынешней политической системы «вертикалью власти» присвоение эмитируемых Банком России кредитных ресурсов частными лицами выглядит по меньшей мере нелогичным. Достаточно было зафиксировать валютную позицию коммерческих банков и предоставлять им эмитировавшиеся кредитные ресурсы только под залог обязательств производственных предприятий или институтов развития, чтобы эти средства пошли на финансирование модернизации и подъем производства реального сектора экономики в соответствии с целями антикризисной политики.

Нежелание вводить элементарные механизмы контроля над использованием триллионов эмитированных на цели преодоления кризиса кредитных ресурсов — далеко не единственная стратегическая «ошибка» правительственных экономистов. Если бы в период шальных цен на нефть они прислушались к рекомендациям ученых и направили бы нефтедоллары не на финансирование американских финансовых пузырей, а на поддержку инновационной и инвестиционной активности, науку и образование, то российская экономика была бы готова к быстрому переходу на новую длинную волну экономического роста, своевременно развив имеющиеся заделы в становлении нового технологического уклада. Ведь профицит федерального бюджета образовывался не от избытка доходов, а от недофинансирования расходов на развитие — по сравнению с другими странами расходы российского государства по отношению к ВВП на образование были вдвое, а на науку — втрое меньше. Полное использование нефтедолларов на эти цели лишь приблизило бы структуру российского бюджета к среднемировым пропорциям.

Сегодня, после краха неолиберальной доктрины, все те же разработчики либеральных реформ и приближенные к власти рыночные фундаменталисты, не верящие в способность России к самостоятельному развитию и слепо повторяющие рекомендации из Вашингтона, навязывают нам политику догоняющей модернизации. Они не понимают, что глобальное экономическое развитие происходит неравномерно. В кризисные периоды замещения доминирующих технологических укладов возникают возможности опережающего скачка на новую волну экономического роста путем своевременного развития ключевых факторов нового технологического уклада, которые берут на себя

роль локомотивов подъема экономики. Именно таким образом возникало в прошлом американское, японское, корейское, китайское экономическое чудо. И российская история знает успешные примеры подобных скачков — в конце XIX — начале XX века, в середине прошлого века.

Дальнейшее развертывание кризиса в России, как и в ведущих странах мира, будет определяться сочетанием двух процессов — разрушения прежних экономических структур и становления новых. При этом существующие ныне финансовые, хозяйственные и политические институты либо перестроятся в соответствии с потребностями роста новых производственно-технологических систем, либо прекратят свое существование. Исторический опыт показывает, что с преодолением структурных кризисов такого рода и выходом мировой экономики на новую длинную волну экономического роста меняется не только технологическая структура экономики, но и ее институциональная система, а также состав лидирующих фирм, стран и регионов.

Два предыдущих структурных кризиса сопровождались глобальными политическими и экономическими потрясениями. Великая депрессия 30-х годов вылилась в катастрофу Второй мировой войны, экономическим результатом которой стала глубокая модернизация экономики ведущих стран мира на новой технологической основе. Политическим результатом стал распад мировой колониальной системы и формирование двух секторов мировой экономки (капиталистического и социалистического), «охранявшихся» противостоящими военно-политическими блоками.

Депрессия середины 1970-х — начала 1980-х годов породила доктрину «звездных войн» и повлекла коллапс мировой системы социализма, не сумевшей своевременно перевести экономику на новый технологический уклад и отставшей от ведущих капиталистических стран, вовремя «пересевших» на новую длинную волну экономического роста. На этой же волне поднялись новые индустриальные страны, сумевшие заблаговременно создать ключевые производства нового технологического уклада и заложить предпосылки их быстрого роста в глобальном масштабе. Политическим результатом стала либеральная глобализация с доминированием США в качестве эмитента мировой резервной валюты.

Выход из нынешней депрессии также будет сопровождаться масштабными геополитическими и экономическими изменениями. Некоторые исследователи говорят о системном кризисе современного капитализма. Не исключен коллапс ядра мировой капиталистической системы и обслуживающих его финансовых институтов. На фоне глубокой рецессии в развитых странах на новой длинной волне экономического роста формируются новые центры мировой экономики — Китай, Бразилия и Индия. Мировая финансовая система становится поливалютной, а глобализация дополняется формированием крупных региональных экономических союзов с ведущей ролью Азиатско-Тихоокеанского региона в мировой экономике.

При благоприятном сценарии выхода из кризиса глобализация станет более управляемой и сбалансированной с точки зрения интересов ведущих стран мира. Усилится значение международных институтов регулирования экономики, возможно появление наднациональных институтов регулирования рынков и норм эмиссии мировых резервных валют. Стратегия устойчивого развития сменит доктрину Вашингтонского консенсуса в качестве ведущей идеологии глобализации. В числе объединяющих ведущие страны мира целей будет использоваться борьба с терроризмом, глобальным потеплением, голодом, неграмотностью, болезнями и другими угрозами человечеству.

Кризис окажет различное влияние на разные страны в зависимости от сочетания объективного состояния их научно-технического потенциала и эффективности экономической политики. Он может быть катастрофическим для одних стран и регионов и вдохновляющим для других. Следует понимать, что страны и институты ядра мировой финансовой системы будут пытаться использовать свое доминирующее положение для выживания за счет присвоения ресурсов периферийных стран путем установления контроля над их активами. Достигаться это будет обменом эмиссии резервных валют на собственность принимающих эти валюты стран.

Для любой страны необходимым условием благополучного выхода из кризиса является наличие собственной стратегии, ориентированной на сохранение своего экономического потенциала и опережающее создание предпосылок роста новых производств. Это предполагает защиту стратегических активов и внутреннего рынка от набегов иностранного спекулятивного капитала, а также проведение активной научно-технической и структурной политики по выращиванию конкурентоспособных предприятий на перспективных направлениях экономического роста. Для этого необходима эффективная система стратегического планирования и мощная национальная финансово-инвестиционная система, опирающаяся на внутренние источники кредита и защищенная от дестабилизирующих воздействий мирового финансового рынка.

Размышлениям о выборе успешного пути социально-экономического развития страны посвящена эта книга. После критики проводившихся в России либеральных реформ в первом ее разделе и анализа упущенных возможностей в период бума нефтяных цен во втором, в третьем разделе представлено целостное видение процесса современного развития глобальной и российской экономики в единстве его технологического, макроэкономического и управленческого аспектов. Исходя из современной теории долгосрочного технико-экономического развития, показаны глубинные причины переживаемого в настоящее время мирового финансового кризиса, связанные со сменой доминирующих технологических укладов. Доказывается, что его преодоление произойдет на очередной длинной волне экономического роста, материально-техническую основу которого соста-

вит новый технологический уклад, ключевым фактором которого является сочетание нано-, био- и информационных технологий. Их распространение революционизирует традиционные и порождает новые направления экономического роста, повышая экономическую эффективность производства и расширяя возможности потребления, создавая новые сферы экономической деятельности.

В книге раскрываются ключевые направления развития нового технологического уклада: биотехнологии, основанные на достижениях молекулярной биологии и генной инженерии, нанотехнологии, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети, интегрированные высокоскоростные транспортные системы и др. Его становление и расширение будет определять мировое экономическое развитие в ближайшие два-три десятилетия. По мере завершения процесса замещения им предшествующего технологического уклада мировая экономика будет входить в очередной длинноволновой подъем на новом уровне эффективности и с новой технологической структурой.

Остается совсем немного времени для реализации возможностей опережающего развития. Хотя доставшийся России от Советского Союза научно-производственный потенциал на сегодняшний день изрядно изношен, около триллиона долларов капитала вывезено за рубеж и страну покинули сотни тысяч талантливых умов, шанс на российское экономическое чудо еще есть. Разумеется, он не может быть реализован при продолжении политики рыночного фундаментализма и сохранении сложившейся системы властно-хозяйственных отношений, ориентированной не на созидание, а на присвоение национального богатства. Для реализации возможностей опережающего технико-экономического развития необходимы серьезные институциональные изменения в социально-экономических отношениях и политэкономической системе. Объективная оценка реального положения дел, анализ проблем и постановка задач опережающего экономического развития России, представленные в этой книге, — необходимые условия выработки правильной политики, способной исправить допущенные ошибки и обеспечить успешное развитие России в будущем.

Раздел 1

КАТАСТРОФА ВМЕСТО РЕФОРМЫ

Что бы ни говорили апологеты постигших Россию радикальных реформ, факты — упрямая вещь. Они свидетельствуют о многократном ухудшении социально-экономических показателей в период реформ, глубоком разрушении человеческого, экономического, научно-технического потенциала страны.

За первое постсоветское десятилетие Россия потеряла половину своего производственного потенциала. Объем инвестиций упал вчетверо и по сей день остается вдвое ниже дореформенного уровня. Потребовалось полтора десятилетия, чтобы объем валового внутреннего продукта России вернулся на дореформенный уровень, в то время как развитые страны ушли с 1990 года далеко вперед. Основные фонды постарели за это время на 13 лет, износившись более чем наполовину, — все это время страна жила за счет эксплуатации созданного в советское время производственного потенциала. Научно-техническая деятельность сократилась на порядок по сравнению с той, что велась во времена Советского Союза. По месту в международном разделении труда Россия опустилась на сырьевую периферию мирового рынка, оказавшись в ряду слаборазвитых стран.

Средняя продолжительность жизни населения снизилась на пять лет, в том числе мужчин — опустилась ниже пенсионного возраста. По качеству жизни, уровню экономического и человеческого развития Россия опустилась до слаборазвитых стран. К настоящему времени наша страна занимает 71-е место по развитию человеческого потенциала, 76-е — по ВВП на душу населения, 97-е — по продолжительности жизни. Население России сегодня почти в два раза меньше, чем население СССР, и на 5 млн человек ниже населения РСФСР в конце 1980-х годов.

Такова общая характеристика результатов проводившейся в стране социально-экономической политики в период радикальных реформ последнего десятилетия прошлого века. В первой главе настоящего раздела характеризуются объективные результаты, выраженные в абсолютных данных динамики уровня жизни населения, объемов производимой продукции, состояния экономики и человеческого потенциала. Во второй главе эти результаты объясняются характером проводившейся экономической политики. В третьей главе анализируется идеология реформ, объясняющая допущенные реформаторами ошибки. Этот анализ открывает дорогу к их исправлению.

Глава 1
Объективные результаты реформы

В настоящей главе излагаются фактические результаты экономической политики, проводившейся в России в первое постсоветское десятилетие на основе ультралиберальной идеологии рыночного фундаментализма. Этот период закончился с уходом с поста президента России Б. Ельцина, слепо следовавшего рекомендациям из Вашингтона вопреки как национальным интересам, так и позиции российской науки. Именно в этот период сформировалась институциональная структура нынешней российской экономики, предопределившая ее продолжающуюся деградацию.

В отличие от общих рассуждений относительно эффективности экономических реформ приводимые в настоящей главе данные объективны и отражают их реальные результаты. Десятилетие — большой срок, в течение которого должны реализоваться основные цели реформ. За этот период Китай, также осуществлявший переход от административной экономики к рыночной, совершил прорыв на второе место в мире по объемам промышленного производства, включая высокотехнологический экспорт. Финляндия, о которой раньше говорили как о сателлите советской плановой системы, вышла в число самых инновационных экономик и передовых стран по уровню и качеству жизни.

Накануне перехода к рынку Россия обладала намного большим научно-производственным и интеллектуальным потенциалом, чем эти бедные соседи, и могла бы рассчитывать на свое экономическое чудо. Однако, слепо следуя навязанным извне догмам и чужим рецептам, руководство страны увело ее далеко от современной модели высокоразвитой социально ориентированной рыночной экономики. В России сформировалась хорошо известная в экономической литературе и широко распространенная в слаборазвитых странах Африки и Азии неоколониальная модель производственных отношений, для которой характерно резкое социальное неравенство, концентрация богатства в немногих руках и нищета большинства населения. Эта модель характеризуется монополизацией контроля над производством и распределением базовых для национальной экономики продуктов властвующей олигархией, она лишена конкуренции и, следовательно, стимулов к развитию.

Подобные модели социально-экономического устройства характерны для стран, составляющих периферию мировой экономической системы. Они сочетают неофеодальные производственные отношения во внутренних делах и либеральную систему регулирования внешнеэкономической деятельности. Это вполне отвечает интересам транснациональных корпораций и крупного международного капитала, обеспечивая им посред-

ством прямого контроля над туземными властителями полную свободу действий по освоению природных и человеческих ресурсов периферии. Разумеется, освоение это носит неэквивалентный характер — в оплату процентов за привлекаемый иностранный капитал, оборудование и технологии периферийные страны вынуждены поставлять на экспорт свои невоспроизводимые природные ресурсы и трудоемкие товары. Тем самым они фактически обменивают свою природную ренту и дешевый труд на интеллектуальную и монопольную ренту, содержащуюся в импортируемых товарах и услугах, и финансируют таким образом экономический рост за рубежом.

Именно такая модель рыночной экономики была навязана России под видом прогрессивных либеральных реформ. Поток капитала, дешевых энергоносителей, природных и трудовых ресурсов, устремившийся из развалившейся мировой социалистической системы в ведущие капиталистические страны на два десятилетия продлил их успешное бескризисное развитие, подпитывая стагнирующие производства и поддерживая рост экономической активности. С исчерпанием накопленных СССР богатств в экономике ведущих западных стран обнажились диспропорции, повлекшие глобальный кризис. Россия могла бы его избежать и использовать открывающиеся новые возможности экономического роста, если бы проводившаяся экономическая политика не обрекла ее на роль периферийной и зависимой страны.

1.1. Деградация человеческого потенциала

Состояние человеческого потенциала измеряется численностью и продолжительностью жизни населения, уровнем и качеством его жизни, развитием образования и здравоохранения. По всем этим показателям все годы радикальных реформ наблюдалось последовательное ухудшение. Их резкое падение в начале 1990-х годов сменилась последующей стагнацией на уровне слаборазвитых стран, продолжающейся по настоящее время.

Динамика социальных показателей является хорошим индикатором и состояния экономики. Самым наглядным отражением ее эффективности является уровень жизни населения и состояние социальной сферы. В конечном счете смысл хозяйственной деятельности заключается в производстве потребительских благ в целях повышения общественного благосостояния. Когда оно ухудшается и падает уровень жизни, это означает снижение эффективности экономики. В отличие от макроэкономических показателей, которые сильно зависят от широты статистического охвата различных видов деятельности, динамики цен и даже погодных условий, демографические показатели, как говорится, не обманешь. В показате-

ле средней продолжительности жизни отражаются как ее материальные условия, характеризующие уровень экономического развития, так и соотношение человеческих притязаний и фактических возможностей их реализации, свидетельствующие об эффективности экономических институтов.

1.1.1. Вырождение народа

В книге «Куда идет Россия. Белая книга реформ» [53], данные из которой используются в настоящем разделе, делается вывод о постигшей Россию демографической катастрофе. *Ожидаемая продолжительность жизни при рождении* упала в первые годы радикальной реформы с 70 лет в 1986–1987 гг. (у мужчин — 65, у женщин — 74,5) до 64 лет. В 1994 году этот показатель составлял 57,6 года у мужчин и 71 у женщин (рис. 1). И в настоящее время продолжительность жизни в нашей стране на 12 лет меньше, чем в США, на 8 лет меньше, чем в Польше, на 5 лет меньше, чем в Китае. По продолжительности жизни Россия сегодня находится в одном ряду с Монголией, Марокко и Гватемалой. Несмотря на то что продолжительность жизни гражданина России в 2009 году составила в среднем 69 лет, немного повысившись по сравнению с предыдущими годами, она по-прежнему находится ниже дореформенного уровня и остается одной из самых низких среди стран СНГ.

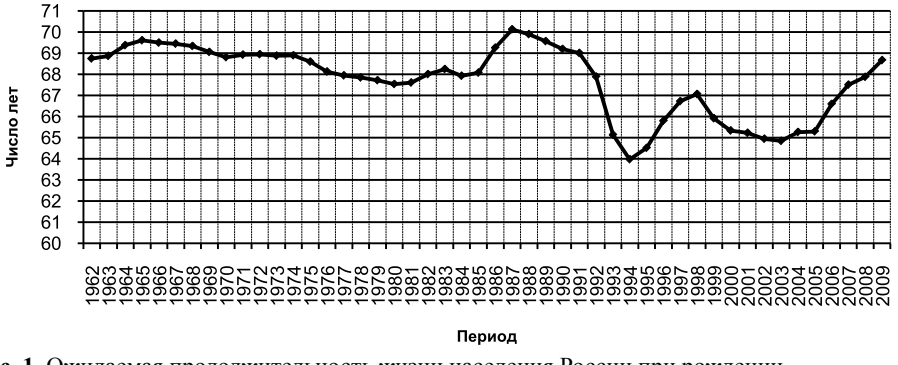

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни населения России при рождении.

Источник: Современная демографическая ситуация в Российской Федерации (аналитический материал). — М.: Росстат, 2010.

Главной составляющей падения продолжительности жизни явилось резкое увеличение смертности людей *трудового возраста*. Согласно данным «Демографических ежегодников России», в 1990 году в трудоспособном возрасте в РФ на 100 000 человек населения умерло от всех причин 488 человек, а в 1994 году — 841. В том числе мужчин — 759 и 1324 человека соответственно в 1990 и 1994 годах.

С 1992 года в России наблюдается устойчивая тенденция депопуляции, характеризующаяся превышением числа умерших над числом родившихся в 1,5–1,7 раза. Убыль населения имеет место в подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации. При этом самый высокий показатель естественной убыли отмечается в Центральной России.

На рисунке 2 изображен «русский крест», отражающий тенденции снижения рождаемости и роста смертности в современной России. Рисунок 3 отражает динамику численности населения в показателе его прироста как суммы естественной убыли и миграционного прироста.

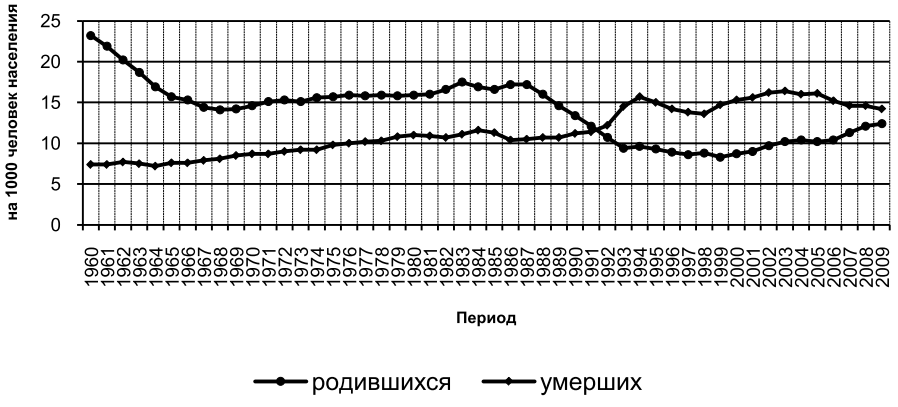

Рис. 2. Общие показатели рождаемости и смертности.

Источник: Современная демографическая ситуация в Российской Федерации (аналитический материал). — М.: Росстат, 2010.

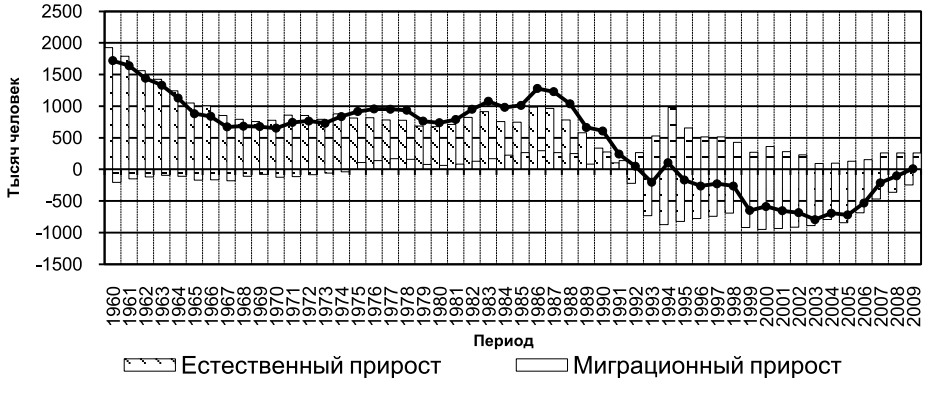

Рис. 3. Прирост (убыль) численности населения.

Источник: Современная демографическая ситуация в Российской Федерации (аналитический материал). — М.: Росстат, 2010.

Превышение числа умерших над числом родившихся за 1992–1997 годы оценивается в 3,89 млн человек. Общие демографические потери России за первое десятилетие реформ оцениваются более чем в 12 млн человек, из которых около 3 млн — преждевременно умершие и около 5 млн — не родившиеся в результате резкого падения детородной активности. Около 10 миллионов молодых семей откладывали рождение ребенка из-за отсутствия нормальных жизненных условий, гарантий безопасности и возможности дать детям образование в будущем. Интенсивность ежегодных потерь населения более чем вдвое превысила потери периода сталинских репрессий и массового голода первой половины 1930-х годов. К этому количеству огромных потерь человеческого потенциала следует прибавить около 8 миллионов спившихся, доведенных до отчаяния и опустившихся на социальное дно трудоспособных граждан.

Проводившаяся в 1990-е годы социально-экономическая политика повлекла за собой деградацию значительной части человеческого потенциала страны, обесценение образования и квалификации миллионов специалистов и рабочих, десятки миллионов личных катастроф людей, поставленных в невыносимые жизненные условия. Количество лиц, фактически лишенных каких-либо социальных гарантий, социальных и экономических прав, достигло не менее 10% городского населения страны, или 14 млн человек.

Характерным признаком разложения общества стал резкий рост самоубийств отчаявшихся людей, а также смертности от несчастных случаев, отравлений и травм. Число тех, кто добровольно расстался с жизнью, возросло с 39 тысяч в 1990 году до 57 тысяч в 2000 году, и среди них около 2 тысяч — детей и подростков. В среднем 40 человек из 100 тыс. россиян ежегодно добровольно уходят из жизни.

Существенной причиной участившихся преждевременных смертей стала криминализация общества вследствие быстрого роста безработицы, резкого падения уровня жизни, деморализации населения. В 1991–1995 годах преступность выросла втрое, при этом особенно быстро росло количество тяжких преступлений. В 2000 году от рук убийц погибли 41 тыс. человек — почти в 2 раза больше, чем в 1990 году (21 тыс. человек).

Еще одна социальная причина роста преждевременной смертности — резкое увеличение потребления наркотических веществ. По данным МВД, за первое десятилетие реформ число смертельных исходов в результате употребления наркотиков увеличилось в 12 раз, а среди детей — более чем в 40 раз. Смертность населения от отравления некачественным, в том числе импортным, алкоголем возросла в первые годы реформ втрое. Ежегодно госпитализировалось до 90 тыс. человек, отравившихся суррогатным алкоголем, из них умирали от 40 до 50 тыс. человек в год.

Основные причины демографического кризиса указаны в государственном докладе Минздрава РФ и Российской академии медицинских наук «О состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1999 году»: «...долговременное массовое накопление неблагоприятных изменений в общественном здоровье населения в сочетании с воздействием хронически высокого уровня стресса; снижение качества жизни в условиях неудовлетворительного состояния социальной сферы и базовой медицины, недоступности высокоэффективных средств лечения для подавляющей части населения; криминализация общества и рост преступности» [32].

Долгосрочный прогноз охвативших Россию демографических тенденций вырождения говорит об угрозе двукратного сокращения численности населения страны в течение ближайших 60–80 лет. В свете этих тенденций кажутся провидческими слова английского премьер-министра Д. Мейджера, следующим образом сформулировавшего цель англо-американской политики в отношении России: «Задача России — обеспечить ресурсами благополучные страны. Но для этого их нужно всего 50–60 млн человек». Имеющиеся прогнозы изменения численности населения России недалеки от этой оценки.

За годы реформ в России произошел срыв механизмов нормального воспроизводства населения, которое приобрело суженый характер: каждое поколение родившихся количественно меньше поколения своих родителей и не может восполнить убыль населения. Такой тип воспроизводства населения обладает большой устойчивостью. В 1996 году «чистый» коэффициент воспроизводства населения снизился до катастрофической по демографическим последствиям цифры — 0,603, причем у городского населения он еще ниже — 0,544. Такого беспрецедентно низкого уровня воспроизводства населения ранее не отмечалось ни в нашей стране, ни в других странах мира даже во время войн.

Причины роста смертности и снижения рождаемости можно разделить на две группы: первая включает в себя неблагоприятные изменения в условиях жизни людей, вторая — ухудшение системы здравоохранения.

1.1.2. Обнищание населения и ухудшение качества жизни

Не вызывает сомнений, что тенденции депопуляции и вырождения связаны с резким снижением **доходов населения**, а также со свертыванием системы социальных гарантий в результате проводившейся экономической политики. Начало реформ ознаменовалось конфискацией трудовых сбережений, трехкратным падением заработной платы и массовой безработицей.

Шоковая терапия, с которой началось радикальное реформирование российской экономики, привела к катастрофическому падению реальных зарплат и пенсий (рис. 4).

При этом резко возросло социальное неравенство. Соотношение средних доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченных (дециль-ный коэффициент фондов) достигло 14,2, коэффициента Джини — около 0,5. Это означает, что «верхней» 20%-ной группе населения принадлежит около половины общего фонда доходов, а «нижней» — чуть более 5% (табл. 1).

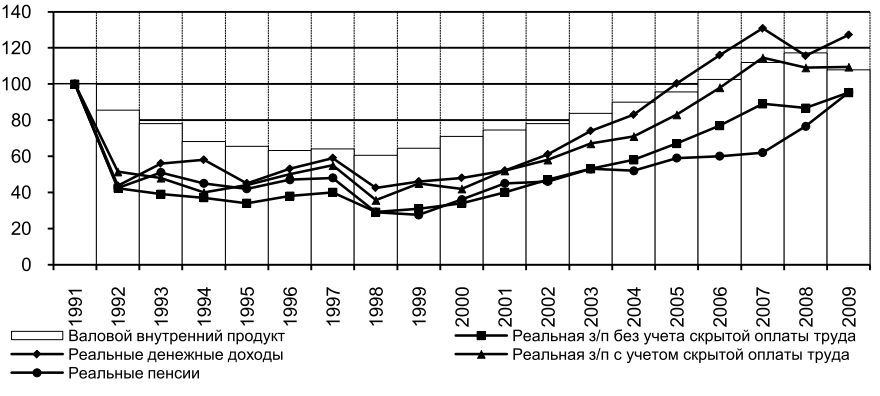

Рис. 4. Динамика денежных доходов, заработной платы и пенсии (1991 год = 100%).

Источник: Малева Т., Овчарова Л. Социальная модернизация и средний класс. — http://www.demoscope.ru.

Самые богатые 10% получали в тот период 31,6% совокупных доходов, которые были в 13 раз выше, чем доходы самых бедных 10% населения, составляющие 2,4% совокупных доходов. Это расчеты, сделанные по данным официальной статистики. По более достоверным оценкам, сделанным с учетом величины сокрытых доходов, показатель дифференциации доходов должен быть увеличен не менее чем до 20–25 раз, а в Москве — до 45 раз. Разрыв в доходах 5%-ных крайних групп с наибольшими и с наименьшими доходами достиг 50 раз.

Доходы около трети населения опустились ниже прожиточного минимума. Все первое десятилетие реформ четверть российских граждан не могли свести концы с концами. С учетом двукратной заниженности величины прожиточного минимума по отношению к реальной минимальной потребительской корзине доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума составляла не менее 40%.

Наглядное представление о социальном неравенстве в российском обществе дает социально-экономическая пирамида, построенная на основе обобщения и композиции статистических данных из разных источников (рис. 5).

Таблица 1

Распределение денежных доходов по 20%-м группам населения, % общего объема доходов

Годы	20%-е группы				
	первая (с наименьшими доходами)	вторая	третья	четвертая	пятая (с наибольшими доходами)
1991	11,9	15,8	18,8	22,8	30,7
1992	6,0	11,6	17,6	26,5	38,3
1993	5,8	11,1	16,7	24,8	41,6
1994	5,3	10,2	15,2	23,0	46,3
1995	5,5	10,2	15,0	22,4	46,9
1996	6,2	10,7	15,1	21,6	46,4
1997	5,9	10,2	14,8	21,6	47,5
1998	6,0	10,4	14,8	21,2	47,6
1999	6,1	10,4	14,7	20,9	47,9
2000	6,0	10,4	14,8	21,2	47,6
2001	5,7	10,4	15,4	22,8	45,7
2002	5,7	10,4	15,4	22,7	45,8
2003	5,5	10,3	15,3	22,7	46,2
2004	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7
2005	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7
2006	5,2	9,9	15,0	22,6	47,3
2007	5,1	9,8	14,8	22,5	47,8
2008	5,1	9,7	14,8	22,5	47,9

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2007. Стат. сб. — М.: Росстат, 2008.

Главной причиной обнищания населения и резкого роста социального неравенства стало катастрофическое падение оплаты труда. Уровень зарплаты в России все годы реформ был в 2–4 раза ниже рекомендуемого МОТ минимума 3 доллара в час. Снижение уровня зарплаты является одной из важнейших причин сокращения рождаемости населения. В [81] приводится любопытная таблица (табл. 2), отражающая поразительную близость и синхронность изменений показателей уровня реализации биологического потенциала рождаемости российского населения и доли зарплаты в распределении валового национального продукта.

Столь низкий уровень оплаты труда не может быть объяснен его низкой производительностью. Хотя последняя в России в 3–4 раза ниже по сравнению с наиболее развитыми странами, на единицу заработной платы российский работник производит в среднем втрое больше, чем его европейский или американский коллега. Это означает, что степень эксплуатации наемного труда в России является одной из самых высоких в мире. Если из данных по исчислению средней зарплаты исключить высших

менеджеров, назначающих себе астрономические оклады, фактически присваивая прибыль предприятий, то она уменьшится еще на треть. Сложившиеся в России трудовые отношения не соответствуют общепринятым в мире стандартам и больше напоминают положение пролетариата в позапрошлом веке, чем практику современного социального государства.

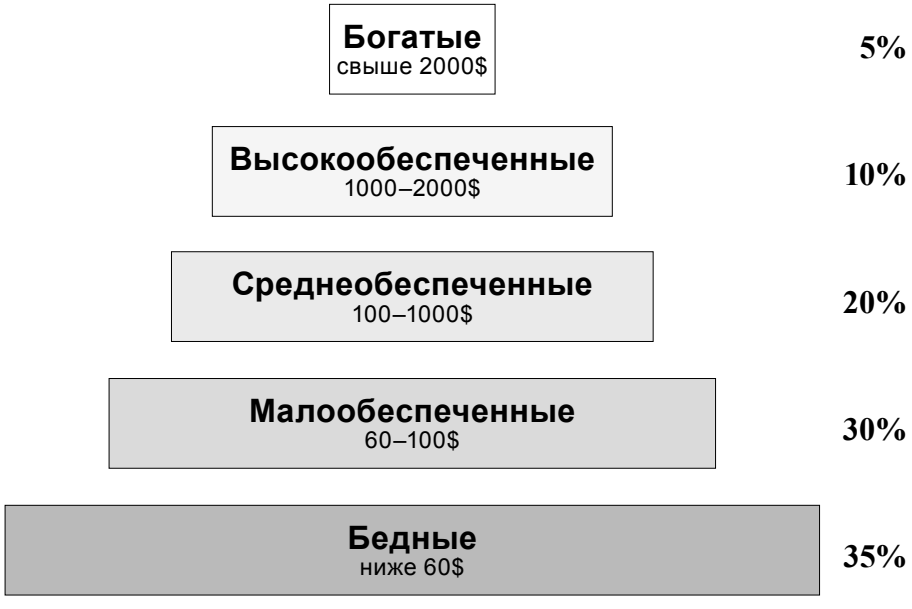

Рис. 5. Распределение населения России по ежемесячным доходам в начале XXI века.
Источник: Вестник Российской академии наук. — 2004. — Т. 74.— № 3. — С. 209–218.

Резкое снижение оплаты труда дополнялось ростом безработицы. Численность безработных в России составляла в первые годы реформ 6,5 млн человек, или 9,1% экономически активного населения. А с учетом работающих в режиме неполной рабочей недели либо находящихся в отпусках без сохранения или с частичным сохранением заработной платы общее количество безработных достигло 15 млн человек, или 20% экономически активного населения.

Таблица 2

Изменение уровня рождаемости от уровня заработной платы

Год	1990	2000	2002	2004	2005
Доля текущей рождаемости, % биологически возможной	29,8	19,3	21,4	23,3	22,7
Доля зарплаты, % национального продукта	28,9	20,8	23,2	22,3	22,2

Быстрый рост безработицы стал следствием проводившейся экономической политики, выразившейся в разорении и деградации наиболее трудоемких отраслей экономики — сельского хозяйства, строительства, машиностроения, легкой промышленности, деревообработки и т.п. За пятилетку радикальных «реформ» объем промышленного производства и строительства сократился более чем вдвое, в том числе объем машиностроительного производства — более чем втрое, а инвестиционного машиностроения и товаров народного потребления — в 5–10 раз. В ряде наукоемких отраслей, определяющих современный экономический рост и обеспечивающих работой наиболее образованные кадры, например микроэлектронной, приборо-, авиа- и судостроительной промышленности, средств автоматизации и связи, спад производства составил десятки раз, что означало соответствующее, хотя и с запозданием, сокращение рабочих мест.

Оценивая долгосрочные социальные последствия массовой безработицы среди квалифицированных трудовых ресурсов, следует иметь в виду, что для российской культуры созидательный труд представляет одну из величайших ценностей, а российское общество всегда было обществом почти полной занятости, в котором иждивенчество трудоспособных рассматривалось как порок. Высокий уровень безработицы для российского общества стал настоящим социальным бедствием, сопровождавшимся массовой алкоголизацией молодежи, ростом преступности и психических расстройств. За первое десятилетие реформ уровень психических заболеваний в России вырос в 11,5 раза. Это, как считают врачи, обусловлено сложностями адаптации к быстрому ухудшению условий жизни, политической и экономической нестабильностью.

Важной причиной роста смертности стала пандемия социально обусловленных болезней. Так, если в 1990 году на 100 тысяч населения было 34,2 случая заболевания активным туберкулезом, то в 2000 году их число выросло до 90,4. Заболеваемость сифилисом выросла за годы реформ в 50 раз. В 1997 году зафиксирован печальный рекорд: было выявлено более 2 тысяч девочек до 14 лет, заболевших сифилисом, — в 144 раза больше, чем в 1990 году.

О быстром разрушении человеческого потенциала страны свидетельствуют данные о резкой алкоголизации общества. По имеющимся оценкам, потребление абсолютного алкоголя в первые годы реформ достигло 15 литров на человека в год, что почти вдвое превышает установленный Всемирной организацией здравоохранения критический уровень, за которым наступает необратимая деградация генофонда нации. Алкоголизм охватил около 20 млн человек; 6 млн человек стали наркоманами, причем подавляющая часть наркоманов — молодые люди в возрасте до 25 лет, так и не приступившие к какой-либо созидательной деятельности.

В результате реформ около 20% городского населения оказались на социальном дне, две трети людей — в состоянии хронической бедности. В наихудшем положении оказались многодетные семьи. 80% семей с тремя и более детьми в годы реформ получали доходы на каждого члена семьи ниже прожиточного минимума. В рамках сложившейся системы распределения национального дохода вероятность для рождающегося ребенка получить хорошее образование, интересную и высокооплачиваемую работу упала до одной трети.

Обнищание народа выразилось в катастрофическом ухудшении питания, которое стало следствием резкого снижения покупательной способности зарплат, пенсий, социальных пособий, составлявших для подавляющего большинства граждан основной источник дохода. На среднюю номинально начисленную заработную плату в РСФСР в 1990 году можно было купить 95,9 кг говядины, или 1010 литров молока, или 776,9 кг хлеба пшеничного 1-го сорта. В 2000 году на среднюю месячную зарплату можно было купить всего лишь 38,6 кг говядины, 302,2 литра молока или 220,4 кг такого же хлеба. При этом больше всего подорожали молочные продукты, традиционно занимающие важное место в рационе питания россиян: если говядина в результате инфляции подорожала за 1992—1995 годы в 1338 раз, то кисломолочные продукты — в 21 229 раз.

В середине 1980-х годов Советский Союз, по оценкам ФАО — международной организации в области сельского хозяйства и продовольствия, — входил в десятку стран мира с наилучшим питанием населения. При всех нареканиях к системе распределения среднедушевое потребление продуктов питания соответствовало уровню развитых стран. За первые годы реформ, по данным Госкомстата РФ, калорийность продуктов, потребляемых россиянином за сутки, снизилась с 2590 кал в 1990 году до 2438 кал в 1992 году и до 2200 — в 1996 году. При этом сократилась доля ценных продуктов, богатых животным белком (мясо, рыба, молоко, птица), возросла доля картофеля и круп. Так, в 1995 году по сравнению с 1991 годом потребление мясопродуктов упало на 28%, масла — на 37%, молока и сахара — на 25%. К концу десятилетия реформ потребление мяса среднестатистическим россиянином упало до 43 кг в год, в то время как среднестатистический американец потреблял 120 кг (табл. 3).

Обобщенным показателем качества питания является потребление белка. К 1996 году горожане стали получать менее 55 г белка на человека в день. Более половины обследованных женщин потребляли белка менее 0,75 г на кг массы тела — ниже безопасного уровня потребления для взрослого населения, принятого ВОЗ. В 1992 году до 20% детей обследованных групп 10 и 15 лет получали белка менее безопасного уровня, рекомендуемого ВОЗ.

В государственном докладе о состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1992 году отмечалось, что приобретение населением рыбы составило 30% от уровня 1987 года, мяса и птицы, сыра, сахара — 50–53%. «Произошла вынужденная ломка сложившегося в прежние годы рациона питания, резко упало потребление белковых продуктов и ценных углеводов, что неизбежно сказывается на здоровье населения России и в первую очередь беременных, кормящих матерей и детей».

При этом речь идет о среднестатистических данных. Это означает, что в бедной половине населения потребление необходимых продуктов упало до крайне низкого уровня, при котором начинаются физиологические изменения в организме и деградация здоровья.

Таблица 3

Потребление основных продуктов питания в США и России (в среднем на душу населения, кг)

	США (1989)	РСФСР (1989)	США (1997)	РФ (1997)	США (2003)	РФ (2004)
Мясо и мясопродукты	113	69	114	46	119	49
Молоко и молокопродукты (в пересчете на молоко)	263	396	305	229	267	233
Яйца, шт.	229	309	239	210	253	242
Рыба и рыбопродукты	12,2	21,3	10	9,3	11	11,9
Сахар	28	45,2	30	33	27	37
Хлебные продукты	100	115	112	118	91	119
Картофель	57	106	57	130	64	128

Источники: Госкомстат СССР, Госкомстат России, Росстат.

Одной из важнейших причин ухудшения здоровья детей стало разрушение созданной в 1970–1980-е годы в РСФСР системы производства и распределения продуктов питания для детей раннего возраста. Согласно тому же докладу, «отечественный выпуск продуктов для детского питания составил по разным видам продуктов только от 16 до 21% от потребности. Охват школьников горячим питанием в большинстве субъектов Российской Федерации сократился на 20–30 %. Рационы питания обеспечивают потребность детского организма в энергии и белках только на 70–90%, в витаминах — на 20–40%. Сокращаются вес и объем отпускаемых блюд. Не решаются вопросы обеспечения детских и подростковых учреждений йодированной солью. Из-за отсутствия средств во многих школах организовано лишь чаепитие» [39].

Другой важный показатель качества жизни — доступность жилья. В течение реформ количество построенных и вводимых в действие за год квартир снизилось почти в 3,5 раза. Если за пятилетку 1986–1990 годов.

было введено в действие 343,4 млн кв. м жилья, то за 1996–2000 годы — всего 159,7 млн кв. м. При этом резко взлетели цены на рынке жилья. Если в 1987 году двухкомнатная квартира в Москве в среднем оценивалась в сумму, равную средней зарплате за три года, а оплата производилась в рассрочку, то уже в 1994 году такая же квартира стала стоить 15,2 средней годовой зарплаты. В 1999 году однокомнатная квартира площадью 40 кв. м стоила сумму, равную средней зарплате за 20 лет. При этом была свернута система бесплатного предоставления жилья нуждающимся семьям: если в 1990 году бесплатное жилье получили 1 млн 296 тыс. семей, то в 2002 году — только 229 тыс., что составляет 5% от числа состоявших на учете на получение жилья. Многие люди лишились жилья: в 1993 году в стране было 3 млн бездомных, в 1996 году — около 4 млн.

Тенденции депопуляции и обнищания охватили подавляющее большинство российского населения, практически все регионы и почти все социальные и профессиональные группы. Исключение составили: небольшая группа преуспевающих бизнесменов, так называемых новых русских; высокопоставленные чиновники; служащие финансовых институтов; обслуживающие интересы иностранного капитала эксперты; а также организованные преступные группы. При этом львиная доля национального дохода оказалась в распоряжении нескольких приближенных к власти олигархов, узурпировавших право распоряжаться значительной частью накопленного национального богатства и монополизировавших государственную власть. Основная же часть вполне работоспособного населения лишилась не только накопленных ранее сбережений и устойчивых доходов, но и утратила свой статус в обществе, жизненные перспективы, стала чужой и ненужной в собственной стране.

Наблюдаемая быстрая деградация населения, особенно молодежи, не может быть объяснена какими-либо объективными причинами — ничего подобного в тысячелетней истории России еще не было. Даже в период Гражданской войны и коллективизации, когда геноциду подверглись основные социальные группы русского населения, не было столь беспредельной деморализации общества. Анализ факторов сокращения рождаемости и роста смертности населения, проведенный ведущими исследовательскими институтами страны, убедительно доказывает неестественный характер переживаемой Россией демографической катастрофы, ее обусловленность последствиями проводившейся социально-экономической политики.

В международной статистике в качестве обобщающего показателя уровня и качества жизни населения используется индекс человеческого развития (ИЧР), который соединяет в себе три показателя: среднедушевой

доход, образование и продолжительность предстоящей жизни населения. Все годы реформ величина этого показателя по России быстро снижалась. В 1992 году Россия занимала 52-е место, в 2004-м — 57-е, в 2005-м — 62-е, в 2006-м — 65-е, в 2007 году — 71-е место с индексом 0,81 [40].

1.1.3. Разрушение здравоохранения

С началом реформ произошло резкое снижение финансирования здравоохранения, которое в СССР велось как из средств государственного бюджета, так и за счет предприятий. Заменившая первый источник система медицинского страхования основывалась на налогообложении зарплаты и стремительно сокращалась вместе с фондом оплаты труда. Второй источник вовсе исчез вместе с приватизацией предприятий. В результате снижения объемов и изменения структуры финансирования здравоохранения произошло обвальное падение инвестиций в развитие этой отрасли.

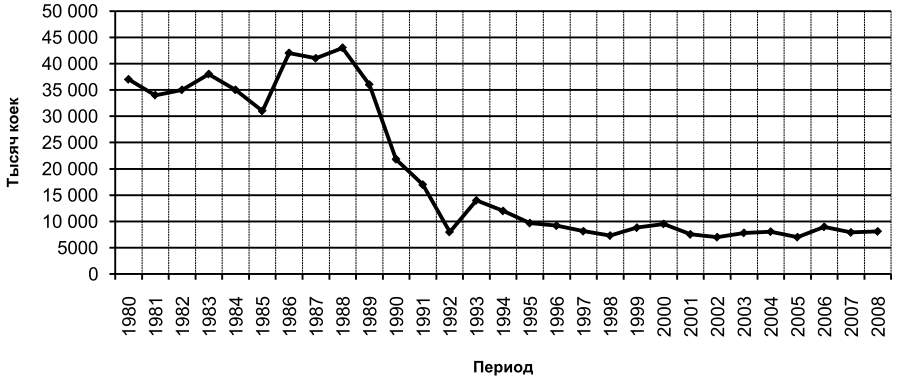

Рис. 6. Ввод в действие больниц в РСФСР и РФ, тыс. коек.

В советский период система здравоохранения базировалась на широкой сети лечебных и профилактических учреждений, постоянно растущей за счет строительства и оборудования *больниц и поликлиник*. В ходе радикальной реформы это строительство почти прекратилось (рис. 6, 7). Если в 1989 году на 10 тыс. населения РСФСР имелось 138,7 больничной койки, то в 1994 году их осталось 127,4, а в 2003 году — 111,6.

Больше всего это сокращение ударило по жителям удаленных от больших центров сел и малых городов.

Резкое падение уровня инвестиций в здравоохранение привело к прекращению обновления основных фондов отрасли. В 1985 году коэффи-

циент обновления основных фондов (в сопоставимых ценах) был равен 7,2%, в 1990 году — 5,7%. К 1995 году он упал до 1,5%, достиг минимума в 1998 году (0,7%) и затем стабилизировался на уровне около 1%.

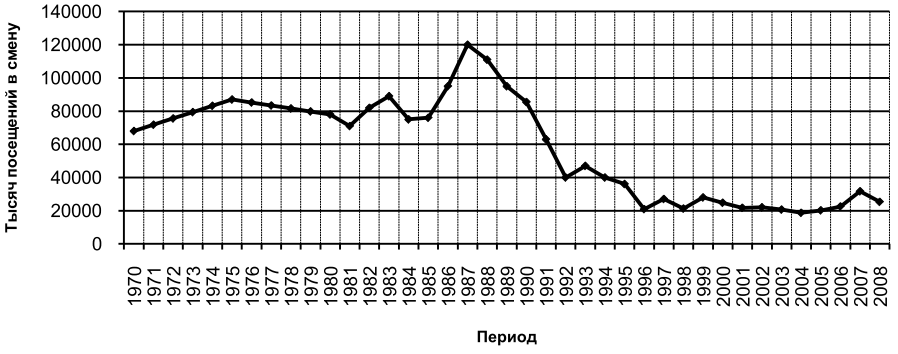

Рис. 7. Ввод в действие амбулаторно-поликлинических учреждений в РСФСР и РФ.

Одним из преимуществ советской системы здравоохранения была развитая система санаторно-профилактического лечения. В результате приватизации предприятий, разрушения профсоюзной системы и обеднения трудящихся использование санаториев резко сократилось, прекратилось их строительство.

В годы реформ практически прекратилось воспроизводство отечественной ***медицинской и фармацевтической промышленности***. Многие предприятия прекратили существование, выпуск даже самых необходимых лекарств сократился во много раз. Характерным примером может служить динамика производства *сульфаниламидных и салициловых препаратов*, уровень которого стабильно рос с 1970-х годов и который полностью обеспечивал потребности страны при достаточно высоком качестве и низких ценах на эти лекарства массового спроса (рис. 8).

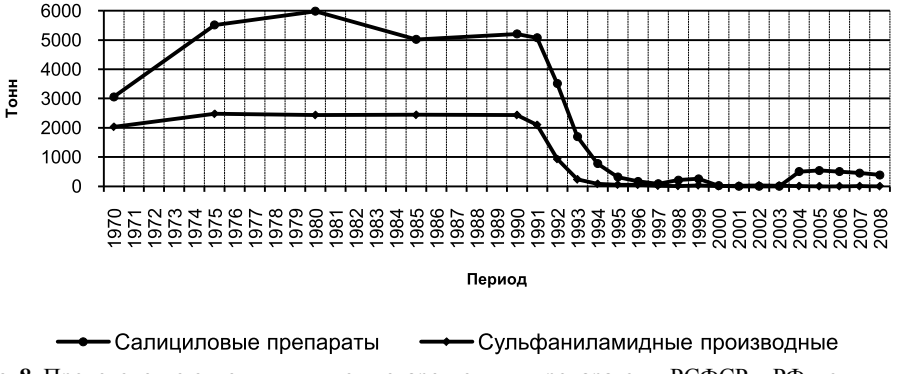

Рис. 8. Производство отдельных видов лекарственных препаратов в РСФСР и РФ, тонн.

Другим примером разрушения фармацевтической промышленности стало обвальное падение выпуска *антибиотиков и витаминов*, которые по своему качеству соответствовали мировому уровню, а по стоимости были доступны всем слоям населения (рис. 9). К 2003 году их производство упало в 12,7 раза, произошло их замещение импортными препаратами.

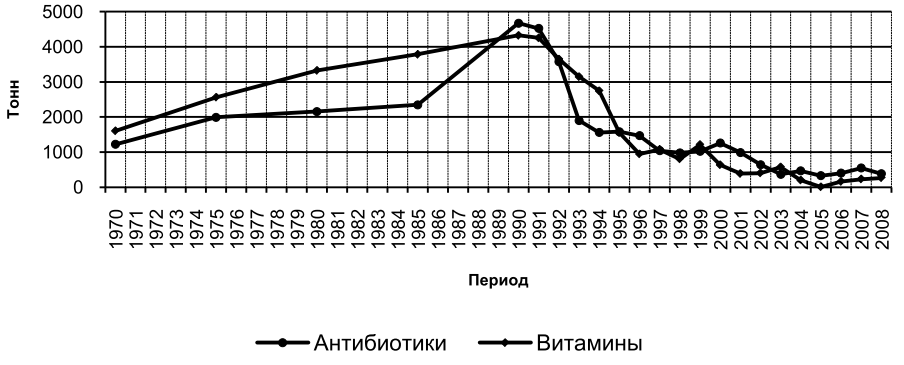

Рис. 9. Выпуск антибиотиков и витаминов в РСФСР и РФ, тонн.

Фактически прекратила свое существование медицинская промышленность — прекратилось производство основных видов медицинского оборудования. Типичным примером является обвальное падение производства наркозно-дыхательных аппаратов (рис. 10). Почти в 10 раз сократилось производство электрокардиографов.

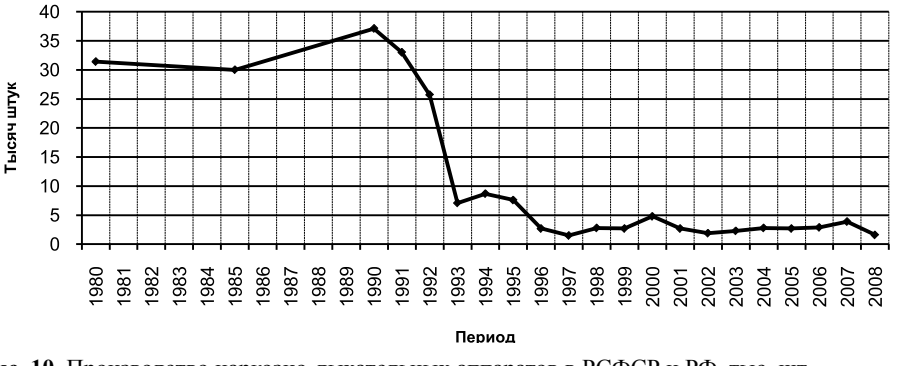

Рис. 10. Производство наркозно-дыхательных аппаратов в РСФСР и РФ, тыс. шт.

В целом резкое снижение средней продолжительности жизни и численности населения стало результатом комплекса факторов, обусловленных обвальным падением расходов на здравоохранение и катастрофическим ухудшением социально-экономических условий жизни

основной части населения. Резкая дестабилизация ранее устойчивых трудовых, производственных, распределительных отношений, обесценение сбережений и квалификации, спазматическое сокращение доходов, переход от планируемого порядка к нерегулируемому хаосу не могли не вызвать тяжелейший стресс и утрату жизненных ориентиров у большинства населения. Очевидно, что вырождение народа было связано с катастрофическим разрушением производственного потенциала страны.

1.2. Разрушение производственного потенциала

Резкое падение производства вследствие непродуманных и поспешных радикальных реформ стало неожиданностью для реформаторов, обещавших автоматический подъем эффективности и рост экономики в результате перехода к рыночным отношениям. Позже они придумают ничего не объясняющий термин — трансформационный спад, наукообразно иллюстрирующий якобы неизбежное падение производства при смене общественного строя. При этом без каких-либо объективных оснований реформаторы придумали миф о неизбежности экономической катастрофы в случае сохранения социалистической системы хозяйствования, выдавая себя за спасителей отечества.

По расчетам Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, в отсутствие каких-либо изменений в организации общественного производства в 1991–1993 годах нас ожидала бы депрессия с сокращением производства не более чем на 2% [53]. В случае же научно обоснованного и планируемого перехода к рынку можно было бы добиться экономического роста с темпом не менее 3% в год. Опыт Китая показывает, что в результате продуманного выстраивания новых рыночных отношений при сохранении механизмов воспроизводства ранее созданного производственного потенциала и институтов планирования можно было обеспечить устойчивый экономический рост с 7%-ным темпом ежегодного прироста ВВП.

Уже в первый год проведения радикальных реформ падение ВВП составило 15%, а реальной зарплаты — более 30%. За один 1992 год по объему промышленного производства Россия откатилась на 12 лет назад. В период 1991–1998 годов уровень производства в России сократился на 42%, став меньше, чем в любой из стран «семерки», вдвое меньше, чем в Индии, и вчетверо меньше, чем в Китае. В целом доля российского ВВП в мировом выпуске сократилась почти вдвое — с 5,5% в 1990 году до 3,0% в 1995 году и 2,7% в 2001 году (табл. 4).

Таблица 4

Изменение доли России в мировом выпуске в 1990–2001 гг.

	Россия		Весь мир		Доля России в мировом выпуске, % [4]
	млрд долл.[1]	темп роста, %[2]	млрд долл.[1]	темп роста, %[3]	
1990	1661	97,0	30 204	102,7	5,5
1991	1578	95,0	30 748	101,8	5,1
1992	1349	85,5	31 363	102,0	4,3
1993	1232	91,3	32 084	102,3	3,8
1994	1075	87,3	33 271	103,7	3,2
1995	1031	95,9	34 469	103,6	3,0
1996	996[2]	96,6	35 848[4]	104,0	2,8
1997	1005	100,9	37 354	104,2	2,7
1998	956	95,1	38 400	102,8	2,5
1999	1007	105,4	39 782	103,6	2,5
2000	1091	108,3	41 652	104,7	2,6
2001	1146	105,0	42 651	102,4	2,7

[1] В ценах 1996 г.
[2] Российский статистический ежегодник 2001 г., на основе программы международных сопоставлений.
[3] World Economic Outlook, October 1998, May 1999, May 2000, December 2001.
[4] Расчет на основе данных Российского статистического ежегодника 2001 г. и Handbook of International Economic Statistics: Central Intelligence Agency, Directorate of Intelligence.

Еще в большей степени сжался объем инвестиций в основной капитал, который упал в первые годы реформ почти впятеро и до сих пор остается ниже дореформенного уровня (рис. 11).

Рис. 11. Темпы роста основных экономических показателей, % к 1990 г.
Источники: Госкомстат России, Росстат.

Следует заметить, что в течение всего периода радикальных реформ, вплоть до конца 1990-х происходило устойчивое падение объемов произ-

водственной деятельности и инвестиций в основной капитал, так же как и показателей экономической эффективности (табл. 5).

Таблица 5

Темы роста основных макроэкономических показателей (в сопоставимых ценах), % к предыдущему году

Год	Валовой внутренний продукт	Инвестиции в основной капитал	Производительность труда занятых в экономике
1991	95,0	88,9	91,0
1992	85,5	60,0	85,5
1993	91,3	88,0	94,5
1994	87,3	76,0	92,5
1995	95,9	90,0	97,0
1996	96,6	82,0	98,3
1997	100,9	95,0	105,8
1998	95,1	88,0	89,6
1999	105,4	105,0	104,7
2000	108,3	117,0	107,6
2001	105,1	110,0	104,4
2002	104,7	102,8	103,8
2003	107,3	112,5	106,6
2004	107,2	113,7	106,5
2005	106,4	110,9	105,8
2006	107,7	116,7	107,1
2007	108,1	122,7	106,8
2008	105,6	109,9	104,9
2009	92,1	83,8	90,9

Источники: Госкомстат России, Росстат.

Существенно ухудшилась структура производства — в отличие от других успешно развивающихся стран, наращивающих производство товаров с высокой добавленной стоимостью, в России поддержание ВВП обеспечивалось главным образом экспортом энергоносителей и ростом торговли импортными товарами. В структуре промышленного производства выросла доля топливно-энергетического и химико-металлургического комплексов при сокращении доли машиностроения (рис. 12).

Рис. 12. Доли объема промышленной продукции основных отраслей промышленности в производстве товаров и услуг в 1992–2004 гг.
Источники: Российский статистический ежегодник. 2001. Стат. сб. — М.: Госкомстат России, 2001; Российский статистический ежегодник. 2005. Стат. сб. — М.: Росстат, 2005; Российский статистический ежегодник. 2009: Стат. сб. — М.: Росстат, 2009.

Наибольшие разрушения произошли в наукоемкой промышленности, инвестиционном и сельскохозяйственном машиностроении, в легкой промышленности и производстве промышленных товаров народного потре-

бления, где уровень производства упал на порядок, а также в отраслевой науке. При этом если объем российского ВВП стал меньше, чем США, в 7 раз (по паритету покупательной способности), то объем производства наукоемкой продукции — более чем в сотню раз.

Наиболее болезненно реформы пережили производители конечной продукции, столкнувшиеся с резким ростом издержек из-за разрушения складывавшихся десятилетиями кооперационных связей и острой конкуренцией со стороны импорта. В различных отраслях глубина падения производства была пропорциональна его сложности и соответственно величине добавленной стоимости. В наибольшем упадке оказались отрасли, которые могли бы составить основу социально ориентированной рыночной экономики и стать движущей силой ее подъема, обеспечивая связь роста внутреннего производства и спроса. Правильно организованный переход к рыночной экономике мог бы обеспечить повышение их эффективности и расширение производства, что позволило бы не только избежать чрезмерного уровня безработицы в регионах с высокой концентрацией наукоемкой и обрабатывающей промышленности, но и превратить их в локомотивы экономического роста и центры роста занятости.

Деградация структуры экономики сопровождалась деградацией почти всех ее отраслей, выразившейся в снижении производительности труда, росте энергоемкости, падении фондоотдачи. Разрушение воспроизводственных механизмов повлекло прекращение инвестиционной активности и переход к режиму проедания ранее накопленного потенциала. За исключением торговли, финансового сектора, телекоммуникаций, во всех отраслях экономики происходило старение основных фондов, падение эффективности и ухудшение структуры выпуска производимой продукции.

Многие перспективные отрасли наукоемкого машиностроения, высокотехнологической промышленности и науки, имевшие конкурентные преимущества и высокий потенциал роста в масштабах мирового рынка, прекратили свое существование. Необратимому разрушению подверглось инвестиционное машиностроение, приборостроение, фармацевтическая и биотехнологическая промышленность, многие другие вполне конкурентоспособные отрасли, обладавшие передовым технологическим уровнем по мировым стандартам. Россия утратила приоритет в космосе, на грани необратимого разрушения оказались авиационная и электротехническая промышленность, продукция которых еще недавно успешно продавалась на мировом рынке.

Объем производства промышленной продукции сжался в первые годы реформ более чем в два раза, откатившись в 1992 году сразу же на 10 лет назад. Потребовалось еще десятилетие, чтобы он стабилизировался

на этом уровне (рис. 13). До сих пор объем производства промышленной продукции недотягивает до дореформенных показателей. При этом стабилизация объема промышленного производства на уровне 1980 года сопровождалась ухудшением его структуры — многие высокотехнологические отрасли так и не смогли восстановиться [53].

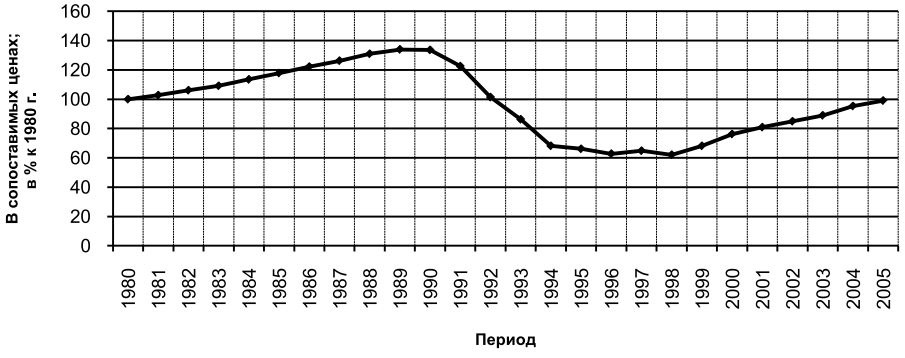

Рис. 13. Объем производства промышленной продукции в РСФСР и РФ.

За 10 лет реформ объем производства гражданского машиностроения упал более чем в 6 раз, включая производство потребительских товаров. К 2000 году производство металлорежущих станков упало до 4 тыс. штук по сравнению со 100 тыс. штук в год в середине 1980-х годов. В том числе производство станков с ЧПУ сократилось до 200 штук по сравнению с 16,7 тыс. десятилетие назад. Фактически прекратилось изготовление ткацких станков и прядильных машин, производство которых в РСФСР достигало 20 тыс. штук и 3,8 тыс. штук соответственно. Производство кузнечно-прессовых машин, достигавшее в РСФСР 40 тыс. штук в год, упало в 40 раз, фактически прекратился выпуск кузнечно-прессовых машин с ЧПУ. Сокращение производства машиностроения для сельского хозяйства составило 85–90%, для медицинской промышленности — 70–75, для строительной индустрии — 60–70, для жилищно-коммунального хозяйства — 55–60% [96].

Резкое падение производства машиностроения коснулось не только средств производства для депрессивных отраслей, столкнувшихся с запредельным падением рентабельности и лишившихся возможности даже для простого воспроизводства основных фондов. Не менее драматичным было сокращение производства оборудования для нефтяной и металлургической промышленности, электроэнергетики, железнодорожного транспорта, находившихся в относительно благополучном финансовом положении. К примеру, к 2000 году в 130 раз сократилось производство турбобуров, превышавшее в 1990 году 12 тыс. штук. Производство па-

ровых котлов и турбин, отличавшееся сравнительно высокой конкурентоспособностью, сократилось за этот период в 14 и 6 раз соответственно. Впятеро упало количество производимых крупных электрических машин и экскаваторов. Практически прекратилось производство машин для дорожного строительства. Количество выпускаемых грузовых магистральных вагонов упало с 30 тыс. штук до 4–6 тыс.

Реформа привела к тяжелейшему кризису сельского хозяйства, где производство продукции сократилось более чем на 40%. Почти прекратилось изготовление машин для сельского хозяйства. Производство тракторов сократилось с 250 тыс. штук в конце 1980-х годов до нескольких тыс. штук в 1990-е годы. К середине 1990-х годов фактически остановилось производство комбайнов, объем выпуска которых превышал в РСФСР 100 тыс. штук. Впятеро упало производство грузовиков, достигавшее 700 тыс. штук. К середине 1990-х годов объемы агропромышленного производства не обеспечивали даже минимальную потребность населения в продуктах. В результате страна оказалась в полной зависимости от иностранных производителей продовольствия, доля которых достигла половины внутреннего потребления.

Серьезно деградировала не только обрабатывающая промышленность, но и относительно благополучные переориентировавшиеся на экспорт сырьевые отрасли. Новоявленные собственники большинства приватизированных предприятий добывающих и сырьевых отраслей повели себя как временщики, максимизируя текущую прибыль путем отказа от расходов на развитие. Расходы на геологоразведку уменьшились сразу же после приватизации добывающих предприятий на порядок. Глубокое разведочное бурение на нефть и газ сократилось к 1998 году более чем в 5 раз (на нефть — в 4 раза), а эксплуатационное бурение на нефть — в 4,5 раза.

Варварские методы добычи вскоре повлекли падение производства. За 1970-е годы в РСФСР был создан мощный нефтедобывающий комплекс, в 1980-е годы добыча поддерживалась на уровне 550–570 млн т. В годы реформы объем добычи упал до 293 млн т в 1996 году, а затем, начиная с 2000 года, поднялся до 408 млн т в 2003 году. При этом одновременно происходило падение производительности труда в отрасли. В 1988 году на одного работника, занятого в нефтедобывающий промышленности, приходилось 4,3 тыс. т добытой нефти, а в 1998 году — 1,05 тыс. т. Несмотря на существенный технический прогресс, который произошел в нефтяной промышленности за десять лет, и вопреки ожиданиям реформаторов, передавших эту самую рентабельную отрасль в частные руки, эффективность производства в ней упала в 3,5–4 раза.

Динамика показателей добычи и численности работников приведена на рис. 14.

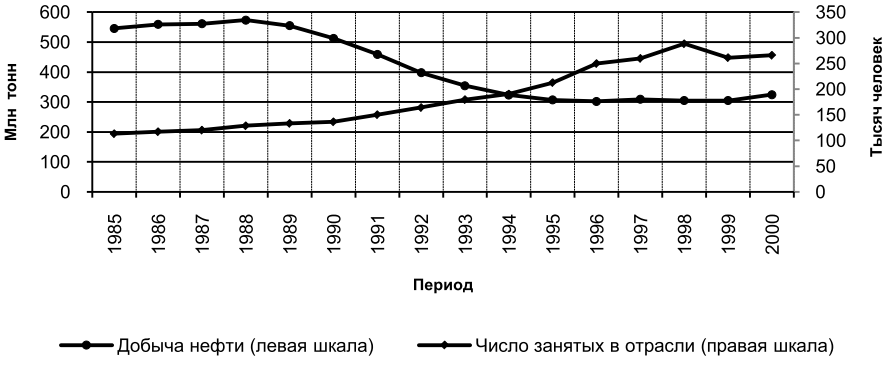

Рис. 14. Нефтедобывающая промышленность в РСФСР и РФ
Источники: Госкомстат СССР, Госкомстат России, Росстат.

Одновременно с сокращением добычи энергоносителей увеличивался их экспорт. В 2003 году добыто 408 млн т нефти, а экспортировано 223 млн т сырой нефти и 77,7 млн т нефтепродуктов. В сумме экспорт нефти в сыром виде и в виде нефтепродуктов составил 300,7 млн т, или 73,7% ее добычи в РФ (при этом в страны СНГ ушло лишь 13,5% экспортной нефти). Заметим, что в РСФСР в 1985 году было добыто 542 млн т нефти, а вывезено (за вычетом ввоза) 185,3 млн т сырой нефти и нефтепродуктов. Таким образом, в РСФСР для внутреннего потребления в 1985 году осталось 356,7 млн т нефти, или по 2,51 т на душу населения. В 2003 году на душу населения в РФ осталось для собственного потребления 107,3 млн т нефти, или 0,74 т на душу населения — лишь 29,5% от того, чем располагал житель РСФСР в 1985 году.

Не лучше обстоят дела еще с одним внешне благополучным сектором российской экономики — металлургическим комплексом. К 1998 году объем производства стали снизился более чем в 2 раза. Одновременно происходило ухудшение структуры производства продукции черной металлургии. В частности, производство сортовой холоднокатаной стали сократилось к 1998 году в 8,4 раза, в 20 раз снизилось производство проката из нержавеющей стали, пятикратно сократилось производство проката с упрочняющей термической обработкой, упроченного арматурного проката, металлокорда, высокопрочных труб, в том числе нефтяного сортамента. Еще более драматичным было сжатие производства спецсталей, используемых в высокотехнологических отраслях машиностроения. Катастрофическое разрушение последнего происходило одновременно с переориентацией поставок конструкционных материалов на экспорт. 2/3 черных металлов и около 90% цветных металлов, ранее производимых для нужд машиностроения и строительства, стали поставляться за рубеж.

До сих пор, спустя два десятилетия после начала радикальных реформ, практически по всем показателям эффективности производства нынешняя российская экономика выглядит существенно хуже советской образца 1990 года. Любой объективный исследователь, умеющий видеть временные связи и строить причинно-следственные зависимости, не может не признать очевидное — экономическая катастрофа в России стала следствием радикальных реформ рыночных фундаменталистов.

На фоне изложенных выше фактов возникают вопросы о причинах постигшей Россию экономической катастрофы. Как получилось, что, будучи самой богатой страной мира и начав переход к рыночной экономике на весьма высоком уровне экономического развития, мы столь позорно провалились? Почему вместо повышения эффективности экономики произошло ее разорение и деградация, сопровождавшиеся крупномасштабным вывозом капитала из страны? Ответы на эти вопросы дает анализ обстоятельств принятия пагубных решений и причин, по которым не исправлялись очевидные ошибки и продолжалась ущербная экономическая политика.

Глава 2
Методология реформы

Выбор методов перехода к рыночной экономике был сделан в России в конце 1991 года в пользу программы шоковой терапии, основанной на доктрине рыночного фундаментализма, прикладная версия которой воплощена в догматике так называемого «Вашингтонского консенсуса». Последний был разработан еще до краха СССР расположенными в Вашингтоне международными финансовыми институтами (МВФ и Мировым банком) как руководство к проведению экономической политики для погрязших в долгах слаборазвитых стран третьего мира в целях поддержания полной открытости их экономик для международного капитала под предлогом предотвращения расхищения предоставляемых им кредитов. По своему содержанию эта концепция представляет вульгаризированную версию приложений неоклассической теории рыночного равновесия, отличающуюся крайней примитивизацией экономической политики, выхолощенной до уровня нескольких незамысловатых догм.

Суть доктрины «Вашингтонского консенсуса» сводится к трем постулатам: либерализации, приватизации и макроэкономической стабилизации через административное планирование количества денег. Эта концепция предусматривает максимальное ограничение роли государства как активного субъекта экономического влияния и сведение его функций макроэкономического регулирования к контролю за динамикой показа-

телей денежной массы. И хотя последние обычно задаются «с потолка», систематически занижаются в целях борьбы с инфляцией, для их выполнения урезаются социальные расходы, прекращается финансирование науки, сворачиваются государственные инвестиционные программы, не финансируются государственные закупки, не выплачивается вовремя зарплата и т. д.

Следует заметить, что серьезная академическая наука последовательно выступала против политики шоковой терапии, обоснованно критикуя лежащую в ее основе идеологию рыночного фундаментализма как опасную утопию. О ее неприемлемости для формирования экономической политики говорили не только российские ученые. О неадекватности идеологии рыночного фундаментализма и ее наукообразной основе — теории рыночного равновесия — реальной хозяйственной практике говорили на съездах американской экономической ассоциации еще в 70-е годы прошлого века. В середине 1990-х годов ряд ведущих ученых-экономистов РАН совместно с всемирно известными американскими нобелевскими лауреатами по экономике издали книгу «Реформы глазами американских и российских ученых»[80], дав общую негативную оценку проводившейся в России ультралиберальной политики. Тем не менее предостережения большой науки не были услышаны реформаторами.

Если бы не китайское экономическое чудо, наивным людям можно было бы бесконечно «вешать на уши лапшу» о безальтернативности нынешней экономической катастрофы в России. В то время как российская экономика сжималась в конвульсиях шоковой терапии, руководство Китая, основываясь на принципах, которые безуспешно предлагала российскому руководству академическая наука, осуществляло успешную модернизацию экономики на основе постепенного выращивания рыночных институтов. Пекинские власти во главу угла реформ поставили задачи развития, подчинив им финансовые механизмы. Там не стали разрушать и приватизировать индустриальные гиганты, постепенно преобразовывая их под контролем государства в конкурентоспособные корпорации. Они сохранили в госсобственности природные ресурсы, естественные монополии, крупные коммерческие банки и предприятия, а также государственное регулирование наиболее важных для формирования экономических пропорций цен.

Китайские реформы почти в точности соответствовали рекомендациям российских академиков. Там тщательно изучали не только причины провалов СССР и СНГ, но и работы российских ученых, которые были частыми гостями в китайских научных институтах. В Пекине к ним относились куда с большим вниманием, чем в Москве, где строго следовали рекомендациям из Вашингтона, слепо доверяя его «пятой колонне» рыночных фундаменталистов.

В России, вопреки не только научным рекомендациям, но и элементарному здравому смыслу и международному опыту, в жертву идолам рыночного фундаментализма были принесены сбережения граждан, высокотехнологические отрасли промышленности и природная рента — сотни миллиардов нефтедолларов ушли на подпитку долларовой финансовой пирамиды, оставив отечественный научно-производственный потенциал без необходимых для модернизации ресурсов. Вместо постепенного выращивания институтов рыночной конкуренции и осторожной трансформации гигантов социалистической экономики в конкурентоспособные корпорации, создания национальной финансово-инвестиционной системы, ориентированной на долгосрочное кредитование модернизационных проектов, либеральные фанатики раскромсали научно-производственный комплекс страны варварской «прихватизацией», на останках которого выросли криминально-олигархические структуры, задушившие конкуренцию и перекрывшие стране выход на инновационный путь развития.

Чудище олигархического неофеодализма, выросшее из либеральной утопии, захватило страну, расстреляв демократически избранный парламент и растоптав права подавляющего большинства граждан. Эти преступления против общества вначале совершались под предлогом построения современной высокоэффективной и социально ориентированной рыночной экономики. После того как провал в достижении этой цели стал очевидным для всех, реформаторы стали оправдывать совершенные преступления необходимостью необратимого изменения общественного строя. Ради этого либеральные революционеры ввергли экономику и общество в хаос, разрушив все несущие конструкции российского социума — начиная от нравственных ценностей и заканчивая научными школами. Этому погрому предшествовала целая серия роковых ошибок в попытках реформирования социалистической экономики, предпринимавшихся руководством СССР без понимания закономерностей современного социально-экономического развития.

2.1. Неудачи в реформировании советской экономики

Сказанное выше не означает отсутствия необходимости реформирования социалистической экономики. К середине 1980-х годов она стала явно пробуксовывать под грузом нарастающих диспропорций. Исследования технико-экономического развития СССР в сравнении с другими странами, проводившиеся автором в тот период, показывали нарастающее технологическое отставание советской экономики.

Согласно полученным результатам, к началу 1990-х гг. отставание по техническому уровню экономики СССР по отношению к передовым стра-

нам составляло 20–25 лет. Гистограммы распределения более 50 показателей технико-экономического развития по величине отставания в 1955 и 1983 годах (рис. 1, 2) отражают нарастающее отставание советской экономики от передовых стран по уровню ее технического развития. Лишь в области энергетики в нашей стране технологические сдвиги происходили почти одновременно с другими развитыми странами. Динамика обобщенного показателя технико-экономического развития, построенного путем агрегирования методами многомерного статистического анализа полусотни показателей технического развития разных сфер экономики, свидетельствует об увеличении отставания СССР по уровню технического развития от развитых капиталистических стран (рис. 3), достигшего к середине 1980-х годов более двух десятилетий [29].

Рис. 1. Распределение исходных признаков технико-экономического развития по величине фактического отставания СССР от передовых стран в 1955 г.
Источник: Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития.— М.: ВлаДар, 1993. — С. 147.
Примечание. Фактическое отставание представляет собой количество лет, прошедшее с того момента, когда эталонный уровень технического развития соответствовал нынешнему в рассматриваемой стране. Перспективное равно числу лет, которое потребуется стране, чтобы достичь по уровню технического развития нынешнего состояния эталона.

Столкнувшись к началу 80-х годов с нарастающим технологическим отставанием от развитых капиталистических стран и падением темпов роста производства и благосостояния населения, советское руководство попыталось модернизировать технологическую структуру экономики в рамках сложившейся институциональной структуры. Была провозглашена программа ускорения социально-экономического развития. Это был последний маневр системы директивного управления народным хозяйством в расчете на перераспределение ресурсов из устаревших технологических структур в новые. Сделать это, однако, не удалось. Программа ускорения велась в рамках сложившейся системы институтов, отторгавшей как радикальные нововведения, так и попытки перенастроить их на потребности модернизации экономики. Отставание советской экономики по уровню технико-экономического развития от развитых капиталистических

стран продолжало увеличиваться. Это показывали измерения технико-экономического развития СССР в сравнении с другими странами, проведенные автором в те годы при помощи методов многомерного статического анализа динамических рядов тех же исходных признаков.

Рис. 2. Распределение исходных признаков технико-экономического развития по величине фактического отставания СССР от передовых стран в 1983 г.
Источник: Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития.— М.: ВлаДар, 1993. — С. 147.

Наблюдаемое по обобщенному показателю технико-экономического развития некоторое сокращение показателя перспективного отставания СССР в начале 1980-х годов объясняется структурной перестройкой экономики стран-лидеров, в качестве которых использовались США и Великобритания. В ходе этой структурной перестройки происходило сокращение объемов производства ряда товаров, спрос на которые достиг насыщения (продукция органической химии, автомобиле- и тракторостроение и др., в то время как в СССР он продолжал увеличиваться. С ростом производства и потребления новых товаров в странах-лидерах (производство средств вычислительной техники и гибкой автоматизации) перспективное отставание СССР вновь стало расти.

Формулировавшиеся руководством ЦК КПСС амбициозные цели не учитывали инертность весьма жесткой институциональной структуры системы управления народным хозяйством, характеризовавшейся связыванием ресурсов в устаревших производствах, межведомственными барьерами, низкой инновационной активностью. Спущенные сверху цели не имели под собой соответствующего механизма реализации на микроуровне. Закостеневшая система государственного планирования не могла справиться с преодолением ею же созданных диспропорций в экономике страны. Народнохозяйственные приоритеты диктовались интересами ведомств, которые делали невозможным сколько-нибудь значительное перераспределение ресурсов в пользу новых перспективных производств. Руководство КПСС, направлявшее развитие страны и мировой социалистической системы, оказалось неспособно к продуманным прагматичным изменениям институтов

организации общественного производства, которые демонстрировали чрезвычайную устойчивость сложившихся воспроизводственных процессов.

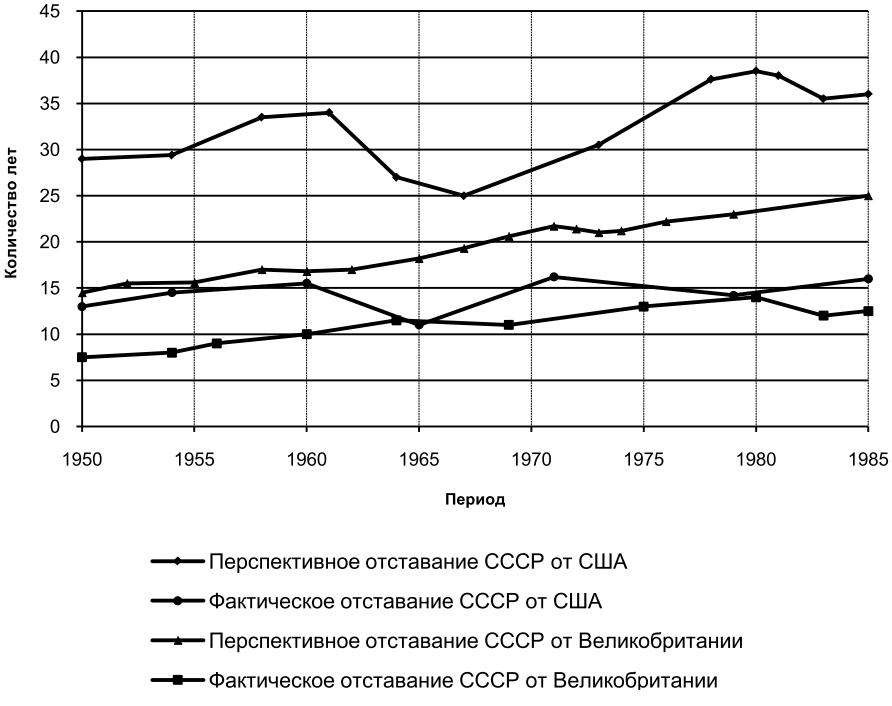

Рис. 3. Характеристики отставания по обобщенному показателю технико-экономического развития.

Примечание. Обобщенный показатель — первая главная компонента, полученная методом главных компонент в результате обработки динамических рядов исходных признаков, технико-экономического развития. Метод главных компонент — это один из способов понижения размерности пространства измеряемых показателей, состоящий в переходе к новому ортогональному базису, оси которого ориентированы по направлениям максимальной дисперсии набора исходных данных. Вдоль первой оси нового базиса дисперсия и соответственно объем содержащейся в исходных данных информации максимальны, вторая ось максимизирует оставшуюся дисперсию при условии ортогональности первой оси и т.д., Такое преобразование позволяет концентрировать информацию путем построения обобщенных показателей процессов, измеряемых большим набором различных признаков.

Источник: Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития.— М.: ВлаДар, 1993. — С. 148.

Оценивая попытки ускорения технико-экономического развития СССР, следует заметить, что в директивно управляемой экономике условия деятельности хозяйственных организаций чрезвычайно стабильны. Они включены в крупные ведомственные системы, функционирование которых с трудом поддается централизованному контролю. Прочное властно-хозяйственное положение ведомств предопределяет стабильность условий деятельности типичной администрации хозяйственной организации и неизменность протекающих в ней процессов управления.

В этих условиях внедрение радикальных нововведений в сложившихся технологических структурах оказывается весьма затруднительным. Существовавшая в директивно управляемой экономике структура управления обслуживала неизменный режим расширенного воспроизводства сложившихся технологических систем, слабо реагирующий на изменения общественных потребностей в результатах их деятельности.

В условиях директивно управляемой экономики доминирующим мотивом хозяйственного поведения было своевременное выполнение формальных плановых показателей. Это обуславливало стремление хозяйственных руководителей к стабильности ритма, содержания и процедур производственной деятельности, а также их отрицательное отношение к нововведениям. Консерватизм хозяйственных руководителей способствовал упрочению сложившихся контуров хозяйственных отношений и являлся важным фактором сдерживания технического прогресса. Последний также принимал рутинный характер.

Большая часть НИОКР осуществлялась через систему головных отраслевых научно-исследовательских институтов (НИИ) и научно-производственных объединений (НПО), являвшихся структурными подразделениями соответствующих ведомственных систем. Закономерным результатом такой организации НИОКР была тенденция к рутинизации процессов научных разработок, осуществлявшихся в рамках принципиально неизменных технических решений, как правило, одновариантно. Ведомства во многих случаях активно противодействовали внедрению радикальных новшеств как отраслевого, так и межотраслевого назначения.

Действовавший в директивно управляемой экономике механизм продвижения результатов НИОКР в производство имел преимущество, позволявшее осуществить быстрое распространение нескольких базисных технологических процессов при заинтересованности соответствующего ведомства. Недостатком являлась высокая вероятность осуществления нерациональных решений и реализации неэффективных проектов, так как альтернативные технологии, как правило, не разрабатывались и конкуренции между ними не было. А если таковые появлялись, что случалось обычно вне исследовательской подсистемы соответствующего ведомства, в последней старались подавить альтернативы.

Существовавший в директивной экономике механизм более или менее хорошо справлялся с задачей организации быстрого и эффективного роста технологических систем, принципы создания которых известны, возможные решения ясны и лучшие можно легко выбрать. Но в отношении принципиально новых базовых технологий эти условия, как правило, не соблюдаются. Количество возможных технических решений намного превышает практические возможности их реализации,

а выбрать их априори не представляется возможным. Из статистики внедрения нововведений известно, что на сотню научно-технических идей приходится не более десятка технологически успешных разработок и один коммерчески успешный продукт. Поэтому распространенным способом ведения НИОКР в директивно управлявшейся экономике стало заимствование научно-технических достижений передовых в техническом отношении стран, где соответствующие направления НТП уже получили практическую реализацию и произошел рыночный отбор наиболее эффективных разработок. Такой имитационный характер технологического развития, хоть и позволял экономить на НИОКР, но обрекал экономику на хроническое отставание, лишал ее возможности совершения технологических прорывов и соответственно получения интеллектуальной ренты — сверхприбыли, извлекаемой за счет научно-технического превосходства.

В условиях директивной экономики становление новых технологических структур осуществлялось параллельно с продолжающими функционировать в режиме расширенного воспроизводства старыми. Система административного планирования, обеспечивая воспроизводство всех сложившихся производственно-технологических систем, закономерно приводила к возникновению технологической многоукладности экономики, резко снижавшей ее общую эффективность.

Несмотря на реализацию программы ускорения, технологическое отставание СССР нарастало, продолжалось углубление диспропорций в экономической структуре. За полтора года ее осуществления были использованы имевшиеся резервы, умелое маневрирование которыми могло бы в то время существенно облегчить переход к рыночной экономике при поддержании экономического роста. Однако неизменность сложившихся структур хозяйственных отношений предопределила провал программы ускорения. Всеобщее признание получила необходимость более радикальных изменений в экономической системе.

Пробуксовка программы ускорения сделала очевидной необходимость системных изменений в организации общественного производства. На свет появилась теория перехода к рынку при сохранении социалистической собственности и директивных институтов государственного управления народным хозяйством, реализация которой началась принятием пакета постановлений ЦК КПСС и Совмина СССР летом 1987 года. Она исходила из постулата демократизации управления производством и включала в себя три предпосылки — о самоуправлении государственных предприятий, о региональном хозрасчете и ограничении частной собственности индивидуальным или семейным предпринимательством. Каждая из этих предпосылок строилась на абстрактных представлениях о рыночной экономике, сформировавшихся под определяющим влия-

нием постулатов господствовавшей в то время политической экономии социализма. Утопическая сверхидея этого этапа реформы заключалась в построении рыночной экономики, свободной от отношений капиталистической эксплуатации человека.

Содержание Закона о госпредприятии, принятого в рамках первого этапа экономической реформы, составляли традиционные направления реформирования социалистической экономики: расширение самостоятельности предприятий в вопросах ценообразования, материально-технического снабжения и распределения дохода при сохранении их административного подчинения отраслевым министерствам и выполнении директивных заданий вышестоящих органов управления; ослабление властно-хозяйственного положения государственных и партийных органов управления; предоставление гражданам возможностей индивидуальной трудовой и кооперативной деятельности. Система государственного планирования и распределения ресурсов оставалась практически неизменной, несмотря на декларативные положения соответствующих постановлений.

Сокращение числа отраслевых министерств не привело к разрушению соответствующих производственно-ведомственных систем, которые воспроизвелись в форме ассоциаций и концернов. При этом негативным результатом реорганизации стало ослабление централизованного управления народным хозяйством и усиление хозяйственной власти государственных предприятий при размывании и ослаблении механизмов их экономической ответственности, что привело к усилению материально-вещественной и товарно-денежной несбалансированности, увеличению дефицита государственного бюджета и росту инфляции. В результате ухудшились возможности проведения активной научно-технической политики, осуществления прогрессивных структурных изменений в экономике. Иными словами, реальным итогом первого этапа экономической реформы вопреки замыслам ее разработчиков стало усиление ведомственности, вследствие чего возросла вероятность принятия нерациональных решений в высших органах государственной власти, которые стали объектом непосредственного лоббирования производственно-ведомственных систем. Последние получили канал прямого выхода в высшие органы государственной власти через постоянные органы (бюро по народно-хозяйственным комплексам) Совета Министров СССР, минуя Госплан и Госснаб, которые ранее балансировали ведомственные притязания с наличными производственными возможностями.

Ослабление централизованного контроля привело в этих условиях к углублению народно-хозяйственных диспропорций и ухудшению экономического положения страны. Это, в свою очередь, стимулировало даль-

нейшее продвижение экономической реформы. Основные направления преобразований оставались теми же, но проводить их решено было более радикальным образом.

Определяющим направлением расширения самостоятельности государственных предприятий по-прежнему оставалось свертывание отношений их административной подчиненности. Еще в ходе первого этапа реформы наметилась тенденция замещения зависимости администрации госпредприятий от вышестоящих органов государственного управления институтом ее ответственности перед трудовым коллективом, включающим предоставление трудовому коллективу прав принятия стратегических решений (утверждение планов деятельности предприятия, распределение доходов и др.) и контроль за деятельностью администрации. На втором этапе эта тенденция получила дальнейшее закрепление. Трудовым коллективам законодательно предоставлялось право утверждения руководителей предприятия. Кроме того, в соответствии с принятыми Основами законодательства СССР об аренде была введена норма, позволяющая большинством в 2/3 голосов трудового коллектива взять госпредприятие в аренду. Трудовым коллективам государственных предприятий делегировался таким образом ряд ключевых правомочий собственника по распоряжению государственными средствами производства.

Последствия расширения самостоятельности государственных предприятий на основе предоставления ряда правомочий собственника их трудовым коллективам оказались далеки от планировавшихся. Главным результатом стало формирование на предприятии нового центра власти в лице совета трудового коллектива или коллектива арендаторов. Будучи подотчетной общему собранию трудового коллектива, администрация предприятия в своих решениях вынуждена была действовать в границах, удовлетворяющих интересы большинства занятых на предприятии людей, которые не совпадали с народно-хозяйственными целями развития производства.

В условиях директивного управления народным хозяйством трудящиеся были лишены возможности участвовать в принятии решений. Формальное предоставление трудовому коллективу ряда правомочий собственника госпредприятия само по себе не изменило реальных условий деятельности большинства его членов. Вместе с тем последние получили возможности дополнительного давления на администрацию, которые использовались главным образом в интересах увеличения оплаты труда и потребления. Перераспределение дохода в пользу потребления в ущерб интересам долгосрочного развития предприятия не могло способствовать модернизации и техническому развитию производства.

Таким образом, основные направления изменения хозяйственных отношений в государственном секторе народного хозяйства на втором этапе экономической реформы не могли обеспечить важнейших условий повышения инновационной активности. Не оправдало ожиданий и введение новых институтов регулирования экономической активности вне государственного сектора, который в тот период был представлен тремя формами организации производства: на основе индивидуальной и кооперативной собственности, а также собственности общественных организаций. Их расширенное воспроизводство сдерживалось возможностями найма рабочей силы. Развитие производства на основе индивидуальной собственности было практически невозможным вследствие конституционных ограничений, допускавших лишь «семейную» занятость на индивидуальных предприятиях. Ограничения по найму рабочей силы в негосударственном секторе затрудняли производственное накопление, толкая предпринимателей к «проеданию» получаемого дохода.

Свобода распределения дохода являлась по существу единственным преимуществом хозяйственной деятельности в негосударственном секторе экономики. Само по себе это преимущество не стимулировало, однако, повышение эффективности и техническое развитие общественного производства. В охарактеризованных выше условиях хозяйствования в негосударственном секторе сохранялась ориентация на максимизацию личного потребления. В значительной части кооперативов в фонд оплаты труда перечислялось до 80% полученных доходов.

Важным направлением первого этапа экономической реформы было ослабление традиционных институтов административно-ведомственного регулирования общественного производства. На втором этапе это направление получило дальнейшее развитие. При этом становления новых институтов управления не предусматривалось. Осталась прежней административная система ценообразования и кредита, не были созданы более гибкие институты централизованного регулирования экономики. Неудивительно, что развитие рыночных отношений в таких условиях приняло деструктивный характер и сопровождалось растущей дезорганизацией общественного производства. Государственные предприятия, обретая самостоятельность, объективными условиями хозяйствования — системой административно установленных цен и нормативов, сохраняющейся мягкостью бюджетных ограничений и условий предоставления кредита, трудностями материально-технического снабжения, дефицитностью своей продукции и своим монопольным положением, отсутствием развитой системы платежей за использование природных ресурсов и загрязнение окружающей среды, системы налогообложения расходов и т.д. — принуждались к принятию нерациональных с точки зрения народно-хозяйственных интересов решений.

При этом советская экономика оставалась наглухо отгороженной от мирового рынка государственной монополией внешней торговли, введенной сразу же после социалистической революции. Внешняя торговля в директивной экономике выполняла компенсирующую функцию, дополняя внутрихозяйственный оборот недостающими импортными товарами, для оплаты которых государство вынуждено было развивать экспорт. С этой точки зрения вся история советского промышленного развития может быть охарактеризована как индустриализация через импортозамещение. В 1930-е годы за счет сельскохозяйственного экспорта и валютных резервов было осуществлено замещение импорта продукции сельскохозяйственного, транспортного и тяжелого машиностроения отечественным производством. В 1950–1960-е годы за счет экспорта энергоресурсов частично замещался импорт химической продукции, продукции цветной металлургии, приборостроения, оборудования для нефтехимической и пищевой промышленности. С 1970-х годов экспортная выручка все больше стала направляться на замещение импортной электроники, средств автоматизации и приборов продукцией собственного электронного машиностроения. Одновременно доходы от экспорта служили одним из важнейших источников импорта предметов потребления.

В условиях быстро обострявшегося с начала 1970-х годов структурного кризиса нагрузка на внешнюю торговлю резко усилилась. Между тем экспортная база росла медленно, поглощая все больше ресурсов на свое поддержание. И когда с начала 1980-х годов были приняты программы наращивания производства продовольствия и предметов народного потребления, нагрузка на экспорт превзошла имеющиеся возможности. Наглядным свидетельством тому стала провалившаяся программа «ускорения экономического роста», которую в то время пыталось осуществить руководство страны: она разбилась об обнажившиеся ресурсные ограничения экспортных производств. Накопление диспропорций в народном хозяйстве превысило возможности их компенсации за счет наращивания экспорта энергетического сырья [80].

В сложившихся в результате экспериментов по рыночным модификациям социалистической экономики условиях обеспечение народнохозяйственных интересов основывалось на применении прежних методов директивного управления. Так, осуществление прогрессивных структурных изменений, необходимых для реконструкции приоритетных отраслей народного хозяйства, конверсии оборонной промышленности, наращивания производства предметов потребления пришлось регулировать на основе прямых адресных заданий, размещаемых в форме обязательных для исполнения государственных заказов. Активизация использования традиционных административных методов централизованного регулирования экономики, трудность отказа от которых была

обусловлена неэффективностью формирующихся рыночных отношений, не только противоречила официально провозглашенным принципам нового экономического порядка, но и серьезно затрудняла проведение институциональных преобразований.

Фактически первые два этапа реформы направлялись умозрительной теорией построения социалистического рынка, свободного от отношений капиталистической эксплуатации. Утопичность этой теории, выведенной из модифицированной версии оторванной от действительности марксистской политэкономии социализма, предопределила неэффективность построенной на ее основе экономической политики, проведение которой лишь усугубило структурный кризис и хаос в экономике страны. Реальным результатом практической реализации теории социалистического рынка стало нарастание бесхозяйственности и хаоса на микроуровне, утрата управляемости народным хозяйством на макроуровне, снижение инвестиционной активности, падение темпов экономического роста. Для поддержания уровня жизни населения был использован последний резерв — внешние займы в форме иностранных товарных кредитов. Большая часть огромного долга СССР образовалась в это время.

Урок, который следовало бы извлечь их этого печального опыта, заключается в признании опасности умозрительных схем осуществления экономической реформы, необходимости исходить из реальной экономической ситуации и реальных закономерностей поведения хозяйствующих субъектов. Урок этот, однако, усвоен не был. Умами руководителей страны завладела новая идеализированная и утопическая доктрина перехода к рынку.

2.2. Шоковая терапия

Процессы распада системы централизованного управления народным хозяйством резко ускорились после попытки государственного переворота в августе 1991 года. Последовавшая вслед за его провалом «кадровая чистка» в высших эшелонах власти и фактическая смена правящей элиты не могли не сказаться на эффективности работы государственного аппарата, который был дезориентирован и деморализован. Выбор стратегии перехода к рыночной экономике совершался в России и в других республиках СССР в условиях распада союзного государства и скреплявших народное хозяйство страны институтов. Центральные органы управления экономикой страны были парализованы. И хотя брошенные на произвол судьбы предприятия продолжали работать по инерции, отсутствие привычных процедур централизованного планирования неизбежно вело к нарастанию хао-

са, проявившегося в ускорении инфляции и усилении несбалансированности всех элементов единого народно-хозяйственного комплекса. Наиболее болезненно эта несбалансированность проявлялась на потребительском рынке в спонтанно обостряющемся дефиците товаров первой необходимости. Всплески возникающего на этой почве недовольства населения повергали в панику руководителей государства, провоцируя скоропалительные, непродуманные решения.

Одновременно с ослаблением центральных институтов государственного управления резко усилились дезинтеграционные процессы под влиянием фактического перераспределения власти с общесоюзного уровня на республиканский. Продолжавшиеся еще некоторое время попытки сохранения единого экономического пространства в условиях провозглашения политического суверенитета республик путем образования межгосударственного экономического комитета вскоре захлебнулись под воздействием нарастающих процессов развала хозяйственных связей, автономизации хозяйственных комплексов республик, потери управляемости экономическими процессами как на союзном, так и на республиканском уровне. Завершением этих процессов стал распад СССР и ликвидация межгосударственного экономического комитета в конце 1991 года.

К этому времени нарастание экономического хаоса приобрело угрожающий характер. Соединение институционального и структурного кризисов в условиях резкого ослабления институтов государственной власти влекло распад имевшихся воспроизводственных контуров и разрушение производственно-технологических связей. Положение усугублялось неблагоприятными общими экономическими условиями, сформировавшимися в результате предшествующей политики союзного правительства. В наследство России достался колоссальный внешний долг, обанкротившийся Внешэкономбанк, нарастающие инфляционные ожидания, а также выросшие на полузаконных привилегиях неэффективные частно-государственные образования, специализирующиеся на присвоении и потреблении государственной собственности, переданной им в распоряжение.

В этих условиях с 1 января 1992 года начал осуществляться первый пакет мер по радикальной реформе, включавший либерализацию цен, внутренней торговли и внешнеэкономической деятельности, введение налога на добавленную стоимость, массовую приватизацию государственных предприятий, а также осуществление программы макроэкономической стабилизации путем количественного регулирования денежной базы и балансировки государственного бюджета за счет резкого сокращения государственных расходов. Государство самоустранялось от организации производства и торговли, регулирования цен, осуществления инвести-

ций. Расчет был на действие механизмов рыночной самоорганизации, которые, по замыслу реформаторов, должны были вывести экономику в состояние равновесия. Предполагалось, что это состояние будет достигнуто в течение нескольких месяцев в рамках некоторого прогнозируемого изменения соотношения цен.

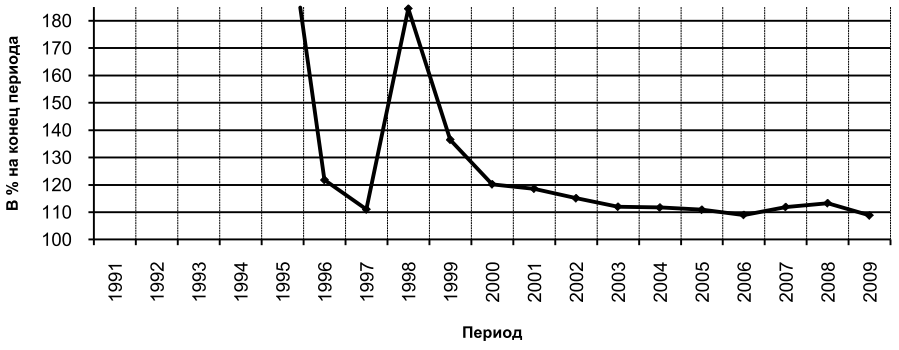

Рис. 4. Индексы потребительских цен на товары и услуги населению.

Однако в реальных условиях сложившихся в народном хозяйстве диспропорций и отсутствия институтов рыночной организации производства экономика не могла не только войти в состояние равновесия, но даже приблизиться к нему. Обнажившаяся вслед за развалом институтов централизованного планирования монопольная структура народного хозяйства тут же проявилась в гонке цен и издержек в высокомонополизированных отраслях (рис. 4). Вследствие разрыва сложившихся контуров хозяйственных отношений и разрушения механизмов воспроизводства экономика вошла в турбулентный режим работы на разорванных производственно-хозяйственных связях и оборванных технологических цепочках, который характеризовался галопирующей инфляцией, массовыми неплатежами, примитивизацией и падением эффективности производства, перераспределением доходов в пользу монополистов. При этом экономика не приближалась к ожидавшемуся реформаторами состоянию равновесия, оказавшись в многочисленных институциональных ловушках, удерживающих ее в далеких от оптимального состояниях под влиянием складывающегося баланса властно-хозяйственных отношений и интересов хозяйствующих субъектов.

В теории рыночного равновесия доказывается, что в условиях свободной конкуренции максимизация извлечения прибыли каждой фирмой ведет к достижению наиболее эффективного использования ресурсов в точке равновесия, к которой экономическая система приходит автоматически под влиянием процесса рыночной конкуренции. Последнее следует специально отметить — без работы механизма сво-

бодной конкуренции, который не только исключает какие-либо монопольные эффекты, но и предполагает точное знание и возможность использования экономическими агентами всех имеющихся производственных технологий, оптимальная точка равновесия не может быть достигнута. При этом по мере приближения к этой точке норма прибыли каждой фирмы стремится к нулю. Наиболее эффективному распределению ресурсов соответствуют оптимальные цены, при которых норма прибыли всех свободно конкурирующих друг с другом фирм становится равной нулю.

Этот теоретический научный результат легко интерпретируется в терминах экономической политики. Действительно, если на рынке соблюдается принцип свободной конкуренции и ни одна из фирм не может влиять на рыночные цены, то главным способом максимизации прибыли становится снижение издержек. Поскольку все фирмы действуют таким образом, происходит повышение эффективности и снижение цен вплоть до исчерпания технико-экономических возможностей совершенствования производства продукции. Соответственно снижается и средняя норма прибыли, которая у отдельных фирм может повышаться только путем сокращения издержек за счет внедрения новых технологий.

Однако вопреки этой абстрактной теории рыночного равновесия за два десятилетия рыночных реформ в российской экономике ни разу не было замечено снижения инфляции, за исключением нескольких сезонных понижений цен в августе — сентябре на продовольственные товары. В странах с развитыми рыночными отношениями инфляция также держится на положительном уровне уже в течение более полувека, за исключением кризисного периода 2008–2009 годов, когда под воздействием резкого падения спроса произошло падение цен на широком сегменте рынка потребительских товаров. В теории рыночного равновесия постоянный инфляционный фон обычно объясняется несовершенством конкуренции и избыточным денежным предложением, искусственно повышающим спрос. Из этих соображений исходят и расхожие рекомендации по борьбе с инфляцией, которые сводятся к повышению эффективности антимонопольной политики и сокращению денежного предложения.

В действительности, однако, все обстоит намного сложнее. Как указывал еще три десятилетия назад Д. Гэлбрейт [107], постоянный положительный инфляционный фон в развитых рыночных экономиках — это следствие процесса расширенного воспроизводства крупных промышленных организаций, для которых ценовая конкуренция весьма обременительна в силу высокой инерции производственно-технологических связей. Впоследствии этот тезис был дополнен результатами наблюдений инновационных процессов, в которых при снижении цены единицы

полезного эффекта товара цена на последний в целом, как правило, не уменьшается. Иными словами, конкуренция современных высокотехнологических производственных организаций происходит не столько посредством снижения цен на конечные продукты, сколько за счет постоянного улучшения потребительских качеств продукции.

Но и при таком уточнении теории рыночного равновесия она не может объяснить причины галопирующей инфляции в российской экономике. Конечно, ее можно списать на банальное отсутствие свободной конкуренции в высокомонополизированной российской экономике, формировавшейся в условиях централизованного планирования, одним из принципов которого было исключение дублирования создаваемых производств в целях использования эффекта масштаба и упрощения управления. Но даже на возникших после распада централизованной системы планирования рынках с огромным количеством участников конкурентного ценообразования не возникало. Мелкие фирмы, ни одна из которых не могла самостоятельно повлиять на цены, согласованно их повышали, получая монопольную сверхприбыль за счет потребителей. В результате происходило снижение и уровня жизни населения, и эффективности экономики. Вместо внедрения новых технологий и снижения издержек основным способом повышения прибыли стало простое завышение цен.

Такое поведение частных фирм возможно только при отсутствии доступа на рынок конкурентов и реальных санкций за злоупотребления монопольным положением на рынке. Это стало следствием установления контроля за формирующимся потребительским рынком со стороны организованной преступности при попустительстве связанных с ней коррумпированных органов власти. В результате криминализации рынка происходило подавление конкуренции цен и включение в них криминальной и коррупционной ренты.

Характерным примером являются продовольственные рынки крупных городов, цены на которых многократно превышают равновесный уровень, соответствующий условиям свободной конкуренции. При их соблюдении цена продажи товара потребителю редко превышает цену покупки того же товара у производителя более чем в 1,5–2 раза. Как показали эмпирические исследования соотношения цен производителей и цен розничной торговли на продовольственные товары, проводившиеся автором, спустя полтора десятилетия после либерализации цен потребитель платил в Москве за продовольственные товары в 5–10 раз больше, чем получал за них производитель (табл. 1). Остальное доставалось посредническим структурам, монополизировавшим торговлю при помощи организованной преступности и коррумпированной бюрократии.

Таблица 1

Сравнительная таблица цен (сентябрь — октябрь 2005 г.)

Наименование продукта	Цена производителя (за 1 кг)	Розничная цена на московских рынках (за 1 кг)
Яблоки (Воронежская область)	8 руб.	24–30 руб.
Свекла (Московская область)	4 руб.	15 руб.
Картофель (Московская область)	3–5 руб.	7–13 руб.
Картофель (Рязанская область)	3,7 руб.	10–13 руб.
Морковь (Московская область)	6 рублей	15–20 руб.
Арбузы (Астраханская область)	70 коп.	9 руб.
Помидоры (Астраханская область)	3 руб.	25–30 руб.
Баклажаны (Астраханская область)	2,7 руб.	15 руб.
Перец (Астраханская область)	4,5 руб.	30 руб.
Молоко 2,8% (Московская область)	8–10 руб. за литр	20–35 руб. за литр
Говядина (Московская область)	60–80 руб.	100–120 руб.

Ясно, что норму прибыли в 300–1000 % можно получать только путем преступного сговора, когда вместо государства регулированием рынка занимается организованная преступность. Экономика оказалась в институциональной ловушке криминализации рынка, в которой государственные институты его регулирования потеряли эффективность вследствие коррумпированности соответствующих органов государственной власти[1]. Как видно по российскому опыту, рынок продовольственных товаров может удерживается сколь угодно долго вдали от оптимального состояния рыночного равновесия, до тех пор, пока его участники — оптовики, перевозчики, торговцы, правоохранительные органы, государственные регуляторы, местные органы власти связаны общими интересами и объединены организованной преступной сетью, блокирующей свободный до-

[1] Институциональная ловушка — это неэффективная устойчивая норма (неэффективный институт), имеющая самоподдерживающийся характер. Ее устойчивость означает, что если в системе превалировала неэффективная норма, то после сильного возмущения система может попасть в институциональную ловушку, и тогда уже останется в ней даже при снятии внешнего воздействия [75].

ступ на рынок и распределяющей между этими участниками монопольную сверхприбыль.

Более простые формы подобных институциональных ловушек демонстрируют классические олигополистические рынки, в число участников которых входят также федеральные органы власти и регуляторы. На них фирмы просто договариваются между собой и органами власти о разделе рынка и согласованно завышают цены. Так, к примеру, устроен российский рынок нефти и нефтепродуктов, который территориально разделен между крупными нефтяными компаниями, ведущими себя как типичный картель. В каждом регионе действует один крупный монополист, который фактически диктует цены потребителям, пользуясь сезонными колебаниями спроса. Как правило, он повышает цены на солярку перед посевной и уборочной кампаниями в сельском хозяйстве, на бензин — весной перед выездом автомобилистов из зимних гаражей, на мазут — осенью перед отопительным сезоном. Норма прибыли нефтяных монополий часто зашкаливает за 100%, в то время как нормальной в этой отрасли, согласно общемировой практике, считается рентабельность продукции в пределах 10–15%. Все, что сверх этого — монопольная сверхприбыль, получаемая за счет потребителей и природной ренты.

Не менее яркие примеры злоупотребления монопольным положением на рынке демонстрируют металлургические компании, приобретающие энергоносители и сырье по относительно низким внутренним ценам и продающие свою продукцию российским потребителям по ценам, превышающим мировые. Примеры монополизации российского рынка можно продолжать до бесконечности. Монополисты, преступность и коррумпированные чиновники играют на нем доминирующую роль при попустительстве со стороны правоохранительных и антимонопольных органов. При этом у предприятий не возникает мотивов внедрения новых технологий, так как рынок для конкурентов закрыт. Характерным примером является деятельность металлургических монополий, которые, получая сверхприбыли, почти не вкладывали их в развитие производства. Вместо этого они эффективно лоббировали закрытие внутреннего рынка, завышая цены на свою продукцию сверх мирового уровня, несмотря на куда меньшие экологические, энергетические и трудовые издержки по сравнению с зарубежными конкурентами.

Естественным следствием криминализации рынка и коррумпированности органов государственного регулирования становится бесконечное повышение цен. Оно сдерживается лишь конкуренцией со стороны импортеров, но и они, становясь частью этой системы ценообразования, втягиваются в спираль постоянного завышения цен. Не случайно цены на импортные потребительские товары в России существенно, подчас в разы выше, чем в Европе и США, не говоря уже о Китае.

Либерализация цен в таких условиях не могла не вызвать галопирующую инфляцию. Последствием либерализации цен стал не просто их быстрый хаотический рост. Важнейшая особенность этого роста заключалась в том, что он приобрел самогенерирующийся характер и вопреки ожиданиям реформаторов не стремился к достижению рыночного равновесия. Проявившиеся в экономике диспропорции влекли неравновесность экономических процессов, следствием которой стало перераспределение доходов в пользу посредников, наживающихся на несбалансированности спроса и предложения. В частности, через «ножницы цен» произошел колоссальный переток добавленной стоимости из обрабатывающей промышленности, строительства и сельского хозяйства в торговлю [9].

Инфляция издержек, запущенная либерализацией цен, влекла изменение ценовых пропорций в неблагоприятном направлении для производства товаров с высокой добавленной стоимостью. Рост цен на продукцию высокомонополизированных отраслей в десятки раз опередил рост цен на готовые изделия, соотношение цен для обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства многократно ухудшилось. В результате произошел переход к новой структуре экономических оценок, в которой производство большей части изделий конечного потребления с высокой добавленной стоимостью стало убыточным (рис. 5).

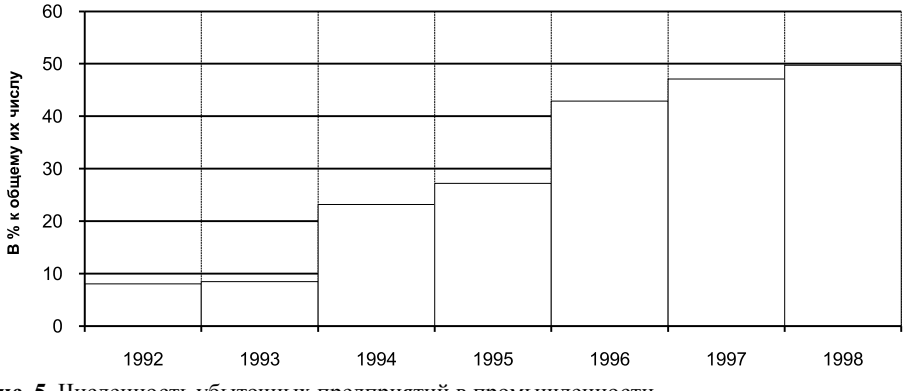

Рис. 5. Численность убыточных предприятий в промышленности.

Цепочки причинно-следственных связей, характеризующие инфляцию издержек и обусловливающие спад производства, были связаны с сверхмонополизацией и объективными диспропорциями российской экономики, которые проявились сразу же после либерализации цен и внешней торговли. Стремительное повышение цен на сырье и материалы вызывало рост издержек в обрабатывающей промышленности, а это в свою очередь приводило к снижению конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей, вытеснению их продукции импортными товара-

ми. Следствием этого стало сокращение производства, рост издержек, ухудшение финансового положения предприятий реального сектора экономики, снижение зарплаты, еще большее падение спроса. В результате возникла спираль взаимоусиливавшегося падения производства и спроса.

Анализ изменения соотношения цен в первую пятилетку их либерализации доказывает, что в отсутствие должного государственного регулирования механизмы рыночной самоорганизации не могли обеспечить достижение состояния равновесии экономики, в котором, согласно неоклассической теории, достигается наиболее эффективное использование ресурсов вопреки ожиданиям реформаторов. Вследствие заинтересованности хозяйствующих субъектов в поддержании неэффективных с макроэкономической точки зрения, но выгодных им контуров хозяйственных отношений последние воспроизводились, направляя экономику все дальше от оптимального состояния, обеспечивающего максимально полное и эффективное использование имеющихся производственных ресурсов. Это состояние могло быть приближено соответствующей государственной политикой. Правительство могло бы ограничить действие возникшего с либерализацией цен разрушительного перераспределительного механизма хорошо известными методами контроля над ценообразованием, регулирования ставки процента и индексацией доходов, но вопреки многочисленным рекомендациям не сделало этого.

Экономика оказалась в институциональной ловушке вдали от оптимального состояния равновесия, удерживаясь в ней сложившимся балансом интересов властно-хозяйственных отношений. При этом под давлением освобожденных от государственного контроля монополистов она двигалась к новому состоянию равновесия, характеризующемуся многократным обесценением и разрушением наиболее ценных элементов производительных сил общества. Институты организации промышленного производства определенное время препятствовали провалу экономики в соответствующее новой структуре экономических оценок состояние равновесия, характеризовавшееся сырьевой специализацией экономики и резким сжатием обрабатывающей промышленности. Через взаимное кредитование, вылившееся в кризис неплатежей, промышленные предприятия пытались выживать в резко ухудшающихся условиях. Однако в отсутствие целенаправленной государственной политики действие механизмов рыночной самоорганизации неумолимо втягивало экономику в воронку деградации, обрушивая ее в соответствующее состояние равновесия.

Появление после либерализации цен самогенерирующихся гиперинфляционных волн, возникших после либерализации цен, объясняется сочетанием ряда естественных для ситуации перехода к рынку причин.

Во-первых, несмотря на отмену норм директивного ценообразования и переход к свободному установлению цен, на микроуровне фактически сохранились прежние методы ценообразования, несущие в себе встроенную

инфляцию, которая ранее сдерживалась централизованным контролем над ценами. Согласно этим методам цена товара складывается на основе его себестоимости и прибыли, исчисленной по установленному нормативу рентабельности. Хотя вскоре после либерализации цен на многих рынках произошло насыщение спроса, цены в большинстве случаев еще длительное время диктовались продавцом, по-прежнему пользовавшимся привычными методами ценообразования, и не бравшим в расчет рыночную конкуренцию. В свою очередь, покупатели адаптировались к их повышению путем закладывания соответствующих расходов в калькуляцию издержек, тем самым повышая цены на свою продукцию. Таким образом, происходил разгон инфляции по всей технологической цепочке производства конечной продукции.

В значительной степени это был результат неудачно составленных нормативных документов, регламентировавших либерализацию цен и исходивших из действовавшей «затратной» рутины ценообразования. Вместо разрушения сложившихся процедур затратного ценообразования эти документы фактически на них основывались. Единственное принципиальное различие заключалось в отсутствии необходимости утверждать в вышестоящих инстанциях калькуляцию издержек при установлении цен. При этом ограничения по нормативу рентабельности сохранялись для предприятий, признанных монополистами.

Во-вторых, в условиях монополизации экономики небольшой всплеск цен на нижних этажах воспроизводственной структуры народного хозяйства вызывает лавину повышения цен по всей технологической цепи, приводя к многократному удорожанию продукции конечного потребления. Этот феномен, получивший название «инфляции издержек» и означающий характерную для переходной экономики чрезвычайно низкую эластичность спроса хозяйствующих субъектов по цене, не мог быть преодолен быстро. Главная проблема заключалась в отсутствии реальной конкуренции. Ее решение было связано с необходимостью для каждого предприятия вкладывать немало средств и времени в формирование альтернативных источников поставки необходимых для них товаров — будь они отечественного или зарубежного производства.

В развитой рыночной экономике каждая фирма имеет резервных поставщиков, а общий рост цен сдерживается производителями конечной продукции, которые в зависимости от конечного спроса диктуют уровень цен по всей технологической цепи. Стоит кому-то в этой цепи завысить цену, как его вытесняют более сговорчивые конкуренты. В переходной экономике эта сложная система отношений регулирования цен на микроуровне отсутствует, что в сочетании с неразвитостью финансовой системы влечет в микроэкономической сфере спонтанное образование гиперинфляционных волн, устойчивых к макроэкономическому регулированию.

В-третьих, предоставление самостоятельности государственным предприятиям при фактическом демонтаже контроля за их деятельностью открыло дорогу для запуска микроэкономических предпосылок галопирующей инфляции. Свою роль сыграла хозяйственная безответственность государственных предприятий, предопределенная правовой формой хозяйственного ведения, которая сохранилась несмотря на кардинальное изменение экономической среды. Работая в этой правовой форме, они не несли реальной ответственности за финансовые результаты своей деятельности, рассчитывая на автоматическое покрытие своих расходов государством.

Иными словами, в рыночную экономику предприятия вошли в прежней форме, созданной для работы в условиях централизованного управления народным хозяйством. Поэтому они ориентировались на прежние установки обеспечения роста производства любой ценой и рассчитывали на сохранение мягкости своих бюджетных ограничений, несмотря на законодательно установленную их полную хозяйственную самостоятельность и ответственность. Столкнувшись с неплатежеспособностью покупателей, ради сохранения объемов производства и занятости они продолжали им поставки продукции в кредит, аналогичным образом беря взаймы продукцию поставщиков. Широкое коммерческое кредитование предприятий друг друга выразилось в лавинообразном нарастании неплатежей, погашение которых затем осуществлялось государством за счет денежной эмиссии через расширение кредитования коммерческих банков.

В начальный период либерализации цен, по официальным данным, суммарный объем неплатежей предприятий друг другу более чем в два раза превысил объем их денежных средств, стабилизировавшись затем на уровне 60–70 % к этой величине (рис. 6). Правительство и Центральный банк вынуждены были взять на себя решение проблемы кризиса неплатежей, кредитуя быстрый рост издержек и генерируя тем самым гиперинфляционные волны. Впоследствии они резко ограничили денежную эмиссию, усугубив кризис неплатежей и спровоцировав волну массовых банкротств предприятий и сжатие производства.

В-четвертых, отсутствие системной политики государственного регулирования цен, прежде всего на энергоносители, стало одним из импульсов возбуждения гиперинфляционных волн, которые часто инициировались ожиданиями очередного повышения регулируемых цен. Руководствуясь правительственными прогнозами цен и заявлениями на эту тему должностных лиц, предприятия заранее закладывали в калькуляцию издержек свои ожидания повышения регулируемых цен на энергоносители и сырье. Они это делали в расчете на сохранение стереотипа государственного протекционизма, который еще долго действовал в отношении крупных государственных предприятий, облегчая получение ими льготных кредитов, субсидий и льгот.

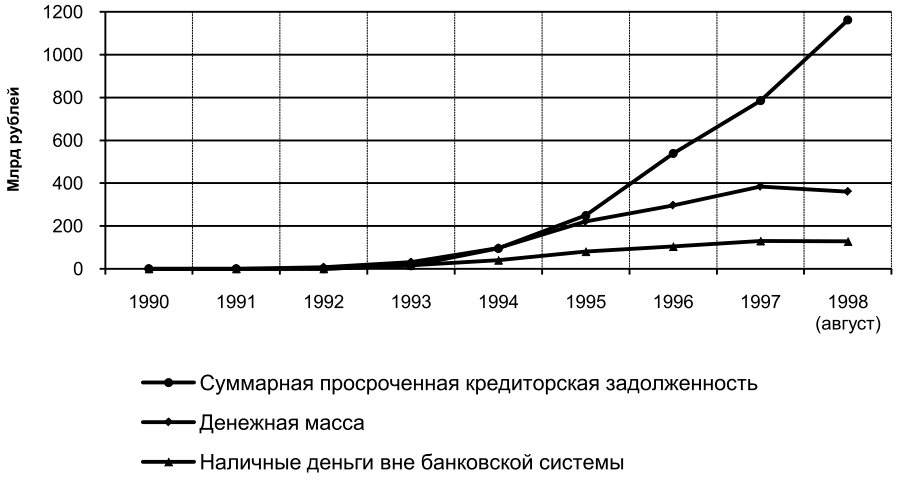

Рис. 6. Динамика роста неплатежей и увеличения денежной массы в 1990–1998 гг.

Таким образом, в результате проведенной реформы ценообразования экономика вошла в турбулентный режим с циклами спонтанно возникающих гиперинфляционных волн, не приближающими ее к равновесному состоянию. Либерализация цен оказалась столь неудачной, потому что не учитывала колоссальную инертность сложившихся технологических и хозяйственных связей. В условиях сверхмонополизации производства промышленные предприятия имели слишком мало возможностей выбора поставщиков и потребителей своей продукции. Именно поэтому изменение цен на продукцию одного предприятия вызывало пропорциональное изменение цен по всей технологической цепи с приближением через короткое время к исходному соотношению цен и издержек. По этим же причинам столь болезненным оказывался и разрыв сложившихся хозяйственных связей, когда нарушение привычного ритма поставок в одном из участков технологической цепи с небольшим лагом влекло остановку смежных производств. Эти особенности технологической структуры народного хозяйства не были учтены в технике осуществления реформы цен, что обусловило структурный характер резко ускорившейся инфляции.

Еще менее удачной была другая составляющая монетарной политики — реформа банковской системы. Ликвидация Госбанка СССР была не подготовлена и проведена слишком поспешно, в результате чего произошел слом действовавшей в рублевой зоне иерархии контроля денежно-кредитной эмиссии, который не был заменен новым. В результате возникла уникальная денежная система с 15 эмиссионными банками, большинство из которых не было заинтересовано в стабилизации рубля. Центральный банк России не мог контролировать объем кредитной эмиссии, к которой прибегали центральные банки других республик. В этих условиях проведение политики макроэкономиче-

ской стабилизации только в России было бессмысленным. Из-за недобросовестности хотя бы одного из 14 центральных банков вне России напрасными оказывались жертвы, которые несли российское население, промышленность и наука ради оздоровления денежной системы за счет падения реальных доходов в результате жесткой денежно-кредитной политики.

Жесткая финансовая политика в России в первой половине 1992 года оказалась неэффективной из-за кредитной эмиссии со стороны центральных банков других бывших союзных республик. Лишь с середины года были предприняты первые попытки разделения рублевого оборота и установлена громоздкая система корреспондентских отношений между центральными банками рублевой зоны. При этом для поддержания взаимной торговли между государствами рублевой зоны Центральному банку России пришлось прибегнуть к кредитной эмиссии в сотни миллиардов рублей в форме так называемых технических кредитов центральным банкам рублевой зоны. В совокупности со скрытыми дотациями в форме заниженных цен на энергоносители общий объем субсидий со стороны России странам СНГ исчислялся в 1992 году в триллионы рублей. Вопреки кликушеству национал-сепаратистов, обвинявших Москву в присвоении совокупного национального дохода союзного государства, фактически Россия оставалась крупнейшим донором бывших союзных республик.

В этих условиях не могла быть эффективной кампания по сокращению государственных расходов, которая проводилась в целях минимизации бюджетного дефицита. При этом превалировали формальные задачи, в результате чего сокращение государственных расходов на закупку вооружений, финансирование НИОКР, на капитальные вложения было осуществлено без должного обоснования. В результате многие промышленные предприятия оказались лишенными возможности сформировать сколько-нибудь осмысленную производственную программу, что привело к фактической остановке и гибели многих из них.

В особенно тяжелое положение попали отрасли, не имевшие влиятельных защитников своих интересов в новых властных структурах. В таком положении оказались наука, машиностроение, сельское хозяйство, здравоохранение, образование, культура. Мало того что утвержденный бюджет предусматривал резкое снижение соответствующих расходов, их реальное осуществление не гарантировалось, зависело от произвола чиновников. На практике это выливалось в неоплаченные госзаказы, когда за произведенную для правительства военную технику месяцами не проводились выплаты, в задерживаемую на месяцы зарплату для работников науки, в разорение учреждений здравоохранения и образования, тотальную коммерциализацию культуры.

Секвестирование государственных расходов как основной метод удержания дефицита госбюджета в заданных пределах резко снижало их эффективность. Зависимые от государства предприятия и отрасли теряли в этих

условиях возможность планировать свою деятельность и вынуждены были отказываться от проектов развития. Положительный же эффект такой политики снижения государственных расходов был крайне незначительный — при разном дефиците бюджета (от 5 до 30%) темп инфляции оставался в пределах 20–30% в месяц. Иррациональность проводимой политики произвольного сокращения бюджетных расходов усугубляла общее состояние хаоса в экономике и стала дополнительным фактором дестабилизации макроэкономической ситуации.

Аналогичная картина наблюдалась и в проведении денежно-кредитной политики, характеризовавшейся пульсациями расширения и сжатия кредитной эмиссии. Широко практиковалось распределение льготных кредитов по решениям денежных властей (Центрального банка и правительства). При этом в отсутствие промышленной политики распределение кредитных ресурсов происходило в результате торга между конкурирующими группами давления, состоявшими из заинтересованных финансово-коммерческих структур и использовавших поддержку коррумпированных чиновников. Значительная часть распределяемых таким образом кредитов доходила до адресата со значительным опозданием или вообще не доходила, многократно прокручиваясь в спекулятивных операциях коммерческих банков-посредников. Такое административное нормирование и распределение кредитов, выдававшихся в условиях галопирующей инфляции под отрицательный процент, порождало спекулятивную лихорадку и стало еще одним фактором дестабилизации макроэкономической ситуации и усиления гиперинфляционных волн.

Перечисленные провалы в монетарной части экономической политики происходили из-за недооценки инертности сложившейся в постдирективной экономике структуры — как технологической, так и институциональной, — которая определяла ценовые пропорции и стереотипы хозяйственного поведения, мало изменившиеся с началом реформы. После либерализации цен поведение предприятий не сразу ориентировалось на спрос, сохранилась крайне низкая эластичность производства по отношению к изменению цен, бартер стал одной из основных форм товарного обмена. Парадоксальным результатом либерализации цен стало уменьшение уровня монетизации экономики. Провал проводившейся политики был обусловлен неадекватностью микроэкономической среды макроэкономическим методам монетарной стабилизации. Они основывались на предпосылках, которых не существовало в российской экономике, — прежде всего свободной конкуренции и механизма банкротства неэффективных предприятий. В этих условиях жесткая финансовая политика могла обеспечить макроэкономическую стабилизацию только ценой резкого сокращения производства.

Высокой инертностью экономической структуры объясняется и чрезвычайно болезненное воздействие на динамику производства разрыва традиционных хозяйственных связей между предприятиями. Как уже ука-

зывалось, в отличие от стран с рыночной экономикой подавляющее большинство российских предприятий не имели «в запасе» ни альтернативных потребителей, ни дублирующих поставщиков. Поэтому столь велика была опасность лавинообразного спада производства в случае превышения определенного уровня недопоставок. Эта специфика российской экономической ситуации, которая не укладывается в прокрустово ложе неоклассической экономической теории, также не была принята во внимание.

Грубой ошибкой реформаторов, наивно веривших в самодостаточность механизмов рыночной самоорганизации, стал отказ от поддержания сложившихся хозяйственных связей. В конце 1991 года не была проведена традиционная договорная кампания. Наоборот, принятые в октябре установки на ее прекращение в форме Указа «О хозяйственных связях и поставках продукции и товаров в 1992 году» спровоцировали госпредприятия на разрыв сложившихся хозяйственных связей. Получив свободу поставок в отсутствие реальной ответственности за результаты хозяйственной деятельности, в условиях крайне нестабильной макроэкономической ситуации руководители предприятий стали предъявлять потребителям непомерные требования по организации встречных поставок продукции и уклоняться от принятия на себя обязательств и подписания договоров. Большинство предприятий, опасаясь сбоев в снабжении, вели поставки без заключения договоров, что уменьшало и без того слабую финансовую дисциплину и усугубляло крайнюю нестабильность хозяйственной деятельности, резко увеличивало трансакционные издержки. Из-за нарастающих недопоставок по сложившимся кооперационным связям в экономике происходили спазматические сокращения производства.

Дополнительным фактором падения производства стало резкое ухудшение межреспубликанской торговли после распада СССР. По привычным стереотипам организации производственной кооперации в плановой экономике были заключены межправительственные соглашения о поставках продукции между республиками бывшего Союза в показателях физических объемов без указания цен и порядка их осуществления. В условиях перехода к рынку и либерализации экономики эти соглашения оказались лишены механизма реализации. Проводимые же переговоры по согласованию уровня цен по межреспубликанским поставкам были обречены на бесконечное затягивание со стороны импортеров российских энергоресурсов, заинтересованных в фиксации российских цен на энергоресурсы на низком уровне. В то же время предприятия отказывались поставлять продукцию по предписаниям государственных ведомств по невыгодным для них ценам. В результате административное стимулирование торговли с государствами Содружества оказалось контрпродуктивным. Развал межреспубликанской торговли в 1992 году не в последнюю очередь объяснялся неадекватными методами ее организации.

Недооценка структурного характера имевшихся проблем перехода к рынку привела к ошибкам в системе налогообложения. Огромные нало-

ги на добавленную стоимость и отчисления на социальное страхование не только «придавили» производство, но и вместе с затратным механизмом ценообразования усилили инфляцию. В условиях, когда большая часть реального национального дохода образуется в топливно-энергетическом комплексе и затем лишь перераспределяется в промышленности, внедренная в 1992 году система налогообложения оказалась нерациональной, собирая в основном налоги с операций по перераспределению национального дохода. Она могла бы быть рациональной в ситуации рыночного равновесия, в которой обеспечивается распределение доходов, пропорциональное общественной полезности тех или иных видов деятельности. В условиях же сильного неравновесия эта система налогообложения лишь усугубила действие охарактеризованного выше механизма формирования гиперинфляционных волн и способствовала росту издержек.

Большие надежды возлагались на быстрое проведение массовой приватизации государственных предприятий, в результате которой ожидался скачок в повышении эффективности производства. В условиях нарастающей дезорганизации хозяйственной деятельности в государственном секторе и неадекватного реагирования на рыночные стимулы государственных предприятий быстрая и массовая приватизация казалась радикальным реформаторам естественным выходом из создавшегося положения. Все, однако, оказалось совершенно иначе.

Качество было принесено в жертву скорости. Приватизационная кампания была осуществлена административным образом без какого-либо анализа экономической целесообразности приватизации конкретных предприятий. Запущенный снизу процесс акционирования предприятий на основании их самостоятельного выбора одной из трех форм приватизации направлялся жесткими планами количества подлежащих приватизации предприятий, спускаемых в регионы, и стимулировавшимися коррупционными схемами участия чиновников в доходах и собственности. В результате приватизация приобрела взрывной и спонтанный характер, в течение двух лет сломав сложившиеся производственные отношения и породив невиданный хаос в управлении предприятиями. Всего в 1991–1992 годах было приватизировано 46,8 тыс. государственных предприятий, в 1993 году количество приватизированных предприятий возросло до 88,6 тыс., в 1994 году — до 112,6 тыс. По данным Госкомстата России, за период с 1993 по 2003 год было приватизировано 96 414 государственных предприятий, в том числе 16 701 предприятие федеральной формы собственности. При этом в 1993–1994 годах приватизировано 71 829 предприятий (соответственно 49 924 и 21 905), что составляло 74,5% от общего количества предприятий, приватизированных в 1993–2003 годах. К завершению приватизационной кампании российская экономика из преимущественно государственной превратилась в основном в частную (рис. 7).

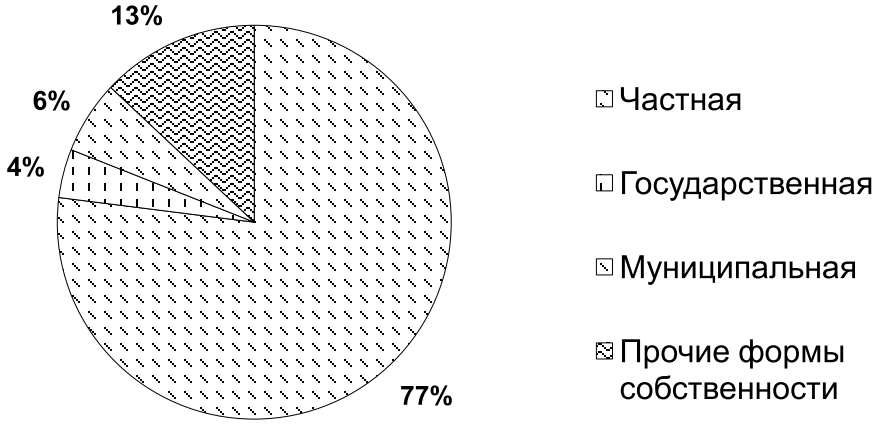

Рис. 7. Структура собственности в 2003 г.
Источник: Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие) / Руководитель рабочей группы — Председатель Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашин. — М.: Олита, 2004.

Вопреки ожиданиям реформаторов, уверенных в превосходстве частной собственности над государственной, массовая приватизация предприятий сопровождалась резким падением объема производства промышленной продукции и ростом доли убыточных предприятий. Спустя несколько лет после начала приватизационной кампании можно было констатировать разорение подавляющего большинства приватизированных предприятий (рис. 8).

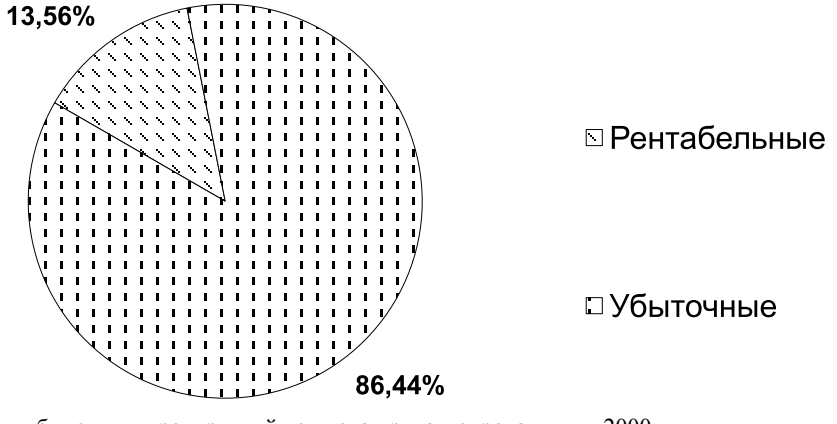

Рис. 8. Доля убыточных предприятий из числа приватизированных в 2000 г.
Источник: Росстат.

Принятая к реализации программа приватизации заключалась в акционировании и последующей продаже акций отдельных предприятий, юридических лиц и их структурных подразделений. Реализация этого

формально-бюрократического подхода сопровождалась дезинтеграцией сложившихся в промышленности технологических цепочек, что еще более усиливало нестабильность. Большинство тогдашних промышленных предприятий России представляли собой не столько фирмы, сколько производственные подразделения, входившие в более крупные целостные образования, сложившиеся в результате эволюции производственно-ведомственных систем. В рамках этих систем обеспечивались воспроизводство и кооперация составляющих их предприятий. Именно производственно-ведомственные системы, а не входящие в них предприятия являлись в крупной промышленности целостными организмами с высокой способностью к самообеспечению и самоорганизации. С ликвидацией министерств они сохранились в форме разнообразных концернов и ассоциаций, поддерживая технологическую кооперацию составляющих их предприятий и компенсируя разрушения в контурах хозяйственных отношений.

Рис. 9. Число приватизированных объектов промышленности и индекс промышленного производства.

С точки зрения организации производства сложившиеся в советской промышленности самодостаточные производственно-ведомственные системы были аналогичны крупным промышленным корпорациям, доминирующим в экономике развитых стран и на мировом рынке. Рационально организованная приватизация могла бы создать условия для их трансформации в крупные рыночно ориентированные корпорации, способные к самостоятельному развитию. Только таким образом можно было сохранить авиакосмическую, судостроительную, атомную, электротехническую, приборостроительную, автомобилестроительную и другие

отрасли высокотехнологического машиностроения, составляющие основу современного экономического роста. Приватизация входящих в эти отрасли предприятий и их структурных подразделений по отдельности в условиях неопределенности и резких колебаний цен спровоцировала массовый разрыв сложившихся кооперационных связей и прекращение производства технологически сложной продукции.

Произошедшее многократное сокращение государственного спроса, поглощавшего большую часть конечной продукции высокотехнологического машиностроения, наиболее тяжело сказалось на предприятиях — производителях конечной продукции и их высокоспециализированных смежниках, в то время как производители массовых сырьевых товаров и простейших комплектующих быстро переориентировались на их экспорт и производство несложных товаров народного потребления. Теоретически производители технологически сложной продукции могли бы аналогичным образом переориентироваться с государственного спроса на потребительский. Но вследствие одновременного резкого роста издержек под воздействием галопирующей инфляции, отсутствия доступа к кредиту и открытия экономики для импорта их продукция оказалась малоконкурентоспособной.

В результате предприятия с наибольшим научно-техническим потенциалом оказались в безвыходной ситуации — резкое сокращение государственного спроса на их конечную продукцию одновременно с многократным ростом цен на потребляемое ими сырье в отсутствие альтернативных каналов сбыта и кредитов, необходимых для диверсификации производства, означало их неизбежное банкротство. Одновременно с разорением предприятий — производителей технологически сложной конечной продукции остановились также их высокоспециализированные смежники, выжили главным образом производители сырья и простейшего ширпотреба. Во многих случаях эти банкротства были вызваны случайными колебаниями конъюнктуры и нехваткой времени для адаптации жизнеспособных предприятий к радикально изменившимся условиям функционирования, а не их неэффективностью. Технологически наиболее сложные отрасли народного хозяйства, в которых был сконцентрирован основной потенциал будущего экономического роста, погибли от шока слишком быстрых разрушительных перемен — созидательный процесс самоорганизации требовал ресурсного обеспечения и определенного времени, в течение которого необходимо было искусственное поддержание производственно-технологической кооперации.

Освоение нововведений в промышленности даже в экстремальных условиях составляет не менее нескольких месяцев, а в обычных — 3–5 лет. Синхронизация нововведений по технологической цепи сопряженных предприятий также требовала времени. Игнорирование в проведении столь радикальных реформ минимальной длительности адаптационного периода на микроуровне вело к разрушению накопленного научно-промышленного потенциала.

Осуществление приватизации происходило без учета состояния воспроизводственной структуры экономики и закономерностей ее функционирования и развития. Результатом самостоятельного акционирования и приватизации структурных подразделений некогда единых хозяйственных организмов стала повсеместная дезинтеграция технологических цепочек, разрыв хозяйственных связей, распад научно-производственной кооперации. Ориентированная на формальные показатели приватизация стала одним из основных факторов деиндустриализации общественного производства и образования гиперинфляционных волн. Собственники ставших частными бывших производственно-хозяйственных подразделений в условиях высокой финансовой нестабильности и неопределенности естественным образом стали ориентироваться на взвинчивание цен и максимизацию текущих доходов (в том числе ценой «проедания» основного капитала), что пагубным образом отразилось на возможностях производства конкурентоспособной конечной продукции. Резко возросли транзакционные издержки, усилились негативные эффекты высокой монополизации общественного производства, произошло повышение цен и снижение качества конечной продукции, прекратилась инвестиционная активность, возникли многочисленные разрывы в контурах хозяйственных отношений и обслуживаемых ими технологических цепях. Падение инвестиций продолжилось вплоть до банкротства российского государства в 1998 году.

Большинство приватизированных предприятий так и не смогли наладить процесс расширенного воспроизводства, став жертвой недобросовестных хозяев и неблагоприятной конъюнктуры. Во многом разрушительный эффект приватизационной кампании был связан с характерными особенностями корпоративной формы собственности, которые были неизвестны либеральным реформаторам. Последние наивно верили в чудодейственные свойства акционерной модели, представлявшейся им оптимальной формой собственности, сочетающей мотивацию частного предпринимателя и интересы инвестора. На самом деле уже к началу 1990-х годов были хорошо изучены принципиальные изъяны корпоративной формы организации производства, не позволявшие рассчитывать ни на то, ни на другое. Эти изъяны, выражающиеся в оппортунистическом поведении менеджеров, систематическом нарушении прав миноритарных акционеров, игнорировании мотиваций наемных работников в полной мере проявились в ходе приватизационной кампании. В отсутствие сложившихся в развитых рыночных экономиках институтов, компенсирующих их изъяны, в российских условиях они приобрели патологические формы, выразившиеся в разграблении предприятий приватизаторами и менеджерами, деградации человеческого капитала, обесценении основного капитала вследствие утраты конкурентоспособности и падения эффективности из-за некомпетентного и безответственного управления.

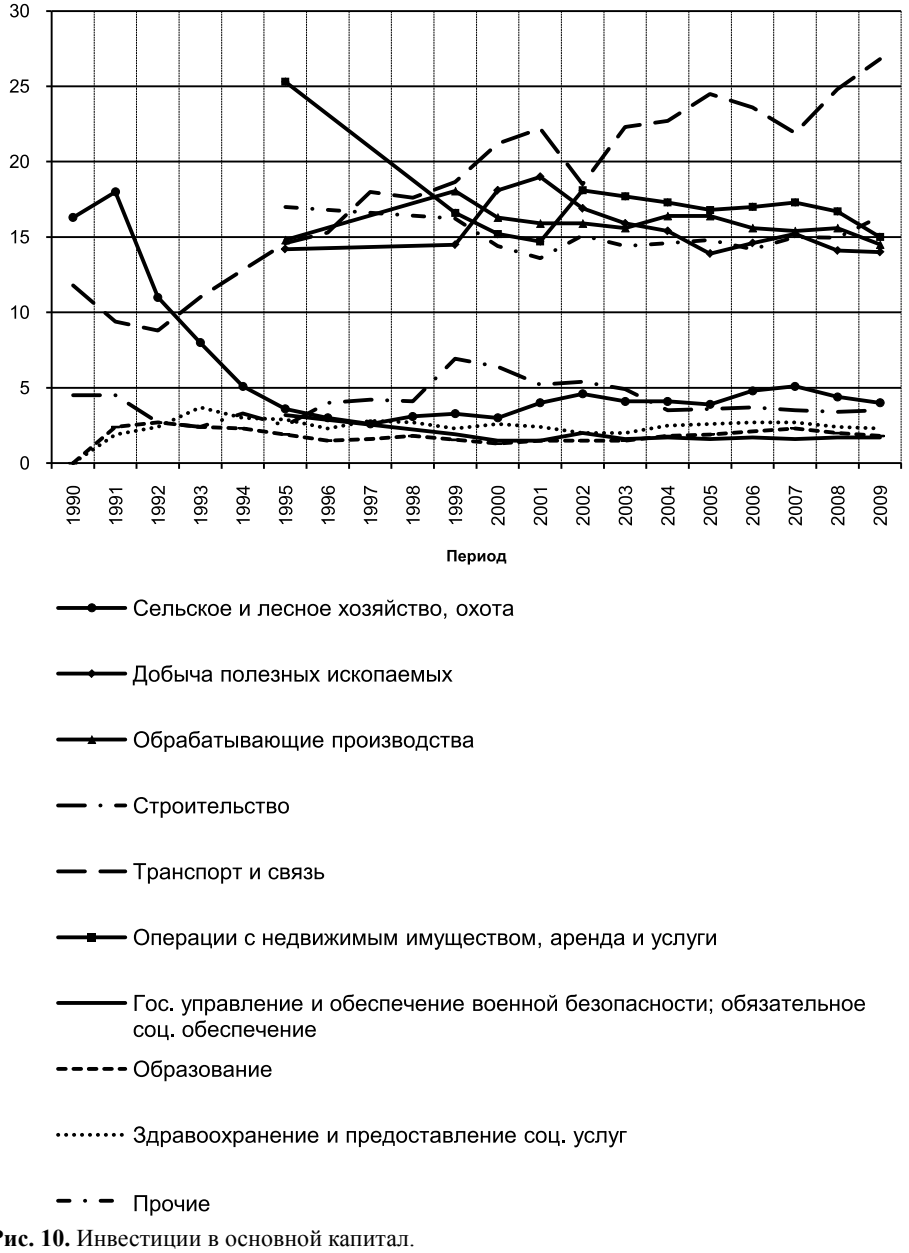

Рис. 10. Инвестиции в основной капитал.

Сегодня в свете более глубокого понимания особенностей функционирования различных форм собственности в условиях рыночной и переходной экономики очевидны определенные недостатки корпоративной формы собственности, ставящие под сомнение ее выбор в качестве уни-

версальной формы приватизации предприятий. Г.Б. Клейнер пишет даже о кризисе современного института корпоративной собственности, в основе которого лежит объективное противоречие между укрупнением хозяйственных организаций, обусловленным концентрацией производства и экономическими выгодами от организационного объединения бизнесов, и дисперсией прав собственности и контроля, связанной с потребностью в коалиции капиталов и распределении рисков[1].

Этот кризис проявляется в следующих характерных противоречиях. *Противоречие между интересами предпринимателей и интересами предприятия.* В основе этого противоречия лежит изменение целевой функции хозяйственной организации. Субъективная цель предпринимателя — увеличение предпринимательской прибыли — может вступать в противоречие с объективной целью любой хозяйственной организации — самосохранение и воспроизводство.

Противоречие между интересами предпринимателей и интересами инвесторов. Максимизация предпринимательской прибыли достигается, в частности, за счет увеличения риска реализуемых инновационных проектов, что вступает в противоречие с интересами инвесторов, заинтересованных не только в максимизации дохода от собственности, но и в сохранении вложенного капитала.

Противоречие между интересами акционеров и интересами корпорации. Целевая функция акционеров — повышение текущих доходов и текущей капитализации — может вступать в противоречие с целевой функцией корпорации — повышение конкурентоспособности за счет создания потенциала для будущего развития (реализации долгосрочных и капиталоемких стратегий).

Противоречие между интересами контролеров и интересами миноритарных акционеров. При дисперсном характере владения акциями возникает разделение акционеров на две группы: лица, контролирующие принятие решений о существенных событиях в жизни корпорации (увеличение уставного капитала, крупные сделки, реорганизация, ликвидация), и владельцы небольших пакетов акций, основными правами которых являются право на дивиденды и право на отчуждение акций. Интересы контролеров в увеличении размера собственного влияния могут быть удовлетворены не только за счет повышения стоимости компании, но и за счет изменения в свою пользу конфигурации прав собственности, в том числе за счет уменьшения стоимости пакетов акций, принадлежащих остальным акционерам.

Противоречие между интересами акционеров и интересами управляющих. Отделение собственности от управления порождает проблему принципал — агент. Лица, осуществляющие непосредственное управление развитием бизнеса, рассматривают корпорацию как поле для демон-

[1] *Клейнер Г.* Управление корпоративными предприятиями в переходной экономике // Вопросы экономики. — 1999. — № 8.

страции собственных успехов и повышения собственной значимости. Это стимулирует управляющих расширять границы бизнеса (увеличивать объем собственной власти), иногда в ущерб интересам ее акционеров.

Сформулированные Г.Б. Клейнером противоречия института корпоративной собственности порождают ослабление института собственности, которое он характеризует в следующих формах.

Трансформация вещных прав в обязательственные. Обязательственные права — это права требования в отношении определенных лиц (в данном случае корпорации и ее управляющих). Объектом обязательственного права является действие данного лица. В отличие от вещных прав они являются относительными (зависят от воли обязанных субъектов), не следуют за вещью (объектом прав) и носят ограниченный характер (могут предъявляться только к обязанным лицам). При столкновении вещного права с обязательственным последнее всегда уступает первому.

Обеднение содержания прав. Основные права акционеров, владеющих небольшими пакетами акций, носят условный характер. Право на участие в управлении можно реализовать, только объединившись в коалицию с другими акционерами. Право на дивиденды зависит от решения органов управления (Совета директоров) вынести соответствующий вопрос на общее собрание акционеров. Право на часть имущества общества при его ликвидации является остаточным (после удовлетворения требований кредиторов всех очередей). Единственное безусловное право, которое есть у акционера открытого акционерного общества, это право распоряжения принадлежащими ему акциями.

Корпоративная форма ведения предпринимательской деятельности отделяет собственника капитала от управления компанией, разрушает тождество их интересов. Соответственно интересы корпорации могут быть защищены только косвенным образом: истцами по корпоративным спорам выступают либо акционеры, либо само хозяйственное общество в лице своих руководителей.

Ослабление возможностей защиты интересов акционеров. Специфика корпоративной формы ведения бизнеса создает условия для перераспределения имущества и доходов корпорации, а также перераспределения участия (долей) в капитале корпорации в пользу контролеров (инсайдеров). При этом возможности отстаивания своих интересов миноритарными акционерами ограничены асимметричностью информации и трудностью судебной защиты нарушенных прав. Акционеры должны обосновать в суде нарушение установленных регламентов принятия решений, содержание нарушенных прав и интересов и возможность собственного влияния на принятие соответствующих решений.

Как резюмирует Г.Б. Клейнер, корпоративная форма организации хозяйственной деятельности, являясь закономерным этапом развития от-

ношений собственности, содержит в себе имманентное противоречие, порождающее следующие негативные последствия:

- ослабление института собственности, создающее возможность для ущемления прав основного субъекта хозяйственной деятельности — корпорации;
- множественные конфликты интересов участников корпоративных отношений;
- перераспределение деловой инициативы в сферу финансовых спекуляций;
- замещение инновационной активности деятельностью на рынке слияний и поглощений;
- злоупотребление доверием, выражающееся, в частности, в форме реализации дискреционных проектов.

В отсутствие институтов защиты прав собственности, слабости и коррумпированности судебной системы эти негативные последствия в полной мере проявились в российской экономике. Приватизаторы, захватившие контроль над предприятиями без сколько-нибудь существенных инвестиций и без понимания долгосрочных перспектив его развития, ориентировались на максимизацию краткосрочной прибыли от использования попавшего им в распоряжение имущества, игнорируя интересы трудовых коллективов и препятствуя приходу стратегических инвесторов, не желая делить с ними контроль над собственностью. Даже в тех случаях, когда предприятия приватизировались инсайдерами, тесно связанными с трудовым коллективом, участие в собственности членов последнего постепенно размывалось, а интересы внешних инвесторов игнорировались. Сформировавшиеся в российской экономике бизнес-группы стремились не к развитию контролируемых ими предприятий, а к эксплуатации всех возможных в связи с их деятельностью источников дохода, ущемляя интересы работников, других акционеров и самого предприятия.

Для этого, по наблюдениям Г.Б. Клейнера, российские бизнес-группы обычно используют схемы распределенного владения и контроля и кольцевидные структуры владения. Непрозрачная конфигурация прав собственности применяется для защиты компаний от враждебного поглощения и введения в заблуждение миноритарных акционеров. В качестве инструмента интеграции используется также контроль над движением ресурсов и продукции (отделение функций контрактации от функций производства) и централизованное управление финансовыми потоками (собственные финансовые компании и внутренние платежные средства — векселя). Группа включает в себя множество юридических лиц, контроль над которыми осуществляется как через цепочки прямых и перекрестных владений, так и через контролируемую задолженность и принудительные контракты (кабальные сделки).

При этом компании-производители превращаются в производственные подразделения, которым не принадлежит используемое имущество.

Они (производители) арендуют основные средства и платят за это арендодателю. Закупают сырье и материалы на кредиты, предоставляемые входящими в группу финансовыми структурами, и платят за это проценты (вариант — получают сырье по договору толлинга). Продают свою продукцию по ценам, едва покрывающим затраты, посредническим фирмам. В принудительном порядке пользуются услугами консультационных, маркетинговых и охранных компаний.

Сложившаяся в России подобная форма ведения бизнеса нарушает баланс прав и интересов участников корпоративных отношений. В ней предприниматель превалирует над акционером, интересы бизнеса над интересами хозяйствующего субъекта. Контроль над хозяйственной деятельностью является более значимым фактором, чем права собственности. В результате происходит ущемление:

- прав собственности акционеров — стоимость принадлежащих им акций меняется в зависимости от потребностей лиц, контролирующих бизнес-группу;
- прав собственности акционерного общества — контролеры выводят из общества принадлежащее ему имущество и присваивают его доходы;
- интересов кредиторов и работников акционерного общества — юридическое лицо существует и отвечает по своим обязательствам до тех пор, пока это выгодно лицам, контролирующим бизнес-группу.

Как справедливо замечает Г.Б. Клейнер, результатом низкой защищенности прав и несбалансированности интересов участников корпоративных отношений являются следующие проблемы российской экономики.

Нарушение системы воспроизводства. В условиях развития международного рынка капитала низкая защищенность прав собственности в конкретной стране порождает бегство капитала. Собственник заинтересован в том, чтобы как можно быстрее «выжать» из имеющихся у него ресурсов как можно больше дохода и «увести» этот доход под защиту чужих законов. Экономика данной страны лишается при этом не только капитала, но и встроенного в нее механизма воспроизводства.

Отсутствие предпринимательских стимулов для проведения модернизации экономики. Неуверенность частных инвесторов в завтрашнем дне сокращает горизонты инвестирования, что препятствует проведению действительной модернизации экономики на основе частнопредпринимательской инициативы.

Социальная апатия большей части населения. Граждане страны ощущают свою незащищенность и как работники, и как инвесторы. Это обуславливает возникновение синдрома «опущенных рук». Социальная активность либо падает, либо переключается на потребление.

Указанные проблемы носят долгосрочный характер и не могут быть преодолены в рамках самой корпоративной формы собственности, поскольку

являются следствием присущих ей имманентных противоречий. Время от времени оппонентам реализованной в России формы приватизации удавалось предложить некоторые альтернативы. В частности, с участием автора удалось инициировать и провести принятие Закона о народных предприятиях, который давал возможность передачи прав собственности на предприятие его трудовому коллективу. Однако к тому времени основная часть промышленных предприятий уже была приватизирована, а переход к денежной форме приватизации оставшегося у государства имущества не позволил сколько-нибудь широко использовать эту правовую форму.

Происходившие вследствие приватизации дезорганизация общественного производства, разрушение действовавших контуров хозяйственных отношений и нарушение системы воспроизводства повлекли за собой снижение конкурентоспособности российской продукции на мировом рынке. Несмотря на заниженный курс рубля, большинство предприятий обрабатывающей промышленности не могли использовать потенциальные возможности наращивания экспорта товаров с высокой степенью переработки вследствие отсутствия кредитных ресурсов, незнания рынков, неразвитости инфраструктуры сбыта и послепродажного обслуживания. В то же время в условиях обусловленной галопирующей инфляцией перманентной девальвации рубля экспортеры сырья не трансформировали свои доходы в повышение внутреннего спроса, предпочитая хранить валютную выручку в форме валютных активов и вывозить капитал за рубеж, вместо того чтобы инвестировать или продавать на внутреннем валютном рынке.

Избранный компромисс в валютных отношениях между интересами государства и интересами предприятий — введение обязательной продажи 50% валютной выручки при сохранении предприятиям валютных счетов — не лучшим образом сказался на формировании внутреннего валютного рынка. Гиперинфляционные волны стимулировали «бегство от рубля», которое в условиях фактического отсутствия валютного контроля влекло избыточный спрос на иностранную валюту, снижающий курс рубля. Это, в свою очередь, вызывало чрезмерное удорожание импорта, подталкивающее «инфляцию издержек», еще более снижающую обменный курс рубля. В этих условиях либерализация внешнеэкономической деятельности не могла дать желаемого стабилизирующего эффекта. Экспортные доходы предприятий — экспортеров сырья, содержавшие значительную рентную составляющую, не инвестировались, а оставались за рубежом.

Следует отметить, что в конце 1991 года для либерализации внешней торговли сложилась весьма неблагоприятная ситуация. Предприятия, десятилетиями отгороженные от мирового рынка, слабо реагировали на колебания внешнеторговой конъюнктуры. К тому же чрезмерная ориентация на рынки индустриально развитых стран и отсутствие государственной поддержки высокотехнологичного экспорта привели к резкому росту доли сырья в экс-

портных доходах. Сравнительно небольшой экспорт машин и оборудования в основном держался на государственных кредитах, которые с переходом к политике финансовой стабилизации стали практически недоступными. Положение усугублялось также чрезвычайно высокой ресурсоемкостью производства и его возросшей за годы нефтедолларового бума зависимостью от импорта. Кроме того, распад СССР наполовину оголил таможенную границу России, а либерализация банковского дела и фактический распад государственной банковской системы сделали невозможным валютный контроль.

В этих условиях, с одной стороны, открытие экономики внешнему миру неминуемо вело к остановке значительной части производства, массовому вывозу сырья с одновременным вывозом капитала, деиндустриализации и обнищанию страны, ее превращению в сырьевой придаток Европы и успешно развивающихся промышленных стран Азии. С другой стороны, сохранение деградирующего административного регулирования означало бы продолжение неэффективного внешнеторгового обмена.

Сложившаяся ситуация предопределила выбор, сделанный Правительством РФ, — постепенная либерализация внешней торговли с последовательным сокращением административных ограничений и их замещением рыночными инструментами регулирования при адекватных мерах государственного контроля. К этому времени с распадом союзных институтов внешней торговли контроль над внешнеэкономической деятельностью был фактически утрачен. Объем лицензий на вывоз энергоносителей и другого стратегически важного сырья стал сравнимым с самим объемом их производства. Огромный размах приобрела контрабанда, ведущаяся на промышленной основе через открытые западные и южные границы России. Экспорт российских товаров из стран Балтии по некоторым их видам превзошел легальный вывоз из самой России. Фактически на осень 1991 года пришелся наибольший размах преступных операций во внешнеэкономической сфере. Прежде всего нужно было навести порядок — была проведена перерегистрация лицензий, началось установление таможенных границ и валютного контроля.

Одновременно началась подготовка к введению с 1 января 1992 года мер по реформированию условий внешнеэкономической деятельности. Демонтажу подлежали: громоздкая и неэффективная в новых условиях система тотального квотирования экспорта, охватывавшая более сотни наименований товаров (лицензии по которым выдавались 15 министерствами и ведомствами, а также совминами союзных республик); система дифференцированных валютных коэффициентов, которая приводила к огромным затратам на скрытое субсидирование нерационального импорта, произволу и коррупции при его наполнении; потерявшие смысл ограничения на валютно-обменные текущие операции; превратившаяся в источник коррупции система регистраций участников внешнеэкономической деятельности. Вводился новый механизм тарифного и валютного регулирования,

на который ложилась основная тяжесть государственного регулирования внешней торговли по мере открытия российской экономики. Этот механизм основывался на ограничении сферы лицензирования и квотирования экспорта списком стратегических сырьевых товаров, на обязательной продаже части валютной выручки государству и использовании экспортного тарифа для регулирования внешней экономической политики [80].

Вразрез с ультралиберальной идеологией при реформировании внешнеэкономической деятельности были созданы институты государственного регулирования, призванные защитить экономику от вывоза капитала и использовать внешнюю торговлю в интересах ее развития. Автору этих строк удалось одновременно с либерализацией внешнеэкономической деятельности, вопреки сопротивлению нефтяных компаний, настоять на введении экспортных таможенных пошлин на вывоз нефти, газа, металлов, химического сырья, круглого леса и других сырьевых товаров, внешнеторговая цена на которые содержала значительную рентную составляющую. Благодаря этому федеральный бюджет получал в то время одну треть доходов. При этом в интересах сохранения единого экономического пространства в СНГ экспортные пошлины не взимались на поставку товаров государств Содружества.

Введение экспортного тарифа было обусловлено не столько фискальными ценами, сколько интересами защиты внутреннего рынка от разрушительного влияния мировой конъюнктуры в период перехода на свободные цены на энергоносители и сырье во внутренней торговле. Согласно проведенным расчетам мгновенный переход на мировые цены означал бы немедленное банкротство целых отраслей обрабатывающей промышленности, в которых стоимость исходного сырья в мировых ценах превосходила цену конечной продукции. Постепенно снижающийся экспортный тариф являлся в этих условиях единственным инструментом приспособления промышленности к сдвигам в структуре внутренних цен, происходящим по мере открытия экономики для иностранной конкуренции. Кроме того, введение экспортного тарифа оказало положительное влияние на эффективность экспортных операций, сделав невыгодной продажу многих сырьевых товаров по демпинговым ценам. При этом продукция обрабатывающей промышленности гражданского назначения была освобождена от обязательной продажи валюты по завышенному курсу в республиканский валютный резерв и от уплаты экспортных пошлин [80].

На переходный период было сохранено также квотирование экспорта сырьевых товаров. При этом преимущественным правом на получение квот обладали предприятия-производители, которым оно предоставлялось в расчете на использование валютной выручки для инвестиций в модернизацию и диверсификацию производства.

Либерализация оказала положительное влияние на динамику внешней торговли — после продолжительного падения, длившегося три года, объем

экспорта стабилизировался на уровне 3 млрд долларов в месяц, причем с тенденцией роста. Введенный с начала 1992 года механизм формирования республиканского валютного резерва, который по основным экспортным операциям с энергоносителями был дополнен взаимозачетом расчетов предприятий с бюджетом по уплате экспортного тарифа и получения рублевого покрытия, позволил стабилизировать централизованный импорт продовольствия и медикаментов. Во многом именно это способствовало смягчению и резкому ухудшению социального положения в первой половине года. Этому же содействовали успешные переговоры по отсрочке внешнего долга, позволившие продолжить иностранное кредитование централизованных закупок по импорту.

Необходимо отметить, что в начальный период либерализации внешней торговли существовал двойной режим внешнеторгового регулирования, различавшийся для бывших республик СССР и для традиционных внешнеторговых операций с остальными странами. Различия касались процедуры размещения количественных ограничений по экспорту, специфики платежно-расчетных отношений в условиях распада рублевой зоны, взаимного отказа от импортных ограничений в соответствии с решениями о создании зоны свободной торговли. Постепенно эти различия уточнялись, оформляясь в два торговых режима — со странами Содружества на основе отношений свободной торговли; с остальными — на основе режима наибольшего благоприятствования.

Либерализация внешней торговли имела побочные негативные последствия, которые проявились в поведении многих предприятий, впервые начавших внешнеэкономическую деятельность. Их стремление поскорее продать товар на экспорт, используя благоприятный обменный курс национальной валюты, и получить остро необходимые в условиях нарастающей нехватки ликвидности денежные средства (причем не прибегая к помощи квалифицированного посредника), привело к лавинообразному падению цен на товары традиционного российского экспорта на мировом рынке. Особенно это коснулось цветных металлов и химических продуктов. За первый год реформы мировые цены на алюминий упали почти на 30%, медь — на 20, никель и свинец — на 15, азотные удобрения и базовые нефтехимикаты — на 20–60%. Это заставило многие страны, прежде всего европейские, на которые пришлось 70% российского экспорта, начать введение антидемпинговых пошлин или количественных ограничений на поставки товаров из России. Другим характерным негативным последствием стало утаивание валютной выручки с целью уклонения от налогов или ее незаконного хранения за рубежом. Этому способствовало разрешенное еще ранее ведение предприятиями валютных счетов, на которых предприятия-экспортеры стали накапливать валютную выручку, не торопясь использовать ее для финансирования производства внутри страны. В течение первого полугодия реформы на данных счетах было накоплено около 3,4 млрд

долларов. Это означало выпадение из инвестиций в народное хозяйство около 1 трлн рублей. Наряду с этим «легальным» оттоком капитала экспортных секторов за рубеж нелегальная «утечка капитала» оценивалась в 0,5 млрд долларов (без учета контрабандного вывоза товаров).

Первые попытки организации валютного контроля были предприняты уже в начале 1992 года. Они включали объявление собственностью государства нелегально хранящихся и не репатриированных в установленный срок средств, введение процедуры фиксации банковских реквизитов в таможенной декларации с передачей их в Банк России или в уполномоченный банк для валютного контроля, а также создание специальной инспекции валютного контроля при Правительстве России. Однако эти попытки не дали реальных результатов. Поэтому для усиления эффективности валютного контроля с 1 июля 1992 года было решено ввести процедуру регистрации в Министерстве внешнеэкономических связей России всех фирм, непосредственно экспортирующих стратегически важные сырьевые товары. Эта процедура позволяла обеспечить контроль над соблюдением валютного законодательства без дополнительного ограничения экспорта через отслеживание всех валютных операций, связанных с экспортом сырьевых товаров по счетам зарегистрированных фирм-экспортеров [80]. В целях формирования валютного рынка и предотвращения вывоза капитала посредством невозврата валютной выручки был введен механизм ее обязательной продажи на внутреннем рынке, а также специальная процедура регистрации экспортеров сырьевых товаров, право на вывоз которого предоставлялось только контролируемым государством и законопослушным компаниям.

Как в сфере торговых операций, либерализация валютного контроля была постепенной. Сохранилось дотирование импорта товаров по централизованным закупкам за счет средств госрезерва и иностранных кредитов. Для этого использовались дифференцированные коэффициенты пересчета валютного курса. Субсидирование импорта никак не учитывалось в расходах бюджета, так как расходы по этим операциям либо ложились на прирост госдолга, либо окупались вследствие низких внутренних цен на сырье, закупавшееся для экспорта по товарообменным операциям.

С 1 июля 1992 года были приняты дополнительные меры по либерализации валютного регулирования. Отменена обязательная продажа 40% валютной выручки по специальному (вдвое завышенному) коммерческому курсу, которая фактически выполняла роль дополнительного налога на экспорт в размере 20% экспортной выручки. Были также отменены дифференцированные коэффициенты на все виды централизованных операций, распространен единый рыночный обменный курс рубля, устанавливаемый Центральным банком России. Субсидирование потребителей импортируемых товаров было решено при необходимости осуществлять в явном виде

за счет средств госбюджета. Пересчет обязательств предприятий за использование иностранных кредитов, выделявшихся под правительственные гарантии, решено было вести исходя из рыночного курса рубля.

Было принято также решение ввести с середины 1992 года импортный тариф. Вначале он был введен как фискальная мера и взимался по единой ставке, но вскоре он был заменен полноценным тарифом с базовой ставкой 15%, а на отдельные виды товаров — от 20 до 50% таможенной стоимости импортируемых товаров [80]. В противоположность экспортному тарифу он был построен по принципу эскалации пропорционально степени переработки товара. Ввоз сырьевых товаров не облагался импортной пошлиной, а на товары обрабатывающей промышленности импортный тариф возрастал пропорционально степени переработки, достигая максимальных значений до 50% в отношении авиационной техники.

Как известно, форсированная либерализация внешней торговли составляет одну из аксиом политики шоковой терапии. В ортодоксальной теории рыночного равновесия считается, что открытие внутреннего рынка ведет к повышению эффективности производства, позволяя наиболее полно раскрыть национальные сравнительные преимущества и снизить издержки за счет импорта.

Международный опыт, однако, не подтверждает тезиса об однозначной причинно-следственной связи между либерализацией внешней торговли и повышением экономического благосостояния. Можно привести пример ряда стран, практиковавших протекционистскую политику и добивавшихся выдающихся экономических успехов. Это касается не только Китая, но и Японии, Бразилии, Кореи и многих других динамично развивающихся стран, а также США и Великобритании на ранних фазах их индустриализации.

Вопреки советам сторонников шоковой терапии либерализация внешней торговли в России проходила постепенно, с учетом международного опыта. Советская экономика была перегружена структурными диспропорциями и характеризовалась низким качеством выпускаемой продукции, несоответствием структуры производства и спроса. Ускоренная либерализация внешней торговли означала бы в этой ситуации быстрое вытеснение отечественных товаров импортными, уничтожение подавляющей части промышленности и сельского хозяйства под воздействием острой конкуренции со стороны более искушенных и эффективных иностранных компаний. Первоначальный выбор был сделан в пользу осторожной либерализации, что позволило несколько смягчить негативные последствия шоковых экспериментов в других сферах экономики [80].

В соответствии с изначальным планом реформирования внешнеторгового регулирования предусматривалась его постепенная либерализация путем последовательного сокращения перечня товаров, экспорт которых подлежал квотированию, снижения экспортных пошлин, расширения рыночных ме-

тодов доведения экспортных ограничений и выдачи государственных гарантий по иностранным товарным кредитам. Однако со второй половины 1993 года крен к форсированной либерализации резко усилился. При этом меры по повышению конкурентоспособности российских предприятий были отложены, несмотря на резкое обострение внешней конкуренции в связи быстрым подтягиванием обменного курса рубля к паритету покупательной способности валют и относительным удешевлением импортных товаров. Под давлением МВФ, шантажировавшего российское руководство угрозой непредоставления отсрочек по обслуживанию внешнего долга, Правительство России в одностороннем порядке обязалось не поднимать импортных тарифов, не применять количественных ограничений по импорту, отказаться от экспортных пошлин, продолжить политику искусственного сдерживания падения курса рубля, несмотря на его внутреннее обесценение. Результаты этого поворота не заставили себя долго ждать.

Только из-за искусственного сдерживания падения курса рубля (проводившегося на фоне его внутреннего обесценения темпом 5–7% в месяц ради демонстрационного эффекта стабилизации) с весны 1993 года по лето 1994 года конкурентоспособность российских товаропроизводителей снизилась втрое. За период с конца мая 1993 года по конец мая 1994 года курс доллара повысился с 994 до 1916 рублей за 1 доллар (в 1,93 раза), а сводный индекс потребительских цен — в 5,8 раза. Относительный курс доллара за этот период снизился, таким образом, втрое. За последующий год он упал еще на 19%. С меньшей интенсивностью этот процесс продолжался и в последующем. Всего за период с 1992 по 1997 год реальный курс рубля вырос более чем в 10 раз (рис. 11).

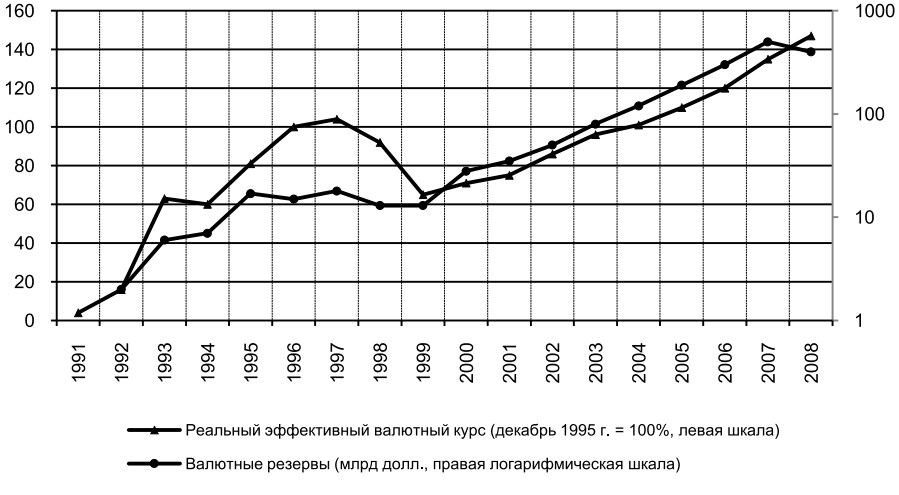

Рис. 11. Валютные резервы и реальный эффективный валютный курс.

При этом, несмотря на резкое падение ценовой конкурентоспособности российских товаров, никаких компенсирующих мер по защите внутреннего рынка принято не было.

Неудивительно, что доля импортных товаров в ресурсах торговли резко возросла и превысила в 1994 году 50% по сравнению с 20% несколько лет назад. В 1995 году эта доля достигла 54%. Наиболее интенсивно замещение российских товаров импортными происходило по товарам народного потребления, в особенности по бытовой технике и машиностроению. Достаточно отметить, что обвальное сокращение их производства произошло не в критическом для российской экономики 1992 году, а во второй половине 1993-го — первой половине 1994 года, после перехода в середине 1993 года к политике искусственного сдерживания падения курса рубля (табл. 2).

Таблица 2

	Курс доллара США (руб. за 1 долл.)	Темп инфляции за год (%)	Индекс реального курса рубля (1992 г. = 100)	Доля импорта в товарных ресурсах торговли (%)
1993 г.	1247	840	312	29
1994 г.	3512	215	349	49

Источник: Глазьев С. Центральный банк против промышленности России // Вопросы экономики. — 1998. — № 1.

Таким образом, негативные последствия инфляции издержек для конкурентоспособности обрабатывающей промышленности были многократно усилены проводившейся политикой искусственного сдерживания падения обменного курса рубля, в результате которой произошло более чем восьмикратное ухудшение конкурентоспособности российских товаров и их быстрое вытеснение с рынка импортными аналогами (рис. 12).

Несмотря на катастрофическое сокращение внутреннего производства и его замещение импортом, российские власти продолжали под давлением МВФ воздерживаться от применения каких-либо защитных мер во внешней торговле. Более того, согласно официальной правительственной программе предполагалось продолжение политики повышения реального курса рубля, что неизбежно влекло за собой дальнейшее ухудшение конкурентоспособности российских товаров и рост импорта, а также создало угрозу дестабилизации валютного рынка в будущем. В дополнение к этому планировалось дальнейшее снижение в одностороннем порядке импортных пошлин без введения каких-либо мер поддержки экспорта и повышения конкурентоспособности российских товаров. Напротив, потери бюджета от отмены экспортных пошлин на нефть и газ предполагалось компенсировать увеличением акцизов на их потребление, что неизбежно вело к росту цен на энергоносители и снижению конкурентоспособности обрабатывающей промышленности [80].

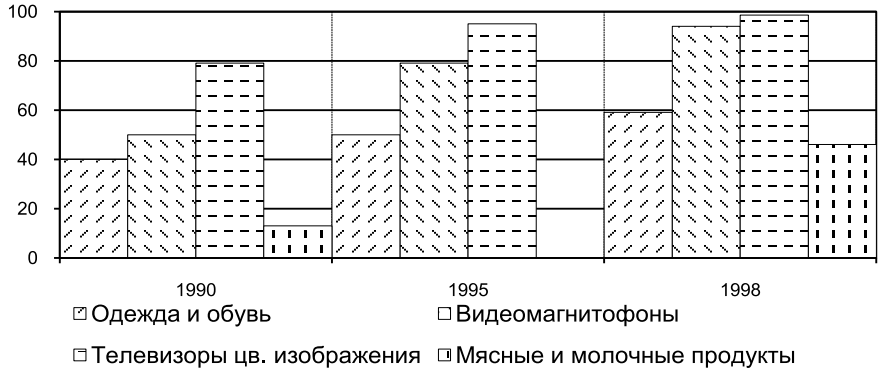

Рис. 12. Доля импорта во внутреннем потреблении (отдельные виды продукции).
Примечание. Молочные и мясные продукты — данные за 1995 г. отсутствуют.

После государственного переворота в сентябре 1993 года и захвата власти компрадорской олигархией большая часть созданных в начале реформ институтов регулирования внешнеэкономической деятельности была демонтирована. Под давлением сырьевых монополий было отменено квотирование экспорта сырьевых товаров, упразднен институт регистрации экспортеров сырьевых товаров. В дальнейшем государство отказалось и от экспортных пошлин, усугубив бюджетный кризис, закончившийся его банкротством в августе 1998 года. Открывшимися возможностями нелегального вывоза капитала тут же воспользовались недобросовестные участники внешнеэкономической деятельности, включая формирующиеся олигархические кланы.

Согласно данным платежного баланса, по расчетам Ю.А. Петрова, в 1993–1996 годах из России было вывезено около 25 млрд долларов, что на четверть превысило сальдо платежного баланса по текущим операциям. Всего же вывоз капитала из России, согласно данным платежного баланса, составил в 1992–2005 годах 625,1 млрд долларов [72].

Несанкционированный вывоз капитала происходил в тот период под видом экспорта без возврата валютной выручки или импорта без поступления товара. Полученные от реализации продукции деньги оставались за границей, а в России они считались приростом дебиторской задолженности (которая потом не погашалась, а списывалась либо исчезала вместе с фирмами-однодневками). В результате страна лишилась более 30 млрд долларов налоговых доходов с валютной выручки, не вернувшейся в Россию [72].

Крупномасштабный вывоз капитала обескровил российскую экономику, лишив ее значительной части накоплений и усугубив падение инвестиционной активности. Резкое укрепление реального обменного курса рубля, предпринятое Центральным банком в середине 1990-х го-

дов, подорвало ценовую конкурентоспособность российских товаров высокой степени переработки, экспорт которых упал до незначительных величин. Одновременно это вызвало более чем двукратное относительное удешевление импорта, который потеснил отечественные товары и с внутреннего рынка. При этом Российское государство под давлением импортеров прибегло к невиданному в мировой практике субсидированию импорта, не только снижая импортные пошлины, но и вовсе освобождая от них, а заодно и от НДС ввоз иностранного оборудования под предлогом отсутствия российских аналогов. Таким образом убивались не только возможности производства этих аналогов, но и вполне конкурентоспособные отрасли отечественного машиностроения, включая авиационную промышленность, станкостроение, электротехническое и транспортное машиностроение, приборостроение, сельскохозяйственное машиностроение и даже производство оборудования для нефтегазовой промышленности.

Возможности реализации в России модели экспортно ориентированного экономического роста на основе наращивания конкурентных преимуществ в высокотехнологических отраслях экономики так и остались неиспользованными. Захватившая власть компрадорская олигархия не была в этом заинтересована. Ее устремления не шли дальше присвоения доходов от экспорта сырьевых товаров и вывоза их за рубеж.

Произошедший в первые годы реформ обвальный спад производства не привел к рассасыванию структурных диспропорций. Наоборот, произошло их усугубление, сопровождавшееся ухудшением структуры экономики. При общем спаде промышленного производства в 1991–1993 годах по сравнению с 1990 годом на 37% снижение производства машиностроительной продукции составило 38%, продукции химико-лесного комплекса — 44, в то время как продукции топливно-энергетического и металлургического комплексов — 20 и 34% соответственно. Особенно тяжелый спад производства произошел в наукоемких отраслях промышленности, составляющих основу современного экономического роста. В некоторых отраслях оборонной промышленности объем производства сократился в несколько раз. По производству сложной продукции гражданского назначения он составил 25–70% от дореформенного уровня, в том числе производство средств гибкой автоматизации сократилось в 2–4 раза, производство электродвигателей — на 40%, выплавка электростали — на 32%, выпуск бытовой электроники — на 20–30%.

Стремительное сжатие производства высокотехнологических товаров и переориентацию поставок сырьевых товаров и энергоносителей на экспорт нельзя объяснить неконкурентоспособностью первых и избыточностью вторых. Для того чтобы имевшийся потенциал производства конкурентоспособных высокотехнологических товаров проявился,

требовалось время, долгосрочные низкопроцентные кредиты, институты поддержки экспорта, продуманная промышленная политика и разумная защита внутреннего рынка. Все это было слишком сложно для понимания реформаторами — им требовались быстрые революционные изменения, гарантировавшие необратимость разрушения социалистической системы хозяйства. При этом задача сохранения и развития научно-производственного потенциала не ставилась — она не вписывалась в прокрустово ложе шоковой терапии. Вместо высокоорганизованной социально ориентированной рыночной экономики на руинах социалистического хозяйства реформаторы насаждали джунгли архаичной экономики позапрошлого века с характерной для нее войной всех против всех со всеми ужасами первоначального капиталистического накопления за счет экспроприации общественного богатства.

2.3. Пять ударов по экономике и обществу

Ниже основные элементы проводившейся в течение первого десятилетия реформ экономической политики анализируются с точки зрения последствий их реализации в изменении структуры распределения доходов и национального богатства, а также уровня благосостояния населения. Эти изменения могут быть представлены в виде нескольких ударных волн нарастания хаоса, разрушения экономики и обнищания населения.

Удар 1. Либерализация цен, обесценение доходов и сбережений граждан. Как уже указывалось выше, либерализация цен наложилась на рутинные механизмы затратного ценообразования, которые в новых условиях стали естественным руслом раскручивания инфляции издержек. Либерализация цен не сопровождалась формированием институтов обеспечения добросовестной конкуренции. В отсутствие действенной антимонопольной политики следствием либерализации цен стало резкое изменение ценовых пропорций в пользу монополистов (рис. 13).

В результате многократного завышения цен энергетическими и транспортными монополиями произошло резкое снижение рентабельности машиностроительной продукции, производство которой утратило экономический смысл. Это повлекло разорение тысяч предприятий и гибель целых отраслей машиностроительного комплекса, составляющего ядро современной экономики.

Бездействие правительства в регулировании рынка попустительствовало его криминализации и установлению контроля над ним организованных преступных групп, извлекающих сверхдоходы путем взвинчивания цен.

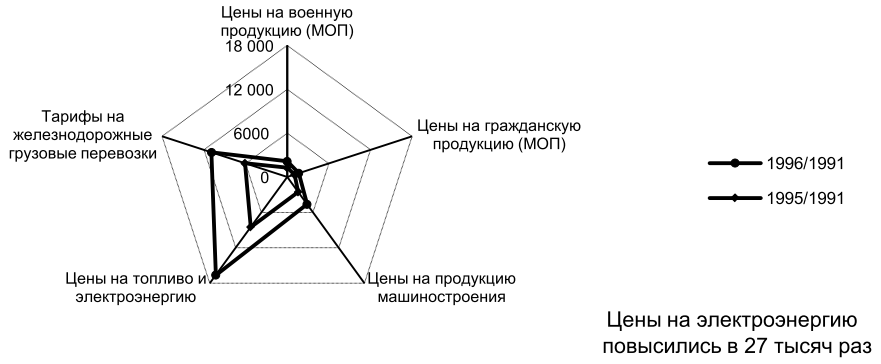

Рис. 13. Сравнительная динамика цен в основных отраслях материального производства в 1995–1996 г.г. к уровню 1991 г.
Источник: экспертные оценки А.Н. Шулунова.

Галопирующая инфляция не только дезорганизовала производство, но и привела к обесценению доходов и сбережений граждан. Хозяйствующие субъекты, пытаясь переложить рост цен на потребителя и максимально использовать свои возможности по увеличению доходов, не были заинтересованы в адекватном повышении заработной платы, рост которой существенно отставал от роста потребительских цен. Реальная начисленная заработная плата неуклонно сокращалась вплоть до 1996 года, когда она составила 46% к уровню 1990 года, и лишь в 1997 году увеличилась на 4% по отношению к предыдущему году.

«Забыло» про интересы граждан и государство, отказавшись от своевременной индексации не только нормативов заработной платы, но и сбережений граждан, замороженных в государственном Сбербанке. Несмотря на протесты населения, требования общественных организаций, предупреждения специалистов о необходимости индексации заработной платы и сбережений граждан, сосредоточенных в Сбербанке, покупательная способность которых по закону обеспечивалась всеми активами государства, она не была проведена. Более того, за полгода до перехода к рынку сбережения граждан были заморожены, что привело к их фактической ликвидации.

В правовом государстве защита доходов и сбережений граждан от инфляции является одной из функций государства. Тем более обязательной, чем больше инфляция провоцируется самой государственной политикой. В данном случае эта связь очевидна: вползание российской экономики в гиперинфляцию стало прямым следствием принятой технологии либерализации цен. Очевидна также юридическая обязанность государства по обеспечению защиты доходов и сбережений населения от обесценения. Такая обязанность была подтверждена в отношении замороженных в государственном Сбербанке сбережений граждан решением Конституционно-

го суда, обязавшего государственную власть принять меры по восстановлению покупательной способности обесценившихся вкладов населения. Однако она была проигнорирована государственной властью, растратившей многократно большие средства на формирование олигархических состояний и упустившей стократ большие доходы в ходе приватизации.

При правильной организации денежно-кредитной политики возможности защитить сбережения граждан от инфляционного обесценения были. Объем денежной эмиссии за 1992–1996 годы составил 282 трлн рублей, часть которых могла быть использована для индексации сбережений населения. Но денежная эмиссия была направлена на обогащение финансовых посредников, вставших между денежными властями и производственными предприятиями. В 1992–1993 годах они сказочно обогатились на распределении дешевых кредитов, направлявшихся правительством на поддержку сельского хозяйства и других отраслей экономики, в дальнейшем — поднаторели на «прокручивании» средств государственных предприятий и бюджета. По имеющимся оценкам, только в 1994 году (когда уже был остановлен основной поток прямого присвоения эмиссии денег при посредничестве в распределении дешевых кредитов) переток денежных средств из производственной сферы в сферу обращения через систему коммерческих банков составил около 14% ВВП. Сверхприбыльность финансовых спекуляций сочеталась с криминализацией банковской сферы, в которой годовые темпы прироста выявленных преступлений составили соответственно 78% в 1993 году, 170% в 1994 году, 264% в 1995 году и более 250% в 1996 году.

Обесценение доходов и сбережений граждан стало прямым результатом сознательных решений правительства и Центрального банка в отношении либерализации цен и денежно-кредитной политики. Из всех возможных способов проведения реформы ценообразования был выбран и реализован вариант, имевший наиболее тяжелые последствия для благосостояния населения. Спровоцировав гиперинфляцию, такой вариант не предусматривал введения хорошо известных в экономической теории и практике методов контроля над ценообразованием, индексации и других форм защиты доходов и сбережений населения от обесценения.

Важной особенностью этого варианта было крупномасштабное и исключительно быстрое перераспределение доходов в обществе, их концентрация в немногочисленной группе лиц, установивших контроль над бывшей государственной собственностью и финансовыми потоками. Доля заработной платы вместе с выплатами социального характера в доходах населения сократилась с 74% в 1990 году до 43,4% к концу 1996 года, а доходы от предпринимательской деятельности зеркально выросли и достигли 38,7% (рис. 14).

Рис. 14. Динамика заработной платы и предпринимательских доходов.

Другой стороной этого процесса стал трехкратный рост дифференциации населения по уровню денежных доходов. Произошедшее расслоение общества, в ходе которого возник немногочисленный привилегированный класс «новых русских», а подавляющее большинство остального населения столкнулось с обесценением доверенных государству сбережений и резким сокращением реальных доходов, стало дополнительным фактором падения экономической активности. Попустительство реформаторов резкому расслоению общества шло вразрез с научно доказанной обратно пропорциональной взаимосвязью между дифференциацией населения по доходам, с одной стороны, и эффективностью экономики и темпами экономического роста — с другой [87].

В арсенале методов регулирования рыночной экономики можно найти много способов избежать резкого обнищания основной массы населения и вместе с этим направить предпринимательскую энергию в созидательное русло создания нового, а не в перераспределение уже созданного богатства. Для этого достаточно было принять необходимые ограничения и нормы ценообразования, а также обеспечить соответствующие пропорции распределения эмиссионного дохода, организуя кредитование производства и индексируя доверенные государству сбережения, заработную плату и социальные выплаты населению. Вместо этого основная часть огромного эмиссионного дохода, генерируемого Центральным банком в ходе гиперинфляции, была произвольным образом распределена между привилегированными банками и получателями льготных кредитов, прокручивавшими их в различных спекулятивных операциях. Параллельно криминализированные организационные монополии в торговле перераспределили в свою пользу

большую часть добавленной стоимости, созданной в производстве товаров народного потребления.

В конечном счете основным источником сверхдоходов формирующейся олигархии на первом этапе «реформы» стали сбережения, социальные выплаты и заработная плата остальной части общества. В условиях сокращения объемов и эффективности производства источником увеличения доходов у одной части общества было их сокращение у всех остальных. Выбранная технология либерализации цен была самой простой в управлении — правительство не обременяло себя заботами по созданию сложных механизмов индексации доходов и сбережений граждан, организации контроля за денежными потоками. Главная работа денежных властей сводилась к распределению эмиссионного дохода в форме льготных кредитов и «прокручиванию» денежных ресурсов государства и предприятий в спекулятивных операциях приближенных к «денежным властям» коммерческих структур.

Удар 2. Утрата подавляющим большинством населения прав на ранее созданное общенародное имущество, коррумпирование государства и криминализация экономики. Масштабная приватизация государственного имущества привела к перераспределению накопленной за десятилетия общенациональной собственности в пользу непосредственных организаторов этой акции, их «консультантов» и партнеров. Не подготовленное к этой акции и плохо информированное население было лишено возможности принимать эффективные решения и в условиях резкого сокращения доходов вынуждено было «сбросить» свои приватизационные чеки сомнительным посредникам. Большинство из последних в свою очередь, не имея достаточной информации для эффективных прямых инвестиций, ограничились перепродажей этих чеков и спекуляцией акциями приватизируемых предприятий с последующим присвоением полученных доходов и обманом доверчивых вкладчиков.

От хаотического перераспределения собственности и возникшего на его основе спекулятивного бума выиграли наиболее информированные — те, кто лично участвовал в организации этого процесса. Характерным примером являются удивительные коммерческие успехи многих иностранных советников и партнеров руководителей российской приватизации, которые, пользуясь служебной информацией, организовывали массовую скупку акций приватизируемых предприятий в пользу иностранных банков. По данным В.П. Полеванова, пришедшего на пост руководителя Госкомимущества после Чубайса, он обнаружил в этом штабе приватизации целый десант американских экспертов, сотрудничавших с заинтересованными коммерческими структурами [47]. Многие из них неплохо нажились, лично участвуя в скупке акций российских предприятий

и перепродаже их за рубежом. Вокруг афер иностранных консультантов российского приватизационного ведомства весной 1997 года разгорелся громкий скандал. Правда, не в России, экономике которой они нанесли огромный ущерб, а в США, где в действиях этих американских граждан усмотрели состав уголовных преступлений и дискредитацию ценностей демократии, угрозу для успешного реформирования российской экономики по рекомендациям Вашингтона.

На спекуляциях по перепродаже акций приватизированных предприятий хорошо информированными людьми были сколочены огромные капиталы. Суммы, вложенные в покупку приватизационных чеков у населения, увеличивались в десятки раз в результате перепродажи акций соответствующих предприятий заинтересованным иностранным компаниям. Только один иностранный банк, активно сотрудничавший с российским правительством и содержавший одного из таких «советников», в течение лишь 1994 года перепродал акций российских предприятий почти на миллиард долларов. Учрежденные такими «советниками» паевые фонды доминировали на российском фондовом рынке, извлекая сверхприбыли на спекуляциях многократно недооцененными акциями российских предприятий.

Многие российские предприятия в результате манипуляций с их акциями оказались в руках зарубежных конкурентов, которые стали распоряжаться ими, исходя из краткосрочных интересов. Как правило, эти интересы концентрировались либо в сфере выжимания из предприятий максимальной прибыли (как это случилось со многими предприятиями цветной металлургии, химической, целлюлозно-бумажной промышленности), либо в их перепрофилировании в соответствии с потребностями иностранных компаний в переносе из Европы и США производства наиболее трудоемких или экологически грязных комплектующих (как это происходило с рядом предприятий приборостроения и электронной промышленности), либо в их ликвидации как конкурентов (как это часто происходило в наукоемком машиностроении), либо в их использовании для захвата внутреннего рынка (пищевая промышленность и стройматериалы).

Впоследствии, в 1996–1997 годах, огромные прибыли были извлечены финансовыми спекулянтами за счет роста в среднем в 3,5–4 раза цен на акции приватизированных за бесценок предприятий. Каждый рубль, вложенный приближенными к приватизационному ведомству спекулянтами в приобретение приватизационных чеков, в дальнейшем принес им десятки рублей прибыли на перепродажах растущих в цене акций изначально многократно недооцененных предприятий, что означало соответствующий ущерб или упущенную выгоду для государства.

Как и в случае с обесценением сбережений граждан, организаторы приватизационной кампании имели все возможности для пресечения не-

законных махинаций своих «советников» и прочих приближенных лиц, предотвращения спекулятивных афер с приватизационными чеками населения, недопущения их обесценения в результате мошеннических операций по перераспределению собственности. Этого не только не было сделано, но, наоборот, судя по расследованиям Генеральной прокуратуры, многие из руководителей приватизационной кампании стали ее реальными соучастниками, грубо нарушавшими законы при проведении процедур приватизации государственного имущества в своих интересах.

Следует заметить, что реализованный вариант приватизации был незаконен по самой технологии его исполнения. Принятый в первой половине 1992 года Федеральный закон «Об именных приватизационных чеках» предусматривал использование именных приватизационных чеков, не допуская их отчуждения от граждан в пользу посредников. Тем самым исключалась возможность сооружения чековых финансовых пирамид, а граждане ставились перед необходимостью осмысленного выбора объекта вложения своего приватизационного чека в акции. Но перед началом приватизационной кампании ее организаторами был осуществлен подлог приватизационного законодательства. Указ Ельцина о том, что именной чек заменяется чеком на предъявителя, был скрыт от парламента, который был в это время в отпуске. Тогда действовала норма, согласно которой если указы президента не оспаривались Верховным Советом в двухмесячный срок, то они приобретали силу закона. Указ, находившийся два месяца в сейфе у соучастника этого сговора, занимавшего в тот момент пост и.о. Председателя Верховного Совета, а впоследствии назначенного руководителем президентской администрации, был обнародован незадолго до возобновления работы парламента уже в качестве вступившего в силу законодательного акта.

Парламент был поставлен перед свершившимся фактом распределения среди населения приватизационных чеков на предъявителя. Таким образом, началась ваучерная приватизация. Она породила финансовые пирамиды, огромное количество злоупотреблений и хаос в распределении прав собственности. При этом ее несомненным преимуществом для организаторов была быстрота и исключительные возможности для присвоения огромных государственных активов, перераспределения в свою пользу накопленного национального богатства за счет обедневших и сбитых с толку граждан, продававших полученные ими ваучеры за бесценок в отсутствие реальной возможности их эффективного инвестирования.

Было написано множество статей, предупреждавших власти о вероятных разрушительных последствиях для экономики страны массовой ваучерной приватизации. Тем не менее из всех возможных вариантов приватизации государственного имущества был выбран наиболее примитивный и в то же время весьма деструктивный и социально конфликтный вариант, приведший к криминализации экономики, разрушению

производственно-технологических кооперационных связей, хаосу в отношениях собственности, резкому спаду объемов и эффективности производства, росту социальной напряженности. Этот вариант противоречил научным рекомендациям, здравому смыслу и международному опыту, провоцировал хаотическое разрушение хозяйственных связей и массовые нарушения законности.

Как и в случае с перераспределением денежных потоков и сбережений, накопление правящей олигархией собственности происходило не за счет создания новой стоимости и общественно полезных благ, а путем перераспределения в свою пользу ранее созданного трудом всего народа национального богатства, фактической экспроприации его у остального населения. Идеологи приватизации в интересах ее организаторов трактовали государственную собственность как ничейную и бесхозную, которую можно произвольно делить, не нарушая ничьих прав.

В действительности присвоение государственной собственности каким-либо лицом или группой лиц есть отчуждение прав на нее со стороны всех остальных граждан, затрагивающее их интересы. Сопоставительный анализ решений, принимавшихся заинтересованными организаторами приватизационной кампании, и ее последствий в распределении собственности и богатства сегодня убедительно вскрывает несомненную связь первого со вторым, а всей практики приватизации — с интересами захватившей политическую власть группы. Это доказывает субъективную обусловленность этими интересами проводившейся приватизационной кампании, породившей сплав коррумпированного чиновничества и организованной преступности, ставший после государственного переворота 1993 года стержнем формирования новой властвующей элиты.

Удар 3. Обесценение сбережений и повторная утрата имущества населения в финансовых пирамидах. Финансовые пирамиды, вторично унесшие 20 трлн рублей сбережений около 40 миллионов человек, возникли на приватизационной волне спекуляций ваучерами и акциями приватизируемых предприятий. Международный опыт позволял легко предсказать их появление, своевременно выработать эффективные механизмы предотвращения крупномасштабных мошеннических афер против населения. Однако ничего подобного не было сделано. Напротив, политика правительства потворствовала обману населения при помощи рекламы по государственному телевидению привлекательности вкладов в явно мошеннические финансовые пирамиды. Рост последних происходил на фоне разорения большей части предприятий, повышение курсовой стоимости акций которых в ходе искусственно разогреваемых финансовых спекуляций свидетельствовало о противоестественности происходивших процессов перераспределения собственности.

Бурный рост стоимости акций приватизированных предприятий в 1996–1997 годах сочетался с не менее резким ухудшением их финансового положения. К примеру, в 1997 году при росте объема капитализации рынка ценных бумаг предприятий более чем в 3,5 раза их рентабельность снизилась более чем в 2 раза, а доля убыточных предприятий выросла на 5%. Схожая ситуация наблюдалась и с государственными бумагами. Невиданная по мировым меркам доходность государственных обязательств сочеталась с плачевным состоянием государственного бюджета, быстрой эрозией его доходной базы.

Сверхвысокая доходность финансовых спекуляций последовательно поддерживалась финансовыми пирамидами, спекуляциями с акциями приватизированных предприятий, валютными спекуляциями, эмиссией сверхдоходных гособязательств. В то же время подавление инфляции путем сжатия денежной массы привело к обезденеживанию реального сектора. Вследствие образовавшегося колоссального разрыва в доходности возник мощный переток оборотного капитала из производственной сферы в спекулятивную, что усугубило падение инвестиций и производства. Директора разоряющихся производственных предприятий предпочитали уводить высвобождающийся капитал в высокодоходную и одновременно низкорисковую спекулятивную сферу и не стремились поднять резко снизившуюся конкурентоспособность производства инвестициями в его развитие.

Обычные мотивы рыночного поведения, ориентирующие предпринимателей на повышение эффективности производства, сохранение накопленного богатства путем новых инвестиций в повышение конкурентоспособности своих предприятий, работают в относительно равновесных условиях. Если же по не зависящим от предприятий причинам вдруг происходит почти мгновенное многократное снижение конкурентоспособности производства и соответствующее обесценение вложенного в него капитала, естественным мотивом предпринимателя становится спасение хотя бы части контролируемого им богатства. Неудивительно, что реакцией собственников и директоров предприятий на резкое ухудшение экономической конъюнктуры по не зависящим от них причинам стало не вложение инвестиций в освоение новых технологий, а изъятие капитала из производства и перевод его в многократно более доходный и надежный спекулятивный сектор.

Сверхприбыли сектора финансовых спекуляций образовались и росли на перераспределении государственной собственности через спонтанную ваучерную приватизацию, государственного бюджета — через финансовую пирамиду ГКО, сбережений населения — через частные финансовые пирамиды. Интенсивность этого перераспределения была чрезвычайно высокой, ежегодно составляя до половины всего фонда накопления страны, и сопровождалась образованием колоссальных финансовых пузырей.

Меры по пресечению финансовых махинаций принимались запоздало и нерешительно. Даже созданный после крушения основных финансовых пирамид Фонд помощи пострадавшим вкладчикам за счет части доходов государства от приватизации, по данным Счетной палаты, оказался растрачен впустую. Фактически строительство финансовых пирамид велось как дополнение приватизационной кампании, способствуя концентрации собственности в руках у организованной преступности и расширяя для преступных сообществ возможности приобретения государственной собственности. Сам процесс надувательства доверчивых вкладчиков посулами сверхвысоких доходов порождал специфическую атмосферу завышенных ожиданий скорого легкого обогащения, создавая благоприятные политические условия для массовой приватизации в пользу узкой группы организаторов этого процесса.

Попустительство властей крупномасштабным финансовым махинациям наглядно свидетельствует о происходившей в то время криминализации властвующей элиты, ее трансформации в преступную олигархию, интересы которой были ограничены обеспечением собственных сверхдоходов и сохранением привилегированного положения любой ценой. Как показывает анализ последствий главных направлений проводившейся экономической политики, эти интересы находились в антагонистическом противоречии с интересами подавляющего большинства граждан и национальными интересами страны.

Удар 4. Разрушение производительных сил общества в результате проводившейся макроэкономической политики. Отказавшись от политики регулирования доходов и защиты сбережений населения, денежные власти в своей антиинфляционной политике вели последовательную линию на сокращение совокупного спроса путем сжатия денежной массы и уменьшения государственных расходов. Этот метод, выбранный в качестве главного средства подавления инфляции в соответствии с догмами «Вашингтонского консенсуса», характеризуется крайней примитивностью и низкой эффективностью.

О неадекватности такого метода подавления доминировавшей в России инфляции издержек, его разрушительных последствиях для производственной сферы и депрессивном влиянии на экономическое развитие было хорошо известно и не было недостатка в предостережениях со стороны ученых и специалистов. Отчетливо прогнозировавшимися последствиями этой политики стали: кризис неплатежей, глубокое расстройство всей системы денежного обращения, демонетизация экономики, резкое сокращение заработной платы и денежных выплат населению, объемов производства и инвестиций.

Наивные попытки аналитиков денежных властей подменить учет сложных нелинейных и весьма неустойчивых взаимосвязей между ин-

фляцией и параметрами денежного предложения линейными детерминированными моделями исходили из догматического предположения о том, что темп роста денег в экономике пропорционален темпу инфляции. Эта догма основывается на известном монетарном тождестве, согласно которому объем товаров, умноженный на цены всех товаров, равен объему денежной массы, умноженной на скорость обращения денег. При этом когда монетаристы говорят о том, что денежное предложение порождает инфляцию, потому что увеличение денег ведет к тому, что растет одна часть этого уравнения и в другой части этого уравнения должны вырасти цены, то они забывают, что во второй части есть еще и товар. Правильная постановка цели макроэкономической политики заключается в том, чтобы рост денег проходил не через рост цен, а через рост товарного предложения. В этом случае увеличение денежной эмиссии будет вести не к росту инфляции, а к увеличению объема производимых товаров.

Инфляция, как известно, имеет многофакторную природу, и ее сведение лишь к одному приросту денежного предложения вызывает недоумение. Если принять последнее неизменным, то легко показать, что инфляция может генерироваться: увеличением скорости обращения денег вследствие повышения инфляционных ожиданий населения или снижения его склонности к сбережениям; падением обменного курса национальной валюты; сокращением предложения потребительских благ; злоупотреблениями монополистов доминирующим положением на рынке путем завышения цен.

Как было показано выше, охватившая российскую экономику галопирующая инфляция была порождена методами либерализации цен и носила характер «инфляции издержек» в условиях сильно неравновесной экономики, принципиально отличавшейся от стандартной инфляции в условиях рыночного равновесия. Соответственно и методы ее подавления должны были ориентироваться на блокирование механизмов спонтанного повышения цен, а не на простое снижение конечного спроса, действенное только в условиях рыночного равновесия.

Российские ученые-экономисты предлагали различные методы снижения инфляции, включавшие ужесточение контроля над ценообразованием в высокомонополизированных отраслях экономики, целенаправленное регулирование денежных потоков в целях предотвращения их концентрации в спекулятивной сфере, декриминализацию товаропроводящей сети, использование экспортных пошлин на сырьевые товары, стимулирование производства товаров народного потребления, развитие конкуренции и т.п. Однако эти предложения не были приняты во внимание. Выбор был сделан в пользу наиболее простых, малоэффективных и в то же время самых разрушительных для благосостояния населения и производственной деятельности методов подавления совокупного спроса

при сохранении сверхдоходов и неограниченного спроса самой правящей олигархии. Снижение инфляции достигалось путем сжатия денежной массы, которое автоматически влекло обезденеживание реального сектора экономики, сокращение доходов и платежеспособного спроса населения, падение производства и разорение государства.

Другим средством антиинфляционной политики стало втягивание свободных денежных ресурсов в финансовую пирамиду государственного внутреннего долга путем поддержания сверхвысокой доходности государственных облигаций. Таким образом достигался двойной эффект оттока капитала из производственной сферы: за счет общего сокращения денежной массы возрастала ценность денег, провоцировавшая отток капитала из относительно низкодоходной производственной сферы; в то же время сверхдоходность государственных долговых обязательств гарантировала связывание уходящих из реальной экономики денег в финансовой пирамиде государственных облигаций.

Иначе говоря, главным способом достижения макроэкономической стабилизации стало сжатие совокупного спроса на товары, которое влекло за собой сокращение производства и доходов государственного бюджета, сопровождавшееся быстрым снижением доходов большинства населения. Таким образом, основная тяжесть борьбы с инфляцией была возложена на население, которое в отсутствие должной индексации заработной платы, пенсий, социальных пособий, при самоустранении правительства от регулирования оплаты труда и обеспечения социальных гарантий столкнулось с резким падением реальных доходов и вынуждено было сократить спрос. Однако сокращение потребительского спроса основной части населения оказывало весьма слабое влияние на подавление инфляции, генерировавшейся в основном монополистическим поведением предприятий и структурными диспропорциями в экономике. Кроме того, антиинфляционный эффект сжатия спроса основной части населения в условиях сохранения и увеличения сверхдоходов правящей олигархии обесценивался непропорционально растущим спросом «новых русских».

Так же малоэффективным с точки зрения подавления инфляции издержек, но крайне разрушительным для производства было сокращение оборотных средств и спроса со стороны предприятий, вылившееся в кризис платежей, демонетизацию производственной сферы, резкое сокращение производства и инвестиций. Таким образом, антиинфляционный эффект сжатия текущего спроса со стороны предприятий обесценивался сокращением предложения товаров. Наряду со стабилизацией обменного курса рубля в условиях сохраняющейся высокой инфляции это приводило к резкому ухудшению конкурентоспособности отечественных товаров и еще большему сокращению их производства, углублению экономической депрессии, росту безработицы, дальнейшему снижению доходов и уровня жизни населения.

С точки зрения создания условий для экономического роста жертвы антиинфляционной политики оказались напрасными — снижение инфляции было, наконец, достигнуто спустя пятилетие после начала шоковой терапии путем приведения экономики в состояние неустойчивого равновесия, характеризовавшегося ее долларизацией, втягиванием денежной массы в пирамиду государственного долга, замещением большей части рынка импортными товарами, разорением половины производственных предприятий, а также прекращением производства в большинстве отраслей обрабатывающей промышленности. В таком состоянии неустойчивого равновесия экономический рост был невозможен; сохранение этого равновесия требовало быстрого наращивания государственного долга и поддержания нормы прибыли на финансовом рынке на уровне, в несколько раз превышающем среднюю рентабельность производственной сферы. Это блокировало приток инвестиций в развитие производства и вело к банкротству государства.

Содержательные цели макроэкономической стабилизации — подъем инвестиций, повышение благосостояния и экономический рост — не могли быть достигнуты антиинфляционной политикой такого рода. В условиях сложившихся ценовых диспропорций жесткое количественное ограничение денежного предложения обрекало большую часть отраслей экономики на сжатие производства. Несоответствие сложившегося соотношения экономических оценок и производственно-технологической структуры экономики, проявлявшееся в убыточности значительной части предприятий обрабатывающей промышленности, делало нереальным переход к экономическому росту в рамках проводившейся макроэкономической политики, предопределяло дальнейший рост безработицы и падение уровня жизни. Продолжение такой политики влекло за собой дальнейшее ухудшение финансового положения производственной сферы, углубление дезинтеграции экономики и утрату возможностей привлечения инвестиций в ее модернизацию на новой технологической основе.

Опыт депрессивной стабилизации середины 1990-х годов полностью подтвердил справедливость критики многих экспертов в отношении пагубности борьбы с инфляцией издержек методами сокращения спроса. Продолжавшееся падение инвестиций и производства иллюстрировало хорошо известный в теории факт недостаточности подавления инфляции для экономического роста. В то же время разрушительные последствия избранных методов подавления инфляции и достижения макроэкономической стабилизации сочетались со сверхдоходами формирующейся финансовой олигархии. Резкое сокращение денежной массы и кризис вели к увеличению цены денег и повышению доходности денежных активов. Провоцируя спад производства, снижение доходов населения, резкое сокращение производственных

инвестиций, избранная политика подавления инфляции одновременно генерировала сверхдоходы в финансовом секторе, концентрировавшем дефицитные денежные ресурсы и поддерживавшем высокую прибыльность спекулятивных операций.

Наглядным примером антисоциального характера проводившейся антиинфляционной политики может служить опыт планирования бюджета на 1995 год. Осенью 1994 года, в ходе рассмотрения проекта бюджета на 1995 год, правительством было принято решение составлять бюджет и прогнозировать параметры доходов, исходя из двухпроцентного уровня среднемесячной инфляции. Сделано это было вопреки достоверным прогнозам ведущих академических институтов, заключениям экспертов Государственной Думы и даже Министерства экономики, которые сходились на прогнозной оценке среднемесячной инфляции в 5–8%. Последовавшее тем не менее утверждение бюджета исходя из среднемесячной инфляции в 2,5% при фактических 7,5% означало ежемесячное сокращение реальных доходов всех занятых в бюджетной сфере на 5%. Неудивительно, что реальные доходы населения в 1995 году снизились на 13%, в том числе зарплата — на 28%, а пенсии — на 19%. Зато правительство обеспечило себе легкую выполнимость формальных бюджетных обязательств, обратив к своей выгоде их инфляционное обеспечение.

В дальнейшем перекладывание основной тяжести подавления инфляции на население за счет сокращения реальных бюджетных расходов стало еще более явным. В 1997 году правительство, грубо нарушив Закон о федеральном бюджете, просто сократило государственные расходы на четверть за счет социальной сферы и инвестиционных программ, поддержки производства и науки, чтобы увеличить расходы на оплату процентов финансовым спекулянтам по гособязательствам, не выходя за пределы установленного дефицита бюджета. Аналогичная ситуация сложилась в начале 1998 года, когда вместо исполнения Закона о бюджете правительство установило произвольные лимиты бюджетных обязательств ради изыскания возможностей для своевременной уплаты астрономических процентов по своим облигациям.

Удар 5. Втягивание государственного бюджета, сбережений населения и денежных ресурсов производственной сферы в пирамиду государственного долга. Высокая прибыльность спекулятивных операций, сложившаяся в период строительства частных финансовых пирамид, с крахом последних была искусственно восстановлена правительством путем строительства собственной финансовой пирамиды государственных краткосрочных обязательств (ГКО), размещавшихся под сверхвысокий процент для покрытия

бюджетного дефицита. Строительство этой финансовой пирамиды оправдывалось целью исполнения расходных обязательств государства при одновременном сдерживании инфляции. Одновременно оно решало важные для властвующей олигархии задачи легализации и вывоза за рубеж ранее полученных незаконным путем доходов с одновременным извлечением астрономических сверхприбылей до 100% годовых. Бурный рост государственных расходов на поддержание финансовой пирамиды ГКО выглядел особенно контрастно на фоне многомесячных задержек заработной платы и социальных платежей, замораживания социальных расходов бюджета на крайне низком уровне вследствие проводившейся политики ограничения совокупного спроса (рис. 15).

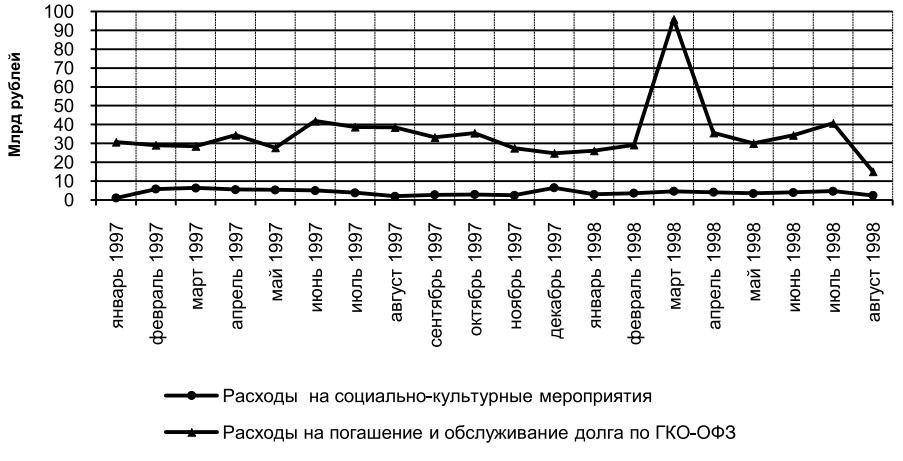

Рис. 15. Соотношение расходов федерального бюджета на обслуживание долга по ГКО-ОФЗ и социальных расходов (млрд руб.).

Следует заметить, что доходность эмитируемых российским правительством облигаций, составлявшая в разное время от 30 до 100% годовых, многократно превосходила общепринятую в мировой практике доходность такого рода ценных бумаг (табл. 3). Это завышение не может быть объяснено особенностями переходной экономики. Для сравнения заметим, что доходность государственных краткосрочных обязательств составляла в июле 1997 года в Азербайджане 12%, а в находившихся в несравнимо более тяжелых условиях, чем Россия, Молдавии и Киргизии — около 17% годовых. Многократная завышенность доходности гособлигаций сопровождалась чрезвычайной дороговизной денег, так процентные ставки денежного рынка автоматически подтягивались к доходности по государственным заимствованиям.

Таблица 3

Сравнительная доходность гособязательств по странам, % годовых[1]

Страна	Долгосрочные облигации	Краткосрочные облигации	Ставки денежного рынка[2]	Ставки рефинансирования центральных банков
Россия, январь 1997 г.		31,8	36–24	28
июль — август 1998 г.	20–60[3]	56,2–113,8[4]	32,3–118,3	80–60
США	6,55–5,0	5,07	5,52	5,0
Германия	5,40	3,20	3,09	2,5
Франция	5,50	3,33	3,19	3,0
Япония	2,12		0,49–0,69	0,2
Великобритания	6,96	6,60	6,81	4,0

[1] Данные по странам 1997–1998 гг.
[2] Ставки по краткосрочным межбанковским кредитам.
[3] OBB3, Euro, USD и переоформленных долгов Лондонскому клубу.
[4] Средняя учетная ставка по всем выпускам ГКО.

Явный перекос расходов бюджета в пользу выплаты сверхвысоких процентов по государственным обязательствам объяснялся не столько объективной необходимостью, сколько прямыми коммерческими интересами влиятельных финансовых структур, использовавших госбюджет в качестве источника своих сверхдоходов. В конечном счете покупателем эмитируемых правительством долговых обязательств становился Центральный банк, который направлял значительную часть денежной эмиссии на рефинансирование операций по приобретению ГКО коммерческих банков, включая принадлежавшие ему Сбербанк и Внешторгбанк. Поэтому с макроэкономической точки зрения дефицит бюджета по-прежнему финансировался за счет денежной эмиссии. Только в отличие от прежней практики прямого кредитования дефицита бюджета и денежной эмиссии под нерыночные обязательства государственных структур реформаторы сочли более целесообразным перераспределение проводимой в этих целях денежной эмиссии в частных интересах в форме процентов по размещаемым на рынке государственным обязательствам. В том числе в пользу доходов самого Центрального банка, который в 1995–1997 годах фактически был коммерциализирован, используя половину получаемой прибыли на цели финансирования разнообразных социальных льгот и привилегий своих сотрудников, а также не гнушался использованием валютных резервов для спекуляций с государственными облигациями посредством специально созданной офшорной компании.

Последующий опыт резкого снижения доходности ГКО показал, что объективных причин к многократному завышению их доходности не было — спрос на них был бы достаточен и при норме реальной доходности в 3–4 раза меньше установившейся в 1995–1996 годах. Но вопреки мнению специалистов и в ущерб интересам казны доходность по государственным обязательствам устанавливалась на невиданно высоком в мировой практике уровне, что поддерживало мощный переток капитала из производственной сферы в спекулятивную, а также полностью блокировало инвестиции, вызвав почти полную трансформацию сбережений в ГКО.

График (рис. 16) иллюстрирует процесс перетока капитала из производственной сферы в спекуляции с ГКО-ОФЗ.

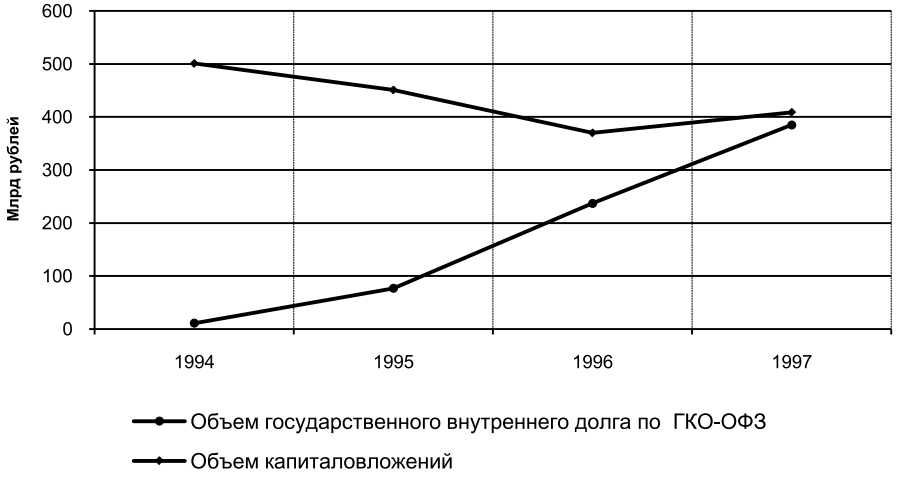

Рис. 16. Динамика государственного внутреннего долга по ГКО-ОФЗ и капиталовложений.

В свою очередь отток денег из производственной сферы компенсировался последней взаимозачетами и неплатежами — ежемесячный рост просроченной задолженности достигал 4,2 млрд рублей (или 2% от ВВП), что влекло рост налоговых недоимок в федеральный бюджет и дальнейшее наращивание гособязательств для их замещения. Переток денег из производственной сферы и доходов граждан в пирамиду ГКО шел как напрямую, так и через коммерческие банки (в том числе ГКО составляли основную часть активов Сбербанка), а также через налогово-бюджетную систему — средние ежемесячные расходы бюджета на обслуживание внутреннего государственного долга составляли 3,5 млрд рублей при средних налоговых поступлениях 16–18 млрд рублей.

Поддерживая высокую доходность спекулятивных операций (около 30% годовых в реальном выражении) на фоне снижающейся рентабельности (ниже 7%) и сохраняющихся высоких рисков финансирования произ-

водственных предприятий, государство заблокировало приток капитала в производственную сферу. Осуществление инвестиций было невыгодным, отсутствовали стимулы к росту производства. Неудивительно, что вопреки ожиданиям правительства на рост инвестиционной активности со снижением инфляции сокращение инвестиций продолжалось. После четырехкратного спада инвестиций в 1992–1996 годах в 1997 году они вновь снизились на 5%, в первом полугодии 1998 года спад продолжился с темпом 7%. Именно в тот период возникла характерная для российской экономики патология — хроническое существенное превышение объема финансовых вложений над инвестициями в основной капитал (рис. 17).

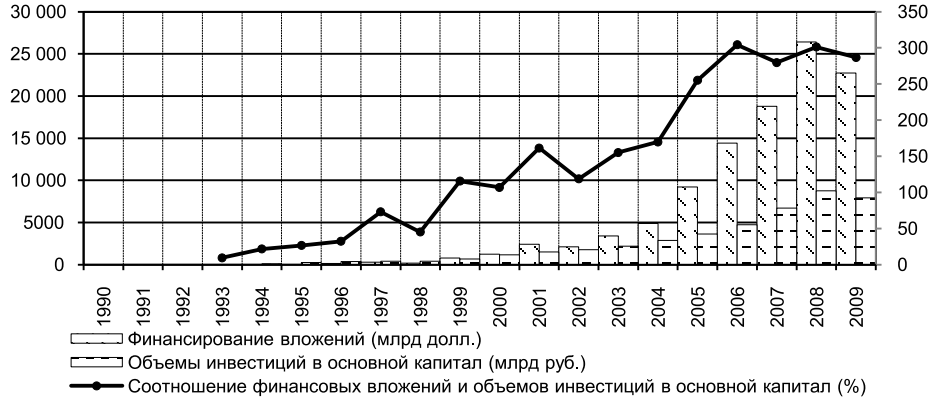

Рис. 17. Динамика финансовых вложений и инвестиций в основной капитал в 1993–2009 гг.
Примечание. До 1998 г. — в трлн рублей.
Источник: Федеральная служба государственной статистики.

Денежные власти своей политикой стерилизации казавшейся им избыточной денежной массы последовательно создавали и поддерживали саморазрушительный для экономики механизм перетока капитала из производственной сферы в финансовые спекуляции.

В 1997 году была достигнута лишь видимость равновесия, которое не могло быть устойчивым, так как поддерживалось за счет наращивания государственных займов, преимущественно в форме иностранных инвестиций в ГКО. Это псевдоравновесное состояние характеризовалось следующими макроэкономическими параметрами (данные приводятся в реальном выражении, очищенном от инфляции): ставки доходности по государственным обязательствам — 30–40%; ставка рефинансирования Центрального банка — 30–40; процент по коммерческим кредитам — 40–60; рентабельность в производственной сфере — 5–7; загрузка производственных мощностей в промышленности — около 40; уровень безработицы с учетом скрытой — 10–15; инфляция — около 10%. Есте-

ственным следствием такого соотношения макроэкономических параметров стало образование «воронки» втягивания денег в спекуляции с государственными краткосрочными обязательствами. При этом ежемесячный приток средств на обслуживание пирамиды ГКО в объеме 30–40 млрд рублей обеспечивался главным образом новыми займами, что предопределяло продолжение лавинообразного роста пирамиды ГКО с темпом 1,3–1,5 раза в год.

С исчерпанием возможностей российских спекулянтов основным источником финансирования роста пирамиды ГКО стали иностранные инвестиции, доля которых в портфеле государственных обязательств достигла примерно 30%, или порядка 20 млрд долларов. Но конечным источником оставалась денежная эмиссия — Центробанк обеспечивал трансформацию иностранного капитала в пирамиду ГКО через эмиссию рублей на приобретение иностранной валюты. Другим каналом эмиссии денег было рефинансирование коммерческих банков под залог государственных облигаций. В условиях монетаристской политики количественного ограничения прироста денежной массы нарастающий приток денег в пирамиду ГКО компенсировался оттоком капитала из производственной сферы — за 4 года (1993–1996) реальный объем денежной массы М2 снизился почти вдвое, в то время как остатки средств на счетах предприятий упали в 5 раз.

Очевидно, что чем дольше сохранялось такое состояние динамического равновесия, тем хуже становилось состояние производственной сферы и инвестиционной активности. Падение инвестиций на 6% и рост просроченной кредиторской задолженности в 1,5 раза, рост убытков в производственной сфере на 30%, или на 103,7 млрд рублей в 1997 году по сравнению с предыдущим годом, и неплатежеспособность 60% производственных предприятий — очевидная расплата за поддержание этого состояния равновесия. Сохранение этого равновесия в 1998 году требовало увеличения долговых обязательств на сумму более 110 млрд рублей, а также прямых расходов федерального бюджета на обслуживание государственного долга в объеме 124,1 млрд рублей, утвержденных законом о федеральном бюджете на 1998 год. Расходы бюджета на финансирование государственных краткосрочных обязательств достигли 3,5–4,0 млрд рублей в неделю.

Такая политика не могла продолжаться долго. В ее рамках невозможен был не только экономический рост, но и выход из долгового кризиса, как бы ни сокращались бюджетные расходы. Построенная «денежными властями» финансовая пирамида государственных краткосрочных обязательств вскоре стала превышать возможности бюджета по ее поддержанию. К 1997 году помесячные расходы на погашение и обслуживание внутреннего долга устойчиво (в 1,5–2 раза) превышали все налоговые поступления в федеральный бюджет (рис. 18). При этом доходов бюд-

жета явно не хватало даже на покрытие критически необходимых процентных расходов. В 1997 году расходы федерального бюджета составили 409,3 трлн рублей (включая 40,5 трлн рублей зачетов), или 15,3% от ВВП. Расходы, не связанные с обслуживанием и погашением долга и предоставлением бюджетных ссуд, составили 349,6 трлн рублей (13,1% от ВВП). По итогам 1997 года наличные доходы федерального бюджета, по данным казначейства, составили 282,4 трлн рублей, или 10,6% от ВВП, что на 0,4% от ВВП выше аналогичного показателя за 1996 год.

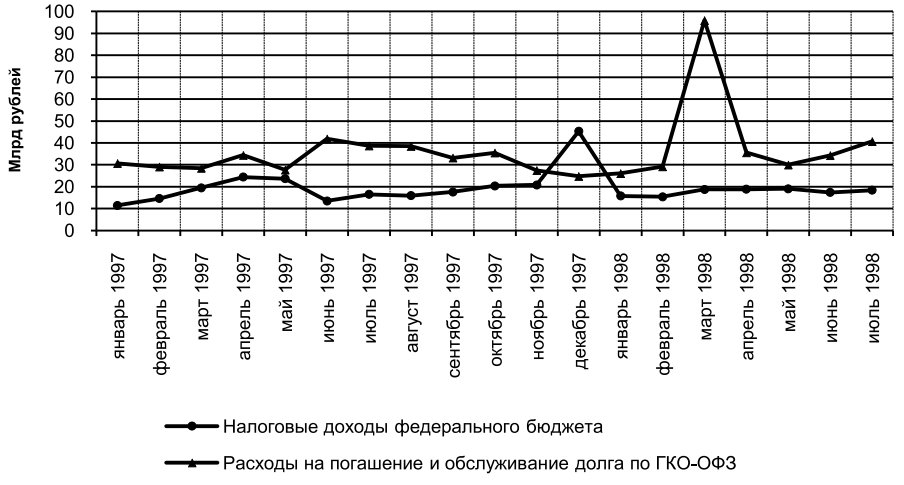

Рис. 18. Расходы на обслуживание государственного долга и зачисленные доходы федерального бюджета, млрд руб.

Неудивительно, что упорство денежных властей в поддержании столь разорительного для страны динамического равновесия привело к перенапряжению и коллапсу финансовой системы с исчерпанием источников финансирования лавинообразно нараставших финансовых обязательств государства.

2.4. Банкротство государства

Как и любая финансовая пирамида, эмиссия ГКО через определенное время столкнулась с трудностями привлечения новых инвесторов, все более сомневающихся в их надежности. Центробанку пришлось выступить главным покупателем ГКО (как самостоятельно, так и через Сбербанк и другие аффилированные с ним коммерческие банки), поддерживая их сверхдоходность и ликвидность. Доля Центробанка и Сбербанка в размещении государственных долговых обязательств в банковском секторе

достигла в 1997 году 2/3, что свидетельствовало об экономической абсурдности реализованной технологии обслуживания дефицита бюджета: как и ранее, ее главным источником была денежная эмиссия и сбережения госструктур.

Видимость макроэкономической стабилизации достигалась самым примитивным способом — путем связывания свободных денег в спекулятивных операциях со сверхвысокой доходностью за счет государства, невзирая на пагубные последствия такой политики для производственной сферы и инвестиций. Пользуясь медицинской терминологией, экономику страны «посадили на иглу» с такими же последствиями, как и в человеческом организме при снятии болезненных ощущений инъекциями морфия.

Назначая сверхвысокие по мировым меркам ставки доходности государственных краткосрочных обязательств и ставки по ломбардным кредитам под их обеспечение, правительство и Центральный банк временно привлекали и удерживали от опрокидывания на рынок огромный капитал, сбежавший вследствие проводившейся ими экономической политики из производственной сферы, и поддерживали таким образом видимость стабилизации обменного курса и цен на товарных рынках. Видимость макроэкономической стабилизации достигалась путем фиксации обменного курса рубля на фоне доминирования импортных товаров в розничном товарообороте на рынках крупных городов, определявших ценовую динамику, а также фактического замораживания совокупного спроса за счет секвестирования бюджетных расходов, ухудшения финансового положения в производственной сфере и подавления инвестиций. Естественными и уже привычными результатами такой политики были: поддержание оттока капитала из производственной сферы, дальнейшее снижение инвестиций и производства, углубление платежного кризиса в реальном секторе, ухудшение финансового положения производственных предприятий, еще большее сокращение реально выплаченной зарплаты при продолжающемся быстром росте предпринимательских доходов. Новым результатом стало втягивание государства в долговой кризис и переход бюджетного кризиса в хронический. К середине 1997 года экономика оказалась в ловушке долгового кризиса, когда обслуживание госдолга намного и устойчиво превышало возможности налоговой базы бюджета.

В этой ситуации проводившаяся политика секвестирования расходов бюджета ради их перераспределения на обслуживание государственного долга окончательно потеряла смысл. Рост расходов федерального бюджета на эти цели до 1/3 его величины не остановил рост пирамиды государственного долга, которая, перед тем как рухнуть, увеличилась в 1998 году еще более чем на 100 млрд рублей. Бессмысленно было оплачивать финансовым спекулянтам невиданные в мировой практике сверхприбы-

ли за счет экономии на детских пособиях и зарплате бюджетникам, так как возможности этой экономии были несравнимо меньше лавинообразно нарастающих долговых обязательств. Тем не менее в проведенном в 1997 году секвестре расходов федерального бюджета сокращение составило 30% по северному завозу, угольной отрасли, оборонному заказу, 55% — по остальным незащищенным статьям. Расходы на обеспечение сверхприбылей финансовых спекулянтов от инвестиций в пирамиду государственного долга составили свыше четверти всех расходов бюджета в 1997 году, став самой крупной статьей бюджетных расходов.

Эта тенденция получила закрепление в бюджете 1998 года. При сокращении по сравнению с предыдущим годом запланированных социальных расходов на 8 млрд рублей рост расходов на обслуживание государственного долга составил 33 млрд рублей. При фактическом исполнении за девять месяцев 1998 года расходной части федерального бюджета в среднем на 48,3% от годовых назначений расходы на обслуживание государственного долга были выполнены на 70,5%, в то время как расходы на промышленность, энергетику и строительство — на 23%, на сельскохозяйственное производство — на 22,5, финансирование государственных инвестиций — на 8,9, на конверсию оборонной промышленности — на 4%. Практически не проводилось погашения задолженности перед предприятиями оборонного комплекса за выполненные госзаказы, а текущие платежи составляли 10–15% от утвержденных лимитов бюджетных расходов.

Приспособление к бюджетному кризису путем произвольного сокращения всех расходов, за исключением постоянно растущих расходов на обслуживание государственного долга, привело к стабилизации непроцентных расходов федерального бюджета на крайне низком уровне — около 10% ВВП. Острый бюджетный кризис фактически стал хроническим — величина расходов федерального бюджета сократилась к середине 1990-х годов по сравнению с дореформенным уровнем впятеро, а по сравнению с союзным бюджетом — на порядок. Уровень бюджетных расходов стал на треть ниже минимума, необходимого для поддержания самых первоочередных социальных расходов и национальной безопасности.

Абсурдный с точки зрения здравого смысла способ балансирования бюджета путем быстрого наращивания и без того одного из самых больших в мире государственного долга на фоне почти бесплатной приватизации большей части государственных активов, отказа государства от многих доходных источников (таможенные пошлины на вывоз необработанного сырья, другие формы изъятия природной ренты в доход государства, госмонополия на оборот алкоголя, прибыль госсектора) свидетельствует о реальных мотивах проводившейся стабилизационной политики. Размещая облигации государственного долга под сверх-

высокий процент и сокращая для обеспечения процентных платежей социальные расходы бюджета, правящая олигархия продемонстрировала классическое поведение временщиков, решающих краткосрочные задачи личного обогащения и сохранения у власти за счет разорения страны и будущих поколений.

Этим же задачам была подчинена и политика денежного предложения, которая вскоре приобрела самоубийственный для государственной финансовой системы характер. С одной стороны, правительство занимало деньги под 30–100% годовых, широко привлекая иностранные инвестиции. С другой стороны, Центробанк, эмитируя рубли на приобретение долларов, затем размещал купленную валюту в ценные бумаги иностранных государств, а также в краткосрочные депозиты в иностранных банках, доходность которых составляет 5–7% годовых. При этом гарантировался стабильный обменный курс рубля, свобода обмена рублей на иностранную валюту и вывоза капитала за рубеж. Чистый ущерб такого кругооборота огромных денежных сумм для российского государства в разное время строительства финансовой пирамиды ГКО составлял 10–95% годовых на каждый купленный доллар. Принимая во внимание, что объем ГКО, находившийся у нерезидентов, составлял около 20 млрд долларов в 1997 году, нетрудно посчитать, что при средней доходности государственных обязательств в 25% чистые потери российской финансовой системы только по операциям с иностранцами составили в 1997 году около 4 млрд долларов. Почти все они были вывезены за рубеж в ходе финансового кризиса.

Разумеется, мировое сообщество финансовых спекулянтов с восторгом поддерживало этот безумный маховик добровольного самоуничтожения российского национального богатства. В то время как МВФ выдавал для поддержки российского бюджета ежегодно пару миллиардов долларов, нищавшее на глазах Российское государство стало источником сверхприбыли для финансовых спекулянтов всего мира. За его счет можно было без риска «заработать» 50% прибыли на операциях с ГКО, затем вложить эти деньги в приобретение крупного предприятия в размере от 1/10 до 1/100 его реальной ценности, израсходовать затем немного денег на рекламный аудит для его «капитализации», а затем перепродать по цене в 5–10 раз выше. На фоне катастрофического сокращения производства и обнищания большинства населения спекулятивный сектор российской экономики стал настоящей «страной Эльдорадо» с самой высокой доходностью финансовых спекуляций в мире, где, ничем не рискуя, можно было в год получать сотни, а если повезет, то и тысячи процентов прибыли. «Поле чудес» материализовалось в нашей стране, которая в кругах мировой финансовой элиты закономерно стала восприниматься как «страна дураков», раздаривающая свои богатства и свое будущее всем желающим.

Произошедший 17 августа 1998 года крах финансовой пирамиды государственных краткосрочных обязательств вместе с решением Центрального банка о замораживании валютных операций капитального характера и девальвации рубля фактически означал финансовое банкротство государства, ставшее закономерным результатом проводившейся макроэкономической и финансовой политики. Удивительным было упорство, с которым руководители правительства и Центрального банка 1994 — первой половины 1998 года и ответственные за обслуживание госдолга специалисты этих органов отрицали не только угрозу краха финансовой пирамиды ГКО-ОФЗ, но и отказывались признать очевидный для всех «пирамидальный» принцип наращивания и обслуживания госдолга, в соответствии с которым долговые обязательства погашались за счет новых займов.

К примеру, по состоянию на 1 июля 1998 года объем внутреннего госдолга по облигационным краткосрочным займам составил 436 млрд рублей. При этом чистая выручка государственного бюджета от размещения этих облигаций (доходы от размещения минус расходы на выплату процентов и погашение долга) не превысила 30 млрд рублей. Оставшиеся более чем 400 млрд рублей ушли на проплату обязательств и погашение ранее эмитированных ГКО.

Своевременная реализация инициированных в то время автором предложений о реструктуризации финансовой пирамиды ГКО путем принятия законопроекта «О чрезвычайных фискальных, институциональных и законодательных мерах по преодолению бюджетного кризиса»[1], продвижение которого на второе чтение было заблокировано категорическими возражениями правительства и Центрального банка, позволила бы избежать банкротства государства, остановив разрастание пирамиды долговых обязательств.

За год до банкротства государства в августе 1998 года имелась возможность избежать долгового кризиса при соответствующем изменении макроэкономической политики, за полгода до него — с минимальными потерями, за два месяца — ограничиться «мягкой» системой антикризисных мер, не предусматривавших какого-либо принуждения хозяйствующих субъектов. Но алчность затмила глаза денежным властям, а втянувшаяся в игры с ГКО властвующая олигархия с энтузиазмом под-

[1] В этом законопроекте, принятом Госдумой в первом чтении в феврале 1998 года, в частности, имелась статья следующего содержания: «Поручить Правительству в срок до 1 марта 1998 года провести реструктуризацию внутреннего долга по состоянию на 30 сентября 1997 года (в том числе по Государственным краткосрочным обязательствам, находящимся в собственности Центрального Банка России и коммерческих банков с контрольным пакетом, принадлежащим государству, а также по индексации вкладов населения в Сбербанке и по товарным кредитам) с конвертацией государственных обязательств по этой задолженности в купонные облигации государственного займа сроком погашения 10 лет и с гарантированным доходом в размере 4% годовых в реальном исчислении (сверх темпа инфляции)».

держивала раскрутку маховика сверхприбыльных спекуляций по наращиванию госдолга и разорению государства.

Запоздалый и сумбурный отказ от дальнейшего обслуживания пирамиды ГКО-ОФЗ 17 августа 1998 года означал признание бессмысленности двух секвестров бюджета в 1997–1998 годах и связанных с этим тяжелых потерь в сфере социальной политики и национальной безопасности, которые были принесены в жертву ради перекачки денег на оплату процентов спекулянтам в целях поддержания этой пирамиды и видимости стабилизации. Также бессмысленно были потрачены миллиарды долларов валютного резерва страны, включая последний 4,8-млрд заем МВФ, на поддержание завышенного обменного курса рубля ради сохранения видимости финансовой стабилизации. Благодаря этому займу денежные власти ценой колоссальных потерь бюджета и инвестиций, роста внешних займов на месяц продлили видимость стабилизации. Этого времени, видимо, хватило для того, чтобы придворные финансовые спекулянты успели выйти из пирамиды ГКО до ее краха, сбросив обесценившиеся ГКО на плечи Сбербанка, который традиционно расплачивается за эксперименты денежных властей сбережениями населения.

До последнего рубля правительство и Центральный банк тратили тающие бюджетные средства и валютные резервы на обслуживание финансовых спекулянтов, обеспечивая им максимально благоприятный режим для перевода капитала и прибыли за рубеж. Эта политика саморазорения страны оправдывалась заботой о кредитной репутации страны. В момент дефолта денежные власти о ней забыли, бросившись спасать «олигархов». Центральный банк принял решения о девальвации рубля и прекращении на 90 дней операций российских коммерческих банков по возврату обесценившихся кредитов за рубеж, нарушив свои клятвенные официальные обещания, непрерывно объявлявшиеся в течение нескольких месяцев перед крахом.

Заметим, что аналогичное поведение денежные власти продемонстрировали и десятилетие спустя, во время глобального финансового кризиса. Раздав триллионы кредитов приближенным банкам и девальвировав рубль, они вновь обманули ожидания инвесторов и населения, предоставив за счет них и государства возможность легкой наживы олигархам.

Своими решениями Центральный банк и правительство надолго обрушили кредитный рейтинг России и каждого из российских банков. Большинство из них пострадало за приближенных к власти олигархических структур, которые не хотели платить кредиторам, пролоббировав решение денежных властей о моратории на возврат кредитов. Эта мера не решала проблему оттока капитала, который легко находил другие пути. В силу своей кратковременности она не спасла и платежный баланс, дефицит которого лишь увеличился вследствие потери доверия к российской банковской системе. Решение о моратории спровоцировало резкий

рост требований иностранных банков по возврату выданных ими кредитов своим российским партнерам или существенному увеличению их залогового обеспечения, что разорило многие вполне платежеспособные банки, не думавшие отказываться от выполнения своих обязательств.

Созданная решением Совета Федерации специальная Временная комиссия по расследованию причин, обстоятельств и последствий принятия решений Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации от 17 августа 1998 года констатировала «следующие последствия решений от 17 августа [5].

1. Утрачено доверие инвесторов к платежеспособности и конкурентоспособности экономической системы России.

2. Произошли серьезные нарушения в работе банковской системы, осуществлении платежно-расчетных отношений.

Прямые потери коммерческих банков вследствие отказа Правительства Российской Федерации от обслуживания своих долговых обязательств оцениваются в сумме 45 млрд рублей.

3. Сократился объем ВВП и инвестиций. По сравнению с ожидавшимися итогами года по состоянию на 1 августа 1998 года, согласно официальным прогнозам:

- объем ВВП снизился на 50–77 млрд рублей в ценах на 1 января 1998 года (или 85–130 млрд рублей в ценах на 1 декабря 1998 года);
- объем инвестиций сократился соответственно на 22,9, млрд рублей или 38,9 млрд рублей.

4. Существенно сократились доходы федерального и региональных бюджетов. Для бюджетной системы страны последствия решений от 17 августа связаны со спадом производства и ростом неплатежей, утратой части налоговых поступлений в обанкротившихся банках, сокращением доходов от таможенных платежей вследствие сокращения импорта.

5. Нанесен ущерб субъектам Российской Федерации, развитию федеративных отношений. Среди этих последствий следует выделить:

- резкое углубление долгового кризиса региональных бюджетов, возникновение состояния неплатежеспособности многих субъектов Российской Федерации, утрату возможностей новых субфедеральных займов и обслуживания ранее произведенных заимствований;
- сокращение доходной базы региональных бюджетов, углубление бюджетного кризиса в большинстве субъектов Российской Федерации;
- разрушение единого экономического пространства страны вследствие сегментации денежных систем и товарооборота в условиях паралича единой системы расчетов и принимавшихся мер по регулированию цен и ограничению вывоза товаров народного потребления в целях поддержания уровня жизни населения;

• усиление дифференциации регионов по уровню реальных доходов населения, предприятий и бюджетов.

6. Усложнилась возможность решения проблемы государственного долга Российской Федерации.

7. Произошла глубокая дестабилизация состояния российской экономики, резко повысились темпы инфляции. Вследствие решений от 17 августа произошла неуправляемая трехкратная девальвация рубля. Из-за искусственной привязки рубля к доллару и ориентации на динамику обменного курса рубля следствием девальвации последнего стал взрывной рост цен. За четыре месяца (ноябрь к июлю 1998 года) по продовольственным товарам цены повысились на 63 процента, по непродовольственным товарам — 85 процентов. В первом полугодии 1998 года рост потребительских цен был в 12 раз ниже — 4 процента, в 1997 году — всего 11 процентов.

Неуправляемая девальвация рубля повлекла за собой резкое сжатие денежной массы в реальном выражении, обострение кризиса ликвидности и рост неплатежей. Для преодоления этих последствий, а также для стабилизации банковской системы в условиях массового оттока вкладов потребовалась значительная необеспеченная денежная эмиссия. Возникла угроза раскручивания инфляционной спирали с длительными негативными последствиями макроэкономической дестабилизации. При этом в случае ужесточения денежной политики в целях удержания намеченных пределов допустимой инфляции (30 процентов в течение 1999 года) вероятно обострение платежного кризиса, дальнейшее ухудшение финансового состояния производственной сферы и, как следствие, еще большее сокращение производства и инвестиций.

8. Сократились реальные доходы и сбережения широких слоев населения России и увеличилась численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, возросла безработица.

9. Произошли разрушение инфраструктуры и декапитализация рынка ценных бумаг, обострилась угроза его перехода под контроль зарубежных структур.

Оценивая причины финансового кризиса и решений от 17 августа, Временная комиссия констатирует высокую уязвимость существующей системы государственного устройства и установленных в ней процедур принятия решений для некомпетентных или преднамеренных действий руководителей Министерства финансов Российской Федерации, Центрального банка Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, отсутствие системы ответственности этих должностных лиц не только за обоснованность, эффективность и целесообразность принимаемых решений, но и за их соответствие законодательству.

Временная комиссия отмечает, что анализ имевшихся предложений и рекомендаций Правительству Российской Федерации и Центральному банку Российской Федерации по смягчению долгового кризиса и предотвращению банкротства государства по внутренним обязательствам позволяет с уверенностью утверждать о наличии альтернативных, гораздо менее разрушительных возможностей выхода из долгового кризиса, от которых руководители Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации сознательно отказались.

Основываясь на вышеизложенном, Временная комиссия пришла к выводу, что решения Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации от 17 августа повлекли за собой катастрофические последствия для экономики и финансовой системы России, обесценение доходов и сбережений миллионов людей, нарушения их гражданских прав и в соответствии с обстоятельствами подготовки и принятия этих решений должны были бы рассматриваться как тягчайшие преступления против общества и государства».

Рассмотрев заключение Временной комиссии, Совет Федерации обратился к Президенту Российской Федерации, Правительству Российской Федерации с просьбой рассмотреть вопрос об ответственности должностных лиц, подготовивших и принявших решения от 17 августа 1998 года, а также отвечавших за политику государственных заимствований в 1995–1998 годах. Это решение было мотивировано следующими установленными комиссией фактами:

«1. Решения от 17 августа принимались С.В. Кириенко и С.К. Дубининым от имени соответственно Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации М.М. Задорнова при участии министра финансов Российской Федерации и первого заместителя Председателя Центрального банка Российской Федерации С.В. Алексашенко, а также А.Б. Чубайса и Е.Т. Гайдара, приглашенных в качестве экспертов Председателем Правительства Российской Федерации.

Временная комиссия установила, что подготовка и принятие указанных решений проходили с грубыми нарушениями принятых процедур подготовки решений Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации, без необходимых в таких случаях экономической и юридической экспертиз, анализа вероятных последствий. Проекты решений не проходили согласования в соответствующих ведомствах, не обсуждались на заседаниях Правительства Российской Федерации и Совета директоров Центрального банка Российской Федерации. Фактически указанные лица взяли на себя персональную ответственность за принятые решения и их последствия.

Указанные обстоятельства позволяют поставить вопрос о персональной ответственности С.В. Кириенко и С.К. Дубинина за превышение

ими своих полномочий при принятии решений от 17 августа, а также о персональной ответственности С.В. Кириенко, С.К. Дубинина, С.В. Алексашенко, А.Б. Чубайса, Е.Т. Гайдара за последствия принятых решений.

2. Временной комиссией установлено, что привлечение экспертов к подготовке и принятию решений от 17 августа проводилось С.В. Кириенко без необходимых в таких случаях мер по предотвращению несанкционированного разглашения конфиденциальной информации и ее использования в коммерческих целях, а также в ущерб национальным интересам России. При этом доступ к информации о готовящихся решениях получили лица, заведомо заинтересованные в ее коммерческом использовании.

В ходе подготовки решений от 17 августа А.Б. Чубайсом по согласованию с Председателем Правительства Российской Федерации и Председателем Центрального банка Российской Федерации без каких-либо утвержденных в установленном порядке директив и соблюдения необходимых требований национальной безопасности велись консультации с руководителями иностранных финансовых организаций, имеющих свои интересы на российском финансовом рынке. Им была передана информация конфиденциального характера, сознательно скрывавшаяся от российских участников рынка, представительных органов государственной власти, общественности. При этом не было принято необходимых мер, исключающих использование этой информации нерезидентами в коммерческих целях и в ущерб национальным интересам России.

Таким образом, проекты государственных решений, таящие огромные негативные последствия для участников рынка, келейно обсуждались с представителями иностранных финансовых институтов, а российские инвесторы, представительные органы государственной власти, субъекты Российской Федерации дезинформировались руководителями Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации в отношении проводимой ими политики и устойчивости финансового рынка.

То есть при подготовке решений было допущено сознательное раскрытие конфиденциальной информации узкой группе заинтересованных лиц, включавшей руководителей некоторых коммерческих банков и представителей иностранных финансовых институтов, которые могли использовать эту информацию в коммерческих целях в ущерб другим участникам рынка и государственным интересам.

Указанные обстоятельства позволяют констатировать грубое нарушение С.В. Кириенко и А.Б. Чубайсом установленных законодательством требований по соблюдению государственной тайны, проведению международных переговоров, обеспечению национальной безопасности.

3. Решения от 17 августа были приняты в нарушение гражданского законодательства, предусматривающего невозможность одностороннего рас-

торжения договоров. В частности, были нарушены статьи 310 и 817 Гражданского кодекса Российской Федерации. Пункт 4 статьи 817 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает, что изменение условий выпущенного в обращение займа не допускается. Заявленное Правительством Российской Федерации и Центральным банком Российской Федерации изменение условий выпущенных в обращение государственных ценных бумаг ГКО-ОФЗ является неправомерным, поскольку означает односторонний отказ государства от исполнения принятого обязательства.

Таким образом, проведенный Временной комиссией анализ обстоятельств подготовки и принятия решений от 17 августа позволяет сделать вывод о грубых нарушениях С.В. Кириенко и С.К. Дубининым норм законодательства, принятых процедур подготовки и принятия решений Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации. Кроме того, А.Б. Чубайсом и С.В. Кириенко были грубо нарушены требования национальной безопасности в части раскрытия конфиденциальной информации заинтересованным иностранным организациям».

Впрочем, как и следовало было ожидать по правилам олигархической кадровой политики, обвиненные верхней палатой российского парламента лица в умышленной организации финансовой катастрофы 1998 года и, по сути, в измене национальным интересам страны не только не понесли наказания, но и, напротив, продолжили карьеру в высших эшелонах власти на весьма влиятельных постах.

На первых порах после коллапса финансовой системы 17 августа 1998 года вместо давно назревших мер по изменению денежно-кредитной политики в направлении подъема инвестиционной активности и финансового оздоровления производственной сферы Центробанк сосредоточил денежную эмиссию на спасении олигархических банков. Следующим шагом в этом направлении было предложение Центробанка гарантировать вклады населения, фактически переписав их на Сбербанк. Эти подарки хозяевам привилегированных банков за счет бюджета не меняли ситуацию по существу. Указанные «олигархами» структуры спасались за счет остальных. Еще одним шагом в этом направлении стало изменение требований Центрального банка по залоговому обеспечению кредитов на рефинансирование крупных коммерческих банков, которым предлагалось передавать в залог контрольные пакеты своих акций.

Аналогичные мотивы были характерны и для принятых решений в сфере валютного регулирования. В ситуации кризиса можно было бы принять сильные решения, использовав его для исправления ряда серьезных диспропорций экономики, блокирующих экономический рост, и обеспечив одновременно прочность макроэкономической стабилизации на новом уровне цен, создать стимулы для оживления производства. Например, провести централизацию валютных резервов, одновременно

осуществив дедолларизацию банковской системы и увеличив денежное предложение в рублях, что способствовало бы ремонетизации экономики и снижению ставок процента. Одномоментная девальвация рубля до уровня его реальной покупательной способности с временным замораживанием цен создала бы серьезный запас прочности финансовой системы, открыв также возможности для оживления производства при новом соотношении цен. Отказ от обслуживания финансовой пирамиды ГКО-ОФЗ должен был быть дополнен альтернативными каналами увеличения денежного предложения в производственной сфере, например, связывающими погашение задолженности по гособязательствам с приростом производственных инвестиций.

Вместо этого Центральный банк немножко девальвировал рубль и немножко заморозил платежи за рубеж, спровоцировав резкое усиление давления на рубль и неизбежную (через три месяца) мощную волну вывоза капитала, уничтожив с трудом завоеванное доверие иностранных инвесторов и сделав неизбежными скорую дальнейшую девальвацию рубля, усиление инфляции и углубление кризиса. Впоследствии это повлекло за собой новые нарушения обязательств и дальнейшее ухудшение положения России на мировом финансовом рынке.

Анализ причин банкротства государства в августе 1998 года опровергает оправдание строителей финансовой пирамиды ГКО необходимостью их эмиссии для финансирования избыточных государственных расходов. Изначальная причина бюджетного кризиса — резкое ухудшение финансового положения предприятий производственной сферы (доля убыточных предприятий в отраслях производственной сферы в 1997 году достигла 60,4% против 30% в 1995 году) и сокращение налогооблагаемой базы в результате резкого сжатия массы прибыли — стала прямым следствием проводившейся правительством макроэкономической политики. Другой важной причиной бюджетного кризиса стало присвоение правящей олигархией важнейших источников рентных доходов, которые по праву и по сути должны были находиться в собственности государства: от экспорта природного газа, сырой нефти, других природных ресурсов, от импорта и оборота алкоголя, от денежной эмиссии и др. Немаловажное значение имело и прямое казнокрадство в форме налоговых льгот, предоставлявшихся руководителями правительства «своим» коммерческим структурам: по данным НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре, потери доходов бюджета в 1996–1997 годах из-за предоставления налоговых преференций (льгот), по разным оценкам, составляли от 100 до 180 млрд деноминированных рублей в год, что превышало размер бюджетного дефицита.

Другой важнейшей причиной углубления бюджетного кризиса стал быстрый рост расходов на обслуживание государственного долга. Хотя

при этом значительная часть государственных обязательств находилась во владении государственного учреждения — Центрального банка — и могла быть легко реструктурирована, правительство предпочитало выплачивать ему сверхприбыли, которые затем трансформировались в астрономическую зарплату и приобретение недвижимости для этого ведомства.

В изменениях структуры расходов федерального бюджета тех лет отчетливо видны интересы, которые фактически обслуживало правительство, камуфлируя их разговорами о наведении порядка и необходимости «жить по средствам». Борьба с бюджетным кризисом не затрагивала его основных причин и сводилась к перераспределению государственных ассигнований от социальных и инвестиционных расходов к поддержанию источников сверхдоходов правящей олигархии. Приумножение сверхприбылей олигархических кланов, контролировавших значительную часть банков и сырьевых монополий за счет спекуляций государственными обязательствами, представлялось для правительства делом более важным, чем обеспечение минимальных социальных гарантий, спасение от голода и деградации детей, защита здоровья населения и образование молодежи. Проводившаяся в 1993–1998 годах бюджетная и макроэкономическая политика, принесшая правящей олигархии огромные прибыли, обернулась для большинства населения резким сокращением текущих доходов и обесценением сбережений, а для производственных предприятий — сворачиванием производства, кризисом платежей и огромными убытками.

2.5. Первоначальное накопление капитала на основе присвоения общенародной собственности

В основе большинства первоначальных накоплений нынешних российских капиталистов лежит присвоение крупных государственных предприятий в период их приватизации. Способ приобретения этих предприятий — за бесценок, как правило, благодаря использованию своего служебного положения или личной близости к руководителям приватизационной кампании — предопределил чрезвычайно высокую коррупционность процедур приватизации и их привлекательность для организованной преступности.

Согласно отчетам Счетной палаты и материалам Генеральной прокуратуры ежегодно выявлялось от 3 до 5 тысяч нарушений законодательства о приватизации. По данным Генпрокуратуры, количество правонарушений, допускавшихся при приватизации госимущества, устойчиво превышало количество самих случаев приватизации — организованная методом бесплатного раздела собственности приватизация стала мощнейшим фактором криминализации экономики и общества. Только в

1997 году органами прокуратуры было направлено в суды 203 заявления о признании недействительными результатов аукционов по продаже государственного имущества, принесено 267 протестов на незаконные правовые акты фондов имущества, администраций по вопросам приватизации; внесено 643 представления об устранении выявленных нарушений законности в этой сфере. За 1995–1996 годы органами внутренних дел совместно с сотрудниками прокуратуры выявлено и пресечено свыше 10 тыс. грубейших правонарушений, опротестовано в судах 2 тыс. незаконных актов приватизации государственной собственности [4].

Как указывается в докладе Совета по внешней и оборонной политике о криминализации российского общества, «с момента начала реформирования отношений собственности в стране в этой сфере выявлено более 30 тысяч преступлений (несмотря на колоссальную латентность правонарушений в хозяйственной сфере). Вскрыты многочисленные факты хищения поступивших от приватизации денежных средств, взяточничества со стороны лиц, уполномоченных государством на деятельность по реформированию отношений собственности. Криминальный характер российской приватизации и ее значение для развития коррупции в России лучше всего иллюстрируют тот факт, что практически в каждом втором регионе страны руководители местных администраций, территориальных комитетов по управлению имуществом и фондов имущества были привлечены к уголовной ответственности. И это при том, что ответственные за приватизацию чиновники получали немалые бонусы, стимулировавшие их рвение к скорейшей распродаже государственного имущества. Так, зарплата начальника отдела территориального управления Мингосимущества по Вологодской области составляла 16,5 тыс. долларов в месяц, что почти в два раза превышает должностной оклад Президента США...» [23].

В докладе НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре делается вывод о том, что «процесс массовой приватизации государственных, муниципальных предприятий и жилого фонда... осуществлялся крайне неорганизованно и поспешно, без должного государственного контроля и повсеместно сопровождался многочисленными серьезными правонарушениями, такими как: противозаконное присвоение федерального имущества; перемещение огромного национального капитала в руки узкого круга избранных лиц; потеря контрольного пакета акций многих предприятий важнейших отраслей промышленности; занижение стоимости приватизированных объектов; неправомерная передача госимущества в залог; незаконная распродажа объектов социальной сферы; приватизация жилья в ущерб законных прав несовершеннолетних и т.д.

При реализовывавшихся методах приватизации конкурентное преимущество получили соответствующим образом подготовленные лица.

Неудивительно, что из 140 крупнейших отечественных предпринимателей 40 занимались ранее незаконным бизнесом, около 20% привлекались к уголовной ответственности.

Наиболее значительные акции в сфере приватизации государственного имущества носили характер сговора должностных лиц и заинтересованных коммерческих структур и имели криминальный характер. Наиболее самые скандальные в этом роде аферы: приватизация ряда крупных предприятий нефтяной и металлургической промышленности на так называемых залоговых аукционах, организованная руководством приватизационного ведомства; присвоение ведущих государственных банков их высшим менеджментом; приобретение за бесценок крупнейших предприятий-монополистов приближенными к власти лицами; захват криминальными структурами портов и других локальных монополий; бесплатная передача организаторами «инвестиционных конкурсов» крупнейших промышленных предприятий своим подельникам, по которым затем «победителями» не выполнялись обязательства. Выявленные преступления — лишь верхушка айсберга колоссальной аферы века, организованной в России под видом «реформы», а на самом деле — незаконного присвоения (разграбления) самой крупной собственности, когда-либо в мировой истории попадавшей в руки преступного сообщества.

Кампания по присвоению общенационального имущества в пользу узкой группы хорошо информированных и приближенных к власти лиц, проводившаяся под лозунгом «народной приватизации», была не только преступной и аморальной, но и экономически неэффективной. Как было показано выше, она повлекла дезорганизацию производства, нарушение хозяйственных связей, рост трансакционных издержек, что привело в итоге к резкому снижению эффективности производства и обесценению приватизированных предприятий. Вызванный приватизационной кампанией хаос в отношениях собственности и утрата какой-либо ответственности за управление государственными предприятиями развратили многих хозяйственных руководителей, породили хищническое отношение к самой приватизируемой собственности, повлекли за собой разграбление многих эффективно работавших и хорошо оснащенных предприятий, передачу значительного числа стратегически важных научно-производственных структур под контроль иностранных конкурентов. В результате эффективность промышленного производства, измеряемая показателями производительности труда, энергоемкости и другими общепринятыми показателями, снизилась более чем на треть, вдвое сократился объем производства.

В докладе Счетной палаты Российской Федерации «Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Феде-

рации за период 1993–2003 годов» [4] делаются следующие обоснованные выводы.

«В ходе приватизации 1993–2003 годов органы исполнительной власти как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации нередко превышали свои полномочия при принятии решений о проведении приватизационных сделок, а также игнорировали либо «обходили» различные законодательные запреты и ограничения, связанные с продажей особо значимых государственных активов… Большое количество предприятий с высокой долей оборонного заказа в 1992 году были приватизированы без ограничений, в том числе НТК «Союз», г. Москва (доля оборонного заказа — 95,7%), Машиностроительное КБ «Гранит» (85,4%), Московский вертолетный завод им. М.Л. Миля (44,4%), Иркутское авиационное производственное объединение (85,1%), Нижегородское госпредприятие «Гидромаш» (50,4%), что дает основания говорить о негативном влиянии результатов приватизации в данной области на обороноспособность страны…»

В докладе среди незаконно приватизированных предприятий перечислены гиганты отечественной «оборонки», сосредоточившие лучшие элементы научно-технического потенциала страны: Тульский оружейный завод, Тульский патронный завод, НПО «Сатурн» им. А.М. Люльки, Воронежский завод «Электроприбор», Тульский ЦНИИ систем управления, Вятско-Полянский машиностроительный завод «Молот» и ряд других.

Своеобразным апофеозом коррупционной вакханалии на почве массовой «прихватизации» государственного имущества стало незаконное присвоение крупнейших высокоприбыльных предприятий нефтяной и металлургической промышленности посредством залоговых аукционов 1995 года. По итогам специально проведенного расследования коллегия Счетной палаты установила, что «на период проведения залоговых аукционов в ноябре — декабре 1995 года Министерством финансов Российской Федерации на депозитных счетах в российских коммерческих банках было размещено 603,739 млн долларов США «временно свободных средств федерального бюджета», что практически эквивалентно общей сумме кредита, поступившей в федеральный бюджет в 1995 году от залоговых аукционов… Госкомимущество РФ превысило свои полномочия, утвердив распоряжением от 25 сентября 1995 года № 1365-р перечень предприятий, акции которых выставлены на залоговые аукционы… Вышеназванные факты позволяют утверждать, что договора кредита Правительству РФ под залог акций следует рассматривать как притворные сделки. В соответствии со ст. 170 ГК РФ притворная сделка является ничтожной и подлежит расторжению в установленном законодательством порядке…».

Из расследования Счетной палаты следует, что участвовавшие в залоговых аукционах коммерческие банки фактически «кредитовали» госу-

дарство государственными же деньгами. Минфин России предварительно размещал на счетах этих банков средства в соответствующих суммах, которые затем «ссужались» Правительству Российской Федерации под залог акций заранее отобранных предприятий. Правительство не вернуло кредиты, и банки вполне легально стали собственниками находившихся у них в залоге пакетов акций государственных предприятий.

В выводах экспертного заключения Счетной палаты указывалось: «Приватизация государственной собственности сопровождалась **многочисленными нарушениями** как со стороны федеральных органов государственной власти, их уполномоченных представителей, так и руководителей приватизируемых предприятий, что приводило, в частности, к незаконному отчуждению объектов государственной собственности, в том числе имеющих стратегическое значение, в пользу российских и иностранных лиц по заниженным ценам… Характерной особенностью приватизации явилось занижение стоимости активов приватизируемых предприятий, что приводило к недополучению федеральным бюджетом средств за проданное имущество. Применявшаяся в ходе приватизации методика оценки не позволяла оценить реальную стоимость отчуждаемых государственных активов. В частности, в стоимость имущества приватизируемых предприятий не включались нематериальные активы (научные разработки, проекты, патенты и т.д.), ценность которых в наукоемких отраслях промышленности часто сопоставима и даже превышает стоимость основных фондов» [4].

Формальное разгосударствление и передача контроля над собственностью в частные руки не привели к достижению целей, которые были определены в Государственной программе приватизации, — формированию «эффективного собственника» и созданию социально ориентированной рыночной экономики. Социальная эффективность приватизации оказалась крайне низкой. Принципы равенства граждан при осуществлении массовой приватизации и учет интересов и прав всех слоев населения не были соблюдены. Предоставление трудовым коллективам льгот при приватизации высокорентабельных предприятий добывающей промышленности, сырьевых и монопольных секторов экономики привело к необоснованному обогащению их руководителей и дискриминации остальных граждан, которые имели такие же права на общенародное государственное имущество, но работали в непроизводственной сфере.

Способ проведения приватизации создал благоприятные возможности для коррупции и ренто-ориентированного поведения, заблокировав формирование нормальных для рыночной экономики производственных отношений. В общественном сознании приватизация четко получила эпитет «криминальная» и стала называться «прихватизацией». Это повлекло долгосрочные негативные последствия в стереотипах предпринимательского поведения.

Общественное мнение о том, что права собственности распределены противозаконно, сильно влияет на эффективность их реализации. У собственников, не уверенных в легитимности своих прав, возникает краткосрочная мотивация на извлечение максимальной прибыли лично для себя, а не для предприятия. Отсюда — колоссальный отток капитала из страны, краткосрочный горизонт принятия решений, оппортунистическое поведение менеджеров, которые вели себя как временщики, захватившие приватизированные предприятия для разграбления.

Для оправдания коррупционных процедур приватизации радикальные реформаторы придумали миф об инвариантности результатов приватизации, согласно которому неважно, как приватизировать, лишь бы приватизировать, потому что, по их мнению, частный собственник будет управлять предприятием лучше, чем государство. Фактическое уничтожение множества приватизированных предприятий с распродажей их имущества новоявленными собственниками практически опровергло миф об инвариантности методов приватизации по отношению к эффективности использования имущества.

Источник происхождения собственности имеет большое значение для эффективности ее использования. В зависимости от того, заработана ли собственность честным трудом или она украдена, возникают разные мотивации хозяйственного поведения. Если предприятие создано собственником, вложившим свои средства, труд и предпринимательский талант в его развитие, то он ведет себя как рачительный и компетентный хозяин. Но если она фактически похищена у государства, даже если это похищение было совершено открыто и не вызвало противодействия, то такой собственник мотивирован на скорейшую максимизацию доходов от использования приватизированного имущества и их сокрытие от правоохранительных органов.

Контрпродуктивная мотивация в полной мере проявилась в реальных стереотипах поведения собственников многих приватизированных предприятий. Вопреки интересам сохранения и развития последних сначала ими присваивались оборотные средства приватизированных предприятий, включая заработную плату. Затем происходила распродажа имущества предприятия по частям. Наконец, под залог оставшегося имущества предприятия привлекались кредиты. Финальный акт — банкротство предприятия. Через эту «технологическую» цепочку прошло огромное количество российских предприятий, особенно в высокотехнологических сферах, где нельзя было получить легкие прибыли и требовалась высокая профессиональная квалификация.

Приватизационная кампания во многом предопределила формирование стереотипов предпринимательского поведения на многие годы. Создав возможности для легкого обогащения путем присвоения государ-

ственного имущества и последующих спекуляций с акциями приватизированных предприятий, реализованная правительством технология массовой приватизации сориентировала наиболее активных и энергичных предпринимателей не на создание новых благ и удовлетворение общественных потребностей, а на раздел незаработанного богатства и присвоение ранее созданных обществом источников дохода.

На фоне сотен процентов годовых прибыли от присвоения и последующей перепродажи госсобственности низкорентабельная производственная деятельность потеряла привлекательность для предпринимателей. В результате приватизационной кампании в России сформировался аномальный тип предпринимателя, ориентирующегося не на зарабатывание прибыли путем создания и продажи новых потребительских благ, как в нормальной рыночной экономике, а на присвоение ранее созданного богатства. Соответственно вместо экономического роста за счет активизации созидательной предпринимательской энергии в результате приватизации государственных предприятий был получен колоссальный спад и взрыв криминальной активности, спровоцированный легализацией разграбления государственной собственности.

Хищническая мотивация, сформировавшаяся в предпринимательской среде, проявилась и в отношении людей, занятых на приватизированных предприятиях. Если в мировой практике менеджмента уже давно закрепилась «школа человеческих отношений», предусматривающая бережное отношение к «человеческому фактору» как ключевому в обеспечении конкурентоспособности предприятий, то новые собственники предприятий в погоне за краткосрочной прибылью игнорировали законодательно установленные требования безопасности условий труда. Вследствие этого количество выявленных органами прокуратуры нарушений законов об охране труда увеличилось с 4951 в 1995 году до 8062 в 1996 году (прирост на 42%), а в 1997 году их количество возросло до 11 571, т.е. на 35%. Удельный вес работающих на производстве с вредными и опасными условиями труда в общей численности работников, занятых в промышленности, за 5 лет возрос с 18 до 42,3%. Следствием этого стало нарастающее отчуждение труда от собственности и резкое снижение эффективности производства, организация которого на многих предприятиях скатилась к моделям позапрошлого века.

Приватизация открыла самый короткий путь к богатству. Не созидание нового, не инвестиции, не мощные технические достижения, а присвоение чужого — либо при помощи приватизации, либо при помощи завышения цен, либо путем захвата имущества — стало столбовой дорогой сколачивания крупных состояний, которая совершает бесконечные круги передела собственности. Приватизационная кампания породила нелегитимность прав собственности, что порождает бесконечное стремление

ее переделить: при помощи правоохранительных органов, акционеров, судебных приставов, налоговой инспекции. Чтобы выбираться из этого порочного круга, без пересмотра итогов приватизации не обойтись.

В мировой практике были примеры успешного решения подобной проблемы, хотя и в куда меньших масштабах. В Англии в свое время был введен налог на прирост капитала, когда общество посчитало несправедливыми итоги приватизации некоторых сырьевых отраслей и добывающей промышленности Великобритании. Этот налог сработал и помог восстановить общественное согласие. Подобный прогрессивный налог мог бы быть установлен и у нас. При этом его введение не должно означать индульгенцию по преступлениям, совершенным в ходе приватизационной кампании.

2.6. Внешний контроль над Правительством России

Как уже говорилось в преамбуле к настоящей главе, последовательно реализованная в России и большинстве бывших союзных республик стратегия шоковой терапии представляет собой разновидность разработанной Международным валютным фондом для слаборазвитых стран третьего мира доктрины так называемого «Вашингтонского консенсуса». Она отличается крайней примитивизацией экономической политики и сведением ее к трем постулатам: либерализации, приватизации и макроэкономической стабилизации через жесткое формальное планирование денежной базы.

Изначально принципы «Вашингтонского консенсуса» разрабатывались в рамках борьбы с долговым кризисом развивающихся стран с середины 70-х годов прошлого века. Они предназначались для управления экономической политикой слаборазвитых государств с целью контроля за использованием предоставляемых им из-за рубежа кредитов и обеспечения гарантий для беспрепятственной деятельности на их территории международного капитала. Этим объясняется и удивительная примитивность этой концепции, сведение всех вопросов макроэкономической политики к нескольким простым рецептам, для усвоения которых не требовалось экономического образования. Общая идея заключалась в минимизации государственного регулирования экономики (в идеале — ограничении его вопросами поддержания правопорядка и защиты прав собственности), достигаемого путем либерализации ценообразования, внутренней и внешней торговли, приватизации государственной собственности и ликвидации какого-либо регулирования распределения национального дохода. В рамках этого подхода устранялось влияние государства на воспроизводственные и инвестиционные процессы, ко-

торые подчинялись потребностям мировой торговли и международного капитала путем привязки национальной валюты к доллару и ее свободной внутренней конвертируемости, а также сведения денежно-кредитной политики к формальному планированию прироста денежной массы в зависимости от прироста валютных резервов.

Чтобы понять смысл этой политики и роль МВФ в ее проведении, следует напомнить, что последний был создан по инициативе США и других развитых капиталистических стран в рамках Бреттон-Вудских соглашений, заключенных для обеспечения благоприятных условий функционирования мирового финансового рынка. Важнейшим из этих условий было обеспечение свободного движения капитала, для чего необходимо было гарантировать четкие правила валютного обмена и максимально ослабить национальные режимы валютного контроля. Собственно в этом и заключается по сей день основная миссия МВФ, который играет роль международного финансового жандарма при основных кредиторах мировой экономики, уполномоченного ими отслеживать национальные режимы валютного регулирования должников на предмет их соответствия принципам свободного движения капитала.

Со стороны российских руководителей непростительной наивностью было ожидать от МВФ рекомендаций, направленных на обеспечение общественного благосостояния и экономического роста. Задача многочисленных миссий МВФ в России, как и в других странах, заключалась вовсе не в этом — они последовательно настаивали на демонтаже механизмов государственного регулирования экономики, добиваясь ликвидации национального суверенитета в валютно-финансовой и торговой областях в интересах свободного движения международного капитала. Для этого МВФ осуществлял жесткий контроль за действиями правительств государств-должников, обеспечивая соответствие проводимой ими политики потребностям иностранных инвесторов.

Содержание концепции «Вашингтонского консенсуса» есть не что иное, как технология контроля за процессом колонизации международным капиталом попавших в долговую зависимость от него стран. Для этого выбираются примитивные, но весьма удобные для внешнего контроля методики планирования экономической политики. Задавая жесткий план прироста денежной массы, либерализации цен и внешней торговли, МВФ одновременно блокирует возможность действий, существенных во всех других направлениях экономической политики становящегося таким образом подконтрольным государства. Такая политика хотя и не обеспечивает экономический рост, но гарантирует управляемость, прозрачность и предсказуемость действий (точнее, бездействие) государства, что важно для международного финансового и торгового капитала, заинтересованного в установлении контроля над рынками соответствующих стран. При

этом привязка денежной эмиссии к приросту валютных резервов (часто навязываемая МВФ модель «валютного правления») автоматически ориентирует экономику соответствующей страны на потребности внешнего рынка и иностранного капитала: деньги поступают в экономическую систему только после получения подтверждения соответствия ее поведения потребностям мирового рынка в форме валютной выручки от экспорта или иностранных займов.

Под давлением иностранных кредиторов российским руководством концепция «Вашингтонского консенсуса» была принята в наиболее примитивной форме — стратегии шоковой терапии. Механизм этого навязывания был основан на втягивании России в отработанную МВФ ловушку долговой зависимости. В преддверии распада СССР Москву осаждали многочисленные эмиссары из стран «семерки» и международных финансовых организаций, шантажировавшие руководство России угрозами экономической блокады в случае неурегулированности вопроса ответственности за внешний долг Советского Союза. От России требовали взять обязательства по его погашению на себя как условие принятия пакета мер по правопреемственности, включавших место в Совете Безопасности ООН, статус ядерной державы и ядерное оружие, посольства и загранучреждения, золотовалютный запас и пр. И хотя угроза применения каких-либо экономических и политических санкций в отношении «новой демократической» России была блефом, усилиями связанных с иностранными кредиторами высокопоставленных чиновников в окружении Ельцина последнему внушали страх перед совместным давлением западных стран, убеждая дать гарантии по обслуживанию и погашению советского внешнего долга. В результате, несмотря на то что в это же время были проведены успешные переговоры о разделе долгов и активов СССР между союзными республиками и подписано соответствующее соглашение, российского президента убедили в необходимости подписания Меморандума о солидарной ответственности всех республик, а в конечном счете России, за обслуживание советского внешнего долга. В условиях фактического развала государственной финансовой системы и исчерпанности валютных резервов это означало попадание России в долговую ловушку.

Оказавшись в ситуации хронического должника, не способного обслуживать взятые на себя обязательства по погашению внешнего долга СССР, российское руководство обрекло себя на унизительное и зависимое положение от иностранных кредиторов, с которыми приходилось ежегодно вести переговоры по реструктуризации долга и новых займах для его обслуживания. Эти кредиторы объединены в Парижский и Лондонский клубы, первый из которых представляет государства, а второй — негосударственные кредитные организации. По сложившейся в отношении

слаборазвитых государств-должников практике от имени кредиторов эти переговоры вел МВФ, в адрес которого правительством ежегодно подписывались заявления об экономической политике, содержавшие основные обязательства российского руководства по либерализации экономики и самоограничительной денежной политике. Только после этого кредиторы принимали решения о реструктуризации внешнего долга и предоставлении России новых займов на его обслуживание. Через этот финансовый шантаж и осуществлялось навязывание российскому руководству экономической политики в интересах международного капитала.

В силу жесткой позиции США и других стран «семерки» — кредиторов СССР Международному валютному фонду была отведена руководящая роль в формировании экономической политики Российского государства. Фактически после расстрела Верховного Совета и осуществления государственного переворота осенью 1993 года и до банкротства государства в августе 1998 года в России действовало внешнее управление экономической политикой, основные параметры которой разрабатывались экспертами МВФ и затем формально утверждались правительством и Центральным банком в форме соответствующих заявлений об экономической политике. Этим заявлениям старались не придавать огласку — ведь публично декларировалась совершенно иная политика, более или менее отвечавшая интересам и ожиданиям граждан. Она, однако, оставалась на бумаге президентских посланий и имела мало общего с реально осуществлявшимися мерами. В случае прямого противоречия установок МВФ российским законам российским руководством неукоснительно выполнялись первые. В этом состоит одна из причин многочисленных противоречий между действиями и декларациями правительства, систематического игнорирования им российского законодательства.

С одной стороны, официально декларировалась необходимость защиты отечественных товаропроизводителей, с другой стороны, реальные действия правительства вели к отказу от какой-либо защиты внутреннего рынка и предоставлению многочисленных льгот импортерам, проводилась убийственная для отечественного производства политика завышения реального обменного курса рубля.

С одной стороны, ставилась задача подъема инвестиционной активности, с другой стороны, реальные действия правительства и Центрального банка по искусственному ограничению денежной массы и наращиванию государственного долга усугубляли кризис ликвидности и делали невозможным снижение ставки процента до уровня, приемлемого для привлечения инвестиций в производственную сферу, блокируя тем самым возможность преодоления инвестиционного кризиса.

С одной стороны, велись нескончаемые разговоры об укреплении национальной валюты, с другой стороны, правительство и Центральный

банк не принимали никаких мер для дедолларизации экономики, расширения использования рублей в международных расчетах.

С одной стороны, декларировалась борьба с бюджетным кризисом и сверхбыстрым ростом государственного долга, с другой стороны, правительство распродавало государственное имущество по ценам, заниженным в десятки раз, разоряло казну эмиссией сверхдоходных государственных обязательств.

С одной стороны, в официальных декларациях отмечалась необходимость поддержки структурной перестройки экономики и стимулирования научно-технического прогресса, с другой стороны, производилось многократное сокращение ассигнований на науку, правительство не предпринимало каких-либо мер по стимулированию инновационной активности и организации структурной перестройки экономики на основе ее модернизации.

С одной стороны, декларировалась неприемлемость чрезмерной социальной цены реформ, недопустимость еще большего снижения жизненного уровня населения. С другой стороны, правительство отказывалось от соблюдения социальных гарантий, с легкостью секвестрировало установленные законом социальные расходы, допускало резкое ухудшение качества образования и здравоохранения, бросало на произвол судьбы нетрудоспособное население, включая миллионы детей из необеспеченных семей.

Эти противопоставления можно было бы продолжать бесконечно. Несмотря на кардинальные различия в экономике страны в 1992 и 1998 годах, смысл заявлений правительства и ЦБ в адрес МВФ оставался все эти годы неизменным. Они отличались лишь величиной ключевых параметров, по которым МВФ вел контроль над исполнением принимавшихся российским правительством обязательств. Как правило, наиболее существенные из положений заявлений правительства и Центрального банка касались вопросов внешней торговли, денежно-кредитной политики, исполнения бюджета и приватизации государственной собственности. По этим ключевым направлениям экономической политики в документах предусматривались меры, серьезно расходившиеся с национальными интересами страны и заявлявшейся президентом социально-экономической политикой.

В качестве примера рассмотрим несколько фрагментов одного из многочисленных заявлений правительства и Банка России за этот период, сделанного накануне финансового краха [46].

В части внешнеторговой политики в этом заявлении констатировалось: «В течение 1998 года Правительство Российской Федерации намерено развивать успехи, достигнутые в создании режима открытой торговли, и воздерживаться от принятия протекционистских мер. Пра-

вительство Российской Федерации не будет осуществлять общее повышение ввозных пошлин и в целом не будет вводить никакие ограничения на импорт или экспорт... До 31 декабря 1998 года будут снижены до 20 процентов ставки ввозных пошлин не менее чем на одну треть товаров, к которым в настоящее время применяется пошлина в размере 30 процентов...»

Обещание правительства не вводить количественных ограничений на импорт и экспорт означало блокирование принятого в тот период Федерального закона «О мерах по защите экономических интересов Российской Федерации при осуществлении внешней торговли товарами». В заявлении в адрес МВФ правительство прямо писало, что «в целом не намерено вводить количественные меры, предусмотренные указанным законом». Отказалось правительство выполнять и установленную другим законом норму о количественном ограничении импорта алкоголя. В заявлении сказано, что «будет проведен тщательный анализ системы лицензирования импорта водки и этилового спирта с целью ее упорядочения таким образом, чтобы обеспечить автоматическое получение права на импорт после уплаты импортерами авансовых платежей по импортным пошлинам».

Заметим, что принятый и введенный к тому времени в действие Закон «О мерах по защите экономических интересов Российской Федерации при осуществлении внешней торговли товарами» полностью соответствовал правилам Всемирной торговой организации (ВТО) и общемировой практике защиты национальных интересов во внешней торговле. Практически все развитые страны эти меры применяют в целях защиты своих товаропроизводителей от недобросовестной конкуренции. Российскому же правительству защищать рынок кредиторы и МВФ запрещали, несмотря на его чудовищную загрязненность импортным фальсификатом, повсеместное использование импортерами методов недобросовестной конкуренции и нарастающую несбалансированность внешней торговли.

По данным Продовольственной комиссии ООН, некоторые западные фирмы расширяют производство и экспорт в Россию не только экологически опасных, но и прямо запрещенных к потреблению в развитых странах продовольственных продуктов. К этой категории товаров относится примерно 80% продуктов питания, сигарет, напитков, импортируемых нами из стран Северной Америки и Западной Европы. Так, в 1995 году из проверенных импортных товаров забраковано колбасных изделий и полуфабрикатов мясных — 58%, консервов разных видов — 57, масла — 36, алкогольной и безалкогольной продукции — 55%, что почти в два раза больше выбраковок импорта в 1994 году. По мнению специалистов, от употребления некачественной продукции за этот год в России погибло более 43 тысяч человек. Данная тенденция сохранилась и в 1996 году,

когда выбраковка продукции, не отвечающей требованиям безопасности, почти в два раза превысила уровень 1995 года.

Любопытно, что регулирование международной торговли не входит в прерогативу МВФ, это сфера деятельности другой международной организации — ВТО, с которой до сих пор ведутся переговоры об условиях присоединения к ней России. В своих условиях МВФ явно выходил за пределы своих полномочий, связанных главным образом с финансово-бюджетной сферой, фактически выполняя роль колониальной администрации, предписывавшей марионеточному правительству произвольные требования в интересах международного капитала. В свою очередь, российское правительство, как и положено наемному приказчику колониальной администрации, им подчинялось и отказывалось тем самым от защиты национальных интересов. Попутно, подписав обязательства перед МВФ по уступкам в отношении таможенных пошлин, правительство автоматически резко ухудшило позицию России на переговорах о присоединении к ВТО.

Денежно-кредитная политика, как и макроэкономическая политика, заявляло правительство, в целом останется неизменной: «макроэкономическая стабильность должна поддерживаться на основе жесткой налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики...». В заявлении совершенно отчетливо фиксировался приоритет поддержания высокодоходных финансовых спекуляций в ущерб производственным инвестициям в качестве главной цели денежной политики: «органы денежно-кредитного регулирования будут нацеливать политику установления процентных ставок на поддержание стабильного валютного курса и повышение уровня международных резервов. С этой целью в случае возникновения давления на валютный рынок Банк России будет воздерживаться от компенсирующих мер при продаже валюты, к которой он может прибегнуть для поддержания валютного курса, а также обеспечит условия, при которых сокращение ликвидности будет отражаться в повышении процентных ставок. В то же время Банк России станет воздерживаться от интервенций на рынке государственных краткосрочных обязательств, направленных на ограничение роста ставок, и будет корректировать процентные ставки по своим кредитным операциям в соответствии с рыночными условиями».

За этой туманной фразой кроется простая мысль: для снижения риска потери сверхприбылей нерезидентов на спекуляциях с долгами российского правительства в случае угрозы девальвации рубля Центробанк поднимет процентную ставку в ущерб производственным инвестициям. Обменный курс рубля был превращен в новый фетиш макроэкономической политики, поддержание которого стабильным рассматривалось как ее главная задача.

Вторая мысль заключалась в блокировании возможностей ЦБ кредитовать бюджетные расходы посредством покупки гособлигаций. В условиях надвигавшейся финансовой катастрофы это было самоубийственное решение. Заметим, что в США эти операции являются основным каналом денежной эмиссии — выполняющая функции денежной эмиссии ФРС имеет право эмитировать доллары только под приобретение казначейских обязательств.

По-видимому, чтобы не допустить изменения денежно-кредитной политики в направлении улучшения финансового положения производственной сферы, в заявлении фиксировались исключительно административные методы борьбы с неплатежами, которые без соответствующего расширения денежного предложения могли привести лишь к еще большему обострению платежного кризиса и увеличению числа неплатежеспособных предприятий. Правительство высказало намерение предоставить «налоговым органам широкие полномочия по взысканию основной суммы задолженности по уплате налогов, а также начисленных на нее пеней и штрафов без необходимости обращаться в суд..., наделение налоговых органов правом взыскания средств с банковских счетов неплательщиков». Фактически тем самым вводились чрезвычайные репрессивные меры в отношении предприятий-должников в интересах финансовых спекулянтов. Возможно, таким образом проводилась расчистка экономического пространства России для долгожданных «иностранных инвесторов».

Фактически главным приоритетом проводившейся денежной политики должно было оставаться поддержание стабильных условий извлечения сверхприбылей на финансовых спекуляциях, главным инструментом которых стала заботливо выращивавшаяся правительством и Центральным банком финансовая пирамида ГКО. Именно для ее поддержания так важно было любой ценой держать стабильным обменный курс рубля, чтобы гарантировать отсутствие риска для иностранных спекулянтов. Для этого же декларировались следующие обязательства: «...ни Правительство Российской Федерации, ни Банк России не будут вводить или ужесточать ограничения, касающиеся платежей и трансфертов по текущим международным операциям, вводить или изменять практику в отношении множественности валютных курсов, заключать двусторонние платежные соглашения, противоречащие статье VIII «Статей Соглашения» МВФ, либо вводить или ужесточать меры по ограничению импорта в целях поддержания платежного баланса. При внесении изменений в механизм контроля за капиталом будут проводиться консультации с сотрудниками МВФ».

Цель *бюджетной политики* в заявлении правительства и Центрального банка сводилась к трем основным направлениям:

1) секвестрирование федерального бюджета вопреки законодательно установленным обязательствам правительства;

2) ужесточение налоговой дисциплины по отношению к крупным производственным предприятиям;

3) согласие на продолжение сложившейся практики частного присвоения принадлежащих государству доходов (от денежной эмиссии и регулирования денежного предложения — руководящим аппаратом Центрального банка, от экспорта природной ренты — соответствующими коммерческими организациями, специализирующимися на вывозе сырья, от оборота алкоголя — торговыми структурами) [20].

Фактически бюджетная политика сводилась к борьбе за удовлетворение интересов иностранных кредиторов за счет секвестрирования социальных расходов. При этом вопреки здравому смыслу квазибесплатная приватизация рассматривалась как одна из важнейших целей политики правительства. Из основных мер, планировавшихся правительством в этой области, следует упомянуть обеспечение свободной купли-продажи земли и сокращение перечня ограничений по приватизации предприятий. Из последнего исключались предприятия 20 отраслей, включая энергетику, гражданскую науку, приборостроение, химическую и металлургическую промышленность. При этом вопреки принципам правового государства правительство гарантировало осуществление приватизации запланированных объектов даже в случае неутверждения программы приватизации Государственной Думой в нарушение норм действовавшего законодательства.

Заметим, что связь этих мер с задачами экономической стабилизации весьма сомнительна. Объяснение мотивов их включения в заявления содержится в следующих его положениях: «Для обеспечения равного доступа иностранных и отечественных инвесторов к приватизационным конкурсам Российский фонд федерального имущества и Министерство государственного имущества Российской Федерации обеспечат размещение в средствах массовой информации, пользующихся международным авторитетом, объявлений о приватизации не позднее чем за 40 дней до начала аукционов или конкурсов по продаже акций акционерных обществ, включенных в программу, а также объектов, стартовая цена которых будет установлена на уровне не более 50 млн долларов США...

Правительство РФ продолжит работу по созданию законодательного и институционального режима, направленного на привлечение прямых иностранных инвесторов за счет:

а) применения национального режима в отношении иностранных инвесторов в соответствии с международной практикой;

б) введения обязательности исполнения решений независимого международного арбитража при регулировании споров между инвесторами и государством;

в) сокращения числа отраслей экономики, ограниченных для участия иностранных инвесторов, а также сокращения ограничений на прямые иностранные инвестиции в некоторых отраслях».

Анализ заявлений показывает, что среди главных содержавшихся в них задач экономической политики правительства и Центрального банка неизменно присутствовали меры, направленные:

- на минимизацию риска извлечения сверхприбылей иностранными спекулянтами на быстро растущей финансовой пирамиде государственного долга;
- перераспределение национального дохода на цели обеспечения сверхприбылей на рынке государственных обязательств;
- реализацию интересов импортеров в предотвращении введения каких-либо защитных мер по доступу на внутрироссийский рынок, а также в снижении импортного тарифа;
- обеспечение интересов иностранного капитала в доступе к приватизируемой собственности.

Для решения последней задачи для полноты гарантий последовательного осуществления политики колонизации России правительство обязалось обеспечить делегирование неким «финансовым советникам» (под которыми имелись в виду влиятельные американские банки и финансовые компании) функций планирования и осуществления приватизации госпредприятий: «...Министерство государственного имущества Российской Федерации и Российский фонд федерального имущества проведут конкурсы и выберут 9–11 независимых финансовых советников из числа опытных, имеющих международную репутацию инвестиционных организаций. Эти советники будут принимать участие:

а) в предпродажной подготовке крупнейших российских предприятий, в том числе предприятий, перечисленных в проекте государственной программы приватизации государственного имущества в Российской Федерации;

б) в размещении акций этих предприятий на мировых рынках...

Советники также будут проводить аудиторские проверки и оценку предприятий, указывать вероятную рыночную цену сделки, рекомендовать необходимые меры структурной перестройки (управления) организаций, которые необходимо осуществить до продажи, разрабатывать оптимальную схему приватизации, обеспечивать одобрение заявок всеми физическими и юридическими лицами и иностранными инвесторами, имеющими на это право по российскому законодательству».

Откровеннее не скажешь. Закономерен вопрос: зачем российским налогоплательщикам было содержать правительство, которое не только работало по задаваемым извне программам, но даже отдавало их осуществление иностранным исполнителям, включая распродажу госимущества?

Из содержательного анализа основных плановых документов высшей государственной власти в период после государственного переворота

1993 года до банкротства государства в 1998 году следует, что официальные верховные власти России — президент, премьер и Федеральное Собрание — выполняли в основном функции ритуального целеполагания для общественного мнения, в то время как реальное управление развитием страны осуществлялось по навязывавшимся извне программам МВФ. Не послания президента Федеральному Собранию и не федеральные законы, а инструкции МВФ, подписывавшиеся в форме заявлений российского правительства об экономической политике, определяли содержание проводившейся социально-экономической политики. Главной целью этой политики была передача российской экономики под контроль международного капитала. Ее характерным отражением стал переход на экономические оценки в иностранной валюте, сопровождавшийся обесценением внутренних инвестиций при росте иностранных (рис. 19).

Рис. 19. Динамика объема инвестиций в сопоставимых ценах на основе среднегодового курса доллара.

Примечание. Прогноз на основе данных Росстата за 1-е полугодие 2010 г.

Как многократно предупреждали специалисты, основными результатами проводившейся под руководством МВФ политики «Вашингтонского консенсуса» в России стали: дезинтеграция экономики, резкое ухудшение благосостояния населения, снижение эффективности и конкурентоспособности производства, его деградация. Обладая квалифицированными трудовыми ресурсами и значительным научно-технологическим потенциалом, а также огромными природными ресурсами, в итоге осуществления либеральной утопии Россия стала бедным государством, оказавшись между Ливаном и Филиппинами по величине ВВП на душу населения.

2.7. Коррупция власти и ее отчуждение от общества

С позиций здравого смысла и научных знаний невозможно объяснить, почему при принятии судьбоносных для страны и сотен миллионов человек решений предпочтение было отдано явно неадекватным методам, основанным на примитивных и нереалистичных моделях, при полном игнорировании и своего, и международного опыта, а также накопленных научных знаний. Нечто подобное объяснимо в отношении какой-нибудь слаборазвитой страны, где нет собственного научного сообщества и грамотных управленческих кадров, но не в России с ее развитым научным и кадровым потенциалом, собственным богатейшим историческим опытом и признанными в мире научными школами. Не поддается логическому объяснению почти полное игнорирование многочисленных предложений академической науки и делового сообщества страны по формированию экономической политики и проведению экономической реформы.

Ни в одной из развитых стран решения не принимаются так, как они принимались российским руководством. Для разработки государственной экономической политики используются не идеологические догмы, а точные знания и реальные закономерности. Основанием для выработки экономической политики в условиях современной рыночной экономики является, как правило, согласие научного сообщества, представителей профсоюзов, деловых кругов и правительства по основным параметрам социально-экономической политики государства, которые затем реализуются в системе соответствующих мероприятий. Теоретическую основу такого подхода составляют: разнообразный инструментарий анализа и моделирования реальных взаимосвязей в экономической системе, поиск точек подъема конкурентоспособности национальной экономики, стимулирование главных факторов современного экономического роста — научно-технического прогресса, вложений в «человеческий капитал», поддержки инвестиционной активности и др.

Все необходимые составляющие для формирования разумной экономической политики в России были: развитое научное сообщество, обладавшее необходимыми знаниями, опытные специалисты в управленческом аппарате, знакомые как с отечественным, так и зарубежным опытом. Была и информация о разрушительных последствиях применения концепции «Вашингтонского консенсуса» в других странах, ставших колониально зависимыми резервуарами дешевого сырья и рабочей силы для транснационального капитала. Но все это было проигнорировано при принятии решений о стратегии реформирования российской экономики.

Мотивы выбора заведомо саморазрушительной для страны экономической доктрины едва ли могут быть объяснены стремлением реализовать принципы демократии и рыночной экономики. Расстрел парламента сто-

ронниками демократии и формирование олигархического режима власти сторонниками рыночной реформы — это такой же идеологический абсурд, как участие искренне верующего человека в отправлении сатанинского культа. Следовательно, не идеи демократических преобразований и рыночных реформ двигали поступками либеральных революционеров.

Антиконституционный государственный переворот, совершенный ельцинской кликой осенью 1993 года, стал важнейшим рубежом, после которого были свернуты процессы демократизации российского общества и построения современной социально ориентированной и высокотехнологичной рыночной экономики. Оставшись без контроля со стороны представительной власти, правительство занялось отнюдь не ускорением реформ, под предлогом продвижения которых произошел государственный переворот.

Сразу же после государственного переворота и расстрела парламента осенью 1993 года еще только формировавшиеся в тот период вокруг правительства олигархические кланы организовали открытое казнокрадство путем предоставления незаконных льгот по уплате налогов и таможенных платежей своим фирмам. Одной из первых акций победившей олигархии стало издание целой серии указов Президента о предоставлении незаконных льгот своим коммерческим структурам. Проверки Счетной палаты только одной такой структуры — Национального фонда спорта — показали, что таким образом из федерального бюджета страны было украдено более 20 трлн рублей с конца 1993-го до начала 1995 года. Во второй половине 1993 года незаконных льгот было предоставлено на сумму 6,3 трлн рублей в расчете на год; в 1994 году — еще на 4,4 трлн рублей. За это же время доходы федерального бюджета оказались недобранными на треть от запланированной величины.

С осени 1993 года, после расстрела парламента и захвата всей полноты государственной власти ельцинской олигархией, главным направлением ее деятельности под прикрытием доктрины «Вашингтонского консенсуса» стали: массовая приватизация государственного имущества, выродившаяся к концу 1995 года в келейное присвоение наиболее ценных объектов государственной собственности; манипулирование государственными средствами в целях присвоения доходов от их использования; предоставление своим коммерческим структурам разнообразных льгот и привилегий; демонтаж наиболее действенных инструментов государственного регулирования экономики.

В результате ликвидации механизмов общественного контроля за властями предержащими и замены его декоративными институтами представительной власти, лишенными ельцинской конституцией сколько-нибудь серьезного политического влияния, произошло быстрое разложение государственной власти и ее сращивание с организованной преступностью.

В среде правящей в России элиты были созданы «правила игры», при которых для удержания хорошего положения влиятельным бизнесменам необходимо было подкупать чиновников, вывозить капиталец за рубеж, искать покровительства у власть имущих, вступать с ними в сговор для захвата ценных объектов государственной собственности. В свою очередь, для высокопоставленных чиновников очень важно было быть «своим» человеком у руководителей крупнейших финансовых структур, входить в состав одного из правящих олигархических кланов. Не последнее значение имела и поддержка политического руководства ведущих западных стран.

Осуществление политики саморазрушения государства, присвоения национального богатства и демонтажа национального суверенитета стало возможным благодаря созданию механизмов полного отчуждения населения от власти. Для высокопоставленных чиновников той эпохи оценка их деятельности населением и представительными органами власти не имела никакого значения, оценка специалистами и коллегами — почти никакого и даже отношение президента их не очень заботило. Поскольку они назначались и снимались олигархическими кланами, контролировавшими окружение президента, от них же получали основное вознаграждение, то и отчитывались они за выполненную работу тоже перед ними. Большое значение имела также оценка деятельности руководителей макроэкономических ведомств со стороны МВФ и соответствующих служб стран «семерки», которые оказывали влияние на кадровые назначения в российском правительстве через политических лидеров своих стран.

Рис. 20. Диаграмма долей, в которых делят общий объем коррупционного рынка три ветви власти. *Источник:* доклад Фонда «ИНДЕМ» «Диагностика российской коррупции-2005».

Следствием безответственности власти перед гражданами стало разложение государственного аппарата. Квазибесплатная приватизация госимущества сопровождалась тотальным коррумпированием соответствующих органов власти. Резкое расслоение общества деморализовало

государственных служащих, которые в условиях массового обеднения вынуждены были заняться самообогащением за счет злоупотреблений служебным положением. С тех пор тотальная коррумпированность стала системным признаком исполнительной власти, присвоившей после государственного переворота 1993 года не только полномочия, но и привилегии судебной и законодательной власти (рис. 20).

С течением времени лишь увеличивался масштаб коррупции, все больше угнетающей граждан и подавляющей деловую активность (табл. 4, 5).

Таблица 4

Характеристики общероссийского рынка деловой коррупции в динамике (Δ — процентное изменение показателя (положительное значение соответствует росту)

Характеристика	2001	2005	Δ
Интенсивность коррупции (среднее число взяток в год для дающих взятки)	2,248	1,795	-20,2
Средний размер взятки (тыс. долл.)	10,2	135,8	1231,4
Среднегодовой взнос (тыс. долл.)	22,9	243,75	964,4
Объем рынка (млрд долл.)	33,5	316	843,3
Площадь квартиры, которую можно купить на одну среднюю взятку (кв. м)	30	209	596,7
Отношение объема рынка деловой коррупции к доходам федерального бюджета	0,66	2,66	303,0

Источник: доклад Фонда «ИНДЕМ» «Диагностика российской коррупции-2005».

На фоне сжатия экономической активности, снижения численности населения и размеров государства произошло раздувание бюрократического аппарата. По сравнению с советской эпохой количество чиновников как на душу населения, так и на единицу ВВП увеличилось более чем втрое. Доля расходов государственного бюджета на содержание бюрократии и силовых структур в России вдвое превысила среднемировой уровень и втрое — уровень развитых стран. Сделано это было в немалой степени за счет соответствующего сокращения доли расходов на социальные нужды и развитие. По структуре государственного бюджета Россия далеко откатилась от современных стандартов, став похожей на типичное полицейско-бюрократическое государство образца позапрошлого века.

Разрастание бюрократического аппарата в условиях его коррумпированности сопровождалось резким падением эффективности государственного управления. Практически во всех сферах деятельности государства произошло существенное ухудшение результатов. По качеству образования школьников международный рейтинг России ухудшился более чем вдвое, по средней продолжительности жизни населения Рос-

сия сползла на африканский уровень, по уровню преступности попала в число самых неблагополучных стран, вышла в лидеры по уровню самоубийств и социально обусловленных болезней.

Таблица 5

Характеристики общероссийского рынка бытовой коррупции в динамике

Характеристика коррупции	2001	2005
Охват коррупции (%)	50,4	54,9
Риск коррупции (%)	25,7	35,0
Спрос на коррупцию (готовность давать взятку, %)	74,7	53,2
Интенсивность коррупции (среднее число взяток в год для дающих взятки)	1,19	0,882
Средний размер взятки для дающих взятки (рубли)	1817	2780
Доля средней взятки в величине прожиточного минимума (на 2001 и 2004 гг. соответственно)	1,21	1,17
Среднегодовой взнос одного взяткодателя (рубли)	2162	2452
Годовой объем рынка бытовой коррупции (млрд долл.)	2,825	3,014

Источник: доклад Фонда «ИНДЕМ» «Диагностика российской коррупции-2005».

Не лучше обстояли дела и с управлением государственным имуществом. Хронический опережающий рост тарифов на предоставляемые государственными предприятиями услуги свидетельствует об их неэффективности. При этом снижение эффективности работы госпредприятий сопровождалось бурным ростом денежного вознаграждения их руководителей, в сотни раз превышающего уровень оплаты труда работников, быстро превратившихся из сохозяев в бесправных батраков. Госсектор стал все больше напоминать синекуру для приближенных к власти чиновников, посылаемых на кормление руководить крупными госпредприятиями.

Таким образом, произошло перерождение либеральных революционеров. На словах они продолжали демонстрировать свою верность либерально-демократическим принципам. На деле же узурпировали власть силой и сформировали авторитарную политическую систему, установив олигархический режим присвоения собственности и доходов. Это перерождение стало закономерным следствием краха либеральной утопии, который стал очевиден общественному сознанию спустя полтора года после начала радикальной реформы. Потеряв большинство в парламенте, под угрозой привлечения к ответственности за допущенные преступления либеральные реформаторы повели себя, как большевики после созыва Учредительного собрания в начале 1918 года, в котором они не имели большинства. Роль матроса Железняка в разгоне высшего органа власти сыграла танковая дивизия. Следуя революционной логике, со-

гласно которой цель оправдывает средства, реформаторы превратились в преступников. Соответственно изменился и смысл их поведения.

Построение демократического общества, правового государства и рыночной экономики было отложено на призрачное далекое будущее. В будничном настоящем цели личной наживы и удержания власти стали доминирующими мотивами поведения захватившими власть либеральными революционерами. Их главной задачей стало скорейшее прохождение «точки невозврата» страны к демократическим институтам власти и правовым механизмам ответственности властей предержащих. Соответственно изменился и смысл либеральной реформы. Она стала ориентироваться не на включение созидательных мотивов хозяйственной деятельности по наращиванию конкурентных преимуществ российской экономики, а на скорейший слом сложившейся системы хозяйствования. Либеральная идеология выродилась в культ денег. Коррупция уничтожила принципы правового государства. Формирующиеся рыночные институты были подчинены интересам олигархических кланов, доходы которых росли за счет присвоения государственного (в понимании либеральных революционеров — ничейного) имущества, монопольного завышения «свободных» цен, занижения оплаты труда.

Либеральная утопия трансформировалась в криминально-монополистический олигархат. При этом преимущества традиционной русской хозяйственной культуры, образцы дореволюционного предпринимательства оказались не только невостребованными, но и дискредитированными либеральными реформаторами. Честным, ответственным, законопослушным, справедливым и добросовестным стало быть не просто невыгодно, а недопустимо с точки зрения успешного ведения бизнеса. В выигрыше оказались беспринципные, алчные авантюристы, подкупавшие чиновников, обманывавшие государство, «кидавшие» партнеров, шантажировавшие руководителей предприятий и презиравшие трудовые коллективы. В итоге произошла глубокая криминализация управления хозяйством, позитивные качества русской хозяйственной культуры были вытеснены лагерно-бюрократической криминальной контркультурой.

Согласно классической классификации Платона, возникший в России политический строй следует определить как тимократию (правление худших и корыстных) [74]. Демократию, понимаемую в русской политологической традиции как народовластие, еще предстоит построить, преодолевая сопротивление криминализированной и противоположной по интересам народу властвующей элиты.

Парадоксальным образом после осуществления «демократических преобразований» народ в России оказался еще более отчужденным от власти, чем ранее. Циничное отношение правительства к своим конституционным обязанностям, игнорирование социальных гарантий, полная

безответственность в проведении экономической политики, манипулирование результатами выборов породили неверие людей в действенность демократических институтов, недоверие к власти, апатию и протест. В отсутствие общественного контроля в ходе проводившейся политики во властвующей элите сложился симбиоз: радикальных антироссийски настроенных рыночных фундаменталистов, прорвавшихся к власти на волне разрушения СССР и стремившихся к уничтожению самостоятельной российской государственности; поддерживавших их внешних сил, заинтересованных в ослаблении России; криминальных элементов, активно включившихся в борьбу за присвоение национального богатства в условиях дезорганизации правоохранительной системы; а также руководителей крупных коммерческих структур, использовавших своих людей в органах государственной власти для создания условий извлечения сверхприбылей путем фактической приватизации государственных функций. В результате этого симбиоза сформировалась олигархическая политическая система, в которой власть была узурпирована крайне узкой космополитичной группой, обогатившейся на принудительном разделе общенационального богатства и посредничестве в перепродаже его частей за рубеж. Контролируя ключевые центральные органы государственной власти, СМИ и ведущие элементы оппозиционных политических структур, она практически безраздельно распоряжалась государственным имуществом и финансами, стремясь к дальнейшему обогащению наиболее легким путем. Несущие опоры и механизмы ее властвующего положения состояли из следующих звеньев.

Первое. Легализованное решениями «своих людей» в структурах власти присвоение государственного имущества. Наиболее масштабные акции по приватизации общенациональной собственности совершались по принципу келейного сговора заинтересованных лиц, затем оформлявшегося «своими людьми» в правительственных постановлениях и президентских указах

Второе. Манипулирование государственными финансами, «всасывание» бюджетных средств в «свои» коммерческие банки, а также пропускание по своим каналам эмитируемых денежных средств. Даже бюджетный кризис, спровоцированный проводимой денежной политикой, стал источником сверхдоходов для имеющих «хорошие связи» околобюджетных коммерсантов. Законодательный запрет на привлечение прямых кредитов Центрального банка для финансирования дефицита бюджета был использован для приватизации денежной эмиссии, которая приобрела форму вексельных кредитов и взаимозачетов, осуществляемых коммерческими банками под поручительства Минфина на те же цели. В результате от 20 до 60% бюджетных ассигнований по многим статьям бюджета присваивалось «придворными» коммерческими посредниками.

Третье. Манипулирование общественным мнением путем установления контроля над основными средствами массовой информации, фактическое введение цензуры в частных «концернах СМИ». Дезинформация, запугивание, оболванивание и деморализация населения стали основными приемами общенационального телевидения. Характерной чертой подконтрольных олигархии телевизионных каналов стала оголтелая русофобия, ориентированная на уничтожение традиционных ценностей и самосознания русского народа, раболепие перед Западом, нескрываемая симпатия к врагам России, открыто проявляющаяся во множестве информационных сюжетов — начиная от смакования авиакатастроф российских самолетов и заканчивая героизацией чеченских бандитов.

Четвертое. Контроль за информационной средой президента. Была организована многоуровневая система фильтрации и препарирования информации, не позволяющая президенту реально оценить происходящие процессы. Фактически контролируя ближайшее президентское окружение, правящая олигархия приватизировала саму государственную власть, используя ее против своих конкурентов и для захвата национального богатства страны. Профессионалы, не угодившие правящей олигархии, «вылетали» из властных структур в результате подготовленных в ближайшем окружении «президентских» решений.

Пятое. Создание частных вооруженных формирований в форме разнообразных охранных структур, разбухание численности внутренних войск для целей усиления карательного полицейского аппарата, систематическое запугивание и шантаж руководства Вооруженных сил, провоцирование коррупции среди генералитета и морального разложения военнослужащих, их дискредитация в общественном мнении. Параллельно разложению армии наращивались частные вооруженные силы, создававшиеся правящей олигархией для своей защиты и продолжения политики «другими средствами». Ежедневные сводки об убийствах предпринимателей, государственных служащих, политических деятелей, террористических актах свидетельствовали о том, что идет настоящая война, развязанная олигархией и сомкнувшейся с ней организованной преступностью за присвоение национального богатства страны.

Шестое. Последовательная политическая, моральная и техническая поддержка из-за рубежа проводившейся в России саморазрушительной политики. Она не ограничивалась руководящей ролью МВФ в проведении макроэкономической политики. Наиболее преуспевшие кланы правящей олигархии тесно переплелись с влиятельными структурами международного капитала. Фактически правящая в России олигархия по своим интересам стала компрадорской, а не национально ориентированной. Это определялось ее ролью в качестве «моста» в передаче российского национального богатства под контроль международного капитала,

предпочтительным способом сбережений в форме вывоза капитала, системой ценностей и самим образом жизни — обустройством «семейных гнезд» за границей, воспитанием и обучением там же детей, стремлением войти в престижные зарубежные клубы. Это объясняет легкость, с которой правящая олигархия согласилась на передачу функций определения экономической политики международным финансовым организациям, отказываясь от национального суверенитета в формировании ключевых направлений внутренней и внешней политики.

Седьмое. Манипулирование оппозицией, осуществлявшееся правящей олигархией через контролируемых ею политических лидеров. Не имея серьезной социальной опоры, ненавидимая подавляющим большинством населения, правящая олигархия могла столь долго оставаться у власти только благодаря фактическому инкорпорированию в свой состав ряда лидеров ведущих оппозиционных партий и общественных организаций. Последним при этом отводилась важная роль своеобразных «политических волнорезов», которые должны были контролировать движения социального протеста, направляя их в безопасное для правящей олигархии русло парламентских дебатов, митингов общественности, ни на что не влияющих акций публичного протеста. Они успешно справлялись с этой ролью, разыгрывая многочисленные политические спектакли и массовые мероприятия, после которых ничего не происходило, дурача обедневшее население и пугая состоятельную часть общества радикальными лозунгами, оставаясь при этом совершенно безопасными для правящего режима. Таким образом правящей олигархии удавалось канализировать массовое недовольство и протест со стороны подавляющего большинства населения в безопасные для себя формы «сотрясания воздуха».

Характерным примером такой манипуляции стал успех правящей олигархии на президентских выборах 1996 года, сумевшей обеспечить победу утратившему доверие и симпатии большинства населения Ельцину путем комбинации фальсификации результатов выборов, шантажа губернаторов и местных руководителей, массированного оболванивания населения посредством СМИ и подкупа ряда ведущих оппозиционных лидеров. Вожди оппозиции не пожелали объединяться, не стали заниматься сложной и опасной работой по контролю за подсчетом голосов и предпочли сыграть отведенные им правящей олигархией роли в избирательном политическом спектакле, так и не решившись на серьезную борьбу за власть.

Восьмое. Основным механизмом воспроизводства доминирующего положения правящей олигархии является система присвоения государственных средств через легально организуемые каналы. Первым таким каналом была «ваучерная» приватизация, позволившая хорошо инфор-

мированным организаторам этого процесса и их компаньонам присвоить наиболее ценные объекты общественной собственности. Вторым, также весьма масштабным, каналом стало присвоение денег государственных предприятий и организаций через банковскую систему, организованное благодаря искусственно созданному их дефициту. Третьим каналом была «прокрутка» бюджетных денег привилегированными банками. И наконец, четвертым каналом легализованного казнокрадства стала пирамида ГКО-ОФЗ, через которую в пользу коммерческих структур было изъято из федерального бюджета свыше полутриллиона рублей.

Анализ содержания и мотивов проводившихся под видом реформы реальных мероприятий убедительно доказывает, что происходившие в России деградация, депопуляция и деиндустриализация являются прямым результатом экономической политики и ни в коей мере не могут быть объяснены разного рода объективистской и наукообразной терминологической чехардой (как то: «трансформационный спад», «демилитаризация экономики», «сокращение невостребованных рынком избыточных производств» и других, сочиняемых апологетами проводимой политики псевдопонятий). Они стали результатом проводившейся политики рыночного фундаментализма в интересах космополитической олигархии. Ущерб от реализации этой антисоциальной утопии сравним с другими катаклизмами, постигшими Россию в современной истории. Нашествие Наполеона, братоубийственная Гражданская война, фашистская агрессия гитлеровцев, шоковая терапия привели к примерно одинаковым последствиям: уничтожению до 1/3 национального богатства и огромным потерям населения страны.

По масштабам разрушений дорвавшиеся до управления страной рыночные фундаменталисты превзошли всех других социальных экспериментаторов. По имеющимся оценкам, число человеческих жертв ими проводившейся политики втрое превышает число жертв предыдущего социального эксперимента — революции и Гражданской войны 1917–1920 годов. Материальные потери от этой политики более чем вдвое превысили ущерб, нанесенный СССР гитлеровским нашествием 1941–1945 годов. Огромная часть национального дохода, составляющая примерно по 500 млрд долларов США в каждое постсоветское десятилетие (что сопоставимо с годовым объемом ВВП), перетекала из производственной сферы и сбережений граждан через финансовые спекуляции за рубеж.

Можно, конечно, утешать себя, что колоссальные материальные и человеческие жертвы, по многим показателям превышающие потери СССР во время Второй мировой войны, были совершены не напрасно. Что в результате произошедших преобразований на постсоветском пространстве сформировалась более эффективная экономическая система, способная преодолеть ограничения предыдущего хозяйственного механизма и обе-

спечить в перспективе более высокие темпы социально-экономического развития страны. Но этот тезис не выдерживает критики.

Показателем потенциальной эффективности экономической системы является ее инвестиционная активность. Если бы в результате реформ сформировались институты накопления национального дохода, обеспечивающие достаточные для устойчивого и быстрого экономического роста долгосрочные инвестиции в модернизацию и развитие производства, то можно было бы надеяться на успешное развитие в будущем. Но «в чистом виде» итоги либеральной революции выражаются в вывозе половины национальных сбережений за рубеж и эмиграции миллионов умов, не нашедших применения внутри страны.

Глава 3
Идеология реформы

Идеология придает смысл экономическому поведению и предопределяет формирование государственной политики. Понять причины катастрофических последствий проводившейся в России политики невозможно без прояснения смысла и выявления истоков направлявшей ее идеологии рыночного фундаментализма. А также причин, мотивов и обстоятельств выбора этой идеологии. Она носит наукообразный характер с претензией на истинность в последней инстанции, опираясь на неоклассическую экономическую теорию. Критический анализ последней является необходимой составляющей раскрытия смысла идеологии реализованной в России либеральной реформы и причин ее плачевных результатов.

Как было показано выше, выбор стратегии перехода к рынку в конце 1991 года был фактически навязан России в форме шоковой терапии, представляющей собой радикальный вариант крайне либерального подхода к вопросам экономической политики, основанного на идеологии рыночного фундаментализма. Этот выбор был сделан вопреки мнению научной общественности страны, сопротивлению парламента и отторжению государственного аппарата. Необходимостью осуществления этого выбора новая российская власть оправдывала повлекшие экономическую и демографическую катастрофу в России преступления против государства и общества, включая фактическую конфискацию сбережений граждан, замороженных в Сбербанке в период гиперинфляции 1992 года, антиконституционный государственный переворот и расстрел Съезда народных депутатов в 1993 году, разграбление государственного имущества под видом его приватизации узурпировавшей власть олигархией в 1994–1997 годах, подмену президентских выборов политическим шоу с

манипуляциями голосами избирателей в 1996 году, и наконец, банкротство государства в 1998 году. Все это заставляет внимательно отнестись к анализу идеологии проводившихся преобразований.

В настоящей главе анализируются теоретические основы, содержательная сторона и практический смысл идеологии проводившихся в России реформ, до сих пор во многом определяющей экономическую политику государства.

3.1. Несоответствие макроэкономической догматики реформаторов реальным экономическим процессам

Важнейшей причиной постигшей Россию экономической катастрофы является неадекватность теоретических представлений реформаторов об устройстве и механизмах развития современной экономики реальным экономическим процессам. Игнорирование структурных особенностей российской экономики в надежде на автоматическое действие механизмов рыночной самоорганизации провоцировало процессы дезинтеграции экономики и нарастания хаоса. Попытки применения разработанных для состояния рыночного равновесия методов макроэкономической стабилизации путем ограничения денежной массы не могли дать адекватный результат в сильно неравновесной ситуации. В условиях характерных для российской экономики диспропорций применение этих методов неизбежно влекло ее распад на автономно функционирующие секторы, каждый из которых стремился к своему состоянию равновесия. При этом совокупность этих состояний отличалась от дореформенного состояния экономики спадом экономической активности, обесценением значительной части производственного и интеллектуального потенциала, снижением производства товаров, ставшего убыточным в новой системе экономических оценок. Реальные результаты практического применения основных постулатов рыночного фундаментализма свидетельствуют об их несостоятельности.

Выше было показано, как самоустранение государства от регулирования цен в расчете на то, что рыночные механизмы сами обеспечат распределение ресурсов оптимальным образом привело к гиперинфляции. Несостоятельным и практически крайне вредным оказался и другой постулат рыночного фундаментализма о недопустимости активной денежно-кредитной политики и сведении последней к жесткому количественному регулированию денежной массы. Экономика на сжатие денежной массы отреагировала массовыми неплатежами и бартерными операциями, породив разнообразные денежные суррогаты, что привело к существенному ухудшению качества денег и лишь усугубило инфляцию,

вызвало глубокое расстройство денежного обращения. Это можно было предвидеть по опыту экономических реформ в Восточной Европе.

Многочисленные исследования зависимости между приростом денежной массы и темпом инфляции, предпринимавшиеся десятками исследователей по динамическим рядам всех стран с переходной экономикой, доказали отсутствие статистически значимой зависимости [26]. Вопреки гаданиям рыночных фундаменталистов практический опыт доказал, что не существует формулы, которая бы описала зависимость между приростом денежной массы и темпом инфляции, потому что инфляция — явление многофакторное, не сводимое к динамике денежного предложения.

Однако, несмотря на вышеуказанные очевидные соображения, макроэкономическая политика российских денежных властей в течение уже многих лет основывается на рецептах монетаристской теории, обосновывающей методологию административного регулирования количества денег в обращении как главного инструмента контроля над инфляцией. Российские денежные власти стараются следовать формулам из учебников количественной теории денег, отражающим теоретическую взаимосвязь между количеством денег и инфляцией в виде тождества:

$$PT = MV,$$

где: P — цены;

T — объем товарной массы;

M — объем денежной массы;

V — скорость обращения денег.

Данное тождество недоказуемо и неверифицируемо, оно интерпретируется как аксиома, из которой выводятся важнейшие постулаты количественной теории денег. На этом основании формулируются рекомендации в отношении макроэкономической политики, исходя из прямо пропорциональной зависимости между приростом количества денег и темпом инфляции. Так, руководящий в течение многих лет денежными властями России А. Кудрин пишет: «Согласно классическому представлению об инфляции, рост цен связан с увеличением денежного предложения при неизменной скорости обращения денег. Без увеличения денег в обращении при неизменности скорости обращения, сохранении объема выпуска товаров и услуг общий уровень цен в стране остается неизменным, как бы ни менялись цены на отдельные товары... Речь идет о том, что при заданном количестве денег в обращении рост цен на одни товары должен сопровождаться их снижением на другие. При этом общий индекс цен останется неизменным».

Это утверждение, кажущееся монетаристам очевидным, в действительности является ложным. Оно отражает статичное состояние экономики в абстрактных моделях рыночного равновесия с нереалистичными

предпосылками, которые в реальных экономических процессах не соблюдаются. Рассмотрим типичные примеры изменения цен, происходящие в реальной экономике под влиянием НТП и злоупотреблений монополистов.

Рассмотрим случай повышения цен монополистами при неизменном предложении товара (услуги). По-прежнему будем считать неизменными условия функционирования других товарных рынков, стабильность институтов, определяющих скорость обращения денег и их объем, а также величину заработной платы, выплачиваемой работникам при производстве товаров данной группы. Предположим, что получаемую сверхприбыль монополист сберегает, выводя соответствующую сумму денег из обращения. Тогда вследствие повышения цены либо сократится предложение соответствующих товаров (если спрос на них эластичен по цене), либо потребителям придется платить больше. В первом случае будет наблюдаться повышение цен при снижении объема товаров при неизменной величине денежной массы; во втором — потребители будут вынуждены уменьшить спрос на другие товары. Если их производство неэластично по цене, то произойдет соответствующее снижение цен, что отвечает приведенному утверждению А. Кудрина. Если же оно эластично, то равновесие будет достигнуто при большем уровне цен и меньшем объеме производства товаров.

Данный пример отражает типичную для российской экономики ситуацию последовательного повышения тарифов на природный газ, электроэнергию и тепло, рост которых вдвое опережает инфляцию. Монополии в этих сферах ежегодно накапливают сверхприбыль, которая может направляться на инвестиции внутри страны или за рубеж. В последнем случае происходит рост цен при снижающемся объеме денежного предложения (при условии привязки денежной эмиссии к приобретению иностранной валюты Центральным банком, как это и происходит в России). Именно такая картина наблюдалась в первой половине 1990-х годов: цены росли на фоне сжимающейся денежной массы при вывозе получаемой монополистами сверхприбыли за рубеж.

Охарактеризованный эффект повышения цен монополией следует дополнить эффектом снижения спроса на другие товары, так как потребители монопольно поставляемого товара вынуждены экономить на их приобретении. Этот эффект делится на снижение цены и объема предложения этих товаров и зависит от эластичности спроса и предложения по цене на них. Причем влияние снижения цен на данные товары может сбалансировать эффект повышения цен монополией только в случае неэластичности предложения соответствующих товаров по цене. Это возможно, например, если потребители, сталкиваясь с повышением тарифов на газ и электроэнергию, снижают платежи за воду и тепло, от поставки

которых невозможно отказаться. Они могут также переключиться с платных медицинских или образовательных услуг на бесплатные. Но снижение платежей населения ниже уровня самоокупаемости производства соответствующих товаров придется компенсировать государственными субсидиями.

В общем случае в негосударственном секторе экономики повышение цен монополистами не будет компенсировано снижением цен продавцами других товаров, которые несколько сократят их предложение. Именно так реагировали российские товаропроизводители на уменьшение совокупного спроса в первой половине 1990-х годов. Это поведение отвечает закономерностям функционирования промышленных систем с длинными цепочками технологической кооперации.

Изготовитель конечной продукции не может произвольно снижать цены, так как издержки производства определяются расходами на приобретение комплектующих у смежных предприятий, которые, в свою очередь, получают комплектующие у своих смежников. При производстве современной высокотехнологичной продукции общее число участвующих в технологической кооперации предприятий может достигать нескольких тысяч. В этой ситуации производитель конечной продукции ограничен в возможностях изменения ее цены величиной ожидаемой прибыли. К примеру, общим для любой технологической цепочки издержкообразующим товаром является электроэнергия. Повышение тарифа на нее вынуждает всех участников производственно-технологической кооперации поднять цены на свою продукцию. При этом производители сложных изделий реагируют на снижение спроса на них соответствующим сокращением предложения товаров, а не снижением их цены.

Рассмотрим другой пример. Предположим, что вследствие внедрения новой техники снижаются издержки производства некоторой группы товаров (услуг). При этом остаются неизменными институты денежного обращения, определяющие его скорость, и величина денежной массы. Предположим также, что при производстве рассматриваемой группы товаров заработная плата работников не меняется, а эффект от внедрения новой техники делится на снижение цены выпускаемой продукции и сверхприбыль, направляемую на дополнительное совершенствование технологии. Последнее вызовет дальнейшее снижение цены, которое может сопровождаться (или не сопровождаться) увеличением сбыта товаров (услуг) данной группы. В первом случае мы имеем одновременное снижение цен и повышение объема производства товаров при неизменном количестве денег и скорости их обращения. Во втором случае (когда спрос на данный товар неэластичен по цене) у потребителей возникает экономия денег. Если они их сберегают, то мы вновь имеем снижение цен при неизменности всех остальных переменных монетаристского тождества. И только

если они тратят эти сэкономленные деньги на приобретение иных товаров, предложение которых неэластично по цене, справедливо утверждение, приведенное в статье А. Кудрина. На такие товары цены вырастут пропорционально снижению цен на инновационную продукцию. Если же предложение дополнительно покупаемых товаров эластично по цене, то их производство увеличится при некотором повышении цен на них в условиях неизменного количества денег и скорости их обращения. Но при этом нет никаких оснований полагать, что левая часть монетаристского тождества останется неизменной.

Для упрощения модели предположим, что новатор не приобретает новой техники, а сам ее изготавливает и совершенствует. Так делают многие производители современного оборудования и программного продукта. Тогда исключается эффект повышения цены на новую технику с ростом спроса на нее. В действительности во многих случаях, типичных для современной экономики знаний, наблюдается обратная ситуация — с расширением масштаба использования новой технологии издержки ее производства быстро снижаются (вплоть до нуля, как при тиражировании программных продуктов) при уменьшающемся объеме инвестиций в расчете на единицу эффекта. Это позволяет новатору выбрать стратегию максимизации рынка сбыта своих товаров, направляя весь получаемый эффект на снижение цены.

Данный пример наглядно иллюстрирует возможность снижения инфляции под влиянием НТП. При этом небольшой прирост денежного предложения, идущий на освоение новой техники, дает нарастающий антиинфляционный эффект, сопровождающийся расширением производства и сбыта соответствующих товаров. Именно этим объясняются типичные для динамично развивающихся стран случаи быстрого роста денежной массы при стабильных и даже снижающихся ценах. Например, в Китае в период бурного экономического подъема второй половины 1990-х годов цены снижались на фоне роста денежной массы на 17% в год [53].

Как следует из приведенных примеров, утверждение, сформулированное в статье А. Кудрина, несмотря на кажущуюся монетаристам очевидность, в действительности соблюдается только в частных и довольно экзотических случаях, предполагающих неэластичность спроса и предложения товаров по цене, а также отсутствие научно-технического прогресса и инноваций. Конечно, в наших примерах тоже есть определенные условности, но они отражают достаточно типичные ситуации в современной экономике.

Так, под воздействием новых знаний цена единицы полезного свойства товара (услуги) может быстро многократно снижаться вне связи с изменениями параметров денежного обращения, не оказывая заметного влияния на цены технологически не связанных с ним иных товаров. Например,

стоимость вычислительной операции в период становления современного технологического уклада в 1960–1985 годах снизилась в 10 тыс. раз. В период его интенсивного развития в 1974–1992 годах стоимость единицы полезного эффекта вычислительной техники снизилась в 20 раз, что сопровождалось быстрым расширением спроса на нее и соответствующим увеличением предложения. Другой пример: внедрение технологии использования стволовых клеток в медицине делает ненужным проведение ряда дорогостоящих хирургических операций. Здесь снижается цена услуги без увеличения объема предложения (если, конечно, все нуждающиеся в лечении ранее получали возможность проведения хирургической операции). Своевременная вакцинация населения позволяет резко уменьшить заболеваемость, что сокращает спрос на лекарства и медицинские услуги, — пример одновременного снижения цен и объемов предложения товаров.

Нетипичным в приведенных нами выше примерах является предположение о замораживании сверхприбыли новаторами и монополистами. В действительности они, конечно, направляют эти средства либо на инвестиции, либо на потребление. Если мы рассматриваем пример с новатором, то в первом случае продолжается снижение цен при увеличении спроса на инвестиционное оборудование, которое может привести к некоторому повышению цен на него. Утверждение А. Кудрина окажется верным, только если это повышение будет равно снижению цен на рассматриваемые товары благодаря применению данного оборудования. Здесь предполагаются монопольное положение продавца и его полная осведомленность об эффекте применения этого оборудования у конкретного потребителя. Кроме того, подобное поведение продавца возможно только в отсутствие антимонопольного законодательства.

В наших иллюстративных примерах реальный эффект снижения цен на товары намного превышает гипотетическое повышение цен на оборудование. Если новатор направляет сверхприбыль на потребление, то утверждение А. Кудрина будет справедливым, только когда это вызовет повышение цен на предметы потребления, равное снижению цен на рассматриваемые товары. Если сверхприбыль направляется на сбережения, это приведет к увеличению кредита (при условии, что сбереженная прибыль не вывозится за рубеж); в результате несколько увеличится спрос на товары, приобретаемые его получателями. Тогда зависимость между изменением цен на разные товары окажется более сложной, хотя она попрежнему будет определяться эластичностью их спроса и предложения по цене. Если же сберегаемая сверхприбыль вывозится за рубеж и при этом валюта приобретается у Центрального банка при неизменном обменном курсе, то количество денег сокращается. В примере с новатором в этом случае будут происходить снижение цен и рост предложения товаров при сокращении объема денег в экономике.

Таким образом, вопреки мнению монетаристов, цены могут расти и снижаться при неизменности всех остальных переменных, включая объем денежной массы. При этом может происходить как увеличение, так и уменьшение предложения товаров в зависимости от содержания происходящих в экономике процессов. Внедрение новых технологий влечет за собой снижение цен, в то время как злоупотребления монополистов вызывают их повышение. Изменения в ценах на товары одной группы вовсе не обязательно должны компенсироваться противоположным изменением цен на товары других групп. Более того, можно утверждать, что такого рода компенсация возможна только в экзотических случаях неэластичности спроса и предложения товаров по цене, которым соответствует сугубо умозрительная ситуация бесконечного воспроизводства некоего равновесного состояния экономической системы.

Следовательно, монетаристское тождество отражает статичную ситуацию, которая теоретически может воспроизводиться как некоторое состояние рыночного равновесия в абстрактной математической модели. При внесении в нее зависимостей, отражающих реальные экономические процессы, переменные данного тождества могут изменяться независимо друг от друга. В реальности экономика никогда не воспроизводит состояние равновесия; в каждый момент времени она переходит в новое состояние со своими значениями переменных монетаристского тождества. Это обусловливает бессмысленность каких-либо его интерпретаций в целях выработки практических рекомендаций.

Сталкиваясь с проблемами практического применения количественной теории денег, монетаристы обычно «сваливают» все необъяснимые факторы на скорость их обращения. Нет сомнений, что приведенные выше примеры они попытаются опровергнуть путем теоретических спекуляций относительно изменения скорости обращения денег. Но, во-первых, для этого надо научиться ее измерять. Деление ВВП на объем денежной массы не может считаться корректным способом определения скорости обращения денег в силу известной условности самого показателя ВВП, отражающего лишь уровень коммерческой активности.

Во-вторых, перераспределение спроса между различными сегментами рынка будет оказывать разнонаправленное влияние на скорость обращения денег, результирующую которого тоже нужно научиться измерять в конкретных ситуациях. Так, если получаемую в вышеприведенных примерах сверхприбыль новаторы или монополисты будут тратить на спекулятивные операции, то скорость обращения денег будет увеличиваться, а если на строительство новых заводов — то уменьшаться.

В-третьих, переток денег между различными сегментами рынка происходит по различным каналам денежного обращения, каждому из ко-

торых свойственна своя скорость. В зависимости от того, какие из них будут использованы обладателями сверхприбыли, будет меняться и скорость обращения денег. Если они будут хранить свои средства на долгосрочных депозитах или направят их в пенсионные или страховые фонды, скорость обращения денег будет существенно меньше, чем в случае их хранения на текущих счетах [17].

Теоретически ошибочными были представления реформаторов не только о макроэкономических закономерностях. Не подтвердились их представления о закономерностях на микроуровне, основанные на многим казавшимся очевидным постулате рыночного фундаментализма о том, что частная собственность всегда эффективнее государственной. Реализованная во многих постсоветских государствах ваучерная модель приватизации дала противоположный результат. Многие новоявленные собственники, овладевшие предприятиями часто не вполне законным способом, не имея управленческого опыта и необходимых знаний, попросту их разорили. При этом чем сложнее была технология производства и выше технический уровень выпускаемой продукции, тем, как правило, плачевнее оказывалась судьба приватизированных предприятий. Российский опыт перехода к рынку доказал, что принципиальное значение для эффективности управления имуществом имеет способ его приобретения.

3.2. Несостоятельность теоретических основ реформы

Как уже указывалось выше, методическим руководством реформирования российской экономики в процессе ее перехода от планового хозяйства к рыночному стала доктрина «Вашингтонского консенсуса», основанная на неолиберальной идеологии рыночного фундаментализма, стержнем которой является неоклассическая экономическая теория.

О неадекватности этой теории реальным процессам экономического развития, а также об угрозах либеральной глобализации написаны горы книг, и едва ли есть смысл доказывать в этой книге банальные вещи. Но поскольку апологеты рыночного фундаментализма продолжают навязывать российскому руководству пассивное следование манипулируемой ФРС США «свободной» руке рынка, необходимо провести анализ теоретических основ макроэкономической политики, проводившейся в России в период перехода к рыночной экономике и закончившейся крахом финансовой системы государства в 1998 году.

После работ Т. Куна[1] можно считать доказанным, что развитие научной мысли происходит неравномерно и может быть представлено как

[1] *Кун Т.* Структура научных революций. — М.: АСТ, 2002.

последовательность замещающих друг друга научных парадигм, каждая из которых обобщает предшествующий опыт и лучше предыдущей объясняет причины наблюдаемых явлений. Научная парадигма включает в себя основополагающие предпосылки, методы исследования, принятые в той или иной науке, а также представления ученых о способах решения научных проблем. Развитие любой отрасли знаний представляет собой последовательную смену научных парадигм, в ходе которой происходит пересмотр базовых теоретических понятий.

Научная парадигма, господствующая до последнего времени в мировой экономической науке, сформировалась в конце позапрошлого — начале прошлого века под влиянием работ А. Смита, Д. Рикардо, Дж. Ст. Милля, А. Маршалла, Л. Вальраса. Их последователи построили стройную, но не отражающую реальные экономические процессы математизированную теорию рыночного равновесия. Она основывается на введенных классиками постулатах о рациональности и оптимальном поведении хозяйствующих субъектов и именует себя неоклассической. Несмотря на свою явную неадекватность реальным процессам экономического развития, неоклассическая парадигма остается основным направлением (mainstream) экономической мысли как по числу публикаций, так и по весу в структуре преподавания экономических дисциплин. Поскольку она формирует соответствующий образ мыслей в головах многих политических и хозяйственных руководителей, задавая определенную логику в проведении экономической политики в зависимых от международного капитала национальных элитах, включая российскую, придется уделить некоторое внимание анализу сущности этой весьма популярной и влиятельной экономической религии.

Чтобы понять суть той или иной теории, следует разобраться в содержании составляющих ее фундамент аксиом. В неоклассической парадигме к таковым относятся: представление всего разнообразия хозяйствующих субъектов в качестве экономических агентов, мотивация которых сводится к максимизации текущей прибыли; предположение, что эти экономические агенты действуют абсолютно рационально, учитывая все имеющиеся технологические возможности и свободно конкурируя друг с другом в институциональном вакууме. Неизменным результатом любых неоклассических интерпретаций экономического поведения хозяйствующих субъектов остается установление ситуации рыночного равновесия, которое характеризуется наиболее эффективным использованием ресурсов, но никогда не наблюдается на практике. Хотя в современных интерпретациях неоклассической теории ее аксиомы усложняются включением разнообразных оговорок и уточнений, в основе они остаются неизменными, порождая соответствующие искажения в представлениях об экономических процессах.

Десятилетиями происходило накопление фактов, не вписывавшихся в неоклассическую теорию экономического роста, неадекватность которой реальности становилась все более очевидной вдумчивым исследователям. Еще в 1971 году об этом говорил в своем официальном ежегодном обращении президент Американской экономической ассоциации нобелевский лауреат В. Леонтьев. В 1972-м об этом же заявил его преемник на этом посту, другой нобелевский лауреат Д. Тобин. В 1980 году о кризисе в неоклассической экономической науке заявил в таком же официальном обращении классик теории экономического роста Р. Солоу [103]. С тех пор написаны горы книг о неспособности неоклассической теории объяснять многие экономические явления в силу неадекватности ее аксиоматики реальности.

В последние три десятилетия основополагающие классические постулаты экономической теории стали предметом острой научной критики. Эмпирические исследования поведения фирм на реальных рынках позволили установить, что мотивация хозяйствующих субъектов отнюдь не ограничивается стремлением к максимизации прибыли или какого-либо другого показателя экономической результативности. Был доказан факт неполной информации о рыночной конъюнктуре и технологических возможностях, доступной реальному хозяйствующему субъекту, а также раскрыто значение трансакционных издержек и других затрат, связанных с ее получением. Сомнению была подвергнута также сама возможность достижения экономического равновесия в результате решений, принимаемых реальными хозяйствующими субъектами. Но, пожалуй, главный удар пришелся на постулат о рациональности поведения хозяйствующего субъекта на рынке. В многочисленных исследованиях реального поведения фирм была установлена ограниченная способность хозяйствующих субъектов к проведению расчетов, необходимых для осуществления оптимального выбора. В разработанной еще полвека назад концепции ограниченной рациональности Саймона фирмы ориентируются не на оптимальный, а на приемлемый выбор варианта своего поведения [113].

Сегодня неадекватность неоклассической теории реальности непонятна только самым зашоренным апологетам рыночного фундаментализма, которых, правда, хватает среди лиц, определяющих экономическую политику во многих странах мира, включая Россию. Принципиальная неопределенность множества производственных возможностей, экономической эффективности новых технологий, различия в способностях хозяйствующих субъектов к усвоению нововведений, получению и обработке рыночной информации — вот далеко не полный перечень свойств экономической реальности, не нашедших адекватного отражения в неоклассической экономической теории. В концепции экономического равновесия существенно упрощается содержание

экономических процессов, игнорируется ряд важных свойств реальной конкурентной борьбы разнообразных фирм в условиях неопределенной рыночной конъюнктуры.

Наиболее крупными аномальными для неоклассической парадигмы фактами стал переход к экономике знаний и превращение НТП в главный фактор экономического роста. По разным оценкам, в настоящее время на долю НТП приходится от 70 до 95% прироста ВВП развитых стран. Ключевую роль в формировании научно-технического потенциала играют: интеллектуальный потенциал общества, институты поддержания инновационной активности, государственная научно-техническая и инновационная политика. В рамках неоклассической парадигмы не удавалось раскрыть роль этих движущих сил современного экономического развития. Не смогла она предвидеть длительный экономический кризис и депрессию середины 1970-х годов, как и переживаемые сегодня глобальный финансовый кризис и рецессию. Они не только не были предсказаны на основе неоклассических моделей экономического роста, но и не могли найти содержательного объяснения в рамках теории экономического равновесия, так же как неравномерность экономического роста и неопределенность технологических изменений.

Упорно игнорируемый в виртуальной модели рыночного равновесия НТП является главным предметом заботы хозяйственных практиков, работающих в условиях реальной экономической среды. Разительное расхождение между хозяйственной практикой и наиболее популярным на сегодняшний день направлением экономической науки свидетельствует о ее кризисе, при котором в числе аномальных оказывается наиболее существенный фактор экономического роста. Упорное нежелание видеть это кризисное состояние господствующей парадигмы экономической теории со стороны властвующей элиты свидетельствует о наличии в этом ее заинтересованности.

Как известно, экономические теории не свободны от экономических интересов, которые они подчас отражают. При этом чем большую идеологическую нагрузку они несут, тем больше влияние заинтересованных политических и экономических сил в научном обосновании и оправдании своих действий. Максимальная идеологизация достигается в теориях, претендующих на всеобщее объяснение экономических явлений. Этим грешила политэкономия социализма, оправдывавшая имевшуюся в СССР и странах СЭВ систему хозяйства как оптимальную единственно справедливую. Неудивительно видеть тот же грех в неоклассической теории, оправдывающей экономическую систему современного капиталистического хозяйства как безальтернативную и самую эффективную. Каждая из этих теорий претендовала на всеобщность и истинность в последней инстанции, замыкаясь в своей системе догм, дававших им возможность не обращать

внимание на критику оппонентов. По сути, обе они, выполняя функции оправдания соответствующей политэкономической системы, приобрели характер наукообразных религий, исповедующих свои символы веры.

3.3. Культ стяжательства как суть утопии рыночного фундаментализма

В навязанной нам в качестве научной основы проводившихся радикальных реформ неоклассической парадигме заложена предпосылка о рациональном поведении экономических агентов, обладающих сверхъестественными качествами абсолютного знания всех возможных состояний экономической системы и абсолютной волей выбирать наилучшее из них. При этом игнорируется значение всех других мотивов экономического поведения, его нравственных ограничений и моральных ценностей.

Модели рыночного равновесия обожествляют и одновременно примитивизируют экономических субъектов. В образе homo economicus подобно языческому богу символизируется одна из смысловых функций экономического поведения, ориентированная исключительно на максимизацию материального благополучия, измеряемого в денежном выражении. По своей идеологической сути это есть не что иное, как культ золотого тельца, облеченный в респектабельную научную форму строгих математических моделей.

Выхолащивание духовного начала в неоклассической интерпретации экономического поведения объясняется как сложностью его формализации, так и определенной идеологической традицией. С одной стороны, сведение мотивов экономического поведения к максимизации прибыли существенно упрощает его математическое моделирование и позволяет строго доказывать определенные гипотезы о свойствах экономической системы. С другой стороны, эти свойства затем используются для оправдания вполне определенной экономической политики, получающей, таким образом, «научное» обоснование.

Убедительным контрпримером, иллюстрирующим научную несостоятельность выхолащивания человеческого начала в моделировании экономического поведения, является сопоставление двух логически наиболее развитых теорий, построенных на неоклассическом фундаменте — популярной сегодня теории рыночного равновесия и разработанной советскими экономистами-математиками теории оптимального функционирования экономики. Хотя они обосновывают противоположные по смыслу результаты (первая доказывает оптимальность рыночной организации хозяйства, а вторая — централизованного планирования), у них имеется общее основание — сведение экономического поведения к максимизации дохода. Только первая

из них исходит из максимизации дохода экономических агентов, а вторая — из максимизации национального дохода всего общества. Каждая из этих теорий используется как научное доказательство целесообразности противоположных по смыслу экономических идеологий, основанных соответственно на рыночном и директивном принципах управления экономической системой. При этом каждая из них математически строго доказывает достижимость оптимального (наиболее эффективного) использования ресурсов и максимизации общественного благосостояния при соблюдении одних и тех же предпосылок об абсолютной рациональности и информированности экономических агентов. Только в первом случае в качестве таковых подразумеваются частные лица, а во втором — государственные органы.

Конечно, предпосылки о рациональности экономических агентов и сведении их мотивации к максимизации прибыли имеют объективные основания в качестве идеальной модели поведения рыночного торговца. Но даже основатель теории о «невидимой руке рынка», легшей в основу классической и затем широко распространенной сегодня неоклассической парадигмы в экономической науке, А. Смит подчеркивал принципиальное значение этических ценностей в экономике [86].

Фундаментальная работа М. Вебера о протестантской этике раскрыла логику рационализации экономического поведения и его ориентации на максимизацию прибыли и богатства как результат определенной трансформации религиозного мировоззрения [13]. Суть этой трансформации как раз и заключалась в сведении божественного проведения к материальному успеху, видимым воплощением которого является богатство, измеряемое в денежном эквиваленте. Эта сакрализация богатства, по идейной сути эквивалентная культу золотого тельца, обусловила доминирование мотива максимизации прибыли в экономическом поведении как основного способа достижения жизненного успеха не только в материальном, но и прежде всего в духовном смысле.

Следует признать, что духовное состояние homo economicus, вся мотивация которого сводится к максимизации прибыли, оказалось весьма эффективным толчком для развития экономики. Действительно, конкурируя с себе подобными за получение прибыли, экономические агенты стремятся к безграничному повышению эффективности своего производства и качества продукции. Погоня множества предпринимателей за максимизацией прибыли стала ведущим двигателем экономического подъема протестантских обществ, который вывел европейскую цивилизацию из средневековой спячки на путь быстрого экономического роста.

На этом пути человечеству пришлось принести золотому тельцу немалые жертвы. Пауперизация многих миллионов крестьян в период промышленной революции, буржуазные революции и мировые войны, истребление коренного населения Северной Америки — лишь некоторые

наиболее кровавые эпизоды утверждения идеологии экономической рациональности. Общество раскололось на антагонистические классы, рост богатства предпринимательской элиты во многом происходил за счет беспощадной эксплуатации труда рабочего класса.

Массовое открытое и вопиющее нарушение заповедей Христа в христианском мире должно было получить идейное оправдание. Таковое и было сделано в научной форме теории рыночного равновесия, которая доказывала оптимальность индивидуального экономического поведения, ориентированного на максимизацию прибыли, для всего общества в целом. С помощью соответствующих этим идеологическим предпосылкам экономико-математических моделей доказывается «объективная неизбежность» безработицы и неразумность регулирования оплаты труда и предоставления социальных гарантий, что затем служит наукообразным оправданием воспроизводства социального неравенства, бедности и фактического бесправия большинства населения.

Вместе с тем неадекватность теории рыночного равновесия реальному поведению хозяйствующих субъектов не позволяет на нее опираться как в проведении экономической политики, так и в исследовании процессов экономического развития. Характерная для неоклассического подхода интерпретация экономического роста как изменения равновесного состояния экономики во времени под влиянием реакции фирм на увеличение предложения производственных ресурсов в рамках заданного множества технологических возможностей мало способствовала пониманию механизмов современного экономического роста.

В сущности, неоклассическая парадигма в экономической науке выполняла и продолжает выполнять религиозную функцию, убеждая людей верить в непогрешимость свободного рынка с культом золотого тельца, определяющего экономическое поведение и оправдывающего сложившуюся в западных странах систему распределения национального богатства и дохода. В этой наукообразной религии есть свои догмы, облеченные в математически строгие теоремы свойств рыночного равновесия и задающие соответствующие табу и принципы принятия решений в экономической политике. В качестве «символа веры» этой религии выступает догма о невмешательстве государства в рыночную стихию, а также примат права частной собственности, которое и именуется не иначе как «священное».

Адепты этой религии в России ориентируются на своих пророков из США, в которых хорошо налажена подготовка неофитов из периферийных стран. Эта подготовка ведется в русле так называемого «мэйнстрима» — основного потока публикаций схоластических исследований не существующих в реальности абстрактных моделей рыночного равновесия. Смысл этих изысканий носит чисто идеологический характер обожествления «невидимой руки» рынка и не имеет отношения к реальной хозяйственной практике.

Удивительная живучесть неоклассической парадигмы и ее популярность в кругах крупного бизнеса, щедро спонсирующего навязывание вытекающего из нее образа мыслей общественному сознанию, объясняется соответствующими экономическими и политическими интересами. Неоклассическая экономическая теория играет роль научного основания идеологии рыночного фундаментализма и либеральной экономической политики, в проведении которой заинтересован крупный капитал, стремящийся минимизировать государственное регулирование своей деятельности. Эта идеология обосновывает его претензии на господство в обществе, так как сводит общественные отношения к власти денег. Она оправдывает и современные формы неоколониализма, позволяющие эмитентам мировых валют (прежде всего американского доллара) эксплуатировать все человечество путем неэквивалентного обмена необеспеченных денежных знаков на реальные богатства. Поэтому она энергично навязывается Вашингтоном посредством как прямого политического давления, так и косвенными методами через международные институты и финансирование экспертного сообщества национальным властвующим элитам в целях эксплуатации управляемых ими стран. Еще в позапрошлом веке выдающийся немецкий экономист дал соответствующую характеристику этой экономической религии: «Когда англичане говорят о свободном рынке — они бросают вам в глаза песок, чтобы обшарить ваши карманы».

3.4. Экономика частного присвоения как практическое воплощение идеологии реформы

Следует признать, что наукообразная религия рыночного фундаментализма играла и продолжает играть огромную роль в формировании мотивов экономического поведения сотен миллионов людей. Если духовная составляющая человека выхолощена и сведена к денежному эквиваленту, он верит во всемогущество доллара или иного денежного знака, руководствуясь соответствующими догмами. И наоборот, люди традиционных нравственных ценностей не приемлют принципа самообогащения любой ценой, отвергая политику реформаторов. Это особенно хорошо заметно в нашем обществе, переживающем трансформационный переход, которое раскололось на антагонистические по своему мировосприятию и положению в обществе классы.

Подавляющее большинство добропорядочных граждан не откликнулось на призыв либеральных реформаторов к обогащению за счет присвоения государственного имущества, отвергнув его как аморальный и преступный. Но этот призыв был с энтузиазмом воспринят маргинальными слоями — уголовным миром, шабашниками и цеховиками,

неудавшимися учеными, мимикрировавшими комсомольскими функционерами и просто авантюристами. Они быстро научились ловить рыбку в мутной воде трансформационного периода. Их мировоззрение не было отягощено ни христианской, ни коммунистической идеологией, так же как и другими нравственными ограничениями. Они боялись только пули от себе подобных, поэтому предпочитали стрелять первыми. Поэтому преуспели в основном самые наглые и аморальные — С.С. Говорухин не зря назвал реализованные в России реформы «Великой криминальной революцией» [31].

Политика шоковой терапии породила нетипичную для человеческого общества ситуацию революционной ломки, когда добропорядочные граждане вдруг оказывались неконкурентоспособными, а аморальные и даже преступные элементы получили колоссальное преимущество. Их «символ веры» в деньги и право силы, убежденность и уверенность в том, что цель оправдывает средства, в условиях вседозволенности оказываются эффективнее традиционно нравственного поведения и постепенно овладевают массами. Но при этом по мере распространения вширь культ денег приобретает более мягкие и респектабельные формы. Сама выросшая на присвоении государственной собственности новая властвующая элита становится заинтересованной в сохранении и легитимизации приватизированных богатств и стабилизации достигнутого положения. На догмат прибыли любой ценой накладываются определенные ограничения. Присвоение природных богатств ограничивается налогообложением природной ренты и госрегулированием доступа к природным ресурсам, эксплуатация труда — Трудовым кодексом и т.д.

Вместе с тем правовой нигилизм властвующей элиты обесценивает любые формы государственного регулирования экономических отношений. Присвоение чужого остается главным способом обогащения в российской экономике. Ни антимонопольные, ни природоохранные, ни прочие ограничения хозяйственной деятельности не соблюдаются, если в этом не заинтересован достаточно крупный капитал.

Формирование господствующего сегодня в предпринимательском поведении стереотипа присвоения произошло под определяющим влиянием приватизационной кампании. В результате криминализации процесса массовой приватизации госимущества и ориентации его участников на спекулятивные сверхдоходы за счет взвинчивания цен на акции захватываемых предприятий оказалась подорванной мотивация собственника средств производства, играющая ключевую роль в обеспечении экономической активности в рыночной экономике. Организаторы приватизационной кампании и их коммерческие партнеры ориентировались не на эффективное использование приватизированных средств производства, а на спекулятивные сверхдоходы от перепродажи явно

заниженных акций предприятий. Спустя несколько лет после завершения кампании массовой приватизации в отношениях собственности господствовал хаос, до 2/3 крупных и средних предприятий не имели ответственного собственника.

Переориентация предпринимательской активности с производственной деятельности на спекулятивные операции, а также на борьбу за присвоение национального богатства и государственной собственности, произошедшая в результате избранных технологий осуществления либерализации цен и приватизации государственного имущества, сопровождалась криминализацией экономических отношений и коррумпированием государственного аппарата. В условиях колоссального разрыва в доходности спекулятивных и производственных операций, достигавшего сотни и тысячи раз, энергия предприимчивых людей переключилась на освоение источников сверхприбыли в спекулятивном секторе. Наиболее высокодоходными оказались виды деятельности, связанные с приватизацией государственного имущества, установлением организационных монополий в торговле, эмиссией денежных суррогатов и сооружением финансовых пирамид.

Криминализация экономических отношений, коррупция, резкая дифференциация населения, переток общественного богатства в пользу организаторов финансовых пирамид и приватизация госсобственности закрепили деструктивные стереотипы предпринимательского поведения, ориентированного не на созидательную творческую деятельность, а на присвоение ранее созданного богатства. Была разорвана связь между добросовестным трудом, его квалификацией и общественной значимостью, с одной стороны, и величиной зарплаты, уровнем благосостояния и общественным статусом — с другой. Быстрое обогащение жуликов, мошенников, членов организованных преступных групп, коррумпированной части чиновничества, а также спекулянтов на фоне повального обнищания подавляющего большинства занятых общественно полезным производительным трудом деморализовало общество. Люди потеряли ориентиры в резко изменившейся жизненной среде, перестали доверять государству, утратили стимулы к добросовестному труду, повышению уровня культуры и квалификации.

Хотя реформаторы постоянно пытаются всех стричь под одну гребенку, представляя предпринимательское сословие однородным сообществом homo economicus, для общества вовсе небезразлично, каким способом в экономике образуются доходы. Если их главным источником является повышение эффективности производства под воздействием механизмов добросовестной конкуренции, то экономика развивается нормально, а большие доходы получают те, кто лучше работает. Но если рост личных доходов достигается путем присвоения чужого — будь то умыка-

ние доходов собственного предприятия или банальное завышение цен, — то экономика нормально развиваться не будет. Выгодно становится не работать, а воровать, не вкладывать в развитие предприятия, а наживаться на его разграблении.

Именно такая своеобразная «экономика присвоения» сложилась на постсоветском пространстве. В отличие от Китая, одновременно с нами начинавшего переход от административной экономики к рыночной, где формирование рыночных отношений происходило на основе созидательной предпринимательской инициативы в производстве новых общественно полезных благ, у нас они строились на основе перераспределения ранее созданных богатств. Соответственно отличаются и результаты: бурный рост производства в Китае (более чем в 20 раз за два десятилетия реформ) и резкое его падение (от полутора до трех раз) в первое десятилетие реформ во всех бывших советских республиках. Ломать, как говорится, не строить, а растаскивать — не созидать.

Идеология стяжательства — обогащения за счет присвоения чужого — пронизала всю структуру производственных и управленческих отношений на постсоветском пространстве. Вместо права и добросовестной конкуренции рынки регулируются монополиями и организованной преступностью. Вместо строгого исполнения закона бюрократия занимается вымогательством и поборами, укрепляя монопольное положение взяткодателей. Вместо работы в интересах общего блага государственная власть обслуживает олигархов, присваивающих львиную долю национального дохода.

«Экономика присвоения», сложившись в середине 1990-х годов, строится на потреблении производственных, человеческих и природных ресурсов страны. По мере ее воспроизводства эти ресурсы сокращаются, а кумулятивный вывоз капитала увеличивается, обрекая страну на деградацию. Целые отрасли экономики разорены до основания, а доходы от присвоения их имущества вывезены за рубеж. Гибель тысяч машиностроительных, сельскохозяйственных, текстильных и других выпускающих готовую продукцию предприятий нельзя объяснить их неконкурентоспособностью. Последняя зависит от менеджмента и государственного регулирования.

Причина быстрой деградации постсоветской экономики — отсутствие механизма ответственности руководителей предприятий за результаты их деятельности. В отличие от стран с давно сложившимися рыночными отношениями, в которых отработаны сложные механизмы контроля за менеджерами крупных предприятий со стороны акционеров, трудовых коллективов, правоохранительной системы, хозяева приватизированных предприятий были предоставлены сами себе. Отсутствие механизма ответственности захвативших контроль над предприятиями лиц перед

остальными участниками производственных отношений (миноритарными акционерами, трудовыми коллективами, государством) провоцировало их на разграбление предприятий в полном соответствии с мотивацией необремененного нравственными ценностями homo economicus.

«Экономике присвоения» соответствует сложившаяся в России структура производственных отношений. Ее характерная черта — сверхвысокая эксплуатация труда наемных работников, которая в несколько раз выше, чем в развитых странах, и, по-видимому, является сегодня самой высокой в мире. В то же время доходы российских олигархов, по совместительству руководящих крупными предприятиями, многократно превышают общепринятые в развитых странах стандарты оплаты труда высших менеджеров.

Сложившаяся в России структура распределения национального дохода соответствует отношениям классового антагонизма, типичным для капитализма XIX века. Она выглядит архаичной и нежизнеспособной на фоне экономики знаний XXI века с характерными для нее отношениями социального партнерства и сотрудничества. Нет ничего удивительного в том, что Россию покинули сотни тысяч высококвалифицированных специалистов и ученых. Их труд в «экономике присвоения» потерял не только цену, но и смысл.

«Экономика присвоения» влечет упрощение и примитивизацию производственных структур. Ориентация на присвоение доходов предприятий контролирующими их лицами губительно сказывается прежде всего на сложных видах деятельности, требующих долгосрочного планирования, высокой квалификации и сложной кооперации производства. Максимизация текущей прибыли, изымаемой недобросовестными собственниками из воспроизводственного цикла, достигается путем сокращения последнего за счет отсечения НИОКР и экономии расходов на создание новой техники и освоение новых технологий. В результате производство сложных видов продукции оказывается неконкурентоспособным, а предприятия, специализировавшиеся на ее изготовлении, перепрофилируются в ремонтные мастерские или вовсе прекращают существование. Квалифицированный труд становится ненужным, специалисты вынуждены мириться с резким снижением зарплаты или вообще оказываются на улице.

Анализ теоретических основ реформирования российской экономики свидетельствует об их несостоятельности с позиций как экономической теории, так и здравого смысла. Проводившаяся в соответствии с ними политика рыночного фундаментализма в корне противоречила национальным интересам страны. Фактически она была навязана извне в целях разрушения российской государственности и в интересах международного капитала. Но они совпали с интересами образовавшейся после

распада СССР властвующей элиты, стремившейся закрепить свое привилегированное положение у власти обладанием богатства и международным признанием. Главной преградой на этом пути было государство как система институтов, реализующих общественные и национальные интересы. Доктрина «Вашингтонского консенсуса» предоставила для его разрушения необходимые идеологические основания, облеченные в тогу «научно обоснованных» рекомендаций. Замещая полноценные институты государственной власти суррогатами колониальной администрации, формирующаяся олигархия приватизировала государственные функции и контроль за национальным богатством страны, используя для этого протекторат ведущих иностранных держав в обмен на отказ от национального суверенитета.

Еще одной привлекательной стороной политики шоковой терапии для нарождавшейся олигархии стало полное снятие ответственности власти за обеспечение благосостояния граждан и экономического развития. Все это согласно догматике рыночного фундаментализма должен был автоматически преподнести рынок. Для властвующей элиты, трансформировавшейся в олигархию, доктрина «Вашингтонского консенсуса», предусматривавшая демонтаж системы государственного контроля, создала возможность фактической приватизации основных функций государственного регулирования в целях извлечения сверхдоходов.

Заинтересованность формирующейся в России олигархии в собственном обогащении и позиции международных финансовых организаций, определявших экономическую политику российского правительства в соответствии с интересами международного капитала, совпали. Первые охотно взяли на себя функции проводников разрушительной для страны, но удивительно выгодной лично им политики. Вторые в рекордно быстрые сроки добились расчистки российского экономического пространства для международного капитала, полностью реализовав для себя задачи «либеральных реформ». Само формирование российской олигархии шло путем захвата ею государственной собственности для последующей перепродажи транснациональным корпорациям и международным спекулянтам под идеологическим прикрытием международных финансовых организаций и при активной политической поддержке руководства США и других государств НАТО.

Проводившаяся политика официально преподносилась как рыночная трансформация экономики, ее либерализация и стабилизация. Хотя она и повлекла экономическую катастрофу, для правящей олигархии эта политика оказалась удивительно успешной, обеспечив ей перераспределение в свою пользу огромного национального богатства. И в то же время она имела вполне респектабельное идеологическое обоснование, позволявшее искусно камуфлировать разграбление национального богатства,

узурпацию власти, подавление прав человека и геноцид основной части населения страны под прогрессивную экономическую реформу и демократические преобразования.

Таким образом, причина выбора псевдонаучной доктрины «Вашингтонского консенсуса» в качестве идеологической основы для проведения экономической реформы связана не с ее истинностью или приверженностью ее проводников демократическим ценностям, а с банальным удобством этой доктрины для обслуживания интересов сформировавшейся в России за годы «реформ» правящей олигархии, с одной стороны, и заинтересованностью международного капитала в ее проведении — с другой. Декларируя необходимость самоустранения государства от регулирования экономики и социальной ответственности, сводя его функции к защите прав частной собственности и регулированию денежной массы, доктрина «Вашингтонского консенсуса» стала подходящим идеологическим обоснованием для реальной практики использования рычагов государственной власти в целях присвоения в частных интересах влиятельных кланов не только государственной собственности, но и государственных функций регулирования денежного обращения и денежной эмиссии, недропользования, оборота недвижимости и даже контроля за соблюдением законодательства. Сами эти кланы стали интернациональными, в которых интересы российских влиятельных кругов тесно переплелись с интересами международных финансовых спекулянтов и транснациональных корпораций. Первые в этом симбиозе взаимных экономических интересов с выгодой для себя фактически выполняют роль моста для вторых, обеспечивающего передачу контроля над национальными богатствами страны международному капиталу. Неудивительно, что последний сразу же занял доминирующее положение на рынке акций российских приватизированных предприятий — естественным продолжением хищнической приватизации в пользу ее организаторов и мошенников стала перепродажа российских предприятий их зарубежным конкурентам.

Переход к рыночной экономике в России завершается при доминировании неоклассической парадигмы в умах правительственных экономистов, твердой вере властвующей элиты в золотого тельца и свою непогрешимость и глубоком разочаровании обедневшего народа в сложившемся общественном устройстве, при котором деньги решают все. Едва ли при таком состоянии общественного сознания можно рассчитывать на успешное развитие страны. Несмотря на видимое благополучие макроэкономических показателей, продолжается глубокая деградация человеческого и научно-производственного потенциалов, ухудшается здоровье нации, растет социальное неравенство. На фоне самолюбования властвующей элиты, не устающей проводить бесконечные съезды побе-

дителей, все более остро встает вопрос о бессмысленности сложившейся политэкономической системы для большинства трудящегося населения. Это лишенное собственности большинство не имеет шансов вырваться из бедности даже при сверхнапряжении своих интеллектуальных, физических и душевных сил.

3.5. Отторжение реформы национальной культурой хозяйствования

Соответствующий российской мировоззренческой традиции духовный стержень экономического поведения принципиально отличается как от либеральной доктрины, так и от ее криминализированного воплощения в современной российской действительности. Русская духовная традиция наполнена содержательным смыслом, важнейшими составляющими которого являются созидательная деятельность на общее благо, воплощение принципов правды и справедливости. Привнесенная из-за рубежа доктрина вульгарного либерализма в корне этой традиции противоречит. Общество не приемлет как воровские способы обогащения, так и издевательски низкую оплату труда, олигархическую вакханалию приближенных к власти лиц на фоне массовой бедности трудящегося населения. Этим во многом объясняется неприятие подавляющим большинством российского народа ультралиберальных реформ, которые легализовали аморальные и в значительной части преступные формы обогащения за счет присвоения чужого. Подавляющее большинство российских граждан отказались от билета в «рыночный рай», продав за бесценок приватизационные ваучеры и не соблазнившись на посулы «народного» капитализма. Они это сделали не по недомыслию, а по неприятию предложенных либеральными реформаторами способов обогащения за счет присвоения государственного имущества, которые вошли в вопиющее противоречие с общепринятыми нравственными ценностями.

Реализованная на основе доктрины «Вашингтонского консенсуса» программа шоковой терапии перехода к рынку не могла не вызвать отторжения, так как по своему смыслу противоречила фундаментальным ценностям сложившейся в стране культуры хозяйствования. Бесплатная приватизация, сопровождавшаяся крупномасштабным расхищением государственного имущества, вошла в конфликт с базовыми для русской культуры ценностями социальной справедливости и воспитанным в советский период стереотипом фундаментального значения труда как основного источника легитимного дохода. Либерализация цен, быстро перешедшая в галопирующую инфляцию, разорвала связь между трудом и доходом, повлекла обесценение трудовых сбережений, с одной сторо-

ны, и сказочное обогащение спекулянтов, с другой стороны. Отказ государства от выполнения своих социальных обязательств и его подчинение интересам компрадорской олигархии окончательно сломал привычные представления добропорядочных граждан о целесообразных формах экономической деятельности и общественного устройства.

Следствием диссонанса укорененной в общественном сознании духовной традиции и повседневной практики стали эпидемии социально обусловленных болезней, включая повальное пьянство и наркоманию, резкое падение продолжительности жизни, аномально высокий уровень преступности и психических расстройств.

Неприятие реформ большинством граждан привело к резкому падению экономической активности населения. Вследствие многократного снижения зарплаты на большинстве приватизированных предприятий трудовая деятельность потеряла смысл. Индивидуальным предпринимательством занялось относительно небольшое число граждан, которое не изменилось существенным образом с начала 1990-х годов. Большинство же населения, потеряв право на общенародную собственность, на труд и на социальные гарантии, лишившись сбережений, оказалось в нищете. Дестабилизация ранее устойчивых трудовых, производственных и распределительных отношений, обесценение сбережений и квалификации, переход от планируемого порядка к нерегулируемому хаосу обернулись утратой жизненных ориентиров у законопослушного населения. И наоборот, для преступников и авантюристов, привыкших жить в конфликте с государством, крах последнего создал уникальные возможности быстрого и легкого обогащения. Успех аферистов и мошенников на фоне разорения страны и обеднения большинства населения сформировал в общественном мнении устойчивое ощущение несправедливости и незаконности проводившихся преобразований и, следовательно, нелегитимности их результатов. Отсюда — постоянное ожидание восстановления справедливости при усугублении ощущения неопределенности будущего.

Отторжение либеральных реформ народным сознанием нельзя списать ни на необразованность населения, ни на лень, ни на рудименты советского мышления. Причины гораздо глубже — методы проведения реформ оказались неприемлемыми для морально-нравственных ценностей, определяющих народное сознание. Принцип радикальных реформаторов — цель (разрушение социалистического строя) оправдывает средства (разграбление государственного имущества) — вызвал отторжение у подавляющего большинства советских граждан, которые воспринимали реформаторов как преступников и узурпаторов.

Как справедливо пишет А.И. Субетто, «русский человек не может жить без идеала [91]. Стремление к идеалу пронизывает духовную жизнь и эко-

номическое поведение русского человека на протяжении всего последнего тысячелетия, оно входит в основания культуры, определяет особенности русской духовности и, соответственно, культурно-исторического архетипа». Историческая логика российской цивилизации является, по его мнению, общинной логикой. «В цивилизационном плане, — отмечает этот исследователь, — общинность приобретает смысл кооперированности, коммунитарности, соборности как некоего синергирующего единства общества и человека». При этом чувство долга в русской культуре доминирует над стремлением к личной выгоде. Как считает социолог П.И. Смирнов, в российской цивилизации действует принцип жертвенности поведения служителя, дисциплины и долга как инструментальных ценностей служебной деятельности.

Причины, породившие специфические нравственные ориентиры русского типа хозяйствования, сложились в течение веков и до сих пор являются предметом острых дискуссий. Многие связывают их с холодным климатом, обусловившим втрое большие энергозатраты на единицу производимой продукции, чем в Европе. Другим часто упоминаемым фактором является обширность территории, постоянно подвергавшейся атакам извне, сохранение и обустройство которой требовало постоянной мобилизации ресурсов. Так или иначе, под влиянием множества обстоятельств выживания русского народа сформировался стереотип поведения русского человека, который «всегда государственник, человек, исполняющий долг перед землей». Смысл жизни личности в России никогда не исчерпывался индивидуальным эгоизмом, наживой или прибылью для себя, для личного обогащения. Русский человек — общинный человек, коллективистский, для которого характерна «альтруистическая любовь» (по П. Сорокину), «всечеловечность» (по Ф.М. Достоевскому), «всемирная отзывчивость» (по Вл. Соловьеву). Характерный для русской культуры и для экономического поведения русского человека примат духовного начала над материальным А.И. Субетто называет «цивилизационным социализмом». Иными словами, солидарный труд и солидарная ответственность составляют основу идеологии хозяйствования, сложившейся в России в течение тысячи лет. «Россия как «цивилизация правды» есть «трудовая цивилизация». Труд как ценность высочайшего уровня определяет ядро духовной субстанции России», — считает А.И. Субетто.

Социалистическая эпоха внесла существенные изменения в стереотипы хозяйственного поведения, исказив многие ценности. Несмотря на провозглашение труда высшей ценностью, правом и обязанностью каждого гражданина в советскую эпоху, формально-бюрократический подход к организации труда не мог не вызвать его отчуждения. Вопреки официальной пропаганде труда как высшей ценности многие советские граждане рассматривали труд как вынужденную необходимость, часто

лишенную смысла. Всеобщее огосударствление хозяйства провоцировало безответственность и безразличие работника к результатам своего труда, ценность которого определялась формальными показателями. Нарастающее несоответствие между целесообразностью и реальностью вызывало у людей недоверие к государству, порождая нигилизм, цинизм и пессимизм.

В то же время традиционное отношение к хозяйственной деятельности как к средству достижения более высоких целей, чем личное обогащение, в советское время укрепилось, получив реальное воплощение в грандиозном проекте построения мировой социалистической системы. Планирование развития народного хозяйства велось в натурально-вещественном, а не стоимостном измерении, приоритеты развития имели четко выраженный содержательный смысл.

Идеологизация хозяйственной деятельности (ценной не в смысле зарабатывания прибыли, а как средства достижения более высоких целей) дала основу для долгосрочного целеполагания и планирования развития хозяйства. Благодаря этому Россия совершала необъяснимые с точки зрения неоклассической теории рыночного равновесия рывки — из отсталости к передовым рубежам развития человечества, возрождаясь после сокрушительных катастроф. Для русского сознания привычен мобилизационный тип хозяйства, предполагающий максимальное напряжение сил для достижения надэкономических целей. Многие знатоки русской культуры совершенно справедливо критиковали либеральную утопию исходя из того, что привычный для западноевропейского сознания стереотип личного благополучия не создает должной экономической мотивации для русского человека.

В последние десятилетия существования СССР многие ценности подверглись эрозии под влиянием стереотипов потребительского общества. Унизительные очереди за приобретением товаров первой необходимости, ощущение незаслуженного отставания по уровню потребления от развитых капиталистических стран провоцировали недовольство людей, дискредитировали коммунистическую идеологию и «приземляли» мотивацию граждан на потребительскую почву. Это недовольство адресовалось государству — большинство населения связывало неудовлетворение своим уровнем потребления не с низкой производительностью труда, а с несправедливостью системы распределения потребительских благ и неэффективностью народного хозяйства. Поэтому и к реформам относились не как к средству расширения личных возможностей зарабатывать деньги, а как к способу повышения всеобщего благосостояния, которое по-прежнему должно было обеспечить государство.

Крах социалистической системы хозяйствования был обусловлен чрезмерной бюрократизацией хозяйственных отношений, подавлявшей

творческую энергию граждан, которая в эпоху научно-технической революции стала главным двигателем экономического роста. Но само по себе падение бюрократических оков не гарантировало направление этой энергии в созидательное русло. Нужно было ее организовать в целесообразных формах хозяйственной деятельности, соответствующих общепризнанным нравственным нормам.

К сожалению, высвободившаяся предпринимательская энергия людей не была направлена в конструктивное русло производства общественно полезных благ или достижения социально значимых целей и образовала питательную среду для организованной преступности. Отказавшись от общенациональной идеологии и заменив ее вседозволенностью, разрешив обогащение за счет присвоения общенациональных богатств, государственная власть потеряла функции целеполагания и коррумпировалась, став соучастницей разграбления страны. Сращивание коррумпированного чиновничества и организованной преступности породило враждебную обществу властвующую олигархию, наживающуюся на присвоении национального богатства и эксплуатации лишенного прав собственности народа. Само общество, оказавшись в ситуации системной трансформации и утратив устойчивые ориентиры, подверглось явным и скрытым манипуляциям.

Из данного обзора видна очевидная специфика российской культуры хозяйствования, которую необходимо учитывать при планировании экономической политики. Она может быть успешной только при условии соответствия вековым ценностям и стереотипам хозяйственного поведения. И наоборот, в случае их несоответствия общество отторгает навязываемые модели хозяйствования и неадекватно реагирует на принимаемые государством решения. При этом, как свидетельствует исторический опыт, существует определенный предел допустимого несоответствия проводимой политики и глубинных ценностей народного мировоззрения, выход за который чреват революционными катастрофами.

Поскольку система социально-экономических отношений, сложившаяся в результате радикальных реформ, противоречит фундаментальным нравственным ценностям русской культуры хозяйствования, она не способна созидательно использовать творческую энергию народных масс. Наоборот, она ее подавляет, что ведет к деградации человеческого потенциала, разрушению производительных сил общества. Это предопределяет неэффективность проводимой экономической политики, которая в условиях современного научно-технического прогресса оказывается неспособной задействовать имеющийся производственный и интеллектуальный потенциал.

В криминализации и деградации культуры хозяйствования заключаются фундаментальные причины резкого падения конкурентоспособ-

ности российской экономики. Действительно, если целесообразная хозяйственная деятельность предполагает не повышение эффективности производства и качественное удовлетворение общественных потребностей, а разграбление предприятий, обман партнеров и ликвидацию конкурентов, то о каком экономическом развитии может идти речь? Неудивительно, что вместо него уже на протяжении двух десятилетий мы наблюдаем проедание оставшихся от СССР основных фондов, нарастающий вывоз капитала, эмиграцию не находящих применения своим силам специалистов, беспощадную эксплуатацию природного и человеческого потенциала страны криминализированными структурами.

В результате радикальных реформ в российской экономике сложилась крайне неэффективная система хозяйствования, неадекватная как современным закономерностям экономического роста, так и ценностно-смысловым мотивам и стереотипам поведения подавляющего большинства населения. Эта система хозяйствования ориентировала предпринимателей не на созидательную общественно полезную деятельность, а на присвоение чужого, провоцируя бесконечную «войну всех против всех». Она дискредитировала традиционные нравственные ценности и провоцировала криминализацию хозяйственной деятельности. Она подавляла творческую энергию граждан, вызывала их отчуждение от государства, влекла разрушение научно-производственного потенциала и деградацию человеческого потенциала страны, снижение конкурентоспособности национальной экономики.

Раздел 2

УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Банкротство российского государства в августе 1998 года и очередной удар по народному благосостоянию, разорение множества едва вставших на ноги предпринимателей, резкое падение международного рейтинга России создали огромные риски для ельцинского олигархического режима. Он не только утратил остатки легитимности в общественном мнении, но и стал враждебно восприниматься наиболее активной частью общества, а также потерял поддержку «кинутого» олигархами западного капитала. У Ельцина не оставалось иного выбора, кроме смены обанкротившегося ультралиберального правительства Кириенко и призыва во власть прагматичных технократов во главе с опытными управленцами. За короткий срок правительство Примакова и Маслюкова сумело не только стабилизировать макроэкономическую ситуацию, но и стимулировать мощный рост производства. Но восстановив экспортные пошлины на вывоз нефти и ряда других сырьевых товаров и отобрав тем самым часть природной ренты у олигархов в пользу государства, приняв меры по пресечению вывоза капитала, приступив к реальной антимонопольной политике и заявив о намерениях начать борьбу с организованной преступностью и коррупцией, это правительство вошло в антагонистическое противоречие с олигархическими кланами, контролировавшими президентскую среду обитания. Оно было отправлено в отставку, а созданные им институты поддержки экономического роста вскоре демонтированы.

После ухода Б.Н. Ельцина у России возник шанс на переход к долгосрочной системной разумной политике социально-экономического развития, ориентированной на общественные интересы. Первые шаги нового главы государства по восстановлению вертикали исполнительной власти, возвращению законодательства субъектов Федерации в конституционное поле, подчинению олигархов своей политической воле вызвали большие надежды. Начавшийся в это же время бурный рост цен на нефть и другие товары российского экспорта предоставил в распоряжение государства огромные ресурсы в виде многократно возросших валютных доходов, которые можно было бы использовать для решения перезревших социально-экономических проблем, модернизации экономики и вывода ее на траекторию быстрого и устойчивого экономического роста.

За постдефолтное десятилетие в России произошло значительное улучшение основных показателей социально-экономического развития (рис. 1).

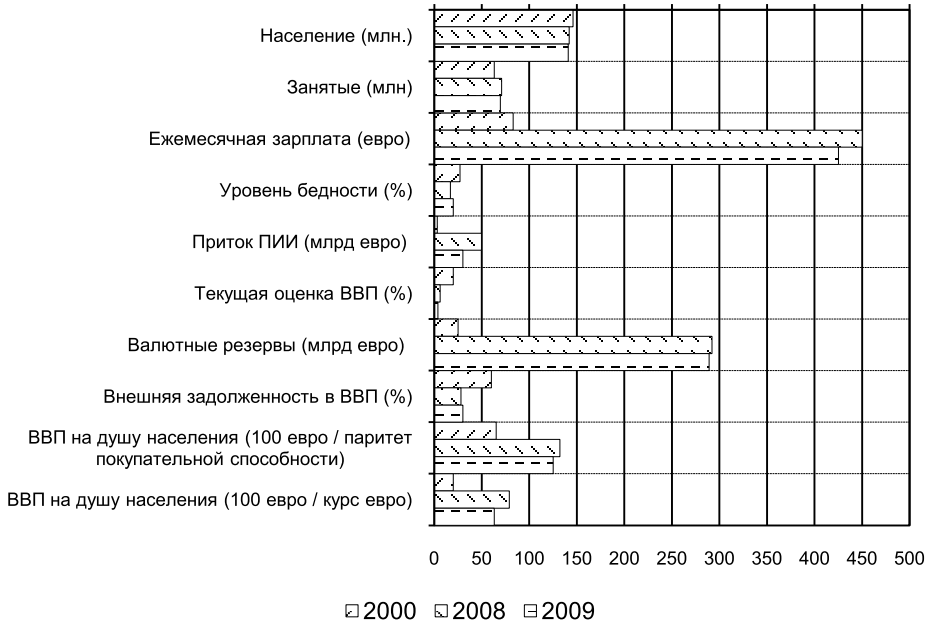

Рис. 1. Изменение некоторых экономических показателей в 2000–2009 гг.

Источник: European Energy Security In View of Russian Economic and Integration Prospects, Research Reports 362, Wiener Institut für Internationale Wirtschaftsvergleiche, May 2010.

Вдвое вырос уровень экономического развития, измеряемый ВВП на душу населения по паритету покупательной способности национальной валюты. В пересчете на официальный курс это увеличение составило более чем трехкратную величину, столь же стремительно выросла средняя зарплата. В полтора раза снизился уровень бедности и существенно увеличилась численность занятых. Россия избавилась от бремени запредельного внешнего государственного долга. При этом многократно возросли валютные резервы и прямые иностранные инвестиции.

После продолжительного падения реальных доходов населения темпы их прироста, основанные на быстром росте реальной заработной платы, приобрели устойчивые высокие положительные значения (рис. 2).

При этом удалось удержать инфляцию на умеренном уровне — впервые за годы реформ она снизилась до однозначной величины. Оживление конечного спроса подтолкнуло рост производства и инвестиций. Последние, после чудовищного сжатия в 1990-е годы, стали быстро расти с темпом более 10% в год (рис. 3, 4).

Многим апологетам власти казалось, что наступило экономическое чудо. При этом достижение высоких показателей роста экономики и доходов населения приписывалось проводившейся экономической политике, а значение бурного роста мировых цен на сырьевые товары

российского экспорта недооценивалось. Переоценивалась также устойчивость роста российского финансового рынка, который оптимистам казался островом стабильности в бушующем океане глобальных финансовых спекуляций.

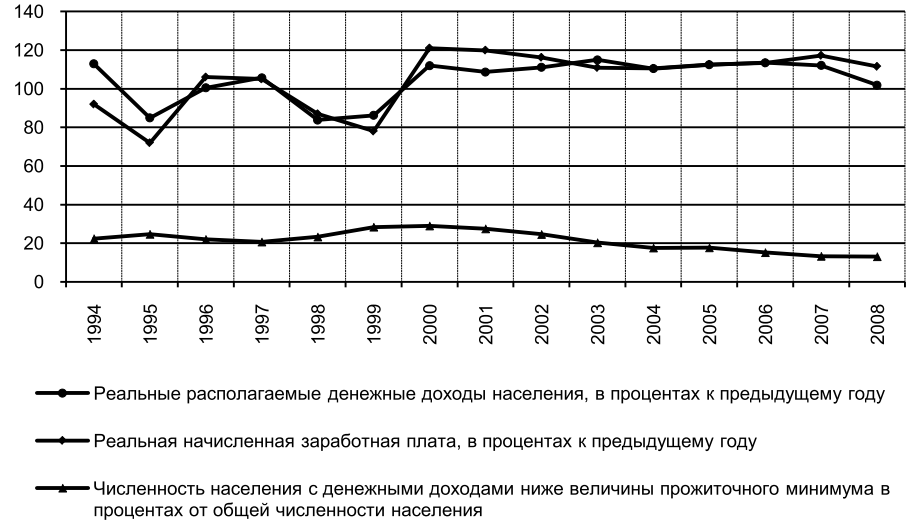

Рис. 2. Реальная начисленная заработная плата и реальные располагаемые денежные доходы населения.

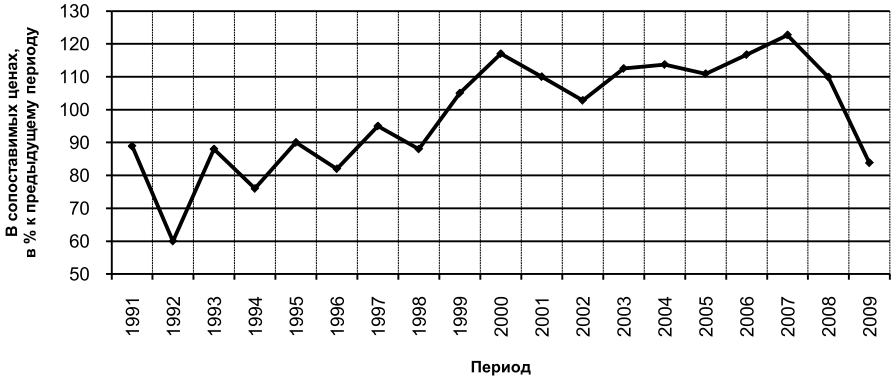

Рис. 3. Инвестиции в основной капитал.
Источники: Госкомстат России, Росстат.

В действительности хорошие формальные макроэкономические показатели скрывали серьезные диспропорции, продолжавшие накапливаться в российской экономике. Резко ухудшилась структура внешней торговли, которая приобрела ярко выраженный колониальный характер с доминированием сырьевых товаров в экспорте и готовых изделий в импорте. Углубились деформации в структуре промышлен-

ного производства, в которой продолжали доминировать топливно-энергетический и химико-металлургический комплексы при низкой доле машиностроения. Рост общего объема промышленного производства намного отставал в эти годы от роста сферы услуг (см. рис. 5) — фактически продолжалась деиндустриализация российской экономики, объясняющаяся не столько переходом к постиндустриальной фазе развития, сколько продолжением тенденций ее деградации и сжатия высокотехнологического сектора.

Рис. 4. Индексы потребительских цен на товары и услуги населению.
Источник: Банк России.

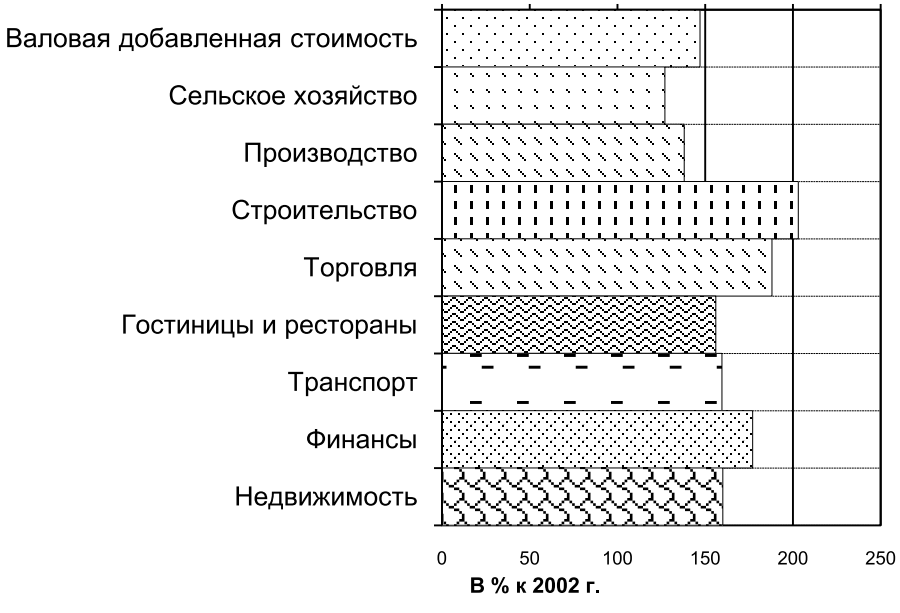

Рис. 5. Экономический рост по секторам в 2002 — 2008 гг.

Источник: European Energy Security In View of Russian Economic and Integration Prospects, Research Reports 362, Wiener Institut für Internationale Wirtschaftsvergleiche, May 2010.

Вплоть до середины десятилетия продолжался и отток капитала, сменившийся за два года до глобального финансового кризиса бурным притоком иностранного спекулятивного капитала, уход которого с российского рынка в первые же месяцы кризиса вызвал его обрушение и глубокое расстройство всей финансовой системы (рис. 6).

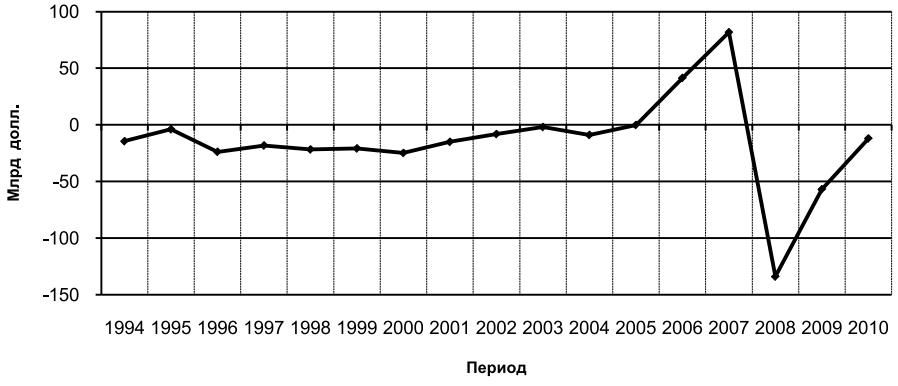

Рис. 6. Чистый ввоз/вывоз капитала частным сектором.
Источник: Банк России.

С наступлением глобального кризиса, который для России оказался наиболее глубоким и болезненным из всей «двадцатки» ведущих стран мира, грубые просчеты в экономической политике государства и ошибочная политика денежных властей стали очевидными. Они не позволили использовать благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру для модернизации российской экономики на основе передовых технологий и вывода ее на траекторию устойчивого социально-экономического развития. Природная рента, формирующаяся за счет экспорта энергоносителей и сырьевых товаров в объеме до 60 млрд долларов в год, была использована не для реализации и развития научно-производственного потенциала, а для погашения внешнего долга и накопления Стабилизационного фонда. При этом российская экономика осталась недомонетизированной, объем инвестиций застыл на уровне 1/3 от минимально необходимого для обеспечения простого воспроизводства, социальные обязательства государства недофинансировались вдвое, а расходы на науку и стимулирование НТП оставались на порядок ниже дореформенного уровня.

Кризисное сокращение экономической активности наиболее глубоко задело высокотехнологические отрасли и отбросило российскую экономику по уровню экономического развития на несколько лет назад. С коллапсом финансового рынка развеялись и иллюзии в отношении российского экономического чуда. Фактически первое десятилетие нового века оказалось десятилетием упущенных возможностей модернизации и раз-

вития российской экономики. В новое десятилетие, которое обещает быть десятилетием преодоления глобального кризиса и выхода мировой экономики на новую длинную волну экономического роста на основе нового технологического уклада, Россия входит еще более ослабленной с деградировавшей промышленностью, парализованным научно-техническим потенциалом и недоразвитой финансовой системой.

Глава 4
Новые возможности и старые ошибки

После чудовищного разорения экономики, закончившегося банкротством российского государства в августе 1998 года, у страны возникало несколько возможностей перехода на инновационный путь развития и проведения политики экономического роста. Первая появилась после банкротства паразитической финансовой системы и трехкратной девальвации рубля, когда структура экономических оценок в российской экономике пришла в соответствие с ее конкурентоспособностью. Существенно улучшилась ценовая конкурентоспособность российских товаров, поднялась рентабельность обрабатывающей промышленности, для многих высокотехнологических предприятий стали доступны кредиты. Сложились условия для восстановительного экономического роста.

Вторая возможность появилась с ростом цен на нефть и другие традиционные товары российского экспорта. Резкий рост валютных поступлений позволил выйти из долговой ловушки и создал условия для увеличения конечного спроса и роста инвестиционной активности. Значительная часть из простаивавших мощностей промышленности могла быть вовлечена в производство в случае улучшения финансового положения предприятий. По различным оценкам, возможности роста производства на существующих мощностях составляли в начале нынешнего десятилетия не менее 35–40%. Но в силу нарастающего износа и старения основных фондов нужны были инвестиции в их модернизацию на новой технологической основе.

Однако, несмотря на улучшение экономической конъюнктуры, инвестиционная активность большинства производственных предприятий выродилась до уровня минимальных технологических нужд предприятий. Удельный вес долгосрочных вложений в общем объеме финансовых вложений предприятий составлял около 20%.

Реализация благоприятных внешних условий для развития российской экономики требовала кардинального изменения экономической политики. Рыночные фундаменталисты не могли предложить ничего, кроме

привлечения иностранных кредитов в период кризиса и вывоза капитала в период нефтяного бума. Первое означало бы в условиях банкротства российского государства колонизацию его экономики иностранным капиталом. Второе лишало ее уникальных возможностей для кардинального подъема инвестиционной активности и перехода на инновационный путь развития.

Резкий рост внешнеторговых доходов благодаря скачку цен на нефть и газ не был использован должным образом для модернизации и подъема российской экономики. Основная часть нефтедолларов осталась за рубежом, при этом главным экспортером капитала из задыхавшейся от недостатка инвестиций экономики стало само государство. По рекомендациям из Вашингтона сверхдоходы от экспорта нефти и газа были отделены от остальных в так называемый «нефтяной бюджет», значительная часть которого направлялась на финансирование долговой пирамиды США в форме инвестиций из финансировавшегося за счет профицита бюджета Стабилизационного фонда. При этом уровень государственных расходов на науку, образование, здравоохранение, стимулирование инвестиций и другие цели развития оставался в 2–3 раза ниже среднемировых параметров. Государство хоть и научилось изымать природную ренту в форме экспортных пошлин и налога на добычу полезных ископаемых, потратить их на цели социально-экономического развития так и не решилось, не использовав шанс на опережающее развитие в условиях надвигающегося глобального кризиса.

Как справедливо указывает академик Аганбегян в [1], «за 10 лет мощного экономического подъема, когда только по экспорту с 2000 по 2008 год в страну пришло более 2 трлн долларов, из которых 1,5 трлн долларов являлись как бы «подарком» от повышения нефтяных и других экспортных цен, мы не решили ни одной стратегической задачи.

— Не провели диверсификацию экономики и не развили отрасли по производству готовой, а тем более инновационной продукции.

— Не создали, в отличие от Казахстана, например, фондов «длинных» денег, в том числе не решили давно перезревшие пенсионные проблемы и снизили средний размер пенсии до 25% к средней зарплате (а было ведь 35%), вместо того чтобы повысить размер пенсии хотя бы до 50% среднего заработка.

— Не только не увеличили, а даже сократили строительство современных автомобильных дорог и очень мало продвинулись в создании современной инфраструктуры, вкладывая туда меньше средств, чем другие страны (по доле этого направления в инвестициях), хотя должны были бы действовать наоборот.

— Не смогли в области жилищного строительства даже в 2008 году достичь уровня строительства жилья в советской России 20 лет назад

(60 и 78 млн кв. м ввода общей площади жилья). А ведь удалось превзойти докризисные показатели по уровню экономического развития (108%) и тем более по уровню реальных доходов населения (130%).

— Не решили проблемы экономической безопасности нашей страны и по-прежнему в решающей мере зависим от Запада по импорту продовольствия, машин и оборудования, по привлечению инвестиций и многому другому.

— В отличие от большинства развивающихся стран, которые повысили свою норму инвестиций в среднем до 35%, в отличие от Казахстана, который уже увеличил свою норму инвестиций до 30%, Россия как была, так и осталась страной с самой низкой нормой инвестиций — около 20%, что вдвое ниже, чем эта норма была в советской России».

Ученые, профессионально занимающиеся вопросами НТП и экономического роста, загодя прогнозировали глобальный экономический кризис, своевременно предлагая упреждающие меры. Ниже будет показано, что этот кризис стал закономерным проявлением длинных волн экономической конъюнктуры, обусловленных периодическим процессом замещения технологических укладов. В это время для отстающих стран открываются возможности опережающего развития на основе своевременного освоения ключевых факторов нового технологического уклада. Все еще обладая мощным научно-техническим потенциалом, Россия могла бы воспользоваться этими возможностями, активизировав его на траекториях роста нового технологического уклада. К сожалению, этого не было сделано ни в предкризисный период, ни в рамках срочных антикризисных мер. Сотни миллиардов долларов и триллионы рублей были растрачены на стабилизацию бесперспективной и невыгодной России системы внешнеэкономического обмена на фоне ее все более глубокого втягивания в ловушку сырьевой специализации.

В настоящем разделе анализируются результаты экономической политики, проводившейся в России в период после российского финансового кризиса 1998 года до глобального финансового кризиса 2008 года. Этот период характеризовался весьма благоприятной для российской экономики внешнеторговой конъюнктурой, которая могла быть использована для исправления сложившихся в результате радикальных реформ диспропорций и восстановления механизмов расширенного воспроизводства экономики. Однако российская властвующая элита не смогла реализовать имевшиеся возможности подъема российской экономики вследствие своей зашоренности догмами рыночного фундаментализма.

Несмотря на явное банкротство неолиберальной утопии к концу 1990-х годов, лежащая в ее основе политика рыночного фундаментализма была возобновлена и продолжена сразу же после стабилизации экономики в короткий период работы правительства Примакова. В результате были

упущены возможности формирования институтов экономического развития и становления новых производственно-технологических структур, которые могли бы вывести российскую экономику на траекторию опережающего роста в условиях наступившего мирового кризиса.

Короткий период с осени 1998 до лета 1999 года стал единственным эпизодом проведения прагматичной экономической политики исходя из научно обоснованных рекомендаций. Ее поразительные результаты стали убедительным подтверждением справедливости критики политики рыночного фундаментализма и наглядным примером возможности российского экономического чуда при разумной государственной политике.

4.1. Восстановление экономики после финансового краха 1998 года

Финансовая катастрофа в августе 1998 года грозила перерасти в очередной системный кризис российской экономики. Падение ВВП в сентябре достигло 10%, спад промышленного производства — 14,5%. Инфляция в сентябре превысила 38%, страна вновь оказалась на пороге гиперинфляции. Паралич банковской системы привел к тому, что в первой половине сентября практически не осуществлялись платежи. Некоторые железные дороги прекратили перевозку грузов. Реальные доходы населения упали на 25%, опустившись до уровня января 1992 года.

В этих условиях продолжавший консультировать российское правительство МВФ предложил ужесточить денежную политику, ограничить эмиссию и взвинтить процентные ставки в целях быстрого снижения инфляции. Следование этому пути означало бы окончательное разорение отечественной экономики и ее быструю колонизацию иностранным капиталом.

Правительство Примакова, призванное к управлению экономикой страны после банкротства государства осенью 1998 года, избрало противоположный путь. Удержало низкие процентные ставки, произвело централизованно взаимозачет образовавшихся долгов и прибегло к эмиссии денег на стабилизацию банковской системы. Важным элементом антикризисной программы стало фактическое замораживание цен на энергоносители и услуги естественных монополий.

Экономическая политика правительства Примакова, основывалась на трех предпосылках. Во-первых, были введены жесткие меры по пресечению вывоза капитала: ограничена валютная позиция коммерческих банков, заработали механизмы валютного контроля. Во-вторых, прави-

тельство решительно пресекло попытки монополистов взвинтить цены, включая цены на нефть, газ, металлы, а также транспортные тарифы. Тем самым удалось остановить раскручивание инфляционной спирали после трехкратной девальвации рубля. В-третьих, денежные власти проводили гибкую политику денежного предложения, сохраняя относительно низкую ставку рефинансирования, которая оставалась ниже уровня инфляции. Одновременно начали организовываться механизмы кредитования производственных предприятий посредством рефинансирования коммерческих банков под их обязательства. К концу сентября была восстановлена система платежей.

Помимо нормализации расчетов и восстановления пороговой ликвидности банковской системы правительство и Центробанк качественно укрепили валютно-экспортный и финансовый контроль, что позволило избежать масштабного бегства капитала. При этом правительство отказалось от таких жестких мер, как отключения неплательщиков за услуги естественных монополий, уплата НДС по отгрузке, проведение жилищно-коммунальной реформы и т.д. Разрешение продавать продукцию ниже себестоимости высвободило рыночные механизмы, качественно облегчило положение предприятий, затормозило рост неплатежей.

В рамках стабилизации уровня жизни населения были повышены тарифные ставки, проведена частичная индексация пенсий, введены государственное регулирование цен на лекарства и уголовная ответственность руководителей за задержку заработной платы и иных выплат населению свыше двух месяцев.

В целях преодоления бюджетного кризиса на ряд товарных групп в соответствии с улучшением международной конъюнктуры были вновь введены вывозные таможенные пошлины. Значительная часть природной ренты от экспортируемых углеводородов и других сырьевых товаров вернулась в доход государства. Было организовано ведение единого реестра налогоплательщиков. Неотъемлемым элементом оздоровления экономики стала декриминализация крупных компаний, начатая на ВАЗе и в Новороссийском морском порту.

Благодаря принятым мерам началось последовательное восстановление объемов производства. Если в сентябре спад производства по отношению к соответствующему периоду прошлого года составил 14,5% , то в октябре — 11, в ноябре — 9, в декабре — 6,6%. В целом за 1998 год спад удержан на уровне 5,4%. В январе 1999 года он был сокращен до 4,9, в феврале — до 3,7%, а с марта был восстановлен докризисный уровень производства и осуществлен переход к устойчивому промышленному росту.

Важнейшей предпосылкой оживления производства стала трехкратная девальвация рубля, повысившая ценовую конкурентоспособность

отечественных товаропроизводителей. Они стали заполнять внутренний рынок, замещая резко сократившийся импорт — с 72 млрд долларов в 1997 году до 58 млрд долларов в 1998-м и 40 млрд долларов в 1999 году. За счет импортозамещения прирост производства в отраслях обрабатывающей промышленности составил от 15 до 20%. Наряду со снижением импорта девальвация рубля способствовала увеличению экспорта.

По итогам января — июля ожидалось отрицательное сальдо внешней торговли (импорт должен был превысить экспорт не менее чем на 2 млрд долларов). Однако в 1998 году положительное сальдо составило 14,4 млрд долларов по сравнению с 14,8 млрд в 1997 году. В январе — феврале 1998 года положительное сальдо внешней торговли составило 3,8 млрд долларов по сравнению с 0,1 млрд долларов в январе — феврале 1998 года. В 1999 году в целом оно ожидалось на уровне 17,5 млрд долларов.

Благодаря нормализации торгового баланса был стабилизирован и начал последовательно расти обменный курс рубля. При этом золотовалютные резервы Центробанка устойчиво росли, достигнув 11,6 млрд долларов. Их величина превысила месячный импорт в четыре раза, что считается достаточным уровнем обеспечения валютно-финансовой безопасности.

Начавшийся рост производства обеспечил связывание денежной массы и снижение инфляции, несмотря на увеличение эмиссии. Вопреки заклинаниям монетаристов, пугавших гиперинфляцией, резкое увеличение денежной эмиссии в целях ремонетизации экономики повлекло не только оживление производства, но и снижение инфляции вследствие рассасывания неплатежей (рис. 7).

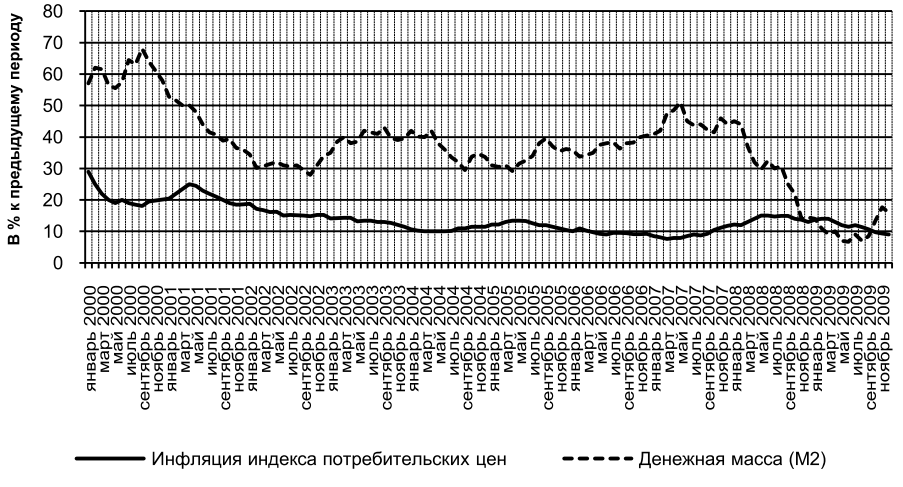

Рис. 7. Инфляция потребительских цен и денежная масса (М2).

Источник: European Energy Security In View of Russian Economic and Integration Prospects, Research Reports 362, Wiener Institut für Internationale Wirtschaftsvergleiche, May 2010.

По сути, денежные власти восстановили приемлемый уровень монетизации экономики после ее последовательной демонетизации, проводившейся их предшественниками. Благодаря этому существенно повысился уровень монетизации расчетов. В феврале 1999 года доля продукции крупнейших налогоплательщиков, оплаченной денежными средствами, составила 48,9% по сравнению с 43,4% за декабрь 1998 года и 40,3% в среднем за вторую половину 1998 года. Во многом благодаря этому доля убыточных предприятий снижена с 46,8% в январе и 51,5% в сентябре 1998 года до 39,3% в январе и 38,9% в феврале 1999 года.

Восстановление системы расчетов наряду с укреплением налогового администрирования наполнило бюджет и смягчило бюджетный кризис. Так, денежные налоговые доходы, в августе и сентябре составлявшие около 15,5 млрд рублей, к декабрю выросли до 24,7 млрд рублей. В январе и феврале было получено по 26,8 млрд рублей, а в марте — 33,8 млрд рублей.

Смягчение бюджетного кризиса и нормализация расчетов позволили погасить долги федерального и региональных бюджетов по зарплате [65]. Главный результат деятельности кабинета Евгения Примакова заключается в том, что впервые за все годы реформ в России начался устойчивый рост объемов промышленного производства, которые за полгода работы этого правительства выросли на 24%. Заметим, что деятельность предшествовавшего ему правительства рыночных фундаменталистов во главе с Кириенко примерно за такой же период привела к спаду ВВП более чем на 15%.

Конечно, посткризисный рост производства носил восстановительный и импортозамещающий характер. Производство отечественных товаров для целей внутреннего потребления в замещение импортных товаров начиная со второго полугодия 1998 года до 2001 года выросло почти вдвое. В то же время восстановление производственного потенциала создало основу для дальнейшего развития экономики. Для этого нужно было сделать следующий шаг: перейти к активной инновационной политике модернизации и структурной перестройки экономики на передовой технологической основе. Правительство Примакова сформировало необходимые предпосылки для осуществления модернизации российской экономики. Наряду с восстановлением объемов промышленного производства и экономической активностью в частном секторе государство начало создавать институты развития, включая банк и бюджет развития, налаживать механизмы рефинансирования коммерческих банков под векселя платежеспособных производственных предприятий. В повестке дня стоял вопрос о развертывании системы стратегического планирования и программно-целевого управления развитием экономики, создании механизмов ответственности высших менеджеров за результаты своей работы.

4.2. Возвращение к политике рыночного фундаментализма

Восстановительный подъем российской экономики был прерван вскоре после ее стабилизации. 12 мая 1999 года правительство Примакова было отправлено Ельциным в отставку без каких-либо оснований. Властвующая олигархия опасалась усиления государственного контроля над распределением национального дохода и дальнейшего изъятия в государственный бюджет рентных доходов. И хотя политика правительства Примакова обеспечила рекордные темпы экономического подъема, паразитировавшая на присвоении природной ренты, завышении цен и присвоении государственного имущества придворная олигархия развернула агрессивную кампанию по его смещению. Вскоре после этого экономическая политика правительства вернулась в прежнее русло рыночного фундаментализма. Кабинет Касьянова, назначенный новым президентом страны 10 мая 2000 года, стал проводить ее столь же последовательно, как и дефолтное правительство Кириенко.

Новый призыв рыночных фундаменталистов во власть не позволил завершить начатое правительством Примакова восстановление полноценной системы денежного обращения, включая использование главного рычага воздействия государства на экономический рост — управления кредитом посредством механизмов денежного предложения и рефинансирования банковской системы. Так и не заработали лишенные доступа к кредитным ресурсам банки развития. Бюджет развития был заменен Стабилизационным фондом, ставшим каналом перекачивания российских бюджетных доходов в американские долговые обязательства.

Вместо проведения политики кредитования экономического роста бюрократия Центрального банка свернула основные функции государственной банковской системы, вновь привязав эмиссию рублей к приобретению долларов и приватизировав принадлежащий государству эмиссионный доход. Правительственные финансисты возобновили спекулятивные игры с раздуванием государственного долга, игнорируя уроки 1998 года. При рекордном профиците бюджета в 270 млрд рублей и раздувшемся до 700 млрд рублей Стабилизационном фонде правительство без какого-либо обоснования размещало новые многомиллиардные долговые обязательства. Финансовая политика государства вернулась к приоритетному обслуживанию интересов спекулянтов.

В результате реальный сектор экономики вновь остался без внутренних источников кредитования, а немногие успешно работающие российские предприятия были вынуждены брать кредиты за рубежом. При этом продолжился массовый вывоз капитала, который был легализован принятым в конце 2000 года новым Законом о валютном контроле. Отказываясь от расширения внутренних источников кредита, Российское государство

вновь стало крупнейшим донором мировой экономики, вывозя более 50 млрд долларов в год. При этом банковское обслуживание крупнейших российских корпораций-экспортеров постепенно перемещалось за рубеж.

Политика рыночного фундаментализма стала проводиться еще более последовательно, охватив не только экономику, но и социальную сферу. Вместо того чтобы снизить налоги на труд и производство, компенсируя выпадающие доходы бюджета за счет доходов от использования государственной собственности (прежде всего природных ресурсов и прибыли Центрального банка), правительство пошло по пути снижения расходов бюджета, направляемых на социальные нужды. В целях отказа от социальных обязательств была развернута кампания по «монетизации льгот». Одновременно правительство инициировало поправки в Трудовой кодекс, разрушающие связь между минимальной зарплатой и прожиточным минимумом, которая составляет фундамент механизма социального партнерства. Был отменен федеральный минимум оплаты труда, а также обязательный для всей страны низший разряд тарифной сетки.

Под предлогом «монетизации льгот» государственная власть отказалась от выполнения своих социальных обязательств по широкому кругу жизненных интересов и прав граждан. В том числе:

- был ликвидирован нормативный принцип формирования федерального бюджета по социальным обязательствам государства (отменены законодательно установленные нормативы финансирования расходов на образование, культуру и науку);
- все вопросы исчисления заработной платы работникам бюджетной сферы, в том числе здравоохранения (установление систем оплаты труда, тарифных ставок, окладов, различных выплат), переданы на уровень субъектов РФ и муниципальных образований;
- отменен ряд дополнительных выплат и льгот, определяющих возможность компенсации вредных факторов воздействия на организм работника;
- признан утратившим силу Закон РСФСР от 11 марта 1992 года № 2490-1 «О коллективных договорах и соглашениях», что подорвало характерный для социального государства принцип социального партнерства во взаимоотношениях работодателей и работников;
- отменен закон, предусматривавший восстановление дореформенных сбережений граждан, обесценившихся в ходе реформ;
- фактически отменены государственные гарантии по обеспечению лекарствами хронических больных, а также бесплатное обеспечение лекарствами амбулаторных больных, исполнение обязательств по которым передано субъектам Федерации;
- отменены устанавливаемые на федеральном уровне ежемесячные пособия на детей;

• отменены права детей-сирот и прочих воспитанников интернатов и детских домов на бесплатный проезд, а также на бесплатное обучение в ПТУ и на подготовительных курсах средних и высших учебных заведений.

Замена предметных социальных обязательств на частичные денежные компенсации противоречила конституционным принципам социального государства, которое гарантирует четко определенные права граждан, а не номинальные денежные доходы. В отличие от развитых государств, практикующих отношения социального партнерства и сотрудничества, российские власти пошли на слом тех немногих элементов социального государства, которые ранее удалось выстроить, противодействуя ельцинской шоковой терапии.

Самое удивительное заключается в том, что для проведения антисоциальной реформы не было объективных оснований. Во-первых, она была контрпродуктивной, так как подрывала основы механизмов социального партнерства в современном обществе. Социальные гарантии являются оборотной стороной экономики знаний, опирающейся на массовое высшее образование, качественное общедоступное здравоохранение, широкое участие граждан в процессах общественного управления и создание условий для реализации творческого потенциала каждого человека.

Во-вторых, ответственность за состояние социальной сферы была сброшена на субъекты Федерации, что на фоне многократных различий в уровне среднедушевых бюджетных доходов между регионами вело к дезинтеграции социального пространства страны. Возрастание разрыва в уровне жизни людей в зависимости от места проживания несовместимо с конституционным принципом недискриминации граждан.

В-третьих, реформа была невыгодна экономически, так как повлекла за собой увеличение бюджетных затрат на выплату компенсаций по льготам, которыми многие не пользовались. Вполне вероятно, что в этом были заинтересованы определенные коммерческие структуры. Как и приватизация, которая планировалась по идеологическим мотивам, а стала средством наживы приближенных к власти лиц, монетизация льгот обогатила посредников, допущенных властью к распределению бюджетных сред.

«Монетизация льгот» — далеко не единственное нарушение социальных прав граждан, осуществленное властью без каких-либо объяснений. В частности, не было никаких объективных причин для лишения граждан права на бесплатное бессрочное использование земли и введения механизма принудительной приватизации городской земли в Земельном кодексе. И рекомендации науки, и мировой опыт свидетельствовали о нецелесообразности такого решения. Городскую землю следовало оставить в распоряжении муниципальных органов власти, введя механизм ее долгосрочной аренды для коммерческих организаций, а гражданам — со-

хранить права на бесплатное использование земли под жилыми домами и дачными участками. Но возобладал не здравый смысл государственного подхода, а заинтересованность проталкивавших Земельный кодекс чиновников, которые рассчитывали поживиться на приватизации земли.

Еще более наглядно коммерческая заинтересованность прослеживалась в «реформе» естественных монополий, направленных на их фактическую приватизацию. Если раньше выдвигались требования обеспечить прозрачность естественных монополий, то инициированная правительством реформа по сути означала келейную приватизацию электроэнергетики, частей «Газпрома», коммерциализацию железных дорог в пользу лиц, управляющих естественными монополиями от имени государства. Последние смогли изрядно приумножить свои состояния, а для всей страны эта реформа обернулась многократным повышением тарифов на транспортные услуги, электроэнергию, газ и тепло.

Таким образом, оправившись от шока дефолта, властвующая олигархия вновь направила политику государства по старой дороге ельцинских «реформ» в собственных интересах. Были законодательно закреплены сложившиеся в результате ельцинских реформ социально-экономические отношения. В том числе путем сокращения сроков исковой давности по имущественным спорам досрочно закреплены результаты приватизации.

Сравнительно высокие темпы экономического роста в начале века в связи с благоприятной для российского экспорта конъюнктурой мировых сырьевых и энергетических рынков сопровождались падением эффективности экономики и повышением социального неравенства. Этот восстановительный рост достигался не благодаря, а вопреки проводившейся экономической политике. Продолжались тенденции деградации научно-технического и интеллектуального потенциала. Многочисленные предложения ученых и специалистов о переходе к активной политике развития, предусматривающей формирование механизмов инновационной экономики, были оставлены без внимания.

За первые годы нового столетия было упущено множество возможностей успешных прорывов российских товаропроизводителей на мировом рынке из-за невыполнения правительством своих функций развития экономики. В частности, из-за отсутствия механизма кредитования и страхования экспорта (в развитых странах он осуществляется государственными экспортно-импортными банками) российские предприятия электротехнической промышленности, гидротехнического и мелиоративного строительства, тяжелого машиностроения утратили перспективные ниши на мировом рынке, проиграв тендеры при очевидных конкурентных преимуществах в себестоимости продукции. Из-за блокирования введения механизма лизинга гражданской авиатехники были упущены колоссальные возможности роста производства современных

российских самолетов и вертолетов, оцениваемые в миллиарды долларов. Из-за отсутствия системы государственного стимулирования инновационной активности не были реализованы тысячи перспективных научно-технических разработок, многие из которых успешно осваиваются иностранными конкурентами при помощи российских специалистов.

На фоне бурного притока нефтедолларов Россия продолжала терять завоеванные ранее преимущества в сфере ракетостроения, атомной промышленности, лазерных и биотехнологий, в других перспективных направлениях с огромным и быстрорастущим рынком. При этом правительство считало своим достижением выход России на первое место в мире по объемам экспортируемой нефти, закрывая глаза на утрату возможностей в сфере высоких технологий.

Правительственные экономисты не знали, по-видимому, о существовании мультипликатора конечного спроса, не делая различий между экспортом сырья и производством высокотехнологической продукции. Между тем цена единицы веса авиатехники более чем в 10 тысяч раз превосходит цену такой же массы нефти и соответствующим образом различается вклад производства этих товаров в национальный доход и экономический рост. Сползание России на сырьевую периферию мирового рынка и утрата конкурентных преимуществ в высокотехнологической сфере лишали страну возможности устойчивого экономического роста.

Несмотря на нехватку средств на выполнение основных обязанностей государства перед обществом, правительство так и не решилось реализовать в полной мере право общенародной собственности на недра путем справедливого изъятия природной ренты в доход государственного бюджета. Вместо этого был введен одинаковый для всех месторождений налог на добычу полезных ископаемых (который в отношении поставляемой на внутренний рынок нефти по сути является налогом на потребителя), а миллиарды долларов сверхприбыли остались в карманах пользователей наиболее выгодных участков недр.

Под предлогом коррумпированности и недееспособности государственного аппарата были демонтированы практически все институты государственного воздействия на развитие экономики: Бюджет развития, целевые инвестиционные программы, а также налоговые механизмы, стимулирующие рост инвестиционной и инновационной активности. Ссылаясь на коррумпированность таможенных органов, «реформаторы» отказались от торговой политики и защиты внутреннего рынка в интересах отечественных товаропроизводителей, взяв курс на снижение и унификацию таможенных тарифов.

Правительство отказалось от выполнения законодательно установленных нормативов финансирования расходов на науку, культуру, образование, отменив сами эти нормативы. При этом половина федерального

бюджета перекачивалась за рубеж на обслуживание и погашение внешнего долга. Бюджет страны был вновь превращен в дойную корову для извлечения сверхприбылей финансовыми спекулянтами, втянувшими Россию в долговую ловушку.

Вместо того чтобы бороться с уклонением от налогов, правительство предпочло резко снизить и унифицировать подоходный налог, отменить налоги на наследство и дарение. Таким образом, оно предоставило возможность необременительной легализации незаконно полученных доходов и наказало тем самым добросовестных налогоплательщиков. Отмена валютного контроля стала еще одним вожделенным подарком олигархам, дав им возможность легализации незаконно вывезенных с уклонением от уплаты налогов сотен миллиардов долларов.

«Симбиоз правительственных структур, реально властвующей в России олигархии и МВФ создает для нашей страны серьезную проблему, — писал автор в 2001 году [24]. Она заключается в том, что следование линии на дальнейшее дерегулирование экономики и демонтаж остающихся инструментов государственной экономической политики делает невозможным выход российской экономики на траекторию быстрого и устойчивого экономического роста, по сути закрепляя положение нашей страны как сырьевой периферии мирового рынка. Это означает, что Россия еще длительное время будет оставаться донором мировой экономической системы, экспортируя природное сырье, дешевый труд и капитал, финансируя за счет своего национального богатства экономический рост развитых стран. При такой экономической политике возможности развития российской экономики будут определяться извне спросом на природные ресурсы и предложением товаров конечного потребления. Экономика страны будет обречена на дальнейшее отставание от развитых стран. Продолжение политики «статус-кво» наряду с вывозом из России по 25–30 млрд долларов ежегодно, а также с платежами по внешнему долгу в 10–15 млрд долларов будет означать продолжение тенденций деградации социальной инфраструктуры и обнищания большинства населения. Соответственно большинство населения навсегда останется нищим, продолжится вымирание нации и деградация общества».

Эти строки писались на фоне оживления экономики. За 7 лет до глобального кризиса, вернувшего российскую экономику на тогдашний уровень. Высокие темпы экономического роста в то время вызывали ощущение благополучия, возникающего само собой при практически полной бездеятельности государства. Правительство не отдавало себе отчета в реальных причинах и механизмах этого оживления, обусловленного существенным улучшением финансового положения производственных предприятий благодаря резкому изменению ценовых пропорций в результате предшествовавшей успешной политики сдерживания роста цен на энергоносители

и услуги естественных монополий, а также удержания низких процентных ставок после трехкратной девальвации рубля в августе 1998 года.

У вновь призванных в правительство либералов возникла привычная иллюзия о чудодейственной силе механизмов рыночной самоорганизации. Вместо перехода к активной инновационной политике развития они вновь занялись дерегулированием экономики, стерилизацией денег, эмитируя их под прирост валютных резервов и демонтируя построенные правительством Примакова институты поддержки экономического роста. Начавшийся в этот момент бурный рост цен на нефть и другие сырьевые товары повлек быстрое улучшение торгового баланса России, увеличение доходов экспортно ориентированных предприятий. Это вызвало быстрое повышение конечного спроса, оживление производства и экономической активности, убедившие правительственных либералов в правильности реализуемых ими монетаристских догм и политики самоустранения государства от решения задач развития экономики (рис. 8).

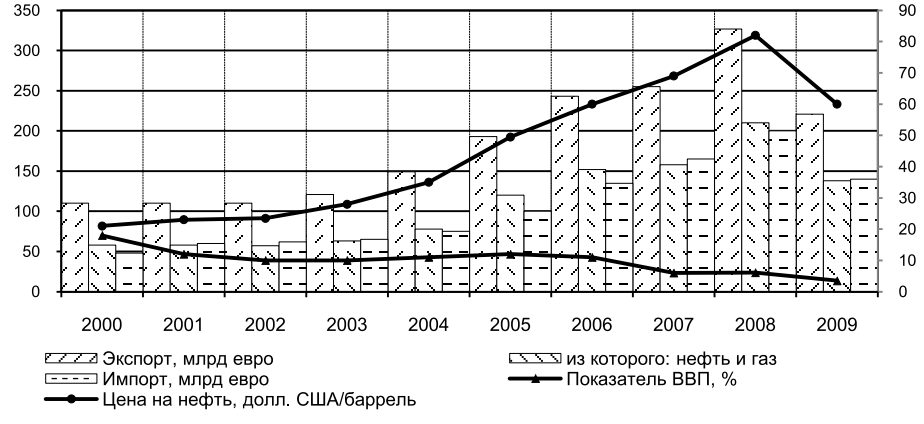

Рис. 8. Российский внешний сектор и цены на нефть.
Источник: European Energy Security In View of Russian Economic and Integration Prospects, Research Reports 362, Wiener Institut für Internationale Wirtschaftsvergleiche, May 2010.

Предоставление экономики свободной игре рыночных сил в расчете на автоматическое поддержание ими экономического роста было весьма выгодно властвующей в России олигархии, вывозившей из страны по полтора миллиарда долларов в месяц. Проводившаяся российским руководством политика дерегулирования экономики вызвала похвалу со стороны МВФ и стран «семерки», добивавшихся устранения каких-либо барьеров на пути движения капитала, товаров и услуг, окончательной интеграции России в мировую экономическую систему в качестве ее сырьевой периферии.

Ультралиберальная идеология, за ширмой которой все эти годы скрывалось присвоение государственного имущества и национального богатства страны правящей олигархией, вновь стала определять логику экономической политики. Наиболее ярко ее приоритеты проявились в бюджетной политике. О них свидетельствует отчет об исполнении федерального бюджета за 2000 год, представленный Счетной палатой в Государственную Думу [45].

При перевыполнении планировавшихся доходов бюджета в 2000 году расходная часть бюджета была исполнена лишь на 94,3% от утвержденного годового показателя. При этом расходы на государственные пособия гражданам, имеющим детей, были исполнены лишь на 9,2% от годовых бюджетных назначений, расходы на образование — на 88,3%. Вообще не выделялись средства на государственную поддержку развития фермерства, централизованные закупки некоторых жизненно важных видов медицинских препаратов. Сохранилась значительная кредиторская задолженность Минобороны перед поставщиками продукции, которая по состоянию на 1 декабря 2000 года составляла 49,4 млрд рублей.

Расходы по разделам «Фундаментальные исследования и содействие научно-техническому прогрессу» осуществлены на 88,5% от показателя, установленного на год, «Промышленность, энергетика и строительство» — на 90,7, «Мобилизационная подготовка экономики» — на 84,3%. На 14,8% недофинансированы расходы на государственные капиталовложения.

Столь существенное недофинансирование жизненно важных для общества расходов происходило при наличии сверхплановых доходов бюджета. Достигнутая за счет этого экономия направлялась на платежи по государственному долгу, которые составляли свыше трети федерального бюджета. Владельцам государственных долговых обязательств, среди которых был Центральный банк, было выплачено 660,2 млрд рублей — это в 1320 раз больше суммы недоплаченных денег по детским пособиям и в 34 раза больше выделенных ассигнований на государственные капиталовложения! Таково было реальное соотношение приоритетности задач социально-экономической политики.

Вопреки правительственным заявлениям о приоритетности социальной сферы расходы на здравоохранение были недовыполнены на 11,4%, на культуру — на 13,7, на миграционную политику — на 4,3%. С учетом многократно недофинансированных расходов на детские пособия и на молодежную политику в совокупности все эти расходы составили 21,9 млрд рублей, что в 30,4 раза меньше затрат на финансирование государственного долга.

Иными словами, в условиях острейшего бюджетного кризиса и неспособности государства выполнять свои обязательства перед населением и

обществом принимались решения о более чем десятикратном увеличении государственных расходов на обслуживание госдолга, в том числе в интересах Центрального банка. Очевидно, что наряду с усугублением бюджетного кризиса это дестимулировало привлечение инвестиций в развитие производства. В целом эти меры имели депрессивные последствия в экономике, так как повлекли за собой сокращение конечного спроса и препятствовали перетоку денег в реальный сектор экономики и провоцировали втягивание государства в сооружение новой финансовой пирамиды с риском последующего кризиса финансовой системы, писал автор в 2000 году [24].

Предприятиям наукоемкого и инвестиционного машиностроения, легкой промышленности, сельского хозяйства и большинству других ориентированных на внутренний рынок производств проводившаяся политика наносила лишь ущерб, не предоставляя им необходимой защиты и обычных для иностранных конкурентов условий: доступа к кредитам, государственным гарантиям, механизмам стимулирования обновления производства и внедрения новой техники в силу отказа от соответствующих государственных функций. Чистый вклад проводившейся экономической политики в рост производства был отрицательным, вызывая: сокращение спроса вследствие профицита бюджета, сокращение инвестиций вследствие вывоза капитала и сооружения новых долговых пирамид, разрушение научно-технического потенциала и «утечку умов» вследствие свертывания бюджетных ассигнований на стимулирование НТП и инновационной активности.

Через 8 лет российская экономика станет жертвой глобального финансового кризиса, в результате которого по объемам промышленного производства она вновь будет отброшена на несколько лет назад. При этом ее структура существенно ухудшится вследствие вымывания производств с высокой добавленной стоимостью и гипертрофированного роста ориентированного на экспорт нефтегазового комплекса. За этот же период ведущие страны мира предприняли серьезные усилия по модернизации своих экономик, формированию предпосылок роста нового технологического уклада. Россия могла бы тоже существенно продвинуться на этом пути и подобно Китаю своевременно создать эти предпосылки для опережающего выхода на новую длинную волну экономического роста. Для этого у российского правительства имелись уникальные возможности, заключавшиеся в сохранившемся научно-техническом, производственном и интеллектуальном потенциале, с одной стороны, и колоссальном притоке нефтедолларов, хлынувших в страну вслед за взлетом мировых цен на нефть, с другой стороны.

Однако возврат к политике рыночного фундаментализма заблокировал реализацию этих возможностей.

Глава 5
Цена некомпетентности

5.1. Неиспользованные нефтедоллары

На рубеже тысячелетий изрядно потрепанная радикальными реформами, обескровленная вследствие вывоза капитала и деградировавшая до уровня сырьевой колонии российская экономика остро нуждалась в массированных инвестициях в модернизацию и развитие сохранившейся части научно-производственного потенциала. Тенденцию деградации российской экономики можно было преодолеть, распорядившись должным образом колоссальным притоком нефтедолларов после взлета нефтяных цен с 2001 года (рис. 1).

Рис. 1. Исторические цены на нефть с 1988 г.
Примечание. График цены на нефть в долларах США (без корректировки). 1988–2010.
Источник: Межконтинентальная биржа — ICE, Лондон.

Как будет показано ниже, этот взлет цен был связан с завершением повышательной фазы очередной длинной волны экономической конъюнктуры и приближением к пределам роста соответствующего ей технологического уклада. Поэтому он носил временный циклический характер. Еще в начале этого бума нефтяных цен автор предупреждал, что он не будет продолжительным и завершится в течение нескольких лет с исчерпанием возможностей роста на прежней технологической основе. Оптимальной политикой в этих условиях было бы инвестирование сверхприбылей от роста нефтяных цен в развитие новых прорывных технологий,

открывающих окно возможностей опережающего развития на новой длинной волне экономического роста [18].

Со взлетом цен на нефть у России возник исторический шанс, вложив сотни миллиардов нетфедолларов в модернизацию экономики на основе нового технологического уклада, совершить прорыв к зарождающейся очередной длинной волне экономического роста, выйдя на траекторию опережающего социально-экономического развития. Однако возврат государства к политике рыночного фундаментализма блокировал имевшиеся для этого возможности. Возобновление курса на самоустранение государства от регулирования экономики означало отказ от решения задач ее развития. Замена бюджета развития Стабилизационным фондом, отмена валютного контроля, возвращение к монетаристской политике и привязка денежной эмиссии к приросту валютных резервов сделали невозможным организацию длинных дешевых кредитов в целях финансирования модернизации экономики.

Привязка денежной эмиссии к приросту валютных резервов при административном планировании денежной массы, как и ранее, оправдывалась борьбой с инфляцией. Фактически же макроэкономическая политика вновь была подчинена интересам международного капитала. Сверхприбыли от экспорта нефти были направлены на погашение внешнего долга, в отношении которого перед этим были достигнуты договоренности о реструктуризации и частичном списании. Одновременно по просьбе международных клубов кредиторов российское руководство отказалось от советских кредитов, предоставленных Ираку и слаборазвитым странам. Огромные средства были заморожены в Стабилизационном фонде (рис. 2), созданном для успокоения иностранных кредиторов.

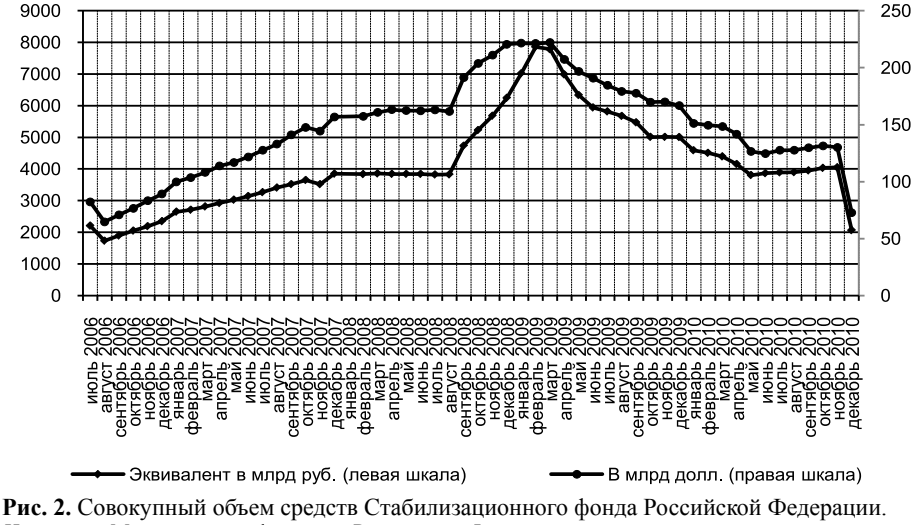

Рис. 2. Совокупный объем средств Стабилизационного фонда Российской Федерации.
Источник: Министерство финансов Российской Федерации.

Вопреки здравому смыслу и очевидной необходимости подъема инвестиционной активности и многократного увеличения государственных расходов на цели развития в руководстве страны укоренилась абсурдная мысль, что в экономике слишком много денег, которые следует стерилизовать, проще говоря, изымать из экономического оборота, перекачивая за рубеж. На фоне прогрессирующего технологического отставания экономики, деградации научно-производственного потенциала, нищенской зарплаты работников бюджетной сферы, катастрофического для будущего страны недофинансирования расходов на образование, науку и здравоохранение, разложения пораженной коррупцией правоохранительной системы и других язв бедного и беспомощного государства — на этом фоне сотни миллиардов рублей бюджетных доходов были заморожены в Стабилизационном фонде и вложены в обесценивающиеся американские ценные бумаги.

5.2. Парадоксы денежной политики

Объем денег, замороженных в Стабилизационном фонде, вскоре превысил величину денежной базы. Вместе с международными резервами Центробанка государство выводило из экономики количество денег, вдвое превышавшее объем денежной базы. Иными словами, каждый находящийся в обращении рубль резервировался тремя рублями, выводимыми из экономического оборота в международные резервы ЦБ или в Стабилизационный фонд правительства. Замораживая 2/3 обеспеченных реальным сбытом товаров денег, денежные власти соответствующим образом сокращали экономическую активность, которая искусственно ограничивалась острой нехваткой инвестиций и недостатком конечного спроса по сравнению с величиной имевшегося производственного потенциала.

Последствия этой политики можно сравнить с лечением дистрофии методом кровопускания, когда у ослабленного голодом организма откачивают 2/3 крови. Ясно, что такое «лечение» закономерно приводит к омертвлению тканей и утрате жизнеспособности. Собственно, это и произошло с российской экономикой, уже лишившейся большей части машиностроения, строительства, производства промышленных товаров народного потребления. Ее дальнейшая жизнеспособность ограничивалась искусственно суженным денежным предложением на уровне 1/3 от потребностей нормального воспроизводства. Неудивительно, что, несмотря на благоприятную конъюнктуру и присвоение российской экономике инвестиционного рейтинга, объем производственных инвестиций оставался на уровне, втрое меньшем необходимого для простого воспроизводства основного капитала.

Проводя крайне вредную для экономического роста сверхжесткую денежную политику, Центробанк признавал ее неэффективность с точки зрения достижения главной цели — подавления инфляции: «Выбранный режим валютного курса, сохранение существенной роли регулируемых цен в динамике индекса потребительских цен, неустойчивые процессы замещения валют в портфелях активов, увеличившиеся и неустойчивые лаги между динамикой денежного предложения и показателями инфляции определяют низкую эффективность использования в качестве промежуточного целевого ориентира темпов прироста денежной массы». Это признание негодности используемых методов планирования денежного предложения не мешало, однако, Центробанку продолжать обескровливать экономику: ЦБ планировал изъять из обращения в 2007 году до 1,8 трлн рублей при превышении темпа прироста денежной базы величины в 17–20% [20].

Вопреки собственным же заявлениям об объективной невозможности осмысленного использования в качестве ориентира денежной политики показателя темпов прироста денежной массы он оставался главным целевым показателем, определявшим объем стерилизационных операций денежных властей. При этом вопреки декларируемым целям подавления инфляции каждый год правительство задавало план роста регулируемых им тарифов на услуги естественных монополий, запуская тем самым спираль инфляции издержек по всем технологическим цепочкам. Тем самым оно попустительствовало очевидным крупномасштабным злоупотреблениям монополистов в топливно-энергетическом и химико-металлургическом комплексах, ежегодно вздувавшим цены существенно выше темпа инфляции.

Денежные власти признавали, что главным фактором инфляции было злоупотребление монополистов, непомерно вздувающих цены. Но вместо того, чтобы выполнять свои обязанности по проведению активной антимонопольной политики, правительство занималось не своим делом, стерилизуя денежное предложение, требуемая величина которого была неизвестна даже отвечающему за денежную политику Центробанку.

В конечном счете денежная политика в России стала совершенно абсурдной. Если представить, что Россия отказалась бы от Центрального банка и своей национальной валюты, выяснилось бы, что денег стало бы вчетверо больше, инфляция — в три раза меньше, а кредиты — вдвое дешевле и доступнее. Парадоксы проводившейся в России денежно-кредитной политики войдут в историю как самые нелепые курьезы. Как, к примеру, объяснить здравомыслящему человеку ситуацию, при которой чем больше валютные поступления от экспорта нефти, тем меньше денежных ресурсов остается в распоряжении российских предприятий. Чем больше приток иностранных инвестиций, тем меньше возможности внутренних накоплений. Чем больше профицит бюджета, тем выше государственный внутренний долг.

Эти парадоксы заключены в самой технологии планирования денежного предложения, суть которой сводится к ежегодному планированию прироста денежной массы исходя из целевых установок по ограничению инфляции и весьма туманных предположений в отношении изменения скорости обращения денег. Установив ориентир по приросту денежной массы, денежные власти затем изымали с рынка объем денег, превышавший эту величину. При этом получателями эмитированных денег были обладатели продававшейся на рынке валюты (экспортеры и иностранные кредиторы и инвесторы), а изъятие «избыточных» денег велось у бюджетной системы за счет занижения зарплаты и расходов на социально-экономическое развитие.

К примеру, на 1 января 2006 года на 2,270 трлн находившихся в обращении рублей денежной базы Центральный банк планировал 5,191 трлн рублей международных резервов. Это означало, что денежные власти искусственно сужали объем денежного предложения более чем вдвое даже по сравнению с самой консервативной моделью денежной политики, известной как «валютное правление» (когда страна жестко привязывает объем денежной базы к величине валютных резервов).

Для сравнения заметим, что в развитых странах соотношение обратное — величина денежной базы многократно превышает объем золотовалютных резервов. Более чем двукратное сужение денежной базы по отношению к объему притекающих в страну доходов означает соответствующее ограничение возможностей экономического роста. Даже при самой осторожной и жесткой из известных в экономической теории модели денежной политики «валютного правления» вдвое больше были бы финансовые возможности для кредитования экономического роста, повышения инвестиций, роста занятости и доходов населения и обеспечения социальных гарантий. Неспособность денежных властей эффективно распорядиться обрушившимся на Россию потоком нефтедолларов стоила каждому гражданину России как минимум половины потенциальных доходов, оборачивалась для предприятий завышенными процентными ставками и трудностями в получении кредита.

За некомпетентность руководителей Центрального банка и экономического блока правительства страна расплатилась колоссальными упущенными возможностями экономического роста и снижением доходов населения. Привязка денежной эмиссии к приросту валютных резервов при количественном ограничении денежной массы повлекла отток денег из большей части производственной сферы, ориентированной на внутренний рынок, которая в отсутствие доступа к кредиту вынуждена была изыскивать средства для развития за счет занижения оплаты труда. Чудовищный спад производства и хроническая депрессия в большей части отраслей обрабатывающей промышленности, строительстве и сельском хозяйстве — прямой результат проводившейся денежно-кредитной политики.

Из миллионов граждан и сотен тысяч предприятий, занимающихся хозяйственной деятельностью, лишь ничтожная часть получила доступ к кредитам. Последние предоставлялись под завышенные проценты и требования залогового обеспечения на короткие сроки и на невыгодных условиях. Подавляющее большинство предприятий были вынуждены развиваться только за счет собственных средств — доля банковского кредита в финансировании инвестиций крупных и средних предприятий составляла не более одной пятой. Для малого бизнеса кредит оставался практически недоступным. Неразвитость системы кредитования предпринимательской деятельности и практически полное отсутствие механизмов долгосрочного кредитования производственной сферы — прямое следствие заскорузлой политики финансовых властей, не выполнявших свою главную функцию в рыночной экономике по организации кредита.

Банк России ухитрился стать антицентробанком, выполняя свою главную функцию с точностью до наоборот. Ведь смысл самого существования Центробанка заключается в осуществлении монополии государства на организацию денежного обращения и денежной эмиссии в целях обеспечения благоприятных условий для экономического развития. В числе этих условий, помимо стабильной валюты, входит наличие доступного кредита, механизмов аккумулирования сбережений и их трансформации в долгосрочные инвестиции, технологий устойчивого рефинансирования расширенного воспроизводства. Российский же Центральный банк вместо организации предложения денег для кредитования экономического роста занимался их изъятием из экономики, тормозя и искусственно сдерживая тем самым экономический рост.

Такого еще не было в экономической истории — российская денежная власть ухитрилась монополию государства на организацию денежного предложения из важнейшего двигателя экономического роста превратить в тормоз. В этой макроэкономике абсурда выжить могли лишь предприятия, экспортирующие свою продукцию и кредитовавшиеся за рубежом, не завися тем самым от денежных властей. Неудивительно, что почти все отрасли производственной сферы, ориентированные на внутренний рынок, оставались в депрессии и продолжали мучительно умирать — живительный поток кредитов до них не доходил.

Дождь нефтедолларов вместо того, чтобы подпитать российскую экономику, мутным потоком уходил за рубеж, а денежные власти, вместо того чтобы бороться с вывозом капитала, активно этому способствовали. Как констатировали «Основные направления» в 2006 году, «Россия остается донором — чистым кредитором остального мира: отрицательное сальдо финансового счета находится в пределах 13–14 млрд долларов США (без валютных резервов) [48].

В 2007 году прогнозировался вывоз еще от 34 до 118 млрд долларов в дополнение к уже вывезенному из страны как минимум полутриллиону долларов. Не лишне вспомнить, что перед приходом к власти реформаторы критиковали руководство СССР за предоставление развивающимся странам социалистической ориентации 140 млрд долларов кредита в виде поставок отечественной техники. Придя к власти, они ухитрились за 15 лет вывезти за рубеж около триллиона долларов, списав заодно и большую часть советских кредитов.

При такой политике не только увеличение доходов, но и наращивание экспорта оказывается для экономического роста бесполезным. Ведь чем больше в страну поступило валютной выручки, тем больше эмитировалось рублей для ее приобретения Центробанком и тем больше становилась величина стерилизации денежной массы. В той мере, в которой доходы получали нефтегазовые компании, деньги изымались из государственного бюджета и из банковской системы с целью их замораживания в Стабфонде и долговых обязательствах Центрального банка. Это следует из логики «Основных направлений», ограниченных исключительно разными вариантами стерилизации «избыточной» ликвидности. Все четыре сценария денежной политики, представленные в этом документе, сводились к изъятиию денег из экономики пропорционально величине поступавших в страну нефтедолларов [70].

При такой политике бесполезными оказываются и иностранные инвестиции, о необходимости которых не устают трещать правительственные экономисты. Даже открыли для иностранных инвесторов рынок акций «священного» «Газпрома». Но ведь согласно логике «Основных направлений», чем больше капитала вложат в приобретение акций российских предприятий иностранные инвесторы, тем больше будет прирост валютных резервов и денежная эмиссия под их увеличение и тем больше денег будет стерилизовано денежными властями. Выходит, что приток иностранного спекулятивного капитала на финансовый рынок обернется увеличением стерилизации денег посредством налогово-бюджетной системы и оттоком денег из реального сектора экономики.

При такой политике невозможно нормальное развитие банковской системы. Как уже говорилось выше, суммарные активы всех российских коммерческих банков остаются в несколько раз меньше активов любого их крупных банков США, ЕС или Японии. Эта карликовость российских банков была предопределена политикой денежных властей. Поскольку Центральный банк жестко ограничивал денежное предложение и не создал систему рефинансирования коммерческих банков, рост последних был жестко ограничен общим пределом роста денежной массы, устанавливаемым денежными властями. В результате коммерческие банки не могли удовлетворить растущий спрос на кредиты. Их наиболее благопо-

лучные клиенты, достигая уровня международной конкурентоспособности, переходили на кредитование за рубежом.

Искусственно сдерживая денежное предложение и удерживая ставку рефинансирования на уровне, существенно превышавшем рентабельность внутренне ориентированных секторов экономики, Центробанк ограничивал спрос на деньги краткосрочными спекулятивными операциями и сверхприбыльными отраслями. Своей политикой Центральный банк подталкивал конкурентоспособные предприятия к кредитованию за границей, подрывая тем самым возможности роста отечественной банковской системы и финансового рынка. Это вело к риску поглощения российской банковской системы иностранным капиталом.

Несмотря на колоссальный приток нефтедолларов, вследствие политики стерилизации денег происходил устойчивый и быстрый рост частных заимствований за рубежом. В 2004 году их прирост составил 38,8 млрд долларов, в 2005 году — 73,9 млрд долларов, а за 9 месяцев 2006 года — уже 65,4 млрд долларов. Если на начало 2003 года внешний долг предприятий нефинансового сектора составил 33 млрд долларов, то к началу 2006 года он достиг 130 млрд, а к июлю 2006 года — превысил 140 млрд долларов. В результате, несмотря на погашение государственного внешнего долга, общий внешний долг России существенно вырос (рис. 3).

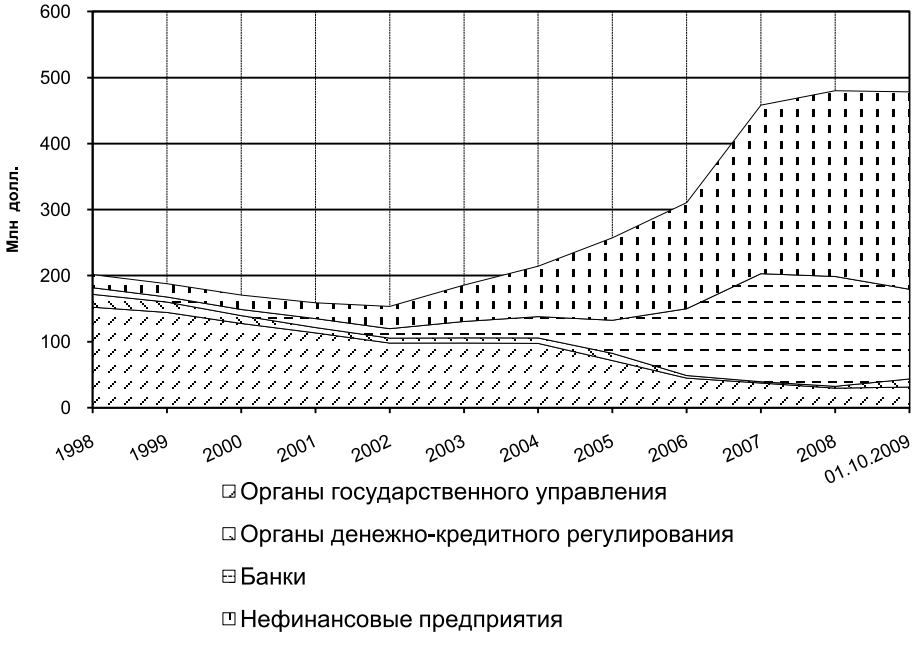

Рис. 3. Внешний долг Российской Федерации.
Источник: Банк России.

Устойчиво росла и доля средств нерезидентов в привлеченных средствах российскими субъектами хозяйствования (рис. 4).

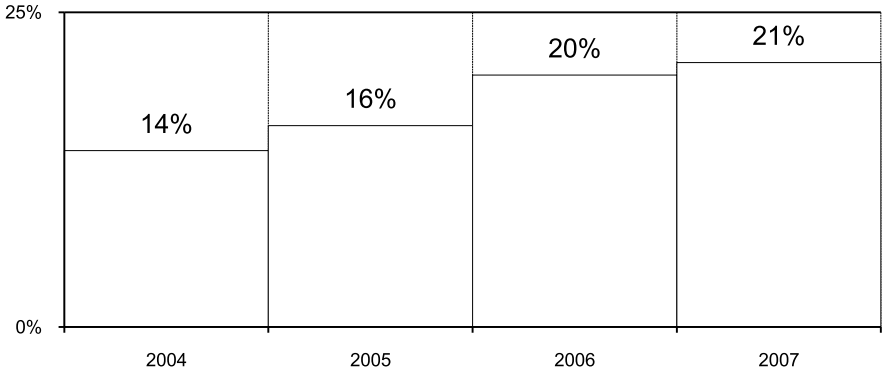

Рис. 4. Доля средств нерезидентов в привлеченных средствах, %

Источник: Ершов М.В. Финансовые механизмы экономического роста. Доклад. — М.: ГУУ, 2008.

В 2008 году эта зависимость от иностранных кредитов станет слабым местом российской экономики, предопределив обвал финансового рынка и угрозу банкротства крупнейших корпораций.

Нетрудно подсчитать чистый эффект этой странной макроэкономической политики. Правительство РФ ссужало деньги российских налогоплательщиков зарубежным заемщикам под 4–5%, а они вынуждены были там же занимать изъятые у них денежные ресурсы под 8–15% годовых. Чистый ущерб от такой политики составляет около 5 млрд долларов в год. Получается, что чем больше приток иностранной валюты в страну, тем меньше спрос на кредиты национальной банковской системы и тем больше российские предприятия занимают за рубежом.

Выше уже говорилось о необоснованности этой методологии, ставшей одной из главных причин сжатия объемов производства в 1990-е годы. Возобновляя ее через два года после финансового краха, никаких сколько-нибудь обоснованных моделей, позволяющих рассчитать зависимость между приростом денежной массы и уровнем инфляции, ни Центральный банк, ни правительство не представляли. Вопреки накопленным знаниям и печальному опыту ее проведения как в России, так и за рубежом, они продолжали исходить из линейной зависимости между темпом прироста цен и темпом прироста денежной массы, считая скорость их обращения и объем товарной массы неизменными. Из этого следовала и логика проводимой ими политики количественного ограничения денежной массы в целях сдерживания инфляции. Эта крайне упрощенная и далекая от экономической реальности с ее нелинейными и сложными обратными связями и неопределенностями логика вела к фиксации сложившегося крайне

недостаточного для расширенного воспроизводства уровня монетизации российской экономики.

Теоретически Центральный банк признавал, что главными причинами инфляции были злоупотребления монополистов. Но практически борьба с инфляцией вновь свелась к количественному ограничению прироста денежной массы, приводящему к хронической недомонетизации российской экономики и соответствующему ограничению экономического роста. В условиях, когда главным источником инфляции являлось завышение цен монополистами, такая денежная политика вела к снижению возможностей экономического роста и роста доходов населения, сводясь к обслуживанию перетока доходов к монополизированным и экспортно ориентированным отраслям. В результате закреплялось депрессивное положение и деградация отраслей, ориентированных на внутренний рынок. При этом антиинфляционная эффективность такой политики оставалась весьма низкой, так как ограничение роста доходов населения и расходов государства никак не влияло на возможности монополистов завышать цены.

Рассуждая об эффективности проводимой в России денежной политики, уместно напомнить, что монопольное право государства на эмиссию денег в условиях рыночной экономики — это главный рычаг его влияния на экономику. Создавая деньги и предлагая их в качестве кредита тем, кто способен их использовать в целях производства общественно полезных благ, государство стимулирует экономический рост. Современный экономический рост начинается с конца XVIII века, когда европейские государства, создав центральные банки, начали эмитировать деньги, ссужая их под процент, приемлемый для производственной сферы. Собственно в этом и заключается смысл деятельности Центрального банка — организация предложения кредита в целях авансирования экономического роста. До создания центральных банков предприятия могли развиваться только за счет собственных средств, так как кредит был слишком дорог и взять его можно было только у ростовщиков на неадекватных прибыльности производства условиях. В средние века объем кредита был ограничен общим объемом сбережений, поэтому процентные ставки были слишком высоки, достигая 50–100%. С переходом к созданию современной банковской системы государство научилось формировать денежное предложение и реализовывать кредит под низкие процентные ставки.

Задача Центрального банка заключается в том, чтобы предоставлять денег в экономику столько, сколько экономика может переварить эффективным образом. Достигается это путем регулирования процентной ставки рефинансирования коммерческих банков. Если экономика задыхается от нехватки денег, у предприятий много производственных возможностей, но они не могут их реализовать, потому что нет доступного кредита, то денежные власти должны увеличить денежное предложение,

снижая процентную ставку и расширяя рефинансирование коммерческих банков. И наоборот, если эффективность экономики ухудшается, растет инфляция, то денежным властям следует повышать процентную ставку, поднимая требования к эффективности экономики.

По своей сути денежная эмиссия есть кредитование экономического роста. Не случайно промышленная революция, ознаменовавшая переход человечества от Средневековья к современному экономическому росту, произошла одновременно с созданием национальных денежных систем, основанных на монополии государства на эмиссию денег. Организуя предоставление кредита, государство направляет и подталкивает экономический рост, предоставляя предприятиям финансовые возможности для расширения производства. Создав механизмы рефинансирования банковской системы под обязательства предприятий, европейские, а затем и другие страны освоили технологии безграничного экономического роста. Эти технологии великолепно проявили себя в период послевоенного восстановления европейских стран — рефинансирование коммерческих банков под переучет векселей промышленных компаний центральными банками европейских государств стало главным механизмом финансирования экономического роста в Западной Европе.

Другим примером продуктивного применения инструментов денежно-кредитной политики в целях кредитования экономического роста является послевоенное восстановление Японии, а также современный подъем китайской, индийской, бразильской экономик. Во всех этих случаях финансовой основой роста производственных инвестиций стали банки развития. В Японии в качестве источника накоплений они используют сбережения граждан, в других государствах — рефинансируются непосредственно центробанками.

Еще одним способом продуктивного использования государственной монополии на эмиссию денег является запрещаемое МВФ и его российскими эпигонами кредитование бюджетного дефицита. В США, например, этот канал денежной эмиссии, опосредуемый рефинансированием коммерческих банков под залог казначейских обязательств, является единственно легитимным.

Примитивизм и ошибочность политики российских денежных властей особенно очевидны на фоне денежной политики развитых стран, которая исходит из интересов развития национальных экономик. Последняя определяется внутренними целями расширенного воспроизводства экономики и социально-экономического развития, опираясь на механизмы рефинансирования кредитования производственной деятельности и государственных расходов. Так, основными целями ФРС США являются: поддержание долгосрочного роста денежных агрегатов с учетом потенциала увеличения производства, обеспечение умеренных долгосроч-

ных процентных ставок, рост занятости. В противоположность политике российских денежных властей, озабоченных главным образом изъятием денег из экономики, денежные власти развитых стран целенаправленно управляют денежной эмиссией в государственных интересах социально-экономического развития своих стран, направляя ее через государственный бюджет и формируя долгосрочные кредитные ресурсы под прирост государственных обязательств.

В таблице 1 показаны основные каналы формирования ресурсной базы японской иены и доллара США, которые используются соответственно Банком Японии и Федеральной резервной системой (ФРС) США. Денежная база является показателем, фактически отражающим величину всей эмиссии японских иен и американских долларов, имеющих в настоящее время хождение в мире. Почти на 80% Банк Японии эмитировал иены под бюджетные задачи. В США при величине денежной базы доллара около 700 млрд долларов (октябрь 2002 г.) на государственные казначейские облигации, находившиеся на балансе ФРС США, приходилось 600 млрд долларов.

Таблица 1

Формирование центральными банками денежной базы национальной валюты

	Япония (иена, сентябрь 2002 г.)	**США (доллар, октябрь 2002 г.)**
Золотовалютные активы	4%	7%
Бюджетные приоритеты (инструменты)	76%	88%
Прочие	20%	5%

Источник: Ершов М. В. Экономический суверенитет России в глобальной экономике. — М.,: Экономика, 2005.

При этом, как показывают балансы Центрального банка Японии и ФРС США, в их портфелях госбумаг большую часть занимают «длинные» инструменты. Так, в Банке Японии бумаги со сроком погашения свыше 5 лет составляют более 60% от общего портфеля госбумаг. В ФРС на такие бумаги приходится более 130 млрд долларов, или свыше 20% его госпортфеля, при том что еще более 170 млрд долларов (30% госпортфеля) составляют инструменты со сроком от 1 до 5 лет [42].

Таким образом, экономика получает от своих центральных банков «длинный» инвестиционный кредит, который направляется на финансирование различных системообразующих программ, в частности ипотеки. Как доказывает М.В. Ершов, подобный механизм дает возможность: во-первых, создавать денежное предложение (осуществлять эмиссию) с учетом задач экономической политики; во-вторых, использовать ресурсы в приоритетных сферах; в-третьих, формировать необходимую по объе-

мам и срокам ресурсную базу, позволяя на ее основе развивать наиболее ресурсоемкие долгосрочные и низкодоходные направления, важные для экономики [39].

В условиях характерного для последнего десятилетия высокого положительного сальдо платежного баланса российские денежные власти оказались перед дилеммой: потребность в денежной эмиссии для приобретения избытка предлагаемой иностранной валюты в целях стабилизации обменного курса рубля могла быть нейтрализована либо стерилизацией «избыточного» денежного предложения, либо его связыванием в производстве товаров и сбережениях населения. В первом случае результатом такой политики является сдерживание экономического роста, во втором — его стимулирование. Существует несколько технологий достижения последнего результата. Одна из них — упоминавшаяся выше технология кредитования коммерческих банков под залог векселей производственных предприятий. Таким образом был организован рост европейской экономики, включая послевоенные годы, когда Европа поднялась из руин без золотых запасов и сбережений только за счет правильной организации денежной эмиссии. Другая технология — эмиссия денег под государственные нужды, оформляемые долговыми обязательствами, реализуется в США и Японии. Третья — рефинансирование государственных коммерческих банков под проекты модернизации предприятий — используется в Китае.

Разумеется, расходование средств во всех перечисленных направлениях должно вестись в пределах разумной целесообразности. Антиинфляционный эффект будут иметь только успешные проекты, завершающиеся ростом производства пользующейся спросом продукции, снижением издержек, повышением эффективности экономики. Расходы же на провальные проекты, напротив, будут способствовать раскрутке инфляции. Поэтому стратегия стимулирования инновационной и инвестиционной активности требует соответствующей квалификации, знаний и опыта со стороны денежных властей.

Оценивая последствия ошибочной денежной политики, ориентированной на подавление инфляции за счет искусственного ограничения совокупного спроса, приводящего к сдерживанию роста производства и инвестиций, следует заметить, что главным антиинфляционным фактором в развитых экономиках является НТП. Он обеспечивает снижение издержек и повышение эффективности производства, а также создает новые потребности, связывающие потребительский спрос. Например, НТП в сфере информационных технологий обеспечивает снижение цены единицы потребительских свойств вычислительной техники, бытовой электроники и средств связи на 20–30% ежегодно. Применение новых конструкционных материалов позволяет снизить издержки строительства и потери тепла в коммунальных сетях в не-

сколько раз и соответственно снизить тарифы на оказание коммунальных услуг. Применение достижений молекулярной биологии и генной инженерии в сельском хозяйстве позволяет в несколько раз поднять эффективность этой отрасли путем выведения сортов растений, устойчивых к вредителям и заморозкам, обладающих дополнительными потребительскими качествами. Таким образом, расходы на стимулирование инновационной активности носят антиинфляционный характер, и наоборот, недостаточная поддержка НИОКР оборачивается утратой конкурентоспособности отечественных товаров и омертвлением имеющегося производственного потенциала, следствием чего становится снижение эффективности экономики, девальвация национальной валюты, рост инфляции издержек.

Из этого следует, что увеличение государственных расходов на реализацию целевых программ освоения передовых технологий влечет снижение издержек в соответствующих отраслях экономики и, следовательно, снижение инфляции. Аналогичным образом антиинфляционный эффект имеют инвестиции в фонды поддержки малого предпринимательства. Имеющийся опыт свидетельствует о высокой эффективности кредитования малых и средних предприятий многими региональными фондами, обеспечивавшими возвратность более 85% кредитов за счет расширения производства общественно необходимых товаров и услуг. Финансирование этого направления экономической активности способствовало бы снижению инфляции, стимулируя конкуренцию и расширение производства товаров и услуг.

Антиинфляционный эффект может иметь финансирование программ решения некоторых социальных проблем, обеспечивающих снижение государственных расходов в будущем. Например, увеличение ассигнований на обустройство беспризорников и сирот сэкономит многократно большие средства в будущем на правоохранительную деятельность и содержание преступников. Расходы на вакцинацию населения позволят многократно большие средства сэкономить на лечении больных, которых станет существенно меньше.

Наконец, средства налогоплательщиков, замораживаемых в Стабилизационном фонде, лучше было бы вернуть им в форме налогового инвестиционного кредита для предприятий, разрешения списывать все расходы на НИОКР на себестоимость продукции, а также резервных фондов предприятий, размещаемых в рублевых долгосрочных инструментах.

Перечисленные направления бюджетных расходов способствовали бы росту и модернизации экономики, обладая одновременно антиинфляционным эффектом. Однако денежные власти предпочитали им пассивное замораживание нефтяных доходов бюджета, ограничивая возможности использования бюджетных инструментов стимулирования экономического роста.

5.3. Архаичность бюджетной политики

Посредством налогово-бюджетной политики осуществляется перераспределение от 1/3 до 1/2 ВВП современных государств. При этом развитые страны поддерживают уровень расходов бюджетной системы государства в пределах 40–50% ВВП. Более чем трехкратное увеличение уровня государственных расходов в течение последнего столетия (с 10% ВВП в конце XIX века до 40–50% (в среднем по ОЭСР) ВВП в конце XX века и в настоящее время) объясняется резко возросшей ролью НТП в генерировании экономического роста. Вклад новых знаний в прирост ВВП развитых стран оценивается в 80–90%. Этот вклад формируется достижениями науки, внедрением новых технологий, интеллектуально-образовательным потенциалом трудовых ресурсов. Все эти составляющие определяются государственной научно-технической, экономической и социальной политикой.

В силу специфической открытости науки и образования для общего пользования и невозможности приватизации знаний государство вынуждено финансировать около половины совокупных расходов на НИОКР и подавляющую часть расходов на образование. Растущая ценность человеческого капитала предопределила рост государственных расходов на здравоохранение. Именно за счет этих составляющих (социальных трансфертов — см. табл. 2) произошло многократное увеличение расходов государства, которое в условиях современного НТП вынуждено стать государством развития, приняв на себя обязательства по финансированию расходов на воспроизводство интеллектуально-человеческого потенциала и генерирование новых знаний.

Общепринятый в современном мире набор социальных гарантий включает права граждан на: бесплатное среднее (в развитых социальных государствах также высшее) образование, общедоступную медицинскую помощь, достойную оплату труда не ниже прожиточного минимума, а также на социальную помощь и поддержку в трудных жизненных ситуациях. Обеспечение этих социальных гарантий требует немалых расходов, что предопределяет их большой вес как в структуре государственного бюджета, так и в использовании ВВП.

Оценивая динамику этих расходов, следует помнить, что их существенный рост за последнее столетие во всех странах мира связан не только и даже не столько с влиянием социалистической идеологии, сколько с объективными требованиями конкурентной борьбы в современной экономике, главным фактором развития которой стал научно-технический прогресс. Без достаточного количества высокообразованных специалистов, развитой научной среды, условий для самореализации творческого потенциала личности добиться конкурентоспособности на основных направлениях современного экономического роста невозможно. Поэтому наращивание инвестиций в человеческий капитал стало неотъемлемым свойством бюджетной политики всех государств, претендующих на самостоятельное и успешное развитие.

Таблица 2

Социальные трансферты через государственный бюджет, %

	1880	1910	1960	1990
Австралия	0,0	1,1	7,4	15,4
Бельгия	0,2	0,4	13,1	29,7
Франция	0,5	0,8	13,4	27,8
Германия	0,5	···	18,1	21,2
Италия	0,0	0,0	13,1	24,5
Япония	0,1	0,2	4,0	16,1
Голландия	0,3	0,4	11,7	31,7
Норвегия	1,1	1,2	7,9	23,0
Швеция	0,7	1,0	10,8	21,3
Великобритания	0,9	1,4	10,2	16,8
США	0,3	0,6	7,3	16,3

Источники: Рогов С.М. Функции современного государства: вызовы для России. Научный доклад. — М.: Институт США и Канады РАН, 2005.

Согласно введенному С.М. Роговым разделению функций государства на традиционные (оборона и правопорядок) и современные (развитие интеллектуально-человеческого потенциала науки и экономики) можно видеть, что сегодня в мире через государственные бюджеты правительствами всех стран мира тратится в среднем на современные функции 17,8% ВВП, а на традиционные — только 5,3%. Соотношение между этими статьями расходов — 3,4 : 1. В развитых странах эти показатели составляют 25 и 3,9% (соотношение — 6,4 : 1), в странах с переходной экономикой — 22,1 и 3,8% (соотношение — 5,8 : 1).

Структура расходов российского бюджета разительно отличается от развитых стран. Эта структура сформировалась в постсоветский период под влиянием псевдонаучной доктрины рыночного фундаментализма, отрицающей очевидную закономерность возрастающего значения роли государства в обеспечении социально-экономического развития в условиях современного НТП. В противовес мировой закономерности увеличения государственных расходов на выполнение современных функций государства в России большая часть государственных расходов шла на выполнение традиционных функций. В наиболее благоприятном для бюджетных доходов 2007 году на эти цели из федерального бюджета потрачено 7,4% ВВП, что почти на 25% превышает среднемировой показатель. При этом доля расходов российского правительства на современные функции была в три раза меньше среднемирового показателя (4,7% ВВП). Соотношение расходов федерального бюджета на традиционные и современные функции составляло 2 : 1, подобно государству образца XVIII–XIX веков.

Не лучше обстояло дело и с финансированием другой фундаментальной функции современного государства — функции развития. Объем расходов на ее реализацию складывается из расходов на научные исследования и расходов на национальную экономику. В федеральном бюджете 2007 года они были запланированы на уровне 2,05% ВВП, в том числе расходы на научные исследования — 0,46% ВВП. Это более чем вдвое ниже среднемирового уровня. С учетом степени износа основных фондов и деградации научно-производственного потенциала российскому государству необходимо поддерживать относительно более высокий уровень расходов на стимулирование НТП, инвестиционной и инновационной активности. Таким образом, недофинансирование функции развития может быть оценено как трехкратное (табл. 3, 4).

Таблица 3

Расходы центральных органов государственного управления в 1990–2002 гг. с разбивкой по функциям, % ВВП (во внутренних ценах), среднеарифметические показатели

	Традиционные функции			Социальные функции				Функции развития	Вывоз капитала	Прочие расходы	Число стран
	Традиц. функции гос-ва	Общее администр. управление и поддержание обществен. порядка	Оборона	Соц. функции	Образов.	Здравоохран. и спорт	Другие соц. услуги				
Россия (данные проекта бюджета на 2007г.)	7,39	4,76	2,63	2,61	0,89	0,66	1,06	2,05	6		
Полная выборка	5,3	2,9	2,4	13,5	3,6	2,5	7,4	4,3	3,0	2,1	111
Развитые страны	3,9	2,1	1,8	25,0	2,9	3,8	14,9	3,5	3,4	2,6	21
Страны с переходной экономикой	3,8	1,9	1,9	22,1	2,5	3,1	12,4	4,1	2,4	3,0	19
Развивающиеся страны	6,1	3,4	2,7	14,5	4,1	2,0	3,9	4,5	3,0	1,7	71
Африка	6,2	3,9	2,4	14,3	4,6	1,8	3,2	4,8	3,7	2,5	21
Азия	7,7	3,5	4,3	15,1	4,1	1,8	3,8	5,3	2,4	1,9	28
Латинская Америка	3,9	2,8	1,1	13,9	3,6	2,3	4,7	3,3	3,0	0,7	22

Таблица 4

Расходы центральных органов государственного управления с разбивкой по функциям в процентах от объема расходов, различные группы стран, 1990–2002 гг. (среднеарифметические показатели)

	Традиционные функции			Социальные функции				Функции развития	Вывоз капитала	Прочие расходы	Число стран
	Традиц. функции гос-ва	Общее администр. управление и поддержание обществен. порядка	Оборона	Соц. функции	Образов.	Здравоохран. и спорт	Другие соц. услуги				
Полная выборка	20,1	11,1	9,0	44,5	12,8	8,2	23,5	16,1	10,6	8,5	120
Развитые страны	11,2	5,8	5,3	70,3	7,8	10,9	42,0	9,9	9,8	7,9	21
Страны с переходной политикой	14,1	6,9	7,2	65,0	7,2	8,0	36,4	13,5	7,7	12,8	23
Развивающиеся страны	24,4	13,7	10,6	56,4	15,9	7,6	14,5	18,6	11,6	7,4	76
Африка	25,7	15,4	10,3	50,1	16,1	6,1	10,1	18,1	13,4	10,4	22
Азия	27,5	12,8	14,7	54,9	15,1	6,3	12,3	21,3	9,4	8,1	30
Латинская Америка	19,2	13,3	5,9	64,1	16,7	10,6	21,3	15,7	12,8	3,7	24

Следует заметить, что государственные расходы на социальные нужды и цели развития финансируются не только федеральным правительством, но и субъектами Федерации. В консолидированном бюджете России доля современных функций вырастает до 33% бюджета, достигая уровня традиционных функций (табл. 5) и составляя 9,3% ВВП.

Как видно из данных таблиц, доля социальных расходов в структуре федерального бюджета России втрое ниже среднемирового уровня и вдвое ниже уровня слаборазвитой Африки. С учетом межбюджетных трансфертов доля расходов на социальные нужды в проекте федерального бюджета достигает почти половины, приближаясь к уровню стран с переходной экономикой. Но по отношению к ВВП и в этом случае Россия существенно отстает не только от среднемирового уровня (более чем в полтора раза), но и от уровня Африки. Таким образом, уровень социальных расходов государства в России является одним из самых низких в мире, он не соответствует ни требованиям социального государства, ни потребностям развития человеческого потенциала.

Таблица 5

Показатели консолидированного бюджета Российской Федерации 2006 г., млн руб.

	Федеральный бюджет	**Бюджеты территорий**	**Консолидированный бюджет**
Всего расходов	3749574,1	3102658,0	6852232,1
Профицит бюджетных ресурсов	776022,8	69534,8	845557,6
Традиционные функции	**1855648,3**	**413979,9**	**2269619,2**
В том числе общегосударств. вопросы	647274,1	271002,8	918,267,9
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	540053,1	142302,2	682355,3
Национальная оборона	668321,1	674,9	668996,0
Современные функции	**612007,7**	**1641704,9**	**2253712,6**
В том числе здравоохран. и спорт	145645,3	461583,3	607228,6
Образование	206017,5	678568,3	884585,8
Культура, кино, СМИ	50448,1	103924,6	154372,7
Социальная политика	209896,8	397628,7	607525,5
Межбюджетные трансферты	906606,8		906606,8

Чтобы достичь среднемирового уровня социальных расходов, российскому государству их надо было увеличить на 4,9% ВВП. Эта величина соответствует профициту федерального бюджета, который составлял в годы благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры 4,8% ВВП. Таким образом, профицит российского федерального бюджета был равен объему недофинансирования социальных расходов по сравнению со среднемировым уровнем. Иными словами, профицит федерального бюджета образовывался не потому, что российское государство получало доходов больше, чем ему требовалось для выполнения своих функций, а вследствие недофинансирования социальной сферы.

Анализ показывает, что структура непроцентных расходов бюджета определялась главным образом эффективностью лоббирования ведомственных интересов, среди которых превалировали интересы силовых структур. На их содержание вместе с государственной бюрократией тратилась львиная доля (42%) непроцентных расходов бюджета. Соб-

ственно на развитие (поддержку экономического роста, образование и научные исследования) выделялось чуть более 15% непроцентных расходов бюджета. Треть федерального бюджета направлялась «на латание дыр» в бюджетах субъектов Федерации через межбюджетные трансферты.

Архаичность российской бюджетной политики подтверждает проведенное С.М. Роговым сопоставление приоритетности различных направлений госрасходов ведущих стран мира (табл. 6). Россия резко отстает от развитых стран по уровню расходов на образование и здравоохранение, лидируя вместе с Ираном по уровню военных расходов.

Таблица 6

Приоритетность государственных расходов ведущих стран мира в 2002 г.

	Военные расходы (% ВВП)	Государственные расходы на образование (% ВВП)	Государственные расходы на здравоохранение (% ВВП)	Общее обслуживание долга (% ВВП)
Россия	4,0	3,1	3,7	4,1
Иран	4,0	5,0	2,7	1,3
США	3,4	5,6	6,2	1,8
Франция	2,5	5,7	7,3	0,2
Китай	2,5	...	2,0	2,4
Великобритания	2,4	4,6	6,3	1,5
Индия	2,3	4,1	0,9	2,6
Италия	2,1	5,0	6,3	5,3
Бразилия	1,6	4,0	3,2	11,4
ЮАР	1,6	5,7	3,6	4,5
Германия	1,5	4,6	8,1	2,7
Канада	1,2	5,2	6,8	2,5
Индонезия	1,2	1,3	0,6	9,8
Япония	1,0	3,6	6,2	1,5
Мексика	0,5	5,1	2,7	6,8

Источники: Доклад о развитии человека-2004. Издано для программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). — М.: Весь мир, 2004. — С. 224–227; OECR database 2005.

Диспропорции российской бюджетной системы могли быть легко исправлены путем соответствующего использования профицита бюджета для финансирования целей развития. Темп экономического развития был бы при этом почти вдвое выше, если бы правительство не замораживало пятую часть бюджетных доходов в Стабилизационном фонде, размещаемом за рубежом.

Подводя итог проводившейся во второе десятилетие реформ политики, следует отметить, что чистый вклад политики правительства в эко-

номический рост составлял в «тучные года» минус 6%, в прирост инвестиций — минус 8% в год. Только замораживание изымаемых через налоги средств в Стабилизационном фонде обходился в 3% ВВП снижения конечного спроса. Нереализованные вследствие отсутствия должной кредитной и инвестиционной политики государства возможности организации производства и лизинга новых российских самолетов, сельскохозяйственной техники, жилищного строительства, освоения передовых технологий и наращивания выпуска наукоемкой продукции составляют еще 3–5% ВВП.

Политика Центрального банка и правительства по сдерживанию денежного предложения, их неспособность организовать нормальную систему предоставления кредитов производственным предприятиям, меры по стерилизации денежной массы и фактическому поощрению вывоза капитала более чем ополовинивали инвестиционные возможности российской экономики. Объем производственных инвестиций у нас вдвое ниже объема сбережений, львиная доля которых хранится в иностранной валюте и вымывается из России.

Совокупная плата за некомпетентность экономической политики составляла более триллиона рублей ежегодно недопроизводимого валового продукта. Столь существенные экономические потери не могли не сказаться на состоянии социальной сферы. Первая пятилетка нового тысячелетия ознаменовалась стремительным падением средней продолжительности жизни населения. Она снизилась более чем на 1,5 года. В целом сокращение населения России с 2000 по 2004 год составило 4,6 млн человек, а с 2005 по 2008 год — еще 1,5 млн [36].

Разумеется, сокращение численности населения нельзя целиком списывать на проводимую сегодня политику, демографический кризис продолжается уже более десятилетия. Но исследования доказали, что его главная причина — затяжной психологический стресс населения, вызванный утратой жизненных ориентиров, сломом традиционных нравственных ценностей, резким снижением доходов и утратой жизненных перспектив для большей части населения. Все эти причины порождены действиями власти в экономической, социальной, информационной и прочих сферах. Ни одна из них не была устранена, хотя в условиях благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры у власти были для этого все возможности. Напротив, продолжавшаяся государством политика рыночного фундаментализма во всех сферах способствовала углублению причин вырождения населения.

Так, вместо реальной борьбы с наркотизацией населения, служащей главной причиной эпидемии СПИДа и повышенной смертности среди молодежи, правительство на порядок увеличило разрешенную дозу наркотиков, которую граждане могут держать при себе.

Вместо очищения электронных СМИ от льющегося на телезрителей потока насилия и разврата государственное телевидение само субсидировало изготовление такого рода «продукции», поощряя деморализацию населения.

Вместо реальных мер по оказанию помощи семьям с детьми правительство сняло с себя обязательства по выплате детских пособий. Имея полтриллиона свободных денег в Стабилизационном фонде, государство не нашло возможным изыскать средства для нормального обустройства сотен тысяч беспризорных детей, отдав их в руки организованной преступности.

Вместо сохранения наиболее эффективных в мире систем всеобщего народного образования и бесплатной медицинской помощи населению правительство вообще отказалось от выполнения законодательно установленных обязательств в этих сферах, сбрасывая их финансирование на регионы, у подавляющего большинства которых нет для этого средств. В условиях, когда бюджетные доходы на душу населения различаются в субъектах Федерации в 5–7 раз, это повлекло деградацию системы образования и здравоохранения на большей территории страны.

Имея избыток средств, вместо обеспечения социальных гарантий в соответствии с конституционным определением российского государства как социального федеральная власть от них отказалась, заменив права граждан на получение жизненно необходимых благ частичными денежными компенсациями. Вопреки закономерностям современного экономического роста, основанного на научно-техническом прогрессе и человеческом потенциале, правительственная политика угнетала эти главные факторы развития. В то время как все развитые страны переходят к экономике знаний, основанной на всеобщем высшем образовании и предоставлении каждому человеку возможностей для реализации своего творческого потенциала, российское государство фактически лишало своих граждан прав на современное образование, охрану здоровья и достойную оплату труда.

Свертывание социальных гарантий повлекло углубление деградации человеческого потенциала, качество которого составляет главный ресурс развития в экономике знаний XXI века. Неспособность государства к проведению политики стимулирования научно-технического прогресса и инновационной активности, отказ от полноценного финансирования науки и образования означали разрушение основных источников современного экономического роста. Платой за некомпетентность проводившейся государством социально-экономической политики стали не только миллионы загубленных человеческих жизней, но и будущее всей страны, которая в отсутствие грамотного, духовно и физически здорового населения стремительно утрачивала возможности самостоятельного развития, опустившись на сырьевую периферию мирового рынка.

Глава 6
Разрушение механизмов воспроизводства и дезинтеграция экономики

Развитие экономики определяется механизмами воспроизводства, обеспечивающими постоянное возобновление циклов разработки, изготовления, сбыта и потребления разнообразных видов продукции. Работа этих механизмов, в свою очередь, обеспечивается сложной системой институтов, соединяющих в едином процессе факторы производства, организующих и направляющих его в соответствии с общественными потребностями. При этом поддерживаются определенные пропорции между производством и потреблением, сбережениями и инвестициями, экспортом и импортом, а также между отраслями экономики, в зависимости от соотношения которых происходит простое, расширенное или суженное воспроизводство.

Экономические реформы изменяют механизмы воспроизводства. При этом чем радикальнее реформы, тем большие изменения затрагивают механизмы и институты воспроизводства экономики. В ходе произошедшего в России перехода от директивно управляемой к рыночной экономике они поменялись полностью. При этом разрушение старых механизмов не компенсировалось своевременным созданием новых, что влекло за собой нарушение пропорций, деградацию структуры и обвальное падение объемов производства.

6.1. Прекращение воспроизводства научно-технологического потенциала

Как было показано выше, к завершению периода радикальных реформ в 1998 году уровень производства в России сократился по сравнению с 1990 годом на 42,5%, а инвестиции в основной капитал — на 79%. При этом существенно ухудшилась структура производства — в отличие от других успешно развивающихся стран, наращивавших производство товаров с высокой добавленной стоимостью, в России росли главным образом экспорт энергоносителей и импорт ширпотреба. Наибольшие разрушения произошли в машиностроении, составляющем ядро воспроизводственного потенциала современной экономики.

В отсутствие сколько-нибудь выраженной инвестиционной и структурной политики государства технологические сдвиги в российской экономике приобрели явно регрессивный характер и выразились в быстрой деградации ее технологической структуры. При этом наиболее серьез-

ный регресс охватил самые современные производства и на фоне продолжающегося в мире НТП выразился в увеличении отставания России на 15–20 лет по уровню развития ключевых современных технологий. В настоящее время энерговооруженность одного работника промышленности в России в 3–5 раз ниже, чем в странах Запада, а фондовооруженность – в 6–8 раз. Россия в 5–6 раз уступает передовым странам по объему затрат на НИОКР на одного исследователя [95].

По имеющимся оценкам, доля современных технологий в структуре производства машиностроительной продукции сократилась с 33% в 1992 году до 21% в 1998 году, а в экономике в целом в первой половине 1990-х годов их доля снизилась с 6 до 2%. Начавшийся после дефолта 1998 года подъем практически не затронул высокотехнологические производства, о чем свидетельствует дальнейшее сокращение численности ученых, снижение стоимости основных средств исследований и разработок и ухудшение их результативности. За первую постдефолтную пятилетку к 2003 году по сравнению с предкризисным 1997-м число созданных в России новых производственных технологий сократилось в 1,4 раза, а принципиально новых по мировым стандартам технологий — в 1,6 раза. В первое десятилетие нового века, в годы экономического подъема, производство принципиально новых по мировым стандартам технологий уменьшилось в 1,3 раза [84].

К 2008 году удельный вес новой для рынка продукции в общем объеме отгруженной продукции составил всего 0,4%. Россия утратила значительную часть секторов мирового рынка высокотехнологической продукции, на которых ранее доминировала. К примеру, по данным Лазерной ассоциации в начале 1980-х годов объем отечественного производства технологических лазеров и оборудования составлял не менее 50% от мирового, сейчас он вряд ли превышает 0,1% [56].

На мировых рынках высокотехнологической продукции Россия занимает менее 0,3% — это более чем на два порядка меньше, чем США, на порядок меньше, чем Мексика, втрое меньше, чем Филиппины. Заметим, что доля СССР составляла около 18% [56]. После его распада развитие отечественной высокотехнологической промышленности прекратилось. По оценкам экспертов, производство высокотехнологической бытовой электроники, приборостроение и станкостроение оказались в зоне «некомпенсируемого технологического отставания». По индексу технологического развития Россия опустилась на 66-е место, по трансферту технологий — на 52-е место из 56 стран. Стремительное разрушение высокотехнологического ядра современной экономики означает разрушение технологической основы устойчивого экономического роста, закрепление отсталости российской экономики.

Резко снизилась инновационная активность предприятий. Если в конце 1980-х годов доля промышленных предприятий, ведущих разработку и внедрение нововведений в СССР, составляла около 2/3, то к 2002 году

она снизилась до 9,8% (в развитых странах эта доля превышает 70%). Среднее значение индекса инновационной активности по 32 отраслям за период 2001–2003 годов осталось на крайне низком уровне, увеличившись с 9,6 до 11,2%, по отраслям машиностроения — с 21,8 до 25%. При этом в 2003 году по сравнению с 2000 годом количество организаций, приобретавших новые технологии и программные средства, сократилось на 14%, результаты НИОКР — на 20%, ноу-хау — на 30% [52].

Интенсивность инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности упала до 1%, а уровень инновационности продукции снизился до 10%. При этом в структуре затрат на технологические инновации в промышленности доминируют маркетинговые исследования и производственное проектирование (50%), в то время как затраты на НИОКР составляют лишь 10% (в развитых странах соотношение обратное) — освоение новой техники приобретает явно имитационный характер.

Российский экспорт технологий упал до 0,63 млрд долларов по сравнению с 3,8 млрд долларов в Финляндии и 86 млрд долларов в США. В целом индекс технологического обмена в обрабатывающей промышленности России снизился за 1998–2003 годы с 0,59 до 0,03 — в 20 раз! Это означает прекращение способности поставлять технологии и инжиниринговые услуги в другие страны, формирование экономики имитационного типа и потерю технологической независимости страны [29]. Доля финансовых средств, направляемых российскими предприятиями на инновационную деятельность, в 10–15 раз ниже, чем в развитых странах. Фактически российская экономика лишилась механизма воспроизводства научно-технологического потенциала. Неудивительно, что по индексу конкурентоспособности Россия находится на 63-м месте из 75 стран — на уровне Венесуэлы и Индонезии [98]. По рейтингу Всемирного экономического форума по инновационному потенциалу российская экономика опустилась на 57-е место из 131 страны.

Серьезные разрушения произошли в научно-техническом потенциале страны, который является главным источником современного экономического роста. С началом реформ объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок сократился на порядок, снизившись втрое по отношению к ВВП. Численность ученых в России за период с 1989 по 2005 год сократилась в 2,9 раза (с 1 млн 119 тыс. человек до 381 тыс. человек) [66]. Общая тенденция сокращения численности персонала, занятого исследованиями и разработками (за исключением короткого двухлетнего периода 1999–2000 годов), сохраняется начиная с 1990 года (табл. 1). Самое низкое значение этого показателя зафиксировано на 1 января 2007 года — 801,1 тыс. человек, что составляет 41,2% по отношению к 1990 году и 90,2% — к 2000 году. За период 1991–1995 годов численность научного персонала снизилась на 45,4%, 1996–2000 годов — на 16,3%, 2001–2007 годов — на 9,8% [88].

Таблица 1

Численность персонала, занятого исследованиями и разработками

	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Тыс. человек	1943,4	1061,0	887,7	885,6	870,9	858,5	839,3	813,2	807,1	801,1
В процентах к 1990 г.	100,0	54,6	45,7	45,6	44,8	44,2	43,2	41,8	41,5	41,2

Разрушение механизмов воспроизводства научно-технического потенциала влечет сильную инерцию деградации научно-технического потенциала страны. Согласно официальным прогнозам, сокращение численности занятых исследованиями и разработками будет продолжаться до 2014 года[1].

Заметим, что Россия остается единственной страной в мире, в которой абсолютно сокращается численность ученых и исследователей, а также количество научно-исследовательских и проектных организаций (рис. 1). И это происходит после обвального разрушения научно-технического потенциала в 1990-е годы, когда число проектных институтов уменьшилось в 12 раз [14].

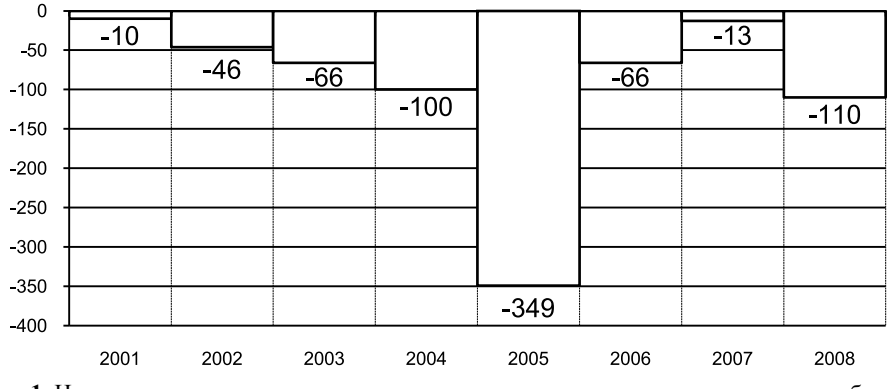

Рис. 1. Научно-исследовательские организации, выполняющие исследования и разработки: 2001–2008 гг. (в сопоставлении с предыдущим годом).

Несмотря на заметное увеличение расходов на НИОКР в первое десятилетие нового века, их объем остается явно недостаточным для поддержания даже простого воспроизводства научно-технического потенциала (табл. 2).

Как указывается в [81], лидером в мире по численности персонала, занятого исследованиями и разработками, в предкризисном 2007 году, без учета данных по США, являлся Китай — 1736,2 тыс. человек. По сравнению с 2006 годом она увеличилась на 233,7 тыс. человек. На втором месте

[1] Состояние и тенденции развития науки в России. Информационно-аналитическое издание. — М., 2009.

находится Япония с численностью персонала 937,9 тыс. человек, увеличившая количество персонала на 2,7 тыс. человек. Россия по численности персонала продолжает занимать одно из лидирующих мест — 912,3 тыс. человек. Однако в отличие от указанных стран в России даже в предкризисном 2007 году произошло дальнейшее сокращение персонала, занятого исследованиями и разработками, на 4,2 тыс. человек. При этом Турция увеличила свой персонал с 27,7 тыс. в 2001 году до 63,4 тыс. человек в 2005 году, или более чем в 2 раза, Испания — с 125,7 тыс. в 2001 году до 201,1 тыс. человек в 2007 году, или на 59,9%, соответственно Чехия — с 26,1 тыс. до 49,2 тыс. человек (88,8%), Португалия — с 23,0 тыс. до 34,6 тыс. человек (50,6%), Тайвань — с 107,8 тыс. до 175,7 тыс. человек (46,4%) и Аргентина — с 37,4 тыс. до 53,2 тыс. человек (42%).

Таблица 2

Внутренние затраты на исследования и разработки

	2000	2003	2005	2006	2007	2008
Внутренние затраты на исследования и разработки:						
в действующих ценах, млн руб.	76697,1	169862,4	230785,2	288805,2	371080,3	431073,2
в ценах 2000 г.*, млн руб.	76697,1	110544,3	104911,9	113667,0	128228,5	125068,4
в процентах к 2000 г.	100	144,1	136,8	148,2	167,2	163,3
в процентах к ВВП*	1,05	1,28	1,07	1,07	1,12	1,03

* Приведенные данные могут отличаться от ранее опубликованных в связи с уточнением Росстатом объемов дефляторов валового внутреннего продукта.
Источник: Состояние и тенденции развития науки в России. Информационно-аналитическое издание. — М., 2009.

По данным ОЭСР, в России на 1000 занятых в экономике приходится 6,7 научных исследователей. По этому показателю мы в 1,5–2 раза уступаем лидерам — Финляндии, Японии, США, Южной Корее, Франции. Расходы на НИОКР на душу населения в странах ОЭСР достигают почти 700 долларов в год, а в США, Японии, Израиле и Финляндии — примерно 1,1 тыс. долларов. Из этих сумм затраты частного сектора в ОЭСР составляют около 450 долларов, а в США — примерно 750 долларов, в Японии — 870 долларов. В России подушевые расходы на НИОКР не превышают 140 долларов (по паритету покупательной способности), причем вклад частного сектора — всего лишь около 40 долларов (еще 15 долларов поступают из зарубежных источников). По государственным расходам на НИОКР на душу населения (86 долларов) Россия отстает от лидеров в 4–5 раз, а по частным (40 долларов) — в 15–20 раз. Даже Китай с его огромным населением по уровню подушевых расходов частного сектора на исследования и разработки уже почти в 1,5 раза опережает Россию! [14].

Абсолютное и относительное снижение численности занятых научными исследованиями и разработками в России усугубляется крайне низким

уровнем финансирования научных исследований. Как отмечается в [14], Россия в 3 раза отстает от среднемирового уровня по затратам на одного научного сотрудника. Мы особенно уступаем развитым странам — в 5 раз США и Германии, в 4 раза — Великобритании, Франции и Японии. Особенно низкими являются затраты на одного российского исследователя в общественных и гуманитарных науках.

Стоимость основных средств и оборудования в расчете на одного исследователя в России составляет менее 5 тыс. долларов, поскольку на протяжении многих лет соответствующие закупки для НИОКР ведутся по остаточному принципу. Всего 25 млрд рублей — меньше 6% совокупных расходов на НИОКР — выделяется на обновление оборудования. Стоимость основных средств, используемых для исследований и разработок, в расчете на одного занятого в них снизилась с 1995 года в постоянных ценах примерно на 30%, а стоимость машин и оборудования — почти на 25%. Это не позволяет многим талантливым ученым реализовать свои способности в России. Зарплата отстает от средней заработной платы в стране и по-прежнему многократно уступает уровню дохода ученых в развитых государствах.

Все это привело к «утечке умов». По некоторым оценкам, из страны уехали от 100 до 250 тыс. ученых [83]. Ныне в российской науке занято 25 тыс. докторов наук, при том что только в США проживает более 16 тыс. докторов наук — выходцев из бывшего СССР. При этом в России меньше трети научных исследователей относятся к наиболее продуктивной возрастной группе 30–50 лет, а четверть докторов наук — старше 70 лет.

Вместе с тем, как отмечается в [88], наиболее быстрый рост внутренних затрат на исследования и разработки в первом десятилетии этого века происходил в России. Так, в 2006 году по сравнению с 2000 годом внутренние затраты Германии увеличились на 14 432 млн долларов. США, или на 27,6%, соответственно Италии — на 4154 млн долларов, или на 27,27%, Канады — на 6618 млн долларов, или на 39,66%, России — на 8421 млн долларов, или на 71,77%, Великобритании — на 7767 млн долларов, или на 27,91%, США — на 80 537 млн долларов, или на 30,03%, Франции — на 8588 млн долларов, или на 26,08% и Японии — на 40 007 млн долларов, или на 40,5%. В 2007 году тенденция роста внутренних затрат на исследования и разработки еще более возросла. В России внутренние затраты увеличились на 4970 млн долларов, или на 24,7%, в Германии, — на 2618 млн долларов (3,9%), во Франции — на 1852 млн долларов (4,5%) и в Канаде — на 664 млн долларов (2,8%).

Несмотря на высокие темпы, в абсолютном выражении прирост расходов на НИОКР в России остается весьма скромным. По абсолютному росту объема внутренних затрат на исследования и разработки за период 2000–2007 годов лидировали США (увеличили свои затраты на 100 678 млн долларов, или на 37,5%), Китай (на 70 460 млн долларов, или на 280,8%), Япония

(на 49 026 млн долларов, или на 49,6%), Корея (на 23 247 млн долларов, или на 125,7%), Германия (на 19 579 млн долларов, или на 37,45%), Россия (на 11 733 млн долларов, или на 100,6%), Франция (на 10 313 млн долларов, или на 31,3%), Тайвань (на 9479 млн долларов, или на 107,2%).

По абсолютной величине расходов на НИОКР Россия отстает от США в 17 раз, от Европейского союза в 12 раз, от Китая в 6,4 раза, от Индии в 1,5 раза [14]. При этом до сих пор объем расходов на НИОКР остается ниже дореформенного уровня. В 2008 году внутренние затраты на исследования и разработки в России достигли 74,4% от уровня 1991 года, но оставались почти вдвое меньше, чем в 1990 году. В абсолютном выражении общий объем бюджетных ассигнований на гражданскую науку в России в 2008 году составил 162,1 млрд рублей, что в пересчете в постоянные цены почти в 2,4 раза ниже, чем в 1991 году [50].

Обвальное сокращение расходов на НИОКР в годы либеральных реформ повлекло резкое снижение конкурентоспособности национальной экономики и утрату значительной части потенциала экономического роста. При этом наибольшему разрушению подверглась прикладная наука, ставшая жертвой приватизации, уничтожившей большую часть отраслевых НИИ и КБ. В результате корпоративный сектор остался без науки. В развитых странах корпоративными промышленными структурами выполняются 2/3 НИОКР, в то время как в России всего 6%. Несмотря на приватизацию основной части промышленности и значительное улучшение экономической конъюнктуры в первое десятилетие нового века, доля негосударственных организаций, выполняющих исследования и разработки, продолжала сокращаться, так же как доля внебюджетных источников финансирования НИОКР (табл. 3, рис. 2).

Таблица 3

Бюджетные и внебюджетные источники финансирования внутренних затрат на исследования и разработки

	Внутренние затраты на научные исследования и разработки — всего, млн руб.	В том числе		Удельный вес источников финансирования, %	
		средства бюджетов*	внебюджетные источники	средства бюджетов*	внебюджетные источники
2000	76697,1	41190,9	35506,2	53,7	46,3
2003	169862,4	99283,5	70601,9	58,4	41,6
2005	230785,2	140463,8	90321,4	60,9	39,1
2006	288805,2	173482,4	115322,8	60,1	39,9
2007	371080,3	228449,1	142631,2	61,6	38,4
2008	431073,2	272098,8	158974,4	63,1	36,9

* Здесь и далее под средствами бюджетов понимаются средства бюджетов всех уровней, бюджетные ассигнования на содержание вузов, средства организаций государственного сектора.

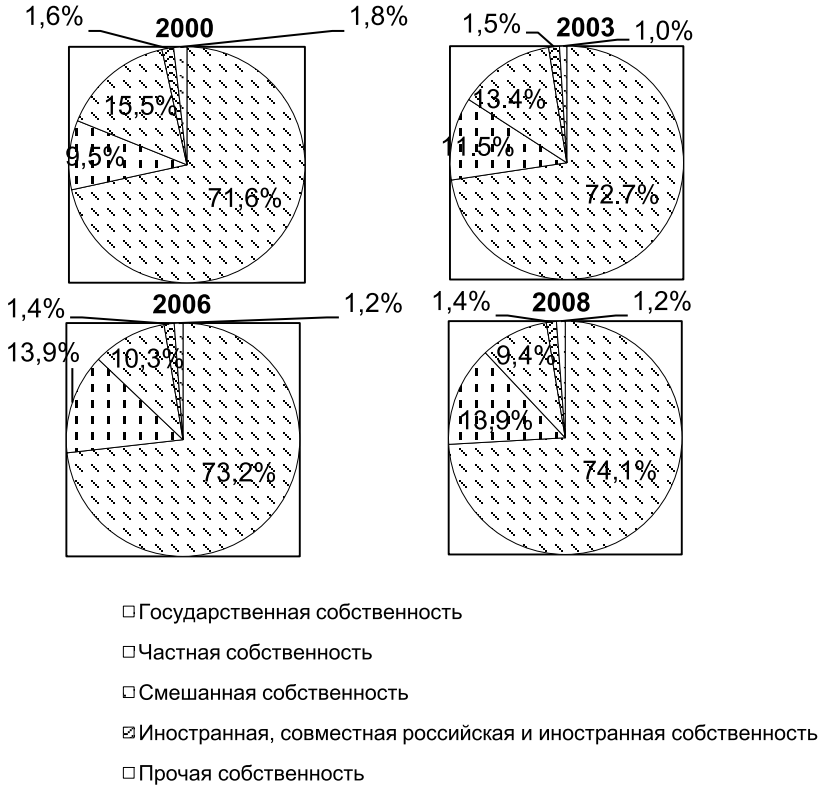

Рис. 2. Структура собственности научных организаций.

Источник: Состояние и тенденции развития науки в России // Информационно-аналитическое издание. — М., 2009.

Государство остается основным субъектом инновационной деятельности, владея 74% научно-исследовательских организаций и неся 63% расходов на НИОКР. Даже в расходах на НИОКР предпринимательского сектора государственная доля в настоящее время составляет более половины (табл. 4).

Государство остается и главным собственником основных средств исследований и разработок. При этом в годы бурного роста частнопредпринимательской деятельности доля основных средств науки, находящихся в государственной собственности, увеличилась к 2008 году до 87,8% против 81,9% в 2000 году. Доля основных средств исследований и разработок, находящихся в частной собственности, в 2008 году осталась на уровне 2000 года (4,4%). Вопреки призывам к частно-государственному партнерству удельный вес основных средств, находящихся в смешанной форме собственности, непрерывно снижался на протяжении всего рассматриваемого периода и составил 5,9% в 2008 году против 11,3% в 2000 году [88].

Столь превалирующая роль государства в организации и проведении НИОКР не соответствует стандартам современной рыночной экономики. В странах ОЭСР соотношение расходов государственного и частного сектора на НИОКР составляет от 1 : 3 до 1 : 4. У нас соотношение противоположное — 2,5 : 1, более того, государство финансирует свыше половины НИОКР (56%), выполняемых частными компаниями. Для ОЭСР этот показатель равен всего 7%, для Китая — менее 5%. Таким образом, для России проблема заключается в крайне низком уровне финансирования исследований и разработок бизнесом [88].

Таблица 4

Структура бюджетных и внебюджетных источников финансирования внутренних затрат на исследования и разработки по секторам деятельности, %

	Средства бюджетов		Внебюджетные источники финансирования	
	2000	**2008**	**2000**	**2008**
Всего	53,7	63,1	46,3	36,9
Государственный сектор	75,8	78,0	24,2	22,0
Предпринимательский сектор	45,5	56,0	54,5	44,0
Сектор высшего профессионального образования	63,6	62,4	36,4	37,6
Сектор некоммерческих организаций	46.8	69,3	53,2	30,7

Источник: Состояние и тенденции развития науки в России // Информационно-аналитическое издание. — М., 2009.

Следует отметить, что в относительно благополучные 2000-е годы по сравнению с катастрофическими 1990-ми годами численность занятых в предпринимательском секторе НИОКР сократилась у нас более чем на 35%. В стране отсутствует спрос на инновации. Удельный вес затрат на технологические инновации нашей промышленности составляет 1,2%, а в добывающей промышленности — всего 0,8%. Затраты российского бизнеса на НИОКР не превышают 0,3% ВВП (что в 7–10 раз меньше, чем в развитых странах). Лишь три российские компании входят в число 1000 крупнейших компаний мира по объему затрат на НИОКР (доля США в этом числе — 38%, Европейского союза — 26, Японии — 22%). Расходы крупных российских компаний на НИОКР составляют около 2% всех инвестиций [14], что ничтожно мало в условиях современного НТП (в наукоемких отраслях расходы на НИОКР составляют основную часть инвестиций в основной капитал).

Инновационная анемия частного сектора, на долю которого приходится подавляющая часть производимой в России продукции и доходов, является следствием проведенной в 1990-е годы приватизационной кампании, разрушившей отраслевую и заводскую науку. Эта трудно преодо-

лимая патология является главным препятствием для перехода страны на инновационный путь развития. В структуре инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности доля инвестиций в научные исследования и разработки находилась в 2000–2006 годах на уровне 0,5–0,7%. Этого явно недостаточно, чтобы вывести отечественную науку на уровень, соответствующий мировым требованиям.

Таблица 5

Внутренние затраты на исследования и разработки в России, странах ОЭСР и ряде других стран в 2007 г. (в расчете по паритету покупательной способности национальных валют)*

	Всего, млн долл. США	В процентах к ВВП	В расчете на душу населения, долл. США	Страна	Всего, млн долл. США	В процентах к ВВП	В расчете на душу населения, долл. США
Россия	23482	1,12	164,8	Мексика	5919	0,46	57,0
Австралия	14914	2,01	716,3	Нидерланды	10 950	1,70	668,6
Австрия	7416	2,56	952,0	Новая Зеландия	1384	1,21	324,5
Бельгия	7028	1,87	661,7	Норвегия	4133	1,64	878,2
Великобритания	38 893	1,79	639,9	Польша	3482	0,57	91,4
Венгрия	1823	0,97	181,3	Португалия	2850	1,18	268,6
Германия	71 861	2,54	873,6	Словакия	498	0,46	92,3
Греция	1828	0,57	163,4	США	368 799	2,68	1220,8
Дания	5008	2,55	917,3	Турция	6830	0,71	92,4
Ирландия	2574	1.31	590,8	Финляндия	6377	3,47	1205,7
Исландия	305	2,75	980,2	Франция	43 233	2,08	680,1
Испания	18 000	1,27	401,1	Чехия	3814	1,54	369,5
Италия	19 678	1,13	333,9	Швейцария	7474	2,91	1002,7
Канада	23 829	1,88	724,1	Швеция	12076	3,60	1320,1
Корея	41 742	3,47	861,4	Япония	147 801	3,44	1156 8
Китай	102 331	1,49	77,0	Израиль	8846	4,64	1276,9
Тайвань	18 325	2,63	798,2	Аргентина	2656	0,51	67,2

* Данные по Австралии и Италии — за 2006 г., Мексике — 2005 г., по Швейцарии — за 2004 г.
Источник: Состояние и тенденции развития науки в России // Информационно-аналитическое издание. — М., 2009.

В условиях рыночной экономики государство не в состоянии вытянуть необходимый для инновационного развития объем финансирования НИОКР. Хотя за период с 2000 по 2007 год фактические объемы ассигнований на исследования и разработки из госбюджета в России выросли на 12 728 млн долларов, или на 266% (по сравнению с 70% в США, в Японии —

на 37,68%, в Германии — на 24,12% и во Франции — на 5,55%), общий уровень расходов на НИОКР остался на явно недостаточном уровне. По объему внутренних затрат на исследования и разработки как в абсолютном, так и в относительном выражении, не говоря уже об уровне их интенсивности в расчете на душу населения, Россия отстает от большинства стран «восьмерки» и новых индустриальных стран (табл. 5).

Вследствие инновационного паралича негосударственного сектора, несмотря на солидную численность исследователей, Россия занимает весьма скромное место на мировом рынке технологий. Она имеет самые маленькие объемы как экспорта технологий (630 млн долларов), так и их импорта (1426 млн долларов) среди стран «группы восьми» (табл. 6).

Таблица 6

Международная торговля технологиями, млн долларов США

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Экспорт технологий								
Германия	13 583	14 576	16 553	23 250	28 726	34 307	36 670	42 739
Италия	2807	2684	2977	3108	3861	4265	4968	5737
Канада	2600	2076	1436	1773	2136	2323		
Россия	203	242	211	237	384	389	533	630
Великобритания	16 330	18023	19 665	23 539	29 569	30 804	30 406	
США	43 233	47 442	52 650	56 364	63 178	69 600	75 380	
Франция	2742	3196	3620	5188				
Япония	9816	10 259	11 060	13044	16 354	18402	20 449	
Импорт технологий								
Германия	18 215	21 030	21 726	23 278	25 869	29 756	32 836	38350
Италия	3505	3440	2993	3795	4070	4553	3990	4619
Канада	1278	1049	1101	1125	1160	1235		
Россия	183	395	572	666	823	954	1128	1426
Великобритания	8344	8590	8549	10450	13957	14 867	15425	
США	16 468	18 963	22 381	23 443	28 336	31 376	35 479	
Франция	2644	2695	2801	3234				
Япония	4113	4512	4320	4863	5247	6385	6065	
Баланс платежей за технологии								
Германия	-4632	-6454	-5173	-28	2857	4552	3834	4389
Италия	-699	-756	-16	-686	-208	-288	978	1118
Канада	1322	1027	336	648	976	1088		
Россия	20,6	-154	-361	-429	-439	-565	-595	-796
Великобритания	7986	9433	11 116	13 090	15 612	15 936	14 981	
США	26 765	28 479	30 269	32 921	34 842	38 224	39 901	
Франция	98	501	818	1955				
Япония	5703	5747	6740	8181	11 108	12 018	14 384	

Источник: Состояние и тенденции развития науки в России // Информационно-аналитическое издание. — М., 2009.

В современных условиях деградация научно-технического потенциала страны ведет к необратимой утрате возможностей будущего социально-экономического развития. Дальнейшее снижение конкурентоспособности российской экономики предопределяется профилем ее инновационной системы — по показателям инновационной активности, результативности исследований и разработок, их финансирования она существенно отстает от развитых стран (рис. 3).

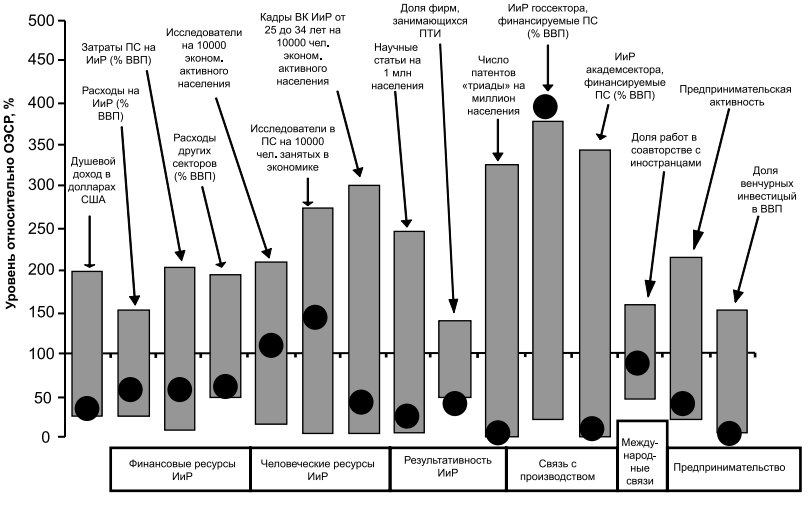

Рис. 3. Профиль национальной инновационной системы.
Источник: Голиченко О.Г. Национальная инновационная система России: состояние и пути развития. — М.: Наука, 2006.
Аббревиатуры в рисунке:
ВК — высшей квалификации;
ПТИ — производственно-техническими инновациями;
ПС — предпринимательским сектором;
ИиР — исследования и разработки

Как следует из изложенного выше, ранее действовавшие механизмы воспроизводства научно-производственного потенциала полностью разрушены, а новые к настоящему времени не сформированы.

6.2. Дезинтеграция промышленности

Стремительная деградация научно-производственного потенциала страны предопределяет сползание российской экономики на периферию мировой экономической системы. Сырьевая специализация, крайне низкая оплата труда, явно недостаточное финансирование научных исследований, бегство капитала и «утечка умов», вымывание национального дохода

через обслуживание внешнего долга и размещение валютных резервов — все эти характерные черты периферийной страны сегодня в полной мере присущи российской экономике.

За годы реформ российская экономика переориентировалась на импортную технологическую базу — еще одна характерная черта стран сырьевой периферии. Согласно округленной оценке академика А.Г. Аганбегяна [1], уже на 80% наша потребность в машинах и оборудовании удовлетворяется импортом, а ведущие отрасли машиностроения, прежде всего станкостроение, тяжелое машиностроение, не говоря уже об электронике, сведены к минимуму. По имеющимся оценкам, на долю отечественного производства приходится не более 1% всех станков, закупаемых российским бизнесом.

Экспортно ориентированные сырьевые отрасли все большую часть оборудования стали приобретать за рубежом. Даже вполне конкурентоспособная продукция отечественного высокотехнологического машиностроения для топливно-энергетического комплекса перестала быть востребованной сырьевыми корпорациями, которые переориентировались на иностранную технику. По данным межотраслевого баланса Росстата, в 2002 году удельный вес импорта во внутреннем потреблении продукции машиностроения достиг 43,7%. По расчетам специалистов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, в обозримом будущем до 60% необходимых для модернизации российской экономики технологий придется приобретать за границей [62].

Фактически российская промышленность распалась на относительно благополучный экспортно ориентированный сырьевой сектор и сужающийся под давлением импорта внутренний сектор, который все больше отстает от зарубежных конкурентов и разрушается. Эти сектора имеют разные механизмы воспроизводства и разный состав обеспечивающих их институтов. При этом воспроизводственный контур первого все более замыкается на мировой рынок, изолируясь от внутреннего и переориентируясь на импортную технологическую базу и иностранный рынок капитала. Доходы от экспорта сырья и энергоносителей остаются за рубежом, лишь в незначительной степени трансформируясь в спрос на отечественную продукцию.

С середины 1990-х годов сложился и воспроизводится сырьевой перекос российской экономики — на долю ресурсных отраслей (нефтегазовой, металлургической, лесохимической промышленности) приходится около 5% занятых, 10% фонда заработной платы, более трети добавленной стоимости и свыше половины экспорта отраслей российской экономики. Последняя становится все более примитивной, беря на себя функции сырьевого придатка Евросоюза и Китая и лишаясь механизмов самостоятельного воспроизводства. Это наглядно видно по национальному профилю российской промышленности и произошедшим за годы ре-

форм изменениям в структуре промышленного производства, в которой устойчиво снижалась доля высокотехнологического сектора и росла доля добывающей промышленности (рис. 4, 5).

Рис. 4. Национальный профиль индустрии за 1990–2002 гг.
Источник: Государственная промышленная политика России: проблемы формирования и реализации. — М.: ТПП РФ, 2003.

Произошедшая структурная деформация российской экономики свидетельствует о ее попадании в ловушку сырьевой специализации. Об этом ясно говорит гипертрофированное повышение веса сырьевых отраслей, ориентированных на экспорт, и деградация производства товаров конечного спроса, ориентированных на внутренний рынок. Если за последние полстолетия доля ТЭК в мировой экономике снизилась с 15 до 9,3%, то в России она за последние 15 лет подскочила до 19%. При этом с 30 до 18,9% уменьшилась доля инновационно-инвестиционного сектора.

Наряду с топливно-энергетическим комплексом в структуре промышленного производства резко выросла доля химико-металлургического комплекса при сокращении доли машиностроения. Последняя упала до 25% по сравнению с 45–55% в развитых странах.

Структурные деформации российской экономики возникли вследствие проводившейся экономической политики в условиях ее интеграции в мировую экономику. Как было показано выше, с одной стороны, вследствие использованных методов приватизации и макроэкономической

стабилизации произошло глубокое разрушение механизмов воспроизводства научно-производственного потенциала, повлекшее его деградацию. С другой стороны, вследствие либеральной внешнеэкономической политики, сопровождавшейся периодическим повышением реального курса рубля, субсидированием импорта оборудования и техники, в отсутствие системных мер по поддержке высокотехнологического экспорта произошло резкое снижение конкурентоспособности отечественных товаров. В результате этих процессов структура внешней торговли приобрела типично колониальные черты (рис. 6).

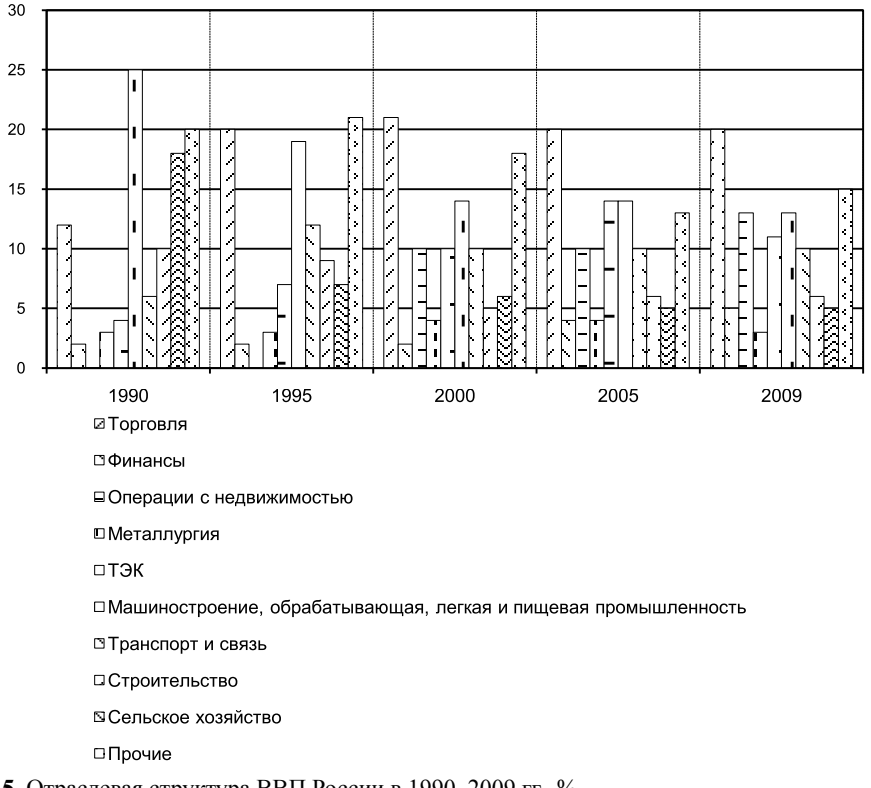

Рис. 5. Отраслевая структура ВВП России в 1990–2009 гг., %.
Источники: Госкомстат СССР, Госкомстат России, Росстат.

Следует отметить резкое ухудшение за первое десятилетие нового века и без того неблагоприятной структуры российской внешней торговли. Доля сырьевых товаров в экспорте выросла с половины до 2/3, а доля машин и оборудования в импорте — с четверти до половины. Машиностроение, электроника и другие высокотехнологичные отрасли формируют 7–8% отечественного ВВП. Экспорт высокотехнологичной продукции составляет всего 2,3% промышленного экспорта России (в США этот показатель достигает 32,9%, в Китае — 32,8%).

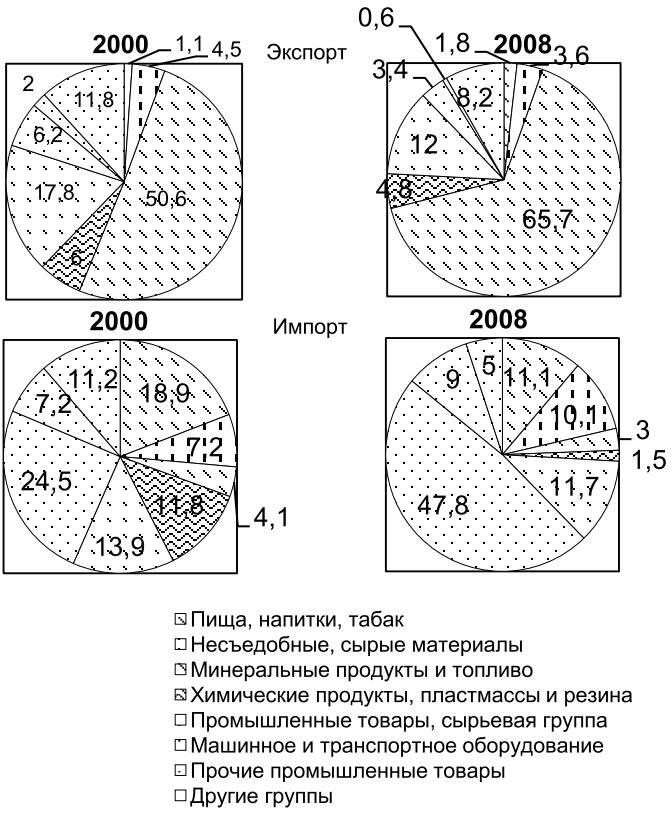

Рис. 6. Структура внешней торговли России товарами.

Источник: European Energy Security In View of Russian Economic and Integration Prospects, Research Reports 362, Wiener Institut für Internationale Wirtschaftsvergleiche, May 2010.

Вместе с резким сокращением производства наукоемкой продукции эти тенденции обрекают российскую экономику на неэквивалентный внешнеэкономический обмен и нарастающее технологическое отставание. Экспортируя сырье и импортируя готовые изделия, Россия теряет невоспроизводимую природную ренту, обменивая ее на интеллектуальную ренту и финансируя, таким образом, научно-технический прогресс и экономический рост за рубежом.

Разрыв воспроизводственных контуров, связывавших сырьевой сектор с обрабатывающей промышленностью, произошел в результате резкого падения спроса на ее продукцию вследствие обвального падения производства товаров конечного спроса на фоне либерализации внешней торговли. Последняя дала производителям сырьевых товаров и энергоносителей возможность сбыта продукции по ценам мирового рынка,

многократно превышавшим в начальный период реформ внутренние цены. Это вызвало переориентацию сырьевых потоков на экспорт, сопровождавшуюся резким повышением внутренних цен на сырьевые товары, сделавшим их малодоступными для обрабатывающей промышленности. При этом издержки производства предприятий сырьевого сектора продолжали формироваться по внутренним ценам, включая многократно заниженный по сравнению с другими странами уровень оплаты труда. Таким образом переориентация сырьевого сектора на экспорт сопровождалась его субсидированием со стороны внутренне ориентированного сектора экономики, которое поддерживалось занижением обменного курса рубля. Последний в течение всего периода реформ был в среднем вдвое ниже паритета покупательной способности валют, что означало стопроцентное субсидирование экспортируемой продукции за счет всей остальной экономики (рис. 7).

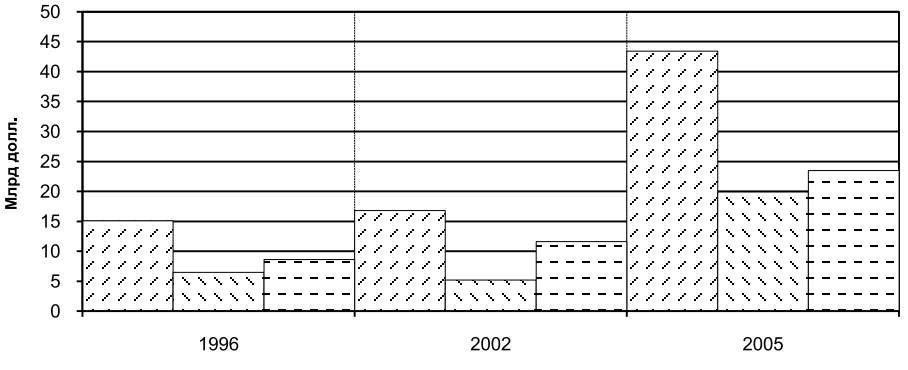

Рис. 7. Оценка перетока капитала из внутренне в экспортно ориентированный сектор экономики в следствие заниженного курса рубля.
Источник: экспертные оценки А.Н. Павлова.
Примечание. За основу взяты расчеты паритета покупательной способности, проводимые в рамках международных сопоставлений. Как правило, курс рубля занижен минимум в 2 раза (до 3 раз). Часть сверхдохода от перетока капитала в экспортный сектор изымается и перераспределяется через бюджетную систему. В то же время и сам экспортный сектор снабжается оборудованием по завышенному курсу доллара, однако это влияние в оценках нивелируется другими разделами импорта, например сырья и полуфабрикатов.

При сложившихся ценовых пропорциях, структуре внешней торговли и масштабах вывоза капитала за рубеж внутренне ориен-

тированный сектор будет продолжать деградировать, субсидируя экспорт сырья, пока его возможности не будут исчерпаны. По мере деградации внутренне ориентированного сектора будут уменьшаться и перетоки создаваемой им добавленной стоимости и соответственно падать темпы экономического роста. При этом в силу своего сырьевого характера экспортно ориентированный сектор не сможет компенсировать сжатие внутренне ориентированного сектора, который остается доминирующим в структуре экономики как по численности занятых, так и по величине добавленной стоимости (рис. 8). Это отчетливо показал глобальный экономический кризис, повлекший обвальное падение внешней торговли, которое могло быть компенсировано только увеличением внутреннего спроса. Продолжение сжатия внутренне ориентированного сектора (табл. 7) снижает возможности развития и устойчивость российской экономики, в том числе и в части развития и диверсификации экспорта.

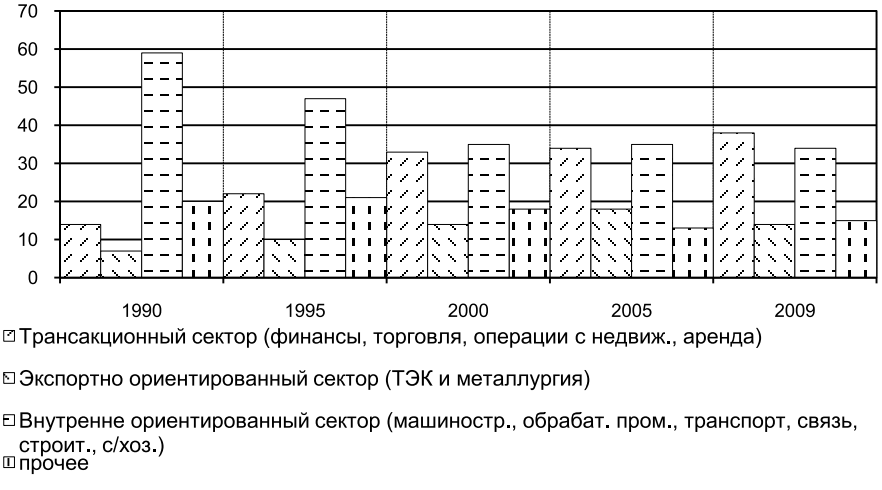

Рис. 8. Секторальная динамика структуры ВВП в 1990–2009 гг., %.
Источники: Госкомстат СССР, Госкомстат России, Росстат.

При сохранении сложившихся тенденций сужение возможностей воспроизводства экономического потенциала повлечет его дальнейшее сжатие вследствие массового выбытия устаревших основных фондов во внутренне ориентированном секторе и социальной сфере. Это будет означать замораживание низкого уровня жизни большинства населения, две трети которого будут лишены перспективы самореализации и получения высоких доходов.

Таблица 7

Отраслевая структура ВВП, %

	1990 (СССР)	1995	2000	2005	2009
Торговля	12	20	21	20	20
Финансы, страхование,	2	2	2	4	5
Операции с недвижимостью, аренда			10	10	13
Металлургия	3	3	4	4	3
ТЭК	4	7	10	14	11
Машиностр.,обраб., легкая, пищевая пром.	25	19	14	14	13
Транспорт и связь	6	12	10	10	10
Строительство	10	9	5	6	6
Сельское хозяйство	18	7	6	5	5
Прочие	20	21	18	13	15
ВВП, всего	88	80	79	80	80
Трансакционный сектор (финансы, торговля, операции с недвиж., аренда)	14	22	33	34	38
Экспортно ориентированный сектор (ТЭК и металлургия)	7	10	14	18	14
Внутренне ориентированный сектор (машиностр., обрабат. пром., транспорт, связь, строит., с/хоз.)	59	47	35	35	34
Прочее	20	21	18	13	15
ВВП, всего	100	100	100	100	100

6.3. Разрушение воспроизводства человеческого потенциала

Вследствие обвального падения производства в наиболее трудоемких отраслях российской экономики серьезному разрушению подвергся механизм воспроизводства человеческого потенциала, составляющего основной фактор современного экономического роста. Со второй половины прошлого века расходы на воспроизводство человеческого капитала в развитых странах стали превышать расходы на воспроизводство основных фондов. Как было показано в первой главе, за годы реформ в России произошло резкое ухудшение условий воспроизводства человеческого капитала, основной причиной которого стало значительное снижение оплаты труда и социальных расходов.

Главными причинами заниженной оплаты труда являются спад производства и разорение значительной части предприятий, недо-

финансирование государственных обязательств, недооценка оплаты труда наемных работников. В том числе со стороны государства, недоплачивающего работникам образования, науки, здравоохранения и культуры как минимум половину положенной им исходя из общемировых стандартов зарплаты.

Недооценка труда наемных работников стала характерной чертой сложившейся в России антисоциальной модели воспроизводства, в которой доходы достигаются не честным трудом или эффективными инвестициями, передовыми техническими решениями, а образуются за счет присвоения чужого: приватизации государственной собственности, завышения цен монополистами, перераспределения природной и административной ренты в частных интересах, занижения оплаты труда. Доля последней в структуре денежных доходов населения составляет 37,2% по сравнению с 70–80%, характерными для развитых стран. Вместе с социальными трансфертами и выплатами социального характера наемным работникам эта величина достигает 53,4%. За счет занижения оплаты труда извлекаются дополнительные прибыли от его эксплуатации, составляющие значительную часть доходов от собственности и предпринимательской деятельности, достигающих 46,6% в сравнении с 20–30%, характерными для развитых стран [41].

Как следует из межстрановых сопоставлений уровней оплаты труда с учетом его квалификации, труд российского работника является самым дешевым в мире, а степень его эксплуатации — самой высокой. Следствием этой политики является погружение большей части российского населения, включая вполне работоспособных квалифицированных людей, в нищету на фоне вызывающей роскоши и расточительного потребления узкого слоя властвующей олигархии.

Падение доходов наемных работников и сокращение занятости, происходившие в большинстве отраслей российской экономики, могло быть частично компенсировано ростом занятости в сфере малого предпринимательства, с которым реформаторы связывали большие надежды. Однако механизмов расширенного воспроизводства этого сектора не сложилось. Если по прогнозам начала 1990-х годов предполагалось, что к 2005 году 60% экономической активности будет происходить в сфере малого и среднего предпринимательства, то сегодня показатели развития малого предпринимательства ниже, чем были в 1992 году. Вместо идиллии свободного предпринимательства, воображавшейся рыночными фундаменталистами в начале реформ, в результате самоустранения государства образовалась криминально-монопольная среда, в которой выжить свободному предпринимателю практически невозможно. Большая часть начавших заниматься предпринимательской деятельностью с конца 1980-х — начала 1990-х годов граждан через десять лет вынуждена была свернуть свою деятельность.

Как было показано в первом разделе книги, вследствие резкого падения доходов, утраты сбережений, ухудшения качества жизни большинства населения, а также разрушения системы здравоохранения в связи с проведением радикальной реформы в России началась депопуляция. Как отмечается в [76], в перспективе до 2030 года ожидается сокращение численности трудоспособного населения. По прогнозу Росстата, уменьшение составит 12 млн человек; по среднему варианту демографического прогноза ООН (рис. 9) численность населения сократится на 19,4 млн человек; средний возраст населения вырастет с 37,9 до 43,8 (в 1950 году — 25 лет).

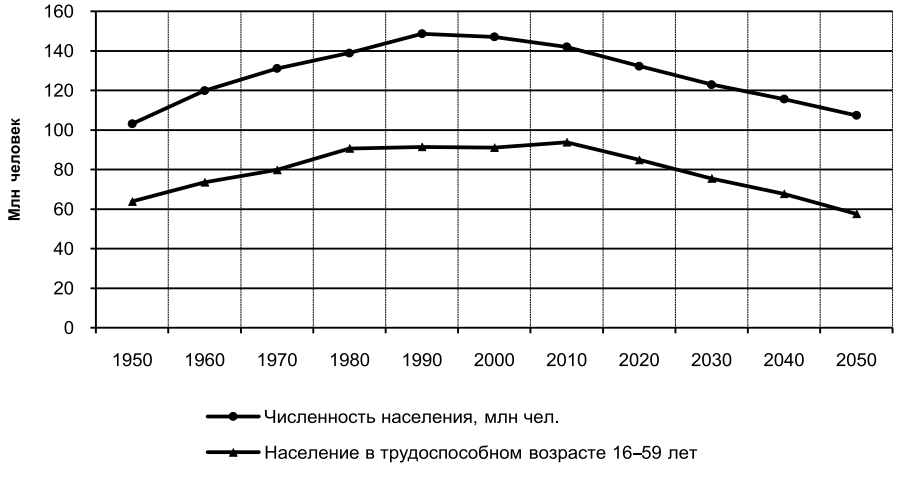

Рис. 9. Динамика трудовых ресурсов России по прогнозу ООН.

Тенденция депопуляции и сокращения численности трудоспособного населения могла бы частично компенсироваться ростом производительности труда. Однако вплоть до последнего времени происходило ее снижение. По уровню производительности труда, по данным Всемирного банка, Россия в 2006 году на 4% отставала от среднемирового уровня и в 2,25 раза — от уровня США. За годы кризиса 2008–2009 годов отставание еще более увеличилось.

Единственная позитивная тенденция в воспроизводстве человеческого капитала, возникшая в первое десятилетие нового века, связана с увеличением численности студентов. Как отмечается в [88], в начале 1990-х годов отмечалось кратковременное уменьшение численности студентов — социально-экономический кризис тех лет повлек за собой снижение популярности высшего образования среди молодежи. В 1992–1994 годах на 10 тыс. человек населения приходилось соответственно 176–178 студентов. Это самый низкий показатель за последние 25 лет. Но начиная

с 1995 года наблюдается устойчивая положительная динамика увеличения численности студентов. В настоящее время по охвату населения высшим образованием Россия входит в число мировых лидеров — в 2007 году на 10 тыс. человек населения приходилось 525 учащихся вузов (рис. 10).

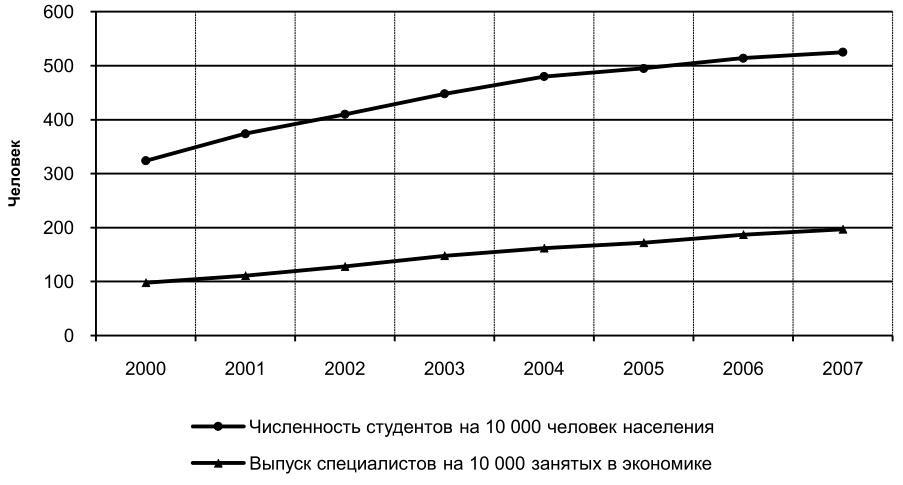

Рис. 10. Численность студентов и выпуск специалистов в 2000–2007 гг. (на 10 000 человек)
Источник: Состояние и тенденции развития науки в России. Информационно-аналитическое издание. — М., 2009.

При этом опережающим образом росла численность студентов в негосударственных вузах (рис. 11).

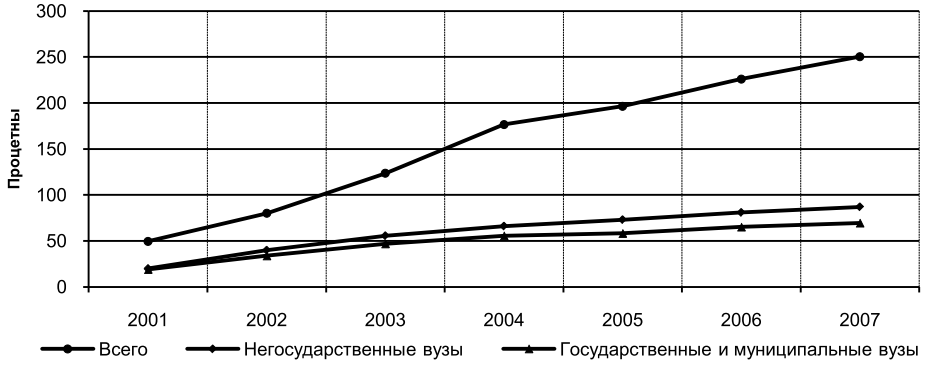

Рис. 11. Динамика численности студентов вузов, % к 2000 году.

Источник: Состояние и тенденции развития науки в России. Информационно-аналитическое издание. — М., 2009.

Следует также заметить, что в последние годы рост численности студентов как государственных, так и негосударственных вузов происходил за счет заочных отделений, тогда как численность обу-

чающихся на очных и вечерних отделениях снизилась. В 2008 году в государственных и муниципальных вузах прием на дневную форму обучения сократился на 6,7%, тогда как численность принятых на заочную форму обучения увеличилась на 5,1%.

Снижение доли обучающихся очным образом вместе с сокращением доли государственных вузов в нынешних российских условиях свидетельствует о снижении качества образования.

Невысокое качество образования в значительной части вузов сказывается в проблемах с трудоустройством выпускников вузов, лишь половина которых получает направление на работу. Как отмечается в [88], в связи с кризисом в 2009 году ожидалось, что с трудностями при устройстве на работу могут столкнуться 50–60% выпускников вузов. От трети до половины выпускников вузов (150–250 тыс. человек) могут вообще в 2009–2010 годах не найти работу, что станет серьезной социальной проблемой, особенно в регионах.

Для объективной оценки состояния человеческого потенциала страны следует прибегнуть к международным сопоставлениям. Характеристика институтов, формирующих человеческий и трудовой потенциал страны, включает оценку соответствия системы образования потребностям конкурентоспособной экономики (в таблицах качество системы образования), расходы на образование по отношению к национальному доходу, характеристику качества обучения с использованием информационно-коммуникационных технологий, качество школ бизнеса и обучение персонала в компаниях и др. позволяют сравнить по этим критериям Россию с развитыми странами (США, Германия, Япония) и двумя странами группы БРИК (Китай и Индия).

Почти по всем показателям Россия уступает развитым странам, опережая США лишь по качеству математического и естественного образования и Японию — по расходам на образование. Особенно серьезные отставания связаны с профессиональной подготовкой на рабочем месте и с непрерывным обучением в течение всей жизни. Россия пока опережает Китай и Индию по большинству показателей, за исключением доступности Интернета в школах. По качеству всей системы образования, а также качеству математического и естественного образования, расходам на образование Россия уступает даже Индии. Особенно ощутимо это отставание по качеству школ бизнеса, распространению обучения персонала компаний и наличию местных исследовательских и учебных центров (табл. 8).

В целом по качеству трудовых ресурсов Россия отстает и от Китая, и Индии, и тем более от США, экспертные оценки в баллах в 2007–2008 годах равны: Россия — 3,7; Китай — 3,8; Индия — 4,4; США — 5,5. Места и экспертные оценки трудового потенциала в странах БРИК в 2006–2007 годах приводятся в таблице 9.

Таблица 8

Место России среди 58 стран по уровню институтов, формирующих трудовой потенциал, в 2007–2008 гг.

Направление сравнения	Россия	Китай	Индия	США	Германия	Япония
1. Соответствие системы образования потребностям конкурентоспособной экономики	32	43	26	16	20	23
2. Качество математического и естественного образования	27	37	10	30	26	20
3. Качество высшего образования и обучения	35	49	39	5	20	22
4. Качество начального образования	30	32	46	23	22	21
5. Расходы на образование	44	55	39	24	32	47
6. Доступность Интернета в школах	38	32	39	11	20	22
7. Качество школ бизнеса	49	54	8	6	24	47
8. Распространение обучения персонала компаний	54	41	29	11	9	4
9. Наличие местных исследовательских и учебных центров	49	34	28	2	3	6

Источник: The Global Competitiveness Report 2007–2008.

По общему уровню трудовых ресурсов Россия в 2006–2007 годах занимала 62-е место, Китай — 63-е, Бразилия — 70-е место. Наилучшее качество трудовых ресурсов из четырех стран БРИК имеет Индия — 41-е место из 131 страны.

При всей условности и даже тенденциозности приведенных выше рейтингов ВЭФ, традиционно сильно занижающих оценки по России, нет сомнений в том, что сложившийся к настоящему времени механизм воспроизводства человеческого потенциала носит суженный характер, отличается несбалансированностью и неудовлетворительным качеством. По более объективным исследованиям, представленным в докладе ООН за 2009 год «О развитии человеческого потенциала», Россия заняла в ряду ранжированных стран 71-е место, Бразилия — 75-е, Китай — 92-е и Индия — 134-е место.

Судя по международным рейтингам, хуже всего в России обстоит дело с воспроизводством человеческого капитала. Из примерно 200 рейтингуемых стран Россия входит в первую пятерку по интегральной мощи, находится в первой десятке по величине экономического потенциала, в первой четверти стран по уровню экономического развития. По показателям развития человеческого потенциала она выглядит су-

щественно хуже: по индексу человеческого потенциала Россия входит в седьмую десятку стран, по продолжительности жизни находится во второй половине, а по смертности мужчин в трудоспособном возрасте занимает одно из последних мест в мире рядом со странами, раздираемыми войнами и внутренними междоусобицами.

Таблица 9

Качество трудового ресурса в странах БРИК в 2006–2007 гг. (места и экспертные оценки в баллах — в скобках)

Показатели	Россия	Китай	Индия	Бразилия
Качество системы образования*	46 (4,0)	73 (3,4)	37 (4,5)	120 (2,5)
Качество высшего образования и профессионального обучения	45 (4,3)	74 (3,6)	47 (4,2)	56 (4,1)
Качество начального образования	46 (4,2)	48 (4,1)	88 (3)	123 (2,2)
Качество математического и естественно-научного образования	38 (4,7)	57 (4,4)	11(5,4)	117 (2,8)
Расходы на образование, в % от национального дохода	79 (3,5)	111 (2,0)	69 (4,0)	64 (4,1)
Грамотность населения, в %	99,4	90,9	61	88,6
Сетевое обучение**	71 (2,7)	54 (3,5)	31 (4,4)	36 (4,1)
Доступность Интернета в школах	55 (3,7)	46 (4,0)	56 (3,7)	70 (3,3)
Качество школ бизнеса	78 (3,8)	90 (3,6)	8 (5,7)	66 (4,1)
Распространенность обучения персонала в компаниях	96 (3,3)	61 (3,8)	33 (4,6)	45 (4,2)
Наличие местных исследовательских и учебных центров	79 (3,7)	39 (4,4)	31 (4,7)	32 (4,7)
«Утечка мозгов»	49 (3,7)	38 (3,9)	45 (3,8)	40 (3,9)

* Оценка соответствия системы образования потребностям конкурентоспособной экономики.
** Оценка качества обучения с использованием ИКТ и масштабов их использования в учебном процессе (2001/2002 гг.).
Источник: The Global Competitiveness Report 2007–2008; The Global Information Technology Report 2007–2008.

6.4. Прекращение расширенного воспроизводства основного капитала

Преодоление тенденций деградации научно-производственного потенциала требует резкого наращивания инвестиционной и инновационной активности. Для поддержания простого воспроизводства основных фондов инвестиции в развитие производства должны расти примерно на 18% в год. По нашим оценкам, для выхода в режим расширенного воспроизводства основного капитала объем производственных инвестиций должен быть увеличен втрое, а НИОКР — впятеро.

Сделать это надо в ближайшие годы, поскольку вследствие запредельного износа устаревших производственных фондов до половины их может выбыть уже в ближайшее время [27].

Возникшие в новых условиях механизмы воспроизводства экономики и обеспечивающие их институты инвестиционной деятельности не способны решить эту задачу. Сложившаяся в России модель инвестиционной деятельности характеризуется маломощностью, неэффективностью и примитивностью. Ни фондовый рынок, ни банковская система не выполняют своих функций по аккумулированию сбережений и их трансформации в инвестиции. Главными инвесторами являются сами производственные предприятия, на долю которых приходится более половины всего объема инвестиций. Государство фактически прекратило поддерживать инвестиционные процессы в промышленности, а новые рыночные институты обеспечения расширенного воспроизводства, прежде всего банковская система и фондовый рынок, не достигли достаточного для этого уровня. Фактически весь период с начала реформ Россия живет за счет «проедания» накопленного в советский период основного капитала. Судя по соотношению инвестиций в основной капитал и оборота розничной торговли объем потребления в 2–3 раза превосходит объем накопления (рис. 12).

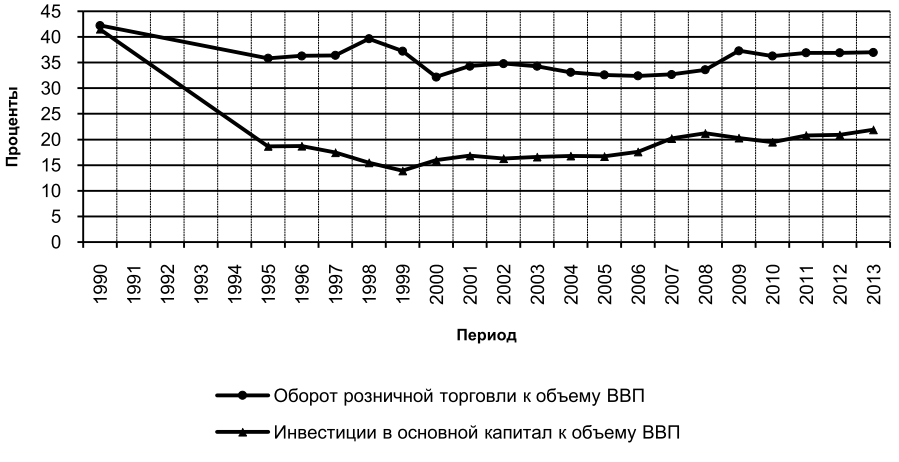

Рис. 12. Соотношение инвестиций в основной капитал и оборота розничной торговли к объему ВВП в 2003–2013 гг.

Источник: Росстат.

Спецификой российской финансовой системы является ее дисфункциональность, обусловленная оторванностью кредитных институтов

от механизмов воспроизводства реального сектора экономики. Большинство российских коммерческих банков не выполняют главную функцию трансформации сбережений в производственные инвестиции. За исключением нескольких государственных кредитных институтов российский банковский капитал явно недостаточен для решения задач долгосрочного кредитования инвестиционной деятельности. Совокупный капитал и активы частных российских банков сравнимы с капиталом и активами одного крупного зарубежного коммерческого банка. При этом в отсутствие реальных механизмов их рефинансирования Центральным банком трудно рассчитывать на то, что банковская система сможет обеспечить необходимый уровень инвестиционной активности.

Ограниченность финансовых возможностей обновления производства устойчиво занимала первое место среди факторов, которые мешали развитию 4/5 общего числа предприятий. При этом совокупный вклад банков в финансирование инвестиций в основной капитал не превышал 10%. Еще меньше инвестиционный вклад фондового рынка, который в России обслуживает главным образом финансовых спекулянтов. Более 2/3 инвестиций производственных предприятий финансируются ими за счет собственной прибыли и амортизации.

Вместе с тем финансовые возможности предприятий, несущих основную нагрузку поддержания инвестиционной активности в экономике, весьма ограниченны. Объем амортизационных отчислений, являющихся главным источником финансирования инвестиций, упал до 2% к объему основных фондов (в 1990 г. — 14%) при необходимости их обновления наполовину. Как отмечается в [92], «ежегодный износ фондов в промышленности составляет 5–7%, а их восстановление — 1–1,5%. При этом соотношение амортизационных отчислений и первичной стоимости основных фондов снизилось за постсоветский период с 21 до 3,2%. Соответственно доля амортизации в общем объеме инвестиций снизилась с 50 до 26,2%.

В большинстве отраслей отсутствовали и возможности финансирования инвестиций за счет прибыли. За исключением экспортно ориентированных отраслей топливно-энергетического и химико-металлургического комплексов, в которых объем прибыли был и остается весьма высоким благодаря благоприятной внешнеэкономической конъюнктуре, рентабельность во внутренне ориентированных отраслях промышленности в среднем в постсоветские годы составляла около 6%, не позволяя финансировать расширенное воспроизводство основного капитала (рис. 14).

В совокупном приросте инвестиций в основной капитал вклад добывающего сектора был на порядок выше машиностроения. Доля высоко-

технологических отраслей в структуре инвестиций стабилизировалась на уровне в 2,5–3 раза ниже их доли в структуре выпуска промышленной продукции, предопределяя дальнейшую деградацию экономики. Структура инвестиций в основной капитал характеризуется быстро растущей долей инфраструктурных отраслей — транспорта и связи — при падении или стагнации всех других отраслей. При этом инвестиции в обрабатывающую промышленность устойчиво ниже инвестиций в операции с недвижимостью и примерно равны инвестициям в добывающую промышленность. В перспективе это означает деиндустриализацию России; в структуре ее экономики будет превалировать добыча и транспортировка сырья (табл. 10).

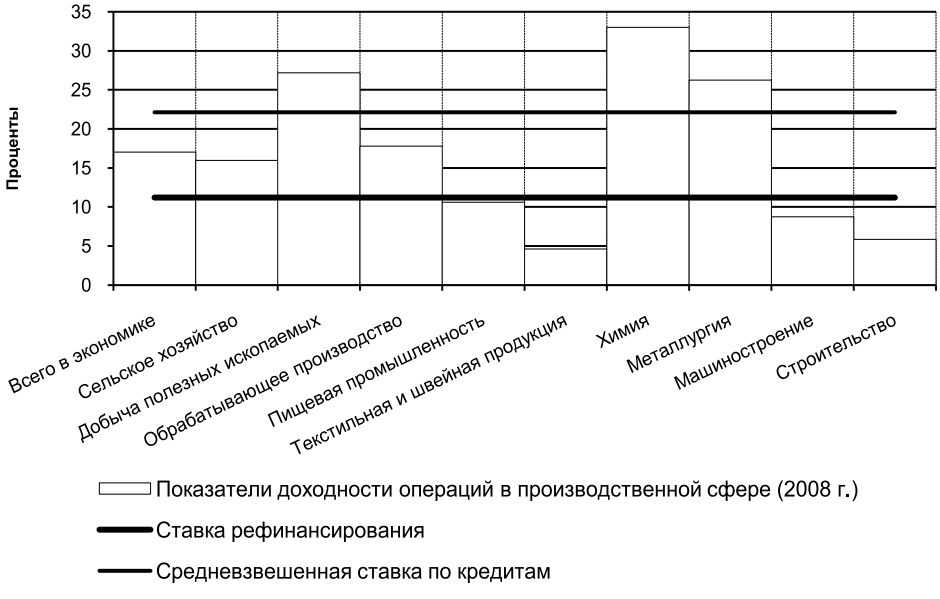

Рис. 13. Показатели доходности операций в производственной сфере в 2008 г.

В отсутствие достаточных источников финансирования инвестиций предприятия вынуждены были поддерживать производство на стареющих основных фондах. Вследствие четырехкратного сокращения производственных инвестиций в первое постсоветское десятилетие коэффициент обновления упал до 1,3%, что повлекло нарастающее технологическое отставание российской экономики. И хотя к настоящему времени он превысил 4%, коэффициент выбытия остался на уровне 1%. Средний возраст оборудования перевалил за два десятилетия и вдвое превышает соответствующий показатель в развитых странах (табл. 11).

Таблица 10

Структура инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности, %

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Сельское и лесное хозяйство, охота	16,3	18	11	8	5,1	3,6	3	2,6	3,1	3,3	3	4	4,6	4,1	4,1	3,9	4,8	5,1	4,4	4,0
Добыча полезных ископаемых	-	-	-	-	-	14,2	-	-	-	14,5	18,1	19	16,9	15,9	15,4	13,9	14,6	15,2	14,1	14,0
Обрабатывающие производства	-	-	-	-	-	14,8	-	-	-	18,1	16,3	15,9	15,9	15,6	16,4	16,4	15,6	15,4	15,6	14,5
Строительство	4,5	4,5	2,7	2,4	3,3	2,5	4	4,2	4,1	6,9	6,4	5,2	5,4	4,9	3,5	3,6	3,7	3,5	3,4	3,5
Транспорт и связь	11,8	9,4	8,8	11	12,8	14,6	15,3	18	17,6	18,6	21,2	22,2	18,5	22,3	22,7	24,5	23,6	21,9	24,8	26,8
Операции с недвижимым имуществом, аренда и услуги	-	-	-	-	-	25,3	-	-	-	16,6	15,2	14,7	18,1	17,7	17,3	16,8	17	17,3	16,7	15,0
Гос. управление и обеспечение военной безопасности; обязательное соц. обеспечение	-	-	-	-	-	3,2	-	-	-	1,9	1,5	1,5	2	1,6	1,7	1,6	1,7	1,6	1,7	1,7
Образование	-	2,4	2,7	2,4	2,3	1,9	1,5	1,6	1,8	1,5	1,3	1,5	1,5	1,5	1,8	1,9	2,1	2,3	2	1,8
Здравоохранение и предоставление соц. услуг	-	1,9	2,4	3,7	3	2,9	2,3	2,8	2,7	2,3	2,6	2,4	2	2	2,5	2,6	2,7	2,7	2,4	2,3
Прочие*	-	-	-	-	-	17	-	-	-	16,2	14,4	13,6	15,1	14,4	14,6	14,8	14,2	15	14,95	16,36

* В «Прочие» входят: предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг; финансовая деятельность; рыболовство, рыбоводство; гостиницы и рестораны; оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; производство и распределение электроэнергии, газа и воды.

Таблица 11

Ввод в действие основных фондов, коэффициенты обновления, выбытия и степень износа основных фондов

	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Ввод в действие основных фондов, млн руб. (в фактически действовавших ценах; до 2000 г. — млрд руб.)	135,9	230 407	843 378	1 117 655	1 615 063	1 815 658	1 972 112	2 943 686	3 252 436	4 296 411	5 744 847
В процентах к предыдущему году (в сопоставимых ценах)	96,9	92,7	125,1	118,9	107,9	112,1	111,8	111,0	116,1	122,1	114,0
Коэффициент обновления основных фондов, % (в сопоставимых ценах)	6,3	1,9	1,8	2,1	2,2	2,5	2,7	3,0	3,3	4,0	4,4
Коэффициент выбытия основных фондов, % (в сопоставимых ценах)	2,4	1,9	1,3	1,3	1,3	1,2	1,1	1,1	1,0	1,0	1,0
Степень износа основных фондов (по полному кругу организаций) на начало года, %	35,1	38,6	39,4	41,2	44,0	42,2	42,8	44,3	45,4	45,9	46,3

Источник: Росстат.

Во многих отраслях экономики с 1991 года практически полностью прекратилось обновление материально-технической базы. Если в 1975–1985 годах в электроэнергетике ежегодно вводились в действие новые производственные фонды в размере 5–6% от существующих, то с началом реформ этот показатель стал быстро снижаться и в 2001 году опустился до уровня 0,8%. В сельском хозяйстве капиталовложения уменьшились по сравнению с 1990 годом в 35 раз и к 1999 году степень износа основных фондов достигла 67,9% (табл. 12). В экономике в целом из-за пятикратного сокращения производственных инвестиций износ основных фондов достиг к 1998 году 40%, к 2005-му — 44,3%, а их активной части — машин и оборудования — к 2006 году превысил 50%. К настоящему времени физический износ

машин и оборудования в основных отраслях российской экономики стабилизировался на уровне около 50% (табл. 12).

Таблица 12

Физический износ машин и оборудования по секторам экономики России, %

Год	Промышленность	Сельское хозяйство	Строительство	Транспорт
1995	48	56,6	64,6	63,0
1996	66,2	56	67,5	64,6
1997	68,4	64,4	65,5	60,1
1998	68,1	66,9	65,3	64,1
1999	66,5	67,9	62,0	62,4
2000	62,7	61,4	57,0	56,5
2001	61,9	62,1	50,5	54,3
2002	60,8	56,0	0,1	55,0
2003	58,6	51,0	48,0	34,4
2004	57,3	46,5	47,9	36,5
2005	51,1	46,8	42,9	50,6
2006	48,2	46,0	46,9	52,6
2007	50,9	46,7	46,5	53,0
2008	50,1	43,9	46,4	54,5
2009	49,2	42,2	45,5	55,1

Источники: Российский статический ежегодник: 2005. — М.: Росстат, 2006; Российский статистический ежегодник: 2006. — М.: Росстат, 2007; Российский статистический ежегодник: 2008. — М.: Росстат, 2009.

Таким образом, при существующей низкой норме инвестиций (около 20%) в России нет достаточных средств, чтобы обновить безнадежно устаревшие основные фонды страны и прежде всего заменить давно изношенное оборудование и машины [1].

Вместе с тем все постсоветские годы вплоть до нынешнего глобального кризиса в российской экономике формировался достаточный объем сбережений для поддержания нормального уровня инвестиционной активности (рис. 14). Объем инвестиций в накопление основного капитала мог бы быть увеличен более чем в полтора раза при наличии нормально функционирующих институтов финансовой системы. Но вследствие ориентированности последней на спекулятивную деятельность, а не на долгосрочные инвестиции последние оставались нереализованными, несмотря на объективную потребность в них для коренной модернизации российской экономики. Кроме того, около половины формирующихся в российской экономике сбережений вывозилось за рубеж, а недостаток инвестиций частично компенсировался притоком иностранного капитала. При этом Россия экспортировала длинные дешевые деньги и занимала дорогие краткосрочные.

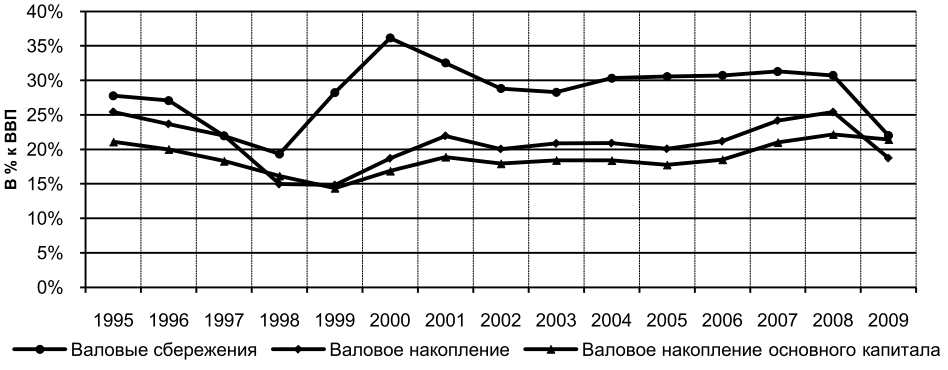

Рис. 14. Валовое накопление и валовые сбережения в российской экономике.

Еще одним фактором искусственного сжатия инвестиционного потенциала была последовательная политика стерилизации денежной массы, последовательно проводившаяся денежными властями. Она влекла сокращение источников финансирваония инвестиций, а также способствовала перетоку капитала из производственной сферы в спекулятивную. За счет этого, как было показано выше, происходило двукратное снижение потенциала финасирования производственных инвестиций.

В целом вследствие проводившейся денежно-кредитной и валютной политики, а также отсутствия институтов, обеспечивающих трансформацию сбережений в инвестиции, российская экономика теряла все постсоветские годы более половины источников финасирования инвестиций. Их полноценное использование могло обеспечить утроение капитальных вложений в развитие производства и поддержание нормы накопления основного капитала на уровне более 30% без привлечения иностранных инвестиций. Фактически же российская экономика работала на вывоз капитала за счет проедания накопленного еще в советское время научно-призводственного потенциала.

6.5. Блокирование механизмов экономического развития

Как следует из изложенного выше, в результате проводившейся макроэкономической политики произошла дезинтеграция финансовой и производственной сфер. Первая — сфера обращения капитала — характеризуется сверхвысокими прибылями и высокой скоростью обращения денег, относительно невысокими рисками. Вторая — производственная сфера — характеризуется низкой прибыльностью и

низкой скоростью обращения денег, высокими рисками и общей деградацией производственного потенциала. В свою очередь, производственная сфера распалась на экспортно ориентированный сырьевой сектор, потребляющий природную ренту и обладающий устойчивым положением за счет переориентации на внешний рынок, и остальную экономику, ориентированную на внутренний рынок и характеризующуюся крайне низкой рентабельностью. Нарастает территориальная дезинтеграция экономики — вследствие хаотического распада хозяйственных связей и опережающего роста тарифов на транспортные услуги происходит разрушение сложившейся кооперации и специализации производства, переориентация дальневосточных регионов страны на китайский рынок.

Дезинтеграция экономики стала следствием процессов перераспределения национального богатства через приватизацию, финансовые пирамиды, экспорт природных ресурсов. Интенсивность этого перераспределения была чрезвычайно высокой, ежегодно составляя до половины всего фонда накопления страны, присваиваемого олигархическими кланами и вывозимого из страны. В свою очередь, взвинчивание цен на топливные и сырьевые товары повлекло вымывание капитала из обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и строительства. Эти отрасли лишились значительной части оборотного капитала, «ушедшего» через «ножницы цен» и завышенные процентные ставки по привлекаемым кредитам. В результате только предприятия сырьевого экспортно ориентированного сектора имели доступ к ресурсам финансового рынка. При этом сверхприбыли от экспорта энергоносителей и сырьевых товаров не трансформировались в соответствующий прирост инвестиций и оставались в основном за рубежом.

В условиях, когда вследствие ценовых диспропорций большинство отраслей экономики малорентабельны и сохраняется убыточность трети производственных предприятий, трудно ожидать устойчивого роста производства. Едва ли можно рассчитывать на подъем инвестиционной активности, когда не функционируют механизмы рефинансирования коммерческих банков под спрос на деньги со стороны производственных предприятий.

Разрушение основных механизмов воспроизводства хозяйственной деятельности и дезинтеграция экономики стали результатом причинно-следственных связей, обусловленных проводившейся экономической политикой. Контуры этих связей действовали одновременно, взаимно дополняя друг друга, поддерживая турбулентное состояние экономики и усиливая разрушительное воздействие на производительные силы страны.

Контур 1: либерализация цен — галопирующая инфляция при количественном ограничении денежной массы — демонетизация экономики — падение спроса — сокращение производства — дальнейшее повышение цен.

Контур 2: спад производства — снижение экономической эффективности — сокращение инвестиций и инновационной активности — дальнейшее сокращение производства.

Контур 3: проведение ваучерной приватизации — сооружение финансовых пирамид — переток денег из производственной сферы на финансовый рынок — сжатие производства и инвестиций.

Контур 4: узурпация власти олигархией — коррумпирование государства — криминализация экономики — подавление конкуренции и падение эффективности — обнищание и деморализация населения — углубление экономического и социального кризиса.

Контур 5: втягивание капитала в финансовую пирамиду ГКО — падение производственных инвестиций — спад производства — разорение государства.

Эти контуры причинно-следственных зависимостей обусловили сочетание процессов спада производства, сокращения доходов населения, снижения инвестиционной и инновационной активности, образуя самовоспроизводящийся механизм системного экономического кризиса.

В здоровой экономике, располагающей механизмами расширенного воспроизводства и институтами их обеспечения, структурный кризис преодолевается внедрением новых технологий, открывающих производственные возможности, освоение которых обеспечивает прорыв в повышении эффективности экономики и переход к новому этапу ее роста. При нормальном течении кризиса сокращение экономической активности не затрагивает перспективных производств, имеющих потенциал роста и способных стать «локомотивами» будущего экономического развития страны. Наоборот, в это время на фоне общего спада наблюдаются рост производства принципиально новых товаров, подъем инвестиционной и инновационной активности в перспективных направлениях. Инвестиции в новые технологии оказываются более привлекательны, чем в теряющие рентабельность отжившие воспроизводственные структуры. Происходит «созидательное разрушение» сложившейся технологической структуры, ее модернизация на основе расширения нового технологического уклада, что создает новые возможности для экономического роста. При этом совершается переток капитала из устаревших производств в новые, так как продолжение инвестиций в сложившихся направлениях оказывается более рискованным, чем инвестиции в нововведения.

Экономический кризис в России кардинально отличается от классического механизма обновления технологической структуры экономики и носит патологический характер. Спад производства в высокотехнологичных отраслях оказался намного больше среднего по промышленности. При этом спад производства был тем больше, чем выше технический уровень отрасли.

В отличие от классического представления кризиса как процесса созидательного разрушения и поиска новых возможностей кризис российской экономики характеризуется деградацией и примитивизацией ее производственно-технологической системы. Он не привел к обновлению производства на передовой технологической основе. Начавшийся после банкротства государственной финансовой системы в 1998 году подъем обеспечивался главным образом конъюнктурными факторами и проходил на старой технологической основе, которая продолжала деградировать.

Хаотическая ломка структуры российской экономики в ходе радикальных реформ привела к ее дезинтеграции и распаду некогда целостных технологических цепочек на автономные элементы, частично встроившиеся во внешние воспроизводственные контуры. Утрата воспроизводственной целостности, разрушение основных элементов научно-промышленного потенциала, резкое сокращение масштабов научных исследований и разработок, доминирование в экономике внешних по отношению к ней воспроизводственных контуров означают не только потерю экономической самостоятельности страны, но и исчезновение внутренних источников устойчивого экономического роста, делают экономику уязвимой от состояния конъюнктуры мирового рынка и накладывают серьезные внешние ограничения на ее развитие.

Втягивание российской экономики в типичные для периферийной экономики ловушки неэквивалентного внешнеэкономического обмена, масштабное вымывание ее национального богатства и стремительная деградация научно-производственного потенциала стали следствием проводившейся в стране экономической политики, обусловившей разрыв основных воспроизводственных контуров и хозяйственных связей. Игнорирование структурных особенностей российской экономики и линия на самоустранение государства от ответственности за ее регулирование в надежде на автоматическое действие механизмов рыночной самоорганизации спровоцировали процессы дезинтеграции экономики и нарастания хаоса.

Отказ от структурной, научно-технической, промышленной, инвестиционной и большинства других составляющих государственной экономической политики и ограничение последней традиционными для состояния рыночного равновесия методами макроэкономической стабилизации

не могли дать адекватного результата в сильно неравновесной ситуации. Как было показано выше, в условиях характерных для российской экономики диспропорций примитивизация экономической политики и ее сведение к постулатам «Вашингтонского консенсуса» неизбежно влекли за собой разрушение основных воспроизводственных контуров экономики и ее распад на автономно функционирующие сектора.

Глава 7
Альтернативы в теории и на практике

Радикальные либералы и революционные демократы, низвергнувшие страну в пучину экономической катастрофы, и их нынешние последователи любят рассуждать о безальтернативности шоковой терапии, позиционируя себя в роли спасителей отечества от катастрофического крушения социалистической экономики. В действительности, как было показано выше, катастрофа произошла в 1990-е годы вследствие как раз шоковых реформ, а не спонтанного разрушения социалистической хозяйственной системы. И само это разрушение не было спонтанным — как признают сами реформаторы, целью их деятельности было именно разрушение, а не созидание механизмов экономического развития. «Что вы волнуетесь за этих людей? — цинично разглагольствовал один из главных организаторов либеральных реформ, по совместительству руководивший прихватизационной кампанией. — Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом — новые вырастут» [15].

В действительности альтернативы в экономической эволюции всегда есть, а их реализация зависит от принимаемых мер государственного регулирования и поведения хозяйствующих субъектов. В отличие от идеологизированных доктрин и абстрактных моделей в мировой экономике можно наблюдать большое разнообразие видов, форм и способов организации национальных хозяйственных систем.

Едва ли кто-нибудь будет оспаривать очевидные различия в функционировании одних и тех же рыночных форм в разной культурно-исторической среде. К примеру, формально одни и те же рыночные институты работают в США немного иначе, чем в Европе, существенно иначе, чем в Юго-Восточной Азии, и совсем иначе, чем в Африке. Удивительно, что не только общественное мнение, но и часть научного сообщества в начале радикальных рыночных реформ в России наивно полагала, что формальные преобразования отношений собственности и копирование типовых институтов регулирования рыночной экономики автоматически

обеспечат переход к более эффективной системе производственных отношений. В привычной для русской духовной традиции надежде на чудо многие верили, что в результате простых реформаторских актов мы получим экономику наподобие американской или европейской, а не, скажем, латиноамериканской или африканской.

7.1. Научная основа обобщения опыта переходных экономик

Будущее всегда многовариантно и зависит как от прошлого опыта, так и принимаемых сегодня решений. Когда апологеты проводившейся в России политики говорят о ее безальтернативности, то это свидетельствует лишь о ненаучности их мышления, мифологичности последнего. В отличие от мифологического сознания, представляющего события как результат воздействия высших сил, лежащих за пределами человеческого влияния, научный подход различает объективное и субъективное начала в происходящих процессах социально-экономического развития. Апологеты ультралиберальной утопии, подобно шаманам, невосприимчивы как к критике, так и к практическому опыту. Если вопреки их заклинаниям вместо роста экономики наблюдается падение производства, то они говорят о безальтернативности случившегося, ссылаясь то на трансформационный спад, то на народный менталитет, то на мировой кризис. Они всегда уверены в своей правоте, полагая, что сделали максимум возможного, и не видят связи между проводимой ими политикой и ее результатами.

Современная теория о самоорганизации и развитии сложных систем, изучаемая синергетикой, позволяет моделировать различные сценарии их эволюции. Она различает разные фазы и циклы в их развитии, каждой из которых соответствует своя динамика и соответствующие ей закономерности поведения. Фазы стабильного роста с хорошо прогнозируемой траекторией чередуются с этапами структурных изменений, которые отличаются принципиальной неопределенностью будущего. Эта неопределенность математически моделируется точками бифуркации, в которых траектория эволюции системы разветвляется. Выбор между различными ветвями эволюции совершается в зависимости от сложного сочетания субъективных и объективных факторов, в которых важную роль играет случайное стечение обстоятельств. В эти моменты система теряет устойчивость и становится податливой к любым, даже бесконечно малым воздействиям. В зависимости от сочетания последних совершается скачок к одному из возможных новых состояний, математически описываемых в качестве аттракторов — центров притяжения. Количество этих возмож-

ных состояний не бесконечно, и вероятности их достижения различаются в зависимости от имманентных свойств системы, сохраняющихся в моменты структурных изменений.

Новое состояние системы может отличаться большей или меньшей упорядоченностью по сравнению с предыдущим. В первом случае происходит ее скачкообразное развитие, сопровождающееся повышением эффективности экономики и качества человеческого потенциала. Во втором случае происходит нарастание хаоса и деградация экономики и социальной сферы, снижение национальной конкурентоспособности соответствующей страны, открывающей возможности ее колонизации более эффективными социально-экономическими структурами.

В точках бифуркации особое значение приобретает проводимая государственной властью политика. От ее направленности в решающей степени зависит, к какому из возможных новых состояний произойдет переход. Для перехода к более упорядоченному состоянию требуется активная целенаправленная политика по созданию новых институтов развития и стимулированию социально-экономического развития. И наоборот, в отсутствие такой политики в точках перехода происходит резкое увеличение энтропии и социально-экономическая система под разрушающим влиянием нарастающего хаоса стремительно деградирует, опускаясь к более примитивным видам хозяйственной деятельности и социальной практики.

Процессы социально-экономического развития опосредованы большим количеством нелинейных обратных связей, характеризуются высокой сложностью, неопределенностью и неравновесностью. Широко используемый в экономической науке математический аппарат основан на средствах моделирования механических систем и не соответствует сложности объекта моделирования. Хотя в различных областях знания накоплен богатый опыт моделирования нелинейных систем, в экономической науке до сих пор превалируют линейные модели, простые для восприятия, но совершенно неадекватные реальным экономическим процессам. Преодоление кризиса экономической науки связано с расширением ее исходных положений в направлении более полного отражения реальной действительности. Важные шаги в этом направлении сделаны в рамках так называемой эволюционной экономики, формирующей новую парадигму в экономической науке.

Введенный Нельсоном и Уинтером термин «эволюционная» подчеркивает базовую идею нового направления — идею экономического «естественного отбора» [79]. Согласно этому подходу развитие наиболее конкурентоспособных хозяйствующих субъектов происходит за счет вытеснения из экономического пространства других членов популяции хозяйствующих субъектов. Процесс экономического естественного отбо-

ра формирует определенный «организационный генотип» — свойства и характеристики хозяйствующих субъектов, позволяющие им выживать и развиваться в меняющихся условиях экономической среды. В число этих свойств входят, в частности, способности к производству и извлечению прибыли. Динамика выживания и роста популяции хозяйствующих субъектов в условиях меняющейся экономической среды определяет изменения макроэкономических показателей, в том числе и показателей экономического роста.

С точки зрения эволюционной экономики каждая точка на траектории экономического развития определяется всей предысторией эволюции и «естественного отбора» популяции хозяйствующих субъектов, действующих в условиях соответствующего экономического окружения. В эволюционной экономике учитывается сложность поведения хозяйствующих субъектов, неопределенность множества производственных возможностей. Поведение фирм рассматривается не просто как рациональный выбор на множестве производственных возможностей, а как переменная, определяемая указанным множеством наряду со сложившимися процедурами принятия решений и условиями экономического окружения.

В соответствии с реальным положением хозяйствующие субъекты в эволюционной теории не имеют каких-либо имманентных целей и мотивов поведения, за исключением цели выживания и роста — они формируются в процессах поиска и «естественного отбора» во взаимодействии с экономической средой. В числе прочих мотив максимизации прибыли определяется рыночной организацией общественного производства и поддерживается формирующими ее институтами. При этом он далеко не всегда играет ведущую роль в поведении хозяйствующих субъектов — очень часто в условиях неполноты информации они довольствуются получением минимально приемлемой для продолжения воспроизводства прибыли или руководствуются другими целями в зависимости от специфики экономической ситуации. В условиях директивного управления экономикой поведение хозяйствующих субъектов определялось необходимостью своевременного выполнения адресных заданий и они существенно больше, чем в прибыли, были заинтересованы в сокрытии производственных возможностей и накоплении запасов производственных ресурсов.

Рутинизированные процессы поведения хозяйствующих субъектов, включающие используемые производственные процессы, сложившиеся процессы распределения ресурсов и процедуры принятия решений, стереотипные реакции на изменения экономического окружения, просто повторяющиеся операции, навыки и стереотипы поведения сотрудников организации и т.д., рассматриваются с точки зрения эволюционной экономики в качестве главного предмета исследования и основы не только

микро-, но и макроэкономической динамики. Их роль в экономическом развитии можно сравнить с ролью генов в биологической эволюции. Они не только являются внутренним свойством и основой «памяти» хозяйствующих субъектов и определяют их поведение, но и постоянно воспроизводятся, а также изменяются в ходе «естественного отбора» хозяйствующих субъектов в условиях меняющегося экономического окружения. При этом из всех возможных рутинизированных процессов поведения закрепляются только наиболее важные и полезные для выживания хозяйствующих субъектов в существующей экономической среде.

Анализ реальных экономических процессов с учетом всех определяющих их факторов и условий отличает эволюционную парадигму от неоклассической с типичными для последней абстрактными квазилинейными моделями, в которых платой за упрощение становится полный отрыв от реальности. И как следствие, абсолютная неспособность прогнозировать результаты проводимой экономической политики. Это, в свою очередь, влечет стратегические ошибки в реформировании экономики, охарактеризованные в предыдущем разделе книги.

В нынешних условиях поиска путей выхода из кризисного состояния мировой и российской экономики важно адекватное понимание реальных механизмов экономического развития, стержнем которых являются процедуры поиска новых технических и организационных решений, регулирующие инновационную активность хозяйствующих субъектов. Их результатом становится формирование во взаимодействии с экономическим окружением новых рутинизированных процедур, закрепляемых «естественным отбором». Примером такого взаимодействия может служить типичный процесс распространения нововведения — внедрение новшества приводит к повышению прибыльности производства, что стимулирует расширение сферы применения новшества и его рутинизацию во множестве производственных возможностей. Во взаимодействии процедур поиска с механизмами «естественного отбора» экономической среды происходит формирование траектории технико-экономического развития. В условиях рыночной экономики главными объективными критериями этого отбора служат экономическая эффективность новых процедур управления, т.е. их способность обеспечивать дополнительную прибыль, и их влияние на улучшение рыночного положения фирмы (рост объема продаж и доли на рынке, повышение качества и конкурентоспособности продукции и т.п.).

Процедуры поиска новых технических и организационных решений составляют важную часть «генотипа» хозяйствующих субъектов, определяя возможности их адаптации к изменению экономической среды. Эти процедуры включают в себя главным образом информационные процессы, формирующие «память» организации, ее способность к обу-

чению, разработке и имитации нововведений, изменению уже сложившихся структур и отношений, стереотипов поведения и процессов принятия решений. Частично эти процедуры могут быть формализованы и установлены в соответствующих организационных структурах (научно-исследовательские лаборатории, конструкторские бюро, опытные производства и т.п.). Но не меньшую роль играют неформальные ценности и стереотипы поведения, закрепленные в коллективной памяти организации, навыки, способности и мотивация ее персонала, а также профессиональный язык, используемый сотрудниками организации в обеспечение ее функционирования.

Эволюционная экономическая теория вобрала в себя достижения теории поведения организаций, теории инновационных процессов, экономической истории. Важным гносеологическим источником эволюционной экономики явилась современная биологическая теория естественного отбора. В экономической науке предшественниками эволюционной экономики явились Дж. Ст. Милль, К. Маркс и Й. Шумпетер, использовавшие в своих исследованиях методологию эволюционного подхода. Среди современных ученых, работающих в рамках эволюционного подхода, следует указать на А. Алчиана, который ввел идею эволюционного отбора в экономическую теорию, Нельсона и Винтера, в работах которых эволюционный подход был обобщен до уровня новой парадигмы в экономической науке, К. Фримена, Дж. Доси, Ш. Перес, которые развили его в конкретных исследованиях технико-экономической эволюции. В России исследования в данной научной парадигме ведутся в рамках авторской научной школы в Институте новой экономики Государственного университета управления (ГУУ) и Национальном институте развития, а также в Институте экономики РАН академиком В.И. Маевским.

7.2. Объяснение результатов различных вариантов рыночных реформ

Эволюция разных государств распавшейся мировой системы социализма продемонстрировала на практике большое разнообразие траекторий перехода от директивной к рыночной экономике. Экономической теории редко удается экспериментально проверить ту или иную гипотезу, следствием чего является схоластичность и умозрительность многих ее направлений. Период конца прошлого — начала нынешнего века дал богатейший эмпирический материал, значение которого до сих пор экономической наукой недооценено. Фактически был поставлен глобальный эксперимент по проверке на истинность основных экономических теорий.

Наиболее популярная в западном академическом сообществе неоклассическая теория рыночного равновесия, так называемый «мэйнстрим» в его наиболее последовательной версии рыночного фундаментализма, была взята в качестве «руководства к действию» в России, Украине, Прибалтике и восточноевропейских государствах — членах СЭВ. При этом эксперимент был поставлен при разных условиях — Россия и Украина осуществляли переход самостоятельно, а другие восточноевропейские государства были поглощены Европейским союзом. В свою очередь, в рамках каждого из этих экспериментов были свои дополнительные различия. В России переход осуществлялся в условиях авторитарного политического устройства, в Украине — в условиях парламентской демократии. Среди восточноевропейских государств особый случай — ГДР, поглощенная своим западным соседом.

Переход к рыночной экономике в Китае, Вьетнаме, Белоруссии и Узбекистане представляет собой экспериментальную проверку другой экономической теории, известной в литературе как теория хозяйства или физическая экономика. Эту теорию отличает прагматический подход к изучению экономических явлений, не обремененный умозрительными абстракциями вроде моделей рыночного равновесия. И в этом случае эксперимент был проведен при двух различных условиях: переход от директивной к рыночной экономике и поглощение рыночной открытой экономики Гонконга социалистическим Китаем.

Наконец, осталось две страны, в которых сохранились основные институты социалистической экономики — Куба и КНДР. При оценке результатов эксперимента их можно использовать в качестве «контрольной группы». Любопытно, что, несмотря на серьезный удар, обрушившийся на эти сравнительно малые экономические системы с развалом СССР и Мировой системы социализма, они не только выстояли, но и сохранили немалый потенциал развития. Куба демонстрирует уверенный экономический рост, а Северная Корея ухитряется выживать, несмотря на экономические санкции и колоссальное политическое давление. Более того, Куба оказывает мощное политическое влияние на страны Латинской Америки, многие из которых успешно развивают социалистические институты государственной собственности и планирования.

На рисунке 1 показаны темпы прироста ВВП в некоторых странах с переходной экономикой на фоне США, считавшихся до последнего времени наиболее стабильной рыночной экономикой. На нем наглядно видны провалы в экономической динамике постсоветских государств, избравших ультралиберальную модель перехода к рынку, и успехи государств, сохранивших систему централизованного планирования, сочетая

ее с эволюционным развитием рыночных отношений. Таблица 1 дополняет эти сопоставления показателей инфляции, уровень которой считается важнейшим индикатором успешности макроэкономической политики.

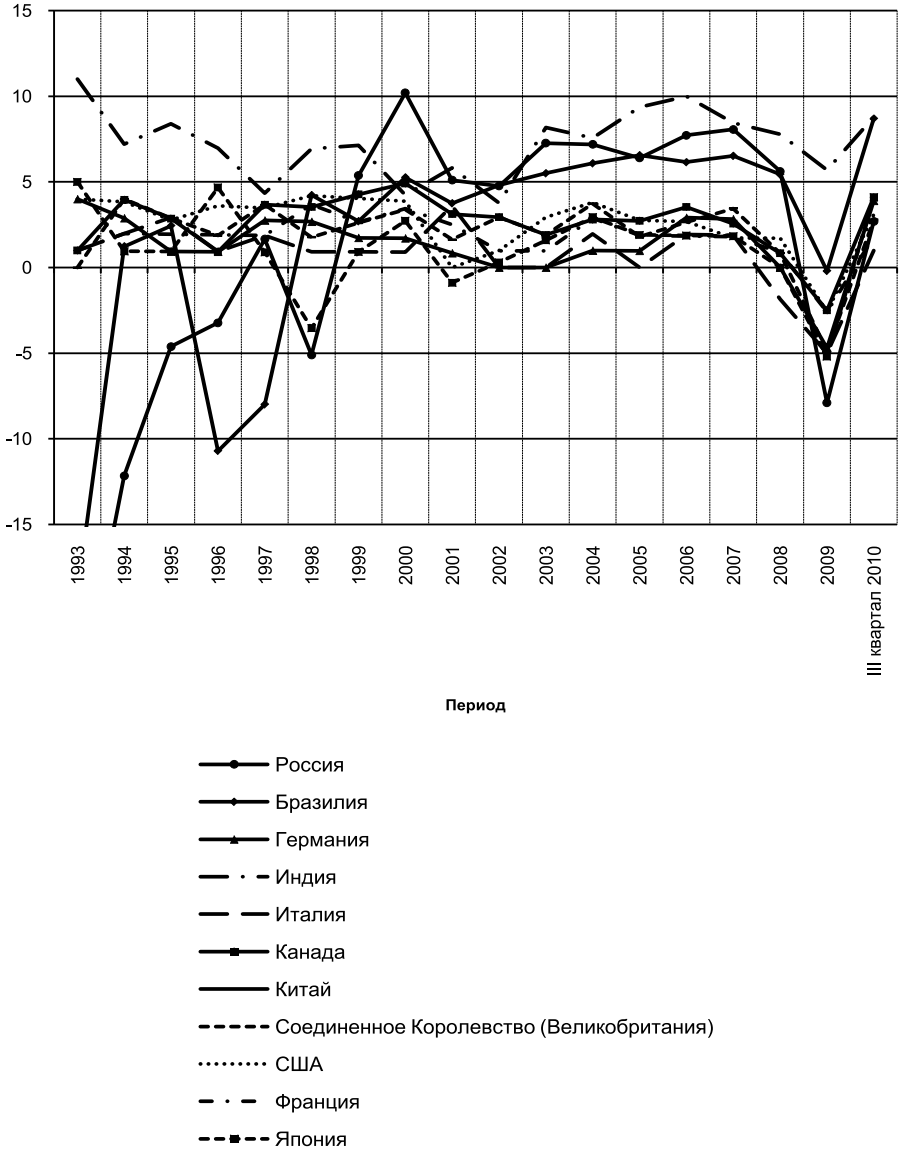

Рис. 1. Темпы прироста ВВП ряда стран в 1993–2010 гг., % к предыдущему году.
Источники: Российский статистический ежегодник. Стат. сб. — М.: Госкомстат России, 2001. Российский статистический ежегодник. Стат. сб. — М.: Росстат, 2004; Российский статистический ежегодник. Стат. сб. — М.: Росстат, 2009; Важнейшие экономические показатели. Оперативная информация. — М.: Росстат, 2010.

Таблица 1

Среднегодовые темпы прироста потребительских цен в 1990–2000 гг., %

	1990	1991	1992	1993	1995	1997	1999	2000
Болгария	24	339	79	72,8	62,1	1082,3	0,3	9,9
Венгрия	29	32	22	22,5	28,2	18,3	10,0	9,8
Македония*	608	…	1927	349,8	15,9	4,4	-1,1	10,5
Польша	586	60	44	35,3	27,8	14,9	7,3	10,1
Румыния	5	…	199	256,1	32,3	154,8	45,8	45,7
Словакия	10	58	….	23,2	9,9	6,1	10,6	12,0
Словения	552	247	93	32,9	13,5	8,4	6,1	8,9
Хорватия*	610	…	…	1517,5	2,0	3,6	4,2	6,2
Чехия	10	52	…	20,8	9,1	8,5	2,1	4,0
Югославия*	580	…	…	$1165x10^{12}$	78,6	21,6	44,9	85,7

* Розничные цены

Источник: Обучение рынку / Под ред. С.Ю. Глазьева. — М.: Экономика, 2004.

Адепты неоклассической парадигмы не смогли дать убедительного объяснения разительных различий в результатах перехода к рыночной экономике разных стран. Объяснения успехов Китая и неудач в России сводятся к несерьезным рассуждениям о непоследовательности политики шоковой терапии в последней и абсурдным гипотезам о последовательной реализации доктрины рыночного фундаментализма в первом [44]. Аналогичным образом относительно успешное развитие Белоруссии пытаются объяснить энергетическими субсидиями со стороны России, хотя соседние с ней Смоленская и Псковская области, получая энергоносители по более низким ценам, демонстрируют плачевные результаты [94].

В отличие от неоклассической эволюционная парадигма позволяет логически объяснить разительные отличия результатов перехода от директивной к рыночной экономике в разных странах в зависимости от выбранной ими идеологии реформ. Как уже говорилось, с точки зрения эволюционной экономики каждая точка на траектории экономического развития определяется всей предысторией эволюции и «естественного отбора» популяции хозяйствующих субъектов, действующих в условиях соответствующего экономического окружения. При этом поведение хозяйствующих субъектов формируется в процессах поиска и «естественного отбора» во взаимодействии с экономической средой.

Для объяснения отличий в результатах перехода к рыночной экономике различных постсоциалистических стран следует сопоставить приведенную выше классификацию государств по разным способам перехода к рыночной экономике с классификацией по объективным результатам этого перехода. Если последнюю строить по параметрам среднедушевого ВВП и конечного потребления, отражающим соответственно уровень

экономического развития и уровень жизни, то, сопоставляя их уровень в начале и конце переходного периода (который условно можно определить с 1990 по 2001 г.), можно выделить 6 групп государств (табл. 2). Каждая последующая группа отличается от предыдущей качественно меньшими показателями прироста указанных индикаторов.

Таблица 2

Классификация итогов реформ в странах с переходной экономикой

Класс	Страны
1	Китай
2	Венгрия, Польша, Словения, Эстония
3	Словакия, Хорватия, Беларусь, Латвия
4	Албания, Болгария, Румыния, Чехия, Югославия, Босния и Герцеговина, Македония, Узбекистан, Литва
5	Россия, Армения, Казахстан, Кыргызстан
6	Украина, Молдова, Азербайджан, Грузия, Туркмения, Таджикистан

Источник: Обучение рынку / Под ред. С.Ю. Глазьева. — М.: Экономика, 2004.

Для объяснения различных результатов перехода к рыночной экономике в 2001 году был предпринят их анализ с точки зрения проводимой экономической политики. Для этого были рассчитаны матрицы корреляции важнейших макроэкономических параметров по отдельным странам и по классам, объединяющим различные страны в соответствии с данной классификацией. На основе проведенных расчетов были сделаны выводы относительно статистической связи различных макроэкономических показателей по отдельным странам и группам стран с типами проводившейся экономической политики, опубликованные в коллективной монографии «Обучение рынку» [26]. Ниже воспроизводятся выводы, сделанные в результате этих исследований.

1. Из проведенного анализа вытекает, что спад физических объемов производства выступает одним из важных факторов инфляции, однако снижение инфляции, хотя и является в общем благотворным для экономической динамики, само по себе не способно обеспечить экономический рост. Более того, в некоторых случаях для достижения целей экономического роста нет необходимости в подавлении инфляционных процессов. Иногда и сам инфляционный разогрев экономики, осуществляемый в узких, осторожно нащупываемых пределах, выступает как стимул экономического роста, что в известной мере подтверждает теоретическую правоту кейнсианской трактовки рассматриваемых процессов. Примером такого положения вещей является экономика Китая, где наблюдается устойчивая положительная корреляция между темпами прироста ВВП и темпами инфляции, составляющая 87% .

В целом между темпами роста ВВП и темпами роста потребительских цен не удается обнаружить значимой корреляции ни по одной группе стран, разбитых на классы в соответствии с классификацией. Среди отдельных стран отрицательная корреляция между данными показателями наблюдается в Боснии и Македонии, а также в республиках бывшего СССР, за исключением России, Беларуси, Молдовы и Грузии, а положительную корреляцию обнаруживают Китай и Вьетнам. Тем самым очевидно, что связь между высокой инфляцией и экономическим спадом является не общей закономерностью, а следствием определенной логики проведения экономических реформ.

2. Анализ отношения объема денежной массы к ВВП развеивает всякие иллюзии относительно необходимости ограничения денежной массы для успешного осуществления макроэкономической стабилизации. Лидером по данному показателю является Китай, где объем М2 в последние три года в 1,5 раза превышает уровень ВВП. Следом (по данным 2001 г.) идут Чехия (73,7%) и Словакия (67,6%), за ними плотной группой (43–50%) следуют успешно реформируемые восточноевропейские страны (Словения, Хорватия, Польша) и не знавший экономических спадов Вьетнам.

Сопоставление стран ЦВЕ между собой по данному показателю лишь подтверждает общий вывод. В 2000 году наименьшее отношение М2 к ВВП среди стран этого региона было у Румынии (23,2%), тогда как по темпам инфляции в том же году она устойчиво лидировала, в 4,5 раза обгоняя следующих за ней Болгарию и Венгрию. Среди стран Балтии отношение М2 к ВВП выше у Эстонии, где реформы более успешны по сравнению с ее ближайшими соседями, что подтверждается обеими классификациями.

Среди всех стран с переходной экономикой лишь Украина и Латвия показывают положительную корреляцию между темпами инфляции и отношением М2 к ВВП, а отрицательную — Польша, Словения, Китай (в этих трех странах она составляет более 80%), а также Румыния и Хорватия. Положительная корреляция между темпами инфляции и совокупным объемом денежной массы М2 обнаруживается в Украине и Румынии, а отрицательная — в Венгрии, Словении, Чехии, Словакии, Молдавии, Азербайджане, Казахстане, Эстонии, Литве, Китае, Вьетнаме, а также в Латвии и России.

Исследования, проведенные экспертами Всемирного банка, также показали наличие вполне определенной обратной корреляции между количеством денег в обращении (денежная масса в процентном отношении к ВВП) и уровнем инфляции: чем меньше денег в обращении, тем выше темпы инфляции[1]. Этот факт, противоречащий привычным монетарист-

[1] *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Введение в компаративистику (Исследование и сравнительный анализ социально-экономических систем: методология, теория, применение к переходным экономикам). — М., 1997. — С. 203.

ским представлениям, нуждался, естественно, в объяснении. Эксперты Всемирного банка вынуждены были использовать для объяснения этой аномальной (с точки зрения неоклассической теории) ситуации не монетаристские, а скорее кейнсианские концепции. Они представили дело таким образом, что страны, где наблюдался наиболее высокий уровень инфляции, испытывали наибольший спад производства, который сопровождался значительным падением спроса на деньги. В этих условиях центральные банки этих стран, хотя и сокращали реальное количество денег в обращении, все же делали это не в той мере, в какой падал спрос на деньги. Таким образом, хотя денежная масса и сокращалась, она все равно оказывалась избыточной.

Как показано в [26], это объяснение можно было бы признать правдоподобным при выполнении двух условий, ни одно из которых не имеет места в действительности. Во-первых, оно неявно опирается на факт положительной корреляции между темпами инфляции и спадом производства, что не соответствует результатам измерений. Во-вторых, данное объяснение для своего подтверждения требует выявления в переходных экономиках с высокой инфляцией феномена «бегства от денег». Однако подобная гипотеза также противоречит реальностям трансформационных процессов. Например, в России (где произошло наибольшее сжатие объема денежной массы и в соответствующие годы наблюдался кризис ликвидности) нехватка оборотных средств предприятий привела к кризису неплатежей и натурализации экономических связей (бартер).

На самом деле объяснение обратной связи между объемом М2 и инфляцией весьма несложно. Ограничительная финансовая политика, направленная на сжатие агрегата М2, не влечет за собой сокращения объема денежной массы, а вызывает лишь ухудшение ее качества. Взамен ликвидных денежных агрегатов каналы денежного обращения наполняются финансовыми неликвидами, суррогатами денег, различными долговыми обязательствами, накопление которых приводит к кризису неплатежей. В России, например, в середине 1990-х годов совокупный объем «квазиденег» в обращении достигал, по некоторым оценкам, половины всего объема денежной массы, а в отдельных отраслях составлял 80–90% совокупного объема операций российских предприятий[1]. Кризис неплатежей вызывает углубление экономического спада, а он в свою очередь выступает важнейшим фактором инфляционных процессов, поскольку усиливает диспропорции между количеством денег в обращении, которое остается практически неизменным (несмотря на сжатие М2), и объемом их товарного покрытия.

[1] *Яковлев А., Глисин Ф.* Альтернативные формы расчетов в народном хозяйстве и возможности их анализа методами субъективной статистики //Вопросы статистики. — 1996. — № 9. — С. 21—31.

Экономисты, близкие к монетаристской парадигме, обычно объясняют длительную безуспешность попыток финансовой стабилизации в России тем, что здесь не были в достаточно полной мере реализованы все составляющие стандартного пакета стабилизационных мер, рекомендуемого МВФ. Но то же самое можно сказать и про любую из стран, добившихся успехов в борьбе с инфляцией, — ни одна из них не была ортодоксальным последователем рекомендаций МВФ.

Более того, можно заметить, что страны ЦВЕ, проводившие наиболее резкое ограничение количества денег в обращении (Болгария и Румыния), испытали и наибольшие проблемы с инфляцией, да и с преодолением спада производства. Практически ни одной стране ЦВЕ (за исключением Польши и Венгрии) не удавалось проводить сокращение денежной массы долее чем в течение года. Во многих из этих стран реальностью оказалось инфляционное стимулирование роста экономики, противоречащее монетаристской логике финансовой стабилизации.

3. В качестве одного из важных факторов инфляции во многих странах с переходной экономикой рассматривался бюджетный дефицит. Однако на самом деле отрицательную корреляцию между темпами инфляции и отношением дефицита госбюджета к ВВП демонстрируют лишь страны, которые испытали жесткий дефляционный шок: Польша, Азербайджан, Армения, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Эстония и Литва, а Словакия и Словения обнаруживают положительную корреляцию. Кроме того, из всех групп стран только две последние (пятая и шестая) обнаружили значимую корреляцию между этими параметрами — естественно отрицательную. Это свидетельствует о том, что в странах со слабым государственным регулированием трансформационных процессов рост бюджетного дефицита действительно провоцирует инфляцию, а в более успешно реформируемых странах, где влияние национального правительства на логику проводимых преобразований достаточно велико, бюджетный дефицит не выступает столь значимым или, во всяком случае, быстродействующим фактором инфляции.

В пользу этой позиции свидетельствуют и результаты других исследований, объектами которых выступают развитые страны мира: в тех странах, где правительство удерживает под контролем макроэкономическую ситуацию, нет прямой связи между уровнем бюджетного дефицита и темпами инфляции. По данным выборки, охватывающей 48 стран, в совокупности производящих 9/10 совокупного мирового ВВП, статистически значимой корреляции между уровнями бюджетного дефицита и инфляции обнаружить не удалось.

4. Точно так же логика проведения экономических реформ предопределяет и взаимосвязь между конечным потреблением и инфляцией, которая на практике не столь очевидна, как должно было бы выте-

кать из общетеоретических соображений. Положительную корреляцию между темпами роста потребительских цен и объемом среднедушевого конечного потребления демонстрируют Украина, Молдова, Таджикистан и Туркмения, а отрицательную — остальные страны, за исключением России, Белоруссии, Литвы, Македонии, Азербайджана, Грузии и Казахстана. Нетрудно заметить, что в наиболее успешно реформируемых странах связь между инфляцией и уровнем конечного потребления отрицательна, страны со средними результатами (и несколько хуже среднего) никакой связи не обнаруживают, а в странах-аутсайдерах она положительна. Это естественно, поскольку в странах-лидерах механизмы обратной связи работают более четко и всплески инфляции немедленно снижают конечное потребление. В других странах лаг между этими изменениями значителен, макроэкономическая система реагирует на повышение цен с запаздыванием и, кроме того, в большинстве из них неденежные доходы играют значительную роль в общем объеме конечного потребления [26].

5. Скачкообразная либерализация экономики, столкновение с конкуренцией высокоразвитых экономик и закономерное ухудшение инвестиционного климата вызвали резкое сокращение инвестиционной активности (табл. 3). Это особенно сильно ударило по наиболее современным отраслям, производящим технически сложные изделия. Отсутствие инвестиционных ресурсов для модернизации послужило причиной их развала и деградации.

С другой стороны, энергосырьевые отрасли и жизнеобеспечивающие отрасли местной и национальной экономической инфраструктуры оказались в более благоприятном положении. Первые оказались достаточно конкурентоспособными на мировом рынке, учитывая используемый ими легкий демпинг; вторые было просто необходимо финансировать, чтобы избежать полного экономического и социального коллапса.

Как констатируется в данном исследовании, обобщающем опыт различных стран с переходной экономикой, большинству европейских стран пришлось заплатить высокую цену за либерализацию хозяйственного механизма. Реакция экономики на форсированное разрушение привычных механизмов управления при отсутствии или слабости новых, рыночных институтов и неотлаженности косвенных рычагов макроэкономического регулирования оказалась крайне болезненной. В результате большинство стран в первые годы трансформации были охвачены глубоким экономическим кризисом. Его главными проявлениями стали стремительное нарастание инфляции, угрожавшее в некоторых странах развалом государственных финансов, и падение объемов производства. Возникли также серьезные проблемы в социальной сфере.

Эти последствия либерализации были закономерными с учетом особенностей хозяйственной среды, существовавшей на момент ее проведения. Получение ожидавшегося эффекта от «освобождения» цен без сопутствующих потерь было бы возможно лишь при наличии условий для свободной конкуренции, когда рынок открыт в равной степени для всех покупателей и продавцов и отсутствуют препятствия для перераспределения ресурсов и движения капитала. В этом случае в борьбе за потребителя автоматически возник бы механизм ценовой конкуренции и у производителей появилось бы стремление к снижению затрат и цен (или к повышению объемов выпуска и качества продукции при неизменной цене). Однако совершенной конкурентной среды в реальной жизни не существует, а в странах с переходной экономикой она на старте реформ отсутствовала вовсе. Поэтому либерализация цен всюду, хотя и в неодинаковой мере, вела к стагфляции, т.е. к росту цен при снижении объемов производства.

Таблица 3

Валовой объем внутренних инвестиций в странах ЦВЕ и СНГ в 1990 и 1995 гг., % ВВП соответствующих лет

	1990	1995
Страны СНГ		
Армения	47,1	9,0
Азербайджан	27,8	16,0
Беларусь	27,4	25,0
Грузия	...	3,0
Казахстан	42,6	22,0
Кыргызстан	23,8	16,0
Молдова	...	7,0
Россия	30,1	25,0
Таджикистан	23,4	17,0
Туркменистан	40,0	...
Украина	27,5	...
Узбекистан	32,2	23,0
Некоторые страны ЦВЕ		
Болгария	25,6	21,0
Чехия	28,6	25,0
Венгрия	25,4	23,0
Польша	25,6	17,0
Румыния	30,2	26,0

Источник: Human Development Report for Europe and the CIZ. — UNDP, 1999. — P. 16.

Кроме того, либерализация цен проводилась в экономиках, чрезвычайно подверженных инфляции. Таковыми их делали, во-первых, унаследованная несбалансированность отраслевой структуры, вызывавшая нерав-

новесие между спросом и предложением на различные группы товаров, и, во-вторых, образовавшийся во многих странах в конце существования административно-командной системы «денежный навес» — существенное превышение массы денег на счетах предприятий и сбережений населения над товарной массой на внутренних рынках. Нехватка товаров при стабильном уровне административно устанавливаемых цен порождала скрытую, подавленную инфляцию, которая после либерализации ценообразования приняла открытую форму. Дополнительными, причем весьма существенными, факторами роста цен на начальном этапе реформ стали: 1) падение доходов государства из-за сокращения производства и ослабления финансовой дисциплины в народном хозяйстве и 2) покрытие возникших вследствие этого дефицитов государственных бюджетов в основном за счет эмиссии денег. Велика была и роль системного фактора инфляции, связанного с сохранением в переходный период государственной поддержки предприятий и редким применением в реальной хозяйственной практике процедуры банкротств, что порождало нерыночную реакцию предприятий на спросовые ограничения (прежде всего в форме неплатежей).

Резкий скачок инфляции в конце 1980-х — начале 1990-х годов произошел во всех странах ЦВЕ и СНГ. Однако масштабы инфляции, последовавшей за либерализацией цен, были в различных странах разными. Они зависели от накопленного в экономиках инфляционного потенциала и характера текущей денежно-кредитной, валютной и бюджетной политики. Различия состояли в темпах и продолжительности инфляции, а в конечном счете — в способности государственной власти управлять этим процессом.

Только в Венгрии годичные темпы инфляции в самые трудные годы практически не выходили за рамки 30%, а в Чехии и Словакии более высокий уровень инфляции, 60%, отмечался лишь в 1991 году, после чего ее темпы заметно снизились. Другие страны ЦВЕ инфляция потрясала более значительно. В Польше, Болгарии и Румынии она приняла галопирующий характер и выражалась трехзначными показателями. В 11 странах, включая страны Балтии, инфляция по крайней мере в течение одного года составляла более 200%, а в Эстонии, Боснии, Хорватии, Сербии и Болгарии пиковые значения инфляции преодолевали 1000%-ный рубеж. В то же время большей части этих стран удалось сравнительно быстро обуздать инфляцию. Так, начиная с 1996 года она уже не выходила за рамки 10% в Словакии, Сербии, Хорватии, Боснии, Словении и Македонии, а в странах Балтии после 1997 года опустилась ниже 8%.

Совсем иная картина наблюдается в странах СНГ. В 1992–1994 годах ежегодные темпы инфляции во всех странах СНГ, за исключением Беларуси, превышали 300%, а пиковые значения превышали 1000% в год. При этом в Казахстане, Грузии, Азербайджане и Украине в течение того же периода

темпы инфляции не опускались ниже 900% в год, в Туркмении в 1993–1994 годах ежегодные темпы инфляции составляли около 3000%, а пиковое значение инфляции в Грузии преодолело в 1994 году отметку в 15 000% .

Важнейшим результатом проведенных во внешнеэкономической сфере либерализационных мер является расслоение отраслевой структуры производства большинства стран с переходной экономикой на две группы отраслей — экспортно ориентированные (в основном ресурсодобывающие) и ориентированные на внутренний рынок. В развитии экспортно ориентированных отраслей заинтересованы как развитые страны, потребляющие основную долю ресурсов, вывозимых из менее развитых стран, так и сами правительства переходных государств, поскольку именно эти отрасли приносят львиную долю экспортной валютной выручки, часть которой составляет важную статью бюджетного дохода страны. В развитии отраслей, ориентированных на внутренний рынок, заинтересованы лишь национальные правительства и население соответствующих стран. При этом более развитые страны, лоббируя на внешних рынках интересы своих производителей, чаще всего стремятся подорвать внутренние рынки стран с переходной экономикой и захватить их, навязав свои правила игры [26].

В результате перечисленных обстоятельств совокупный валовой внутренний продукт стран ЦВЕ уменьшился за 1989–1993 годы на 20%, сокращение промышленного производства было вдвое большим. Особенно пострадала тяжелая промышленность, составлявшая в большинстве стран основу экономики. Внутренний спрос на ее продукцию упал, взаимные поставки между постсоциалистическими странами, на которые традиционно ориентировались крупные предприятия, после распада СЭВ и Советского Союза резко сократились, а на западных рынках товары из восточноевропейских стран, за небольшим исключением, не выдерживали конкуренцию из-за низкого качества и высоких цен.

Темпы сокращения ВВП в большинстве стран СНГ в 1990-е годы оказались значительно выше, чем в странах с переходной экономикой в Центральной и Восточной Европе, и сопоставимы лишь с темпами падения ВВП в Югославии, пережившей в последнее десятилетие распад государства и несколько межусобных войн (табл. 4).

В России минимальный за прошедшие 10 лет ВВП составил 58% от уровня 1990 года (это случилось в 1998 г.), в Украине — 41, в Молдавии — 36, в Киргизии и Армении — 48, в Грузии — 28, в Казахстане — 61, в Белоруссии — 65% от уровня 1990 года. Начавшееся с 1994 года постепенное оживление экономики смогло частично восполнить трансформационный спад и в некоторых странах ЦВЕ вывести производство на дореформенный уровень лишь к концу 1990-х годов. Из бывших республик Советского Союза к 2000 году ни одна еще не смогла превзойти уровень 1990 года, а в 2001 году это удалось Узбекистану (103% к уровню 1990 г.) и Эстонии (102%) [26].

Таблица 4

Изменения в реальном уровне ВВП ряда стран, 1990–1999 гг. (1990 = 100%)

	1990	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1999
Армения	100,0	54,7	49,9	52,6	56,2	59,5	63,0	64,0
Азербайджан	100,0	72,6	55,8	44,8	39,5	40,0	42,2	53,0
Беларусь	100,0	84,7	78,3	68,4	61,4	62,9	66,0	83,0
Грузия	100,0	51,7	36,5	39,8	41,0	45,7	50,2	37,0
Казахстан	100,0	88,8	80,7	65,6	60,3	60,6	61,8	62,6
Кыргызстан	100,0	80,8	68,2	54,5	51,6	54,5	56,2	63,1
Молдова	100,0	66,6	65,8	45,3	44,5	40,9	40,1	32,8
Россия	100,0	80,2	73,3	63,9	61,3	57,9	58,2	59,4
Таджикистан	100,0	64,7	53,5	46,7	40,9	34,0	32,7	53,4
Туркменистан	100,0	127,3	129,1	107,0	96,3	96,4	92,5	…
Украина	100,0	84,5	72,5	56,0	49,2	44,3	42,0	40,8
Узбекистан	100,0	83,5	81,2	77,1	76,2	77,4	79,9	94,7
Чехия*	100,0	80,0	80,4	82,6	86,6	90,1	91,4	…
Польша	100,0	95,5	99,1	104,4	111,6	118,3	125,2	…
Югославия	100,0	64,4	44,6	45,8	47,5	49,6	50,1	…

* В 1992 г. — Чехословакия.

Источник: Human Development Report for Europe and the CIZ. — UNDP, 1999. — P. 14; Россия в цифрах. М.: Госкомстат, 2000. — С. 281–382.

Таким образом, системный кризис был в странах ЦВЕ менее глубоким, чем в России и СНГ. Различия между странами внутри восточноевропейского региона также весьма существенны — как по масштабам трансформационного спада, так и по темпам его преодоления. Частично это объясняется объективными причинами, связанными с исходными условиями системных преобразований, общим уровнем хозяйственного развития, особенностями отраслевой структуры (в том числе долей военно-промышленного комплекса), глубиной сложившихся макроэкономических диспропорций, степенью реформированности хозяйственных систем и психологической подготовленности населения к смене общественного строя[1]. В Центральной и Восточной Европе, а также в странах Балтии эти условия были в целом благоприятнее, чем в России. В Чехии, Венгрии и Польше они способствовали более успешному «вхождению в рынок», чем, например, в Румынии или Болгарии. Немаловажную роль

[1] В ряде стран ЦВЕ задачу рыночных преобразований облегчало то, что в социалистический период развития в них сохранялись элементы рыночной системы в виде частного сектора в сельском хозяйстве (Польша, Югославия) и мелкого частного предпринимательства в городах. В Югославии, Венгрии, Польше реформирование плановой экономики началось задолго до революционных преобразований конца 1980-х годов. К началу системной трансформации в хозяйственные механизмы этих стран уже были внедрены некоторые рыночные инструменты и хозяйствующие субъекты имели навыки деятельности в «полусвободной» экономической среде. Ближе всех к рыночной экономике подошла Югославия, где предприятия находились в управлении трудовых коллективов и пользовались относительно широкой самостоятельностью.

сыграл также внешний фактор, в том числе масштабы поддержки реформ международными финансовыми организациями.

Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что перечисленные факторы не были определяющими для хода системных преобразований и хозяйственной динамики. Решающую роль сыграли степень понимания, качество постановки и воля к реализации властными структурами трансформационных задач и проводившаяся государством экономическая политика[1].

Благодаря своевременно начатой и последовательно проводившейся работе по созданию нормативно-правовой базы экономики лидирующие в системной трансформации Венгрия, Польша и Чехия смогли в максимально короткие сроки заполнить образовавшийся после демонтажа административно-командной системы «институциональный вакуум», создать благоприятные условия для хозяйственной деятельности и относительно надежную систему ее защиты. В качестве примеров можно привести налоговое право, систему страхования, акционирование собственности и ряд других институтов, адекватно работающих в странах — лидерах переходного процесса, в отличие от большинства стран СНГ. Своевременность институциональных трансформаций помогла правительствам предотвратить или свести к минимуму некоторые негативные черты, проявившиеся в экономике России и некоторых других стран, затянувших с институциональными реформами, — ведения экономической деятельности по неформальным и зачастую вредным для общества правилам, глубокой криминализации хозяйственной сферы, широкомасштабной коррупции.

Одновременно или сразу после проведения либерализации главной функцией государства стало макроэкономическое регулирование. Во главу угла государственной экономической политики во всех странах ЦВЕ и Балтии, а также в большинстве стран СНГ была поставлена задача финансовой стабилизации, которая решалась прежде всего посредством инструментов денежно-кредитной и бюджетной политики. Были законодательно закреплены обязанности центральных органов в отношении соблюдения ими иных параметров бюджетной сбалансированности (лимитов или запретов на кредитование правительств центральными банками, ограничений на наращивание внутреннего государственного долга, внешних заимствований и бюджетного дефицита), проведены налоговые реформы. Однако для макроэкономической стабилизации одних лишь методов монетарного характера было недостаточно, так как в начале переходного периода большую роль играли немонетарные факторы инфляции (структурный, системный, внешней задолженности и др.), не

[1] *Богомолов О.Т.* Реформы в зеркале международных сравнений. — М.: Экономика, 1998; Десять лет системной трансформации в странах ЦВЕ и в России: итоги и уроки. Научный доклад. — М.: ИМЭПИ РАН, 1999.

поддающиеся быстрому устранению. Поэтому наряду с ограничением бюджетных дефицитов и эмиссии денег во многих странах применялись такие «нерыночные» методы, как административное регулирование цен и заработной платы, а также замораживание («якорь») или более мягкие формы фиксирования («коридоры», «ползучая привязка» и т.п.) валютных курсов[1]. Опыт показал, что именно страны, реализовавшие комплексный подход в своей антиинфляционной политике, раньше других добились устойчивых результатов в стабилизации экономики [26].

Важной задачей постсоциалистических государств, столкнувшихся с проблемой спада производства, стало стимулирование экономического роста. На первом этапе рыночной трансформации правительства пытались ее решать в основном инструментами денежно-кредитного и налогового регулирования (в частности, после относительной финансовой стабилизации они стали идти по пути осторожного увеличения денежной массы). Инвестиционная, промышленная и научно-техническая политика, необходимая для структурной адаптации производства к требованиям внутреннего и мирового рынка, почти не проводилась как по причине недостатка средств, так и из-за идеологических предубеждений. В этот период в правящих кругах большинства переходных стран господствовал ультралиберальный миф о том, что лучшая промышленная политика — это ее отсутствие.

Однако, как указывалось выше, особенность трансформационного спада состояла в том, что наряду с неэффективными и устаревшими производствами в упадок пришли современные производства, особенно в высокотехнологическом машиностроении. Поэтому государственные органы управления многих постсоциалистических стран вынуждены были заняться не только активной промышленной политикой, но и поддержкой производства сверх обычных функций, выполняемых государством в развитой рыночной экономике. Аналогичным образом не обремененные либеральной мифологией денежные власти ряда постсоциалистических государств в ответ на утечку капитала ввели валютные ограничения. Как свидетельствует практика развития многих постсоциалистических стран, набор возможных инструментов, применяемых в этих областях государством, был весьма разнообразен [26].

В условиях неразвитого и нестабильного финансового рынка государство во всех реформируемых странах взяло на себя функцию поддержки развития частного сектора, возникающего на собственной основе. Во всех странах старались упростить правила регистрации и ведения бизнеса. Субъекты малого предпринимательства получали финансовую помощь в виде гарантий под коммерческие кредиты, субсидирования части про-

[1] Различные режимы централизованного валютного курса применяли Чехия, Венгрия, Польша, Словения, Словакия, что помогло им обеспечить большую стабильность и устойчивость экономики, чем Болгарии и Румынии, в которых после введения внутренней обратимости валют валютные курсы стали свободно формироваться на межбанковских валютных рынках.

центной ставки по кредитам и прямых льготных кредитов; для них вводились упрощенные схемы налогообложения и устанавливались налоговые льготы; принимались меры по облегчению их доступа к лизинговым фондам и рынкам капитала, к тендерам и конкурсам по государственным закупкам; в помощь их деятельности создавались информационно-консультативные системы, организовывалось обучение предпринимателей управлению предприятиями, оказывалось содействие в подключении к международным программам развития малого предпринимательства. Особое внимание уделялось целевой поддержке общественно значимых видов деятельности субъектов малого бизнеса, предпринимательских проектов в экономически депрессивных районах и проектов, направленных на создание новых рабочих мест, внедрения в производство инноваций, экспортной деятельности субъектов малого предпринимательства.

Как отмечается в том же исследовании, вопреки либеральной теории практика опровергла утверждение о прямой зависимости между сокращением участия государства в перераспределении национального дохода и увеличением темпов экономического роста. Доля государственных расходов в ВВП в постсоциалистических странах с положительной хозяйственной динамикой (Польша, Венгрия, Словения) составляла в переходный период 45–50%, а с отрицательной или застойной (Болгария, Румыния) — 25–35%. В годы трансформационного спада доля бюджетных расходов в ВВП в большинстве стран даже увеличивалась. Так, в Венгрии она повысилась за 1990–1994 годы почти на 9 процентных пунктов и достигла максимального уровня в 62%. Отмечался ее рост, хотя и не столь значительный, в Польше, Словении, Хорватии, Македонии. Из рассматриваемых стран эта доля на первом этапе реформ значительно снизилась лишь в Чехии и Словакии — с 64,5% в 1989 году до соответственно 43,3 и 48% в 1994 году [26].

В отличие от европейских постсоциалистических государств переход к рыночной экономике в Китае и во Вьетнаме осуществлялся строго на прагматичной основе. Как отмечается в [26], переход к рыночной экономике в Китае проводился не в соответствии с некой идеальной моделью или заранее намеченным временным графиком. Китайские экономисты неизменно подчеркивают «приростный» характер реформ, смысл которых заключается не в перераспределении имеющегося объема ресурсов, а в повышении роли рыночного механизма в создании и распределении увеличивающейся части ресурсов. Такой подход позволяет обеспечить «парето-оптимальный» характер экономических преобразований: минимальный ущерб для хозяйствующих агентов, постепенно начинающих ориентироваться на рыночные сигналы обратной связи, и, следовательно, минимальное сопротивление проводимым реформам.

Отличительные черты экономической реформы в КНР — взвешенность предпринимаемых мер и постепенный характер преобразований.

Реформа цен на предварительном этапе (1978–1984 гг.) проводилась без изменения механизма ценообразования: ценовые ведомства директивно повышали цены на дефицитные товары и понижали цены на производившиеся в избыточном количестве, обеспечивая тем самым приближение плановых цен на эти товары к равновесным ценам. С 1985 года начинается постепенный отпуск цен на конечную продукцию и материальные ресурсы, формирование «двухколейной» системы цен, при которой цены на плановую часть той или иной продукции определяются правительством, а на внеплановую — рынком. К 1996 году товары, цены на которые полностью определялись рынком, составляли 93% общего объема розничных продаж, 79% общего объема закупок сельскохозяйственной продукции, 81% общего объема реализации средств производства [26].

Как пишут китайские экономисты, реформа ценообразования проводилась по принципу «перепрыгнуть пропасть в два прыжка»[1]. Они понимали, что деформированная система цен искажает отраслевую структуру производства. В этих условиях мгновенная либерализация цен неизбежно привела бы к экономическому спаду.

Именно поэтому был избран путь реформирования цен, связанный с переходом к «двухколейной» системе. Либерализация цен на сверхплановую продукцию дала предприятиям возможность для развития. Кроме того, путем постепенного урегулирования плановых цен государство постоянно сокращало разницу между плановыми и рыночными ценами, что делало уже не столь значительным расхождение экономических интересов, связанное с наличием двухколейной системы цен. В это время «пропасть» была уже почти засыпана и можно было переходить ее в два шага. Это обеспечило низкий риск и достижение основных целей реформ: поддержать стабильный рост физических объемов производства и не допустить массового разорения предприятий.

Аналогичным образом проводились либеральные реформы и в других направлениях. Либерализации банковской системы предшествовало упорядочение величины процентной ставки. Создание налоговой системы началось с реформирования объемов прямых неналоговых отчислений. Лучшим примером последовательности и постепенности может служить реформа в валютной сфере Китая. Первоначально с целью стимулирования активности хозяйственных организаций по зарабатыванию валюты была расширена самостоятельность предприятий в области ее использования и введена система сохранения у них части заработанной валюты. В 1988 году был официально разрешен рынок перераспределения валюты, что вызвало неуклонное расширение внутреннего оборота валюты на территории страны, вплоть до унификации валютного курса в 1994 году Таким образом, еще до того

[1] *Линь Ифу, Цай Фан, Ли Чжоу.* Китайское чудо: стратегия развития и экономическая реформа. — М., 2001. — С. 336.

как был образован единый валютный курс, регулируемый в соответствии с рыночным уровнем, 80% обращающейся в стране иностранной валюты уже проходило через валютный рынок с его рыночным курсом. Одновременно с этим после многократных упорядочений официального курса разрыв между официальным и рыночным курсом существенно сократился. В этом заключается основная причина того, что довольно болезненная для большинства реформируемых стран практика перехода к унифицированному валютному курсу в Китае прошла достаточно гладко [26].

Китайский опыт подтвердил сделанные выше выводы в отношении отрицательной эффективности проведенной в России приватизационной кампании. В отличие от российских реформаторов, сделавших упор на приватизации сложившихся государственных предприятий, в Китае основное внимание было уделено формированию благоприятной среды для создания новых. Как показывает опыт различных стран с переходной экономикой, результат реформирования экономики во многом зависит от соотношения вновь создаваемых частных предприятий и приватизируемых государственных. Чем больше доля первых (пример Китая, Вьетнама, Польши, Словении и Венгрии), тем выше темпы экономического роста. Иными словами, успешными оказываются те страны, где реформы создают условия для развития новых видов деятельности, а не концентрируют предпринимательскую энергию на переделе ранее созданного.

Анализ эмпирических данных подтверждает высказанную выше гипотезу об отсутствии прямой зависимости между приватизацией и темпами экономического роста. К примеру, Словения, Польша — государства, где приватизационный процесс разворачивался медленнее, чем в других странах Центральной и Восточной Европы, — демонстрировали более высокие темпы экономического развития [26].

Фактические данные подтвердили реальность угроз участия в приватизации иностранного капитала. Иностранные инвесторы нередко приобретали предприятия с целью перемещения в постсоциалистические страны экологически вредных и эргономически опасных производств. Переход к иностранному капиталу контроля за базовыми отраслями экономики углублял структурные деформации, вызывал утечку первоклассных специалистов на зарубежные фирмы, приводил к присвоению зарубежными инвесторами значительной части природной ренты, вывозимой из страны в форме трансферта прибылей, дивидендов, лицензионных платежей. Во всех постсоциалистических странах отмечены случаи приобретения иностранными инвесторами в собственность предприятий, являющихся их потенциальными либо действующими конкурентами, в целях постановки под контроль либо его ликвидации.

Таблица 5 иллюстрирует кампании массовой приватизации в различных постсоциалистических странах. Экономика практически всех стран

бывшего Совета экономической взаимопомощи, Албании и Монголии к середине 1998 года стала преимущественно частной. При этом доля частного сектора в ВВП существенно различалась — от 20% в Белоруссии до 80% в Венгрии. Никакой связи между ней и эффективностью экономики обнаружить не удалось. При этом ряд постсоветских государств с низкими темпами приватизации (Азербайджан, Белоруссия, Узбекистан и Туркмения) демонстрировали относительно лучшие макроэкономические показатели.

Таблица 5

Результаты приватизации в странах с переходной экономикой

Страна	Методы приватизации		Приватизированные в 1997 г. активы госпредприятий, %	Кол-во приватизированных в 1994-1997 гг. крупных и средних предприятий (их доля к концу 1997 г., %)	Кол-во приватизированных в 1994-1997 гг. малых предприятий (их доля к концу 1997 г., %)	Совокупная доля частного сектора в ВВП на середину 1998 г., %
	основные	вспомогательные				
Албания	ПА, ВП	МП1 (прервана в 1997 г.)	до 25	71	5600	75
Болгария	ПА (ПП)	МП1	20,0	...	(21,1)	50
Чехия	МП1	ПА (ПП)	Более 50	1680 (74,2)	...	75
Словакия	ВП (ПП)	МП1, СФ	62,0	1281 (79,4)	...	75
Босния и Герцеговина	не определено (МП, ВП, ПА, реституция)		...	...	...	35
Хорватия	ВП	СФ	До 50	1600 (67,5)	...	55
Македония	ВП	ПП, СФ	До 50	70,8		55
Словения	ВП	СФ, МП, ПА, ПБ	Более 50	(72,0)		55
Венгрия	ПА (ПП)	ЛК, ВП	Более 50	1566	(87,7)	80
Польша	ВП	МП1, ПА (ПП)	более 50	(35,7)	...	65
Румыния	ВП	ПА (ПП)	До 50	(28,4)	(95,5)	60

Страна	Методы приватизации		Приватизированные в 1997 г. активы госпредприятий, %	Кол-во приватизированных в 1994-1997 гг. крупных и средних предприятий (их доля к концу 1997 г., %)	Кол-во приватизированных в 1994-1997 гг. малых предприятий (их доля к концу 1997 г., %)	Совокупная доля частного сектора в ВВП на середину 1998 г., %
	основные	вспомогательные				
Армения	МП1	МП2, ВП	До 50	1010 (72,3)	(77,8)	60
Азербайджан	МП1	ПП, ВП	70% активов, 3200 предприятий к середине 2000 г.		(71,0)	45
Грузия	МП2	ВП (ПП)	Более 50	876 (73,1)	(93,8)	60
Казахстан	МП1	ПА (ПП)	70	...	(100,0)	55
Кыргызстан	МП1	ВП	До 50	(63,8)		60
Эстония	ПА (ПП)	ВП, МП	Более 50	(99,0)	(99,6)	70
Латвия	МП1	ПА (ПП)	38,2	1351	...	60
Литва	МП1	ВП, ПП	До 50	1034	...	70
Беларусь	ВП	МП	...	(25,5)		20
Молдова	МП2	ПА (ПП)	До 50	1100	...	45
Россия	МП2	ПА, ВП	Более 50	35000	115000	70
Украина	МП1	ВП	До 25	7800 (72,4)	...	55
Таджикистан	ВП	МП	до 25	(11,3)	(50,0)	30
Туркменистан	ВП	ПП	...	15	1779	25
Узбекистан	ВП	МП, ПП, ПБ	До 50	18264		45
Монголия	МП	ВП	...	470 (70,0)	...	...

Источник: Трансформация отношений собственности и сравнительный анализ российских регионов. — М., 2001. — С. 21.

Примечание. МП1 — массовая (ваучерная) приватизация с равным доступом для всех граждан, МП2 — массовая (ваучерная) приватизация со значительными льготами для инсайдеров, ВП — выкуп предприятий администрацией и персоналом, ПА — продажа аутсайдерам, ПП — прямая продажа, ЛК — льготное кредитование, ПБ — процедура банкротства, СФ — передача акций социальным фондам.

Проведенный в [26] анализ показывает, что приватизация оказывает положительный экономический эффект лишь в том случае, если сопровождается своевременным созданием институтов конкуренции и накопления капитала, развитием рыночной инфраструктуры.

Особый интерес для объяснения разных результатов перехода к рыночной экономике представляет сопоставление методов проведения денежно-кредитной политики в целях макроэкономической стабилизации. В том же исследовании на основании обобщения опыта всех стран с переходной экономикой выделяется три варианта этой политики: монетарный ортодоксальный, монетарный гетеродоксальный и структурно-производственный.

В ортодоксальном подходе делается упор на сокращении дефицита государственного бюджета как за счет уменьшения государственных расходов, так и за счет увеличения доходной базы. При этом жесткая бюджетная политика сопровождается ограничительной денежно-кредитной политикой, включающей административное планирование денежной массы, привязку денежной эмиссии к приросту валютных резервов, использование технологий стерилизации денежной массы посредством продажи государственных ценных бумаг на фондовом рынке.

Гетеродоксальный подход делает упор на политику стабилизации цен и доходов, в которой наряду с ортодоксальными методами используется их временное замораживание административными методами. Этот подход способен дать быстрый антиинфляционный эффект, однако порождает и негативные результаты: деформируется система ценовых импульсов и оценок. Может быть подорвано доверие к государству в случае замораживания обязательств по государственным ценным бумагам.

К моменту распада мировой системы социализма мировая практика накопила немалый опыт использования различных политик макроэкономической стабилизации. В частности, в латиноамериканских странах в 1970–1990-е годы осуществлялись стабилизационные программы как ортодоксального, так и гетеродоксального типов — нередко с их чередованием или переплетением. Этот опыт показывает, что удачными и неудачными могут быть как ортодоксальные, так и гетеродоксальные меры финансовой стабилизации. При этом они не дают долговременного экономического эффекта. Из этого в [26] делается вывод о том, что для обеспечения устойчивого экономического роста нужен комплекс мер, не ограничивающийся только финансовой стабилизацией.

Считается, что большинство стран Центральной и Восточной Европы избрали гетеродоксальный тип финансовой стабилизации[1]. В ряде случаев (в частности, Польша, Чехия и др.) проводилась жесткая бюджетная и кредитно-денежная политика в сочетании с ограничением доходов (например, в Польше путем налогового зажима прироста фондов зарплаты в госсекторе, а также занижения индексации доходов по сравнению с темпами инфляции). Если быть более точным, такая политика представляет собой сочетание ортодоксального и гетеродоксального подходов. В итоге она обусловила ряд позитивных сдвигов в обуздании инфляции, однако ее применение

[1] *Жукровска К.* Преобразования переходного периода: теория и практика // Мировая экономика и международные отношения. — 1995. — № 6. — С. 115.

неизменно вызывало обвальный спад производства. В Польше, например, при снижении инфляции с 600% в 1990 году до 30% в 1994 году объем промышленного производства за 1990–1991 годы уменьшился примерно на 35%. В Чехии за 1991–1992 гг. он упал почти на 30%, в Румынии — более чем на 40%.

О катастрофических последствиях политики макроэкономической стабилизации в России ортодоксальными методами было сказано в первом разделе настоящей книги.

Структурно-производственный вариант макростабилизации в отличие от монетарного варианта получил не столь широкое распространение в странах с переходной экономикой. В качестве примеров его применения можно указать современный Китай, осуществляющий мощную модернизацию производственно-экономического потенциала в условиях усиления рыночных начал экономики в рамках сложившегося общественного строя. До этого аналогичные подходы к макростабилизации применялись в Японии и Южной Корее, которые на протяжении послевоенных десятилетий вели активную целенаправленную политику по структурной перестройке экономики, подъему производительных сил.

В [26] приводятся следующие характеристики структурно-производственного варианта макростабилизации.

1. Активная роль государства в осуществлении структурной перестройки национальной экономики путем проведения структурной и инвестиционной политики, стимулирования перспективных направлений модернизации производства.

2. Всестороннее стимулирование производственных инвестиций, в том числе посредством прямого участия государства в капиталовложениях, предоставления гарантий инвесторам, субсидирования НИОКР, создания «точек роста».

3. Поддержка отечественных товаропроизводителей, стимулирование предложения товаров и услуг, защита внутреннего рынка и стимулирование конкурентных национальных преимуществ в мирохозяйственном разделении труда.

4. Стимулирование конечного спроса как со стороны фирм, так и со стороны домашних хозяйств.

5. Проведение комплексной политики преодоления инфляции, включая ограничение роста издержек.

Указанные характеристики структурно-производственного варианта макростабилизации, как правило, увязываются с курсом на эволюционное, постепенное преобразование экономической системы, не допускающим ее резкого слома, чреватого потерей управляемости. Данный вариант выступает в трансформационном аспекте как антипод шоковой терапии, а в аспекте макростабилизации — как антипод монетарного варианта стабилизации. Его теоретической основой выступают такие направления эко-

номической мысли, как кейнсианство, институционализм, эволюционная экономика, а также ряд течений социоэкономики (от технократического до социал-демократического). По методологическим основаниям данный вариант противостоит узколиберальным и монетаристским подходам к макроэкономической стабилизации на основе неоклассической теории рыночного фундаментализма. В данном подходе приватизация государственной собственности, либерализация цен и внешней торговли рассматриваются с сугубо прагматической, а не идеологической позиции, как в ортодоксальном варианте стабилизации. В рамках данного варианта финансовая стабилизация становится не самодовлеющим, а сопутствующим составным элементом, а осуществление антиинфляционной политики основывается на достижении целей экономического роста и повышения уровня жизни.

Структурно-производственный вариант макростабилизации предполагает разработку и реализацию экономической стратегии государства, направленной на использование конкурентных преимуществ страны в мирохозяйственном разделении труда. Эта стратегия направляет действие рыночных механизмов на достижение стратегических целей экономического развития и сопровождается целенаправленными усилиями государства в структурно-инвестиционной деятельности. Следует отметить важную роль программирования ключевых направлений развития, участие государства в межотраслевом переливе ресурсов, стимулирование частных инвестиций, регулирование объемов и сроков обновления капитала и т.п. [26].

Активная структурная, производственная и инвестиционная политика государства обеспечивает модернизацию производительных сил, снижение издержек производства и повышение конкурентоспособности отечественной продукции и в конечном счете — рост товарного предложения, чем достигается антиинфляционный эффект. При этом осуществляются и меры по стимулированию платежеспособного спроса населения, решению социальных проблем, увеличению государственного спроса и спроса предприятий (прежде всего через восстановление оборотных средств).

Эта политика вызывает необходимость в смягчении кредитных ограничений, в управляемой денежной эмиссии и может сопровождаться краткосрочным повышением инфляции. Как отмечается в [26], опыт применения данного варианта макростабилизации показывает возможность удержания инфляции в разумных пределах через постоянное отслеживание макроэкономической динамики, контроль за ценами на продукцию естественных монополий, развитие безналичных форм расчетов и т.п.). По мере оживления и подъема производства достигается финансовая стабилизация. В качестве примера успешного применения этого подхода можно привести экономику Китая, где удается удерживать инфляционные процессы под контролем, несмотря на рост объема денежной массы, значительно опережающий рост физических объемов производства, в течение всего периода реформ.

Таким образом, антиинфляционный эффект достигается в результате общей макростабилизации, осуществляемой в структурно-производственном варианте на основе расширения емкости внутреннего рынка, роста объемов производства, наращивания национальных конкурентных преимуществ в мирохозяйственном разделении труда. Критерием успешности макроэкономической стабилизации становится не достижение определенных количественных значений монетарных показателей (темпы инфляции, дефицит госбюджета, стабильность курса национальной валюты), а экономический рост и повышение уровня жизни населения [26].

Как следует из результатов обширного сравнительного исследования опыта перехода разных государств от директивной к рыночной экономике, обобщающие выдержки из которого приведены выше, ничего удивительного в том, что вопреки ожиданиям реформаторов и общества в результате радикальных реформ Россия откатилась на десятилетия назад, нет. Сложившиеся в результате реформ производственные отношения оказались не способны использовать имеющийся в стране интеллектуальный и научно-производственный потенциал. Сотни тысяч уехавших за рубеж первоклассных специалистов, миллионы вынужденно безработных, наполовину незагруженные производственные мощности, заброшенные поля, сотни миллиардов долларов вывезенных из страны капиталов — все это свидетельствует о неадекватности получившейся в результате реформ системы управления хозяйством уровню имеющегося экономического потенциала. Принципиально те же последствия реализации либеральной доктрины, рыночного фундаментализма можно наблюдать в других следовавших ей постсоциалистических государствах. Так, еще худшие результаты реформ можно наблюдать в экономике Украины. Аналогичные процессы деградации экономики и производительных сил общества происходили в государствах Прибалтики и Восточной Европы, несмотря на их вхождение в ЕС и колонизацию европейским капиталом.

Таким образом, результаты радикальных реформ в России и других постсоциалистических странах, реализовавших под руководством МВФ основанную на неоклассической парадигме доктрину рыночного фундаментализма, обернулись экономической катастрофой и оказались противоположны заявленным целям и ожиданиям. Вместо повышения эффективности экономики получили ее резкое снижение, вместо подъема экономической активности — двукратный спад, вместо новых горизонтов развития — чудовищную деградацию. При этом новая система регулирования экономики оказалась неспособной освоить доставшийся ей в наследство производственный потенциал страны. Самому глубокому разрушению подверглись наиболее сложные и развитые в научно-техническом отношении производства, а экономика стремительно деградировала в направлении примитивных форм производства — добычи и экспорта полезных ископаемых и сырьевых товаров низкой степени переработки.

В предыдущем разделе подробно говорилось о целях и мотивах экономического поведения, формировавшихся в специфических условиях разрушения советского государства и массовой приватизации принадлежавшего ему богатства. Для наиболее активной и не обремененной особыми моральными принципами части общества открылись невероятные возможности быстрого обогащения. Выиграли те, кто, злоупотребляя служебным положением в соответствующих органах государственной власти или используя связи и подкуп должностных лиц, получили возможность приватизировать наиболее доходные государственные предприятия. Те же, кто пытался собственным честным трудом создать свой бизнес, мало преуспели и в значительной части просто разорились в неблагоприятных для наращивания собственного производства макроэкономических условиях. Большинство наиболее богатых и влиятельных в постсоветских государствах людей обогатилось за счет приватизации государственного имущества, природной ренты от экспорта сырьевых товаров, завышения цен или других форм присвоения чужого имущества или доходов.

Очевидно, что действовавший таким образом «естественный отбор» предпринимательского поведения не мог привести к высокоэффективным формам хозяйствования. Наоборот, складывавшийся на почве криминальной приватизации государственной собственности стереотип присвоения незаработанного неизбежно вел к бесконечной борьбе за передел собственности, при которой долговременные интересы развития производства отходили на второй план. Вслед за приватизацией государственной собственности при помощи тех же методов и с участием коррумпированных институтов государственной власти большой размах приобрели рейдерские захваты чужого частного имущества, что дестимулировало добросовестное предпринимательство и делало часто бессмысленными инвестиции в развитие производства. Ведь стоило последнему начать приносить заметные прибыли, как немедленно начинались попытки его захвата посредством профессионально отработанных технологий рейдерских атак с участием налоговых и правоохранительных органов.

При сложившихся стереотипах поведения наиболее преуспевшей части предпринимательского сословия трудно ожидать экономического роста. Приходится еще раз повторить, что отношение хозяина к собственности во многом определяется источником ее приобретения. Если она нажита «потом и кровью», то и отношение к ней вполне хозяйское — собственник печется о приумножении своего богатства. А если она украдена, то тут уж не до хозяйской мотивации. Незаконный собственник озабочен главным образом тем, как побыстрее перевести эту собственность в ликвидную форму и спрятать где-нибудь за рубежом, подальше от правоохранительных органов и конкурентов, которые могут заявить на нее права. Соответственно, и макроэкономические результаты такого предпринима-

тельского поведения будут принципиально различаться: в первом случае — экономический рост, во втором — вывоз капитала и деградация производства. Первый вариант перехода к рынку реализован в Китае, где частный сектор экономики создавался не за счет передела государственной собственности, а на основе личной предпринимательской энергии при создаваемых государством благоприятных условиях. Второй — в большинстве бывших советских республик, где частный сектор вырос на обломках государственного. И результаты оказались противоположными: в первом случае бурный экономический подъем, во втором — катастрофический спад. При этом Китай привлек в свою экономику до триллиона долларов иностранных инвестиций, а Россия потеряла столько же вывезенного отечественного капитала.

Чтобы понять, почему в большинстве постсоциалистических стран был реализован заведомо ущербный и противоречащий общенациональным целям развития вариант перехода к рыночной экономике, необходимо принять во внимание закономерности экономического поведения населения.

За десятилетия советской власти у подавляющего большинства граждан сформировались определенные стереотипы поведения, обусловленные стабильностью социально-экономических отношений, уверенностью в благополучной жизни при условии соблюдения раз и навсегда заданных правил. Не только рядовые граждане, но и руководители действовали в условиях мало меняющихся производственных отношений в соответствии с установленными процедурами принятия решений. И хотя экономика СССР росла относительно высокими темпами и каждый год создавались новые виды деятельности, строились тысячи новых заводов, осваивались десятки новых специальностей, сама социально-экономическая среда оставалась стабильной. Она поощряла лояльность по отношению к власти, добросовестное отношение к своим обязанностям, стремление к продвижению по партийно-хозяйственной карьерной лестнице.

Как пиратское отношение к приватизированной сомнительным способом собственности, так и чудовищное обнищание большинства населения были неожиданными для радикальных реформаторов. Действительно, что мешало вполне грамотному и квалифицированному населению принять массовое участие в приватизации и последующем управлении бывшей общенародной собственностью? Почему за каких-то несколько лет основная часть национального богатства оказалась в распоряжении всего нескольких десятков человек, в то время как подавляющее большинство граждан лишилось прав не только на свою часть некогда общенародного имущества, но и своих сбережений? И по каким причинам вместо повышения эффективности производства и приумножения полученной от государства собственности ее новые хозяева в большинстве случаев пошли по пути ее разграбления и вывоза капитала за рубеж?

Широко распространенные неоклассические представления об экономике как сообществе максимизирующих прибыль хозяйствующих субъектов, действующих в формальных условиях свободной конкуренции, не позволяют дать вразумительные ответы на эти вопросы. Между тем анализ, проведенный с позиций эволюционной экономики, доказывает, что полученные результаты были предопределены проводившейся политикой шоковой терапии и стали ее естественным результатом. Если забросить тщательно возделывавшиеся поля, не стоит удивляться бурному росту сорняков. Хищнические формы предпринимательской деятельности оказались наиболее эффективными с точки зрения обретения богатства в условиях возникшего хаоса и в ходе «естественного отбора» стали доминирующими. Следствием этого стала целая гамма проанализированных в предыдущем разделе явлений, аномальных с точки зрения общераспространенных теоретических представлений экономической науки и перечеркнувших смысл проводившихся радикальных реформ.

Постепенно общество адаптируется к новой системе социально-экономических отношений. Но этот процесс обучения требует времени. И в случаях, когда экономические реформы опережают способность общества осваивать новые формы конструктивной деятельности в быстро меняющихся условиях, возникают социальные напряжения и дисфункции, обусловленные неадекватной мотивацией хозяйствующих субъектов. И наоборот, если процессы обучения общества новым формам экономической деятельности соответствуют темпам социально-экономических и политических преобразований, то можно ожидать позитивных результатов. Вооруженные пониманием нового смысла своей деятельности и руководствуясь принципами добросовестной конкуренции и законопослушания, люди могут добиться выдающихся и весьма полезных для общества результатов.

Наиболее интересным для экономической науки является сравнительный анализ рыночной трансформации российской и китайской экономик, осуществлявшейся принципиально разными способами в одно и то же время, одновременно с вызреванием кризиса мировой экономики.

В этих условиях результат любой трансформации экономики определялся сочетанием ее результатов с технологическими сдвигами, закладывающими будущую траекторию экономического развития. В России переход к рыночной экономике сопровождался разрушением институтов, обеспечивавших воспроизводство научно-производственного и интеллектуального потенциалов. В Китае эти институты не разрушались, а модернизировались, приспосабливались к функционированию в условиях рыночной конкуренции наряду с выращиванием новых институтов рыночной экономики. При этом государственная политика была направлена на сохранение и развитие научно-производственного потенциала, ориентировалась не на формальные преобразования, а на практические результаты.

Создание условий для активизации творческого потенциала личности и предпринимательских способностей путем планомерной деятельности государства позволило Китаю на порядок увеличить объемы производства с момента начала реформ. В России и большинстве других постсоциалистических стран переход к рынку на основе присвоения государственной собственности небольшой группой приближенных к власти лиц не мог обеспечить экономический успех.

В итоге сравнительного эксперимента практического применения двух разных теоретических доктрин были получены диаметрально противоположные результаты: если в России произошло более чем двукратное падение основных показателей научно-технического потенциала, то в Китае — их многократный рост (рис. 2). Это доказывает неадекватность теоретических представлений неоклассической парадигмы, на основе которой реализовывалась доктрина «Вашингтонского консенсуса» и политика шоковой терапии в России, закономерностям современного экономического развития. Доктрина рационального хозяйствования, соответствующая эволюционной парадигме, положенная в основу китайской политики перехода к рыночной экономке, напротив, позволила учесть и использовать эти закономерности. Их понимание является необходимым условием оценки правильности проводимой экономической политики.

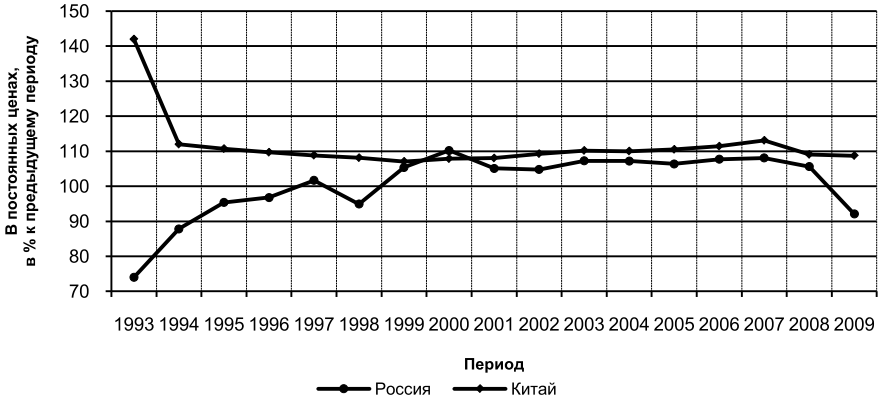

Рис. 2. Динамика валового внутреннего продукта.
Источник: Российский статистический ежегодник. 2001. Стат. сб. — М.: Госкомстат России, 2001; Российский статистический ежегодник. 2004. Стат. сб. — М.: Росстат, 2004; Российский статистический ежегодник. 2009. Стат. сб. — М.: Росстат, 2009; Важнейшие экономические показатели. Оперативная информация. — М.: Росстат, 2010.

Раздел 3

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

В последние годы произошли существенные изменения в целеполагании экономической политики российского государства. Крах либеральной утопии заставил властвующую элиту скорректировать идеологию проводимой политики. Государство было реабилитировано как важнейший субъект и институт регулирования экономики. С наступлением глобального финансового кризиса общее признание получило понимание ограниченности механизмов рыночной самоорганизации и необходимости широкого государственного вмешательства. На фоне повсеместной критики «свободной руки рынка» печальные последствия либеральных реформ в России перестали быть предметом широких дискуссий. Экспертное сообщество сосредоточилось на обсуждении сценариев будущего развития.

Вместо либерализации и бесконечного реформирования экономики на основе мифологии рыночного фундаментализма в качестве целей государственной политики были провозглашены переход на инновационный путь развития, подъем благосостояния народа, построение высокоэффективной социально ориентированной экономики. В Концепции долгосрочного развития России до 2020 года правильно констатируется тупиковость сложившегося инерционного энергосырьевого сценария развития, низводящего Россию до роли сырьевого придатка мировой экономики. И в соответствии с рекомендациями науки определяются приоритеты государственной политики: инвестиции в человеческий капитал, подъем образования, науки, здравоохранения, построение национальной инновационной системы, модернизация экономики, развитие новых конкурентоспособных секторов в высокотехнологических сферах экономики знаний, реконструкция и расширение производственной, социальной и финансовой инфраструктуры [19, 73].

В Концепции и Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития страны до 2020 года говорится о переходе российской экономики от экспортно-сырьевого к инновационному типу развития. Для этого предполагается на порядок повысить показатели инновационной активности, в 2–3 раза поднять эффективность экономики, в десятки раз увеличить долю российских высокотехнологических продуктов на мировом рынке. Это позволит, согласно данной Концепции, более чем втрое повысить заработную плату и вывести Россию в число высокоразвитых стран

по уровню социально-экономического развития, захватив лидирующие позиции в ряде ключевых направлений роста глобальной экономики. Ставятся задачи достижения мировых стандартов финансирования науки, образования и здравоохранения, увеличения нормы накопления до уровня наиболее быстро развивающихся стран.

Вместе с тем правильная констатация задач и определение параметров — необходимое, но недостаточное условие достижения поставленных целей. Необходимо правильно спланировать меры экономической политики, своевременно сконцентрировать ресурсы на перспективных направлениях, добиться их эффективного использования. Но, как показали действия правительства в условиях мирового кризиса, этому мешает инерция прежней идеологии рыночного фундаментализма, обслуживающей интересы финансовой олигархии, которая продолжает контролировать принятие важнейших решений в области экономической политики государства. Предпринятые последним антикризисные меры не были ориентированы на опережающее технологическое развитие экономики, с которым связаны перспективы выхода из кризиса. Поэтому они не смогли остановить падение промышленного производства, в том числе обвальный спад машиностроения. Фактически они были нацелены на сохранение сложившейся структуры экономических отношений, характеризующейся доминированием олигархических кланов, ориентацией экономики на экспорт сырья и импорт товаров конечного спроса, неразвитостью институтов долгосрочного кредита, спекулятивным характером финансового рынка. Вследствие неверной стратегии антикризисные меры обернулись обогащением приближенных к печатному станку коммерческих банков при разорении производственных предприятий.

В отличие от российских денежных властей, направивших подавляющую часть эмитированных для преодоления кризиса денег на поддержку коммерческих банков без каких-либо обязательств с их стороны, в большинстве развитых стран первоочередное внимание было уделено целевому расходованию антикризисных ассигнований на поддержку модернизации экономики и инновационной активности. Так, доля расходов на развитие передовых технологий в целях модернизации энергетической, транспортной и жилищно-коммунальной инфраструктуры в антикризисной программе Кореи составила 80,5%, ЕС — 58,7%, Китае — 37,8%, в то время как в России — не более 1,5% при 15,6% по миру в целом[1].

Главной причиной низкой эффективности антикризисных мер и сохраняющейся сырьевой специализации российской экономики является продолжающееся влияние идеологии рыночного фундаментализма на формирование экономической политики. Она по-прежнему определяет денежно-кредитную

[1] www.hsbc.research.com.

политику, вследствие чего государство не может стать полноценным институтом развития. Связано это, с одной стороны, с доминирующим влиянием олигархата на принятие государством решений, затрагивающих интересы «денежных мешков», с другой — недостатком знаний властвующей элиты в области закономерностей современного экономического роста. В настоящем разделе на основе анализа этих закономерностей даются оценки состояния российской экономики и перспективы ее развития, раскрываются причины и обосновываются сценарии дальнейшего хода мирового кризиса. Исходя из этого предлагаются меры антикризисной политики, направленные на опережающее развитие перспективных производств на передовой технологической основе и формирование отечественной инвестиционной системы.

Глава 8
Закономерности современного экономического роста

Современный экономический рост характеризуется ведущим значением научно-технического прогресса и интеллектуализацией основных факторов производства. На долю новых знаний, воплощаемых в технологиях, оборудовании, образовании кадров, организации производства в развитых странах, приходится от 70 до 85% прироста ВВП. По имеющимся данным, быстро растет вклад инновационной составляющей в прирост ВВП развитых стран, который в США, например, увеличился с 31,0% в 1980-е годы до 34,6% в начале нового столетия; в Японии соответственно с 30,6 до 42,3%; в Европе с 45,5 до 50,0% [88]. Внедрение нововведений стало ключевым фактором рыночной конкуренции, позволяя передовым фирмам добиваться сверхприбылей за счет присвоения интеллектуальной ренты, образующейся при монопольном использовании более эффективных продуктов и технологий.

Характерной чертой современного экономического роста стал переход к непрерывному инновационному процессу в практике управления. Проведение НИОКР занимает все больший вес в инвестициях, превышая в наукоемких отраслях расходы на приобретение оборудования и строительство. Одновременно повышается значение государственной научно-технической, инновационной и образовательной политики, определяющей общие условия научно-технического прогресса. Постоянно растет доля расходов на науку и социально-экономическое развитие в ВВП развитых стран, достигшая в передовых странах 3% ВВП, до половины из которых поддерживается государством. Интенсивность НИОКР и качество человеческого потенциала определяют сегодня возможности и уровень экономического развития — в глобальной экономической конкуренции выигрывают те страны, которые обеспечивают благоприятные условия для научно-технического прогресса.

Как уже упоминалось выше, несмотря на ведущую роль научно-технического прогресса в генерировании современного экономического роста, он оставался на обочине экономической теории. Теория НТП развивалась в стороне от основного течения экономической мысли, опираясь на эмпирические исследования инновационных процессов. Обобщение этих знаний в рамках эволюционной парадигмы позволило раскрыть закономерности современного экономического роста.

8.1. Современное научное представление об экономическом развитии

Три десятилетия назад аналогичный нынешнему глобальный кризис и сопровождавшая его длительная депрессия экономики ведущих капиталистических стран стимулировали активизацию исследований макроэкономической динамики, поиск новых подходов к ее объяснению. В центре внимания оказалась забытая к тому времени идея Й. Шумпетера о неравномерном характере экономического роста и нововведениях как факторе этой неравномерности. Согласно этой теории нововведение нарушает экономическое равновесие, которое затем восстанавливается на новом уровне под воздействием процессов экономической конкуренции. При переходе экономической системы к новому состоянию равновесия предприниматель, первым внедривший нововведение, получает избыточную прибыль, величина которой уменьшается по мере применения данного нововведения другими фирмами. Внедрение нововведения и последующий процесс восстановления экономического равновесия на новом уровне выражаются в неравномерности экономического роста.

Новую жизнь обрела теория длинных, или «кондратьевских», волн по имени Н.Д. Кондратьева, который впервые сформулировал гипотезу об их существовании. Эти волны были обнаружены им в долгосрочных колебаниях индексов цен и макроэкономических показателей с полувековым периодом. Экономическая теория столкнулась с определенными трудностями в объяснении причин образования длинных волн. Сам Кондратьев связывал их с цикличностью воспроизводства капитальных благ длительного пользования, периодически происходящие обновления которых вызывают длительные отклонения экономики от состояния равновесия [100].

Впоследствии данные, косвенно подтверждающие существование длинных волн, были обнаружены не только в движении макроэкономических показателей — индексов цен, ставки процента, валового национального продукта, национального дохода, инвестиций, нормы прибыли,

нормы безработицы, коэффициентов частной эффективности факторов производства и эластичности производства продукции по факторам; в динамике разнообразных натуральных, социально-психологических, политических показателей, показателей инновационной активности; структуры энергопотребления, транспортной инфраструктуры, патентной статистики, потребления различных видов сырья и материалов, количества изобретений и нововведений; тематики политических выступлений, количества и интенсивности военных конфликтов, качества семьи, мотивационных и сублимационных индексов, убийств и самоубийств и т.д [46]. С накоплением эмпирических данных, подтверждающих наличие квазипериодических низкочастотных колебаний экономической активности, утихли дискуссии вокруг проблем статистической верификации длинных волн — общее признание получил тот факт, что точные методы измерений, основанные на исследовании повторяющихся со строгой периодичностью событий и получившие широкое применение в естествознании, непригодны для выявления весьма развитых квазипериодических колебаний в социально-экономических процессах.

Для доказательства существования длинных волн в колебаниях того или иного показателя используются приблизительные и наглядные методы. Как, например, выделение тренда при помощи разного рода фильтров и статистическая проверка гипотезы о случайном характере отклонения значений показателя от тренда. Признание получил факт неопределенности поворотных точек длинных волн (точек, отделяющих фазы подъема и спада длинных волн, а по другой классификации — фазы оживления, роста, спада, депрессии), для которых можно указать лишь приблизительные интервалы. Кроме того, исследования обратных связей в хозяйственной деятельности, обусловливающих возникновение длинных волн, показали, что динамика различных экономических показателей неодинакова, и поворотных точек они достигают в разное время. Этот факт был убедительно продемонстрирован при помощи математических моделей, имитирующих реальные обратные связи и генерирующих долгосрочные колебания деловой активности, близкие по форме к существующим в действительности [2].

Различия в периодизации длинных волн объясняются тем, что разные авторы использовали различные показатели по разным странам и различные методы выделения колебаний. Однако расхождения в определении поворотных точек относительно невелики. Специальные исследования отдельных аспектов социально-экономической динамики показали, что каждому из них свойственна своя хронология длинных волн [67].

Й. Шумпетер связал длительные отклонения экономики от состояния равновесия, проявляющиеся в низкочастотных колебаниях конъюнкту-

ры, с периодически происходящей концентрацией нововведений в кластеры и их дальнейшим синхронным распространением. Согласно этой гипотезе с появлением кластера нововведений, сопровождающегося повышением прибыли у новаторов, развертывается «шторм» их имитаций многочисленными последователями, устремляющимися в новый растущий сектор экономики. Шторм нововведений сопровождается массированными инвестициями и обуславливает циклическое движение экономики в целом и изменение состава ее ведущих отраслей. Экономическое развитие является неравномерным, представляя собой последовательность чередующихся подъемов и спадов, не столько сопровождающихся внедрением нововведений, сколько обусловливаемых этим внедрением. Генерируемые кластером нововведения суть «созидательное разрушение»: оно вызывает спад в старых отраслях, а затем, с некоторым лагом, — неравномерное расширение новых [100].

Впоследствии гипотезу Шумпетера развил Г. Менш. Он разделил все нововведения на базисные (которые формируют новые отрасли промышленности и новые виды профессий) и улучшающие (технические усовершенствования в уже сложившихся отраслях), которые появляются в ходе практической реализации тех новых возможностей, которые закладываются базисными нововведениями. Менш показал, что внедрение базисных нововведений происходит неравномерно, большая часть их концентрируется в фазе депрессии длинной волны. В последующих фазах с распространением базисных нововведений происходит шторм улучшающих, который завершается внедрением так называемых псевдонововведений в фазе спада. В этой фазе традиционные направления НТП оказываются исчерпанными, соответствующие потребности — насыщенными; новые технологические возможности остаются неопределенными, и слабеющий потребительский спрос поддерживается при помощи разнообразных незначительных изменений, касающихся главным образом внешнего вида изделий. Эти изменения создают лишь видимость новизны, и Менш называет их псевдонововведениями [109].

Неравномерность инновационной активности Менш объясняет особенностями функционирования рыночной экономики. Ориентируясь на текущую прибыль, менеджеры руководствуются текущей экономической конъюнктурой, упуская из виду долгосрочные альтернативы технического развития. К внедрению радикальных нововведений они приступают только под давлением резкого падения эффективности капитальных вложений в традиционных направлениях, когда уже накоплены значительные избыточные мощности и избежать глубокой затяжной депрессии не удается. В фазе депрессии внедрение базисных нововведений оказывается единственной возможностью прибыльного инвестирования и в конце концов «нововведения преодолевают депрес-

сию». Но делается это, когда уже не удается предотвратить большие экономические потери в результате массового обесценения капитала и квалификации кадров, занятых в устаревших и ставших неэффективными производствах.

Два теоретических аспекта выдвинутой Меншем концепции получили название гипотезы о депрессии как спусковом крючке (depression-trigger) и гипотезы о ведущей роли технологий (technology-push). Этими терминами подчеркивается, что в построениях Менша роль генератора условий для появления нововведений, составляющих технологический базис новой длинной волны, играет депрессия.

Вместе с тем К. Фрименом [106] выдвинута гипотеза, согласно которой депрессия отрицательно влияет на появление нововведений, а внедрение кластера базисных нововведений происходит в фазе оживления длинной волны. В соответствии с этой гипотезой появление кластера нововведений технологически детерминировано внедрением соответствующих сопряженных базисных нововведений. Вначале нововведения внедряются в быстро растущих отраслях, являющихся носителями волны, что соответствует кластерам нововведений в период подъема; в дальнейшем кластеры нововведений появляются в старых отраслях в результате давления спроса со стороны новых отраслей на более поздних стадиях длинной волны. Во время депрессии увеличивается социальное напряжение, его снятие требует разного рода изменений, что создает, в свою очередь, благоприятные возможности для организационных нововведений. Последние создают условия для изменения технологической структуры хозяйства, «расчищая почву» для технологических нововведений. Поэтому, по мнению Фримена, шторм нововведений должен случаться во время оживления или бума.

Данная концепция получила название гипотезы о давлении спроса (demand-pull). В ней решающая роль в образовании кластера базисных нововведений отводится спросу на них со стороны быстро растущих отраслей, составляющих основу новой длинной волны. Многие из этих отраслей зарождаются еще в ходе предыдущей волны и демонстрируют относительно высокие темпы роста в фазе депрессии.

Предпринятые эмпирические исследования и статистическая проверка гипотез о кластеризации нововведений в фазе депрессии и в фазе подъема подтвердили наличие обоих кластеров нововведений. Объяснение этому феномену и преодоление видимой противоположности рассмотренных гипотез дал А. Клайнкнехт [55]. Он показал относительность низкой склонности предпринимателей к риску и их нежелания финансировать рискованные проекты во время депрессии. Во время депрессии стратегия максимизации прибыли сменяется стратегией минимизации потерь и неопределенности. При этом вследствие исчерпания возмож-

ностей улучшающих нововведений в традиционных направлениях техники менее рискованными оказываются радикальные продуктовые нововведения. Длинноволновой подъем благоприятен для улучшающих и технологических, а не продуктовых нововведений. Во время депрессии общий уровень рискованности инвестиций повышается. Но при этом инвестиции в традиционные технологии становятся более рискованными (вследствие насыщения рынка), чем в радикальные нововведения, ожидаемый эффект от которых может быть очень велик. Во время депрессии НИОКР переориентируются с краткосрочных и нерискованных проектов на более неопределенные, но сулящие радикальные изменения и появление новых возможностей экономического роста. Развитый маркетинг позволяет определить оптимальное время выброса на рынок нового продукта, когда традиционные рынки переполнены, а точка наиболее глубокого спада спроса уже преодолена. Таким образом, депрессия оказывается весьма благоприятным периодом для внедрения базисных нововведений. Их диффузия в фазе оживления сопровождается штормом дополняющих нововведений. При этом продуктовые нововведения осуществляются, как правило, в новых отраслях, в то время как в старых происходят в основном технологические нововведения. Значительные предварительные шаги по внедрению базисных нововведений делаются еще во время предыдущего процветания [55].

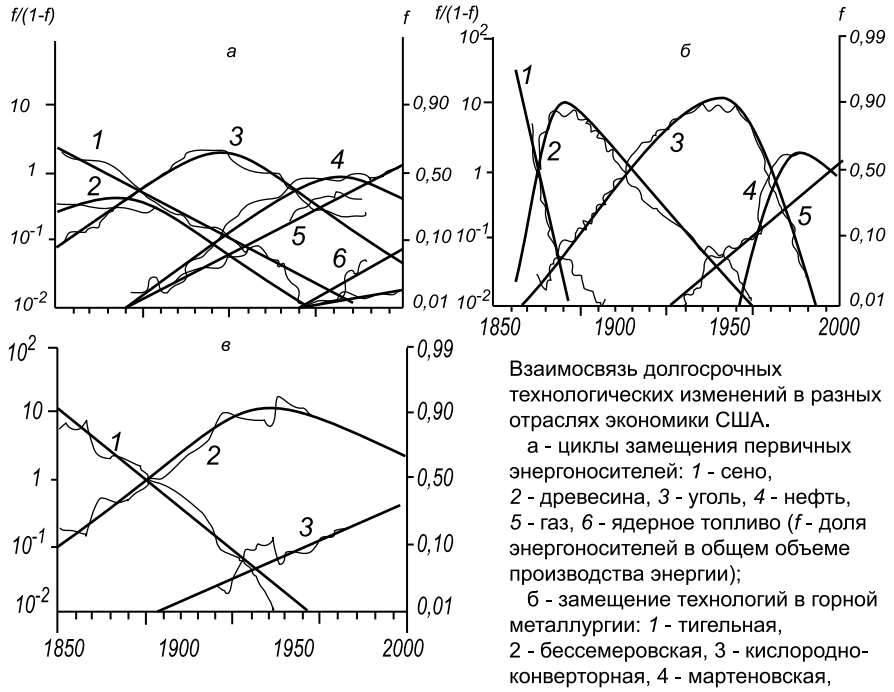
Принципиальное значение имеет разделение Клайнкнехтом нововведений на базисные и дополняющие. К первым относятся нововведения, которые конституируют новое направление техники, в то время как вторые возникают в рамках существующего направления техники. Депрессия оказывает противоположное влияние на нововведения указанных типов, инициируя появление базисных и подавляя возможности для возникновения дополняющих нововведений, которые становятся более благоприятными в фазе роста длинной волны (которой с 10–15-летним лагом предшествуют базисные нововведения). В то же время имеется несомненная связь между нововведениями рассматриваемых типов: волна базисных нововведений порождает последующую волну дополняющих. Эта взаимосвязь обуславливает действие так называемого инновационного мультипликатора, связывающего инвестиции в успешные нововведения с увеличением совокупного спроса. Инвестиции в базисные нововведения обуславливают рост производства, индуцирующий появление вторичных улучшающих нововведений, замещающих устаревшие технологии. Внедрение вторичных нововведений сопровождается новыми инвестициями, стимулирующими дальнейший рост производства. Инновационный мультипликатор оказывает мощное воздействие на рост производства, выводя экономику из состояния депрессии в стадию долговременного подъема.

В фазе спада интенсивность дополняющих нововведений снижается, что отражает достижение базисными технологиями состояния зрелости, а связанных с ними рынками — насыщения. Дальнейшие вложения капитала в традиционных направлениях оказываются бессмысленными. Переориентация инвестиционной активности сопровождается переориентацией НИОКР на поиск новых сфер приложения капитала.

Проведенное Клайнкнехтом исследование данных по экономике ФРГ свидетельствует о высокой корреляции инновационной активности с темпом роста соответствующих отраслей экономики. Им был выявлен сдвиг в инновационной активности от радикальных нововведений к улучшающим и от нововведений-продуктов к нововведениям-процессам по мере финансового подъема и вступления генерирующих его отраслей в фазу зрелости.

Обоснованную гипотезу, объясняющую концентрацию базисных нововведений в относительно короткие периоды структурной перестройки экономики, выдвинули А. Грублер и Н. Накиценович [110]. Они пришли к выводу о том, что периодичность экономических колебаний связана с одновременным замещением взаимосвязанных старых технологий новыми, дальнейшая диффузия которых обеспечивает длительную фазу экономического роста. При этом концентрация базисных нововведений в относительно коротком промежутке времени объясняется синхронизацией жизненных циклов замещаемых технологий в фазе достижения ими пределов распространения. Эта закономерность была подтверждена эмпирическими исследованиями динамики конкретных технологий в металлургии, машиностроении, на транспорте, в добывающей промышленности. Рисунок 1 иллюстрирует технологические основы длинноволновых колебаний, проявляющиеся в периодическом процессе замещения доминирующих энергоносителей и связанных с ним технологических сдвигов в базисных отраслях экономики. В качестве примера на этих графиках показано, что замещение угля нефтью в качестве доминирующего энергоносителя совпадает по времени с вытеснением бессемеровской технологии выплавки стали кислородно-конверторной и началом процесса замещения паровых водных судов дизельными.

Исследования А. Грублера и Н. Накиценовича дополняют гипотезу Менша о сокращении лага между изобретениями и нововведениями в начале повышательной фазы длинной волны. Согласно эмпирическим наблюдениям, относительное ускорение распространения технологий — периодически повторяющееся явление, что не исключает наличие и векового тренда ускорения инновационных процессов. При этом совпадение по времени фаз насыщения различных технологий в фазе спада длинной волны объясняется их объективной взаимосвязанностью, а не совпадением начал их жизненного цикла.

Взаимосвязь долгосрочных технологических изменений в разных отраслях экономики США.

а - циклы замещения первичных энергоносителей: *1* - сено, *2* - древесина, *3* - уголь, *4* - нефть, *5* - газ, *6* - ядерное топливо (*f* - доля энергоносителей в общем объеме производства энергии);

б - замещение технологий в горной металлургии: *1* - тигельная, 2 - бессемеровская, 3 - кислородно-конверторная, 4 - мартеновская, *5* - электрическая (*f* - доля соответствующей технологии в общем объеме выплавляемой стали); в - замещение технологий в водном транспорте: 1 - парусная, 2 - паровая, 3 - дизельная (f - доля тоннажных судов соответствующего типа в общем тоннаже зарегистрированных кораблей).

Рис. 1. Взаимосвязь долгосрочных технологических изменений в разных отраслях экономики США.

Источник: Глазьев С.Ю., Микерин Г.И., Тесля П.Н. и др. Длинные волны: научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991.

Для подтверждения гипотезы о синхронизации технологических изменений при их приближении к пределам распространения не требуется концентрации нововведений и технологий в одной точке. Достаточно того, что некоторые базисные технологии достигают пределов распространения более или менее одновременно, а связанные с их замещением базисные нововведения появляются в относительно короткий промежуток времени. Их дальнейшая диффузия, сопровождаясь штормом дополняющих и улучшающих нововведений, вводит экономику в новую фазу длинноволнового подъема. Со временем процесс замещения старых технологий новыми завершается, они вступают в фазу зрелости и достигают через некоторое время пределов распространения. Исчерпание базисными технологиями потенциала своего роста повергает экономику в состояние длинноволнового спада. Это состояние, которое авторы называют

состоянием турбулентности в отличие от состояния стабильного роста, отличается неустойчивостью экономической структуры, дестабилизацией цен, обострением социальных противоречий. Оно весьма благоприятно для внедрения принципиально новых базисных технологий, способных ввести экономику в новую фазу длительного подъема.

Гипотеза о кластерах насыщения технологий подтверждается эмпирическими исследованиями динамики технологий в потреблении первичных энергоносителей, в развитии транспортной инфраструктуры, в производстве стали, в добывающей промышленности. Синхронизацию фаз насыщения не следует понимать как точное совпадение — она довольно растянута во времени и адекватно описывается скорее в терминах распределения точек насыщения разных технологий с центром в нижней точке длинной волны, чем в терминах их совпадения. Так, период, охватывающий точки насыщения ведущих технологий третьей длинной волны, составил, по наблюдениям Грублера, 15 лет — с 1920 по 1935 год [33].

Авторы указывают на взаимосвязь между распространением базисных технологий в сфере производства энергоресурсов, на транспорте и в обрабатывающей промышленности, склоняясь к признанию ключевой роли технологических сдвигов в транспортной и энергетической инфраструктуре в генерировании низкочастотных колебаний. Они отмечают синхронность с устойчивым лагом процессов замещения доминирующих технологий в энергопотреблении, металлургии и транспортной инфраструктуре. В частности, ими выявлена характерная закономерность одинаковой длительности процессов замещения старых технологий новыми в металлургии, составлявшей около 20 лет и начинавшихся 20 лет спустя завершения очередного цикла рыночного проникновения соответствующего энергоносителя. В этой удивительной периодичности процессов замещения технологий прослеживается взаимосвязь технологических сдвигов в разных сферах экономики. Распространение новых технологий в металлургии и на транспорте зависит от соответствующих сдвигов в производстве энергоносителей. В то же время технологические сдвиги в энергетике определяются изменениями в энергопотреблении — в структуре народно-хозяйственных потребностей в энергоносителях и в технологических возможностях их переработки и транспортировки.

Эта взаимосвязь достаточно очевидна. Например, производство угля сделало возможным развитие массового производства стали на основе бессемеровского технологического процесса. Прогресс в металлургии создал возможности для железнодорожного строительства и судостроения, что в свою очередь обеспечило удовлетворение растущих потребностей в магистральных перевозках грузов того же угля между индустриальными центрами. Бурное развитие металлургии одновременно было

причиной и следствием расширения угледобычи, так же как развитие судостроения и железнодорожного строительства — причиной и следствием расширения металлургического производства.

Обобщение результатов этих и других исследований закономерностей научно-технического прогресса и экономического роста позволило построить теорию долгосрочного технико-экономического развития, объясняющую взаимосвязь длинных волн экономической конъюнктуры, технологических сдвигов и структурных изменений современной экономики в процессе последовательного замещения технологических укладов [29]. Ниже в этой главе излагаются основные положения этой теории.

С учетом сложного характера современного экономического развития его корректное изучение предполагает расчленение на относительно однородные процессы, поддающиеся измерению, анализу и прогнозу. Исходя из этого, современный экономический рост может быть представлен как неравномерный процесс периодического последовательного замещения целостных комплексов технологически сопряженных производств — технологических укладов. Такое структурирование процесса глобального технико-экономического развития было впервые предложено в статье «Теоретические и прикладные аспекты управления НТП» и показало свою результативность в ряде последующих работ по измерению технологических изменений современной экономики [55].

Представление структурной динамики экономики сквозь призму технологических укладов отличается от традиционных разбивок по отраслям, по подразделениям общественного производства, по межотраслевым комплексам. Привычное представление производственно-технологической структуры хозяйства как совокупности отраслей, каждая из которых распадается на подотрасли, а те, в свою очередь, на укрупненные производства и технологические процессы, объективно обусловлено характером реального функционирования экономической системы. Оно отражает сложившееся разделение труда и соответствует привычной практике хозяйственного управления. Отрасли являются довольно устойчивыми образованиями, что делает основанную на их выделении классификацию видов экономической деятельности удобной для использования в практике планирования и управления.

Однако устойчивость отрасли, столь удобная при анализе стационарных процессов, весьма затрудняет исследование динамичных процессов долгосрочного технико-экономического развития. Технологические изменения в отраслевой структуре экономики могут быть представлены либо в виде изменения взаимосвязей между элементами (выражаемых в виде потоков ресурсов и продукции или коэффициентов удельных прямых или полных затрат в таблицах межотраслевого баланса),

либо в виде изменения (как правило, расширения) множества элементов системы. НТП при этом выражается либо в виде изменения коэффициентов относительных затрат ресурсов или объемов распределяемой продукции, либо в виде появления новых отраслей общественного производства. В обоих случаях это косвенное выражение, не раскрывающее внутренней структуры процесса и дающее весьма скудную информацию о характере технологических изменений. В рамках отраслевого строения экономической структуры весьма сложно проследить процесс формирования и развития новых технологических систем, интеграции отдельных нововведений в макроэкономические технологические сдвиги. На уровне отраслей удается наблюдать лишь некоторые последствия изменения технологической структуры экономики, в то время как внутренний механизм, логика этих изменений остаются скрытыми от анализа. Одна и та же отрасль может существовать веками, в то время как набор составляющих ее технологических процессов радикально меняется. Для описания технологических изменений приходится разукрупнять отрасли, представляя их в виде набора последовательно дезагрегируемых технологических процессов, что влечет утрату целостности и фрагментарности представления НТП. Входящие в отрасль технологические процессы являются, как правило, элементами различных целостных межотраслевых производственно-технических систем, и их изменение дает весьма поверхностное представление о содержании макроэкономических технологических сдвигов.

Любая отрасль является технологически неоднородной. Формирующие ее технологические процессы различаются по техническому уровню и по качеству производимой продукции. Например, в черной металлургии имеются технологические процессы по выплавке различных марок стали, по качеству производимой продукции, по техническому уровню и составу используемого оборудования, по качеству и видам используемого сырья, топлива, материалов, по составу и техническому уровню потребителей и т.д. Другие виды продукции, производимые этой отраслью, — лист, трубы, проволока и т.д. — также характеризуются неоднородностью качества и технического уровня соответствующих производственных процессов. Каждое из различающихся по техническому уровню производств включено в свою технологическую цепочку, объединяющую его со смежными технологическими процессами в отраслях-поставщиках и в отраслях-потребителях. В рамках одной отрасли существуют автономные цепочки сопряженных технологических процессов с невзаимозаменяемой продукцией, отличающиеся по своему техническому уровню, связанные с различными потребителями и ориентированные на разные источники сырья и разных поставщиков. Таким образом, типичная отрасль не представляет собой воспроизводя-

щейся целостности. Составляющие ее технологические процессы включены в разные производственно-технологические системы, функционируют автономно и изменяются в слабой зависимости друг от друга. Связи между сопряженными технологическими процессами в разных хозяйственных отраслях часто бывают более тесными и устойчивыми, чем между производствами одной отрасли. То же самое относится и к отраслям, агрегирующим по продуктовому принципу принципиально разные по своему техническому уровню и составу производственных связей технологические процессы.

Из-за отсутствия у отрасли свойств воспроизводящейся целостности использование этого понятия в качестве основного структурного элемента экономической системы при рассмотрении технологических изменений является весьма неудобным. В ходе технического прогресса составляющие отрасль производства обнаруживают свою автономность, изменяясь независимо друг от друга. Отрасль как единый в стационарном состоянии экономической системы элемент в процессе технологических сдвигов расслаивается и теряет свою целостность. Внутри- и межотраслевые технологические связи в процессе ТЭР теряют свою устойчивость, а отраслевой «срез» экономической структуры размывается и лишается «прозрачности». Именно поэтому в проводимых с позиций продуктотраслевого представления исследованиях технического прогресса прослеживается стремление ко все более детальному описанию экономической структуры вплоть до отдельных технологических процессов, сохраняющих свою целостность в ходе технологических изменений.

При исследовании процессов технико-экономического развития необходима «прозрачность» экономической системы в процессе технических изменений. «Прозрачность» определяется устойчивостью элементов системы и взаимосвязей между ними. При изучении закономерностей технического развития экономики желательно выбрать такое представление экономической структуры, при котором ее основной элемент не только сохранял бы целостность в процессе технологических сдвигов, но и был бы носителем технологических изменений, т.е. не требовал бы дальнейшей дезагрегации для их описания и измерения.

В качестве такого элемента удобно использовать совокупность технологически сопряженных производств — технологическую совокупность. Технологическая совокупность складывается в воспроизводящуюся целостность из связанных «входами» и «выходами» технологических процессов, продукция которых используется главным образом внутри технологической совокупности. В рамках одной отрасли существуют несколько относительно автономных технологических совокупностей, причем развитие этой отрасли можно представить как процесс последовательной смены доминирующих технологических совокупностей.

Прочность связей между входящими в одну технологическую совокупность производствами обусловлена требованиями качественного соответствия сопряженных технологических процессов. Жесткое сцепление элементов технологической совокупности предполагает ее техническую однородность (под этим понимаются примерно одинаковые технический уровень производства, качество продукции, сырья и материалов, квалификация занятых, культура организации труда, принадлежность к одной технологической парадигме и т.п.). Включение в технологическую совокупность производств, резко отличающихся по своему техническому уровню от остальных, обычно является весьма сложным и экономически невыгодным мероприятием, так как требует либо реконструкции смежных процессов (если внедряемая технология превосходит их по техническому уровню), либо чревато падением эффективности производства по всей технологической совокупности и снижением качества ее конечной продукции (при внедрении технологий сравнительно низкого уровня).

Технологическая сопряженность входящих в технологическую совокупность производственных процессов обусловливает синхронизацию их развития. Возникновение, расширение, стабилизация и упадок производств, входящих в одну технологическую совокупность, происходит более или менее одновременно. Расширение новых цепочек сопряженных технологических процессов вследствие внутренней целостности технологической совокупности означает вытеснение старых. Поэтому любые серьезные нововведения внутри технологической совокупности принимают характер ее реконструкции на новой технической основе, которая может означать появление по существу новой технологической совокупности.

Как правило, каждая технологическая совокупность связана со многими смежными, соединяя, таким образом, определенное множество технологических цепей. Последние распределены в технологическом пространстве не равномерно, а в виде пучков связанных друг с другом в узловых технологических совокупностях однотипных цепей. Их однотипность означает взаимодополняемость изготавливаемых продуктов, замкнутость на один тип потребления, ориентацию на ресурсы приблизительно одинакового качества, общую культуру производства и технический уровень производственных процессов, использование в качестве основных одинаковых конструкционных материалов и энергоносителей, средств транспорта и связи.

В процессе своего развития сопряженные технологические совокупности приспосабливаются к потребностям друг друга. Естественное стремление субъектов хозяйствования к стабильности производства придает кооперационным связям между технологическими совокупностями

воспроизводящийся характер. В экономике складываются устойчивые технологические цепи, которые объединяют сопряженные друг с другом технологические совокупности, осуществляющие последовательные переделы некоторого набора ресурсов от добычи полезных ископаемых до производства предметов конечного потребления.

Таким образом, в технологической структуре экономики можно выделить группы технологических совокупностей, связанные друг с другом однотипными технологическими цепями и образующие воспроизводящиеся целостности — технологические уклады. Каждый такой уклад представляет собой целостное и устойчивое образование, в рамках которого осуществляется полный макропроизводственный цикл, включающий добычу и получение первичных ресурсов, все стадии их переработки и выпуск набора конечных продуктов, удовлетворяющих соответствующему типу общественного потребления.

Технологический уклад, рассматриваемый в динамике функционирования, представляет собой воспроизводственный контур [34], включающий совокупность базовых технологий нового технологического уклада, развивающихся и воспроизводящихся синхронно. В статике технологический уклад может быть охарактеризован «как некоторая совокупность подразделений, близких по качественным характеристикам технологии, ресурсов и выпускаемой продукции», т.е. как хозяйственный уровень. Вводя это понятие, Ю.В. Яременко специально отметил, что эта «совокупность предприятий может быть образована из элементов, входящих составными частями в различные отрасли и ведомства».

Экономический смысл этого явления состоит в том, что направления использования продукции любой отрасли многообразны и охватывают как те подразделения хозяйственной системы, которые образуют ее высшие звенья и отличаются повышенными требованиями к качественным характеристикам вовлекаемых ресурсов, так и те, которые образуют ее низшие звенья, функционирующие при использовании ресурсов относительно низкого качества. Неоднородности структуры использования продукции каждой отрасли соответствует неоднородность ее производственной структуры, которая выражается в соединении в рамках отрасли производств, базирующихся на качественно различных технологиях [101].

Добавим, что в условиях рыночной экономики составляющие хозяйственный уровень подразделения могут входить в разные и даже конкурирующие друг с другом корпорации. Технологический уклад характеризуется единым техническим уровнем составляющих его производств, связанных вертикальными и горизонтальными потоками качественно однородных ресурсов, опирающихся на общие ресурсы квалифицированной рабочей силы, общий научно-технический потенциал и пр.

Технологический уклад обладает сложной внутренней структурой, состоящей из элементов различного функционального значения. Комплекс базисных совокупностей технологически сопряженных производств образует ядро технологического уклада. Технологические нововведения, определяющие формирование ядра технологического уклада и революционизирующие технологическую структуру экономики, получили название «ключевой фактор». Отрасли, интенсивно использующие ключевой фактор и играющие ведущую роль в распространении нового технологического уклада, являются его несущими отраслями [28].

Составляющие технологический уклад технологические цепи охватывают технологические совокупности всех уровней переработки ресурсов и замыкаются на соответствующий тип непроизводственного потребления. Последний, замыкая воспроизводственный контур технологического уклада, служит одновременно важнейшим источником его расширения, обеспечивая воспроизводство трудовых ресурсов соответствующего качества.

Охарактеризованное выше представление технологической структуры экономики позволяет охарактеризовать логику технологических изменений следующим образом. Развитие любой технологической системы начинается с внедрения соответствующего базисного нововведения, сопровождающегося впоследствии необходимыми дополняющими нововведениями. Базисные нововведения обычно радикально отличаются от традиционного технологического окружения; эффективное функционирование созданных на их основе технологических систем требует организации новых смежных производств. Таким образом, диффузия базисного нововведения сопровождается формированием новой технологической совокупности. Ее эффективное функционирование, в свою очередь, может быть обеспечено лишь в адекватном производственно-технологическом окружении, т.е. в рамках соответствующего технологического уклада.

Жизненный цикл каждой технологической совокупности определяется рамками жизненного цикла технологического уклада, элементом которого она является. Поскольку каждая технологическая совокупность посредством пронизывающих ее технологических цепей оказывается более или менее жестко связанной с другими того же уклада, постольку происходящие в ней изменения, с одной стороны, ограничены способностями смежных технологических совокупностей усваивать эти изменения, а с другой стороны, сами генерируют в их структуре соответствующие изменения. Для технологического уклада оказывается верным то же, что и для каждой технологической совокупности в отдельности: составляющие его технологические процессы изменяются более или менее синхронно. Развитие и расширение каждого технологического процесса обусловлено

развитием всей группы сопряженных технологических систем. Восходящее технико-экономическое развитие достигается путем становления новых технологических цепей, складывающихся на основе сопряженных технологических совокупностей и объединяющихся в новые технологические уклады.

Технологический уклад формируется в рамках всей экономической системы, охватывая все стадии переработки ресурсов и соответствующий тип непроизводственного потребления, образуя макроэкономический воспроизводственный контур. Таким образом, каждый технологический уклад является самовоспроизводящейся целостностью, вследствие чего техническое развитие экономики не может происходить иначе, как путем последовательной смены технологических укладов.

Жизненный цикл каждого технологического уклада образует содержание соответствующего этапа технико-экономического развития. При этом отношения между одновременно существующими технологическими укладами противоречивы: с одной стороны, материальные условия для становления каждого из них формируются в результате развития предыдущего, а с другой — между одновременно существующими технологическими укладами неизбежно происходит конкуренция за ограниченные ресурсы. Формы, которые она принимает, и результаты, к которым ведет, определяются всей системой действующих в экономике технологических и производственных отношений. Оптимальная с точки зрения роста благосостояния политика экономического развития должна предусматривать своевременное и плавное замещение устаревшего технологического уклада новым. Это требует заблаговременного перераспределения ресурсов для развития производств нового технологического уклада и реконструкции традиционных технологических совокупностей в соответствии с потребностями нового воспроизводственного контура.

Развитие нового технологического уклада опирается на производственный потенциал, созданный в ходе предшествовавшего этапа технико-экономического развития. Он не только использует энергоносители, конструкционные материалы, сырьевые ресурсы, массовый уровень потребления которых был достигнут в результате развития предшествующего технологического уклада, но и приводит технологические совокупности последнего в соответствие с собственными потребностями и в преобразованном виде интегрирует их в свой воспроизводственный контур. При этом воспроизводственный контур нового технологического уклада формируется не сразу. В начальной фазе его развития возникающие в результате внедрения базисных нововведений технологические совокупности не образуют самовоспроизводящейся целостности и остаются некоторое время сопряженными с технологическими совокупностями

традиционного технологического уклада. Лишь постепенно, с формированием новых или реконструкцией традиционных технологических совокупностей складывается целостный воспроизводственный контур нового технологического уклада.

Отсутствие в начале жизненного цикла нового технологического уклада некоторых элементов его воспроизводственного контура компенсируется потоками ресурсов из технологических совокупностей предшествующего технологического уклада. Благодаря этим компенсирующим воздействиям обеспечивается возможность функционирования нового технологического уклада до формирования его целостного воспроизводственного контура. Вместе с тем различия в техническом уровне производств нового и традиционного укладов сказываются на качестве производимой в каждом из них продукции. Вынужденное потребление новым технологическим укладом продукции технологических совокупностей предшествующего сопровождается экономическими потерями в силу несоответствия их качества техническому уровню потребляющих производств.

Эффективное функционирование любого технологического процесса возможно лишь при относительно небольших различиях в техническом уровне смежных производств. Соответственно эффективное функционирование нового технологического уклада требует формирования адекватного ему воспроизводственного контура. Потребности роста последнего стимулируют преобразование технологических совокупностей традиционного технологического уклада с целью их интеграции в воспроизводственный контур нового.

Очередность создания недостающих звеньев в воспроизводственном контуре нового технологического уклада определяется необходимостью удовлетворения его потребностей в различных видах ресурсов соответствующего качества. Эта необходимость пропорциональна величине потерь от компенсации недостающих звеньев воспроизводственного контура ресурсами неудовлетворительного качества. Различия в качестве аналогичных по своему назначению ресурсов возрастают с увеличением глубины их переработки. Вследствие этого замещающим воздействиям со стороны нового технологического уклада подвергаются в первую очередь технологические совокупности обрабатывающей промышленности. Если новый технологический уклад не предъявляет по отношению к какой-либо технологической совокупности принципиально новых требований, она охватывается замещающими воздействиями лишь при необходимости существенного расширения объема выпуска соответствующих видов продукции или снижения издержек ее производства. Это происходит на поздних фазах жизненного цикла нового технологического уклада, когда его воспроизводственный контур уже сформировался и сталки-

вается с ограничениями в своем расширении. Замещающие воздействия охватывают при этом весь контур сопряженных производств, включая вспомогательные производства, а также производства с низкой глубиной переработки ресурсов в сырьевых технологических совокупностях.

Зарождение нового технологического уклада происходит в условиях ориентации общества на сложившийся тип потребления. Хотя ограниченность последнего часто при этом уже осознается, новые предметные потребности еще в это время не актуализированы. Для обеспечения становления нового технологического уклада необходима компенсация отсутствия завершающего звена его воспроизводственного контура. В современных экономических системах эта компенсация во многом совершается через рынок военной продукции. Замещение спроса на военную продукцию спросом на гражданскую происходит по мере становления нового типа непроизводственного потребления, связанного в свою очередь с повышением качественного уровня трудовых ресурсов в соответствии с потребностями нового технологического уклада.

Придерживаясь данного подхода к изучению технологических сдвигов, можно объяснить цикличность НТП, обусловленную последовательным замещением доминирующих технологических укладов и связанных с ними этапов долгосрочного технико-экономического развития. На разных фазах жизненного цикла технологического уклада меняется соотношение эволюционного и революционного, фондо- и трудосберегающего НТП, специализированных и универсальных, диверсифицированных и концентрированных производств. В разных технологических укладах эти соотношения воспроизводятся на новой технологической основе. Концентрация производства на основе комплексной автоматизации отличается от концентрации на основе конвейерных линий. Но общий механизм, обеспечивающий циклические колебания указанных соотношений, остается в принципе неизменным в течение последних трех столетий.

В фазе становления нового технологического уклада существует значительное число вариантов его базисных технологий. Конкуренция хозяйствующих субъектов, применивших альтернативные технологии, приводит к отбору нескольких наиболее эффективных. В условиях актуализации соответствующих общественных потребностей в фазе роста технологического уклада, развитие его базисных производств идет по пути наращивания выпуска небольшого числа универсальных моделей, сконцентрированного в немногих освоивших новую технологию организациях. С насыщением указанных общественных потребностей возникает необходимость в модификации продукции базисных производств в соответствии с потребительскими предпочтениями, в снижении издержек производства и повышении качества продукции с целью расширения спроса. С расширением разно-

образия производимой продукции и «разветвлением» воспроизводственного контура нового технологического уклада возрастает специализация производства. Снижающаяся относительная эффективность высококонцентрированного производства на поздней фазе роста технологического уклада толкает крупные хозяйственные организации на диверсификацию своей производственной программы.

Фаза роста нового технологического уклада сопровождается не только снижением издержек производства, которое происходит особенно быстро с формированием его воспроизводственного контура, но и перестройкой экономических оценок в соответствии с условиями его воспроизводства. Изменение соотношения цен способствует повышению эффективности составляющих новый технологический уклад технологий, а с вытеснением традиционного технологического уклада — эффективности всего общественного производства.

В дальнейшем с насыщением соответствующих общественных потребностей, снижением потребительского спроса и цен на продукцию данного технологического уклада, а также с исчерпанием технических возможностей совершенствования и удешевления составляющих его производств рост эффективности общественного производства замедляется. В заключительной фазе жизненного цикла данного технологического уклада, совпадающей с фазой зарождения следующего, происходит дальнейшее снижение темпов роста, а также относительное, а возможно, и абсолютное снижение эффективности общественного производства.

Феномен постепенного снижения возможностей технологического совершенствования любой производственно-технической системы хорошо известен в теории и практике технологического прогнозирования и нашел отражение в различных законах убывающей эффективности (производительности) эволюционного совершенствования техники. В частности, он нашел отражение в так называемом законе Гроша, согласно которому, если техническая система совершенствуется на базе неизменного научно-технического принципа, то с достижением некоторого уровня ее развития стоимость новых ее моделей растет как квадрат (или еще большая степень) ее эффективности. Вследствие сопряженности составляющих технологический уклад производств и их синхронного развития, падение эффективности их технических усовершенствований происходит более или менее одновременно, отражаясь в резком замедлении темпов технического развития экономики и снижении показателей, отражающих «вклад» НТП в прирост совокупного общественного продукта. В ходе жизненного цикла следующего технологического уклада колебания эффективности общественного производства, различных структурных соотношений и пропорций повторяются вновь.

Новый технологический уклад зарождается, когда в экономической структуре еще доминирует предшествующий, и его развитие сдерживается неблагоприятной технологической и социально-экономической средой. Лишь с достижением доминирующим технологическим укладом пределов роста и падением прибыльности составляющих его производств начинается массовое перераспределение ресурсов в технологические цепи нового технологического уклада. Жизненный цикл технологического уклада (ТУ) охватывает около полувека с двумя явно выраженными всплесками в его развитии (рис. 2) [30].

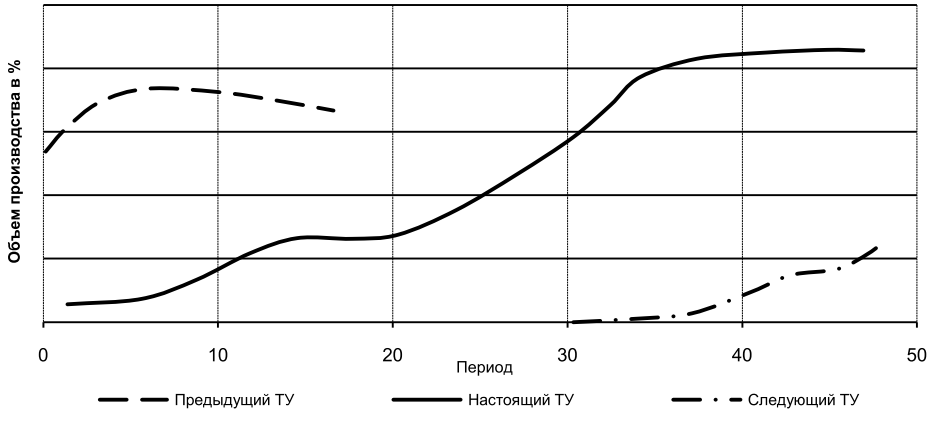

Рис. 2. Жизненный цикл технологического уклада.

Процесс замещения доминирующих технологических укладов предстает как технологическая революция, в ходе которой происходит резкий рост инновационной активности, быстрое повышение эффективности производства, социальное и политическое признание новых технологических возможностей, изменение ценовых пропорций в соответствии со свойствами новой технологической системы. Ш. Перес выделяет следующие признаки этой революции: быстрое снижение стоимости и повышение качества производства, быстрое улучшение характеристик многих технологических процессов, признание социальной и политической приемлемости новой технологической системы, изменение экономической среды в соответствии со свойствами новой технологической системы [112].

Технологическая революция сопровождается массовым обесценением капитала, задействованного в производствах устаревшего технологического уклада, их сокращением, ухудшением экономической конъюнктуры, углублением внешнеторговых противоречий, обострением социальной и политической напряженности. На поверхности экономических явлений этот период выглядит как глубокая депрессия, сопровождающа-

яся ухудшением макроэкономических индикаторов — падением или снижением темпов роста ВВП и промышленного производства, увеличением безработицы.

Замещение технологических укладов требует соответствующих изменений в социальных и институциональных системах, которые помогают гражданам и организациям адаптироваться к новым условиям и снимают тем самым социальную напряженность, а также способствуют массовому внедрению технологий нового технологического уклада, соответствующему ему типу потребления и образа жизни. После этого начинается фаза быстрого расширения нового технологического уклада, который становится основой ускоряющегося экономического роста и занимает доминирующее положение в структуре экономики. В фазе роста нового уклада большинство технологических цепей предшествующего перестраиваются в соответствии с его потребностями. В это же время зарождается следующий, новейший, технологический уклад, который пребывает в эмбриональной фазе до достижения доминирующим технологическим укладом пределов роста, после чего начинается очередная технологическая революция.

Каждый новый технологический уклад в своем развитии поначалу использует сложившуюся транспортную инфраструктуру и энергоносители, чем стимулирует их дальнейшее расширение; при этом фаза его быстрого роста сопровождается циклическим увеличением производства и потребления ВВП, а также его энергоемкости по сравнению с долгосрочным трендом. По мере развития очередного технологического уклада создается новый вид инфраструктуры, преодолевающий ограничения предыдущего, а также осуществляется переход на новые виды энергоносителей, которые закладывают ресурсную основу для становления следующего технологического уклада. Его предпосылки создаются также в виде соответствующих заделов в НИОКР, опытных производствах, базисных технологиях. Ко времени, когда традиционные технологические возможности расширения капитала вследствие насыщения соответствующих потребностей и достижения пределов в повышении эффективности производства оказываются исчерпанными, указанные предпосылки реализуются, превращаясь из потенциальных способов вложения капитала в реальные.

В силу охарактеризованных выше закономерностей технико-экономического развития и воспроизводства общественного капитала жизненный цикл технологического уклада на поверхности экономических явлений отражается в форме длинной волны экономической конъюнктуры с фазами, соответствующими этапам этого цикла. Фаза депрессии соответствует этапу зарождения соответствующего технологического уклада, фаза оживления — этапу его становления, фаза подъема длинной волны — этапу его роста, фаза рецессии — этапу его зрелости, характе-

ризуемого исчерпанием возможностей дальнейшего экономического роста, продолжение которого становится возможным с переходом к новому технологическому укладу.

Рис. 3. Смена технологических укладов в ходе современного экономического развития с указанием характерных для них технологий.

Механизм взаимодействия технологических сдвигов и институциональных изменений в ходе развития и смены технологических укладов, генерирующий длинные волны, сложился в индустриальную эпоху с характерным для нее доминированием крупных производственно-технологических структур. В связи с переходом к экономике знаний и сокращением ритмов научно-производственных циклов на микроуровне возникает сомнение в сохранении и длинных волн в постиндустриальной экономике. Современные исследования подтверждают, что длинные волны порождались в индустриальную эпоху инновационно-технологическими импульсами, связанными с распространением кластеров соответствующих базовых технологий. В постиндустриальную эпоху формирование таких кластеров размывается, повышается гибкость технологий и снижается инерционность производственно-технологических систем, соответственно ослабевают механизмы циклического развития. Вместе с тем усложнение сочетания технологических, институциональных и социально-экономических факторов создает новые предпосылки неравномерности технологических изменений и генерирования длинноволновых колебаний.

Таблица 1

Хронология и характеристики технологических укладов

Характеристики уклада	Номер технологического уклада					
	1	2	3	4	5	6
Период доминирования	**1770–1830**	**1830–1880**	**1880–1930**	**1930–1970**	**1970– 2010**	**2010–2050**
Технологические лидеры	Великобритания, Бельгия	Великобритания, Франция, Бельгия, Германия, США	Германия, США, Великобритания, Франция	США, СССР, Западная Европа, Япония	США, ЕС, Япония	США, ЕС, Китай, Япония, Россия
Развитые регионы	Европа	Европа	Европа и Россия, Северная Америка, Япония	Европа и СССР, Северная Америка, Япония, Новые индустриальные страны (НИС)	Европа и Россия, Северная Америка, НИС, Бразилия, Австралия	Евразия, Америка, Австралия
Ядро технологического уклада	Текстильная пр-ть, текстильное машиностроение, выплавка чугуна, обработка железа, строительство каналов, водяной двигатель	Паровой двигатель, железнодорожное строительство, транспорт, машино-, пароходостроение, угольная, станкоинструментальная пр-ть, черная металлургия	Электротехническое, тяжелое машиностроение, производство и прокат стали, линии электропередачи, неорганическая химия	Автомобиле-, тракторостроение, цветная металлургия, производство товаров длительного пользования, синтетические материалы, органическая химия, производство и переработка нефти	Электронная пр-ть, вычислительная, оптико-волоконная техника, программное обеспечение, телекоммуникации, роботостроение, производство и переработка газа, информационные услуги	Наноэлектроника, молекулярная и нанофотоника, наноматериалы и наноструктурированные покрытия, нанобиотехнология, наносистемная техника
Ключевой фактор	Текстильные машины	Паровой двигатель, станки	Электродвигатель	Двигатель внутреннего сгорания, нефтехимия	Микроэлектронные компоненты	Нанотехнологии, клеточные технологии
Формирующееся ядро нового уклада	Паровые двигатели, машиностроение	Электроэнергетика, тяжелое машиностроение, неорганическая химия	Автомобилестроение, органическая химия, производство и переработка нефти, цветная металлургия, автодорожное строительство	Радиоэлектроника, авиастроение, газовая промышленность	Нанотехнологии, молекулярная биология, генная инженерия	
Преимущества данного технологического уклада по сравнению с предшествующим	Механизация и концентрация производства на фабриках	Рост масштабов и концентрации производства на основе использования парового двигателя	Повышение гибкости производства на основе использования электродвигателя стандартизация, производства, урбанизация	Массовое и серийное производство	Индивидуализация производства и потребления, повышение гибкости производства	Резкое снижение энерго- и материалоемкости производства, конструирование материалов и организмов с заранее заданными свойствами

Развиваемая в настоящей книге теория долгосрочного технико-экономического развития доказывает существование производственно-технологической основы длинных волн, описание которой позволяет проводить измерения процессов долгосрочного экономического развития. Результаты этих измерений с использованием материалов конкретно-исторических эмпирических исследований мировой и российской экономики выявили становление и смену пяти технологических укладов, включая доминирующий в настоящее время информационно-электронный технологический уклад, а также позволили раскрыть структуру нового технологического уклада, развитие которого будет определять экономические рост в ближайшие 2–3 десятилетия. В таблице 1 отражена хронология и основные характеристики технологической и институциональной структуры последовательно сменявших друг друга с конца XVIII века технологических укладов. Рисунок 3 иллюстрирует процессы этого замещения, условно определяя технологические уклады по одному из характерных для каждого из них типу машин, преобразующих энергию в производственную деятельность.

Таблица 2

Институциональная структура технологических укладов

Социально-экономические характеристки укладов	Номер технологического уклада					
	1	2	3	4	5	6
Режимы экономического регулирования в странах-лидерах	Разрушение феодальных монополий, ограничение профессиональных союзов, свобода торговли	Свобода торговли, ограничение государственного вмешательства, появление отраслевых профессиональных союзов. Формирование социального законодательства	Расширение институтов государственного регулирования. Государственная собственность на естественные монополии, основные виды инфраструктуры, в том числе — социальной	Развитие государственных институтов социального обеспечения, военно-промышленного комплекса. Кейнсианское государственное регулирование экономики	Государственное стимулирование НИОКР, рост расходов на образование и науку, либерализация регулирования финансовых институтов и рынков капитала	Стратегическое планирование научно-технического и экономического развития. Электронное правительство. Институты развития и фонды финансирования инновационной активности
Международные режимы экономического регулирования	Сочетание протекционизма внутренней и свободы внешней торговли	Свобода международной торговли. Государственная поддержка национальных монополий в области торговли	Империализм и колонизация	Экономическое и военное доминирование США и СССР	Доминирование финансовых институтов США. Региональные блоки, Либеральная глобализация	Становление институтов глобального регулирования. Глобализация. Поливалютность мировой финансовой системы

Социально-экономические характеристки укладов	Номер технологического уклада					
	1	2	3	4	5	6
Основные экономические институты	Конкуренция отдельных предпринимателей и мелких фирм, их объединение в партнерства, обеспечивающие кооперацию индивидуального капитала	Концентрация производства в крупных организациях. Развитие акционерных обществ, обеспечивающих концентрацию капитала на принципах ограниченной ответственности	Слияние фирм, концентрация производства в картелях и трестах. Господство монополий и олигополии. Концентрация финансового капитала в банковской системе. Отделение управления от собственности	Транснациональная корпорация, олигополии на мировом рынке. Вертикальная интеграция и концентрация производства. Дивизиональный иерархический контроль и доминирование технострактуры в организациях	Международная интеграция на основе информационных технологий, интеграция производства и сбыта. Органичные структуры управления в корпорациях.	Стратегические альянсы. Интеграционные структуры бизнеса, науки и образования, технопарки, государственно-частное партнерство
Организация инновационной активности в странах-лидерах	Организация научных исследований в национальных академиях и научных обществах, местных научных и инженерных обществах. Индивидуальное инженерное и изобретательское предпринимательство и партнерство. Профессиональное обучение кадров	Формирование научно-исследовательских институтов. Ускоренное развитие профессионального образования и его интернационализация. Формирование национальных и международных систем охраны ителлектуальной собственности	Создание внутрифирменных научно-исследовательских отделов. Использование ученых и инженеров с университетским образованием в производстве. Национальные институты и лаборатории. Всеобщее начальное образование	Специализированные и научно-исследовательские отделы на фирмах. Государственное субсидирование военных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Вовлечение государства в сферу гражданских НИОКР. Развитие среднего, высшего и профессионального образования	Горизонтальная интеграция НИОКР, проектирования производства. Вычислительные сети и совместные исследования. Государственная поддержка новых технологий и университетско-промышленное сотрудничество. Всеобщее высшее образование	Переход к непрерывному инновационному процессу, отнесение расходов на НИОКР на себестоимость продукции. Коммерциализация науки и научно-производственная интеграция, Компьютерное управление жизненным циклом продукции

8.2. Технологические сдвиги в современной экономике

Ключевым фактором пятого технологического уклада, расширение которого вплоть до переживаемого сегодня глобального экономического кризиса определяло рост экономики ведущих стран мира, является микроэлектроника и программное обеспечение. В число производств, формирующих ядро этого технологического уклада, входят электронные компоненты и устройства, электронно-вычислительная техника, радио- и телекоммуникационное оборудование, лазерное оборудование, услуги по обслуживанию вычислительной техники. Генерирование технологических нововведений, определяющих развитие этого технологического уклада, происходило внутри указанного комплекса отраслей и было опосредовано положительными нелинейными обратными связями между ними. С учетом жизненного цикла этого доминировавшего до последнего времени в развитых странах технологического уклада ниже анализируется механизм глобальных технологических сдвигов, происходивших в последней четверти прошлого — начале нынешнего века, игнорирование которых реформаторами привело к краху советской и затем — деградации российской экономики.

Как было показано выше, большинство нововведений, связанных с новым технологическим укладом, внедряются, как правило, еще в фазе доминирования предшествующего. По имеющимся оценкам, около 80% основных нововведений пятого технологического уклада были внедрены еще до середины 1980-х годов. Эмбриональная фаза роста информационного технологического уклада связана с появлением коммерчески эффективных ЭВМ (в частности, серии IBM-360 в 1965 г.), которые использовались для автоматизации обычных процедур обработки данных в информационно-интенсивных секторах экономики (госуправление, банковское дело, наука, армия). В этой фазе ключевые технологии пятого технологического уклада имели весьма ограниченный масштаб распространения, занимая информационно-интенсивные ниши в ранее сложившихся структурах предшествующего технологического уклада.

Прорыв был осуществлен с внедрением микропроцессора (1971). Это новшество открыло новые возможности для быстрого прогресса по всем направлениям технологической траектории нового технологического уклада. Совершенствование его базисных технологий приняло форму устойчивого кумулятивного технического прогресса — траектория эволюции нового технологического уклада установилась, и его диффузия в мировой экономике вошла в фазу роста. С середины 1980-х годов началось массовое распространение производств нового технологического уклада и замещение ими традиционных технологий во многих отраслях экономики. В этот период завершилась структурная перестройка эконо-

мики, обусловленная замещением четвертого технологического уклада пятым и сопровождающаяся резким инновационным скачком. С конца 1980-х годов пятый технологический уклад становится доминирующим локомотивом экономического развития.

Ключевую роль среди несущих производств пятого технологического уклада сыграли гибкие автоматизированные производства, которые резко расширили ассортимент выпускаемой продукции. Вместе с информатизацией сферы обращения это создало условия для индивидуализации потребления. Существенно расширились потребительские свойства традиционных товаров. К примеру, в стоимости современного автомобиля около 70% стали составлять информационные компоненты, кардинально расширяющие и улучшающие его потребительские качества. Замещение культуры массового потребления индивидуализацией потребительских предпочтений населения позволило существенно расширить его платежеспособный спрос и стимулировать рост производства товаров и услуг, что обеспечило благоприятную экономическую конъюнктуру в течение последующих двух десятилетий.

Резкое снижение стоимости информационных услуг повлекло многократное расширение возможностей телекоммуникаций, образования, здравоохранения, культуры и науки, которые стали базовыми несущими отраслями пятого технологического уклада. Его расширение сопровождалось соответствующими сдвигами в энергопотреблении (рост доли в энергопотреблении природного газа), в транспортных системах (рост доли авиаперевозок), в конструкционных материалах (рост производства комбинированных материалов с заранее заданными свойствами). Произошел переход к новым принципам организации производства: непрерывному инновационному процессу, компьютерным технологиям управления научно-производственными циклами, гибкой автоматизации производства, организации материально-технического снабжения по принципу «точно вовремя». Изменились потребительские предпочтения в пользу образования, информационных услуг, качественного питания, здоровой окружающей среды. Стереотипы «общества потребления» дополнились ориентирами качества жизни.

Развитие сверхскоростных транспортных систем и глобальных сетей массовой информации радикальным образом изменили человеческие представления о времени и пространстве. Это в свою очередь сказалось на структуре потребностей и мотивов поведения людей. Глобализация социальных и производственных отношений резко повысила разнообразие духовных и предметных потребностей людей, возможных сфер приложения их интеллекта и труда. Это имело сильный обратный эффект в расширении производственных возможностей и развитии производительных сил.

Темпы роста отраслей пятого технологического уклада начиная с 1980-х годов прошлого века в развитых и новых индустриальных странах составляли 25–30% в год, в 3–4 раза превосходя темпы роста промышленного производства в целом, а вклад их в прирост ВВП достигал в 1980–1990-е годы 50%. Это свидетельствует о вступлении в тот период пятого технологического уклада в фазу быстрого роста, сопровождавшуюся быстрым повышением эффективности экономики. С завершением этой фазы к середине первого десятилетия нового века темпы экономического роста резко упали, экономика ведущих стран мира столкнулась с глубоким кризисом, переходящим в длительную депрессию. Согласно выявленным закономерностям долгосрочного технико-экономического развития возобновление устойчивого экономического роста можно прогнозировать со становлением нового технологического уклада к середине 2010-х годов.

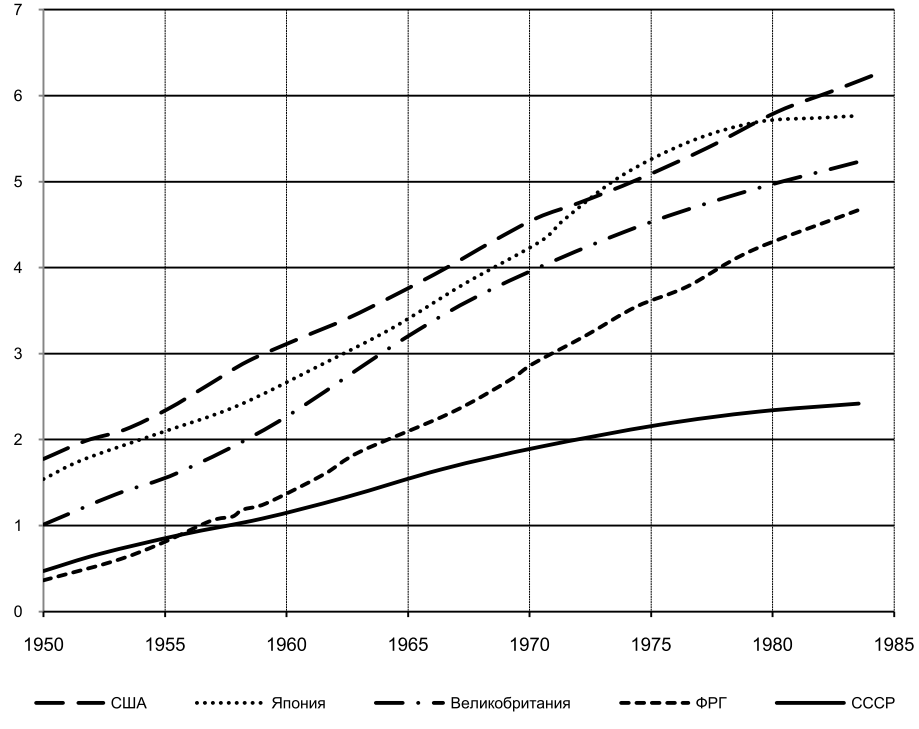

Рис. 4. Обобщенный показатель роста пятого технологического уклада в фазе зарождения.

Для измерения связанных с развитием пятого технологического уклада технологических сдвигов в экономике ведущих стран мира наряду с показателями производства товаров — представителей ядра пятого технологического уклада использовались показатели насыщенности рын-

ка средствами связи, вычислительной техникой, электроникой, а также плотность сети Интернет. Совокупность этих данных, представленных в виде динамических рядов соответствующих показателей по России и другим странам, обрабатывалась методом главных компонент, первая из которых интерпретировалась как обобщенная характеристика роста пятого технологического уклада. При этом для начальной фазы его развития (до 1985 г.) (рис. 4) и для его роста в фазе зрелости (после 1995 г.) (рис. 5) были использованы разные наборы признаков, отражающие соответствующие технологические сдвиги и структурные изменения экономики.

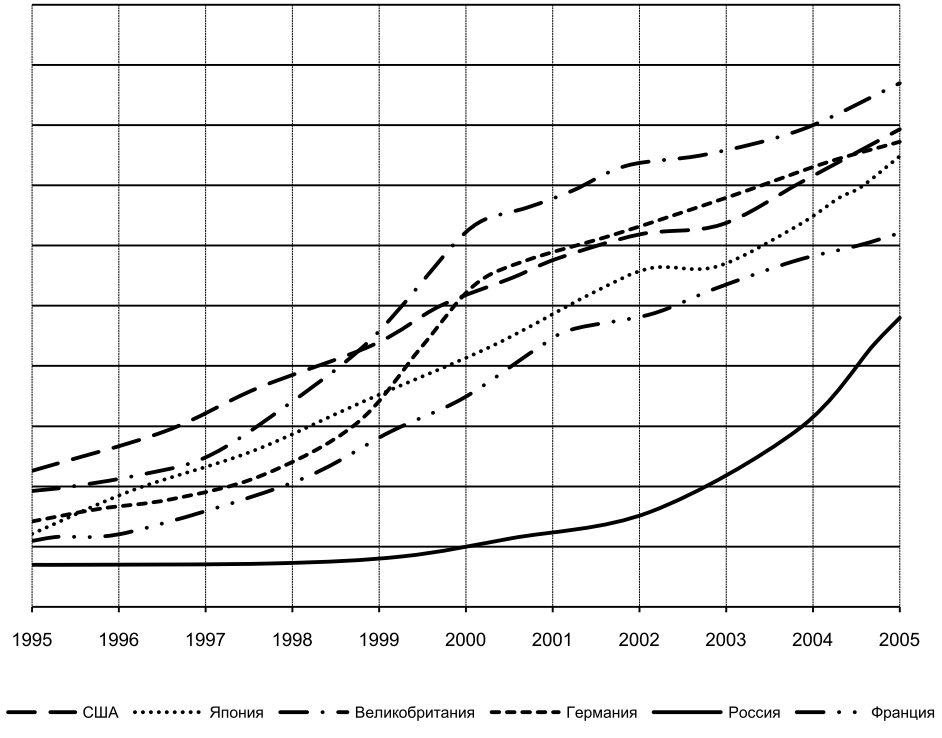

Рис. 5. Обобщенный показатель роста пятого технологического уклада в фазе зрелости.

Для построения обобщенного показателя развития пятого технологического уклада в фазе зарождения были использованы показатели парка телевизоров, количества телефонов, численности студентов на 1000 человек населения, электровооруженность занятых в промышленности, доля стали, выплавляемой в электропечах, производство станков с ЧПУ и парк роботов на единицу ВВП, газо- и энергоемкость национального дохода и др. (см. подробнее в [29]).

Для построения обобщенного показателя роста пятого технологического уклада в фазе зрелости в качестве исходных признаков были использованы: количество пользователей сети Интернет на 1000 человек населения, производство ЭВМ на единицу ВВП, парк персональных компьютеров на душу населения, количество мобильных телефонов на душу населения, доля природного газа в энергопотреблении, доля авиаперевозок на единицу ВВП и в структуре пассажирских перевозок.

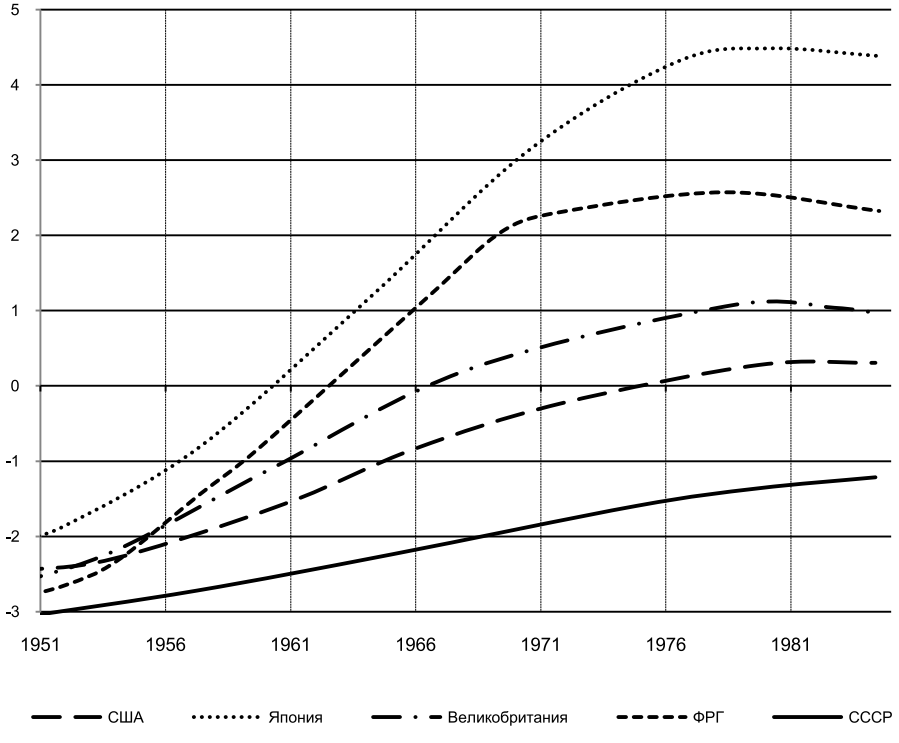

Рис. 6. Обобщенный показатель роста четвертого технологического уклада.

Аналогичным образом на основе обработки двух десятков показателей развития четвертого технологического уклада (в том числе потребление нефти, алюминия, производство автомобилей, потребление синтетических волокон в расчете как на душу населения, так и на единицу национального дохода, доля стали, выплавляемой кислородно-конверторным способом, парк тракторов на единицу пашни и др.) была построена обобщенная характеристика его роста в ведущих странах мира и СССР. На рисунке 6 отчетливо видно достижение этим технологическим укладом пределов роста в середине 70-х годов прошлого века, что повлекло структурный кризис и депрессию экономик развитых капиталистических стран, длившуюся до

середины 1980-х годов. В это время в экономике СССР продолжался рост этого технологического уклада, уровень развития которого едва превышал достигнутый передовыми странами в начале фазы его роста.

Как следует из приводимых результатов измерений, находясь в начале жизненного цикла пятого технологического уклада на уровне передовых стран, в ходе его дальнейшего развития советская экономика стала быстро отставать. Советский Союз упустил шанс опережающего развития в начальной фазе роста пятого технологического уклада. Имевшиеся для этого неплохие заделы не были реализованы в силу отсутствия механизмов перераспределения ресурсов из устаревающих производственно-хозяйственных систем в новые. В последующем с десятилетним отставанием в российской экономике пятый технологический уклад вошел в фазу роста. Хотя при этом началось быстрое сокращение отставания России по развитию пятого технологического уклада, рост его носил преимущественно имитационный характер. К началу нынешнего столетия, когда он достиг фазы зрелости, величина его ядра в российской экономике осталась в десятки раз ниже развитых стран, о чем свидетельствует производство изделий электронной техники в разных странах на душу населения (табл. 3).

Таблица 3

Производство изделий электронной техники в разных странах на душу населения, долл.

США	1260
Япония	1100
ЕС	500
Россия	14

Источник: Сухарев О. Информационный сектор экономики: проблемы развития // Инвестиции в России. — 2006. — № 8.

В то же время в капиталистических странах расширение пятого технологического уклада повлекло существенное обновление списка 500 крупнейших корпораций, ежегодно публикуемого Financial Times. В настоящее время треть из них составляют компании, работающие в отраслях пятого технологического уклада. Еще четверть века назад большинства из них не было на рынке, а сегодня на их долю приходится около 2/3 совокупной стоимости ведущих компаний мира. Такова динамика структурных изменений современной экономики — фирмы и страны, первыми оседлавшие очередную технологическую волну, получают колоссальную интеллектуальную ренту по мере ее распространения. До сих пор рентабельность ядерных производств пятого технологического уклада существенно превосходит среднюю по экономике. К примеру, каждый доллар, вложенный в системы космической связи и телевидения, дает 7 долларов

прибыли, а темпы расширения рынка в секторе космической связи превышают 25% в год.

О масштабе производительности ключевого фактора пятого технологического уклада свидетельствует следующий расчет. В 1999 году в мире было изготовлено на сумму 800 млн долларов слитков поликристаллического кремния. Сделанные из них тонкие круглые пластины с десятками микросхем на каждой стоили уже 6 млрд долларов. Нарезанные из пластин и вставленные в корпуса с контактами готовые микросхемы (микропроцессоры, микросхемы памяти и контроллеры, использующие эти микросхемы) — около 750 млрд долларов. Иными словами, один доллар, вложенный в производство кремния для электроники, в процессе переработки и изготовления электронных компонент оборачивался тысячекратным увеличением добавленной стоимости. Таковы возможности генерирования доходов у обладателей ключевого фактора доминирующего технологического уклада, имеющих необходимые воспроизводственные контуры его комплексного развития.

В настоящее время происходит становление нового — шестого — технологического уклада. Сегодня формируются ключевые направления экономического роста в долгосрочной перспективе. Своевременное развитие ключевых производств шестого технологического уклада закладывает сравнительные преимущества, которые будут определять геополитическую конкуренцию до середины XXI века. Уже сейчас НИОКР, ведущиеся на перспективных направлениях формирования шестого технологического уклада, дают высокую отдачу. Даже в такой традиционно убыточной отрасли, как сельское хозяйство, их рентабельность превышает 50%.

Методы технологического прогнозирования позволяют определить основные направления развития нового технологического уклада: биотехнологии, основанные на достижениях молекулярной биологии и генной инженерии, нанотехнологии, системы искусственного интеллекта, глобальные информационные сети и интегрированные высокоскоростные транспортные системы. Дальнейшее развитие получат гибкая автоматизация производства, космические технологии, производство конструкционных материалов с заранее заданными свойствами, атомная промышленность, авиаперевозки. Рост атомной энергетики и потребления природного газа будет дополнен расширением сферы использования водорода в качестве экологически чистого энергоносителя, существенно расширится применение возобновляемых источников энергии. Произойдут еще большая интеллектуализация производства, переход к непрерывному инновационному процессу в большинстве отраслей и непрерывному образованию в большинстве профессий. Завершится переход от «общества потребления» к «интеллектуальному обществу», в котором

важнейшее значение приобретут требования к качеству жизни и комфортности среды обитания. Производственная сфера перейдет к экологически чистым и безотходным технологиям. В структуре потребления доминирующее значение займут информационные, образовательные, медицинские услуги. Прогресс в технологиях переработки информации, системах телекоммуникаций, финансовых технологиях повлечет за собой дальнейшую глобализацию экономики, формирование единого мирового рынка товаров, капитала, труда.

Наряду с отраслями ядра нового технологического уклада быстро растущими сферами применения нанотехнологий станут его несущие отрасли. В их числе останутся несущие отрасли предшествующего пятого технологического уклада: электротехническая, авиационная, ракетно-космическая, атомная отрасли промышленности, приборостроение, станкостроение, образование, связь. Наряду с ними связанная с распространением нанотехнологий революция охватит здравоохранение (эффективность которого многократно возрастает с применением клеточных технологий и методов диагностики генетически обусловленных болезней) и сельское хозяйство (благодаря применению достижений молекулярной биологии и генной инженерии), а также создание новых материалов с заранее заданными свойствами. Благодаря появлению наноматериалов, в число несущих отраслей нового технологического уклада также войдут: химико-металлургический комплекс, строительство, судо- и автомобилестроение.

Существенные изменения претерпит культура управления. Дальнейшее развитие получат системы автоматизированного проектирования, которые вместе с технологиями маркетинга и технологического прогнозирования позволят перейти к автоматизированному управлению всем жизненным циклом продукции на основе так называемых CALS-технологий, которые становятся доминирующей культурой управления развитием производства [57][1].

В управлении внедрением новых технологий в развитых странах применяется стратегия «Bringing product from laboratory to the market» (перенесение продукта из лаборатории на рынок), позволяющая до минимума сократить наиболее сложную и рискованную фазу жизненного цикла продукции — воплощение результатов НИОКР в производственном процессе.

Исходя из изложенного структура нового (шестого) технологического уклада может быть представлена следующим образом (рис. 7).

[1] CALS (Continuous Acquisition and Life-Cycle Support) — это принятая в большинстве промышленно развитых стран технология интегрированной информационной среды на основе международных стандартов для единообразного информационного взаимодействия всех участников жизненного цикла продукции: разработчиков, заказчиков и поставщиков продукции, эксплуатационного и ремонтного персонала.

Рис. 7. Структура шестого технологического уклада.

Ключевой фактор: нанотехнологии, клеточные технологии и методы генной инженерии, опирающиеся на использование электронных растровых и атомносиловых микроскопов, соответствующих метрологических систем, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

Ядро: наноэлектроника, молекулярная и нанофотоника, наноматериалы и наноструктурированные покрытия, оптические наноматериалы, наногетерогенные системы, нанобиотехнологии, наносистемная техника, нанооборудование, генная инженерия и клеточные технологии.

Несущие отрасли: электронная, ядерная и электротехническая промышленности, информационно-коммуникационный сектор, станко-, судо-, авто- и приборостроение, фармацевтическая промышленность, солнечная энергетика, ракетно-космическая промышленность, авиастроение, семеноводство, строительство, химико-металлургический комплекс, здравоохранение и образование.

Как будет показано ниже, расширение нового технологического уклада обеспечивает многократное повышение эффективности производства, снижение его энерго- и материалоемкости.

Между пятым и шестым технологическими укладами существует преемственность. Их ключевым фактором являются информационные технологии, основанные на использовании знаний об элементарных структурах материи, а также алгоритмах обработки и передачи информации, полученных фундаментальной наукой. Граница между ними лежит в глубине проникновения технологии в структуры материи и масштабах обработки информации. Пятый технологический уклад основывается на применении достижений микроэлектроники в управлении физическими процессами на микронном уровне. Шестой технологический уклад основывается на применении нанотехнологий, оперирующих на уровне одной миллиардной метра и способных менять строение вещества на молекулярном и атомном уровне, придавая ему принципиально новые свойства, а также проникать в клеточную структуру живых организмов, видоизменяя их. Наряду с качественно более высокой мощностью вычислительной техники нанотехнологии позволяют создавать новые структуры живой и неживой материи, выращивая их на основе алгоритмов самовоспроизводства.

Переход к шестому технологическому укладу совершается через очередную технологическую революцию, кардинально повышающую эффективность основных направлений развития экономики. Стоимость производства и эксплуатации средств вычислительной техники на нанотехнологической основе снизится еще на порядок, многократно возрастут объемы ее применения в связи с миниатюризацией и приспособлением к конкретным потребительским нуждам. Медицина получит в свое распоряжение технологии борьбы с болезнями на клеточном уровне, предполагающие точную доставку лекарственных средств в минимальных объемах и с максимальным использованием способностей организма к регенерации. Наноматериалы обладают уникальными потребительскими свойствами, создаваемыми целевым образом. Трансгенные культуры многократно снижают издержки фармацевтического и сельскохозяйственного производства. Генетически модифицированные микроорганизмы могут использоваться для извлечения металлов и чистых материалов из горнорудного сырья, революционизируя химико-металлургическую промышленность.

Не менее впечатляющие изменения прогнозируются в машиностроении. На основе системы «нанокомпьютер — наноманипулятор» можно будет организовать сборочные автоматизированные комплексы, способные собирать любые макроскопические объекты по заранее снятой либо разработанной трехмерной сетке расположения атомов. С развитием наномедицинских роботов, методов адресной доставки лекарств к пораженным участкам организма, клеточных технологий в медицине кардинально расширяются возможности профилактического лечения и продление

человеческой жизни. Становится возможной постановка задач перестройки человеческого организма для качественного увеличения естественных способностей.

В настоящее время шестой технологический уклад находится в эмбриональной фазе развития, при которой его расширение сдерживается как незначительным масштабом и неотработанностью соответствующих технологий, так и неготовностью социально-экономической среды к их широкому применению. Хотя расходы на освоение нанотехнологий и масштаб их применения растут по экспоненте, общий вес шестого технологического уклада в структуре современной экономики остается небольшим, но с тенденцией к быстрому росту. По прогнозам научного фонда США, к 2015 году годовой оборот рынка нанотехнологий достигнет 1 трлн долларов. В это время шестой технологический уклад вступит в фазу подъема.

Критическое значение научно-технического прогресса и способности к внедрению новых технологий предопределяют возрастающую роль человеческого фактора в организации производства. Наряду с развитием охарактеризованных выше ключевых производственно-технических систем шестого технологического уклада среди факторов, определяющих национальные конкурентные преимущества, на передний план выходят: образование и охрана здоровья населения; развитие науки; доступность и наполнение информационной среды; наличие условий для раскрытия созидательных творческих возможностей каждой личности; чистота окружающей среды и высокое качество жизни. Страны, не способные обеспечить всеобщее высшее образования населения, развитие науки и качества информационной среды, будут обречены на роль поставщика природного сырья и человеческого материала для транснациональных корпораций из развитых стран, концентрирующих глобальный интеллектуальный потенциал.

8.3. Механизмы международной конкуренции в современной экономике

Широкое распространение информационных технологий пятого технологического уклада обеспечило технологические возможности интернационализации бизнеса. Глобальная конкуренция стала вестись не столько между странами, сколько между наднациональными воспроизводственными системами, каждая из которых объединяет, с одной стороны, национальные системы образования населения, накопления капитала, организации науки соответствующих стран и, с другой стороны, транснациональные корпорации, работающие в масштабах мирового

рынка. После распада СССР три такие тесно связанные друг с другом системы (американская, европейская и японская), дополнившиеся в начале этого столетия Китаем и Индией, определяют глобальное экономическое развитие. Они формируют ядро мировой экономической системы, концентрирующее ее интеллектуальный, научно-технический и финансовый потенциал.

Хотя основная часть экономической активности приходится на частный сектор, государства ядра мировой экономической системы выполняют роль ведущих институтов развития. Огромное значение государственного стимулирования НТП в обеспечении современного экономического роста определяется объективными свойствами инновационных процессов: высоким риском, зависимостью от степени развития общей научной среды и информационной инфраструктуры, значительной капиталоемкостью научных исследований, неопределенностью возможностей коммерческой реализации их результатов, требованиями к научной и инженерной квалификации кадров, необходимостью правовой защиты интеллектуальной собственности. Поэтому успех в глобальной конкуренции тех или иных фирм напрямую связан с государственной научно-технической политикой стран их базирования.

Из 100 крупнейших ТНК мира 35 располагаются в США, 42 — в Европе, 21 — в Японии и только 2 находятся в остальных регионах мира [97]. Управляющие центры большинства ТНК дислоцируются в развитых странах Запада, в основном в странах «семерки». В настоящее время на ТНК приходится почти половина глобальных расходов на исследования и разработки. ТНК владеют 1/3 производственных фондов мира, выпускают около 2/5 всей мировой продукции, контролируют 2/3 мировой торговли, осуществляют 80% оборота высокими технологиями, производят 90% оборота мирового капитала.

По данным ЮНКТАД (UNCTAD), транснациональные корпорации контролируют: 50,7% производства электрического и электронного оборудования и компьютеров в мире; 48,4% автомобильной промышленности; 53,3% нефтяной и горной промышленности; 78,9% производства продуктов питания, напитков и табачных изделий; 58,4% химической промышленности; 62,4% фармацевтической промышленности; 43,5% металлургической и сталелитейной промышленности; 73,2% сферы строительства.

Концентрация транснационального капитала и производства достигла качественно нового уровня, позволяющего говорить о становлении нового мирового порядка, в котором определяющую роль играют международный капитал, транснациональные корпорации и международные организации, связанные с ядром мировой экономической системы. Не входящие в него страны образуют периферию, лишенную внутренней це-

лостности и возможностей самостоятельного развития. Отношения между ядром и периферией мировой экономической системы характеризуются неэквивалентным экономическим обменом, при котором находящиеся на периферии страны вынуждены оплачивать интеллектуальную ренту, содержащуюся в импортируемых товарах и услугах, за счет природной ренты и затрат труда, содержащихся в экспортируемых ими сырьевых и низкотехнологических товарах.

Доминируя над периферией, ядро «вытягивает» из нее наиболее качественные ресурсы — лучшие умы, научно-технические достижения, права собственности на наиболее ценные элементы национального богатства. Имея технологические преимущества, страны ядра навязывают периферии удобные им стандарты, закрепляя свое монопольное положение в сфере технологического обмена. Концентрируя финансовый потенциал, ядро навязывает периферии условия движения капитала и использование своих валют, в том числе для формирования валютных резервов, устанавливая, таким образом, контроль над финансовыми системами периферийных стран и присваивая эмиссионный доход в масштабах мировой экономической системы. Лишенные основных внутренних источников развития, страны периферии теряют возможность проведения суверенной экономической политики и управления собственным ростом, превращаясь в экономическое пространство для освоения международным капиталом.

Глобальное экономическое развитие определяется сочетанием двух противоречивых тенденций: подчинением мировой экономики интересам транснационального капитала, с одной стороны, и конкуренцией национальных экономических систем — с другой стороны. Эти тенденции переплетаются, создавая в каждой стране уникальное сочетание внешних и внутренних факторов. Разнообразие этих сочетаний простирается от полной зависимости периферийных стран Африки, в экономике которых безраздельно доминирует транснациональный капитал, до мощных национальных экономических систем Японии, Китая, Индии, Евросоюза и США, в которых экономическая политика государства определяется интересами национального капитала и отечественных товаропроизводителей.

Между этими полюсами современного мира расположились страны Латинской Америки, пытающиеся создать хоть какие-то ниши для развития собственного капитала в условиях доминирования транснациональных корпораций, страны Европейского сообщества, отказавшиеся от национального суверенитета в экономической политике в пользу европейского транснационального капитала, арабские, в том числе мусульманские страны, сочетающие политику привлечения иностранного капитала в освоение природных ресурсов с твердым отстаиванием ценностей

своей культуры и национальных интересов, быстро развивающиеся страны Юго-Восточной Азии с доминированием национальных интересов в самой стратегии развития и привлечения иностранного капитала.

Формирование экономической модели каждой страны идет в сложной борьбе и сотрудничестве между представителями транснационального и национального капитала, международными институтами и национальной элитой. Международные институты и транснациональные корпорации неразрывно связаны с национально-государственными институтами ядра мировой экономической системы, которые обеспечивают поток новых знаний, развитие интеллектуального потенциала и предложение мировых денег.

Воспроизводство сложившейся системы глобальных экономических отношений предполагает доминирование ядра над периферией, которое достигается демонтажем ее институтов национального суверенитета. Идеологическим обоснованием этой политики в течение уже многих десятилетий неизменно служит доктрина радикального либерализма, оформленная в набор практических рекомендаций для зависимых стран, известный как охарактеризованный в первом разделе книги «Вашингтонский консенсус». Производимое в соответствии с ним ослабление и ликвидация национальных институтов государственной власти, политического, идеологического и культурного контроля устраняют препятствия для свободного движения транснационального капитала, подчиняющего своим интересам экономику целых стран и континентов.

Повсеместными политическими требованиями структур, обслуживающих ядро мировой экономической системы, являются полная либерализация и дерегулирование национальных экономик, исключение самой возможности проведения целенаправленной структурной, промышленной, инвестиционной политики, а также самостоятельной денежной эмиссии, ее привязка к приобретению одной из мировых валют, эмитируемых денежными властями стран ядра (доллар, евро и иена). Использование чужой валюты в качестве обеспечения эмиссии национальной валюты означает соответствующую передачу эмиссионного дохода. Тем самым страны периферии ограничиваются в использовании важнейшего источника финансирования самостоятельного развития, принадлежащего им как суверенным государствам.

Политическое закрепление доминирования ядра мировой экономической системы достигается путем установления связанными с ним международными организациями внешнего контроля над институтами государственной власти периферийных стран, их замены международным правом и международными институтами. Ключевыми методами в этом процессе являются: втягивание соответствующих стран в режим неэквивалентного внешнеэкономического обмена и долговую зависи-

мость, политическое, идеологическое и материальное подчинение их национальных элит. В первом разделе книги было показано применение этих методов в отношении России и проанализированы их последствия. Результатом такой деятельности становится последовательное возрастание роли ядра мировой экономической системы, включающего США, Западную Европу и Японию. Остальной мир делится на страны, пытающиеся стать самостоятельными центрами концентрации капитала, вырастить своих мировых лидеров (новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии, Китай, Индия, Бразилия) и прорваться таким образом из состояния периферийной зависимости в ядро мировой экономики, и страны-колонии, фактически лишенные национального суверенитета и превращенные в резервуар дешевого сырья и рабочей силы для транснационального капитала.

В отличие от колониализма прошлого, державшегося на военном принуждении со стороны метрополий, современный неоколониализм обеспечивается самими же правительствами и национальными элитами внешне суверенных, но на самом деле полностью зависимых стран. Обремененные неподъемными долгами, управляемые коррумпированными правительствами, не имеющие внутренних источников роста, многие страны Азии, Африки и Латинской Америки обречены на жесткую внешнюю зависимость и неэквивалентный экономический обмен. Последний характеризуется втягиванием периферийных стран в ловушки сырьевой специализации и внешней задолженности.

Объективно национальные интересы каждой страны диктуют соответствующие приоритеты международного сотрудничества. В странах, претендующих на самостоятельное развитие, процессы открытия национальных рынков, привлечения иностранного капитала, международной кооперации удерживаются под национальным контролем и сочетаются с защитой внутреннего рынка, ограничением иностранных инвестиций в жизненно важных для реализации национальных интересов сферах, поддержкой отечественных товаропроизводителей и стимулированием повышения их конкурентоспособности, выращиванием собственных предприятий-лидеров, способных успешно конкурировать и выполнять роль «локомотивов» национальной экономики в масштабах мирового рынка. При этом чем больше национальная элита той или иной страны осознает конкурентные преимущества своей экономики и свои национальные интересы, тем больше у нее возможностей для эффективного использования международной кооперации производства в интересах собственного социально-экономического развития.

Преодоление постоянно воспроизводящегося огромного технологического разрыва между ядром и периферией мировой экономической системы требует от развивающихся стран усилий по повышению кон-

курентоспособности отраслей с высокой добавленной стоимостью, что невозможно без соответствующих мер государственного стимулирования. Особое значение имеет своевременная концентрация национальных ресурсов на становлении ключевых производств нового технологического уклада, которая дает возможность отстающим странам вырываться вперед в периоды замещения доминирующих технологических укладов и сопутствующих им структурных кризисов экономики развитых стран.

Охарактеризованные выше закономерности отражают экономическое развитие передовых стран, задающих траекторию развития мировой экономики. Находясь на передовой научно-технического прогресса и формируя воспроизводственные контуры новых технологических укладов, они играют роль «локомотивов» глобального экономического развития, используя в то же время связанные с этим преимущества. Остальные страны вынуждены имитировать достижения мировых лидеров или пользоваться достигнутыми ими результатами, отдавая взамен свои природные ресурсы или дешевый труд. Обмен этот носит неэквивалентный характер — передовые страны реализуют свое технологическое превосходство, навязывая остальному миру удобные и выгодные им правила международного экономического сотрудничества и присваивая интеллектуальную ренту в глобальном масштабе. Вместе с тем в ходе каждого структурного кризиса мировой экономики, сопровождающего процесс замещения доминирующих технологических укладов, открываются новые возможности экономического роста. Страны, лидировавшие в предшествующий период, сталкиваются с обесценением капитала и квалификации занятых в отраслях устаревающего технологического уклада, в то время как страны, успевшие создать заделы в формировании производственно-технологических систем нового технологического уклада, оказываются центрами притяжения капитала, высвобождающегося из устаревающих производств. Каждый раз смена доминирующих технологических укладов сопровождается серьезными сдвигами в международном разделении труда, обновлением состава наиболее преуспевающих фирм и ведущих стран.

Правильное определение приоритетных направлений концентрации национальных ресурсов на своевременном освоении ключевых технологий пятого технологического уклада позволило вырваться из периферийной зависимости азиатским тиграм — Японии, Южной Корее, Тайваню. Сегодня по этому же пути идут Китай, Индия и Бразилия, осваивая ключевые направления роста как пятого, так и шестого технологических укладов. Это позволяет им не только опережающим образом развивать новые производства, но и воспроизводить на новой технологической основе традиционные, привлекая транснациональный капитал с большей экономической эффективностью. Благодаря сочетанию активной научно-технической и промышленной политики, целенаправленному регулиро-

ванию внешнеэкономических связей достигается эффект опережающего развития, который позволяет успешным странам подтягиваться из периферии к ядру мировой экономической системы.

В отличие от навязываемой МВФ стратегии либерализации экономики, закрепляющей неэквивалентный обмен между ядром и периферией, политика опережающего развития дает возможность вырваться из ловушек периферийной зависимости на магистраль самостоятельного успешного социально-экономического развития. Но для этого развивающимся странам необходимо иметь национальные институты развития, включающие механизмы активной денежной, инвестиционной, инновационной, промышленной и социальной политики. Необходима также способность к концентрации национальных ресурсов, что невозможно без национального суверенитета в сфере природопользования и финансовой политики.

Секрет любого «экономического чуда» заключается в правильном выборе и реализации приоритетов развития, реализация которых дает возможность «оседлать» очередную волну экономического роста. Но чтобы это сделать, нужно своевременно создать научно-информационные, производственно-технологические и интеллектуальные заделы в освоении перспективных технологий. Последующее расширение использования последних в масштабах мирового рынка обеспечивает их обладателям возможности сверхбыстрого роста производства и доходов. Этому предшествует более или менее длительный период накопления преимуществ в неблагоприятной экономической среде. Такое накопление предполагает участие государственных финансовых институтов, способных преодолевать порог синхронных затрат и длительное время осуществлять бесприбыльные инвестиции. Реализация либеральной стратегии для развивающихся стран бесперспективна, так как исключает возможность работы подобных институтов развития. Это хорошо видно по последствиям реализации такой стратегии в нашей стране.

8.4. Особенности технологического развития российской экономики

В силу своих гигантских размеров, высокого человеческого потенциала и природных богатств российская экономика в течение всей своей тысячелетней истории входила в число крупнейших в мире. За исключением периодов национальных катастроф (татаро-монгольское нашествие, смутное время, Гражданская война, распад СССР), Россия, как правило, либо лидировала, либо входила в тройку мировых лидеров по объемам национального богатства, продукта и дохода.

В свете исторического опыта провозглашенная в правительственных документах цель возвращения российской экономики в пятерку самых больших национальных экономик мира не выглядит слишком амбициозной. Вместе с тем колоссальные разрушения российской экономики за годы радикальных реформ, происходившие на фоне бурного экономического роста Китая, Индии, Бразилии, а также успешного развития США и ЕС, отбросили ее в конец первой десятки мировых держав. Экономический подъем последних лет, связанный с ростом цен на экспортируемые из России энергоносители и сырье, лишь частично компенсировал это отставание. В мировом разделении труда Россия оказалась на сырьевой периферии мирового рынка, став энергетическим придатком Европы и донором мировой финансовой системы.

Между тем по величине национального богатства Россия остается мировым лидером — как в абсолютном выражении, так и в расчете на душу населения. Правда, достигается это лидерство в основном за счет гигантского природного потенциала (табл. 4).

Таблица 4

Структура богатства государств на начало XXI века

Страны	Национальное богатство		Структура национального богатства, %		
	Общий объем, трлн долл.	На душу населения, тыс. долл.	человеческий потенциал	природные ресурсы	воспроизводимые ресурсы
Мировой итог	530	90	67	16	17
Страны «семерки» и ЕС	275	360	78	4	18
Страны ОПЕК	195	195	47	37	16
Россия	60	400	50	40	10
Прочие страны	100	30	65	15	20

Источник: Стратегический ответ России на вызовы нового века / Под общ. ред. Л.И. Абалкина. — М.: Экзамен, 2004. — С. 72.

На уровне передовых стран сохраняется интеллектуальный потенциал — несмотря на двукратное сокращение, Россия обладает значительным количеством ученых, сравнительно грамотным населением, квалифицированными кадрами. По глобальному рейтингу интегральной мощи Россия уверенно занимает 4-е место после США, ЕС и Китая, опережая все отдельно взятые европейские государства.

Хотя, согласно прогнозу, в обозримой перспективе этот рейтинг не изменится, его поддержание потребует существенного повышения уровня экономической активности (рис. 8). В настоящее время эффективность

российской экономики оставляет желать много лучшего. По показателям материало-, энерго- и трудоемкости она в несколько раз отстает от мировых лидеров, что является следствием относительной неразвитости воспроизводимой части экономического потенциала — низкого технического уровня весьма устаревших производственных фондов, расточительного потребления ресурсов, коррупции и некомпетентности управленческой верхушки.

Рис. 8. Стратегическая матрица России настоящего времени и прогноз ее трансформации при реализации сценария «умеренной глобализации».

Источник: Агеев А.И. Будущее России: в тисках истории, хаоса и сценариев. — М., 2010.

Дважды в течение прошлого столетия Россия поднималась как мировая сверхдержава. Мощный экономический рывок в начале XX века, не будь он прерван войной и революцией, вывел бы нашу страну в мировые лидеры на волнах опережающего развития третьего и четвертого технологических укладов. В период Великой депрессии, охватившей экономику западных стран в 1930-е годы, российская экономика, развивавшаяся в начале века на передовой технологической основе, могла бы стать ведущим локомотивом мирового экономического роста. Второй раз этот шанс был упущен в конце прошлого века. Контролируя почти треть планеты, руководство СССР не смогло грамотно распорядиться колоссальными преимуществами, бездарно упустило историческую возможность форсированной модернизации на основе опережающего роста пятого технологического уклада, позволило разорвать страну на феодальные вотчины, ставшие объектами наживы ухватившихся за национальный суверенитет коррумпированных властвующих элит.

Исходя из здравого смысла невозможно понять, почему руководители величайшей мировой империи, обладая колоссальной властью, допустили роковые ошибки, дважды погубившие государство в течение одного столетия. Для обоснования экономической политики развития России в

сложившихся сегодня условиях необходимо знать историю предшествующего экономического развития страны, понимать ее специфические преимущества и недостатки.

Многие исследователи считают Россию страной догоняющей модернизации, которая постоянно стремилась «догнать и перегнать» страны Запада, следуя проложенным им технологическим траекториям. В действительности развитие российской экономики было более сложным. По ряду направлений НТП Россия с самого начала их становления лидировала и формировала соответствующие технологические траектории (авиационная, ракетно-космическая, атомная промышленность), в то время как по многим остальным десятилетиями не могла ликвидировать отставание.

Согласно результатам наших исследований, проведенных совместно с Г.Г. Фетисовым, становление производственных систем первого технологического уклада началось в России сразу после наполеоновских войн, на 50 лет позже Великобритании [30]. Однако вследствие архаичных производственных отношений развитие первого технологического уклада происходило в России существенно медленнее, чем в свое время в передовых странах. В условиях крепостничества оно сдерживалось недостатком свободной рабочей силы, инженерно-технических кадров, капиталов, отсутствием удовлетворительных транспортных коммуникаций. Фактически период становления первого технологического уклада продлился в России до второй половины 50-х — начала 60-х годов XIX века.

В России, как и в других европейских странах, промышленный переворот захватил в первую очередь текстильную промышленность. Растущее производство хлопчатобумажных тканей на мануфактурах и фабриках содействовало расширению внутреннего и внешнего рынков. Развитие торговли стимулировало расширение соответствующей первому технологическому укладу транспортной инфраструктуры — водных путей и сухопутных дорог. В первой половине XIX в. в стране появилось пароходное речное сообщение; принимались меры по модернизации морского торгового флота; строились новые каналы, связавшие в единое целое различные водные пути. К 1835 году было сооружено 6485 верст шоссейных дорог, связавших между собой важнейшие экономические центры страны — Москву, Петербург, Нижний Новгород, Харьков и др.

Вместе с тем темпы технологических сдвигов оставались крайне медленными. Согласно статистическим данным о механизации текстильной промышленности, к моменту осуществления крестьянской реформы только закончилась фаза становления первого технологического уклада, охватившая в России почти половину столетия. Заметим, что в Англии эти процессы завершились к началу XIX века, т.е. почти на 55–60 лет раньше, чем в России. При этом фаза становления первого технологического уклада заняла в Англии 25–30 лет (с 1770 по 1795–1800 гг.).

Отмена крепостного права и другие реформы Александра II упразднили ряд феодальных институтов, сдерживавших развитие рыночных отношений, и открыли возможности для быстрого роста промышленного производства. С 1860 по 1870 год продукция текстильной и бумагопрядильной промышленности возросла в 2 раза. Наряду с расширением первого технологического уклада в России в это время началось быстрое становление технологических цепей второго технологического уклада (заметим, что в Англии второй технологический уклад формировался с 1820 по 1840–1848 гг.). Оно осуществлялось при активном государственном стимулировании инвестиций в развитие крупной промышленности на основе импорта технологий с широким привлечением иностранного капитала и оборудования. С 1860 по 1876 год производство чугуна возросло на 30%, железа — на 40%.

Несмотря на ухудшение мировой экономической конъюнктуры со второй половины 1870-х годов технологические совокупности второго технологического уклада в России продолжали расширяться. С 1875 по 1892 год количество паровых двигателей в России увеличилось вдвое, мощность — втрое. Выплавка чугуна в 1980-е годы увеличилась в 2,5 раза. Заметим, что эти темпы роста превышали темпы, достигнутые в соответствующий период в Англии.

В последней четверти XIX века происходило быстрое наращивание выпуска продукции ключевыми отраслями второго технологического уклада, ставшими основными носителями экономического роста. В то же время прогрессивные технологические сдвиги, связанные с ростом второго технологического уклада, сдерживались недостаточно развитой материально-технической базой. В рассматриваемый период продолжалось расширение первого технологического уклада, который не достиг еще фазы зрелости, производственно-технические предпосылки для становления следующего технологического уклада оставались неразвитыми. Неразвитость собственной базы для становления второго технологического уклада в виде материально-технических ресурсов и профессиональных кадров компенсировалась импортом сырья и материалов, техники и технологии, привлечением зарубежных инженеров. Это, разумеется, сдерживало производственное накопление внутри страны, втягивало ее в неэквивалентный внешнеэкономический обмен.

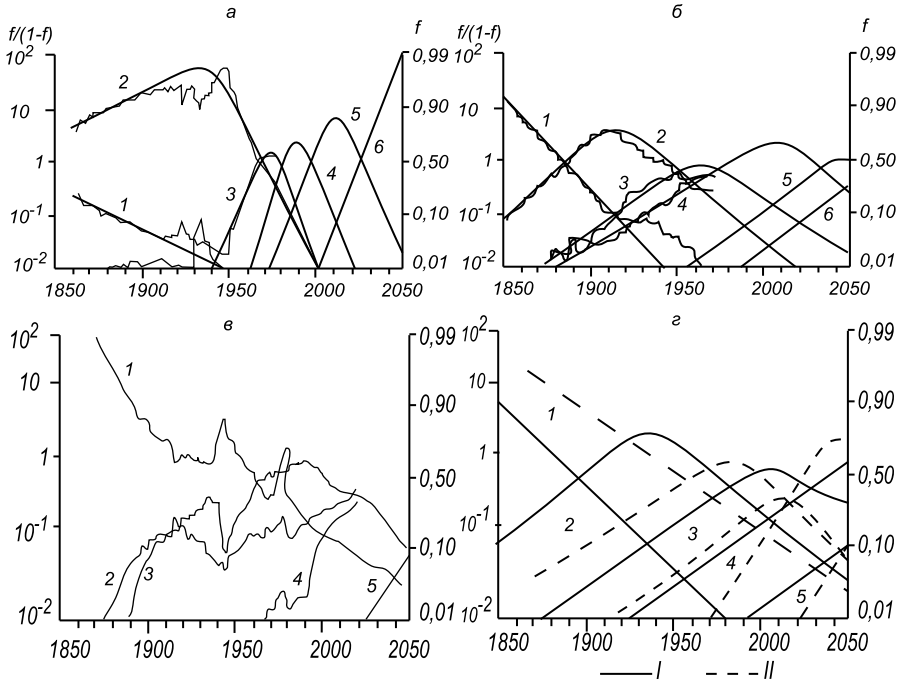
Подъем российской экономики в конце XIX — начале XX века происходил практически синхронно с длинноволновым подъемом в других странах. Это свидетельствует о включении России в международный ритм экономического роста. Следует, однако, заметить, что экономический бум в России в тот период основывался в значительной степени на расширении производств второго технологического уклада, который в

развитых странах к тому времени уже замещался третьим. В развитии российской промышленности также происходили эти процессы. При активной поддержке государства быстро развивалась электротехническая промышленность, неорганическая химия, электроэнергетика. Высокими темпами росло производство и потребление угля. В то же время машиностроение оставалось недостаточно развитым. Оно удовлетворяло потребности экономики страны приблизительно на 2/3. Треть гражданского спроса в машинах, оборудовании, аппаратах и приборах удовлетворялась ввозом их из-за границы.

Быстрое развитие базисных технологических совокупностей третьего технологического уклада создавало предпосылки для ликвидации технологического разрыва и включения России в общемировой ритм в числе лидирующих стран. В российской промышленности имелись сектора, обладавшие конкурентными преимуществами относительно развитых стран, быстро увеличивалось количество национальных инженерных кадров, что создавало хорошие предпосылки для эффективной интеграции в международное разделение труда. Однако незавершенность жизненных циклов первого и второго технологических укладов и устаревшие институты политического устройства затрудняли промышленное развитие страны.

В конечном счете имевшиеся в России предпосылки для быстрого экономического роста на основе опережающего расширения прогрессивных производств третьего и четвертого технологических укладов не были реализованы вследствие срыва страны в мировую войну, революцию и последовавшую за ней Гражданскую войну. Эти катастрофы сбили экономику России с траектории длинноволнового подъема, повлекли резкое падение объемов производства и разрушение значительной части технологического и человеческого потенциала.

Восстановление народного хозяйства после Гражданской войны и последовавшая его индустриализация продолжили после десятилетнего перерыва траекторию технико-экономического развития России, сложившуюся в начале XX в. и характеризовавшуюся одновременным расширенным воспроизводством первого, второго и третьего технологических укладов. При этом, взяв на вооружение прогрессивный план ГОЭЛРО, соответствующий ключевым направлениям роста передового в то время третьего технологического уклада, советское руководство не избежало и стратегических ошибок, обусловленных недостатком знаний и волюнтаризмом процедур принятия решений. В частности, развернувшееся крупномасштабное строительство водных каналов, реанимировало в структуре народного хозяйства первый технологический уклад, углубив его технологическую многоукладность и связанные с ней диспропорции.

Структура потребления первичных энергоносителей в отдельных странах
а - ФРГ (источник [Marchetti, Nakicenovic, 1979]), б - США (источник [Marchetti, Nakicenovic, 1979]), в - СССР (источник [Grubler, 1988]), г - структура потребления первичных энергоносителей в СССР и США, выравненные значения: I - США, II - СССР (источник [Grubler, 1988]).

Рис. 9. Структура потребления первичных энергоносителей в отдельных странах (1 — дерево; 2 — уголь; 3 — нефть; 4 — газ; 5 — атом; 6 — гелио).

Источник: Глазьев С.Ю., Микерин Г.И., Тесля П.Н. и др. Длинные волны: научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991.

В этот же период под влиянием внешней конкуренции и необходимости модернизации военно-промышленного комплекса создавались технологические совокупности четвертого технологического уклада. Первые шаги по их организации делались еще до революции. Перед Первой мировой войной было начато строительство нескольких автомобильных заводов, высокими темпами развивались нефтепереработка, химическая промышленность. Становление технологических цепочек в автомобиле- и тракторостроении было завершено в 1930-е годы. С конца 1930-х годов начинается расширенное воспроизводство отечественной химической промышленности на основе разработки и освоения собственных сырьевых ресурсов.

Технологические траектории развития экономики России и СССР соответствовали общемировому ритму технико-экономического развития. Это подтверждается сравнительной динамикой структуры потребления

первичных энергоносителей (рис. 9), которая наглядно иллюстрирует процессы последовательного замещения технологических укладов, каждому из которых соответствовал определенный вид доминирующего энергоносителя.

Структура энергопотребления отражена в показателях доли указанных энергоносителей в совокупном потреблении первичных энергоносителей. Для удобства восприятия графики представлены в логарифмической шкале, где F — доля соответствующего энергоносителя в совокупном потреблении первичных энергоносителей. По СССР приведены фактические данные, по США — данные выровнены по модели последовательного замещения технологий, построенной на основе обобщения системы уравнений Фишера — Прая [104].

Динамика структуры энергопотребления в США соответствует общемировым тенденциям, опережая соответствующие изменения в мировой экономике на несколько лет, тогда как динамика структуры энергопотребления в СССР характеризуется определенными особенностями. Как видно из представленного графика, после восстановления экономики в 1930-е годы вновь начался рост доли угля в потреблении первичных энергоносителей. В это время в мировой экономике, наоборот, под воздействием замещения третьего технологического уклада четвертым происходило замещение угля нефтью в качестве основного энергоносителя. К середине 1940-х годов четвертый технологический уклад стал доминировать в технологической структуре экономики США, а в 1950-е годы — в восстановленной после войны Западной Европе.

К концу Великой Отечественной войны в СССР сложились благоприятные условия для развития прогрессивных производств четвертого технологического уклада. За годы войны был создан основанный на передовых технологиях военно-промышленный комплекс. Расширилось производство нефти — базисного энергоносителя и сырья четвертого технологического уклада. В результате расширения экономических связей с союзниками сложились хорошие условия для импорта передовых иностранных технологий. Многие предприятия в старых индустриальных районах страны были разрушены, и на свободных промышленных площадках можно было создавать принципиально новые производства. Для этого не требовалось преодолевать сопротивление сложившихся экономических организаций и институтов, а также миллионов работников, занятых в устаревших производствах.

К сожалению, в отличие от Западной Европы и Японии, в СССР послевоенные возможности для обновления экономики на новой технической основе и совершения технологического рывка не были реализованы. Восстановленный производственный аппарат во многом воспроизводил довоенные производственно-технические системы третьего техноло-

гического уклада. В это время в развитых капиталистических странах шло их интенсивное замещение технологическими совокупностями четвертого технологического уклада, которые стали основными носителями экономического роста. В ходе восстановления советской экономики была закреплена ее технологическая многоукладность, которая привела впоследствии к расслоению его воспроизводственной структуры и растущему технологическому отставанию от передовых стран. Период доминирования третьего технологического уклада оказался растянутым по сравнению с другими странами.

Некоторые изменения в институциональной структуре социально-экономических и политических отношений во второй половине 1950-х годов открыли возможности для рационализации управления народным хозяйством и обеспечили предпосылки для осуществления в 1950–1960-х годах прогрессивных технологических сдвигов, связанных со становлением четвертого технологического уклада. Осознание руководством страны нарастающего отставания от развитых капиталистических стран в развитии базисных производств четвертого технологического уклада обусловило крупные инвестиции в химическую промышленность. Было освоено производство новых типов пластмасс, создана промышленность химических средств защиты растений, организовано промышленное производство высококонцентрированных комплексных удобрений, синтетических этилового, бутилового и метилового спиртов, синтетических моющих средств и т.д. Улучшилась и сырьевая база химии. Удельный вес нефти и газа в сырье для химической промышленности увеличился с 10,7% в 1958 году до 17% в 1964 году.

В развитии производств ядра четвертого технологического уклада приоритет был отдан производству минеральных удобрений, выработке химико-фармацевтической продукции, химических волокон, пластмасс. Внутри этих отраслей наиболее быстрыми темпами росло производство прогрессивных продуктов. Так, например, при увеличении общего объема производства химических волокон за пять лет 1960-х годов почти в 2 раза выработка синтетических волокон возросла более чем в 6 раз.

Несмотря на предпринимавшиеся усилия, по уровню химизации СССР значительно отставал от передовых стран. Если выпуск промышленной продукции в СССР достиг в 1965 году 65% от выпуска в США, то объем химической продукции составил примерно 33% выпуска ее в США. Несмотря на то что в начале 1960-х годов значительно сократилось отставание от США в относительном выражении, разрыв в абсолютном уровне увеличивался. Еще большим было отставание по объему производства ключевых продуктов на душу населения.

До конца 1970-х годов в экономической структуре развитых стран доминировал четвертый технологический уклад. Одновременно с его вос-

производством во всех странах наблюдалось сокращение производств третьего, находившегося в заключительной фазе своего жизненного цикла, и быстрый рост производств пятого, находившегося в 1950–1970-е годы в фазе становления и вступившего с середины 1980-х годов в фазу роста.

Межстрановый анализ траекторий технико-экономического развития показал, что развитие нашей экономики проходило по той же траектории, что и других стран. При этом оно было существенно более медленным. Относительно низкие темпы технического развития советской экономики были связаны с ее воспроизводящейся технологической многоукладностью, затруднявшей своевременное перераспределение ресурсов в освоение новых технологий. К началу 1990-х годов в экономике СССР происходило одновременное расширенное воспроизводство третьего, четвертого и пятого технологических укладов.

В отличие от развитых капиталистических стран, где с середины 1980-х годов быстро расширялся пятый технологический уклад, темпы его роста в экономике СССР в это время резко упали. Произошел качественный скачок в накоплении диспропорций, обусловленных воспроизводящейся технологической многоукладностью советской экономики. Одновременное расширенное воспроизводство трех технологических укладов в рамках общих ресурсных ограничений привело в середине 1970-х годов к снижению темпов роста каждого из них, включая новый (пятый), а также общих темпов экономического развития и резкому замедлению прогрессивных структурных сдвигов.

Согласно полученным результатам измерений развитие четвертого технологического уклада происходило в СССР с запаздыванием по отношению к траектории технико-экономического развития стран-лидеров на три десятилетия. Результаты измерений показывают серьезное отставание нашей экономики по освоению производств пятого технологического уклада еще в начальной фазе его развития.

К настоящему времени доля России на мировом рынке электронной техники и компонентов составляет не более 0,1–0,3%. Такую же долю (0,2%) имеет Россия и на рынке информационных услуг, что в 25 раз меньше Китая и в 15 раз меньше Индии. Вклад информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в экономический рост в России втрое ниже развитых стран и уступает даже Таиланду.

Хотя информационный сектор в российской экономике развивается весьма динамично, его вес составляет всего 5–7% ВНП по сравнению с 30–45% в развитых странах. Число новых информационных технологий увеличилось по сравнению с началом 1990-х годов на порядок, но доля ИКТ в отечественном ВНП не превышает 1% (по сравнению с 2,5–4,5% в США, Японии, ЕС). При объеме мирового рынка программного обеспечения в 400–500 млрд долларов в год отечественное участие в нем

составляет чуть больше 200 млн долларов, т.е. 0,04%. Имеет место отставание от мирового уровня в секторе ИКТ и в производительности труда, которое составляет 40% от уровня США. Это отставание объясняется недостатком инвестиций в развитие информационных технологий, уровень которых в России после десятилетия кризисного сжатия инвестиций в последние годы составлял не более 2,5% ВВП по сравнению 6,6% в США, 5% в Японии и 3,8% в ЕС в течение трех последних десятилетий.

Вместе с тем по уровню развития одного из несущих направлений пятого технологического уклада — аэрокосмических технологий — Россия занимает одно из ведущих мест в мире. В частности, доля российских фирм на рынке космических запусков достигает трети, передовые позиции сохраняются на рынке военной авиатехники. Однако доля доходов российских компаний на мировом рынке космических технологий составляет всего около 2%.

Как следует из результатов измерений и имеющихся оценок, на сегодняшнем этапе роста пятого технологического уклада, достигшего в передовых странах фазы зрелости, его распространение в России происходит в несущих отраслях, в то время как ядро остается недоразвитым. В отраслях ядра пятого технологического уклада, включающих «производство изделий микроэлектроники и электронной техники, радиотехники, оптоэлектроники, гражданского авиастроения, высокосортной стали, композитных и новых материалов, промышленного оборудования для наукоемких отраслей, точного и электронного приборостроения, приборов и устройств для систем связи и современных систем коммуникаций, компьютеров и других компонентов вычислительной техники, по сравнению с уровнем 1990–1991 годов произошел значительный спад», — констатирует академик Федосов. — Отставание от мирового уровня в этих технологиях преодолеть очень трудно, даже при условии внушительных инвестиций» [94].

До сих пор сохраняется технологическая многоукладность российской экономики, воспроизводство которой приобрело патологические черты. Если в успешно развивающихся странах технологическая многоукладность преодолевается за счет относительно более высоких темпов развития передовых технологических укладов (темп роста пятого технологического уклада в Новых индустриальных странах, Китае Индии, Бразилии более чем пятикратно превышает общие темпы экономического роста), то в российской экономике, наоборот, наблюдается снижение их веса.

В фазе зрелости доминирующего технологического уклада преодоление технологического отставания в области его ключевых технологий требует колоссальных капиталовложений, в то время как приобретение импортной техники позволяет быстро удовлетворять имеющиеся потребности. Собственно это и происходит в России, о чем свидетельствуют показатели роста парка персональных компьютеров, числа пользователей Интернета, объема

экспорта программных услуг и другие признаки расширения использования технологий пятого технологического уклада в его несущих отраслях с темпом около 20–50% в год. При этом по объемам производства товаров ядра этого ТУ, как было показано выше, сохраняется двухпорядковое отставание от лидеров.

Из изложенного выше следует, что расширение пятого технологического уклада в России носит догоняющий имитационный характер. Об этом свидетельствует также относительная динамика распространения его разных составляющих — чем ближе технология к сфере конечного потребления, тем выше темпы ее распространения. Быстрое расширение несущих отраслей пятого технологического уклада происходит на импортной технологической базе, что лишает шансов на адекватное развитие ключевые технологии его ядра. Об этом же говорит тот факт, что доля решений ИТ, принадлежащих ведущим зарубежным компаниям, составляет на российском рынке более 90%. От 70 до 80% оборота российских ИТ-компаний приходится на закупки зарубежных аппаратуры и программного обеспечения [10].

Реализуемый в России путь имитации основных продуктов пятого технологического уклада означает втягивание российской экономики в ловушку неэквивалентного обмена с зарубежным ядром этого технологического уклада, в котором генерируется основная часть интеллектуальной ренты.

Судя по динамике показателей распространения нового (шестого) технологического уклада, анализируемых ниже, его развитие в России также идет с отставанием. Но это отставание происходит в эмбриональной фазе развития и может быть преодолено в фазе роста. Для этого нужно до завершения разворачивающейся сегодня крупномасштабной структурной перестройки мировой экономики освоить ключевые производства ядра нового технологического уклада, дальнейшее расширение которого позволит получать интеллектуальную ренту в глобальном масштабе. Российская наука имеет достаточный для этого потенциал уже полученных знаний и весьма перспективные достижения, своевременное практическое освоение которых может обеспечить стране лидирующее положение на ряде направлений формирования очередной длинной волны экономического роста. Обзор имеющихся научных результатов позволяет сделать вывод о том, что российский научно-технический потенциал располагает необходимыми предпосылками опережающего развития нового технологического уклада[1].

Главной проблемой технико-экономического развития России остается своевременное практическое освоение имеющихся научно-технических заделов. Хотя российская наука и образование имеют достаточный для этого кадровый потенциал, недостаток финансирования

[1] *Раткин Л.* Нанотехнологический потенциал российской экономики // Инвестиции в России. — 2006. — № 11.

приводит к «утечке умов» и технологических знаний за рубеж. К примеру, до половины выпускников российских вузов, специализирующихся в области входящих в число ключевых факторов нового технологического уклада молекулярной биологии и генетики, уезжают за рубеж. Несмотря на имеющийся научный потенциал, за исключением атомной и авиакосмической промышленности, российская промышленность не располагает ключевыми производствами нового технологического уклада. Их скорейшее создание является решающим фактором будущего развития страны.

Сохранившийся научно-технический потенциал еще позволяет восстановить и обеспечить расширенное воспроизводство ряда ключевых технологий современного и нового технологических укладов. Но время, в течение которого можно решить эти задачи, неумолимо сжимается. Необратимо упущены возможности встраивания в ядро пятого технологического уклада, имевшиеся предпосылки которого не были использованы. Возможности своевременного формирования ключевых направлений развития шестого технологического уклада сужаются по мере его структурирования в масштабах мировой экономики и соответствующей страновой специализации.

Глава 9
Причины глобального экономического кризиса

Развернувшийся на наших глазах глобальный экономический кризис стал неожиданностью для адептов неоклассической теории, уверовавших в возможность бескризисного развития рыночной экономики после длительного периода устойчивого экономического роста. Почти два десятилетия экономика развитых стран стабильно росла с темпом 2–3% в год, несмотря на случившийся в начале десятилетия так называемый азиатский финансовый кризис. Экономика развивающихся стран росла на 5–6% в год, и даже страны с переходной экономикой вышли в начале века на высокие темпы прироста ВВП — около 7% в год. Либералы обрели уверенность в правильности проводимой ими политики дерегулирования рынков, начав демонтаж последних институтов государственного регулирования в финансовом секторе, сохранившихся в США со времен Нового курса Рузвельта и послевоенного восстановления экономики.

В результате многочисленных исследований процессов долгосрочного экономического развития можно считать установленными следующие его закономерности:

- неравномерность, выражающаяся в чередовании длинных волн экономической конъюнктуры;
- обусловленность периодически возникающих структурных кризисов мировой экономики глубокими технологическими сдвигами, карди-

нально изменяющими ее структуру, состав и соотношение факторов экономического роста;

• неравновесность процессов технико-экономического развития, проявляющаяся в циклах замещения доминирующих технологических укладов, жизненный цикл каждого из которых имеет внутреннюю логику и объективные ограничения;

• нелинейность траекторий развития, распространения и замещения технологий;

• неопределенность и альтернативность технологических траекторий в начале жизненного цикла технологического уклада с последующим снижением конкуренции, концентрацией производства и формированием глобальных монополий по мере его роста;

• наличие разрывов в технологических траекториях в связи с процессами замещения технологических укладов, возможности преодоления которых зависят от состояния институтов инновационной и инвестиционной системы.

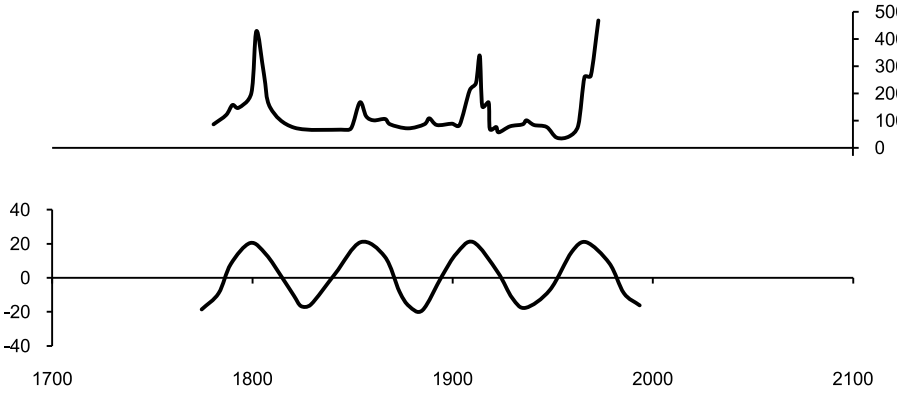

Рис. 1. Отклонение от тренда энергопотребления (внизу) и индекс цен (вверху).

Источник: Глазьев С.Ю. Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике. Доклад. — М.: Национальный институт развития, 2008.

Наблюдаемый сегодня глобальный кризис вписывается в общую картину смены длинных волн экономической конъюнктуры и замещения составляющих их основу технологических укладов. Резкий рост и последующее, еще более резкое падение фондовых индексов и цен на энергоносители является характерным признаком структурного кризиса, опосредующего замещение технологических укладов. Как видно из рисунка, этот процесс периодически повторяется уже пятый раз в истории современного экономического роста (рис. 1).

Всплеск цен на доминирующие энергоносители составляет важнейший элемент механизма замещения технологических укладов. Он приводит к резкому удорожанию издержек производства и потребления сложившихся

производств и соответственно падению спроса на их продукцию. Происходящее при этом падение рентабельности производственной сферы влечет снижение инвестиций в развитие производства и концентрацию капитала в финансовом секторе. Это создает благоприятные условия для появления финансовых пузырей, коллапс которых воспринимается как финансовый кризис. Последний сопровождается обесценением капитала, заставляя его искать новые сферы приложения, центром притяжения которого становятся нововведения нового технологического уклада. «Шторм нововведений» прокладывает дорогу его формированию — подъем инновационной активности вовлекает свободный капитал в новую длинную волну экономического роста на основе расширения соответствующего технологического уклада. Исторический опыт и теория экономического развития свидетельствуют, что кризисы, подобные нынешнему, происходят периодически с интервалом 40–50 лет и сопровождаются образованием и коллапсом финансовых пузырей, им предшествует взлет цен на энергоносители, а выход из них связан со штормом нововведений, прокладывающих дорогу становлению нового технологического уклада. На рисунке 2 приводится график столетних наблюдений индекса американского фондового рынка, данные которого выражены специальной математической моделью. На нем хорошо видны периодически происходящие «вздутия» финансового рынка по отношению к вековому тренду.

Рис. 2. Модель динамики индекса Доу-Джонса в постоянных ценах

Источник: Андрукович П.Ф. Долгосрочная и среднесрочная динамика индекса Доу-Джонса // Проблемы прогнозирования. — 2005. — № 2.

Отличительной особенностью нынешнего кризиса является исключительно большой размах финансовых флуктуаций, подпитываемых глобальными финансовыми пирамидами долговых обязательств эмиссионных центров мировых валют. Вхождение этих пирамид (прежде всего казначейских обязательств США и забалансовых деривативов американ-

ских финансовых институтов) в фазу саморазрушения сопряжено с исчерпанием возможностей экономического роста на основе существующего технологического уклада. В условиях синхронизации структурного и финансового кризисов борьба с последним при игнорировании первого обречена на провал, так как сама по себе не открывает новых возможностей экономического роста. Ниже излагаются основные причины и прогнозные сценарии дальнейшего развертывания глобального экономического кризиса.

9.1. Обрушение лавины деривативов

Наиболее заметной причиной глобального кризиса, лежащей на поверхности экономических явлений, является лавинообразное расширение теневого сектора производных финансовых операций (деривативов), не учитываемых в балансах финансовых институтов и не регулируемых государством, повлекшее системную недооценку финансовых рисков, образование гигантских финансовых пузырей и их последующий коллапс.

С конца прошлого века после краха фондового рынка компаний «новой» экономики и отмены ограничений на спекулятивные операции инвестиционных банков ФРС США запустила фондовую пирамиду ипотечного рынка. В начале 2000-х цены на недвижимость в США росли на 10% в год — благодаря тому что в конце 1990-х в стране были изменены правила выдачи ипотечных кредитов. В Америке стали появляться первые так называемые теневые банки — ипотечные брокеры. В отличие от обычных банков и агентств недвижимости эти организации никем не регулировались. Именно они особенно активно выдавали кредиты на покупку домов новым клиентам, что требовало строительства жилья. При этом, поскольку теневые банки не имели вкладчиков со счетами, они должны были занимать средства на рынке. Деньги для этого в безграничном масштабе эмитировала ФРС. Объем кредитных средств, которые американские домохозяйства могли получить, заложив недвижимость на рынке, вырос с 627 млрд долларов в 2001 году до 1,4 трлн в 2005-м. Всего за шесть лет американцы получили около пяти триллионов долларов, которые были потрачены на потребление, и спровоцировали рост спроса по всему миру [61]. Но любой финансовой пирамиде рано или поздно приходит конец, который стал предвестником глобального финансового кризиса.

Фондовая пирамида ипотечного рынка была лишь одной из составляющих спекулятивного бума на глобальном финансовом рынке, безграничные возможности для расширения которого открылись после актов о

его дерегулировании и изобретения так называемых деривативов — производных ценных бумаг. Последние эмитировались инвестиционными банками без каких-либо ограничений и широко использовались финансовыми спекулянтами как надежные ценные бумаги, хотя их рискованность не могла быть точно определена. В результате была выстроена многоэтажная пирамида деривативов, которые размещались на забалансовых счетах американских банков. По данным BIS (Bank for International Settlements), объем рынка деривативов в мире за последние 10 лет наблюдений рос по экспоненте, увеличившись почти в 10 раз — с 72 134 млрд долларов в июне 1998 года до 683 725 млрд долларов в июне 2008 года (рис. 5). В результате стоимость всех деривативов стала на порядок больше совокупного объема денежной массы всех стран мира и в 47 раз больше экономики США[1]. Львиная доля этих активов размещалась в крупнейших инвестиционных банках. К примеру, только один из них — Goldman Sachs — выпустил таких деривативов на триллионы долларов.

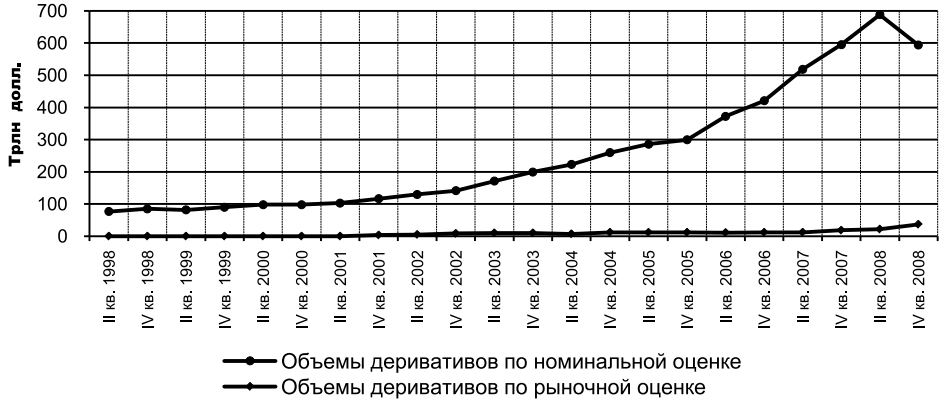

Рис. 3. Объемы непогашенных деривативов на внебиржевом рынке по номинальной и рыночной оценке, трлн долл.

Источник: Петров Ю. Глобальный кризис и кризис экономики России: причины, последствия, предложения по изменению социально-экономической политики // Российский экономический интернет-журнал. — 2009.

Либеральные экономисты верили в возможности безграничного роста, так как в основе растущих финансовых пирамид были столпы финансовой системы США, все крупнейшие инвестиционные и коммерческие универсальные банки. Но, как стало ясно впоследствии, пишет Д. Митяев, финансовая система США лишь на 5–7% является классической платежной и кредитной системой (порядка 30–45 трлн долл.), остальные 93–95% этой системы составляют не отраженные на балансах деривативы общим

[1] *Ефремов В.С., Земляков Д.Н., Князев В.Н.* Глобальный экономический кризис как вызов состоятельности вузов. Научный доклад. — М.: ГУУ. — 2009. — С. 11.

объемом около квадриллиона долларов (к примеру, на начало 2009 года сумма баланса «Дж. П. Морган» составила около 2,5 трлн долл., тогда как внебалансовые инструменты — более 97 трлн долл., у «Голдман Сакса» баланс порядка 1,5 трлн долл., за балансом — более 50 трлн долл.). Реальный размер взятых на себя основными финансовыми институтами обязательств на два порядка превосходит величину их капитала. Их рефинансирование или национализация в таких масштабах — прямой путь к гиперинфляции и краху долларовой финансовой системы [68].

Неудивительно, что крах гигантских финансовых пирамид повлек резкое падение фондового рынка и многократное сжатие рыночной капитализации представленных на нем компаний.

Рисунок 4 отражает степень сжатия рыночной капитализации крупнейших американских компаний в разных отраслях экономики после коллапса соответствующих финансовых пузырей.

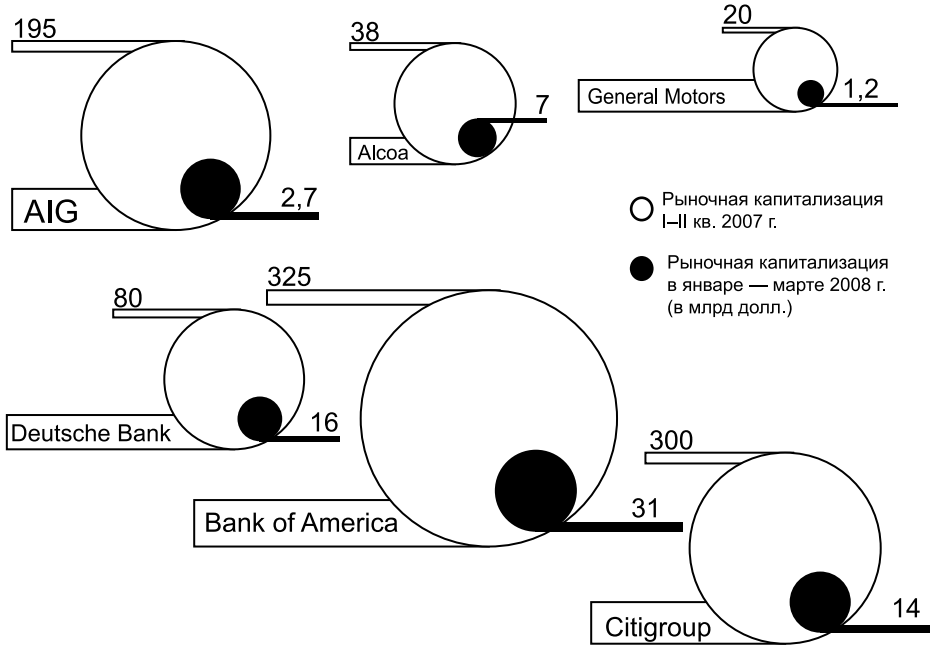

Рис. 4. Кризис как фактор катастрофического снижения рыночной капитализации банков и компаний.

Источник: Ершов М. Ферзь идет ва-банк // Эксперт. — 2009. — № 16.

Следует заметить, что глобальный финансовый кризис, повергший в шок либеральных рыночных фундаменталистов, не был неожиданностью для ученых и специалистов, работающих в парадигме реальной экономики. Так, задолго до кризиса об опасности финансовых пирамид деривативов писал в своих многочисленных статьях Л. Ларуш. В течение более

чем десятилетия он пытался обратить внимание политической и деловой элиты США и других стран на растущее расхождение между объемами капитализации финансового рынка и ВВП. Так называемая «кривая Ларуша», отражающая это расхождение, многократно приводилась им в различных публикациях издаваемого им журнала EIR с самого начала десятилетия финансовых пирамид (рис. 5).

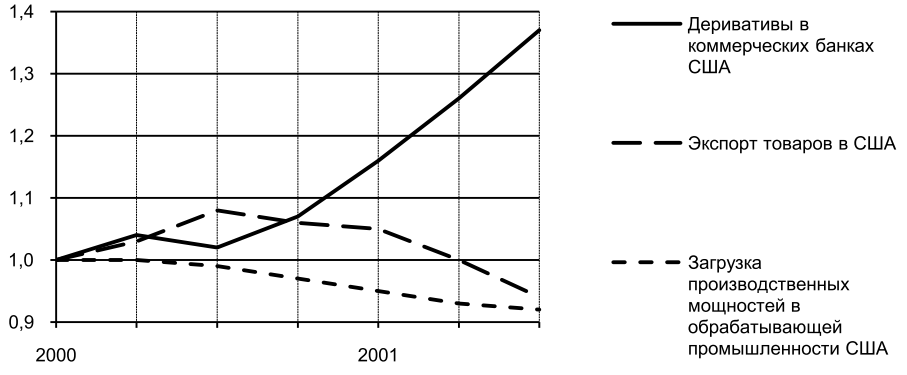

Рис. 5. Рост деривативов при падении производства.

Источник: Freeman R., Hoefle J. 2001: The U.S. Economy's Bad Year Points to Worse Ahead // EIR/. — 2002. — Vol. 29. — № 4.

К сожалению, предостережения этого известного американского экономиста и политика были проигнорированы, а сам он подвергся преследованиям по нелепым обвинениям в уклонении от уплаты налогов. Апологеты американской финансовой олигархии сделали все возможное для его дискредитации и замалчивания его работ. Вместо того чтобы восстановить сбалансированность финансового и реального секторов экономики, американские денежные власти стимулировали расширение рынка деривативов.

Ключевую роль в этом сыграли известные апологеты доктрины рыночного фундаментализма, продолжающие и сегодня определять экономическую политику Вашингтона. Так, назначенный главой Национального экономического совета президента США Барака Обамы Лоуренс Самерс, бывший секретарь казначейства США, сыграл решающую роль в проталкивании отмены закона Гласса-Стигала 1933 года, который сдерживал банковскую систему от втягивания в спекулятивные злоупотребления и образования финансовых пузырей [93].

Закон Гласса-Стигала (далее — ГС), принятый 27 февраля 1932 года в форме внесения временной поправки в Раздел 16 Закона о ФРС, разграничил инвестиционную деятельность и традиционные (депозитно-ссудные) операции коммерческих банков. В соответствии с этим законом банкам,

осуществляющим операции с ценными бумагами, было запрещено заниматься их размещением (андеррайтингом). Тем самым банки были разделены на коммерческие и инвестиционные. Сделано это было с целью защиты корпоративных клиентов после того, как спекуляции банкиров в 1920-х годах привели к обвалу фондового рынка, перешедшему в Великую депрессию 1930-х годов. Тем же законом была создана Федеральная корпорация страхования депозитов, усилены контрольные функции ФРС в отношении банков, включая право ФРС регулировать предельные ставки процента по банковским сберегательным депозитам.

До принятия этого закона банки инвестировали свои активы в ценные бумаги с последующим риском для коммерческих и сберегательных вкладчиков в случае биржевого краха. Недоброкачественные займы выдавались банками для того, чтобы искусственно поддерживать цены на некоторые ценные бумаги или финансовые позиции компаний, в которые банк инвестировал свои собственные активы. Банки, предоставляя инвестиционно-банковские услуги, создавали конфликт интересов. После отмены ограничений Гласса-Стигала банки, предлагавшие секьюритизацию ипотечных обязательств через принадлежащие им компании, создаваемые с целью выведения риска «из банковской отчетности», фактически стали заниматься финансовым мошенничеством.

Американский экономист Дж. К. Гэлбрэйт, расследуя причину Биржевого краха 1929 года, отмечал: «Законодательная история закона Гласса-Стигала» свидетельствует о том, что Конгресс…. неоднократно фокусировался на более тонких опасностях, которые возникают, когда коммерческий банк выходит за рамки бизнеса, действуя в качестве попечителя или управляющего, и вступает в инвестиционный банковский бизнес либо непосредственно, либо путем создания филиалов, чтобы держать и продавать частные инвестиции». Гэлбрейт писал: «В течение 1929 года один инвестиционный дом Goldman Sachs & Company организовал и продал почти на миллиард долларов ценных бумаг в трех взаимосвязанных инвестиционных трастах: Goldman Sachs Trading Corporation, Shenandoah Corporation и Blue Ridge Corporation. Все они в конечном итоге обесценились до нуля» [82].

Закон ГС запретил банкам заниматься спекулятивным страхованием ценных бумаг и андеррайтингом (т.е. гарантировать их размещение среди инвесторов). В соответствии с этим законом цена бумаг не могла произвольно декларироваться эмитентом или поддерживающим его банком, а определялась на бирже в ходе торгов (их первичного размещения), что лишало банки возможности «надувать пузыри». Закон ГС сыграл важную роль в перетоке капитала из спекулятивного в реальный сектор экономики США, что способствовало ее выходу из кризиса 1929–1932 годов. В дальнейшем тенденция перетока капитала в сферу производства

укрепилась. В послевоенные годы в США доля прибыли, заработанная реальным и финансовым секторами, соотносилась как 9:1. Но в результате либерализации финансового сектора к концу прошлого века данное соотношение вернулось к равенству 1:1. Закон ГС был отменен 12 ноября 1999 года.

Крупные банки, возглавляемые влиятельными рокфеллеровскими Chase Manhattan Bank и Sanford Weill's Citicorp, потратили свыше 10 миллиардов долларов, лоббируя этот законопроект (Гремма — Лича — Блайли) и проводя кампанию пожертвований влиятельным конгрессменам, чтобы добиться дерегулирования ограничений на банковское и фондовое страхование эпохи Великой депрессии.

Как пишет С.А. Толкачев, фактически произошел слом системы «рузвельтовского консенсуса», когда власть правящей финансовой элиты была ограничена ради сохранения социальной стабильности и подъема экономики. Мотивы этой финансовой революции были изложены еще в книге 1973 года Джона Д. Рокфеллера III, в которой он заявил о намерении отказаться от уступок, неохотно предоставленных финансовой олигархией во время Великой депрессии. Программой Рокфеллера была предусмотрена приватизация важных и общественно полезных функций правительства, которые были созданы в эпоху Великой депрессии. Он призывал к «продуманной, последовательной долгосрочной политике децентрализации и приватизации многих государственных функций» в целях усиления власти финансовой олигархии. Самым активным рупором этой политики стал А. Гринспен, который руководил ФРС с 1987 года в течение 18 лет [93].

В том же 1999 году Ларри Саммерс с сенатором Филом Граммом провели Закон о модернизации финансовых услуг, согласно которому коммерческие банки, брокерские фирмы, хеджевые фонды, институциональные инвесторы, пенсионные фонды и страховые компании могли свободно вкладывать средства в другой бизнес, а также полностью интегрировать свои финансовые операции. В 2000 году тот же Саммерс инициировал Закон о модернизации товарных фьючерсов, который санкционировал производные финансовые инструменты — те самые деривативы, торговля которыми за балансами финансовых институтов без государственного надзора и «вне биржи» породила спекулятивный рост цен на сырьевые товары, включая нефть и продукты питания. Порождением этого закона стали также кредитно-дефолтные свопы, составляющие основу нынешней финансовой пирамиды деривативов, крах которых спровоцировал мировой финансовый кризис.

Очарованию бурно растущих финансовых пузырей поддались не только бизнесмены и политики, соблазнившиеся идеей быстрого обогащения за счет безграничной эмиссии виртуальных обязательств, обеспеченных лишь беспечными ожиданиями спекулянтов. Потеряла здравый смысл и значи-

тельная часть научного сообщества. Во всяком случае в 1997 году Нобелевская премия по экономике была присуждена Р. Мертону и М. Скоузу как раз за теоретическое обоснование стоимости деривативов. Псевдонаучной апологетике интересов финансовых спекулянтов комитетом по присуждению нобелевских премий была придана требуемая респектабельность.

После совершенной реформы по дерегулированию финансового сектора коммерческие банки превратились в высокорискованных инвесторов, которые торговали финансовыми инструментами вроде деривативов ценных бумаг, обеспеченных ипотечными ссудами. ФРС снабжала их деньгами почти бесплатно, постоянно снижая ставку рефинансирования и обеспечивая подключение все новых заемщиков к авантюрам на рынке ипотечного кредитования. Финансовые компании получили на рубеже XX и XXI веков право предлагать своим клиентам не только банковские услуги, но и страхование их активов (акций и облигаций). Хотя за ФРС закреплялись полномочия по контролю над новыми финансовыми услугами холдинговых компаний и обращением ценных бумаг, в условиях бурного распространения новых информационных технологий глобальной игры на фондовом рынке этого контроля обеспечить не удалось.

Быстрое распространение информационных технологий в финансово-кредитной и банковской сфере привело к созданию новых электронных платежных средств, оборот которых контролировать со стороны государства стало еще сложнее. Более того, вследствие дерегулирования финансовой системы стоимостная (долларовая) масса таких платежных средств могла нарастать независимо от усилий ФРС. Используя информационно-коммуникационные технологии, американские инвесторы увлеклись финансовыми спекуляциями в ущерб инвестициям в реальный сектор экономики и занялись «надуванием пузырей» из суррогатов ценных бумаг. Эти финансовые пузыри выросли до колоссальных масштабов благодаря возможности ФРС США генерировать бесконечную эмиссию мировых денег.

9.2. Саморазрушение долларовой финансовой пирамиды

В самой возможности бесконтрольной эмиссии мировой валюты кроется фундаментальная причина глобального финансового кризиса. С 1971 года, отказавшись от выполнения своих международных обязательств по обмену долларов на золото, финансовые власти США навязали всему несоциалистическому миру использование своей валюты в качестве мировой. При этом ее эмиссия осуществляется не государством, а акционерным обществом влиятельных банков, которые еще в начале прошлого века навязали американскому государству свою частную монополию на эмиссию доллара, закрепленную законом о Федеральной резервной системе (ФРС).

Механизм эмиссии долговых обязательств США, по сути, является разновидностью финансовой пирамиды. При составлении проекта бюджета денежные власти США определяют объем денег, необходимых для покрытия его дефицита, включая погашение ранее взятых долговых обязательств. На эту сумму казначейством выпускается соответствующее количество государственных облигаций, а ФРС одновременно эмитируется такое же количество денег для их приобретения на рынке. Коммерческие банки под залог этих обязательств получают эмитируемые ФРС деньги под минимальный процент.

Ключевым элементом этого механизма печатания долларов является процедура рефинансирования коммерческих банков под залог государственных ценных бумаг, которая и формирует основной канал денежной эмиссии. Таким образом, ФРС эмитирует деньги в целях финансирования государственного долга США. По этой технологии выпущена в обращение подавляющая часть долларовой массы. Сегодня ее обеспеченность золотовалютными резервами не превышает 4%. Более 90% находящихся в обращении долларов эмитированы для обслуживания долговых обязательств казначейства США и фактически ничем не обеспечены (рис. 8).

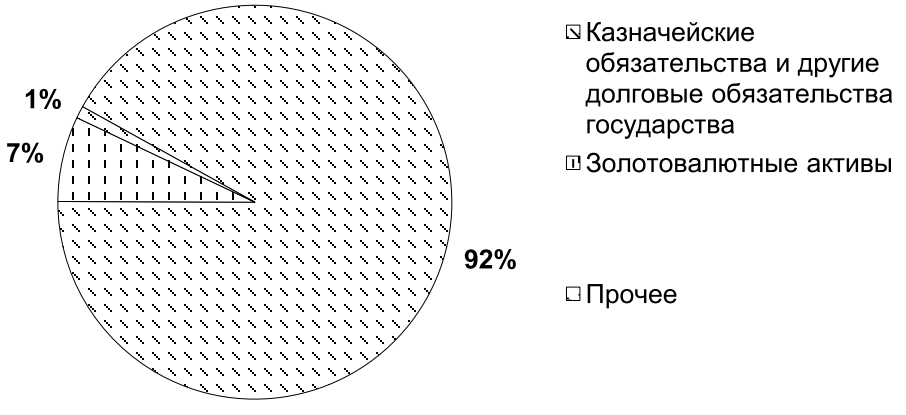

Рис. 6. Формирование денежной базы центральным банком США, март 2008 г.
Источник: Ершов М.В. Финансовые механизмы экономического роста. Доклад. — М.; ГУУ, 2009.

Соблазн бесконечной эмиссии все новых и все более оторванных от реального обеспечения производных ценных бумаг подкреплялся верой спекулянтов в неограниченную емкость этого финансового рынка, основанной на тесной связи наиболее крупных эмитентов деривативов с эмитентом долларов — ФРС США. Последняя всегда поддерживала своих акционеров неограниченным рефинансированием в качестве кредитора последней инстанции, что давало банкам Уолл-стрита ощущение полной

гарантированности всех своих обязательств, в том числе по бесконтрольно эмитировавшимся и нерегулируемым инструментам. Поскольку они не учитывались в банковских балансах, их общий объем был скрыт от финансовых регуляторов и проявился только с наступлением финансового кризиса, когда столкнувшиеся с многократным обесценением активов инвестиционные банки обратились за кредитами к ФРС. Как показано в исследовании Н. Старикова[1], последняя повела себя избирательно, выдавая безграничные кредиты «своим» банкам и отказывая в поддержке остальным. На этом основании ряд известных экспертов и политиков обвиняют контролирующую ФРС олигархию в искусственном создании кризиса путем намеренного наращивания и последующего резкого сжатия кредитной эмиссии с целью крупномасштабного перераспределения национального и мирового богатства в свою пользу.

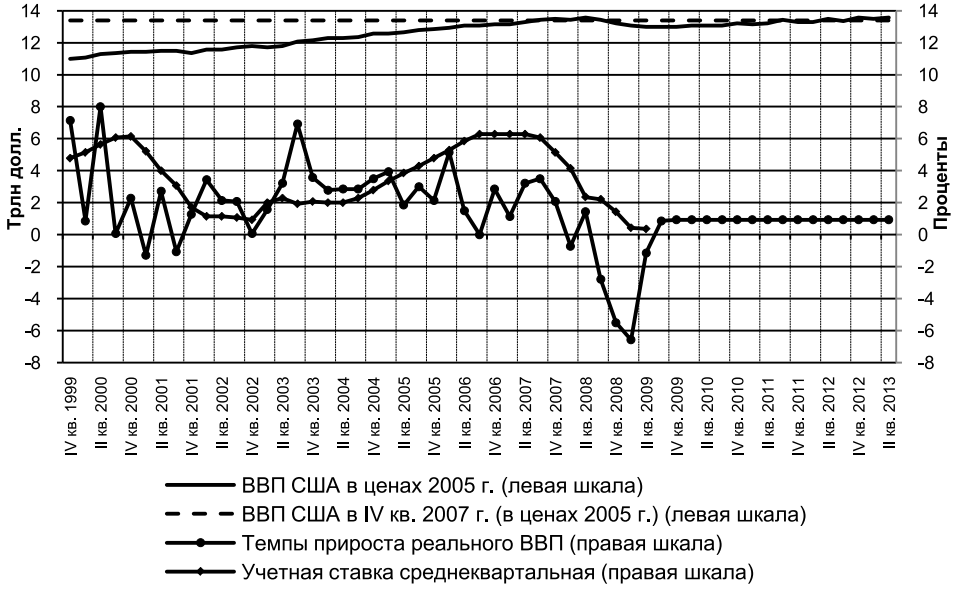
Следует вспомнить, что до 1913 года в течение полутора веков американское государство самостоятельно выполняло функции выпуска долларов. Поводом для отказа от этих функций и передачи их в ведение частной организации стал финансовый кризис, постигший Соединенные штаты в 1907 году. Н. Стариков показывает, что этот кризис был сознательно спланирован группой лиц из высшего руководства и финансовой элиты США, которые впоследствии и стали создателями Федеральной резервной системы. Согласно данной точке зрения, механизм этого, также как и последующих, финансового кризиса, заключается в искусственном чередовании периодов наращивания и сжатия кредитной эмиссии. Достигается это посредством манипулирования ставкой рефинансирования, определяющей цену денег для заимствований коммерческих банков у ФРС. Снижение ставки рефинансирования стимулирует рост финансовых конгломератов, а ее последующее резкое повышение влечет банкротство наименее устойчивых из них и поглощение накопленных ими активов связанными с ФРС структурами.

После 1971 года, когда власти США отказались от гарантированного ими же обмена доллара на золото, могущество ФРС возросло до глобальных масштабов. Анализируя действия ФРС в условиях нынешнего кризиса по поддержке одних частных финансовых институтов и провоцированию банкротства других, Н. Стариков делает вывод о рукотворной природе нынешнего финансового кризиса, обвиняя ФРС в его сознательной организации путем резкого повышения ставки рефинансирования после длительного периода дешевых денег.

О связи нынешнего финансового кризиса с политикой ФРС пишут и другие исследователи, доказывающие, что главными виновниками современного глобального кризиса являются регулирующие органы США, не только смотревшие сквозь пальцы на надувание пузырей на рынках дери-

[1] *Стариков Н.В.* Кризис: Как это делается. — СПб.: Питер, 2009.

вативов и недвижимости, но и несколько лет активно накачивавшие экономику ликвидностью для противодействия рецессии, которая могла наступить еще в 2000 году после локального кризиса на отдельных сегментах финансового рынка [71]. В подтверждение этого тезиса Ю.А. Петров приводит динамику учетной ставки ФРС в сравнении с изменениями объема американского ВВП в ценах 2005 года и темпов его прироста[1] (рис. 7).

* Это означает, что фактические квартальные темпы роста ВВП возводятся в четвертую степень.

Рис. 7. Физический объем ВВП США и темпы его прироста по кварталам (в годовом выражении; с устранением сезонности); среднеквартальная учетная ставка.

Источник: Петров Ю. Глобальный кризис и кризис экономики России: причины, последствия, предложения по изменению социально-экономической политики // Российский экономический интернет-журнал. — 2009.

Вместе с тем не следует приписывать ФРС магические свойства создавать и преодолевать кризисы. Если искусственное сжатие денежной эмиссии действительно может спровоцировать кризис, то последующая денежная накачка сама по себе не может перевести экономику из состояния депрессии в состояние устойчивого роста. Попытки остановить кризис путем бесконечного расширения кредита создают лишь новую инсти-

[1] *Петров Ю.* Глобальный кризис и кризис экономики России: причины, последствия, предложения по изменению социально-экономической политики // Российский экономический интернет-журнал. — 2009.

туциональную ловушку «отложенной рецессии». Как только государство сворачивает чрезвычайные программы господдержки, возникает новая волна рецессии. Это депрессивное состояние будет продолжаться до тех пор, пока экономика не выйдет на новые технологические траектории развития и не сформируются механизмы их расширенного воспроизводства.

Вместе с тем не следует забывать, что в рамках существующей архитектуры глобальной финансовой системы ФРС США обладает неограниченной денежной властью, существенным образом влияющей на состояние мировой экономики и траектории ее выхода из кризиса. Как справедливо указывает С.А. Толкачев, будучи эмитентом мировой резервной валюты, ФРС извлекает глобальный «сеньораж», который складывается из приращения номинальной стоимости (общего объема) выпущенных банкнот, плюс проценты по активам, купленным правительством на доходы от эмиссии, минус расходы на нее. Фактически только эмитент резервной валюты, опирающийся на доверие и ресурсы участников своей платежной системы, может располагать капиталом (длинными деньгами), достаточным для реального контроля над инвестиционным, банковским и страховым бизнесом, и выгодно делать ставки на венчурное финансирование сферы высоких технологий. При этом в обмен на эмитируемые ФРС доллары организаторы этой финансовой пирамиды получают золото, обеспеченную валюту других стран и иные реальные ресурсы всего мира [93].

Неразрешимое противоречие заключается в том, что ФРС, играя ключевую роль в раздувании финансовых пузырей, коллапс которых стал спусковым крючком нынешнего глобального кризиса, не может ограничить свою эмиссионную политику в ущерб своим акционерам — крупнейшим американским банкам. А без этого невозможно устранить образовавшиеся финансовые диспропорции, питающие кризис. До последнего времени это имманентное американской финансовой системе противоречие разрешалось за счет выкачивания капитала и ресурсов из других стран. К настоящему времени эти ресурсы близки к исчерпанию, так же как и терпение политических элит стран — доноров США. Единственным способом разрешения указанного противоречия становится крах сложившейся глобальной финансовой системы.

Возможно, эмиссия долларов, государственных обязательств США и деривативов могла бы вестись тесно связанными друг с другом строителями этой финансовой пирамиды еще длительное время, если бы не объективная ограниченность емкости мирового финансового рынка, спрос на котором зависит от возможностей конечных заемщиков возвращать кредиты. До определенных пределов неплатежеспособность отдельных заемщиков нейтрализуется их рефинансированием и списанием безнадежных долгов. Однако экономический кризис проявился в падении конечного спроса и резком снижении доходности почти всех отраслей ре-

ального сектора экономики, что повлекло неплатежеспособность многих крупных предприятий. В этом проявилась глубинная причина глобального экономического кризиса как структурного, обусловленного замещением доминирующих технологических укладов.

Как следует из охарактеризованных выше закономерностей долгосрочного технико-экономического развития, происходившее в текущее десятилетие резкое повышение цен на нефть с одновременным нарастанием финансовых спекуляций и появлением финансовых пузырей при стагнации производственной сферы в ведущих странах мира представляет собой типичную картину вызревания структурного кризиса в заключительной фазе жизненного цикла достигшего фазы зрелости доминирующего технологического уклада. Происходивший в течение семи лет быстрый рост цен на нефть, газ и электроэнергию повлек изменение структуры цен, нарушившее сложившиеся воспроизводственные процессы и стереотипы потребления. Производства, основанные на традиционных технологиях, столкнулись с падением рентабельности и сужением рынков сбыта. Вследствие этого промышленный капитал, сконцентрированный в традиционных отраслях, обесценивался и терял способность к воспроизводству. Одновременно происходил переток капитала, высвобождавшегося из технологических совокупностей устаревающего технологического уклада, в финансовый сектор. Информационная революция в финансовой сфере и устранение указанных выше правовых ограничений на проведение спекулятивных операций стимулировали этот процесс путем создания возможностей бесконечного наращивания спекулятивных операций в форме виртуальных сделок по поводу будущих обязательств и прав, начиная с нефтяных контрактов. Последнее сыграло решающую роль как в формировании невиданных по своим масштабам финансовых пузырей, так и в синхронизации их роста с повышением цен на нефть. Эта синхронизация проявилась и в последующем одновременном крахе глобального финансового пузыря и падении цен на нефть, которые создали резонанс, акцентировавший финансовую составляющую мирового структурного кризиса.

При всем разнообразии и глубине проявлений нынешнего глобального кризиса, который некоторые ученые и политики называют системным, выход из него предполагает становление нового технологического уклада. Его расширение создаст материальную основу для новой длинной волны экономического роста и обеспечит технологическое обновление оставшегося после обесценения производственного капитала, вдохнет новую жизнь в останавливающиеся производства за счет их модернизации и расширения возможностей развития.

В процессе замещения технологических укладов отстающие страны получают преимущество — не будучи обременены чрезмерным пере-

накоплением капитала в рамках устаревшего технологического уклада, при формировании воспроизводственного контура нового они могут ориентироваться на уже накопленный инвестиционно-технологический опыт развитых стран, оптимизируя состав создаваемых технологических цепочек.

Замещение технологических укладов требует, как правило, соответствующих изменений в социальных и институциональных системах, способствующих массовому внедрению технологий нового уклада, соответствующих ему типа потребления и образа жизни. Затем начинается фаза быстрого расширения нового технологического уклада, который становится основой экономического роста и занимает доминирующее положение в структуре экономики. В фазе роста нового уклада большинство технологических цепей перестраиваются в соответствии с его потребностями. В это же время зарождается следующий, новейший технологический уклад, который пребывает в эмбриональной фазе до достижения доминирующим укладом пределов роста, после чего начинается очередная технологическая революция. При этом создается новый вид инфраструктуры, преодолевающий ограничения предыдущего, а также осуществляется переход на новые виды энергоносителей, которые закладывают базу для становления следующего технологического уклада.

Глава 10
Перспективы дальнейшего развертывания глобального кризиса

Как и прогнозировали ученые, занимающиеся теорией долгосрочного экономического развития, глобальный финансовый кризис перерос в крупномасштабную рецессию, сменяющуюся длительной депрессией. Низкая эффективность антикризисной политики в странах ядра мировой финансовой системы связана с недооценкой структурной составляющей глобального кризиса, которая, как было показано выше, определяется сменой технологических укладов и соответствующих им длинных («кондратьевских») волн экономического роста.

После обвального падения финансовых рынков, объемов производства, инвестиций и внешней торговли в 2008–2009 годах во всех ведущих странах и регионах мира происходит восстановление экономической активности. Это позволяет многим обозревателям делать вывод о выходе из кризиса в фазу оживления и роста экономики. Однако продолжают действовать охарактеризованные в предыдущей главе основные причи-

ны глобального кризиса. Вопреки призывам к реформированию мировой финансовой системы, ее архитектура остается неизменной. Соответственно сохраняются и охарактеризованные выше дисбалансы, чреватые новыми волнами финансового кризиса. Вместе с тем энергичные усилия ведущих стран мира по стимулированию инновационной и инвестиционной активности в ключевых направлениях роста нового технологического уклада создают условия для выхода из кризиса на новую длинную волну экономического роста.

Период смены доминирующих технологических укладов проявляется на поверхности экономических явлений как глубокая депрессия, которая характеризуется турбулентностью экономической конъюнктуры. Краткосрочные всплески экономической активности сменяются спадами, которые воспринимаются наблюдателями как новые волны кризиса. Эти флуктуации будут продолжаться до тех пор, пока новый технологический уклад не наберет достаточный вес в структуре экономики, чтобы обеспечить ее устойчивый рост. В краткосрочной перспективе остается неясным, как сложится сочетание новых факторов роста и инерции сложившихся диспропорций в развитых странах. Эта неясность предопределяет сохранение угроз саморазрушения существующей мировой финансовой системы. Вместе с тем Китай и Индия, опирающиеся на свои национальные самодостаточные финансово-инвестиционные системы продолжают демонстрировать устойчивый рост и имеют хорошие шансы на опережающее развитие в процессе смены доминирующих технологических укладов. Шансы России при этом остаются неопределенными вследствие как чрезмерной зависимости от мирового финансового рынка, так и бессистемной антикризисной политики, лишенной стратегии развития.

10.1. В поисках дна

Положительные темпы роста макроэкономических показателей, наблюдаемые в 2010 году в ведущих странах и во всех регионах мира, породили многочисленнее суждения о достижении дна в кризисном падении экономической активности. При этом рост промышленного производства оказался особенно высок в странах, где наблюдался наиболее глубокий спад, что свидетельствует о восстановительном характере роста. Об этом же говорит подъем фондовых индексов и макроэкономическая стабилизация (табл. 2).

После чудовищного провала в 2008–2009 годах в 2010 году темпы прироста ВВП России и других государств СНГ (табл. 3, рис. 1) выравниваются со среднемировыми (рис. 2).

Таблица 2

Основные макроэкономические показатели ведущих стран мира в 2008–2010

	2008	2009	2010		2010		
			II	III	июль	ав-густ	сен-тябрь
Динамика ВВП,% к соответствующему периоду предыдущего года							
США	0,0	-2,6	3,0	3,1	4,2	3,2	...
ЕС-27	0,4	-4,2	2,0	...	...	...	...
Великобритания	-0,1	-5,0	1,7	2,7	...	...	...
Германия	0,7	-4,7	3,7	...	...	...	...
Франция	0,1	-2,5	1,7	...	...	...	...
Япония	-1,2	-5,2	1,9	...	...	...	...
Бразилия	5,1	-0,2	8,8	...	...	...	...
Россия	4,0	-6,0	4,4	...	3,1	2,2	1,9
Индия	6,4	5,7	8,7	...	...	...	...
Динамика промышленного производства,% к соответствующему периоду предыдущего года							
США	-3,3	-9,3	7,3	6,5	7,5	6,4	5,4
ЕС-27	-1,8	-13,8	8,1	...	7,0	7,7	...
Великобритания	-3,1	-10,1	2,3	3,7	2,4	4,5	4,2
Германия	0,0	-16,4	12,8	10,4	11,5	11,6	8,2
Франция	-2,8	-12,3	7,4	...	5,7	3,5	...
Япония	-3,2	-21,2	20,3	12,7	15,4	13,4	9,3
Бразилия	2,7	-7,2	14,4	7,2	9,4	7,2	5,1
Россия	0,5	-9,2	10,9	6,4	6,6	6,9	5,7
Индия	4,4	6,7	10,8	...	15,1	5,6	...
Китай	12,6	11,4	15,7	13,7	13,6	14,1	13,3
Индекс потребительских цен,% к соответствующему периоду предыдущего года							
США	3,8	-0,3	1,8	1,2	1,2	1,2	1,2
ЕС-27	3,7	1,0	2,0	2,1	2,1	2,0	2,2
Великобритания	3,6	2,2	3,4	3,1	3,1	3,1	3,0
Германия	2,8	0,2	1,0	1,2	1,2	1,0	1,3
Япония	1,4	-1,4	-0,9	-0,8	-0,9	-0,9	-0,6
Бразилия	5,7	4,9	5,1	4,6	4,6	4,5	4,7
Россия	14,1	11,6	5,9	6,2	5,5	6,1	7,0
Индия	8,4	10,9	13,6	10,3	11,3	9,9	9,8
Китай	5,9	-0,7	2,8	3,5	3,3	3,5	3,6
Уровень безработицы,%							
США	5,8	9,3	9,7	9,6	9,5	9,6	9,6
ЕС-27	7,0	8,9	9,6	9,6	9,6	9,6	9,6
Великобритания	5,6	7,6	7,8	7,6	7,7	7,6	7,6
Германия	7,3	7,5	6,9	6,8	6,8	6,8	6,7
Франция	7,8	9,5	9,9	10,0	9,9	10,0	10,0
Япония	4,0	5,1	5,2	5,1	5,2	5,1	5,0

	2008	2009	2010		2010		
			II	III	июль	ав-густ	сен-тябрь
Бразилия	7,9	8,1	7,3	6,6	6,9	6,7	6,2
Россия	6,4	8,4	7,3	7,5	7,4	7,5	7,4
Китай	4,1	4,3	4,2	...	...	...	...
Фондовые индексы, (на конец периода), пункты							
США (S&P 500)	903	1115	1031	1141	1102	1049	1141
ЕС-27 (Eurostoxx 50)	2451	2966	2573	2748	2742	2623	2748
Великобритания (FTSE 100)	4334	5413	4917	5549	5258	5225	5549
Германия (DAX)	4810	5957	5966	6229	6148	5925	6229
Франция (CAC 40)	3218	3936	3443	3715	3643	3491	3715
Япония (Nikkei 225)	8860	10546	9383	9369	9537	8824	9369
Бразилия (Bovespa)	37 550	68 588	60 936	69 430	67 515	65 145	69 430
Россия (RTS)	632	1445	1339	1508	1480	1421	1508
Индия (BSE-500)	3597	6842	7092	7984	7205	7290	7984
Китай (Shanghai Composite)	1821	3277	2398	2656	2638	2639	2656

Источник: МВФ, Всемирный банк, национальные статистические комитеты, Bloomberg.

Таблица 3

Основные макроэкономические показатели стран СНГ: январь — сентябрь 2010 г. к январю — сентябрю 2009 г., %

	Валовой внутренний продукт	Промышленная продукция	Продукция сельского хозяйства	Инвестиции в основной капитал	Перевозки грузов	Розничный товарооборот	Экспорт[1]	Импорт[1]	Индексы цен производителей промышленных товаров[2]	Индексы потребительских цен
Азербайджан	104,1	103,1	...	115,2	104,0	108,5	162,5	104,1	138,2	105,2
Армения	102,8	110,9	...	94,8	108,0	100,4[3]	143,8	121,3	125,9	107,8
Беларусь	106,6	110,3	...	109,5	111,0	116,2	117,6	115,0	111,8	107,0
Казахстан	108,0[4]	110,4	...	97,9	119,4	113,0[3]	152,3	92,8	129,9	107,0
Кыргызстан	99,5	116,7	...	97,3	97,2	95,8	120,9	103,5	122,3	104,9
Молдова	105,6[4]	106,3	...	96,4[4]	101,8	108,2[3 5]	109,2	114,8	108,3	107,2
Россия	104,2[4]	108,9	...	103,8	99,3	104,4[3]	142,0	137,8	115,1	106,4
Таджикистан	106,2	110,6	...	101,0	110,9	111,6	119,8	97,4	131,2	105,6
Туркменистан	106,1[6]	...	...	140,2[4]	...	116,2[4]	...	...	...	...

Узбекистан[4]	108,0	108,0	...	104,8	...	110,3	...	...	...	...
Украина	105,9[7]	110,8	...	92,6[4]	112,4	105,0	133,2	131,8	121,5	109,3
В среднем по Содружеству*	105[4]	109	...	103	107	105	141,4	127,9	117	107

[1] Январь–август 2010 г. в % к январю–августу 2009 г.
[2] Значительный рост цен производителей промышленных товаров обусловлен повышением мировых цен на основные биржевые товары: нефть, металлы и др., а также низкой базой сравнения (в январе — сентябре 2009 г. по отношению к январю — сентябрю 2008 г. в среднем по СНГ цены снизились на 6%).
[3] Без оборота предприятий питания.
[4] I полугодие 2010 г. в % к I полугодию 2009 г.
[5] Торгующие организации — официально зарегистрированные предприятия всех форм собственности и индивидуальные предприниматели, осуществляющие торговую деятельность вне территорий рынков.
[6] 2009 г. в % к 2008 г.
[7] II квартал 2010 г. в % ко II кварталу 2009 г.
...Данные отсутствуют (не представлены).
*Оценка.

Источник: Статкомитет СНГ, 2010 г.

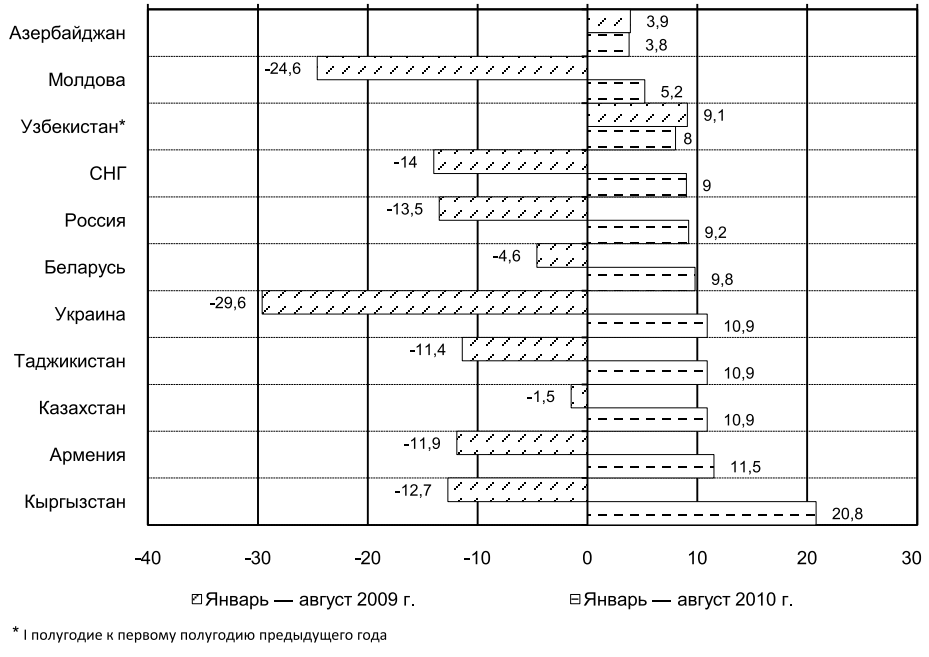

Рис. 1. Темпы прироста/снижения (-) объема промышленного производства в январе — августе 2009 г. и 2010 г. (к январю — августу предыдущего года, %).

Источник: Статкомитет СНГ, 2010 г.

Потенциально располагая свободными трудовыми ресурсами и незагруженными мощностями, российская экономика готова к возобновлению роста. Но для этого требуется восстановление спроса и подъем

инвестиционной активности. Пока в нужных масштабах этого не происходит.

В ходе кризиса Россия испытала резкое сокращение объема инвестиций в основной капитал: по итогам 2009 года совокупный объем капвложений опустился на уровень 2007 года. При этом, по оценкам экспертов, отток капитала, вызванный обслуживанием частного долга, составил в 2009 году 60–100 млрд долларов. Сжатие инвестиционной активности, составившее в апреле 2009 года 16,2%, отражается в резком падении производства инвестиционных товаров, достигшем в том же месяце 39,5%. Резкое сокращение выпуска было отмечено во всех отраслях инвестиционного машиностроения [108]. (Табл. 4.)

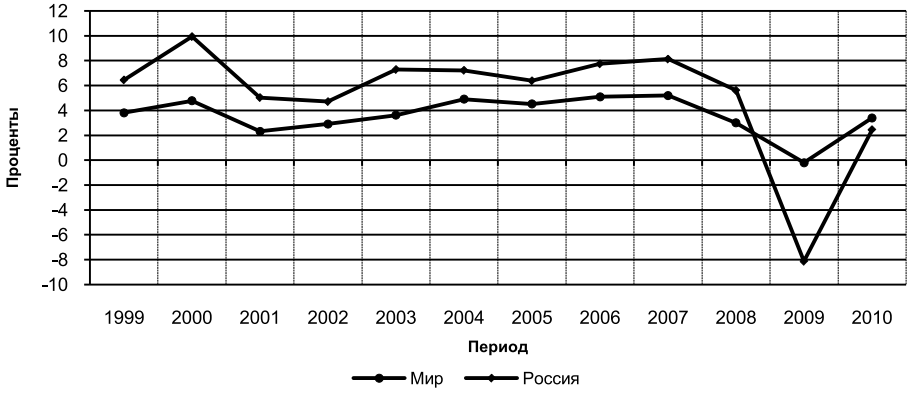

Рис. 2. Темпы прироста ВВП мировой и российской экономики.
Источник: Россия и мир-2010. Ежегодный прогноз. — М.: ИМЭиМО РАН, 2009.

Падение объема инвестиций стало одной из важнейших причин снижения ВВП РФ: оно привело к резкому сокращению производства в основных секторах экономики. Наиболее болезненно кризис сказался на резком сжатии внешней торговли, что привело к обвальному сокращению экспортных доходов и практически лишило большинство корпоративных заемщиков возможности реструктурировать долг. В результате компании были вынуждены урезать инвестиционные планы для мобилизации ресурсов.

С 2010 года объем инвестиций вновь стал расти — отчасти за счет эффекта низкой базы, отчасти в результате усилий госкомпаний, не сворачивающих инвестиционную активность. Однако не следует ожидать быстрого возврата объема инвестиций к предкризисному уровню, поскольку долговая нагрузка компаний остается чрезмерно высокой, банки по-прежнему не готовы рисковать, на мировых рынках сохраняется высокая волатильность, а перспективы восстановления мировой экономики остаются весьма неопределенными.

По итогам инвестиционной активности в первом полугодии 2010 года можно констатировать депрессивное состояние российской экономики так же, как экономик большинства государств СНГ, за исключением среднеазиатских республик и Белоруссии (рис. 3).

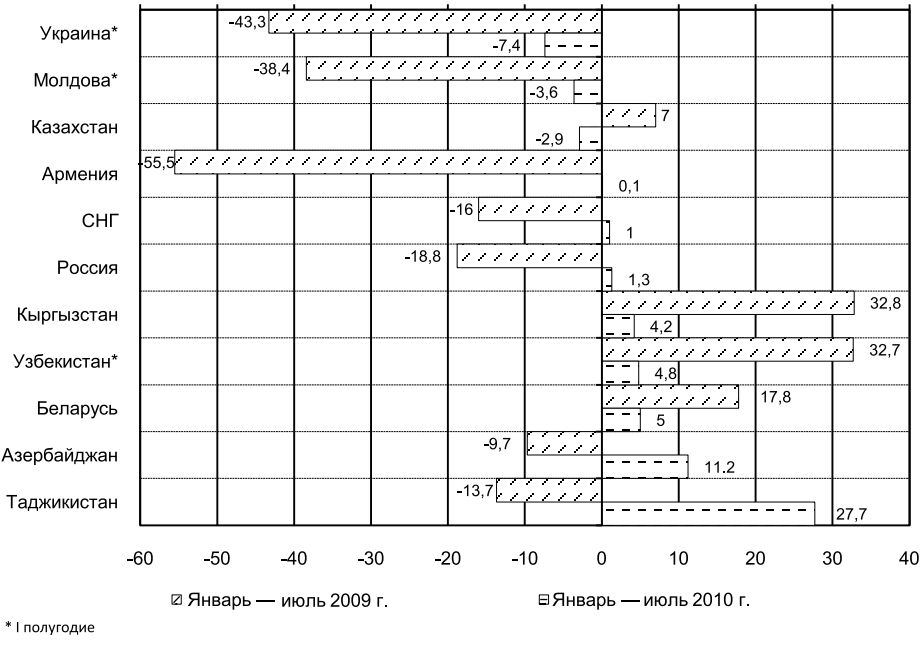

Рис. 3. Темпы прироста/снижения (-) объема инвестиций в основной капитал в январе — августе 2009 г. и 2010 г. (к январю — августу предыдущего года, %).

Источник: Статкомитет СНГ, 2010 г.

Заметим, что в последней, так же как в сохранившем при переходе к рыночной экономике институты централизованного планирования Узбекистане, вообще не наблюдалось снижения инвестиционной активности. На кризис эти государства отреагировали наращиванием инвестиций в основной капитал, благодаря чему они смогли удержать свои экономики от глубокого падения производства. Любопытно, что сделано это было без крупномасштабного наращивания дефицита госбюджета.

В результате кризиса втрое ухудшились финансовые результаты деятельности российских предприятий, стали убыточными многие обрабатывающие производства. Это означает, что собственные ресурсы для инвестиций российских предприятий крайне ограниченны. Не предвидится и притока внешних ресурсов.

С учетом сохраняющейся крайне низкой инновационной активности предприятий, продолжающимся сокращением численности ученых и ис-

следователей, нарастающим технологическим отставанием, эти тенденции свидетельствуют о неустойчивости признаков оживления российской экономики, которая пока далека от выхода на новую длинную волну экономического роста.

Таблица 4

Динамика производства товаров инвестиционного спроса в России в начале 2009 г., % прироста к уровню 2008 г.

	Март	Апрель	Январь — апрель
Обрабатывающие производства	-20,5	-25,1	-22,0
Производства инвестиционного спроса	-34,3	-39,5	-36,3
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	-29,4	-32,6	-32,3
Производство машин и оборудования	-31,4	-51,7	-34,3
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	-37,9	-38,3	-42,0
Производство транспортных средств и оборудования	-36,7	-37,4	-36,4
в том числе автомобили легковые	-52,5	-55,9	-60,9
автомобили грузовые	-69,6	-68,1	-73,3
Инвестиции в основной капитал	-15,4	-16,2	-15,8

Источники: Росстат, ФТС России, ЦСИ Банка Москвы.

Не только в России, но и в большинстве ведущих стран мира, за исключением Китая, Индии и Бразилии, экономика далека от выхода на докризисный уровень (табл. 5). Объемы промышленного производства в странах «восьмерки» остаются на 6–10% ниже предкризисного максимума

Таблица 5

Основные макроэкономические показатели ведущих стран мира, в 2008–2010 гг., % к предкризисному уровню

	2008	2009	2010		2010		
			II	III	июль	август	сентябрь
Динамика ВВП,% к предкризисному максимуму (II квартал 2008 г.)							
США	-1,0	-3,6	-1,2	-0,7	-0,4	-1,0	-
ЕС-27	-0,7	-4,8	-3,2	н.д.	-	-	-
Великобритания	-0,9	-5,8	-4,4	-3,7	-	-	-
Германия	-0,6	-5,3	-2,1	н.д.	-	-	-
Франция	-0,4	-2,9	-1,5	н.д.	-	-	-
Япония	-1,2	-6,4	-4,1	н.д.	-	-	-
Бразилия	-0,3	-0,5	6,8	н.д.	-	-	-
Россия	-0,6	-6,5	-4,5	н.д.	-	-	-
Индия	0,4	6,1	14,3	н.д.	-	-	-

Динамика промышленного производства,% к предкризисному максимуму (апрель 2008 г.)							
США	-2,1	-11,2	-6,7	-5,6	-5,6	-5,5	-5,7
ЕС-27	-4,1	-17,3	-12,1	н.д.	-11,5	-10,7	н.д.
Великобритания	-2,5	-12,3	-10,0	-9,7	-10,0	-9,7	-9,3
Германия	-3,3	-19,1	-10,9	-9,4	-10,1	-8,7	-9,4
Франция	-4,8	-16,5	-12,0	н.д.	-12,0	-12,0	н.д.
Япония	-3,6	-24,0	-11,0	-12,4	-11,6	-11,9	-13,6
Бразилия	-3,4	-10,3	-0,5	-2,0	-1,6	-2,1	-2,3
Россия	-3,2	-12,1	-3,7	-5,9	-6,2	-4,9	-6,6
Индия	-0,8	5,8	14,6	н.д.	23,1	14,5	н.д.
Китай	0,2	11,7	27,0	29,4	27,7	29,9	30,7
Индекс потребительских цен,% к предкризисному максимуму (апрель 2008 г.)							
США	0,2	-0,1	1,5	1,6	1,5	1,6	1,7
ЕС-27	0,3	1,3	3,5	3,5	3,3	3,5	3,7
Великобритания	0,8	3,0	6,3	6,6	6,2	6,8	6,8
Германия	0,6	0,8	1,9	2,2	2,2	2,3	2,1
Франция	0,1	0,2	2,1	2,0	1,8	2,1	2,1
Япония	0,8	-0,6	-1,2	-1,4	-1,7	-1,4	-1,1
Бразилия	1,3	6,3	11,4	11,7	11,5	11,5	12,1
Россия	2,0	13,8	20,6	22,3	21,5	22,2	23,2
Индия	2,6	13,8	24,6	29,2	29,0	29,0	29,7
Китай	-0,7	-1,4	0,9	1,6	0,9	1,7	2,1
Уровень безработицы, разница, п.п. к предкризисному минимуму (апрель 2008 г.)							
США	0,8	4,3	4,7	4,6	4,5	4,6	4,6
ЕС-27	0,2	2,1	2,8	2,8	2,8	2,8	2,8
Великобритания	0,4	2,4	2,6	2,4	2,5	2,4	2,4
Германия	-0,1	0,1	-0,5	-0,6	-0,6	-0,6	-0,7
Франция	0,2	1,9	2,3	2,4	2,3	2,4	2,4
Япония	0,1	1,2	1,3	1,2	1,3	1,2	1,1
Бразилия	-0,1	0,1	-0,7	-1,4	-1,1	-1,3	-1,8
Россия	0,5	2,5	1,5	1,6	1,6	1,7	1,6
Китай	0,0	0,3	0,2	н.д.	-	-	-
Фондовые индексы,% к предкризисному максимуму (апрель 2008)							
США (S&P 500)	-34,8	-19,5	-25,6	-17,6	-20,5	-24,3	-17,6
ЕС-27 (Eurostoxx 50)	-35,9	-22,5	-32,7	-28,2	-28,3	-31,4	-28,2
Великобритания (FTSE 100)	-27,2	-11,1	-19,2	-8,8	-13,6	-14,2	-8,8
Германия (DAX)	-30,8	-14,3	-14,2	-10,4	-11,5	-14,7	-10,4
Франция (CAC 40)	-35,6	-21,2	-31,1	-25,6	-27,1	-30,1	-25,6
Япония (Nikkei 225)	-36,0	-23,9	-32,3	-32,4	-31,1	-36,3	-32,4
Бразилия (Bovespa)	-44,7	1,1	-10,2	2,3	-0,5	-4,0	2,3
Россия (RTS)	-70,2	-31,9	-36,9	-29,0	-30,3	-33,0	-29,0
Индия (BSE-500)	-47,8	-0,6	3,0	16,0	4,7	5,9	16,0
Китай (Shanghai Composite)	-50,7	-11,3	-35,1	-28,1	-28,6	-28,5	-28,1

Источники: МВФ, Всемирный банк, национальные статистические комитеты, Bloomberg.

Во всех странах «восьмерки», кроме Германии, остается завышенным уровень безработицы. Во всех странах очень далек от докризисного максимума объем капитализации фондового рынка. Все это свидетельствует о неустойчивости наблюдаемого процесса оживления экономики, которая в большинстве ведущих стран мира еще далека от выхода на устойчивую траекторию экономического роста.

Едва ли стабилизировалась и американская экономика. Сохраняется главный макроэкономический дисбаланс в мировой валютно-финансовой системе — дефицит текущего счета платежного баланса США. Он был равен в 2009 году 420 млрд долларов, а суммарный дефицит с 2000 года составил уже 5,7 трлн долларов. В результате внешний госдолг США достиг 4,4 трлн долл. На рисунке видно, что источником финансирования дефицита платежного баланса США является соответствующий профицит стран, кредитующих американскую финансовую пирамиду: Китая, Японии, России и др. (рис. 5).

Рис. 5. Платежный баланс в 2003–2009 гг., млрд долл.

Меры, предпринимаемые денежными властями США и других мировых эмиссионных центров, не затрагивают основных источников кризиса. Наоборот, они способствуют их сохранению, восстанавливая те самые институты и механизмы, которые вызвали кризис. Хотя, по общему мнению, именно бесконтрольная деятельность крупнейших американских банков стала «спусковым крючком» развертывания глобального кризиса, они же стали его главными бенефициарами. Для поддержки национальных финансовых институтов правительства разных стран выделили около 9 трлн долларов, пополняя за счет средств налогоплательщиков капитальную базу банков, выкупая у них проблемные активы и предоставляя гарантии по их долговым обязательствам. При этом крупнейшие банки не спешат кредитовать реальный сектор экономики, продолжая спекуляции на рынке финансовых деривативов. К примеру, в результате массированной помощи от ФРС Goldman Sachs резко нарастил долю наличности и еще более резко сократил чистые кредиты реальному сектору экономики. Это позволило Goldman Sachs получить огромную прибыль — 13,6 млрд долларов за 2009 год и выплатить своим сотрудникам 16,19 млрд долларов, или 35,8% выручки — больше, чем когда-либо в своей истории. В 2008 году вознаграждение банкиров группы достигло 48% выручки (рис. 6).

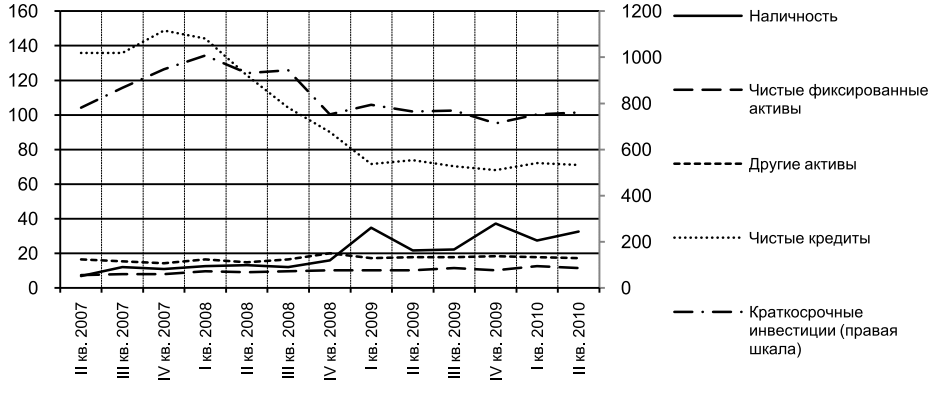

Рис. 6. Изменение структуры активов банка «Goldman Sachs» в условиях кризиса.
Источник: http://fintimes.km.ru/tsennye-bumagi/frs/13054.

Сама же ФРС в результате беспрецедентной помощи шатающимся гигантам в течение второй половины 2009 года в четыре (!) раза увеличила объем ценных бумаг на своем балансе, причем почти весь прирост пришелся на сгоревшие ипотечные ценные бумаги коммерческих банков. Таким образом, печатаемые под долги американского правительства и финансовых институтов деньги не доходят в должном масштабе до ре-

ального сектора экономики, застревая на финансовом рынке. Нарастающая денежная эмиссия, очередным этапом которой стало принятое ФРС в начале ноября 2010 года решение о впрыскивании в американскую экономику еще триллиона долларов в целях сохранения нынешней системы финансовых институтов, лишь усугубляет сложившиеся дисбалансы и влечет нарастание рисков вплоть до коллапса этой системы.

В настоящее время маховик эмиссии долларов раскручивается все быстрее под давлением нарастающего национального долга США. Для его обслуживания, по имеющимся данным, приходится печатать по несколько миллиардов долларов ежедневно. В последние годы государственная система США регулярно оказывалась в состоянии технического дефолта, и американским денежным властям приходилось корректировать величину государственных займов и соответственно эмиссии долларов в сторону увеличения. Произошедшее во время кризиса резкое увеличение долларовой эмиссии (рис. 7) свидетельствует о вхождении денежной системы США, как говорят математики, в режим с обострением, чреватым катастрофой.

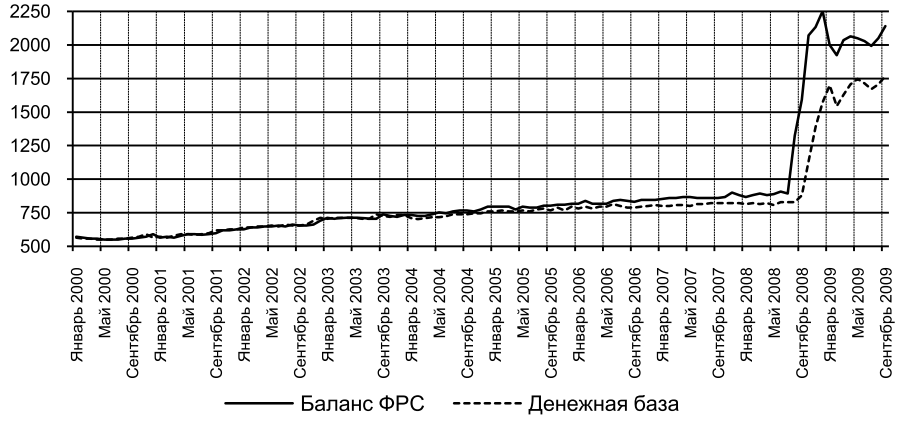

Рис. 7. Денежная база доллара и баланс ФРС млрд долл.

Источник: Ершов М. Мировой финансовый кризис: год спустя // Вопросы экономики. — 2009. — № 12.

Рост бюджетного дефицита США с 500 млрд долларов в 2008 году до 1,85 трлн долларов (13% ВВП) в 2009 году повлек резкое нарастание государственного долга. По имеющимся оценкам, общий размер американских обязательств уже превышает 50 трлн долларов (16 трлн долл. — казначейства США, почти столько же — обязательства корпоративного сектора; более 13 трлн долл. — обязательства домохозяйств; 7–8 трлн долл. — задолженность штатов и муниципалитетов), к которым следует добавить часть непокрытых резервами обязательств систем медицинского и

пенсионного страхования (25–30 трлн долл.), и многократно превосходит ресурсы потенциальных американских кредиторов. Обслуживание этих обязательств требует 3–5 трлн долларов на уплату процентов, что составляет до трети годового ВВП США и становится все более проблематичным [68].

Обслуживание лавинообразно нарастающих обязательств США возможно только путем новых увеличивающихся заимствований. Однако, как справедливо указывает Д.А. Митяев, в условиях краха крупнейших инвестиционных банков, падения цен на сырье, доходов от китайского экспорта, дефолтов целых отраслей и стран дополнительный спрос на обязательства США в необходимых объемах отсутствует. Их вынуждена покупать Федеральная резервная система. Резкое ускорение эмиссии долларов под прямое приобретение обязательств находящихся в преддефолтном состоянии финансовых институтов ведет к обесценению доллара вместе со всеми долларовыми активами.

Выше было показано, что кроме явных денежных обязательств американские финансовые институты обременены забалансовыми обязательствами (деривативами), объем которых в десятки раз превосходит официально учитываемые. Остановить разрастание кризиса глобальной валютно-финансовой системы могла бы выверка и взаимное списание обязательств по забалансовым деривативам одновременно с устранением дефицита бюджета и платежного баланса США. Однако заставить частных эмитентов деривативов, объемом в десятки раз превышающих баланс ФРС, предпринять их взаимный клиринг или списать каким-либо иным образом американские власти не могут. Обремененные собственными неподъемными обязательствами, они уже не в состоянии управлять своей финансовой системой.

В то же время американские денежные власти пытаются обуздать стихию разбушевавшегося финансового рынка. 22 июля 2010 года президент США Барак Обама подписал закон (Додда-Фрэнка) о финансовом регулировании — самой масштабной реформе финансовой системы США со времен Великой депрессии. Новый закон призван сократить риски для финансовой системы. Он предоставляет регуляторам большие полномочия для надзора за банками и финансовыми учреждениями, а также наделяет их правом ликвидировать крупные проблемные кредитные организации, а также ограничивает возможности банков по проведению операций на рынке на собственные средства. Банки впредь смогут вкладывать средства в хедж-фонды и фонды частных инвестиций в объеме, не превышающем 3% от их капитала первого уровня, и владеть не более чем 3% капитала этих фондов. Кроме того, 2300-страничный законопроект ограничивает возможности банков, участвующих в программе федерального страхования, в торговле деривативами. Для такой торговли кредитным

организациям необходимо будет создавать отдельные аффилированные компании. Разрешено будет сохранить операции со свопами, если они используются банками для страхования рисков.

Пакет включает в себя создание совета из представителей регулирующих органов США для отслеживания системных рисков в финансовой системе; наделение Федерального резерва функциями по надзору за крупнейшими финансовыми институтами; наделение правительства правом брать под контроль проблемные финансовые организации, проводить их реорганизацию; создание механизмов регулирования рынка производных инструментов и повышения его прозрачности за счет создания механизмов биржевой торговли; введение системы надзора для хедж-фондов и фондов частных инвестиций. Для этого учреждаются три новых института: Совет по контролю финансовой стабильности (межведомственный орган), Агентство по защите потребителей финансовых услуг (независимый орган при Федеральной резервной системе, ФРС) и Инвестиционный консультативный комитет по защите прав инвесторов (при Комиссии по ценным бумагам и биржам).

По замыслу разработчиков закон позволит заполнить три главных пробела в финансовой системе: отсутствие общего контроля, отсутствие механизмов выявления организаций, ставящих под угрозу деятельность всей экономической системы страны, отсутствие механизма регулирования небанковских институтов. Однако, как отмечают эксперты, несмотря на меры по ограничению свободы финансовых спекуляций и вводимые меры контроля, новый закон едва ли может сравниться по эффективности с отмененным законом Гласса-Стигала. Он оставляет много возможностей для ухода от контроля, который в значительной степени возлагается на самих участников рынка. Да и масштаб проблем, которые он призван решить едва ли по силам регулирующим органам. Пока за финансовыми спекулянтами стоит кредитор последней инстанции в лице ФРС, попытки их контролировать едва ли смогут остановить растущую пирамиду американских долговых обязательств.

Чтобы не оказаться в состоянии дефолта, правительству США необходимо резко сократить государственные расходы, что нереально по социальным причинам и контрпродуктивно с точки зрения антикризисной политики. Выход из депрессии предполагает освоение новых технологических траекторий и резкий подъем инновационной активности. Для этого необходимо, наоборот, наращивать государственные расходы на стимулирование инвестиций. Даже такие классики рыночной политэкономии, как Самуэльсон[1], признают, что только огромные дозы бюджетных расходов, финансируемые фискальным дефицитом, смогут вытащить Ев-

[1] *Самуэльсон П.* В экономической политике Обаме разумнее всего выбрать средний путь. — http://www.econorus.org.

ропу, Америку и Азию из того экономического спада, который придет на смену нынешней катастрофе».

Сохранение существующей сегодня мировой финансовой системы с частной резервной валютой, эмитируемой ФРС США, едва ли возможно. Для удержания лидирующей роли доллара США должны одновременно сбросить колоссальные финансовые обязательства, сократить государственные расходы и форсировать модернизацию экономики. Будучи не в состоянии сделать ни первое, ни второе, американские власти делают ставку на третье направление, используя для этого привычные пути высасывания из других стран мира финансовых и интеллектуальных ресурсов. Как констатирует Д.А. Митяев [68], пытаясь выйти из нынешнего кризиса, американские власти посредством зависимых от них рейтинговых агентств, банков, хедж-фондов ведут финансовую войну с незащищенными сегментами мировой финансовой системы, стремясь мобилизовать ресурсы для собственного спасения за счет стягивания капиталов и установления контроля над активами других стран, которых явно не хватает для поддержания долларовой пирамиды американских обязательств. Однако, несмотря на оптимистические заявления американских «имиджмейкеров» и дутые рейтинги американских финансовых институтов, в сложившейся ситуации неизбежно снижение доверия к обязательствам США и бегство от доллара.

Сохранившие экономический суверенитет страны, включая Китай и Индию, не открывают свои финансовые системы, демонстрируя уверенный рост в условиях кризиса. Их примеру следуют крупнейшие страны Латинской Америки и Юго-Восточной Азии, сопротивляясь поглощению активов спекулятивным капиталом. Ускорилось формирование крупных региональных экономических объединений государств, стремящихся повысить устойчивость своих экономик за счет расширения емкости внутреннего рынка и расчетов в национальных валютах. Наряду с созданием Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, произошло заметное углубление процессов интеграции в Латинской Америке, где создается таможенный союз в рамках МЕРКОСУР, а также в Юго-Восточной Азии, где создается огромная зона свободной торговли на основе АСЕАН. Посредством валютных свопов Китай пытается начать формирование своей системы международных расчетов.

Пространство для маневров ФРС США неумолимо сужается — американской экономике приходится принимать на себя основной удар обесценения капитала. Финансовая система США вошла в порочный круг саморазрушения: рост денежной эмиссии для спасения своих финансовых институтов подрывает доверие к доллару и провоцирует бегство капитала, что ухудшает их состояние и вынуждает к дальнейшему увеличению денежной эмиссии.

10.2. Прогнозы дальнейшего развертывания экономического кризиса

Исходя из изложенного прогноз наиболее вероятного дальнейшего развертывания кризиса включает: обесценение значительной части финансового капитала; девальвацию доллара и утрату им положения доминирующей мировой резервной валюты; региональную фрагментацию мировой валютно-финансовой системы. Кризис закончится с перетоком оставшегося после коллапса долларовой финансовой пирамиды и других финансовых пузырей капитала в производства нового технологического уклада. После структурной перестройки мировой экономики на основе нового технологического уклада, которая продлится, по-видимому, до середины десятилетия и будет сопровождаться изменением состава ведущих компаний, стран и управленческих практик, начнется новая длинная волна экономического роста. При этом баланс негативных тенденций разрушения старого технологического уклада и позитивных эффектов формирования нового будет определяться скоростью роста последнего, компенсирующего сжатие устаревающей части экономики.

Следует согласиться с Д.А. Митяевым в том, что речь может идти об одном из трех сценариев дальнейшего развертывания кризиса, запрограммированного внутренней логикой развития нынешней глобальной экономической системы.

Сценарий быстрого выхода на новую длинную волну экономического роста (оптимистический). Он предусматривает перевод кризиса в управляемый режим, позволяющий ведущим странам канализировать спад в устаревших секторах и периферийных регионах мировой экономики и направить остающиеся ресурсы на подъем инновационной активности и форсированный рост нового технологического уклада. При этом кардинально изменится архитектура глобальной финансовой системы, которая станет поливалютной, а также состав и относительный вес ведущих стран. Произойдет существенное усиление государственных институтов стратегического планирования и регулирования финансовых потоков, в том числе на мировом уровне вплоть до появления мировой валюты. Глобализация станет более управляемой и сбалансированной с точки зрения интересов ведущих стран мира. Стратегия устойчивого развития сменит доктрину либеральной глобализации. В числе объединяющих ведущие страны мира целей будет использоваться борьба с терроризмом, глобальным потеплением и другими угрозами человечеству.

Катастрофический сценарий, сопровождающийся коллапсом существующей американоцентричной финансовой системы, формированием относительно самодостаточных региональных валютно-финансовых систем, обесценением большей части международного капитала, резким

падением уровня жизни в странах «золотого миллиарда», углублением рецессии и возведением протекционистских барьеров между регионами.

Инерционный сценарий, сопровождающийся нарастанием хаоса и разрушением многих институтов как в ядре, так и на периферии мировой экономики. При сохранении элементов существующей глобальной финансовой системы появятся новые центры экономического роста в странах, сумевших опередить других в формировании нового технологического уклада и «оседлать» очередную длинную волну экономического роста.

Инерционный сценарий представляет собой сочетание элементов катастрофического и оптимистического сценариев выхода из кризиса. При этом он может быть катастрофическим для одних стран и регионов и оптимистическим для других. Следует понимать, что институты ядра мировой финансовой системы будут выживать за счет стягивания ресурсов с периферийных стран путем установления контроля за их активами. Достигаться это будет обменом эмиссии резервных валют на собственность принимающих эти валюты стран посредством спасаемых банков и корпораций ядра.

Пока развитие событий идет по инерционному сценарию, который сопровождается расслоением ведущих стран мира по глубине кризиса. Наибольший ущерб несут страны с открытой экономикой, в которых глубина падения промышленного производства и инвестиций составляет 15–30%. Страны с автономными финансовыми системами и емким внутренним рынком, защищенным от атак финансовых спекулянтов, продолжают расти (Китай, Индия), быстро увеличивая свой экономический вес.

Оптимистический сценарий предполагает глубокую перестройку глобальной валютно-финансовой системы с созданием всемирной регулирующей организации, обеспечивающей отслеживание и измерение системных рисков; унификацией национальных законодательств финансового регулирования; принятием обязательных для всех универсальных глобальных правил для финансовых учреждений. В том числе предусматривающих: ответственность менеджеров, прозрачность фондовых опционов, устранение внутренних конфликтов интересов в институтах, оценивающих риски, ограничение кредитных рычагов, стандартизацию финансовых продуктов, проведение трансграничных банкротств.

О необходимости подобной реформы глобальной валютно-финансовой системы пишут многие зарубежные и российские авторитетные ученые. Однако для ее проведения необходима не только добрая воля лидеров государств, но и консенсус в национальных политических и деловых элитах ведущих стран мира, что едва ли возможно с учетом существующих конфликтов интересов. Встречи глав «двадцатки» ведущих стран мира, подтвердили неготовность политического руководства США, ЕС и Япо-

нии, монополизировавших право эмиссии мировых резервных валют, к существенным изменениям сложившейся системы мировых валютно-финансовых отношений. Даже те косметические меры по ужесточению финансовой дисциплины и ответственности за оценку рисков при эмиссии долговых обязательств, которые одобрила «двадцатка», систематически нарушаются денежными властями США. По мере роста разочарования в способности ведущих стран мира договориться о новых принципах регулирования глобальных валютно-финансовых отношений увеличивается вероятность катастрофического сценария.

Из изложенного выше следует, что при любом из сценариев экономический подъем возникает на новой технологической основе с новыми производственными возможностями и качественно новыми потребительскими предпочтениями. В результате становления нового, шестого, технологического уклада произойдут существенные изменения в структуре и относительном значении факторов производства. Как уже говорилось, завершится переход от экономики массового производства к экономике знаний, где основной ценностью являются не средства производства, а навыки действия, от «общества массового потребления» к креативному обществу развития, в котором важнейшее значение приобретут научно-технический и интеллектуальный потенциал, а также требования к качеству жизни и комфортности среды обитания. Этот период будет сопровождаться серьезными изменениями в системе экономических институтов и в механизмах управления хозяйственной деятельностью, неготовность которой к освоению новых типов экономической активности сдерживает становление нового технологического уклада.

Особенностью базисных технологий нового технологического уклада является их высокая интегрированность, что требует комплексной политики их развития, предусматривающей одновременное создание кластеров технологически сопряженных производств, и соответствующей им сферы потребления и культуры управления. Успешная работа в условиях экономики знаний, развивающейся по инновационному пути, требует существенного повышения квалификации менеджеров, творческого подхода к решению задач развития предприятий, овладения методиками изобретательской деятельности.

В настоящее время расширение нового технологического уклада сдерживается как незначительным масштабом и неотработанностью соответствующих технологий, так и неготовностью социально-экономической среды к их широкому применению. Хотя расходы на освоение новейших технологий и масштаб их применения растут по экспоненте, а объемы производства в ядре нового технологического уклада, несмотря на кризис, увеличиваются с темпом около 35% в год, вес его в структуре современной экономики остается незначительным. Качественный скачок и

выход на очередную длинную волну экономического роста произойдет после завершения структурной перестройки ведущих экономик мира на основе нового технологического уклада, ожидаемого в середине следующего десятилетия. Экономический рост станет существенно менее энергоемким и материалоемким. Поэтому спрос на энергоносители и сырье будет расти существенно меньшими темпами по сравнению с выпуском готовой продукции в силу многократного повышения эффективности базисных технологий.

Дальнейшее развертывание кризиса будет определяться сочетанием двух процессов — разрушения структур прежнего технологического уклада и становления структур нового. При этом существующие ныне финансовые, хозяйственные и политические институты либо перестроятся в соответствии с потребностями роста нового технологического уклада, либо прекратят свое существование.

Переход к новому технологическому укладу требует крупномасштабных инвестиций в освоение составляющих его технологий и модернизацию экономики на их основе. Потребность в таких инвестициях обычно существенно превышает возможности существующих финансовых институтов, многие из которых сталкиваются с обесценением капитала и терпят бедствие в условиях структурного кризиса, опосредующего замещение технологических укладов. В этих условиях многократно возрастает роль государства, располагающего возможностями концентрации ресурсов для освоения новых технологий и принятия рисков соответствующих инвестиций. При этом формы и способы концентрации ресурсов определяются функциями государства, среди которых особую роль играет обеспечение национальной безопасности. До настоящего времени расходы на гонку вооружений играли ключевую роль в мобилизации средств для освоения новейших технологий. Но эффективность расходования этих средств определялась способностью экономических систем к широкому освоению новых технологий за пределами оборонной промышленности.

Опыт двух предыдущих структурных кризисов мировой экономики (в 30-х и 70-х годах прошлого века) свидетельствует об их чрезвычайной болезненности для ведущих стран и уникальных возможностях, открывающихся для развивающихся стран. Великая депрессия 1930-х годов вылилась во Вторую мировую войну, повлекшую разрушение тогдашнего ядра мировой экономической системы (европейских колониальных империй) и формирование двух противоборствующих глобальных политико-экономических систем. Лидерство американского капитализма в выходе на новую длинную волну экономического роста было обеспечено чрезвычайным ростом оборонных заказов на освоение новых технологий и притоком мировых капиталов в США при разрушении производственного потенциала и обесценении капитала основных конкурентов.

Депрессия середины 1970-х — начала 1980-х годов повлекла гонку вооружений с широким использованием информационных технологий с риском втягивания ведущих стран мира в «звездные войны». Последовавший вслед за ней коллапс мировой системы социализма, не сумевшей своевременно перевести экономику на новый технологический уклад, позволил ведущим капиталистическим странам воспользоваться ресурсами бывших социалистических стран для «мягкой пересадки» на новую длинную волну экономического роста. Вывоз капитала и «утечка умов» из бывших социалистических стран, колонизация их экономик облегчили структурную перестройку экономики стран ядра мировой капиталистической системы, до этого стимулировавших становление нового технологического уклада посредством развертывания гонки вооружений в космосе. На этой же волне роста нового технологического уклада поднялись новые индустриальные страны, сумевшие заблаговременно создать его ключевые производства и заложить предпосылки их быстрого роста в глобальном масштабе. Политическим результатом стала либеральная глобализация с доминированием США в качестве эмитента основной резервной валюты.

Выход из нынешней депрессии также будет сопровождаться масштабными геополитическими и экономическими изменениями. Как и в предыдущих случаях, лидирующие страны демонстрируют неспособность к радикальным институциональным нововведениям, которые могли бы канализировать высвобождающийся капитал в структурную перестройку экономики на основе нового технологического уклада, продолжая воспроизводить сложившуюся институциональную систему и обслуживать воплощенные в ней экономические интересы.

В отличие от предыдущих случаев выхода из депрессии за счет эскалации военных расходов и вытягивания ресурсов из поверженных стран сегодня таких возможностей у ведущих стран нет. Провоцируемая ими война с международным терроризмом с принесением в жертву отдельных периферийных стран не может создать достаточного напряжения для стягивания глобальных ресурсов в нужных масштабах. Исчерпала себя и война финансовая, которую Вашингтон ведет с незащищенными национальными финансовыми системами, привязывая их к доллару посредством навязывания монетаристской макроэкономической политики при помощи зависимых от него МВФ, рейтинговых агентств, агентов влияния. Вытягиваемых из них капиталов уже не хватает для обслуживания лавинообразно нарастающих обязательств США, расходы на которые приближаются к трети их ВВП. Нарастает ожидание катастрофического сценария коллапса ядра мировой капиталистической системы и обслуживающих его финансовых институтов. На новой длинной волне экономического роста формируются

новые центры мировой экономики — Китай, Индия, Бразилия, Иран. Мировая финансовая система становится поливалютной, формируются крупные региональные экономические союзы, способные к самостоятельному развитию.

Из изложенного выше следует очевидный вывод, о котором упоминалось в предисловии: для любой страны необходимым условием управляемого выхода из кризиса является наличие собственной стратегии, ориентированной на наращивание конкурентных преимуществ своего экономического потенциала и опережающее создание предпосылок и ключевых производств нового технологического уклада. Это предполагает защиту стратегических активов и внутреннего рынка от набегов иностранного спекулятивного капитала, а также проведение активной научно-технической и структурной политики по выращиванию конкурентоспособных предприятий на перспективных направлениях экономического роста. Последнее невозможно без наличия национальной финансово-инвестиционной системы, опирающейся на внутренние источники кредита и защищенной от дестабилизирующих воздействий мирового финансового рынка [28].

Страны, обладающие системами стратегического планирования, не рассчитывают ни на рыночную стихию, ни на мудрость международных финансовых институтов, следующих в фарватере ФРС США, обслуживающей интересы американской олигархии. Под разговоры о солидарности ведущих стран мира в стабилизации мировой финансовой системы Китай создает свою валютно-финансовую систему международных расчетов посредством проведения валютных свопов с заинтересованными странами. Не торопятся ограничивать свой суверенитет и следовать рекомендациям из Вашингтона Индия, Бразилия, Венесуэла, Иран и ряд других крупных развивающихся стран, прибегающих к активной промышленной, научно-технической и структурной политике.

Особый интерес представляет антикризисная политика в Китае, увязанная со стратегией долгосрочного развития китайской экономики. Китайская экономика сохранила положительную динамику, несмотря на двукратное падение капитализации фондового рынка; замедление темпов роста ВВП в 2008 и 2009 годах до 9% по сравнению с 13% в 2007 году; сокращение экспорта на 25%. Сокращение прямых иностранных инвестиций, их суммарное снижение по итогам 2009 года составило 10–15% от уровня 2008 года.

Руководство Китая в конце 2008 года предприняло следующие меры минимизации негативных последствий финансового кризиса:

- снижена процентная ставка (по годовым вкладам в юанях — до 7,2%);
- уменьшены нормы обязательного резервирования для коммерческих банков (до 16,5%);

• осуществлена рекапитализация (около 20 млрд долларов) Сельскохозяйственного банка Китая [37].

Негативные последствия снижения мирового спроса на китайскую продукцию китайское руководство компенсирует стимулированием увеличения внутреннего спроса.

Во-первых, принимается широкомасштабная программа развития инфраструктуры и энергосберегающих технологий. В частности, на реконструкцию и строительство дорог и портовых хозяйств направляется 730 млрд долларов США в ближайшие 5 лет.

Во-вторых, принимаются меры по увеличению занятости, в том числе за счет государственной поддержки среднего, мелкого и индивидуального бизнеса. Правительство отказывается от сложившейся в условиях «инвестиционного перегрева» политики сдерживания выдачи банковских кредитов.

В-третьих, вводятся налоговые стимулы для экспортеров, а также отменяются налоги на процентные доходы по депозитам граждан.

В-четвертых, для поддержания динамики социально значимого для Китая рынка жилья правительство инициирует комплекс мер, включающих государственную поддержку строительного бизнеса, уменьшение платежей при осуществлении имущественных сделок, выделение региональными властями более дешевых и долгосрочных кредитов на покупку жилья населением.

В-пятых, поощряется постоянное наращивание «корпоративных достижений» котирующимися на биржах компаниями.

Пакет стимулирующих инвестиций, принятый китайским руководством, оценивается в 4 трлн юаней (575 млрд долларов США, или 15% ВВП).

Она предусматривает развитие экологически чистого производства высококачественного базового сырья, разведку полезных ископаемых Китая на глубину до 4 км, создание ядерных энергетических систем нового типа, использование потенциала морей, развитие искусственного интеллекта, нанотехнологий, исследование космоса и т.д.

В условиях кризиса Китай использует свои финансовые ресурсы для упрочения позиций в мировой экономике и финансовой системе и стимулирования экспорта. По линии двусторонних межгосударственных отношений Китай заключил СВОП-соглашения на условиях использования предоставленных средств в юанях для импорта китайской продукции:

• с Гонконгом (29 млрд долл.), с Малайзией (11,1 млрд долл.);

• с Аргентиной (10 млрд долл.), Индонезией (14,7 млрд долл.) и Беларусью (2,9 млрд долл.). Кроме этого, Китай расширил действовавшее ранее (с 2000 года) СВОП-соглашение с Южной Кореей на 26,3 млрд долларов. Китай также предоставил Казахстану кредит на 10 млрд. долларов для

поддержания финансовой стабильности и развития энергетического сотрудничества. В мае — Туркмении на 3 млрд долларов на развитие газового сотрудничества. В июне — 1,8 млрд долларов Филиппинам на развитие национальной инфраструктуры.

На региональном уровне Китай активизирует работу по налаживанию многостороннего финансового сотрудничества в Восточной Азии. В конце октября 2008 года Китай, Япония и Южная Корея приняли решение о создании регионального финансового регулятора, задачей которого является осуществление мониторинга региональных финансовых институтов, увеличение их транспарентности и ужесточение правил их функционирования.

Активизация внутреннего спроса позволила Китаю достаточно быстро преодолеть кризисное замедление экономического роста. За первые три квартала 2009 года прирост ВВП составил 7,7%, экспорт сократился на 21,3%, однако инвестиции в основной капитал выросли на 33,4%, а розничные продажи — на 17%. Вклад инвестиционного спроса в ВВП составил 7,3 процентного пункта, потребительского — 4, экспорта — минус 3,6 процентного пункта.

Фактически Китай придерживается смешанной стратегии в экономическом развитии. В отраслях предшествующей длинной волны реализуется стратегия догоняющего развития при использовании конкурентных преимуществ Китая в стоимости рабочей силы. Вместе с тем с выходом на передовые научные рубежи создаются условия для стратегии научно-технического лидерства [78]. Для реализации этих стратегий предпринимаются соответствующие меры промышленной политики. При поддержке центральных ведомств 103 предприятия стали экспериментальными центрами инноваций, «подтягивая» за собой других. В течение ближайших 3–5 лет количество экспериментальных предприятий увеличится до 500 [114].

Наряду с Китаем ряд других постсоциалистических стран, включая такие постсоветские республики, как Азербайджан, Белоруссия и Казахстан, придерживаясь стратегии всемерного стимулирования инвестиционной и инновационной активности, занимаясь активной поддержкой экспорта, смогли выстроить успешную антикризисную политику, быстро перейдя к экономическому росту после непродолжительного и относительно неглубокого спада. Общими чертами успешной антикризисной политики в этих странах были: концентрация усилий на стимулирование инновационной и инвестиционной активности в перспективных направлениях, рост высокотехнологического производства; предпочтение поддержке производственных инвестиций по сравнению с финансовым сектором; использование норм валютного контроля в целях предотвращения вывоза капитала; всемерная поддержка экспорта и внутреннего спроса;

обеспечение доступа производственных предприятий к источникам дешевого долгосрочного кредита. Важнейшей особенностью антикризисной политики в этих странах стало наличие четкой стратегии и видения долгосрочного развития национальной экономики, ориентированное на повышение ее конкурентоспособности за счет модернизации и освоения передовых технологий.

В России антикризисные меры следовало бы также увязать с целями долгосрочного развития, в том числе установленными Концепцией социально-экономического развития России до 2020 года. В последней правильно определен ключевой фактор нового технологического уклада — нано-, био- и информационные технологии, а также поставлены задачи опережающего формирования его ядра и несущих отраслей. По некоторым из них (авиакосмическая, атомная, электротехническая и некоторые другие высокотехнологические отрасли промышленности) сохранен немалый производственный потенциал. Имеются хорошие научно-технологические заделы в электронном приборостроении, молекулярной биологии и генной инженерии, нанофотонике и лазерных технологиях, изготовлении наноматериалов и электронных силовых микроскопов. Россия сохраняет ведущие позиции в математике и программировании.

Как следует из изложенного выше, очевидными следствиями кризиса будут: обесценение значительной части финансового капитала; девальвация доллара и утрата им положения единственной мировой резервной валюты; региональная фрагментация мировой валютно-финансовой системы. Кризис закончится с перетоком оставшегося после коллапса долларовой финансовой пирамиды и других финансовых пузырей капитала в производства нового технологического уклада. Это произойдет после структурной перестройки мировой экономики на основе нового технологического уклада, которая продлится еще 3–5 лет и будет сопровождаться изменением состава ведущих компаний, стран и управленческих практик.

В условиях кризиса не только крупнейшие развивающиеся страны, но и государства «восьмерки», проповедующие неолиберальную идеологию «на экспорт», активно прибегают к мерам по защите и поддержке своих экономик, расширяя внутренние источники их финансирования. Под разговоры о взаимном воздержании от протекционистских мер и сохранении статус-кво сложившаяся мировая экономическая система подвергается быстрой эрозии. Потеряли былую эффективность и авторитет ВТО и МВФ. Как развитые, так и развивающиеся страны достаточно далеко отошли от ранее казавшихся незыблемыми догм либеральной глобализации. При этом чем решительнее та или иная страна проводит самостоятельную прагматичную политику поддержки и защиты национальной экономики, тем она оказывается эффективнее.

Возникает естественный вопрос: а нужно ли в принципе бороться за спасение существующей глобальной финансовой системы? Выгодно ли России ее сохранение? Может, лучше выступить с инициативами по формированию принципиально новой архитектуры международных финансовых и экономических отношений?

10.3. Нужен ли России существующий мировой порядок?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно разобраться в переплетениях национальных интересов и интересов транснационального капитала, которые определяют процессы распределения национальных доходов и накопления богатств в современном мире.

Страны, доминирующие в мировой торговле и международных финансах, прежде всего США, Великобритания и Япония, являются одновременно странами базирования транснационального капитала. Именно этим обусловлена относительно высокая согласованность интересов их национальной элиты и мировой олигархии. Слаборазвитые страны практически лишены внутренних источников инвестиций и целиком зависят от транснационального капитала, что предопределяет компрадорский характер их национальной элиты. Противоречия между интересами транснационального и национального капитала разрешаются в них путем втягивания последнего в обслуживание транснациональных корпораций и включения национальной элиты в периферийные слои мировой олигархии.

Между этими крайними типами расположились остальные страны, пытающиеся отстоять свои национальные интересы в глобальной международной конкуренции, использовать свои конкурентные преимущества для упрочения положения в мировой экономической системе. Национальные интересы каждой страны определяются прежде всего принципами сохранения своей независимости, обеспечения благосостояния и высокого качества жизни народа, сохранения его национальной культуры и возможностей реализации присущих ему духовных ценностей. Эти интересы диктуют соответствующие приоритеты международного сотрудничества.

Желающие сохранить свою самостоятельность государства защищают свои национальные рынки, привлечение иностранного капитала и международную кооперацию ведут под национальным контролем и при необходимости ограничивают иностранные инвестиции в жизненно важных для реализации национальных интересов сферах, проводят поддержку отечественных товаропроизводителей и стимулируют рост конкурентоспособности национальной экономики. В культурной сфере государством обеспечивается приоритет национальной культуры в информационной, образовательной и воспитательной политике; националь-

ные духовные ценности целенаправленно поощряются и защищаются от подавления со стороны оглупляющей и деморализующей население транснациональной попкультуры.

Мировая финансовая олигархия и крупный транснациональный капитал стремятся к тотальному контролю над мировым рынком и каждой его страновой составляющей, стирая экономические, культурные и политические границы между нациями, подчиняя своим интересам конкурентные преимущества каждой из них, формируя свою информационную, правовую и даже силовую инфраструктуру. Обслуживающие его интересы международные институты пытаются управлять национальными государственными институтами, устранять препятствия на путях международного движения капитала, товаров, рабочей силы.

Сегодня они составляют внушительную, если не самую мощную, экономическую силу, контролируя более половины оборота мировой торговли и финансов, наиболее прибыльные производственные отрасли в разных странах, включая нефтяную, добывающую, электронную, электротехническую, автомобилестроительную и многие другие виды промышленности.

Выше уже говорилось, что многие транснациональные корпорации превосходят по экономическому обороту крупные страны, подчиняют своему влиянию правительства, решающим образом влияют на формирование международного права и работу международных институтов. Пятьсот транснациональных корпораций охватывают свыше 1/3 экспорта обрабатывающей промышленности, 3/4 мировой торговли сырьевыми товарами, 4/5 торговли новыми технологиями, обеспечивают работу десяткам миллионов человек и осуществляют свою деятельность практически во всех странах мира. По происхождению и месту базирования транснациональные корпорации примерно поровну распределены между США, Европейским сообществом и Японией. Они определяющим образом влияют на внешнеэкономическую политику этих стран и находящихся под их контролем международных организаций и используют это влияние для реализации своих интересов на мировом рынке.

Не следует, однако, преувеличивать степень консолидации того, что для удобства весьма условно называется мировой олигархией. Это явление не укладывается в расхожие схемы мирового империализма или масонского заговора. Речь идет больше о тенденции, чем о сложившейся организационной структуре. Эта тенденция, правда, включает образование определенных институтов и организационных структур на национальном и международном уровнях, создающихся для формирования и проведения в жизнь интересов крупного международного капитала.

Как и любое самоорганизующееся в условиях рыночной экономики сообщество заинтересованных лиц и предприятий, мировая олигархия дей-

ствует прежде всего под влиянием совпадения объективных интересов работающих на мировом рынке крупных финансовых структур в установлении и поддержании приемлемых для них правил игры и только во вторую очередь — в силу каких-то субъективных мотивов к консолидации. Поэтому под термином «мировая олигархия» в данном контексте понимается сложная и достаточно разнородная совокупность крупных транснациональных и контролируемых ими компрадорских национальных банков и корпораций, обслуживающих их юридических и консультативных организаций, международных финансовых организаций, идеологов и теоретиков нового мирового порядка, разнообразных формальных и неформальных институтов политического влияния и формирования общественного мнения, обосновывающих и оправдывающих его поддержание.

Несмотря на кажущуюся аморфность и неопределенность того, что здесь названо мировой олигархией, на практике все ее звенья действуют согласованно в силу объективного совпадения интересов, а также сложившихся в течение длительного времени родственных, семейных, национальных, земляческих, клановых связей. Они составляют самовоспроизводящуюся целостность, самостоятельно формирующую свои правила игры, свой язык, технологии влияния, организационные структуры и коммуникации.

Было бы ошибкой сводить эту тенденцию к мировому заговору. Определяющими здесь являются объективные экономические интересы, организующие крупный международный капитал в целях осуществления выгодной ему политики. Поскольку капитал этот действует в масштабах мирового рынка, то и политика, к проведению которой он объективно стремится, носит глобальный характер, причудливо переплетаясь с национальной политикой различных стран и их союзов. Эта объективная тенденция должна обязательно учитываться при проведении национальной экономической политики любой страны.

Взаимоотношения между транснациональным и национальным капиталом, между мировой олигархией и национальной элитой в разное время и в разных странах складываются по-разному. Изначально транснациональный капитал вырастает из посредничества в международной торговле и финансовых операциях. Особенно мощным стимулом к его развитию становятся международные, а впоследствии и мировые войны, которые резко повышают спрос на государственные займы и создают множество возможностей для извлечения сверхдоходов. Предоставляя займы всем враждующим сторонам, финансовая олигархия всегда остается в выигрыше, участвуя в очередном переделе мира, получая одновременно контрибуции с проигравших и проценты с победителей. Финансируя и в значительной степени провоцируя военные конфликты, мировая олигархия обеспечила себе доминирование в финансовых системах Ве-

ликобритании и Франции, а впоследствии — США, других стран Запада и связанных с ними колониально зависимых государств.

В настоящее время, продолжая активно участвовать в локальных конфликтах, о чем свидетельствуют источники финансирования и механизмы разжигания современных войн в Африке, Азии и на Балканах, транснациональный капитал не рискует более провоцировать глобальные войны. С одной стороны, инициированная мировой олигархией гонка вооружений достигла запредельно разрушительного уровня. С другой стороны, установление мировой олигархией непосредственного контроля над финансовыми системами ведущих стран и важнейшими секторами мирового рынка делает ненужными такие рискованные формы извлечения сверхдоходов, как стимулирование государственных займов путем разжигания военных конфликтов. Контролируя значительную часть мировых и национальных рынков, мировая олигархия сегодня более заинтересована в поддержании глобальной стабильности, во многом определяя новый мировой порядок, доминируя в большинстве международных институтов и направляя внутреннюю и внешнюю политику ведущих западных стран.

Как уже говорилось выше, основной технологией политического влияния финансовой олигархии и проведения ее интересов является установление контроля над институтами государственной власти различных стран и их демонтаж, замена международным правом и международными институтами. Ослабляя и ликвидируя национальные институты государственной власти, политического, морального и культурного контроля, используя для этого самые разнообразные методы — от подкупа облеченных властью лиц до организации революций и гражданских войн, — мировая олигархия устраняет препятствия для свободного движения капитала.

За послевоенные десятилетия под сенью «холодной войны», также во многом спровоцированной и искусственно поддерживавшейся мировой олигархией, последняя выстроила высокоорганизованную систему обеспечения своего влияния. Мощные финансовые организации дополнились офшорными зонами, свободными от какого-либо государственного контроля и налогообложения; появились частные силовые и карательные структуры.

Сокрушительная эффективность методов мировой олигархии была убедительно продемонстрирована в разрушении Российской империи и СССР, а также последующей колонизации его территории [90]. Самая мощная система государственной безопасности была парализована инфильтрованными агентами влияния и полностью дезориентирована профессионально подготовленными провокаторами [99].

Едва ли нужно доказывать, что интересы мировой олигархии и национальные интересы любой страны не совпадают. Очевидная политика «двойного стандарта» США и других ведущих стран Запада объясняет-

ся противоречивостью этих интересов. Так, в противоположность интересам народов и стран мировая олигархия не боится войн и глобальной дестабилизации. Если для народов война — это человеческие жертвы, а для государств — колоссальные материальные потери и угрозы национальной безопасности, то для транснационального капитала война всегда была источником сверхдоходов и легкой добычи. Войны, которые велись в интересах соперничающих наций, ушли в прошлое после поражения Наполеона в России. В нынешнем столетии и Первая, и Вторая мировые войны, и нынешние локальные войны противоречили национальным интересам как проигравших, так и победителей. Последние, как и первые, своей кровью оплачивали сверхприбыли мировой олигархии, наживавшейся на финансировании военных расходов, а затем скупавшей за бесценок активы разоренных войной стран.

В отличие от интересов наций, которым обычно соответствует стабильность и дружеский характер международных отношений, интересы мировой олигархии лежат исключительно в сфере создания условий для извлечения сверхприбылей и упрочения своего глобального господства. Наилучшие условия для этого создают войны, революции и экономические кризисы, в результате которых ослабевают национальные системы безопасности и институты государственной власти, возникает хаос, рушатся экономические структуры и открываются дополнительные возможности для их подчинения интересам транснационального капитала. В отношении не только России, но и других суверенных государств мировая олигархия неизменно демонстрирует агрессивность и стремление к разрушению институтов государственной власти и национального суверенитета, затрудняющих ее доминирование в соответствующих сегментах глобального экономического пространства.

После организации искусственного противостояния двух политических систем в «холодной войне» для демонтажа основных институтов государственной власти ведущих западных стран и замещения их международными институтами в интересах доминирования мировой олигархии создается система глобального контроля под сенью военного и дипломатического лидерства США. Реализуя свое доминирующее положение в институтах государственной власти США, мировая олигархия пытается использовать национальные ресурсы этой страны, включая эмиссию ее национальной валюты, для обеспечения своего глобального господства. Именно поэтому идеологи мировой олигархии заинтересованы в сохранении мирового лидерства США. Для оправдания использования американского государства в качестве гигантского жандарма, обеспечивающего интересы транснационального капитала, американскому народу внушается комплекс имперского превосходства, подогреваемый предоставлением ему исключительного права на лидерство и насилие в

мировой политике. Контролируя институты государственной власти в США, мировая олигархия использует их как инструменты обеспечения своих интересов во всех других странах.

В Стратегии национальной безопасности США [111] сферой ответственности органов национальной безопасности США объявляется обслуживание интересов транснационального капитала: беспрепятственный доступ к ресурсам других стран, включая их природные и людские ресурсы, к их рынкам, устранение каких-либо национальных барьеров для движения иностранных инвестиций. Одновременно сферой национальной безопасности США объявляется контроль за народонаселением, загрязнением окружающей среды и политическими системами в других странах. При этом в данной стратегии закрепляется монополия американского правительства на роль арбитра, имеющего право на насилие во всех глобальных вопросах. Утверждается, что Соединенные Штаты являются единственной страной в мире, которая во многих случаях способна взять на себя эту роль для организации коллективных действий по преодолению общих вызовов [111].

Стратегия национальной безопасности США отчетливо формулирует основные черты нового мирового порядка. Расширяя «зоны жизненных интересов США» до масштабов всей планеты, а содержание этих интересов — до контроля над природными, демографическими и экономическими ресурсами других стран, а также закрепляя исключительную монополию на применение силы в международных делах за американской военно-дипломатической машиной, мировая олигархия планирует обеспечивать свое господствующее положение. В обмен американскому народу обещают процветание и стабильность, поскольку состояние международной экономической системы напрямую сказывается на безопасности США, а стабильность повышает возможности для процветания. В свою очередь, процветание страны создает возможности для содержания вооруженных сил США и оказания влияния на ситуацию в глобальном масштабе.

Так интересы мировой олигархии переплетаются с национальными интересами США. За счет налогоплательщиков этой страны мировая олигархия выстраивает военно-дипломатическую машину для обеспечения глобального доминирования и контроля, позволяя в то же время населению страны базирования создать себе более комфортные и безопасные условия жизни, стимулируя его претензии на сверхпотребление за счет эксплуатации природных и человеческих ресурсов всей планеты.

Стратегия доминирования мировой олигархии пока не носит тотального характера. Ее не интересуют все виды деятельности и она не стремится к контролю над всеми ресурсами планеты. Усилия мировой олигархии сосредоточены в основном в сфере установления контроля над наиболее прибыльными сферами деятельности, где источником сверхдоходов является обладание политической, природной или интеллектуальной моно-

полией — управление государственными долгами, эмиссия денег, финансовые услуги, банковские операции, аудиторские и юридические услуги, международная торговля, наркобизнес, естественные монополии, энергетика, использование новых технологий. Остальные сферы деятельности, в которых механизмы рыночной конкуренции устраняют возможности получения монопольной сверхприбыли, меньше привлекают транснациональный капитал и осваиваются в основном национальными деловыми кругами. При этом чем больше экономическая мощь последних, тем больше возможности согласования и взаимовыгодного партнерства международного и национального капитала, который оказывает свое влияние на формирование правил игры в любой стране.

В целях согласования интересов мировой олигархии и национальных интересов наиболее развитых стран была раскручена расистская доктрина «золотого миллиарда», согласно которой обеспеченное существование на планете может быть гарантировано только миллиарду человек из наиболее преуспевающих стран, в то время как остальным странам уготована жалкая участь сырьевого придатка и поставщика дешевого человеческого материала для обслуживания интересов транснационального капитала. Эта доктрина носит отнюдь не умозрительный характер — она фактически применяется на практике в регулировании международных отношений. Причислившим себя к клубу избранных странам разрешается защищать внутренний рынок, вести агрессивную экспортную политику, поддерживать своих товаропроизводителей, сохранять национальную культуру и общественную нравственность, навязывать свои интересы другим, вплоть до применения вооруженной силы. А остальные страны должны слепо следовать рекомендациям международных организаций, выражающих интересы мировой олигархии, и не препятствовать доступу на свои рынки транснационального капитала, а в свое культурное пространство — оглупляющих и растлевающих население технологий разрушения национальной культуры и общественной нравственности. Они втягиваются в неэквивалентный внешнеэкономический обмен, через который происходит отток их внутренних ресурсов за рубеж и закрепляется их зависимое и подчиненное положение доноров транснационального капитала. Наиболее отработанные режимы неэквивалентного внешнеэкономического обмена, навязываемые мировой олигархией зависимым странам, включают втягивание последних в ловушки: внешней задолженности, сырьевой специализации в мировом разделении труда, отказа от суверенитета в проведении торговой и финансовой политики.

Через стимулирование внешних займов достигается наиболее легкая эксплуатация экономического потенциала соответствующих стран, осуществляемая при помощи их же институтов государственной власти. Предоставляя займы государствам или приобретая их ценные бу-

маги, транснациональный капитал без особого риска получает немалый процент, а страна-заемщик втягивается в долговую пирамиду, занимая вновь все больше для оплаты ранее сделанных долгов. Учитывая, что темпы экономического роста подавляющего большинства стран (0–4%) намного меньше ставки процента на мировом рынке ссудного капитала (8–20%), долговая ловушка срабатывает автоматически. Как только расходы на обслуживание государственного долга становятся сопоставимыми с потоком доходов государственного бюджета, национальный доход соответствующей страны распределяется под контролем иностранных кредиторов. Национальные производительные силы посредством налогово-бюджетных механизмов стран-должников начинают работать на обогащение международного спекулятивного капитала. В совокупности развивающиеся страны выплатили в форме процентов намного больше денег, чем взяли взаймы, при этом сумма их долга продолжает расти.

Ловушка сырьевой специализации экономики заключается в неэквивалентном внешнеторговом обмене вследствие «ножниц цен», которые существуют между ценами на сырьевые товары, формируемыми на основе глобальной рыночной конкуренции, и ценами на готовые изделия, которые удерживаются завышенными на величину интеллектуальной ренты в силу монопольного обладания соответствующими технологиями их производства. Втягиваясь в сырьевую специализацию, та или иная страна попадает в ловушку воспроизводящегося обмена принадлежащей ей природной ренты с невосполняемых месторождений природных ресурсов на интеллектуальную ренту в цене импортируемых готовых изделий, финансируя научно-технический прогресс за рубежом и содействуя тем самым расширению «ножниц цен», подрывая одновременно свой ограниченный ресурсно-производственный потенциал.

Практически весь арсенал политики разрушения институтов обеспечения национального суверенитета в целях достижения глобального доминирования мировой олигархии был использован в процессе разрушения СССР и продолжает применяться сегодня в отношении России и других стран СНГ. Ярким проявлением такой политики стали международные обязательства, принятые как часть «революционных преобразований» российскими руководителями под давлением их зарубежных наставников с огромным ущербом для национальных интересов страны: Беловежские соглашения о денонсации Союзного договора, меморандум о принятии Россией и другими странами СНГ солидарной ответственности за обслуживание долга бывшего СССР, отказ от компенсации России стоимости оставляемого после вывода войск имущества в Восточной Германии и других странах Варшавского договора, подписание Энергетической хартии, предусматривающей отказ от национального суверенитета в использовании энергетических ресурсов страны; отказ от защиты

внутреннего рынка и проведения самостоятельной денежно-кредитной политики, привязка эмиссии национальной валюты к приобретению валютных резервов; списание до 90% ранее предоставленных нашей страной кредитов развивающимся странам в угоду Парижскому клубу кредиторов. Десятки миллиардов долларов, финансовых активов России, унаследованных от СССР, превратились в пыль. Странам «семерки» это решение нужно было для облегчения обслуживания бремени задолженности развивающимися странами в пользу остальных кредиторов.

Многочисленные высказывания идеологов нового мирового порядка и практические действия ведущих стран Запада и международных организаций в отношении России не оставляют сомнений, что в рамках нынешнего мирового порядка ей отводится роль сырьевой колонии, назначение которой — смягчить последствия сырьевого и экологического кризисов, угрожающих благополучию и стабильности развитых стран. В рамках этой концепции России была навязана доктрина рыночного фундаментализма, реализация которой привела к деиндустриализации экономики, свертыванию наукоемких технологий, сырьевой специализации, приведения правового и экономического пространства страны в соответствие с интересами транснационального капитала. Следствие подобной стратегии — «расчистка» российской территории не только от отечественных товаров, но и от «лишних» людей. В разных сценариях дальнейшего демонтажа российской государственности, разрабатываемых идеологами нового мирового порядка и специалистами соответствующих иностранных спецслужб, Россию рассматривают в качестве зависимой территории, используемой как источник промышленного сырья, слабозаселенный природный парк и место свалки вредных отходов; в любом случае — как источник сверхприбылей транснациональных корпораций.

Показательной в этом контексте является русофобская истерия весьма влиятельного американского политолога З. Бжезинского, которая вносит ясность во многие направления современной американской геополитики. Если официальная доктрина национальной безопасности США лишь констатирует претензии американской администрации на вмешательство во внутренние дела других стран и на диктат своих интересов в любой точке мира, то рассуждения Бжезинского не оставляют сомнений: главной разменной картой американской геополитики оказалась Россия. Из его установок следует, что холодная война против СССР сегодня перешла в агрессию против России. Расчленение России на три части, считает Бжезинский, станет основой для достижения баланса сил в американских интересах в Евразии: «Каждый из этих трех членов конфедерации имел бы более широкие возможности для использования местного творческого потенциала, на протяжении веков подавлявшегося тяжелой рукой московской бюрократии» [11].

Из изложенного выше следует нецелесообразность сохранения сложившейся системы международных финансовых отношений с точки зрения национальных интересов России и большинства других стран мира, не обладающих возможностью эмитировать мировые деньги. Кризис дает шанс на пересмотр этих отношений с учетом интересов всех участников. Однако пока Вашингтон в силах принуждать зависимые от него страны НАТО и Японию к сохранению статус-кво, этот пересмотр невозможен и другим остается выбирать между интересами международного капитала и своими национальными.

Глава 11
Развитие нового технологического уклада в мировой и российской экономике

Как следует из охарактеризованных выше закономерностей долгосрочного технико-экономического развития, преодоление глобального экономического кризиса произойдет со становлением нового технологического уклада, расширение которого станет материально-технологической основой новой длинной волны экономического роста. Анализ основных направлений современного НТП и прогнозов научно-технического развития позволяет дать достоверное описание ключевого фактора и ядра этого технологического уклада. Большинство связанных с ним базовых изобретений уже сделано, идет активное формирование его технологических совокупностей.

Вместе с тем в начальной фазе роста нового технологического уклада сохраняется высокое разнообразие потенциальных технологических траекторий развития составляющих его технологических совокупностей. Имеет место также неопределенность состава технологических лидеров и основных производственно-технологических организаций, как и опосредующих их развитие институтов. Из этого следует некоторая размытость контуров нового ТУ, хотя его ключевой фактор, ядро и основные несущие отрасли уже сформировались. Соответственно приводимые в настоящей главе результаты исследований, выполненные автором совместно с коллективом ученых МИФИ под руководством проф. В.В. Харитонова, носят приблизительный характер и могут быть впоследствии скорректированы по мере накопления информации о становлении нового технологического уклада и снижения неопределенности технологических траекторий его развития [25].

Наряду с краткой историей зарождения нового технологического уклада в настоящей главе рассматриваются основные сферы применения его ключевого фактора, которые сгруппированы в семь основных областей: наноэлектроника, медицина и фармацевтика, генно-

модифицированные продукты, конструкционные и функциональные материалы, машиностроение, энергетика. Более полный обзор применений нанотехнологий можно найти в упоминавшейся выше монографии «Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике».

11.1. Становление нового технологического уклада

Становление нового технологического уклада начинается с зарождения и применения его ключевого фактора. В отношении развивающегося сегодня нового, шестого, технологического уклада ролью такого фактора, как указывалось выше, являются нанотехнологии. Согласно ставшему уже классическим определению, если при уменьшении объема какого-либо вещества по одной, двум или трем координатам до размеров нанометрового масштаба возникает новое качество или это качество возникает в композиции из таких объектов, то эти образования следует отнести к наноматериалам, а технологии их получения и дальнейшую работу с ними к нанотехнологиям [105].

Исторической точкой отсчета научного использования нанотехнологий является открытие российского физика-теоретика Георгия Антоновича Гамова, который в 1928 году получил решение уравнений Шредингера, описывающее возможность преодоления частицей энергетического барьера в случае, когда энергия частицы меньше высоты барьера. Открытое явление, называемое туннелированием (туннельным эффектом), позволило объяснить многие процессы в атомной и ядерной физике, составляющих основу ряда современных технологий, в том числе нанотехнологий. Развитие электроники привело к использованию процессов туннелирования почти 30 лет спустя, в середине 1950-х годов, когда появились туннельные диоды, открытые японским ученым Л. Есаки, ставшим нобелевским лауреатом.

Базовым изобретением шестого технологического уклада следует считать изобретение в 1981 году сканирующего туннельного микроскопа (СТМ), позволяющего строить трехмерную картину расположения атомов на поверхностях проводящих материалов. Его создали в Цюрихском исследовательском центре IBM физики Герд Бинниг и Генрих Рорер (нобелевские лауреаты 1986 г. вместе с Эрнстом Руской — создателем электронного микроскопа)[1]. В 1986 году Герд Бинниг разработал сканирующий атомно-силовой зондовый микроскоп, позволивший наконец визуализировать атомы любых материалов (не только проводящих), а также

[1] *Бобровский С.* Из истории нанотехнологий. — http://www.nanotechnology.org/populyarnoonanotehnologiyah/izistoriinanotehnologiy.

манипулировать ими. При его помощи становится возможным «подцепить» атом и поместить его в нужное место, т.е. манипулировать атомами и непосредственно собирать из них новое вещество.

Определяющую роль в развитии и становлении нанотехнологии сыграло также открытие в 1985–1991 годах фуллеренов — молекул, состоящих из 60 атомов углерода, расположенных в форме сферы. В 1991 году японский профессор Сумио Лиджима, работавший в компании NEC, использовал фуллерены для создания углеродных трубок (или нанотрубок) диаметром 0,8 нм. На их основе в наше время выпускаются материалы в сто раз прочнее стали.

В 1998 году Сиз Деккер, голландский профессор Технического университета г. Делфтса, создал транзистор на основе нанотрубок, используя их в качестве молекул. Для этого ему пришлось первым в мире измерить электрическую проводимость такой молекулы. А в 2002 году он соединил углеродную трубку с ДНК, получив единый наномеханизм.

С середины 1990-х годов траектория развития нанотехнологий входит в фазу роста — начинается бурный рост количества публикаций по нанотематике, а также применение нанотехнологических методов в промышленности. Это стало возможным благодаря разработкам методов и средств линейных измерений и манипуляций в нанометровом диапазоне, которые собственно и обеспечили техническую возможность создания нано- и клеточных технологий: изобретение растровых электронных и атомно-силовых микроскопов, а также разработку основанных на их использовании метрологических систем.

С момента создания и освоения их производства следует вести отсчет технологической траектории шестого технологического уклада. К исходным предпосылкам ее формирования необходимо также отнести создание дифрактометров и спектрометров с соответствующей разрешающей способностью, позволяющей измерять физико-химические параметры и свойства нанообъектов. Использование этой приборной базы позволило открыть новые свойства материи и создавать материалы с заранее заданными свойствами, возникающими вследствие манипуляций с атомами вещества на наноуровне. К числу других базисных изобретений, с внедрения которых начинается траектория жизненного цикла шестого технологического уклада, следует также отнести расшифровку геномов растений, животных и человека, изобретение технологий клонирования и генетической модификации живых организмов, открытие стволовых клеток, разработку клеточных технологий в медицине. В комплексе перечисленные базовые нововведения формируют кластеры взаимодополняющих, технологически сопряженных производств, по мере развития которых складывается воспроизводственный контур нового технологического уклада [25].

11.2. Развитие ядра нового технологического уклада

Как было показано выше, ядро нового, шестого по нашей хронологии, технологического уклада, включает в себя составляющие его ключевой фактор нано-, био- и информационно-коммуникационные технологии в совокупности с обеспечивающими их расширенное воспроизводство технологиями приборостроения, метрологии, программного обеспечения, а также научными исследованиями. Ниже исследуются технологические траектории развития ряда его составляющих, в отношении которых сегодня возможно проведение достоверных измерений. При этом основное внимание уделено нанотехнологиям, по распространению которых имеется наиболее обширная информация.

Ядро нового технологического уклада является его наиболее динамично развивающейся частью. Рисунок 1 иллюстрирует достигнутый им размер и прогнозные темпы дальнейшего роста как ядра, так и основных его несущих производств и проникновения в потребительский сектор в обозримой перспективе. По имеющимся прогнозным оценкам, с 2009 по 2014 год ожидается рост объемов производства и продаж различных нанопродуктов от полутора до трех раз (табл. 1). Ниже анализируются технологические траектории ряда основных составляющих ядра нового технологического уклада.

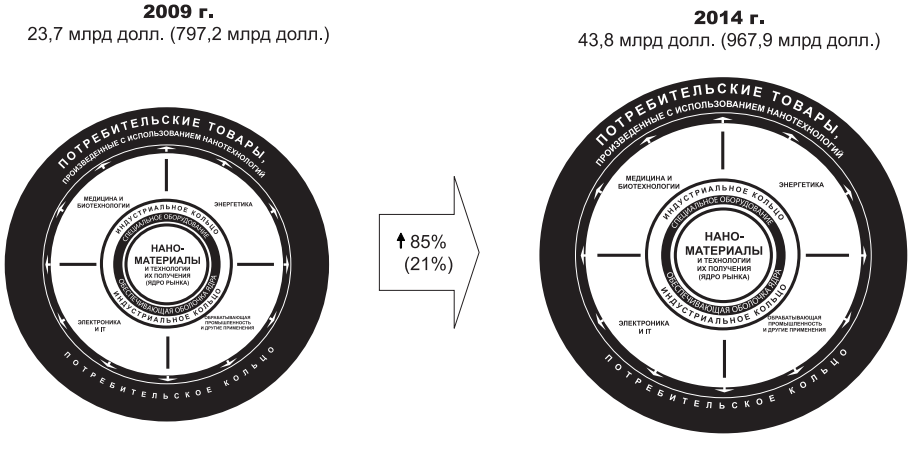

Рис. 1. Динамика продаж нанопродуктов.

Источник: Рынок нано: от нанотехнологий к нанопродуктам / Под ред. Г.Л. Азоева. — М.: БИНОМ, 2011.

Пока траектория роста нового технологического уклада еще формируется, происходит острая конкуренция различных технических решений, предлагающих их фирм и коллективов ученых, а также разворачивается борьба между странами за лидерство в формировании ядра нового технологического уклада.

Типичным примером такой конкурентной борьбы является формирование новых технологических траекторий в электронной промышленности.

Таблица 1

Рейтинг секторов мирового рынка нанопродуктов по объемам продаж в 2009 и 2014 гг., млн долл.

Сектор	Объем продаж 2009 г.	Объем продаж 2014 г.	Позиция в рейтинге
Наноматериалы	10112,8	16702,9	1
Обрабатывающая промышленность и прочие применения	4006,0	6396,4	2
Энергетика	3878,6	6028,6	3
Медицина и биотехнологии	528,5	1750,8	4
Электроника и информационные технологии	528,5	1750,8	5

Рейтинг секторов мирового рынка нанопродуктов по ежегодным темпам прироста в 2008–2014 гг.

Сектор	Среднегодовой прирост в 2009–2014 гг., %	Позиция в рейтинге
Электроника и информационные технологии	26,2	1
Медицина и биотехнологии	12,1	2
Наноматериалы	10,6	3
Обрабатывающая промышленность и прочие применения	10,1	4
Энергетика	9,2	5

Конкуренция современной микропроцессорной техники заставляет производителей повышать быстродействие процессоров, увеличивать емкость памяти, уменьшать габариты устройств и удешевлять их. Поскольку основные технические характеристики электронных приборов во многом определяются размером электронных компонентов, их минимизация стала генеральным направлением технологической траектории развития микроэлектроники, охватившим все составляющие технологического процесса — литографическое оборудование, включающее эксимерный лазер, оптическую систему переноса изображения, систему позиционирования, сканирования и совмещения пластины и фотошаблона. Более сорока лет развитие в этой области описывается законом Мура, согласно которому плотность компонент интегральных электронных схем возрастала вдвое за каждые полтора года (соответственно размер схемных элементов уменьшался вдвое) (рис. 1).

В начале XXI века размер электронных компонентов вошел в нанообласть (достиг 100 нм). Рубежом вхождения этой технологической траектории в ядро шестого технологического уклада следует считать освоение диапазона экстремального ультрафиолетового излучения волны 13 нм.

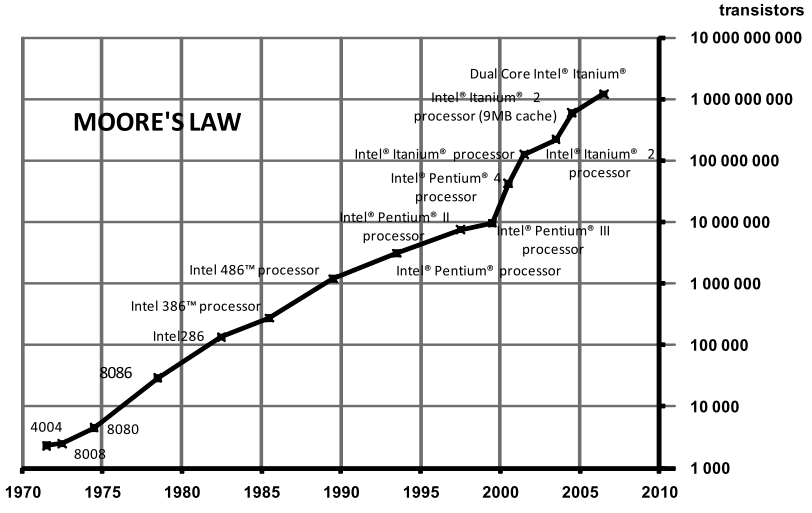

Рис. 2. Динамика роста количества транзисторов на единице поверхности БИС.
Источник: Суетин И. Полупроводниковые нанотехнологии: достижения и перспективы. — М.: Intel, 2008.

Технологическая сопряженность элементов ядра нового технологического уклада обуславливает синхронизацию взаимодополняющих и взаимоподдерживающих друг друга нововведений в процессе его развития. Например, выпуск наносхем для суперЭВМ позволяет создать принципиально новые вычислительные средства для автоматизации проектных работ авиастроения и судостроения. Это, в свою очередь, создает возможность проектирования новой сложной аппаратуры и, значит, повышает спрос на микросхемы. Такого рода обратные связи с сильным положительным эффектом формируют траекторию роста нового технологического уклада, сопровождающуюся быстрым увеличением показателей эффективности и интенсивности производства одновременно с повышением его капиталоемкости.

Динамика развития и распространения нанотехнологий в электронной промышленности наглядно иллюстрирует логику формирования технологической траектории ядра нового технологического уклада. В начальной фазе его жизненного цикла, когда сфера применения нанотехнологии весьма ограничена, а соответствующая технологическая база только формируется, затраты на инвестиции в создание производственных мощностей невелики. В дальнейшем, по мере развертывания технологической траек-

тории, быстро растут объемы как производства, так и инвестиций, резко поднимается эффективность производства, появляется сверхприбыль за счет нарастающей интеллектуальной ренты, позволяя финансировать дальнейшее развитие. При этом лидеры быстро наращивают технологическое превосходство, а вход в данную технологическую траекторию для новичков оказывается все более дорогостоящим и экономически рискованным.

Переход экономики на новый технологический уклад сопровождается резким снижением материалоемкости и повышением энергоэффективности производства. Типичным примером быстрого повышения эффективности энергопотребления по мере роста нового технологического уклада является распространение светодиодов в светотехнике. Светодиод — это полупроводник, работа которого основана на физическом явлении возникновения светового излучения при прохождении электрического тока через контакт двух полупроводников. В отличие от ламп накаливания светодиоды излучают свет в относительно узкой полосе спектра. Они занимают промежуточное положение между лазерами, свет которых монохроматичен (излучение со строго определенной длиной волны), и лампами различных типов, излучающих белый свет (смесь излучений различных спектров).

Светодиоды уже широко используются в качестве миниатюрных индикаторов в аудиовидеоаппаратуре и бытовой технике. Как источники «цветного» света они давно обогнали лампы накаливания со светофильтрами. Кроме высокой световой отдачи, малого энергопотребления и возможности получения любого цвета излучения, светодиоды обладают целым рядом других замечательных свойств. Отсутствие нити накала благодаря нетепловой природе излучения светодиодов обусловливает длительный срок службы, достигающий 100 тысяч часов, или 11 лет непрерывной работы. Отсутствие стеклянной колбы определяет очень высокую механическую прочность и надежность источников света с использованием светодиодов. Малое тепловыделение и низкое питающее напряжение гарантируют им высокий уровень безопасности, а безынерционность делает светодиоды незаменимыми, когда нужно высокое быстродействие (например, для стоп-сигналов).

Светодиоды находят все более широкое применение: светофоры и активные дорожные знаки, автомобили, подсветка сотовых телефонов, световая реклама, полноцветные светодиодные дисплеи, архитектура и многое другое. Светодиодные цветодинамические системы, легко программируемые с пульта или с персонального компьютера, применяются в архитектурном и ландшафтном освещении. Освещение светодиодами позволяет создавать светоцветовую среду с полностью управляемыми пространственными, яркостными и цветовыми параметрами.

Светодиоды быстро вытесняют лампы накаливания. Этому способствует законодательное запрещение ламп накаливания в ряде передовых

стран. Развитые страны в ближайшие годы планируют полностью отказаться от ламп накаливания, которые будут замещены энергосберегающими светодиодами. В этом же направлении работают новые стандарты энергосбережения.

Технологическая траектория совершенствования светодиодов намного опережает другие источники света по эффективности преобразования электроэнергии в свет (рис. 3).

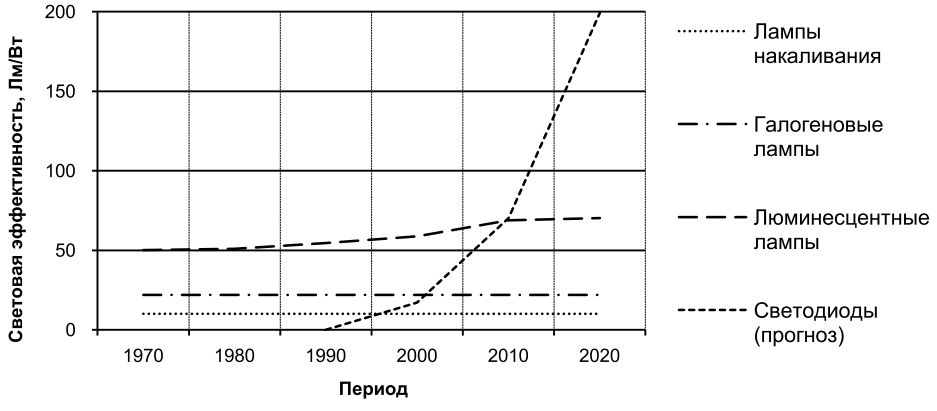

Рис. 3. Сравнение существующей и прогнозируемой эффективности различных видов освещения.

В течение последнего десятилетия мировой рынок светодиодов растет с темпом около 30% в год вне зависимости от хода глобального экономического кризиса, ожидается, что объем рынка светодиодов достигнет 5,4 млрд долларов к 2013 году, а к 2015-му — 5,9 млрд долларов.

Основными производителями светодиодов и приборов на их основе выступают компании Японии и США. Быстрыми темпами растет производство светодиодов в странах Юго-Восточной Азии, прежде всего на Тайване, в Южной Корее и Китае. Российский рынок светодиодов сегодня составляет около 100 миллионов единиц в год, и более половины из них покупаются за рубежом. Наряду с немногими производителями в мире Россия владеет технологией изготовления светодиодов сверхвысокой яркости, непосредственно использующихся для освещения жилья. В случае замещения ламп в различных светильниках на светодиоды к 2012 году мировой рынок светодиодной светотехники различного назначения может превысить 60 млрд долларов в год. Российский рынок может достичь 70 млрд рублей к 2012 году. И продукция отечественной наноиндустрии может играть на нем определяющую роль.

Наиболее быстро растущей частью полупроводниковой отрасли становится рынок микроэлектромеханических систем (МЭМС) [12]. Одной

из первых МЭМС-технологий, получивших повсеместное распространение, стали сенсоры ускорения, устанавливаемые сейчас практически во все современные автомобили для детектирования столкновения и выпуска защитных воздушных подушек. Есть и еще целый ряд успешных МЭМС-изделий, таких как головки микроструйных принтеров или сенсоры давления, которые сотнями миллионов поставляются медицинской и автомобильной промышленности; цифровые проекторы высокого разрешения. Среднегодовой рост этого сектора в течение ближайших пяти лет ожидается на уровне 15%. К 2012 году рынок МЭМС-систем может превысить 66 млрд долларов, что составит 15% от всего рынка полупроводников. За последние годы удалось достичь заметных успехов в изготовлении моторов, насосов и других самых разных по назначению механических агрегатов, невидимых невооруженным глазом.

Сфера потребления наноэлектромеханических систем захватывает потребительский сектор. Нишами их применения являются, к примеру, пульты дистанционного управления, мультимедийные телефоны и переносные накопители на магнитных дисках. МЭМС-устройства также задействованы для защиты жестких дисков от повреждений при падении, а в ноутбуках — для отключения в случае воровства. Развиваются МЭМС-устройства оптических коммутаторов для оптоволоконных телекоммуникационных систем.

МЭМС-технология все шире используется в производстве СВЧ-устройств.

Использование наноразмерных гетероструктур привело к прогрессу в СВЧ-электронике при создании высокоскоростных приборов для систем связи, радиолокации, радиометрии, навигации, электронных средств вооружений. Достижение минимального размера элемента (длины затвора транзистора) значения 30–50 нм обеспечило качественный скачок — создание СВЧ-приборов с диапазоном частот свыше 1000 ГГц, которое можно считать рубежом перехода к шестому технологическому укладу.

Переход в СВЧ-наноэлектронике от субмикронных транзисторов к гетероструктурным нанотранзисторам обеспечил многократное увеличение быстродействия, переход от сантиметрового диапазона длин волн к миллиметровому и субмиллиметровому диапазонам и соответственно увеличению скоростей и объемов передаваемой информации в системах связи и радиолокации. Объем мировых продаж гетероструктурных транзисторов и монолитных интегральных схем (МИС) уже приблизился к 7–8 млрд долларов в год, ежегодно увеличиваясь более чем на 30% [3].

Наиболее массовой областью применения технологии наногетероструктр является сотовая связь. Она занимает около 57% «гетероструктурного» рынка — гетеротранзисторы содержит почти каждый сотовый телефон. Около 23% рынка занимает быстропрогрессирующая высоко-

скоростная волоконно-оптическая связь, потребляющая гетероструктурные МИС с частотами до 60 ГГц и выше. Около 12% рынка принадлежит так называемой потребительской электронике, связанной с цифровым телевидением (частоты от 12 до 30–40 ГГц). Кроме того, быстро растет рынок гетероструктурных МИС для автомобильных радаров (системы предотвращения столкновений), а также для спутниковой связи. Там, где требуются высокие рабочие частоты, наногетероструктурная технология быстро вытесняет кремниевую технологию, завоевывая все большую долю мирового телекоммуникационного и радиолокационного рынка.

Одним их базовых изобретений шестого технологического уклада следует считать создание высокоэффективных лазеров, использующих гетероструктуры с наноразмерными слоями. Использование нанотехнологий позволяет качественно улучшить и поднять эффективность изготовления полупроводниковых лазеров, светодиодов и осветительных систем на их основе. Только наиболее передовые в технологическом отношении государства (США, Япония, Германия, Франция, Ю. Корея, Тайвань) располагают полным технологическим комплексом, достаточным для производства различных типов таких приборов. В России основные исследования в этом направлении ведутся в Физико-техническом институте (ФТИ) им. А.Ф. Иоффе РАН (Санкт-Петербург), а также в Институте физики полупроводников (Новосибирск). Области применения полупроводниковых лазеров весьма разнообразны и включают оптические устройства записи, хранения и считывания данных, системы волоконно-оптической связи, датчики различного типа. Использование электромагнитного излучения терагерцового диапазона безвредно для человека, что открывает широкие возможности для применения лазерных технологий в медицине.

В России, несмотря на сложности финансирования, сохраняется научный паритет с развитыми странами на всех основных направлениях разработки лазерных технологий. Он выражается в достижении параметров мирового уровня (в том числе рекордных) для приборов, изготовленных в условиях мелкосерийного или лабораторного производства. Общий российский рынок этой техники оценивается в 8–12 млн долларов в год при ежегодном приросте 8–10%, что соответствует общемировым тенденциям.

Применение наночастиц и полупроводниковых нанопроводов позволило создать сверхкоротковолновые лазеры (нанолазеры), обещающие увеличение плотности оптических дисков в десятки раз. Коротковолновый лазер с длиной волны 5–50 нанометров может найти свое применение в новых видах оптической микроскопии и литографии высокого разрешения, необходимой для создания микро- и наноэлектроники нового поколения. При смене красных лазеров, использующихся сегодня для записи CD-систем, на нанолазеры плотность записи возрастет более чем в тысячу раз.

В последние годы делаются попытки разработать на основе нанолазеров оптические компьютеры, являющиеся заменой современным электрическим компьютерам. В свою очередь оптические компьютеры являются отправным шагом к еще более сложным квантовым компьютерам.

Перспективным направлением развития электроники, определяющим прогресс информационных и телекоммуникационных технологий в ближайшие 10–20 лет, является переход от двоичной логики к нейросетевым методам обработки информации в непрерывных распределенных молекулярных и биомолекулярных средах с использованием в качестве носителей информации световых потоков. Объединение достижений нано- и биомолекулярных технологий позволяет получить принципиально новые материалы для специализированной элементной базы нейрокомпьютеров и интеллектуальных робототехнических систем, способных к автономному обучению и успешной последующей работе в сложных условиях внешней среды.

11.2.1. Нанобиотехнологии

Важной составляющей ключевого фактора шестого технологического уклада являются нанобиотехнологии, объединяющие достижения физики, химии, биологии и медицины. На их основе создаются системы диагностики, разрабатываются высокодисперсные формы лекарственных препаратов и их адресной доставки к пораженным органам, создаются биосовместимые материалы и покрытия для использования в медицинской имплантационной практике, реконструктивной и пластической хирургии. Осваивается промышленный выпуск тест-систем для ускоренного определения возбудителей социально значимых вирусных и бактериальных заболеваний, токсинов и вредителей сельскохозяйственных культур. Разрабатывается технология для производства нанодиагностикумов на основе инкапсулированных квантовых точек, металлических наночастиц с целью создания новых быстрых и недорогих аналитических методов декодирования последовательности нуклеиновых кислот и белков для нужд медицины, сельского хозяйства, национальной безопасности. В последние годы наблюдается бурный рост продаж лекарственных препаратов, разработанных с использованием технологий генной инженерии.

Технологии генной инженерии позволяют синтезировать лекарственные препараты с заранее известными свойствами в отличие от традиционной фармацевтики, которая для разработки новых препаратов вынуждена исследовать свойства десятков тысяч различных химических субстанций. Благодаря новым подходам к разработке лекарственных

препаратов в последние годы происходят революционные прорывы в лечении таких заболеваний, как рак, рассеянный склероз, ревматоидный артрит, сахарный диабет, ВИЧ и др.

Разработаны транспортные наносистемы (контейнеры) для доставки лекарств в органы-мишени. Эти разработки позволяют повысить растворимость, биодоступность, терапевтические возможности препаратов, снизить дозы и побочные эффекты, значительно уменьшив лекарственные нагрузки на организм. Большое распространение данные технологии нашли в области косметологии, поскольку получаемые таким способом липосомальные косметические препараты обладают отличной способностью к трансдермальному проникновению.

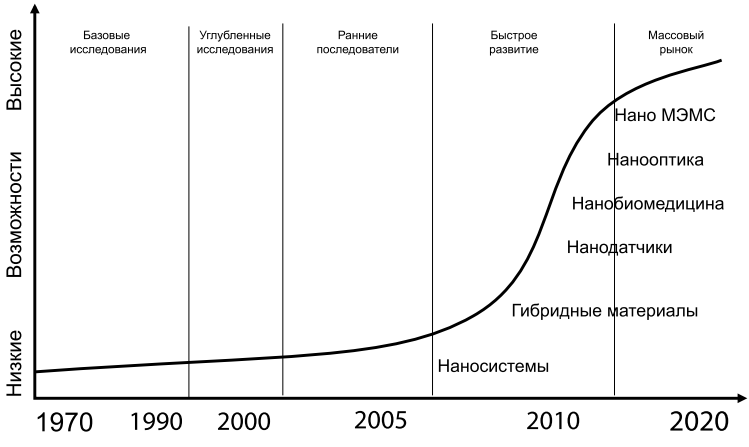

Рис. 4. Периоды освоения нанотехнологий в медицине.

Источник: Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / Под ред. С.Ю. Глазьева и В.В. Харитонова — М.: Тровант, 2009.

Применение нанотехнологий позволяет качественно поднять эффективность многих видов медицинской деятельности. В частности, они позволяют создать материалы, обладающие повышенной биосовместимостью к крови, живым тканям и физиологическому раствору человеческого организма. Формирование биосовместимых границ раздела медицинского материала — имплантанта с живыми компонентами организма человека (кровь, плазма крови, физиологический раствор, лимфа и т.д.) требует создания морфологической структуры поверхности имплантанта с такими размерами активных элементов поверхности, которые соответствуют размерам структур этих живых компонентов, т.е. в наномасштабном диапазоне. Соединение нанотехнологий и достижений генной инженерии открывает революционные возможности для регенерирования

тканей. Для создания биоискусственных органов и тканей используются матриксы (носители) для клеток на основе наночастиц.

Перспективным направлением является использование стволовых клеток — протоклеток, развивающихся в специализированные клетки организма по мере необходимости роста и регенерации соответствующих тканей. Ранее считалось, что источником стволовых клеток является эмбриональная ткань и костный мозг взрослого человека. Однако в последующем были обнаружены неисчерпаемые запасы стволовых клеток в жировой ткани организма, что сняло этические и медицинские барьеры их широкого применения.

Ожидается, что использование достижений генной инженерии позволит многократно повысить эффективность здравоохранения и фармацевтической промышленности. По данным International Association of Nanotechnology, массовое использование нанотехнологий в медицине начнется уже в 2011–2015 годах (рис. 4).

11.2.2. Генно-модифицированные продукты

Другой сферой быстрого распространения нанобиотехнологий стало сельское хозяйство, в котором широко применяются генетически модифицированные организмы, созданные методами генной инженерии на основе достижений современной молекулярной биологии. Под определение генетически модифицированных (ГМ) подпадают организмы с изменениями в геноме, которых нельзя достичь традиционными методами селекции и рекомбинации. Наиболее распространенными ГМО на сегодняшний день являются трансгенные растения, в геном которых вносятся чужеродные гены для придания ему новых свойств. Например, создан картофель, имеющий ген земляной бактерии, который придает ему устойчивость к колорадскому жуку.

Первой сельскохозяйственной генно-модифицированной (ГМ) культурой был томат Flavr Savr, устойчивый к гниению. За время с 1996 года, когда началась коммерциализация ГМ-культур, они были внедрены во многих странах и к 2007 году занимали более 114 млн га. Наибольшее количество посевных площадей засеяно ГМ-культурами в США (около 50% мировых площадей), а также в Аргентине, Бразилии, Канаде, Парагвае (около 90%) (рис. 5).

Формирование технологических траекторий распространения нового технологического уклада в растениеводстве вошло в фазу устойчивого роста. Рынок отобрал наиболее конкурентоспособные растения, создаваемые посредством применения генной инженерии, в выращивании которых достигается максимальный экономический эффект. Хотя количество

запатентованных ГМ-культур постоянно растет, составляя к настоящему времени около трех десятков, подавляющая часть посевов приходится на сою, хлопок, кукурузу и канолу (масличный рапс).

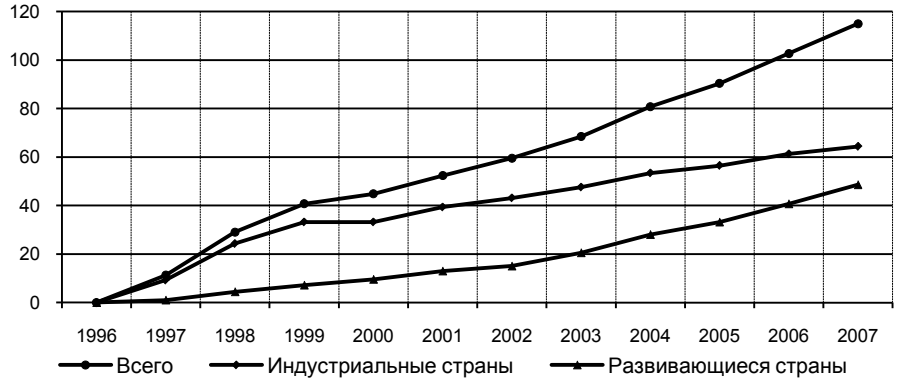

Рис. 5. Посевные площади под генно-модифицированными культурами в мире, млн га.

В настоящее время уже завершается раздел мирового рынка между крупнейшими ГМ-компаниями. Монополизируя использование создаваемых ими ГМ-культур, они захватывают и рынок соответствующих семян, причем отнюдь не только ГМ-культур. В настоящее время десять наиболее крупных компаний контролируют 57% этого рынка, в том числе американская Monsanto имеет права на 86% всех ГМ-растений.

Формирование олигопольной структуры рынка растениеводства достигается при помощи патентования ГМ-культр компаниями в качестве интеллектуальной собственности. Как правило, сельхозпроизводители, заключающие с ними контракт на поставку семян, не имеют права сохранять семена от урожая для дальнейшего использования. В результате сельскохозяйственные предприятия теряют контроль над условиями воспроизводства, так как вынуждены каждый год покупать новые семена. При этом они обязуются не отдавать их на какие-либо исследования, что делает невозможным не только конкуренцию в разработке новых продуктов, но и затрудняет контроль качества и безопасности продукции. Монополизация мирового рынка ГМ-семян имеет весьма негативные последствия, вызывая подорожание семян и снижение их разнообразия, повышенное загрязнение окружающей среды пестицидами и гербицидами.

Россия является обладателем одного из трех банков семян мирового значения, что позволяет создать собственную самодостаточную отрасль воспроизводства генетически модифицированных растений. Для этого имеется необходимый научный потенциал, который, однако, остается

невостребованным из-за чрезмерно консервативной позиции регулирующих органов, препятствующих практическому внедрению ГМ-растений. В результате нарастает не только технологическое отставание отечественного растениеводства, но и подрывается продовольственная база страны, которая во все большей части переориентируется на более дешевое импортное продовольствие, растущую часть которого составляют ГМ-продукты.

11.2.3. Наноматериалы

Применение нанотехнологий позволяет создавать новые типы материалов, сочетающих высокие прочность и пластичность. Повышенные эксплуатационные характеристики нанокомпозитных материалов обусловлены образованием при спекании специфических непрерывных нитевидных структур, формирующихся в результате трехмерных контактов между наночастицами разных фаз. Повышение коррозионной стойкости наноструктурных покрытий обусловлено снижением удельной концентрации примесей.

К числу наиболее перспективных и широко исследуемых наноматериалов, обладающих широким спектром применений, относят фуллерены и углеродные нанотрубки, которые образуют новый класс углеродных наноматериалов. Промышленное внедрение углеродных нанотрубок ведется в области хранения электрической энергии (водородные топливные ячейки), конденсаторов высокой емкости, устройств с хорошей электронной эмиссией (дисплеи, электронная микроскопия, сканирующая зондовая микроскопия и т.п.), производства заполнителей для антифрикционных прокладок, работающих в авиационных и автомобильных двигателях, наполнителей в различных объемных нанокомпозитах (от углепластиков до многокомпонентной керамики). Такие объемные материалы планируется использовать в автомобильной промышленности, авиации как конструкционные материалы для специальных применений. Ведется разработка материалов и покрытий на основе нанотрубок для снижения трения в электромеханических устройствах.

В настоящее время главными областями применения углеродных нанотрубок являются спортивные товары, электроника и автомобилестроение. Углеродные нанотехнологии могут использоваться в радиоэлектронике для поглощения микроволнового излучения, создания новых материалов с управляемыми электромагнитными и даже сверхпроводящими свойствами. Нанотрубки могут стать элементом компактных интегральных схем. Перспективным направлением является использование нанокерамики, обладающей улучшенными характеристиками: высокой

прочностью и твердостью, легкостью, упругостью, повышенным электрическим сопротивлением, пониженной теплопроводностью.

Одним из наиболее освоенных направлений применения нанотехнологий является рынок антифрикционных нанопрепаратов (снижающих износ и восстанавливающих трущиеся поверхности). Он увеличивается в полтора раза в год, составляя в настоящее время около 1 млрд рублей.

Быстро растет область применения нанопорошков. Еще в 1960–1970-х годах XX века ученые многих стран изучали новые эффекты, отчетливо проявляющиеся при тонком измельчении материалов. Когда размеры частиц измельченного вещества попадают в нанообласть, наблюдаются коренные изменения физико-химических свойств (аморфизация, химическая активность, повышенная растворимость, растворимость нерастворимых веществ и т.д). Промышленное производство большинства видов нанопорошков (оксиды металлов и порошки чистых металлов) началось около 10 лет тому назад. Несмотря на широкий ассортимент доступных в настоящее время нанопорошков, всего лишь некоторые из них производятся в промышленных масштабах и подлежат конкурентному ценообразованию.

Во множестве публикаций рассматриваются такие области применения нанопорошков, как повышение прочности и твердости материалов, придание электропроводности диэлектрикам, оптимизация горения, катализаторы и реактивы, снижение трения, магнитные материалы, защитные покрытия, оптика, абразивные материалы, радиотехника, фильтры, гальванопластика, электроника, пиротехника, косметика, цветные стекла, медицина, криминалистика и др. Пока далеко не все производители нанопорошков (не говоря уже об их потенциальных потребителях) хорошо представляют способы их использования.

Более 70% мирового производства нанопорошков в настоящее время потребляют электроника, оптика и обрабатывающая промышленность. Медицина и косметическая промышленность потребляют около 7% нанопорошков, однако ожидается, что их применение в этой области будет вести за собой большую часть нанотехнологических исследований в ближайшие 10–15 лет. В базе данных нановеществ, производимых в мире, содержится информация о более чем 1400 веществах, разбитых по 22 областям применения.

Наноструктурированные материалы могут использоваться с целью увеличения электрической емкости электродов, ионной проводимости и долгосрочной стабильности электролитов, а также повышения эффективности работы катализаторов электрохимических реакций на электродах. К примеру, наноструктурированная анодная фольга может быть использована в перспективных твердых алюминиевых конденсаторах, выпуск которых за последние годы стал одним из приоритетных направлений

деятельности большинства ведущих мировых компаний-производителей радиоэлектронных компонентов.

Одной из первых отраслей, начавших применение нанотехнологий, стала атомная промышленность. Так, в ядерной энергетике России применение нанотехнологий и наноматериалов началось уже в 1950-е годы. При создании диффузионных технологий изотопного обогащения урана и технологических операций ядерно-топливного цикла были впервые синтезированы наноразмерные металлические порошки. Использование нового класса радиационно стойких сталей, упрочненных частицами оксидов иттрия нанометрового размера показывает многократное, до 8 раз, увеличение параметров жаропрочности по сравнению со штатной сталью. В настоящее время на предприятиях Росатома разрабатываются конструкционные наноматериалы для ядерных энергоблоков, наноматериалы и нанотехнологии для ядерного топливного цикла, наносверхпроводники и наноэлектроника, ультрадисперсные (нано) материалы и нанотехнологии, наномембраны, наносорбенты.

Развитие работ в области наноматериалов и средств измерений в нанометровом диапазоне способно оказать революционизирующее влияние на развитие машиностроительного комплекса. Одной из главных задач в машиностроении является создание нового станочного парка для обработки деталей с точностью, лежащей в нанометровом диапазоне. Такие станки необходимы в ракето- и авиастроении, космической промышленности, а также для обработки оптических деталей различного назначения. Созданные в нанотехнологиях методы измерений и прецизионного позиционирования обеспечивают возможность адаптивного управления режущим инструментом на основе оптических измерений обрабатываемой поверхности детали и обрабатывающей поверхности инструмента непосредственно в ходе технологического процесса.

11.2.4. Гелиоэнергетика

Становление нового технологического уклада и освоение нанотехнологий создает предпосылки для революционных изменений во многих областях энергетики. Наиболее перспективным направлением является солнечная энергетика. Энергия солнечного излучения, поступающего на Землю, в тысячи раз превышает потребности промышленности в энергии. Основным препятствием развития солнечной энергетики на основе полупроводниковых преобразователей является их высокая стоимость. Пока солнечные батареи являются основными источниками электроэнергии только на космических аппаратах. Для масштабного использования солнечной энергии на Земле необходимо

снизить ее стоимость до 0,08–0,09 долл./кВт•ч (в настоящее время более 0,2 долл./кВт•ч).

Использование наноматериалов и нанотехнологий позволяет многократно поднять эффективность солнечной энергетики на основе использования наноструктурных фотоэлектрических преобразователей. Разработанные в последние годы каскадные солнечные элементы обеспечивают повышенное значение КПД (в условиях космоса — до 33%, у кремниевых элементов КПД — 15%) и увеличение удельного энергосъема с солнечных батарей до 300 Вт/м^2 (поток солнечной энергии около 1400 Вт/м^2), а также улучшение радиационной стойкости. КПД «наземных» каскадных солнечных элементов достигает значений 40% при концентрированной засветке. В Физико-техническом институте им. А.Ф. Иоффе разработаны высокоэффективные солнечные элементы, с применением которых стоимость получаемой электроэнергии может быть уменьшена более чем в 2 раза, а удельный энергосъем может быть увеличен более чем в 3 раза. При сроке службы таких фотопреобразователей 25 лет стоимость солнечной энергии будет составлять 0,07–0,08 долл./кВт•ч, что соизмеримо со стоимостью кВт•ч электроэнергии, вырабатываемой атомными электростанциями (менее 0,1 долл./кВт•ч).

Не менее перспективной является задача создания на органических наноматериалах эффективных дешевых преобразователей солнечного излучения в виде гибких тонких панелей, покрывающих стены помещений, крышу и т.д. Дешевизна материалов и технологии может сделать солнечную энергетику рентабельной уже при коэффициенте преобразования солнечной энергии 5–7%.

Рынок солнечной энергетики в последние годы бурно развивался. По данным исследовательской компании Lux Research, общий размер рынка достиг в 2008 году 33 млрд. долларов, или около 5 ГВт, увеличившись по сравнению с 2001 годом более чем в 11 раз. Рынок кремниевых тонкопленочных солнечных модулей в 2008 году оценивается в 0,6 ГВт, к 2012 году он увеличится до 2,4 ГВт, в денежном выражении — с 3,8 до 8,6 млрд долларов.

11.3. Распространение ключевых технологий нового технологического уклада

Из приведенного выше обзора следует, что в настоящее время влияние нанотехнологий на различные отрасли народного хозяйства и готовность отраслей к восприятию ключевого фактора нового технологического уклада весьма неравномерны (рис. 6).

Влияние	Отрасли
Высокое	Авиакосмическая и оборонная, химическая, электроника, полупроводники, энергетика, медицинские продукты и оборудование, металлургия, фармацевтика
Среднее	Швейная, продовольствие (напитки), табачные изделия, строительные материалы, продовольственные товары, оборудование для промышленности и сельского хозяйства, автомобилестроение
Низкое	Авиаперевозки, продажа автомобилей, строительство, лесная промышленность, мебель, добыча, спортивные товары, переработка отходов, страхование
Отсутствует	Реклама, маркетинг, банковская сфера, вычислительная техника, программное обеспечение, ресторанный бизнес, недвижимость

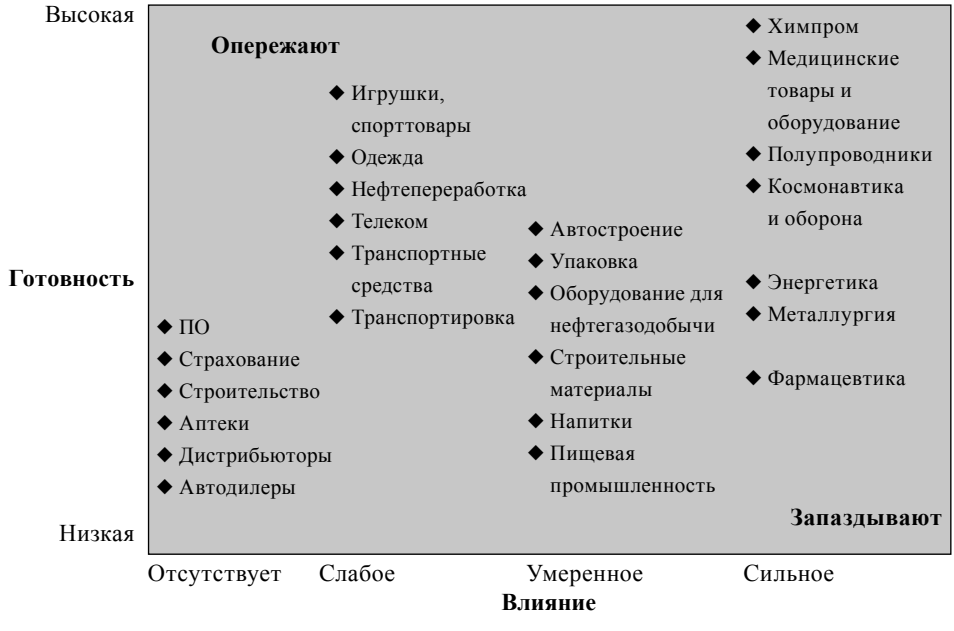

Рис. 6. Степень влияния нанотехнологий (высокое, среднее, низкое, отсутствует) на различные отрасли народного хозяйства (вверху) и готовность отраслей к использованию нанотехнологий и соответствующей продукции.

Как следует из рисунка 6, некоторые отрасли, такие как металлургия, фармацевтика и др., запаздывают с внедрением нанотехнологий, другие отрасли опережают достижения нанотехнологий (готовность высокая, а влияние

нанотехнологий пока недостаточно изучено или неэффективно). Подобная неравномерность в динамике распространения ключевого фактора — типичная картина для начальных фаз развития нового технологического уклада. По мере формирования составляющих его комплексов технологически сопряженных производств и образования целостных контуров расширенного воспроизводства процесс распространения нанотехнологий будет принимать все более масштабный и всепроникающий характер.

Измерение распространения ключевых технологий в начальной фазе развития нового технологического уклада весьма затруднено как его относительно небольшим масштабом, так и отсутствием систематически собираемых статистических данных. Лишь после структурной перестройки экономики и завершения процесса замещения старого технологического уклада новым составляющие последний производства войдут в фазу быстрого роста и попадут в поле зрения государственной статистики, а показатели их распространения станут важными параметрами управления экономическим развитием.

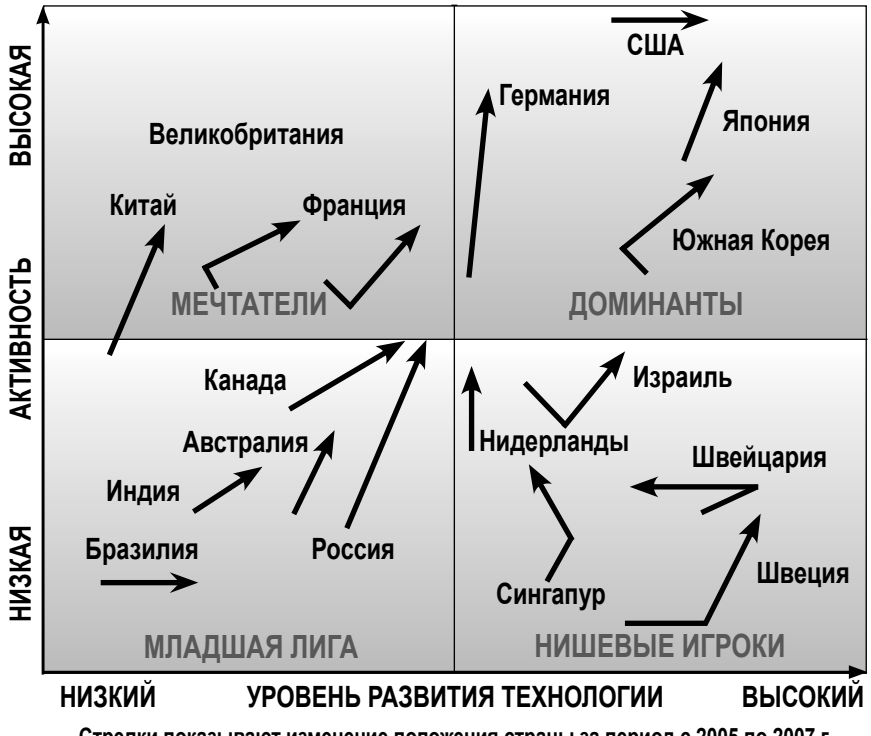

Рис. 7. Распределение стран на нанотехнологичном рынке.
Источник: www.luxresearchinc.com.

Согласно имеющимся данным и оценкам, лидерами распространения нанотехнологий являются США, Япония, Германия и Южная Корея (рис. 8). В следующей группе стран с высоким уровнем развития нанотехнологий, но меньшей степенью активности государства находятся Израиль, Сингапур, Нидерланды, Швейцария и Швеция. Следующую после них группу стран, у которых уровень «НТ-активности» превышает уровень реального развития нанотехнологий, составляют Франция, Великобритания и Китай. Россия была занесена в промежуточную зону между всеми четырьмя «квадрантами».

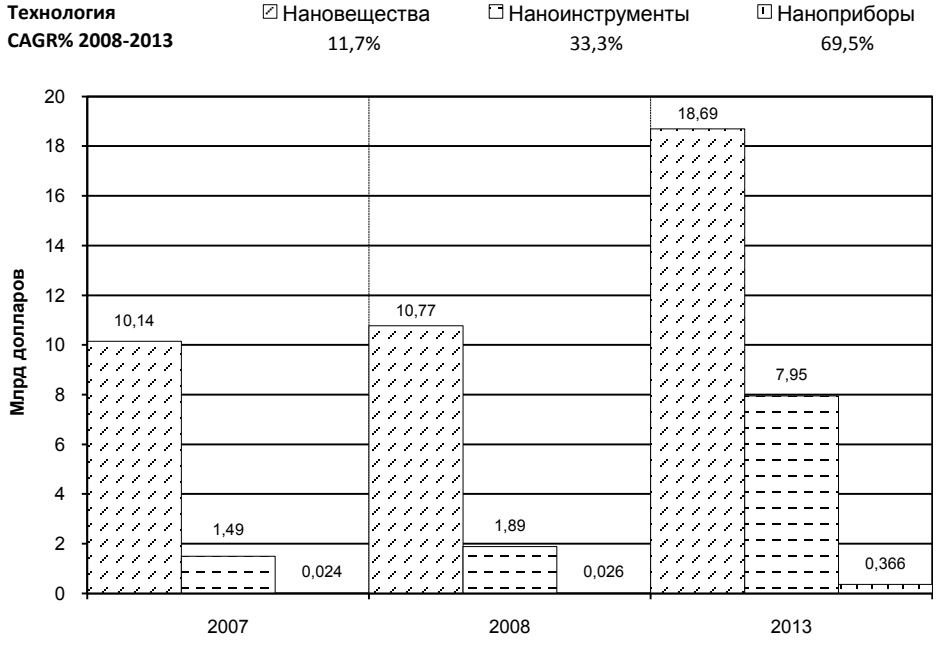

Рис. 8. Объем глобального рынка наноматериалов, наноинструментов и наноустройств на ближайшую перспективу, млрд долл.; CAGR (Compound Annual Growth Rate) — средне-геометрический годовой темп прироста.

Источник: Global market for nanotechnology slated for high growth through 2013. Nanotechnology: A Realistic Market Assessment. — M.: // www.bccresearch.com/report; www.smalltimes.com/articles.

Во всех странах вес нанопродукции в структуре валового продукта пока еще весьма мал, составляя не более нескольких тысячных мирового ВВП[1]. Разумеется, общее влияние нанотехнологий на экономику существенно выше и должно оцениваться с учетом сфер применения этой продукции. Процесс их распространения, как и развития нового технологического уклада, только выходит из эмбриональной фазы в фазу роста, характеризующуюся геометрической прогрессией. В ближайшие годы

[1] Lux Research.

следует ожидать бурного распространения нанотехнологий как ключевого фактора нового технологического уклада в самых разнообразных сферах хозяйственной деятельности. По оценкам Lux Research (2004 г.), доля продукции наноиндустрии составит 4% от всей промышленной продукции в 2014 году, причем с использованием нанотехнологий будут производиться 100% компьютеров, 85% — бытовой электроники, 23% — фармацевтики и 21% — автомобилей. Ожидаемый объем нанорынка по различным направлениям в 2015 году представлен на рисунке 9.

Рисунок 10 иллюстрирует прогнозируемые темпы ежегодного прироста производства и сбыта нанопродукции трех типов. На период 2008–2013 годов он оценивается от 11,7 до 69,5%, что намного превосходит прогнозируемые темпы роста общей экономической активности, измеряемой ВВП.

Следует заметить, что к настоящему времени только развитые в промышленном отношении страны стали производить наноматериалы в коммерческих количествах, около половины которых приходится на США. Американский рынок наноматериалов оценивался в 2008 году более чем в 1 млрд долларов. Вторым по величине был и остается рынок ЕС, на долю которого приходится около 30%. Вместе с тем наиболее быстрорастущим является рынок Юго-Восточной Азии, среднегодовой темп расширения которого составлял более 30%.

Рис. 9. Число работников в наноиндустрии (млн человек) и доля этих работников среди занятых в промышленном производстве в мире, (%).

Источник: Hullmann Angela. The economic development of nanotechnology — An indicators based analysis. European Commission, DG Research. 28 November 2006. — http://cordis.europa.eu./nanotechnology; http://www.cetraonline.it/file_doc/262/nanoarticle_hullmann_nov2006.pdf.

По имеющимся данным, мировой рынок нанотехники в 2007 году составил почти 12 млрд долларов. Его дальнейший среднегодовой прирост прогнозируется на уровне 16%. Наибольшие темпы роста характерны для сектора различных наноустройств (наномеханизмов) — 69% в год.

Согласно имеющимся прогнозам, в ближайшие 5 лет наноэлектроника, нанобиомедицина и потребительские товары (бытовая техника) на основе нанотехнологий будут развиваться наибольшими темпами 35, 56 и 46% прироста объемов производства соответственно. Более медленным ожидается развитие наноэнергетики (13%) и средств контроля и защиты окружающей среды (1,5%). Мировой рынок нанороботов и наноэлектромеханических устройств возрастет до 830 млн. долларов в 2011 году при среднегодовом приросте 83%. Рынок сканирующих зондовых микроскопов, являющихся базой для проведения наноразработок, динамично развивается с темпом роста примерно 13% в год.

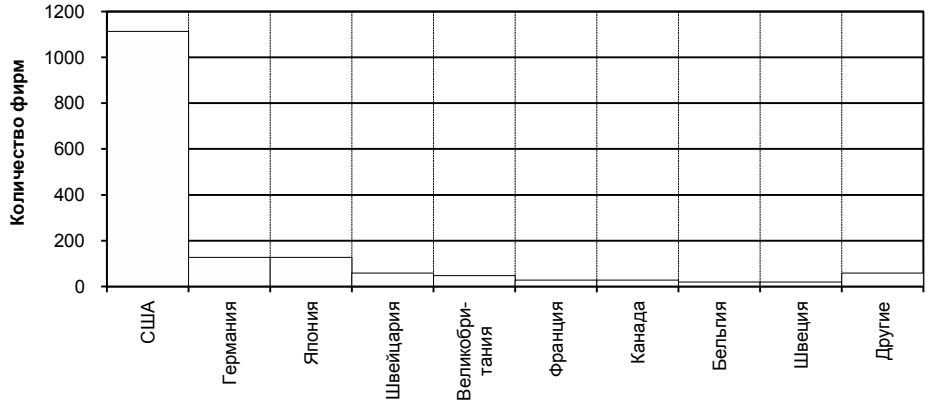

Рис. 10. Географическое распределение нанотехнологических компаний в 2007 г.

Источник: Global market for nanotechnology slated for high growth through 2013. Nanotechnology: A Realistic Market Assessment. — M.: // www.bccresearch.com/report; www.smalltimes.com/articles.

Согласно прогнозам компании IMS Health, доля биотехнологических препаратов, которые производятся с использованием технологий генной инженерии, выросла на мировом фармацевтическом рынке с 6% в 1999 году до 14% в 2009 году [49]. Годовой объем продаж достиг 90 млрд долларов. Если общемировой объем продаж фармацевтических препаратов растет с темпом 7% в год, то продажи биотехнологических препаратов растут с темпом более 17%.

В полном соответствии с теорией данном этапе формирования нового технологического уклада из небольших малоизвестных компаний вырастают новые лидеры мирового фармацевтического рынка. И наоборот, многие прежние лидеры фармацевтического сектора оказались в затруднительном положении из-за проблем с пополнением портфелей препаратов новыми перспективными разработками.

Анализ десятка индикаторов развития нанотехнологий показал, что темпы роста практически всех показателей превышают темпы роста

ВВП во всех странах и достигают по ряду направлений 30–50% прироста в год. В обозримом будущем ожидается опережающий рост сферы использования нанотехнологий как ключевого фактора развития нового технологического уклада. По оценкам Европейской комиссии (2006 г.) потребуется к 2015 году для мировой наноиндустрии около 2 миллионов работников [316]. Их распределение по регионам мира ожидается таким: до 0,9 млн в США, до 0,6 млн в Японии, до 0,4 млн в Европе, около 0,2 млн. в Азиатско-Тихоокеанском районе (исключая Японию) и около 0,1 млн. в остальном мире (включая Россию). Дополнительно потребуется 5–10 млн рабочих мест в поддерживающих отраслях к 2014 году (рис. 9).

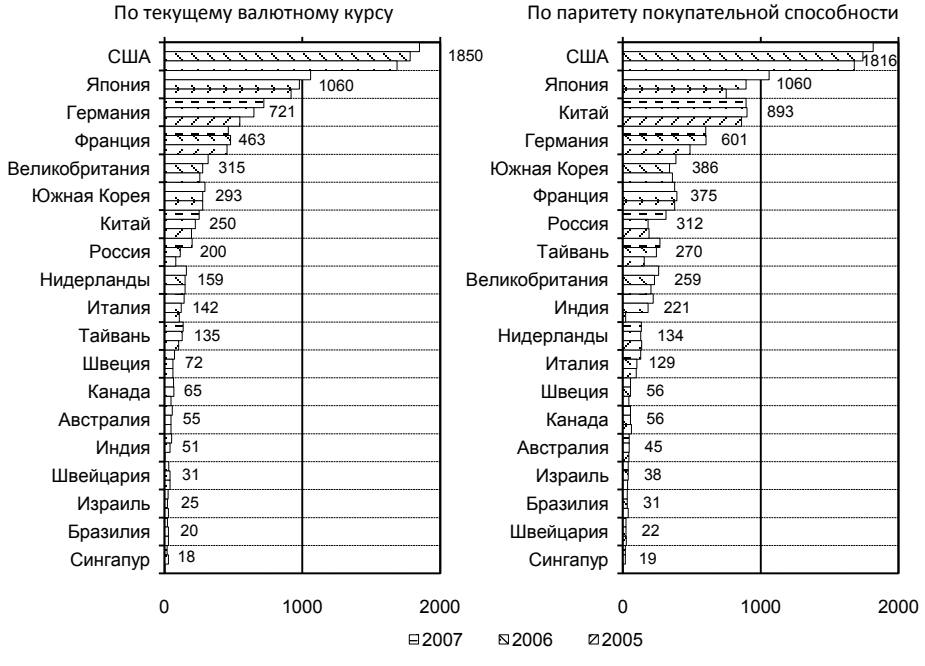

Рис. 11. Государственные расходы различных стран на развитие нанотехнологий, млн долл. в год.
Источники: http: // cordis.europa.eu./nanotechnologu; http: // www.cetraonline.it.

Из региональных рынков лидерство сохраняется за США, в которых работает большинство нанотехнологических кампаний мира (рис. 11).

Лидерство США в становлении нового технологического уклада определяется не только достигнутыми передовыми позициями в ходе роста предыдущего уклада. Важнейшим условием, определяющим темпы распространения нового технологического уклада, является финансирование развития его ключевого фактора. США являются абсолютным лидером по объемам как государственных, так и частных расходов на финансирование

НИОКР и инвестиций в развитие нанотехнологий (рис. 13, 14). Финансирование различных наноразработок заложено в бюджетах 63% ведущих американских корпораций, включенных в список Dow Jones Industrial Average.

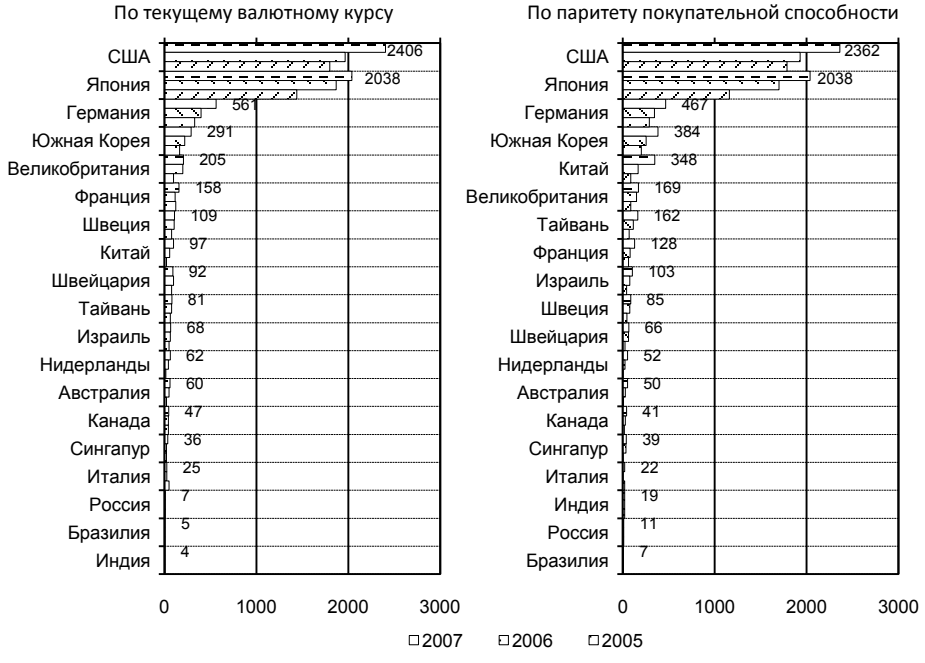

Рис. 12. Объемы корпоративного (негосударственного) финансирования развития наноотраслей в 2005–2007 гг., млн долл. в год.

Как и следовало ожидать из теории экономического развития, и в других странах «движущей силой» развития нанотехнологий в эмбриональной фазе нового технологического уклада является государство (рис. 14). С 2001 года в США реализуется федеральная программа под названием «Национальная нанотехнологическая инициатива» (NNI) с годовым бюджетом в размере 1 млрд долларов и участием 23 государственных организаций. То есть на каждую приходится примерно по 45 млн долларов в год.

В странах-лидерах (США, Япония, Европейский союз), где темпы развития наноиндустрии особенно высоки, все возрастающую долю в финансирование наноразработок вносит бизнес (рис. 13–14). Причем в США доля бизнеса уже превышает долю государственного и местного (штатов) финансирования почти в полтора раза. Высокие темпы распространения применения нанотехнологий в негосударственном секторе многих отраслей экономики ведущих стран мира свидетельствуют о вступлении нового технологического уклада в фазу подъема.

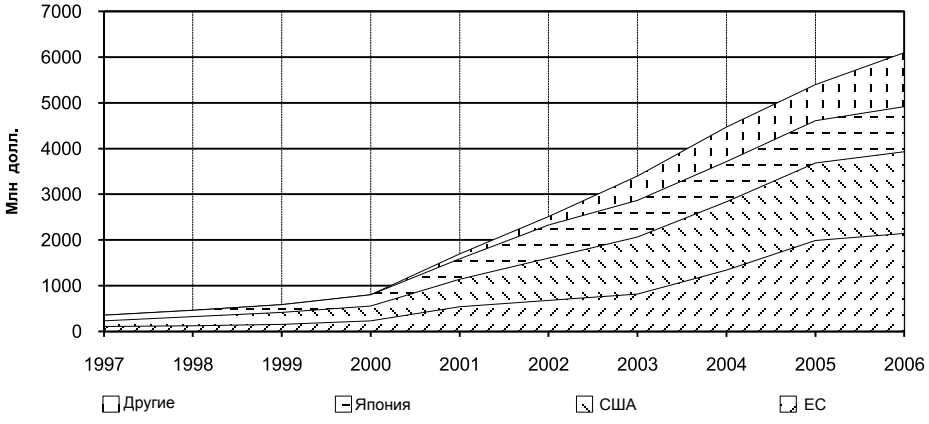

Рис. 13. Эволюция государственного финансирования нанотехнологических исследований в странах мира, млн долл.

Источники: http: // cordis.europa.eu./nanotechnologu; http: // www.cetraonline.it.

Если в эмбриональной фазе развития нового технологического уклада основную роль в его становлении играло государство, то по мере вызревания составляющих его технологических совокупностей и формирования соответствующих рынков все большее значение приобретает деловая активность частного сектора. В настоящее время в финансировании нанотехнологий в США, Европе и Азии вклад корпораций (частного бизнеса) в финансирование работ по нанотехнологиям постоянно растет (рис. 15). Уже в 2005 году объем корпоративного финансирования нанотехнологий в США и Японии превысил объем государственного финансирования, что свидетельствует о переходе нового технологического уклада из эмбриональной фазы в фазу роста.

Согласно приведенным данным, по объему государственного финансирования развития нанотехнологий Россия занимала в 2007 году 8–9-е места, а по объему корпоративного финансирования 19–20-е места в мире.

По оценкам US NanoBusiness Alliance, уже сейчас начинается активный раздел рынка нанотехнологий между странами, который закончится к 2015 году. Прогнозируется, что США займет 30% рынка нанотехнологий (прирост — 3% в сравнении с 2007 г.), Япония — 25% (плюс 1%), ЕС — 20% (минус 5%) с преобладающим вкладом Германии, Великобритании и Франции. Остальное будет распределено между Китаем, Россией, Южной Кореей, Канадой и Австралией. Таким образом, США и Япония, согласно прогнозам, сохранят свои лидирующие позиции на рынке при снижении на нем удельного веса Западной Европы, Азии и ряда других стран.

Смена технологических укладов, как уже указывалось, открывает возможности опережающего развития для стран, первыми осваиваю-

щих ключевой фактор нового ТУ. Формируя траекторию его роста, они извлекают интеллектуальную ренту в масштабах мирового рынка, наращивая за счет этого свои конкурентные преимущества и обеспечивая глобальное лидерство на новой длинной волне экономического роста.

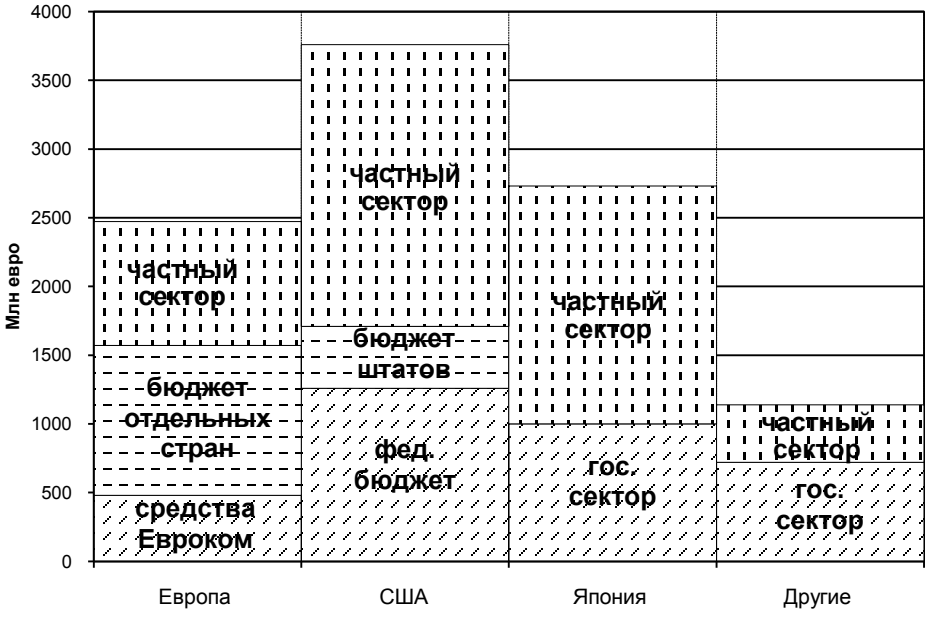

Рис. 14. Государственное и частное финансирование нанотехнологий в 2005 г., млн евро.

Источник: Hullmann Angela. The economic development of nanotechnology — An indicators based analysis. European Commission, DG Research. 28 November 2006. — http://cordis.europa.eu./nanotechnology; http://www.cetraonline.it/file_doc/262/nanoarticle_hullmann_nov2006.pdf.

Корпорацией RAND были выделены 16 прикладных направлений технологической революции, определяющей переход к шестому технологическому укладу. Согласно представленным ею результатам анализа, наибольшие шансы добиться успеха по всем 16 прикладным направлениям имеют лишь 7 из 29 рассмотренных RAND стран: США, ЕС, Южная Корея, Япония в Азии, Австралия и Израиль. Перспектива освоения 12 направлений технологических приложений оценивается RAND как реальная для 4 стран: Китая и Индии в Азии, Польши и России в Восточной Европе. Возможностями развития 9 направлений обладают 7 из 29 стран: Чили, Бразилия, Колумбия, Мексика, Турция, Индонезия, Южная Африка. Менее трети из 16 направлений будут доступны таким странам, как Фиджи, Доминиканская Республика, Грузия, Непал, Пакистан, Египет, Иран, Иордания, Кения, Камерун и Чад.

В исследовании RAND обращает на себя внимание то, что в группе стран, к которым отнесена Россия, ее перспективы оцениваются наиболее скептически. Ожидается, что Китай и Индия сделают шаг в сближении с лидерами. России же грозит примыкание к группе менее развитых в технологическом отношении стран (Бразилия, Чили, Мексика и Турция). Указывается, что без активной научно-технической политики нашей стране будет трудно соперничать не только с Японией, США, рядом других высокоразвитых стран, но и с энергично усиливающими свои сектора НИОКР Китаем и Индией. С точки зрения RAND Китай, Индия, Польша и Россия уступают лидерам, поскольку более слабые движущие силы технологического развития сочетаются в этих странах с относительно высокими барьерами на этом пути. Ситуации в нашей стране противопоставляется положение в Китае, где наряду с квалифицированной рабочей силой растет число исследователей. Известно, какое большое внимание уделяется в Китае подготовке специалистов высшей квалификации в лучших университетах США и Канады. Китайские граждане лидируют среди иностранцев, получающих в США степень доктора наук. При этом акцент делается на подготовке в первую очередь китайских специалистов по техническим и естественным наукам.

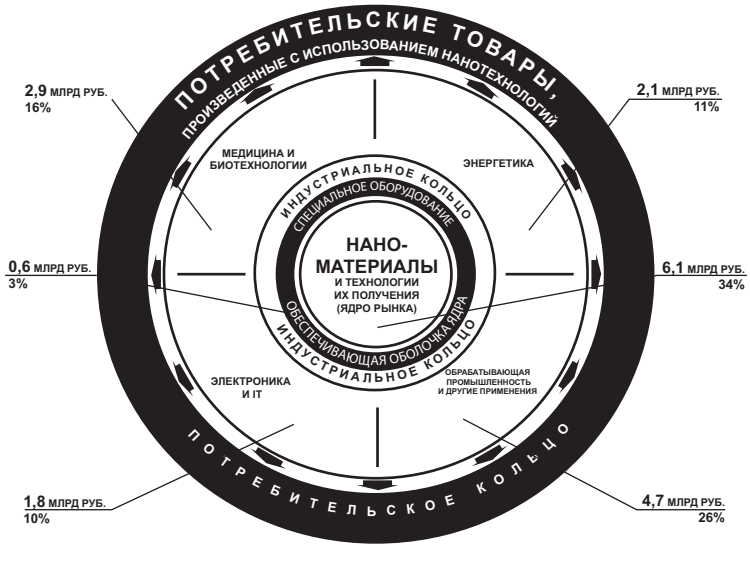

Рис. 15. Объемы продаж нанопродуктов в секторах наноиндустрии, 2009 г. (млрд руб.,%)
Источник: Рынок нано: от нанотехнологий к нанопродуктам / Под ред. Г.Л. Азоева. — М.: БИНОМ, 2011.

Несмотря на финансовый кризис и ухудшение состояния государственного бюджета, страны-лидеры быстро наращивают бюджетное финансирование исследований в сфере нанотехнологий, поощряют

частные инвестиции в эту сферу. С учетом паритета покупательной способности национальных валют по правительственным расходам на нанотехнологии Китай вышел на второе место в мире, оттеснив Японию и Германию. Быстро растут и корпоративные расходы на эти цели, увеличиваясь более чем на 50% в год. Проводимые в Китае нанотехнологические исследования ориентированы на решение энергетических и экологических проблем. Симптоматична инициатива китайской Академии наук по превращению солнечной энергии в главный источник энергии для Китая к 2050 году.

В России, несмотря на имеющиеся достижения и разработки в области нанотехнологий, существует значительный разрыв между высоким качеством проводимых исследований, созданных научно-технологических заделов и низким уровнем инфраструктуры наноиндустрии в стране и медленной коммерциализацией имеющихся разработок. По ряду показателей отставание России от мировых лидеров в этой области на 2007 год составляло от 2 до 1000 раз. По состоянию на 2009 год российский рынок нанопродуктов, по имеющимся оценкам, составлял 16,2 млрд рублей (рис. 15).

Даже при оптимистическом прогнозе экспертов доля России на мировом рынке нанотехнологий едва ли превысит несколько процентов в обозримой перспективе (рис. 16).

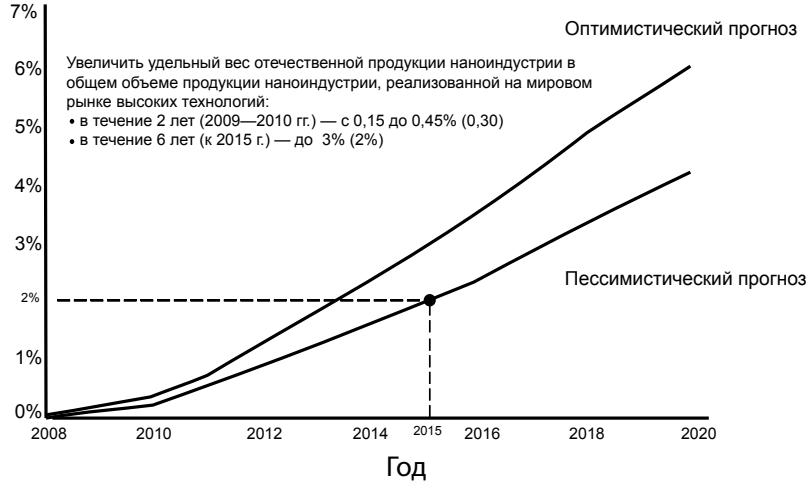

Рис. 16. Удельный вес отечественной продукции наноиндустрии.

С учетом провала, связанного с сокращением расходов на НИОКР, и падения инвестиций в период кризиса 2008–2010 годов темпы роста выпуска нанопродукции могут оказаться ниже прогнозных величин (рис. 17).

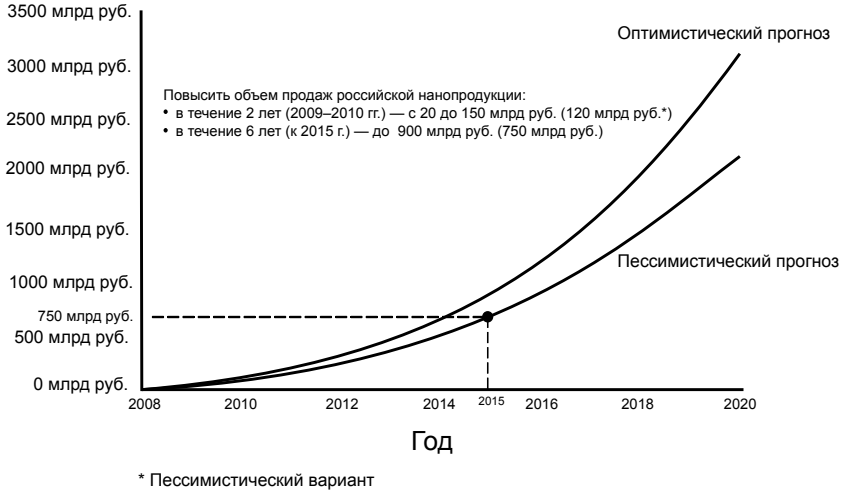

Рис. 17. Объем продаж российской продукции наноиндустрии.

Слабая восприимчивость российской промышленности к разработкам в области нанотехнологий и примитивные стратегии финансовых структур в условиях перехода мировой экономики на инновационный путь развития являются главными сдерживающими факторами. Благоприятная обстановка с ценами на экспортируемое из России сырье не была использована для форсированного развития наноиндустрии. Природная рента, формирующаяся за счет экспорта энергоносителей и сырьевых товаров в объеме около 60 млрд долларов в год, не была вложена в структурную перестройку экономики на новой технологической основе, уйдя на погашение внешнего долга, накопление Стабилизационного фонда и другие формы вывоза капитала за рубеж.

Как было показано выше, освоение достигнутых результатов промышленностью возможно только при наличии масштабной и своевременной государственной поддержки в финансовой, организационной, кадровой, нормативно-правовой сферах. При этом внедрение нанотехнологий в экономику не может быть основано просто на использовании достижений фундаментальной науки. Оно должно быть связано с активным и плодотворным сотрудничеством между бизнесом, промышленностью, наукой и государством. С целью получения максимального экономического эффекта от результатов исследований и разработок в области нанотехнологий важно обеспечить своевременный их перевод в коммерческую продукцию. Среди разнообразных научно-технических достижений и перспективных идей необходимо отбирать те, которые можно достаточно

быстро внедрить в промышленное производство и продвинуть на рынок. Сделать их приоритетными и поддержать серьезными фундаментальными исследованиями.

11.4. Экономика знаний как парадигма управления нового технологического уклада

Выделение экономики знаний в качестве самостоятельного объекта исследований связано с качественными изменениями, произошедшими в накоплении знаний и повышении их хозяйственного значения до роли главного фактора производства с научно-технической революцией. Согласно экспертным оценкам специалистов в области информатики, с середины прошлого века объем знаний, которым располагает человечество, удваивается каждые 20 лет. По данным Е.В. Попова и М.В. Власова[1], «из всего объема знаний, измеренных в физических величинах, которыми располагает человечество, 90% получены в последние 30 лет, так же как 90% от общего числа ученых и инженеров, подготовленных за всю историю цивилизации, — наши современники. Это наиболее явные признаки перехода от экономики, базирующейся на использовании капитала и природных ресурсов, к экономике, основанной на знаниях. Если развивать эту мысль и дальше, то можно сказать, что человеческое общество переходит в состояние общества исследователей, живущих в эпоху знаний и новых технологий»[2].

По данным Элиассона, уже в 1980 году в США 45,8% всего рабочего времени тратилось на знаниеемкую деятельность, в то время как в 1950 году только 30,7%. Исследования Махлупа показали, что вклад в ВВП сектора, занимающегося сбором и обработкой информации, в США вырос с 29% в 1958-м до 34% в 1980 году. В странах ОЭСР вклад этих отраслей в ВВП достиг в середине 1980-х годов уровня 50%. Вклад секторов знания (к числу которых относят все высокотехнологичные сектора промышленности, информационно-коммуникационные технологии, финансовые, страховые и консультационные услуги) обеспечивал 35% добавленной стоимости в среднем по странам ОЭСР[3]. По оценкам ОЭСР, с 1995 по 2005 год инвестиции в информационно-коммуникационные технологии давали 1/4 прироста ВВП развитых стран, а инвестиции в интеллектуальные активы — 7,5–11%[4].

---

[1] *Попов В., Власов М.* Мини-экономические институты производства новых знаний. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2006.

[2] *Tonn Bruce E.* Recearch Society: Sciency and Technology for the Ages // Futures. — 2004. — Vol. 36. — № 3. — P. 335–346.

[3] Теория и практика экономики и социологии знания / Научный совет по Программе фунд. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». — М.: Наука, 2007. — С. 61.

[4] OECD Work on Innovation — A Stocktaking of Existing work // OECD Science, Technology and Industry Working Papers. — 2009. — № 2.

Как отмечает академик РАН В.Л. Макаров[1], «экономика знаний имеет три принципиальные особенности. Первая — дискретность знания как продукта. Конкретное знание либо создано, либо нет... Вторая особенность состоит в том, что знания, подобно другим общественным благам, доступны всем без исключения. Третья особенность знания: по своей природе это информационный продукт, а информация после того, как ее потребили, не исчезает, как обычный материальный продукт».

С учетом уточняющих оговорок к основным свойствам знаний как специфического ресурса относятся следующие[2]:

- знания являются общим достоянием;
- знаниями можно только пользоваться, они не расходуются;
- насколько бы знания ни использовались, они не перестают быть полезными;
- поскольку запас знаний не убывает, каждый может ими воспользоваться без опасения, что ему не хватит;
- знания не имеют проблемы товарного дефицита — продавец знаний при их продаже не лишается последних, он остается их владельцем и может многократно продавать их (в отличие от материальных вещей);
- «себестоимость» получения знаний не зависит от их «тиражирования» и числа пользователей;
- знания не ограничены пространством;
- некоторые виды знаний чувствительны ко времени — они устаревают, иногда мгновенно;
- устаревая, знания не исчезают без следа;
- знания как экономическая категория приобретают ценность только в контексте конкретной стратегии их применений;
- замедление, тем более прекращение процесса получения знаний, консервация таким образом запаса знаний ведут к их обесценению;
- чем больше знаний, тем они, как правило, дороже и качественнее (в мире вещей наоборот: чем их меньше, тем они дороже и лучше по качеству);
- объем знаний непрерывно увеличивается (в отличие от невосполнимых материальных ресурсов);
- при каждой передаче знаний количество их обладателей увеличивается (к прежнему обладателю добавляется новый);
- любая экономическая деятельность порождает больший объем знаний (информации), чем потребляет;
- процесс воспроизводства новых знаний непредсказуем — результаты исследований не всегда зависят от вложенных в их получение средств;

---

[1] *Макаров В.Л.* Экономика знаний: уроки для России // Вестник РАН. — 2003. — № 5.

[2] *Бендиков М.* Интеллектуальные ресурсы и их роль в новой экономике // Консультант директора. — 2002. — № 9 (165). — С. 22–30.

• доведение знаний до потребителя может осуществляться мгновенно, в реальном времени;

• накладные расходы по воспроизводству знаний незначительны по сравнению с полной стоимостью затрат на получение знаний, где эта стоимость и концентрируется (в противоположность миру вещей, где процесс тиражирования и доведения до потребителя стоит дороже процесса создания);

• знания при их тиражировании демонстрируют возрастающую доходность в отличие от материальных продуктов;

• знания можно представить, хранить, передавать, а некоторые даже использовать в унифицированном, единообразном виде — в цифровых кодах.

Таким образом, основными характерными и специфическими особенностями нового экономического ресурса — знаний и информации — являются его глобальность, неисчерпаемость, нематериальность, изменчивость, универсальность представления, инвариантность к способам применения и др. На этих свойствах, не известных неоклассической экономической теории, строится экономика знаний.

Важно также отметить, что в отличие от моделей рыночного равновесия и производственных функций, предполагающих взаимозаменяемость факторов производства, в практическом применении знание зачастую является неотделимым от своего носителя — индивида, научного, конструкторского или производственного коллектива. В связи с этим большое значение приобретает обоснованное управление знаниями на предприятиях[1]. При этом особое значение приобретают гуманитарные, этические составляющие этого процесса. Как отмечает Г.Б. Клейнер, «цивилизация знаний» не похожа на «цивилизацию роботов». Процессы создания, распространения и использования личностного знания невозможны без этической компоненты, без создания доверительной атмосферы в отношениях между людьми. Это означает, что корпорация будущего должна строиться на совершенно иных основах, чем современные предприятия»[2].

Вместе с тем, как отмечается рядом исследователей, «если в начале XX века превращение биосферы в ноосферу (сферу разума) выглядело как необратимая тенденция, связанная с усложняющейся социальной деятельностью человечества и ростом научной мысли[3], то в конце XX и начале XXI века она превратилась в основную закономерность выживания и дальнейшего развития человечества. Под влиянием двух революций — научно-технической и информационной — возникла

[1] *Gertler M.S., Wolfe D.A.* Local Social Knowledge Management: Community Actors, Institutions and Multilevel Governance // Future. —2004. — Vol. 36. — No. 1. —P. 45–65.

[2] *Клейнер Г.Б.* Становление общества знаний в России: социально- экономические аспекты // Общественные науки и современность. —2005. — № 3.

[3] *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. — М.: Наука, 1988. — С. 30.

принципиально другая экономика, в создании которой решающую роль стали играть не материальные факторы, а знания, информация, инновационный тип мышления и поведения творческого человека, создающего «ноу-хау»[1].

Приведенные выше результаты различных исследований свидетельствуют о критической роли генерирования и накопления новых знаний в обеспечении современного экономического роста. Вместе с тем рост количественных показателей экономики знаний (объема расходов на НИОКР и образование, количества ученых и студентов и т.п.) хотя и отражает важные составляющие накопления интеллектуального потенциала, но не гарантирует его эффективного использования. Для последнего важно наличие институтов, обеспечивающих материализацию знаний в новых технологиях, а также социально-экономической среды, благоприятствующей инновационной активности.

В силу объективной неопределенности результатов нововведений, нелинейности связанных с их внедрением экономических эффектов, значительная часть которых является экстернальными, механизмы рыночной конкуренции не обеспечивают оптимизации использования имеющегося научно-технического и интеллектуального потенциала. Это предопределяет критическую зависимость процессов накопления и реализации интеллектуального потенциала от общей культуры хозяйственной деятельности, политики государства, на которое приходится значительная часть расходов на науку и образование, финансирование долгосрочных инвестиций в развитие инфраструктуры, а также поддержание благоприятного инновационного климата.

Современное государство финансирует от трети до половины расходов на НИОКР, при этом половина этих средств осваивается в негосударственных структурах. Как говорится в докладе европейских комиссий, во времена кризиса Европа не должна уменьшать инвестиции в исследования. Напротив, государства-члены должны сосредоточиться на подготовке к тому, чтобы максимально использовать следующий экономический подъем. В этой связи связанные со знаниями меры и структурные реформы рассматриваются как еще более важные, чем во время подъема экономики[2].

По оценкам экспертов ОЭСР, рост государственных ассигнований на НИОКР на 1% на 0,85% повышает вероятность успешности нововведений и на 0,7% увеличивает долю новых продуктов в товарообороте. При этом влияние нововведений на экономический рост выше в тех странах, где больше интенсивность НИОКР. Таким образом достигается эффект

[1] *Иванов В.Н., Иванов А.В., Доронин А.О.* Управленческая парадигма XXI века. Том 1. — М.: МГИУ, 2002.

[2] A more research-intensive and integrated European Research Area. Science, Technology and Competitiveness key figures report 2008/2009. —Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities, 2008. — P. 3.

нарастающей отдачи от ассигнований на НИОКР, который влечет увеличение конкурентных преимуществ стран-лидеров, позволяя им последовательно повышать эффективность инновационной деятельности. Исследования в 16 государствах ОЭСР доказали положительный и значительный эффект от увеличения расходов на НИОКР на рост эффективности экономики.

Наряду с ростом ассигнований на поддержку инновационной активности усложняется процесс управления и возрастает роль государства в координации этой деятельности. При этом особое значение приобретают методы косвенного стимулирования инновационной активности — налоговые льготы, госзакупки, формирование инновационной инфраструктуры[1].

Инновационная активность занимает все большую долю в структуре инвестиционной активности. По оценкам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), объем ежегодных инвестиций корпоративного сектора в «интеллектуальные активы» (НИОКР, патентные и торговые знаки, подготовка персонала, оптимизация систем менеджмента и т.д.) достиг к настоящему моменту в ведущих развитых странах 8–11% ВВП, а в США — почти 12%, практически не уступая объему капиталовложений компаний в основные средства [14].

Наряду с наукой ведущую роль в экономике знаний играет образование. В настоящее время мировой рынок образования (включая косвенные расходы учащихся) оценивается примерно в 100 млрд долларов.

Как отмечает А.Л. Андреев, «за годы реформ Россия откатилась назад и по уровню развития другой ведущей отрасли экономики знаний — образования» [7]. В последний период своего существования СССР по численности обучающихся на его территории иностранных студентов устойчиво занимал третье место в мире (после США и Франции). Однако либеральные реформы первой половины 1990-х годов резко подорвали и частично разрушили экспортный потенциал российского образования. Число иностранных студентов в вузах России по сравнению с советским временем сократилось на 40%. В 1990 году СССР принимал у себя свыше 10% от общего числа «международных студентов». В настоящее время в российских вузах учатся лишь около 3% от их общемировой численности. По этому показателю Россия занимает сейчас восьмое место, пропустив вперед не только Великобританию, Германию, Японию и Китай, но и Австралию. К тому же значительная часть иностранного контингента в вузах страны обеспечивается «новыми иностранцами» из постсоветских республик, которые до 1992 года учитывались бы как «свои» и вообще не вошли бы в статистику международных обменов.

[1] OECD Work on Innovation — A Stocktaking of Existing work // OECD Science, Technology and Industry Working Papers. — 2009. — № 2.

Даже Украина, связанная с Россией многовековыми узами культурно-исторической общности, ныне направляет сюда в 2 раза меньше студентов, стажеров и аспирантов, чем в Германию. Несомненно, многое объясняется материальными условиями, в которые было поставлено отечественное образование. Достаточно сказать, что в начале текущего десятилетия уровень финансирования высшей школы России в расчете на одного студента уступал не только мировым лидерам (причем даже не в разы, а на порядок: например, США — почти в 20 раз, Германии, Великобритании, Бельгии, Дании — примерно в 10 раз), но и таким государствам, как Португалия или Турция, которые в качестве экспортеров образовательных услуг занимают весьма скромные позиции. Реальным выражением этого разрыва являются устаревшее, изношенное оборудование, давно неремонтировавшиеся аудитории, не отвечающие международным стандартам комфорта, а в отдельных случаях и критериям безопасности общежития [6].

Осуществляемая в последние годы реформа образования не решает главного вопроса — недофинансирования отрасли, которое составляет двукратную величину по сравнению с уровнем ведущих стран мира. В условиях перехода развитых стран к экономике знаний и превращения НТП в главный фактор экономического роста образование населения должно повышаться опережающими темпами. Топтание на месте и тем более ориентация на средне- и слаборазвитые страны в этом вопросе означает программирование дальнейшего отставания России, разрушение ее научно-производственного потенциала, утрату способности к самостоятельному развитию. К сожалению, вместо того чтобы просто повысить ассигнования хотя бы для того, чтобы сохранить преподавательские кадры, инфраструктуру и научную базу образования, проводится весьма сомнительная «реформа», суть которой сводится к коммерциализации образовательных учреждений [44].

Согласно проводимой либералами от образования реформе государство будет выделять учреждениям образования некоторый минимум средств в расчете на получение каждым учащимся определенного количества образовательных услуг установленного стандарта, а остальное будут доплачивать учащиеся. В полном соответствии с доктриной рыночного фундаментализма вместо привычной для бюджетного учреждения сметы финансирования необходимых для его нормального функционирования расходов вводится подушевое финансирование по нормативу на каждого учащегося. По замыслу реформаторов это создаст конкуренцию между учреждениями образования, которым предоставляются также дополнительные возможности зарабатывать деньги по своему усмотрению.

На самом деле государство тем самым фактически снимает с себя ответственность за состояние образовательных учреждений и образова-

тельной инфраструктуры. Если собираемых по нормативам на каждого учащегося денег хватать на содержание школы не будет, ей рекомендуют предоставлять дополнительные платные услуги, за которые должны платить их потребители. По сути, осуществляется скрытый переход к платности не только высшего, но и среднего, и даже начального образования.

В конечном счете состояние системы образования в нынешней ситуации определяется объемом выделяемых на ее функционирование расходов. Переход к экономике знаний и опыт развитых стран задают определенный минимальный стандарт расходов на образование, необходимый для нормального воспроизводства образовательно-интеллектуального потенциала страны. Этот стандарт в свое время учитывался в Федеральном законе об образовании, который установил норму расходов на образование в 10% национального дохода, что примерно соответствует 7% от ВВП. В консолидированном бюджете российского государства в предкризисный 2007 год предусматривалось выделить на финансирование образования 885 млрд рублей, что составляет 3,6% ВВП. Для нормального же воспроизводства имеющегося в стране научно-производственного и интеллектуально-образовательного потенциала необходимо утроение расходов на эти цели.

В условиях экономики знаний увеличение государственных расходов на науку и образование по своему экономическому смыслу приобрело значение инвестиций в развитие производства. Характерным примером является система антикризисных мер, реализуемых в США, в которой, по свидетельству авторов Прогноза «Россия и мир-2010», предусматривается активнейшее приоритетное продвижение инвестиционных проектов в области образования и здравоохранения. Делается это для того, чтобы создать соответствующие предпосылки в менталитете, квалификации и культуре населения, без которых невозможен переход на новую структуру потребления, производства и жизни [85].

Исследования свойств инновационной экономики, основанной на знаниях и НТП в качестве ведущего фактора экономического роста, позволяют выделить следующие ее свойства, отличные от традиционных представлений неоклассической парадигмы. Во-первых, в качестве основного ресурса экономики знаний используется информация, которая в отличие от обычных сырьевых ресурсов не исчезает и не отчуждается. Во-вторых, рост объема информационных услуг характеризуется законом повышающейся отдачи ($Q = kN^2$, где N — число участников) вместо характерного для традиционной экономики закона убывающей отдачи с ростом масштабов производства. В-третьих, инновационная экономика характеризуется снижением длительности научно-производственных жизненных циклов продукции. В-четвертых, ей свойственен глобальный масштаб производства и глобальная инфраструктура, важнейшим элементом ко-

торой является Интернет. В-пятых, развитие инновационной экономики сопряжено с формированием соответствующих институтов: венчурных фондов, специализированных рынков ценных бумаг, интеллектуальной собственности и пр.[1] Острое осознание перехода к принципиально новым механизмам социально-экономического развития привело к тому, что в антикризисных мероприятиях новой американской администрации четко выразилась ориентация на создание нового фундамента человекоориентированного развития страны на ближайшее будущее [85].

По убеждению специалистов в области инновационной экономики, «новые реалии жизни привели к коренным качественным переменам в самом государственном управлении, которое из послушного исполнителя требований рынка превратилось в интеллектуально-информационный центр его регулирования, прогнозно-стратегического ориентирования, социального оздоровления. Именно с помощью интеллектуального государства возник и утвердился принципиально новый тип управления, отличный от оперативного, — программно-целевой.

Коренное изменение регулирующей роли государства в современном мире, обретение им нового качества — информационно-аналитического, прогнозирующе-стратегического, а потому социального и демократического — стало важнейшим итогом постиндустриальной революции. Именно на это требование времени прежде всего не ответило российское государство, которое, оказавшись в кризисном состоянии, ввергло в него все российское общество, не смогло осуществить свою главную функцию — обеспечения национальной безопасности»[2].

Следует пояснить, что формирование современного государства как прежде всего государства развития — процесс далеко не завершенный. Даже в самых развитых и преуспевающих странах государственный аппарат отягощен бюрократизмом и коррупцией, а чиновники склонны плыть по течению, принимая близорукие и ошибочные решения. С крахом СССР и мировой системы социализма неолиберальной волной смыло системы стратегического планирования, действовавшие во многих развитых странах, а также на международном уровне. Неудивительно, что нынешний финансовый кризис продемонстрировал неспособность систем государственного регулирования экономики ведущих стран мира к своевременному принятию решений, идущих вразрез с текущими интересами наиболее влиятельных корпораций. Особенно близорукими оказались страны, следовавшие курсу МВФ и демонтировавшие национальные системы обеспечения экономической безопасности и валютного контроля.

[1] Теория и практика экономики и социологии знания / Научный совет по Программе фунд. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». — М.: Наука, 2007. — С. 153.

[2] *Иванов В.Н., Иванов А.В., Доронин А.О.* Управленческая парадигма XXI века. Том 1. — М.: МГИУ, 2002. — С. 7–8.

В частности, игнорирование объективных закономерностей и следование ложным догмам «Вашингтонского консенсуса» в осуществлении политики перехода к рынку в постсоциалистических странах стало важнейшей причиной разрушения их интеллектуального потенциала.

Глава 12
Возможности технологического развития в условиях кризиса мировой экономики

Исторический опыт показывает, что со сменой технологических укладов и выходом мировой экономики на новую длинную волну экономического роста меняется не только технологическая структура экономики, но и ее институциональная система, а также состав лидирующих фирм, стран и регионов. Чем быстрее та или иная структура сможет выйти на траекторию роста нового технологического уклада, тем меньше потребуется для этого инвестиций. И наоборот, вход для опаздывающих с каждым годом становится все дороже. Типичным примером является прогноз капиталоемкости производства наноэлектронных компонентов. По мере совершенствования технологии ее воспроизводство становится все более дорогим. При этом нарастают и преимущества лидеров, защищающих свою монополию на технологическое превосходство посредством институтов интеллектуальной собственности. Со вступлением технологии в фазу зрелости ее воспроизведение новичками становится запретительно дорогим.

Вместе с тем в период структурного кризиса, обусловленного замещением доминирующих технологических укладов, для отстающих стран открывается «окно возможностей» для прорыва на передовой фронт глобального экономического развития.

В отличие от передовых стран, отягощенных избыточными мощностями устаревшего технологического уклада и испытывающих в этот период глубокий спад производства, отстающие страны испытывают меньшие трудности в структурной перестройке экономики. Если, конечно, они своевременно позаботились о создании научно-технического потенциала и институтов поддержки нового технологического уклада.

Именно таким образом происходили «экономические чудеса» прошлого века. Основательно разрушенные после Второй мировой войны экономики Японии и Западной Европы были восстановлены на основе нового для того времени четвертого технологического уклада, быстрый рост которого вывел их в мировые лидеры. Уже в 1960-е годы Япония и новые индустриальные страны раньше других спрогнозировали контуры нового, пятого, технологического уклада. Создав своевременный задел

для развития его ключевого фактора — микроэлектроники — они опередили другие страны в модернизации его несущих отраслей и сумели вырваться вперед в ходе замещения четвертого технологического уклада пятым и обусловленного этим процессом структурного кризиса 1970-х годов.

Еще раньше аналогичный рывок при переходе от второго технологического уклада к третьему был совершен Россией и США, вырвавшихся в число мировых лидеров в конце XIX столетия. Следующий рывок был совершен США в процессе замещения третьего технологического уклада четвертым, когда в результате структурного кризиса 1930-х годов и последовавшей за ним Второй мировой войны США захватили лидерство в мировой капиталистической системе, использовав многократный рост военных заказов для модернизации экономики на основе четвертого технологического уклада и создав предпосылки для развития пятого. Россия, растерзанная революцией и Гражданской войной, сошла с длинной волны экономического роста четвертого технологического уклада, становление которого начиналось с опережением других стран в начале XX века. Последовавшие затем индустриализация и электрификация экономики хотя и сократили разрыв с передовыми странами, но заложили относительно устаревшую технологическую структуру экономики. Как было показано выше, значительная ее часть была воспроизведена после войны, что породило технологическую многоукладность советской экономики, отяжелившую ее структуру и сделавшую невозможным опережающее развитие на новых длинных волнах роста четвертого и пятого технологических укладов.

Происходящий сегодня процесс замещения пятого технологического уклада шестым вновь открывает для России возможности технологического рывка и опережающего роста на гребне новой длинной волны экономического роста. Необходимым для этого условием является своевременное создание заделов для становления ключевого фактора и ядра нового технологического уклада, а также опережающая модернизация его несущих отраслей. Ниже анализируются имеющиеся для этого предпосылки [28].

12.1. Возможности опережающего развития в условиях структурных изменений мировой экономики

Переживаемый в настоящее время кризис мировой экономики сказался на всех ее ведущих отраслях, включая высокотехнологические. Индустрия высоких технологий, основную часть которой составляют производства пятого технологического уклада, переживает самый тяжелый

кризис за свою историю. Падение производства затронуло даже таких монополистов, как Microsoft, долгое время символизировавший современный технологический уклад. Обвал продаж наблюдается во всех сегментах составной части ключевого для этого технологического уклада рынка электроники — от микрочипов до мобильных телефонов. Из-за снижения спроса на свою продукцию вследствие экономического кризиса были вынуждены сокращать рабочие места практически все ведущие фирмы электронной промышленности. Крупнейший в мире производитель микрочипов Intel в рамках реструктуризации бизнеса был вынужден пойти на закрытие ряда сборочных заводов.

Вместе с тем кризис достигших фазы зрелости отраслей дает дополнительные шансы отстающим странам. При кризисе снижается капитализация располагающих передовыми технологиями фирм. Как следствие, более реалистичным становится вариант приобщения к используемым в этих фирмах технологиям через приобретение контрольных пакетов акций. Кроме того, снижение потребности лидеров в высокотехнологичном оборудовании повышает его доступность для решающих задачи догоняющего развития стран. Так, в 1970-е годы Южная Корея широко использовала возможности приобретения оборудования и технологий японского кораблестроения, когда встал вопрос о сокращении его избыточных мощностей.

Отечественная история также дает примеры широкого заимствования новых технологий. Так, СССР использовал шанс приобретения необходимых для индустриализации страны технологий в период Великой депрессии 1930-х годов. В этот период западные компании особенно нуждались в заказах, и СССР получил возможность в короткие сроки овладеть передовой техникой и производственными навыками. По заключавшимся в то время договорам иностранная фирма была обязана подготовить строительный или технологический проект с полным описанием и спецификациями оборудования, станков и механизмов; передать советскому заказчику свой производственный опыт (технологические секреты, патенты и др.); прислать в СССР квалифицированных специалистов для наблюдения за строительством и пуском объекта; разрешить советским инженерам и рабочим осваивать производственные методы компании на ее предприятиях в ходе зарубежной практики и командировок.

По имеющимся данным, в 1923–1933 годах в тяжелой промышленности СССР было заключено 170 договоров о технической помощи: 73 — с германскими компаниями, 59 — с американскими, 11 — с французскими, 9 — со шведскими, 18 — с фирмами других стран. Такие крупнейшие в Европе предприятия, как ДнепроГЭС, Сталинградский и ряд других тракторных заводов, Магнитогорский металлургический комбинат, Горьковский автозавод, строились при активном участии американских

компаний. По поставкам оборудования 1-е место занимала Германия, 2-е — США, 3-е — Великобритания. Компании International General Electric, Ford Motor Company, International Harvester, Dupont de Nemours стали ведущими зарубежными партнерами СССР[1].

Конечно, даже в условиях кризиса получение доступа к передовым технологиям и навыкам остается сложной задачей[2]. Зарубежные фирмы избавляются от наименее эффективных подразделений. Ведущие фирмы озабочены усилением своих позиций в инновационной конкуренции. Так в IBM, несмотря на разразившийся экономический кризис, намерены по-прежнему выделять на исследования до 10% доходов[3]. Однако при всем стремлении передовых фирм к сохранению своего инновационного потенциала сокращения затрагивают и подразделения, занятые исследованиями и разработками. Привлечение зарубежных специалистов по технологиям как мера догоняющего развития облегчается в условиях экономической депрессии в лидирующих странах.

На ранних этапах развития нового технологического уклада у догоняющих стран возникают хорошие шансы для выхода на лидирующие позиции. В растущих отраслях сравнительным преимуществом преследователя является его меньшая обремененность устаревающими производственными фондами. Для успешного совершения технологического скачка отстающим странам необходимо правильно оценить перспективные направления развития нового технологического уклада и опережающим образом воплотить их в производстве в промышленных масштабах. Успех более вероятен, когда удается добиться опережения еще в эмбриональной стадии развития нового технологического уклада.

Искусство опережения во многом состоит в том, чтобы разглядеть растущие возможности до того, как об этом просигнализируют рынки. Ставка на поддержку только освоенных рынком производств выхолащивает стратегию действий на опережение. Это связано с охарактеризованной выше закономерностью роста капиталоемкости новых производств по мере развития соответствующего ТУ. Наглядным проявлением этой

[1] *Шпотов Б.* Политика использования западных технологий как фактор создания крупной индустрии в СССР // Проблемы теории и практики управления. — 2003. — № 4; *его же.* Не дано нам историей тише идти (техническая помощь Запада советской индустриализации) // Мир истории. — 2002. — № 3.

[2] Как отмечают Д. Ливанов и А. Пономарев, «среди поздней советской и постсоветской элиты было широко распространено мнение, что за первичные ресурсы любые необходимые и сколь угодно высокие технологии можно и нужно купить. Однако надо отдавать себе отчет в том, что есть технологии, которыми с нами никто не поделится — просто потому, что они являются фактором глобальной конкурентоспособности. Поэтому одновременно с политикой модернизации и массированного заимствования технологий нам необходимо думать и о том, как на следующем шаге мы: а) сможем поддерживать обретенную конкурентоспособность; б) организуем прорыв на лидирующие позиции». (Эксперт. — 2009. — № 5.

[3] http://dailyhitech.ru/123.html.

закономерности может служить экспоненциальное увеличение стоимости нанофабрики для производства интегральных схем (рис. 1).

Рис. 1. Средняя стоимость мини-фабрики для массового производства микросхем, млн долл.

Источник: Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / Под ред. С.Ю. Глазьева и В.В. Харитонова. — М.: Тровант, 2009.

Хотя при этом происходит еще большее увеличение ее производительности (рис. 2), барьер для входа новичков на эту технологическую траекторию становится все более дорогостоящим.

Рис. 2. Удельная производительность оборудования в наноэлектронной промышленности

Источник: Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / под ред. С.Ю. Глазьева и В.В. Харитонова. — М.: Тровант, 2009.

Опыт технологических революций свидетельствует о том, что в ускоренном воплощении новых научных знаний в производство — ключ к успеху России в конкуренции на динамичных рынках. Имеющийся в России научно-технический потенциал достаточен не только для освоения

зарубежных технологий, но и для поддержания лидерства в отдельных направлениях развития нового технологического уклада. В сложившихся условиях России целесообразно придерживаться смешанной стратегии, учитывающей возможности использования научно-технических достижений других стран.

Коммерциализация изобретений не привязана жестко к месту их совершения. Главный фактор коммерциализации — наличие подготовленных научных кадров, способных разобраться в сути прорыва и направить его в практическое русло[1].

Возможности преследователей определяются отмеченной ранее инерционностью технологического развития, в силу которого лидеры оказываются заложниками предшествующих успехов. По мере получения дополнительных научных результатов обнаруживается оборотная сторона лидерства в создании их производственного аппарата, связанная с трудностями обновления уже накопленных фондов. Эта инерционность снижает скорость коммерциализации очередных открытий, придает развитию неравномерный характер даже при равномерном пополнении научных знаний.

Тем самым получают шанс на успех страны-преследователи, располагающие, во-первых, достаточной научной базой для доведения такого рода результатов до прикладных разработок, во-вторых, технологической и финансовой базой для внедрения этих разработок в производство. В.Е. Дементьев называет такой подход к соперничеству на динамичных рынках стратегией опережающей коммерциализации дополняющих нововведений [35].

Свежим примером такого рода является развитие технологий использования стволовых клеток. В США их коммерциализация пошла по дорогостоящему пути сбора банков хранения пуповинной крови. Совершенное позже открытие их наличия в жировой ткани сделало эти затраты бессмысленными, так же как и средства, вложенные в извлечение стволовых клеток из костного мозга. Правда, воспользоваться этим преимуществом Россия не может из-за бюрократического противодействия контролирующих органов, хотя российские ученые одними из первых разработали технологию выращивания стволовых клеток из собственных тканей человека.

В целом, если абстрагироваться от бюрократических барьеров, для успеха стратегии опережающей коммерциализации дополняющих нововведений в России есть необходимые предпосылки:

- существование научных кадров, способных перейти в коммерческий сектор для эксплуатации фундаментальных открытий;

[1] *Рей А.* Конкурентные стратегии государства и фирм в экспортно ориентированном развитии // Вопросы экономики. — 2004. — № 8.

• участие российских ученых в международном научно-техническом сотрудничестве, повышающее доступность для них результатов передовых исследований;

• появление компаний со значительным финансовым потенциалом, заинтересованных в диверсификации своей деятельности и завоевании монополии на глобальных рынках новых товаров и услуг;

• наличие устойчивых коллективов, имеющих систематический опыт разработки инженерно сложных изделий и доведения их до необходимого уровня качества.

Не хватает только активной научно-технической политики государства, критически необходимой на настоящем этапе развития. Наличие в России развитой фундаментальной науки важно для восприятия чужих открытий, накапливания собственных заделов в соответствующих областях знаний, создания кадрового потенциала для прикладных НИОКР. Все это благоприятствует комбинированию зарубежных и отечественных изобретений, что может иметь критическое значение для их коммерциализации, придания им уникальных качеств.

Для этого принципиально важно осуществление самостоятельных НИОКР. Если разработки ведутся в исследовательских центрах, принадлежащих иностранным компаниям, оснований для обмена открытиями с отечественными компаниями у них не возникает. Чаще всего такие центры оказываются загруженными фрагментарными разработками, тогда как интеграция результатов НИОКР происходит в странах, где базируются центральные органы управления транснациональной компании. Для стратегии опережающей коммерциализации открытий необходима не только научно-исследовательская база, но и мощная промышленная и финансовая инфраструктура.

Для проведения успешной политики развития национальной экономики необходимо четкое определение отраслевых стратегий. С учетом имеющихся ресурсов и уровня развития научно-технологического потенциала для каждой отрасли необходимо выбрать либо стратегию лидерства (опережающего развития), либо стратегию догоняющего развития, либо в отсутствие необходимых заделов стратегию опережающей коммерциализации.

В период становления нового технологического уклада приоритетное внимание должно уделяться развитию производств с хорошими перспективами сбыта новой продукции, в том числе на контролируемых государством рынках (закупки государства и госкорпораций). За счет этого может быть достигнут эффект масштаба в производстве, а удешевление новой продукции будет способствовать развитию формирующегося технологического уклада на его собственной основе. В России существуют конкурентоспособные высокотехнологические отрасли нового технологического уклада, способные предъявить спрос на про-

дукцию нового технологического уклада: атомная, авиационная, судостроительная, ракетно-космическая, электронная промышленность и др. Например, спектр направлений применения нанотехнологии в аэрокосмической технике включает: наноматериалы (нанокомпозиты, наноструктурные сплавы); нанопокрытия (нанопленки) и наномембраны; волокна на основе углеродных нанотрубок; нанокатализаторы, наногели, высокотемпературные сверхпроводники, наноэлектронику; нанофотонику; наноманипуляторы.

Массовый спрос на продукцию нового технологического уклада способны предъявить и такие базовые для отечественной промышленности отрасли, как химико-металлургический и топливно-энергетический комплексы, железнодорожный транспорт, сельское хозяйство. В металлургии примером использования нанотехнологий может служить освоение серийного производства уникальных для России марок стали с двукратным повышением эксплуатационных характеристик свариваемости и хладостойкости. В области нефтегазовой промышленности перспективным направлением является нанокатализ. Новые компоненты позволят обрабатывать сырую нефть намного эффективнее, быстрее и с меньшими затратами. Также с помощью нанотехнологий нефтегазовая промышленность получит ряд датчиков и самовосстанавливающихся материалов, способных защищать окружающее пространство от утечек нефти.

Новые технологии для переработки легкого углеводородного сырья (специальные реакторы с нанопористыми каталитическими мембранами) будут способствовать обеспечению выполнения Россией принятых на себя обязательств по Киотскому протоколу. По оценкам, с помощью этих технологий можно перерабатывать до трети выбрасываемых в России в атмосферу попутных газов (т.е. около 10 млрд $м^3$/год), что позволит обеспечить дополнительный объем стоимости продукции и услуг до 200 млрд рублей в год.

Для реализации стратегии лидерства в широком перечне направлений становления нового технологического уклада важно завоевание и удержание ведущих позиций в производстве приборостроительной базы для наноиндустрии. Несмотря на имеющиеся в этой области заделы и достигнутые коммерческие успехи, технологии создания наносистемной техники отсутствуют в утвержденном российским руководством перечне критических технологий. Между тем в России налажено производство необходимого в сфере наноиндустрии уникального оборудования, включая сверхвысоковакуумные комплексы, зондовые нанолаборатории, сканирующие зондовые микроскопы. Необходимо ставить задачу закрепления России на ведущих позициях в этой области, выделяя производство оборудования для нанотехнологий в число приоритетов государственной научно-технической политики.

Необходим анализ патентной базы наносистемной техники с целью заблаговременного приобретения некоторых зарубежных лицензий. Государству следует предложить полностью оплачивать расходы отечественных авторов (индивидуальных изобретателей и небольших исследовательских организаций) отечественных перспективных разработок на их патентование при готовности авторов согласовывать с государством продажу лицензий на эти разработки[1].

Особого внимания заслуживает приборостроение для нанометрологии[2]. Следует иметь в виду, что освоение каждого нового технологического уровня в микро- и наноэлектронике требует соответствующих изменений в метрологическом обеспечении производства. Утрата собственного спецтехнологического машиностроения вызывает необходимость приобретения всего комплекта технологического и контрольного оборудования за рубежом. Стоимость его чрезвычайно высока, она составляет величину порядка миллиона долларов за единицу и доходит до значений 8–10 млн долларов за отдельные виды оборудования (фотолитографические установки)[3].

Перечисленные примеры перспективных направлений развития нового технологического уклада не исчерпывают, разумеется, всего спектра перспективных отраслей и производств. Они касались ключевого фактора нового технологического уклада — нанотехнологий. Их необходимо соединить в единую стратегию опережающего технико-экономического развития с приоритетными направлениями развития других составляющих ядра нового технологического уклада (клеточные технологии, генная инженерия в растениеводстве и фармацевтике, информационные технологии и пр.), а также его несущих отраслей (здравоохранение, образование, наукоемкое машиностроение и др.).

12.2. Формирование институтов развития нового технологического уклада

Главным препятствием на пути роста нового технологического уклада является неадекватность существующей институциональной структуры возможностям его развития. Существующие институты, начиная от си-

[1] Стоимость европейского патента доходит до 115–120 тыс. евро. — http://www.smoney.ru/article.shtml?2007/07/16/3356.

[2] О современном состоянии метрологического обеспечения нанотехнологий, включая приборостроение для нанометрологии, см.: Метрологическое обеспечение, стандартизация и оценка соответствия нанотехнологий и нанопродукции (аналитический обзор). — М.: Ростехрегулирование, 2007.

[3] Стратегия развития электронной промышленности России на период до 2025 года // Еженедельник промышленного роста. — 2007. — № 31.

стемы подготовки кадров и заканчивая методами планирования государственной научно-технической политики, настроены на воспроизводство предыдущего технологического уклада и не отвечают требованиям и возможностям развития нового.

К примеру, принципиальными для институциональной системы требованиями нового технологического уклада является обеспечение непрерывного инновационного процесса, что предполагает внедрение в практику управления технологий одновременного проектирования всех фаз научно-производственного цикла продукции. Для реализации этих технологий большую роль играют тесные связи между производителями оборудования для новейших технологий и его потребителями. Сохраняющаяся в России слабость межотраслевой координации инноваций затрудняет использование механизмов конвергенции технологий[1] и соответствующих методов управления.

Как уже говорилось, становление нового технологического уклада происходит путем формирования совокупностей технологически сопряженных производств, образующихся по направлениям распространения его ключевого фактора. Ведущую роль в координации инновационных процессов в таких совокупностях технологически сопряженных производств играют крупные компании и бизнес-группы. Они являются системными интеграторами инновационного процесса, который проходит в разных звеньях инновационной системы. Крупные наукоемкие компании могут взять на себя масштабные финансовые и технологические риски при разработке новых технологий. Такие компании контролируют сбытовые каналы, являются владельцами форматов и стандартов, что становится важным конкурентным преимуществом на высокотехнологичных рынках. Кроме того, они создают и развивают технологические платформы. Неразвитость подобных компаний — главная стратегическая слабость российской национальной инновационной системы[2]. Показательным примером в данном случае является удельная производительность оборудования наноэлектронной промышленности.

Дефицит интегрирующих компаний, узость круга стратегически ориентированных на технологическое развитие частных инвесторов, слабость финансовой системы, недостатки государственного финансирования широкомасштабных проектов модернизации — эти и другие трудности, с которыми сталкивается налаживание производства сложной продукции отечественного машиностроения, вызвали

[1] *Лепский В.Е.* Совершенствование национальной инновационной системы (субъектно-ориентированный подход) / Материалы конференции IX международного форума «Высокие технологии XXI века», 22–25 апреля 2008 г. — М.: ЦВК «Экспоцентр». 2008.

[2] *Дынкин А.* Мировой кризис — импульс для развития инноваций // Проблемы теории и практики управления, — 2009, — № 4.

к жизни появление госкорпораций, охватывающих ключевые звенья научно-производственно-сбытового цикла продукции. Свойственные госкорпорациям варианты координации экономической деятельности, ориентированные на выпуск относительно типовой продукции, могут сочетаться с более мягкими вариантами интеграции в виде разного рода сетевых структур.

По мнению В.Е. Дементьева, через лидерство в системной интеграции реализуема стратегия опережающей коммерциализации научных достижений. Временное участие в инновационной кооперации под руководством внешних лидеров может быть оправданным средством приобщения к опыту системной интеграции. Однако, чтобы не оставаться постоянно на вторых ролях, необходимы собственные исследования и разработки на прорывных направлениях. Поучительным в этой связи представляется опыт японских кейрецу или корейских чаболей, обеспечивающих решение задач расширения планового горизонта рыночных агентов, концентрации ресурсов на прорывных направлениях НТП с опорой на государственное индикативное планирование и преобладание стратегических инвесторов (поставщики, потребители, банки) среди своих акционеров. К сожалению, в результате хищнической и варварской приватизации были разрушены крупные научно-исследовательские объединения, которые могли бы трансформироваться в конкурентоспособные корпорации, аналогичные упомянутым выше. Попытки объединения сохранившихся фрагментов научно-промышленного потенциала в госкорпорации остаются, по-видимому, единственным, хотя и малоэффективным способом создания жизнеспособных структур в наукоемкой промышленности.

Модернизация переходящих из пятого в шестой технологический уклад отраслей отечественной промышленности побудит их при наличии конкурентной среды самим искать перспективные научно-технические разработки, поддерживать научные исследования. Однако еще длительное время на этапе фундаментальных исследований новых технологий ключевая роль будет сохраняться за государством. Оно не устраняется от поддержки и прикладных исследований даже в достигших лидирующих позиций странах.

Для обеспечения опережающего становления нового технологического уклада система государственных институтов национальной инновационной системы должна предусматривать:

- формирование системы прогнозирования и стратегического планирования долгосрочного технологического и экономического развития;
- процедуры открытого обсуждения и выбора приоритетных направлений экономического роста;
- двукратное увеличение государственных ассигнований на финансирование науки и образования, широкое внедрение методик обучения научно-техническому творчеству;

• кардинальное расширение сети институтов финансирования перспективных научно-исследовательских разработок, включающей разнообразные фонды финансирования и кредитования НИОКР, венчурные фонды, фонды поддержки малого инновационного бизнеса и пр.;

• субсидирование расходов на защиту интеллектуальной собственности на отечественные изобретения и разработки за рубежом;

• развитие информационной инфраструктуры научно-исследовательских работ, поддержание сети научно-технических библиотек, субсидирование их деятельности по предоставлению услуг пользования информационными сетями и базами данных и закупке научной литературы;

• поддержание функционирования опытных стендов, экспериментальных установок и опытных производств, создание сети технологических центров и парков коллективного пользования;

• активное вовлечение в осуществление приоритетных направлений научно-технического потенциала СНГ.

Важным элементом приспособления институциональной системы к потребностям опережающего развития нового технологического уклада является стимулирование НИОКР при помощи налоговых инструментов, успешно применяемых во многих развитых странах[1]. С 2008 года российским предприятиям разрешено относить на издержки производства инвестиции в НИОКР. Это рассматривается как большое достижение, хотя во всем мире уже больше 10 лет действуют гораздо более серьезные налоговые льготы и премии, позволяющие относить на издержки 120–150% вложений в НИОКР. Причем эти льготы дифференцируются по наиболее важным для той или иной страны секторам экономики[2]. С учетом структуры доходов, образующихся в российской экономике, целесообразна перестройка системы налогообложения с отменой НДС и переносом центра тяжести на налогообложение рентных доходов, учет всех затрат предприятий на цели проведения НИОКР, модернизации производства и внедрения новых технологий в составе издержек производства, их освобождение от налогообложения, предоставление льгот по налогу на имущество, приобретаемого в рамках инновационных проектов и вновь создаваемыми инновационными предприятиями.

На этапе коммерциализации новых технологий особое значение приобретает частно-государственное партнерство. Даже дополнение перечня критических технологий четким списком использующих их отраслей, инновационные предприятия которых вправе рассчитывать на поддержку государства, способно существенно снизить риск частных инвестиций в новейшие производства. Одним из основных направлений частно-

[1] См., например: *Соколов Е.В., Юрченко Н.Ю.* Налоговое стимулирование, как важнейший фактор инновационного развития наукоемких предприятий за рубежом / Материалы конференции IX международного форума «Высокие технологии XXI века», 22–25 апреля 2008 г. — М.: ЦВК «Экспоцентр». 2008.

[2] *Дынкин А.* Мировой кризис — импульс для развития инноваций // Проблемы теории и практики управления. — 2009. — № 4.

государственного партнерства в поддержке новых технологий являются госзакупки.

Большое внимание, уделяемое в последние годы институтам развития, обусловлено необходимостью восстановления связей между наукой и производством. Однако отдача от этих начинаний оказывается гораздо ниже ожидаемой. Так, на грани ликвидации оказалась Российская венчурная компания, значительная часть денег которой размещена в банках, а не в инновационных проектах[1]. Среди основных резервов повышения эффективности институтов развития — смещение их активности в направлении поддержки проектов, предусматривающих отечественное лидерство в системной интеграции.

Широко признано, что одним из наиболее слабых мест отечественной инновационной системы является низкая активность в сфере коммерциализации научных разработок. Принципиальный вклад в изменение такой ситуации может дать подготовка специалистов по коммерциализации научных разработок, которая должна быть выделена в отдельное направление научно-технической и образовательной политики. Такие специалисты могут сформироваться только при тесных связях образовательных учреждений с наукой и бизнесом, общаясь с энтузиастами системной интеграции и коммерциализации, приобщаясь к их менталитету и ценностям.

Адаптация системы высшего образования к потребностям нового технологического уклада предполагает подготовку менеджеров и инженеров с широким кругозором знаний в сфере НТП и ориентированных на поддержание непрерывных инновационных процессов. Для этого наряду с государственной поддержкой развития фундаментальных исследований в университетах необходимо стимулирование преподавательской деятельности сотрудников научных институтов, исследовательских подразделений промышленных фирм.

Уже имеющий длительную историю опыт создания образовательных центров в наукоградах следует сочетать с формированием в них технологических зон, технопарков, технохабов.

Естественная форма интеграции науки и производства — это исследования, проводимые самими производственными компаниями. Хотя к осуществлению таких исследований подталкивает инновационная конкуренция, многие развитые страны предпринимают дополнительные меры по их стимулированию. Например, в 2005 году правительство Бельгии приняло решение стимулировать научную активность частного сектора, снизив налог на заработную плату ученых. Компании, ведущие НИОКР или сотрудничающие с научными организациями, могут оставлять себе 50% от объема налогов с заработной платы. Похожие

[1] РБК. — 2009. — 23 марта.

меры реализуются в Италии: здесь с 2003 года налоговую субсидию получают предприятия, не менее 10% прибыли которых используются для финансирования издержек на научный персонал. Налоговую субсидию в размере 10% от подоходного налога получают научные работники, вернувшиеся в Италию с постоянного места жительства за рубежом (в течение пяти лет после возвращения)[1]. Такого рода меры оправданны и в нашей стране.

В условиях глубоких структурных изменений, связанных со сменой технологических укладов, экономическая политика государства должна основываться на наращивании национальных конкурентных преимуществ, на магистральных направлениях формирования нового технологического уклада. Для этого требуется соответствующая концентрация имеющихся в стране финансовых, информационных и интеллектуальных ресурсов.

Обеспечение экономического роста в условиях переходной экономики требует согласованного решения задач формирования технологической, институциональной и организационной структур, способных соединить все необходимые элементы в целостные воспроизводственные контуры роста современного технологического уклада, создать условия для модернизации и повышения эффективности экономики. Должна быть создана благоприятная для подъема инвестиционной и инновационной активности макроэкономическая среда и сформированы адекватные мотивы предпринимательского поведения на микроуровне.

Экономическая политика должна стать комплексной и системной, включать в себя не только монетарную политику, но также инвестиционную, структурную, промышленную, внешнеторговую, научно-техническую и прочие составляющие, необходимые для создания предпосылок экономического роста в сложившихся условиях. Она должна обеспечить преодоление дезинтеграции экономической системы, трансформацию сбережений в инвестиции, восстановление нормального платежного оборота, стимулирование инновационной активности и структурной перестройки экономики, ее модернизации на современной технической основе и повышение конкурентоспособности российских производственных структур.

Глава 13
Антикризисная политика в России

При планировании антикризисных мер в большинстве стран было сделано три стратегические ошибки. Во-первых, неверно был поставлен диагноз: кризис рассматривался как финансовый и краткосрочный,

[1] Инновационное развитие — основа модернизации экономики России. Национальный доклад. — М.: ИМЭМО РАН, ГУ–ВШЭ, 2008.

в то время как он является структурным и длительным. Во-вторых, неверно был выбран главный объект приложения антикризисных мер — банковская система и финансовый рынок. Меры по спасению банковской системы должны были рассматриваться в контексте более широкой программы предотвращения экономической депрессии. В-третьих, вместо реализации продуманной стратегии долгосрочного развития упор был сделан на краткосрочные «пожарные» меры, которые в отсутствие стратегического плана оказались малоэффективными и расточительными. При этом до сих пор в проводимых антикризисных мерах не прослеживается понимание ни причин, ни сценариев дальнейшего развертывания глобального кризиса и путей выхода из него.

К сожалению, несмотря на предостережения и рекомендации ряда ученых и специалистов, такие же ошибки были допущены и в России. Нам навязывают продолжение игры по правилам «Вашингтонского консенсуса», в которой она уже потеряла около триллиона долларов капитала и значительную часть научно-производственного потенциала. Это ведет к потере возможностей опережающего развития, поглощению российских активов иностранным капиталом и ухудшению положения страны на каждом витке глобального кризиса.

13.1. Последствия ошибочной макроэкономической политики

В ходе первого этапа глобального кризиса Россия потеряла треть валютных резервов, падение промышленного производства превысило 10%, инвестиции сократились на 15%, втрое упал фондовый рынок, утрачено доверие к национальной валюте, инфляция подскочила до 18%. Разорились сотни тысяч граждан, взявших потребительские и ипотечные кредиты в иностранной валюте, выросла вынужденная безработица. Втрое ухудшились финансовые результаты деятельности предприятий, резко снизилась их платежеспособность. Возникла серьезная проблема по обслуживанию и погашению внешнего долга российских банков и корпораций, величина расходов на которые в 2009 году составила 136,1 млрд долларов; в 2010 году составит еще 86,7 млрд долларов; а после 2010 года — 274,8 млрд долларов[1]. Глубина кризиса в российской экономике оказалась существенно выше, чем в других ведущих странах мира и большинстве государств СНГ. Из последних только Украина демонстрирует худшие макроэкономические показатели (табл. 1).

[1] *Маевский В.И.* Реальный сектор и банковская система. — http://www.econorus.org.

Таблица 1

Россия и страны мира: динамика макроэкономических показателей в 2009 г., %

Страна	ВВП	Безраб.	Инфл.	Бюдж. деф./ ВВП	Госдолг/ ВВП	ВВП 2010 (прогн.)
Россия	-7,9	8,6	8,8	5,9*	8,2*	4,0
США	-2,4	9,3	2,0	12,5	83,2	3,0
ЕС, в т.ч.	-4,1	9,5	0,9	6,8	73,6	1,0
Франция	-2,2	9,4	0,1	7,5	77,6	1,3
Германия	-5,0	7,4	0,8	3,3	73,2	1,3
Великобритания	-4,9	7,5	2,1	11,5	68,1	1,2
СНГ, в т.ч.	-7,0	6,7	8,6			3,4
Казахстан	1,2	6,6	6,3	3	9,9	3,1
Беларусь	0,2	1,4	10,1	0,7	16,5**	2,3
Украина	-15,1	9,6	12,3	2,1	33,4	2,1
Китай	8,7	4,3	0,7	2,2	22	9,6
Бразилия	-0,2	8,1	4,3	3,5	48	4,5
Индия	6,4	9,5	15,0	6,8	45	8,2

*Федеральное правительство

**Внешний долг

Источник: Набиуллина Э.С. Итоги деятельности в 2009 году и задачи на 2010 год. Доклад на расширенной коллегии Минэкономразвития России, 14 мая 2010 г. — http://www.economy.gov.ru)

Таблица 2 иллюстрирует глубину кризиса в российской экономике. При снижении в 2009 году экономической активности на 7,9% сокращение производства в обрабатывающей промышленности составило 16%, а в транспортном машиностроении достигло 38%. В том числе более чем вдвое сократилось производство автомобилей.

На фоне относительно небольшого спада в добывающей промышленности это означает новый виток деградации экономики, структура которой стала еще более примитивной. Снизилась и эффективность экономики, отражаемая в показателе производительности труда. При этом при среднем ее снижении на 5,8% в транспортном машиностроении она упала на 31,3%. Резкое падение инвестиционной активности и объема строительных работ свидетельствует о погружении российской экономики в депрессию.

Таким образом, кризис вновь подтвердил патологическое состояние российской экономики. В отличие от развитых и успешно развивающихся стран, которые, проходя через кризис, стимулируют подъем инновационной и инвестиционной активности, повышая эффективность и конкурентоспособность экономики, в России кризис больнее всего ударил по высокотехнологическим отраслям, столкнув экономику в новый виток деградации.

Таблица 2

Динамика основных показателей развития отраслей экономики России в 2009 г., %

Сектор	Выпуск	Инвестиции	Производительность труда
ВВП	-7,9	-16,2	-5,8
Сельское и лесное хозяйство	0,5	-18	5,2
Транспорт и связь	-2,8	-5	-0,4
Обрабатывающая промышленность	-16	-17,6	-10,2
Транспортное машиностроение	-38	-24,5	-31,3
Строительство	-16,7	-29,5	-14,0
Энергетика	-4,8	-3,3	-6,8
Металлургия	-13,9	-24,9	-2,2
Добыча полезных ископаемых	-1,2	-11,2	3,8

Источник: Набиуллина Э.С. Итоги деятельности в 2009 году и задачи на 2010 год. Доклад на расширенной коллегии Минэкономразвития России, 14 мая 2010 г. — http://www.economy.gov.ru)

Чрезмерное по сравнению с другими странами «двадцатки» падение производства в России во многом связано с открытостью российской экономики и сырьевым характером ее специализации в мировом разделении труда. На рисунке 1 отчетливо видно, что резкое падение российского экспорта связано со снижением цен на нефть, повлекшим соответствующее уменьшение валютной выручки. Это вызвало пропорциональное ухудшение торгового баланса и вместе с оттоком спекулятивного иностранного капитала — платежного баланса. Последовавшая за этим девальвация рубля усугубила макроэкономическую дестабилизацию, спровоцировав бегство от рубля и создав угрозу российской финансовой системе.

Как уже говорилось выше, относительный масштаб государственных расходов на проведение первого этапа антикризисных мероприятий в России является одним из самых высоких в мире. Однако результативность их оставляет желать лучшего вследствие ошибочной макроэкономической стратегии, породившей мощные завихрения на финансовом рынке, так и оставшемся недоступным для предприятий реального сектора.

Согласно данным Счетной палаты РФ, совокупные расходы на преодоление кризиса с учетом кредитных ресурсов составили 10 трлн рублей, т.е. 25% ВВП 2008 года. Если присовокупить сюда 200 млрд долларов из

центробанковских резервов, которые ушли на поддержку рубля, сумма достигнет 16 трлн рублей, или 40% ВВП. Сравнимые расходы в группе крупных держав осуществлены только в Китае — 13% и Соединенных Штатах — 20% ВВП с учетом всех расходов ФРС. Как справедливо отмечает О. Дмитриева, результаты активности по противодействию глобальному финансово-экономическому кризису оставляют желать лучшего. У нас самый большой спад ВВП среди как стран — нефтегазовых экспортеров, так и государств «двадцатки», а также самый высокий уровень инфляции.

Рис. 1. Укрупненная структура российского экспорта, 2006–2009 гг.

Источник: периодическое издание Института энергетики и финансов «Мониторинг мирового кризиса» под руководством Л.М. Григорьева, № 17 (21.07.2010).

Неудивительно, что не только российские независимые аналитики, но и эксперты Всемирного банка квалифицируют результативность антикризисной работы в РФ как одну из самых низких. Тому несколько причин. Первая — в «перевернутой» структуре задействованных ресурсов. Судя

по правительственному отчету и данным Счетной палаты 85–88% этих ресурсов пошли на поддержку финансовой системы, игру на фондовом рынке и на спасение олигархов, а на помощь реальному сектору экономики — соответственно 12–15%. Вторая причина — неправильный выбор форм антикризисной поддержки и конкретных ее приоритетов, а также неэффективность бюджетных механизмов реализации последних [37].

При этом инвестиции в те же федеральные целевые программы оказались профинансированы лишь на 18%, а из 380 млрд рублей, выделенных на субсидии юридическим лицам — субъектам реальной экономики — от ракетно-космического Завода имени Хруничева до «Ростовских красок», — попало всего 6 млрд., т.е. коэффициент полезного действия — 2%! Аналогичны капэдэ по кредитным госгарантиям «оборонке» и системообразующим предприятиям — 7 млрд рублей из выделенных 300 млрд, а также по ипотечному и жилищному кредитованию: из 80 млрд рублей, направленных еще в 2008 году соответствующему госагентству, до реальных потребителей дошел 1 млрд. Из 30 млрд рублей, предназначенных для поддержки малого бизнеса, его предприятия реально получили 611 млн рублей — все те же 2% [37].

При правильной политике в результате кризиса Россия могла бы существенно улучшить свое положение в мировой экономике, добившись признания рубля в качестве одной из мировых валют; многократного повышения мощности отечественной банковско-инвестиционной системы; опережающего становления нового технологического уклада и подъема экономики на длинной волне его роста; экономической стабилизации и создания зоны устойчивого развития в регионе ЕврАзЭС и, при наличии политических условий, в СНГ.

Для этого антикризисные меры должны были быть направлены на формирование отечественной инвестиционной системы и согласованы с политикой долгосрочного развития, установленной Концепцией социально-экономического развития России до 2020 года.

Выделенные на проведение антикризисных мер средства необходимо было направить на стимулирование перспективных направлений развития экономики. Эмитируемые государством деньги на рефинансирование банков следовало направить прежде всего на финансирование внебюджетной части государственных целевых программ и стратегий, кредитование предприятий, осваивающих перспективные производства нового технологического уклада. Для этого должна быть создана система целевого управления денежным предложением, при формировании которой можно воспользоваться опытом послевоенного восстановления Западной Европы (эмиссия под векселя производственных предприятий посредством рефинансирования коммерческих банков) или современного Китая (эмиссия под планы модернизации производственных предприятий через

государственные банки). Можно также задействовать опыт финансового планирования в Индии (эмиссия под приоритетные направления развития) или управления кредитными потоками в Японии (эмиссия под государственные приоритеты).

Наш собственный и мировой опыт позволяет сконструировать оптимальные механизмы денежного предложения, замкнутые на кредитование реального сектора экономики и приоритетные направления ее развития. Для этого необходимо ввести правовые нормы, регулирующие поведение банков в использовании эмитируемых в рамках антикризисных мер денег должным образом: вместо кредитов без обеспечения увязать условия доступа к кредитному окну Центрального банка с обязательствами по целевому использованию получаемых кредитов. Это можно сделать комбинацией косвенных (рефинансирование под залог векселей платежеспособных предприятий) и прямых (софинансирование государственных программ, предоставление госгарантий) способов денежного предложения. При этом важно также четко определить меры ответственности за нецелевое использование получаемых от государства кредитных ресурсов, в том числе восстановить нормы валютного контроля.

После принятия перечисленных выше мер возможно наращивание денежного предложения как необходимое условие поддержания внутреннего спроса, подъема инвестиционной и инновационной активности. В отличие от эмитентов мировых валют кризис в России вызван не избытком денежного предложения и связанных с ним финансовых пузырей, а хронической недомонетизацией экономики, которая длительное время работала на износ вследствие острого недостатка инвестиций. Ставка на их привлечение из-за рубежа обернулась бегством собственного капитала и установлением иностранного контроля за значительной частью высокоприбыльных российских активов, ориентацией экономики на экспорт сырья. Сегодня необходимо сконцентрировать внимание на расширении внутреннего рынка, структурной перестройке экономики на основе нового технологического уклада, создании самодостаточной, опирающейся на внутренние источники денежного предложения инвестиционной системы.

Однако вследствие перекоса предпринятых в России антикризисных мер в пользу безграничного финансирования крупнейших коммерческих банков образовался порочный круг: эмиссия дешевых кредитов Центробанком в пользу группы коммерческих банков — их конвертация в доллары и евро — сокращение валютных резервов — девальвация рубля — рост инфляции — повышение ставки рефинансирования (как средство противодействия) — удорожание кредитов — спад производства — ожидание дальнейшей девальвации... Следствием втягивания

экономики в этот порочный круг стал переток эмитируемых Банком России денег в валютные спекуляции с последующим вывозом капитала за рубеж. Рисунок 3 иллюстрирует синхронное увеличение вывоза капитала в тех же масштабах, в которых Центробанком выделялись антикризисные кредиты.

Рис. 3. Чистый приток капитала и поддержка ликвидности банков монетарными властями, млрд. долл.

Источник: ЦКМАЛ.

По расчетам А.Д. Некипелова, «политика мягкой девальвации рубля обошлась государству расходованием 210 млрд долларов, что эквивалентно стоимости 800 млн тонн нефти, для добычи которых нашей стране требуется более 1,5 года. Фиксация валютного коридора чревата постоянными спекулятивными атаками на рубль и расходованием новых десятков миллиардов долларов из валютных резервов»[1]. Добавим, что объем расходов валютных резервов на бессмысленное поддержание последовательно снижающегося курса рубля, превышающий 6 трлн рублей, был бы достаточен для удвоения доходов бюджета. При одномоментной девальвации государство могло бы их сэкономить и заодно удержать три триллиона предоставленных коммерческим банкам кредитов от обрушения на валютный рынок. Если бы эти средства были использованы для кредитования реального сектора экономики и подъема инвестиционной

[1] *Некипелов А.Д.* Кризис в России: логика развития и варианты экономической политики. — http://www.econorus.org.

активности, Россия могла бы избежать обвального падения производства и быстро возобновить высокие темпы экономического роста при одновременной модернизации экономики.

Еще одним недостатком политики плавной девальвации рубля является провоцирование паники среди населения, которая вызывает массовое бегство от рубля и ажиотажный спрос на иностранную валюту. В первые месяцы кризиса сброс рублевых сбережений составил около 300 млрд рублей, что изрядно подорвало положение множества коммерческих банков, вынужденных резко свернуть кредиты. Как указывает И.С. Королев, «мягкое снижение курса рубля не дает отечественной промышленности ценовых преимуществ, которые дала бы одномоментная резкая девальвация, но постепенно увеличивает рост издержек. Такая политика ведет также к редолларизации экономики, искусственному стимулированию импорта и бегству капитала, ухудшению условий кредитования реального сектора»[1].

Денежные власти так и не признали ошибочность проведенной ими политики плавной девальвации рубля, оправдывая ее интересами населения, которому якобы дали время подумать. На самом деле эта политика наказала прежде всего граждан, доверявших власти и державших сбережения в национальной валюте, поверив заверениям первых лиц государства в отношении сверхпрочности российской финансовой системы и устойчивости рубля. Трудно придумать более дискредитирующую денежные власти политику, чем совершенное ею постепенное самоубийство собственного авторитета путем последовательной девальвации рубля.

Разорвать этот порочный круг можно было бы, зафиксировав валютную позицию коммерческих банков. Вывоз капитала за рубеж можно было бы существенно снизить и осложнить восстановлением элементарных норм валютного контроля. Как справедливо пишет А.Д. Некипелов, «очевидно, что ограничения на вывоз капитала, возврат к практике стопроцентной продажи валютной выручки экспортерами, фиксация обменного курса рубля стабилизировали бы ситуацию в денежно-кредитной сфере с минимальным расходованием валютных резервов. В этом случае не было бы необходимости и в проведении политики высоких процентных ставок»[2]. Добавим, что коммерческие банки вынуждены были бы довести эмитированные ЦБ кредиты до предприятий реального сектора, если бы они выдавались под залог их векселей, а не без залога.

Сразу же после накачки банковской системы дешевыми беззалоговыми кредитами и стабилизации финансового сектора денежные власти

---

[1] *Королев И.С.* От мирового кризиса больше всех пострадает Россия? — http://www.econorus.org.

[2] *Некипелов А.Д.* Кризис в России: логика развития и варианты экономической политики. — http://www.econorus.org.

вернулись к монетаристской политике количественного ограничения денежной массы и привязке эмиссии денег к приросту валютных резервов. Они так и не извлекли уроков из катастрофических последствий этой политики в течение 20 лет ее последовательного проведения, приведшей к двум обвалам финансового рынка.

Стерилизация денежной массы оправдывается, как обычно, необходимостью подавления инфляции, которую монетаристы упорно сводят к влиянию денежной эмиссии вопреки многочисленным эмпирическим исследованиям, опровергающим прямую пропорциональную зависимость между приростом денежной массы и ростом цен. О результатах этих исследований говорилось выше. Кризис дал новые подтверждения более сложной зависимости между динамикой денежного предложения и инфляцией.

В России, так же как и в большинстве государств СНГ и мира, кризисное сжатие товарооборота, конечного спроса и производства сопровождалось снижением цен производителей, несмотря на мощную денежную накачку, предпринятую денежными властями в целях преодоления спада. При этом, как отмечается в [1], сравнение динамики розничных и производственных цен показывает, что в развитых странах и в Китае значительное снижение производственных цен (7–9%) привело к дефляции розничных цен. Это означает, что между производителем и потребителем по-прежнему стоит монопольно-бюрократический барьер, спаянный организованной преступностью и коррупцией, блокирующей механизмы рыночной конкуренции. Без устранения этого барьера никакие меры по стерилизации денежной массы не смогут обеспечить подавление инфляции вследствие блокирования обратной связи между спросом и производством.

Если вслед за падением конечного спроса не происходит снижения розничных цен, то спрос замирает и производство не может быть увеличено. Попытки производственных предприятий увеличить сбыт товаров путем снижения своих цен не дают эффекта, лишь увеличивая прибыли торговых посредников. В результате производство стагнирует, экономика погружается в депрессию, а торговые монополии получают сверхприбыли. Не получая возможностей увеличения сбыта своей продукции, производственные предприятия прекращают снижение цен и переходят к прямо противоположной политике их повышения в целях компенсации дополнительных издержек, обусловленных снижением масштабов производства. Экономика сдвигается к новому состоянию равновесия с меньшим объемом производства, более высокими ценами и с падающими доходами населения, что приводит к новому витку сокращения спроса и производства и в итоге к еще большему углублению кризиса. Именно этот процесс происходит в России и ряде других государств СНГ — на фоне сократившегося производства после непро-

должительного периода снижения цен производителей начался их существенный рост.

Выше уже была показана ошибочность монетаристской политики с теоретической точки зрения и вредность ее применения на практике. В отсутствие конкурентной среды в торговле она теряет смысл даже в рамках собственной догматики. Возобновление монетаристских методов количественного планирования денежного предложения и стерилизации денежной массы в условиях кризиса обрекает экономику на погружение в глубокую депрессию.

В отличие от характерного для развитых стран регулирования денежной массы посредством установления ставки рефинансирования в зависимости от потребности экономики в кредите в российской экономике объем денежной массы определялся чистым притоком капитала и стратегией накопления золотовалютных резервов, а спрос на кредит удовлетворялся в значительной мере за счет внешних заимствований. При такой монетарной политике образуется порочный круг завышения процентных ставок, отрезающий предприятия большинства отраслей реального сектора от доступа к кредиту. При ее сохранении падение мировых цен на сырье влечет сокращение спроса и кредита, что приводит к падению экономической активности и пересыханию источников инвестирования. В отсутствие внутренних источников рефинансирования искусственно сдерживается развитие банковской системы, а лишенные кредита российские предприятия становятся неплатежеспособными, за исключением предприятий добывающей промышленности и химико-металлургического комплекса. Естественным результатом такой денежно-кредитной политики является примитивизация экономики и ее сырьевая специализация.

Возобновление монетаристской политики борьбы с инфляцией путем сокращения бюджетных расходов провоцирует образование следующего порочного круга: секвестр федерального и региональных бюджетов — сокращение конечного спроса — дальнейший спад производства — нарастание неплатежей — повышение инфляции — снижение реальных доходов — сокращение спроса...

Подобную спираль сжатия производства и демонетизации экономики вследствие монетарных методов подавления инфляции российская экономика пережила в первой половине 1990-х годов с катастрофическими последствиями. Сегодня есть риск их повторить, если идти по пути сокращения государственных расходов. После кредитной накачки банковской системы более чем на 3 трлн рублей экономия 1–2 трлн рублей на сокращении жизненно важных расходов государства явно нерациональна.

Особенно негативно на перспективах дальнейшего развития страны скажется сокращение расходов на науку и поддержку инноваций. Как саркастически замечает С. Рогов, на фоне избыточных расходов на под-

держку олигархических структур, забота чиновников об «экономии», выразившаяся в сокращении бюджета Академии наук на 3,5 млрд руб., выглядит просто издевательством. В результате общее финансирование 30 программ фундаментальных исследований урезано на 26%, а на приобретение оборудования — почти на 40%. Планируемые затраты на модернизацию страны на ближайшие четыре года превышают 30 трлн рублей, но на Российской академии наук решили сэкономить [14]. В то время как США, Китай и другие ведущие страны мира выстраивают системы долгосрочного стратегического планирования, наращивают расходы на науку в ключевых направлениях формирования нового технологического уклада, в России эти расходы сокращаются, упускаются возможности опережающего развития. На фоне триллионов рублей, напечатанных для поддержки банков, такая политика выглядит нелепой. Очевидно, что денежная эмиссия с целью кредитования бюджетных расходов для оживления экономики более эффективна, чем для поддержки банков, направляющих полученные кредиты на спекуляции против собственной валюты.

В отличие от поведения коммерческих банков бюджетные расходы жестко контролируются казначейством и не могут быть использованы нецелевым образом. Они остаются в хозяйственном обороте, способствуя монетизации экономики и поддержанию производства. При этом, как показал опыт 1990-х годов, секвестр госрасходов на 1 рубль порождает неплатежи на 5–6 рублей, вызывая разрушение производственно-технологических связей и спад производства[1].

Следует заметить, что порочные круги антикризисной политики являются продолжением охарактеризованных выше порочных кругов, сложившихся на предыдущем этапе вследствие проводившейся макроэкономической политики. Наиболее вредным из них был порочный круг внешних заимствований, образовавшийся вследствие жесткой привязки эмиссии рублей к покупке долларов и евро в валютный резерв при количественных ограничениях прироста денежной массы: избыточное предложение нефтедолларов — эмиссия рублей на их приобретение по заниженному курсу рубля сверх установленных ограничений — стерилизация денежной массы — завышение ставки рефинансирования — переключение российских организаций на внешние источники дешевых кредитов — увеличение предложения иностранной валюты...

Следствием этого порочного круга стала привязка эмиссии рублей к иностранным источникам кредита, что поставило российскую финансовую систему в жесткую зависимость от внешних условий и стало причиной столь тяжелых для нас последствий глобального финансового кризиса. Достаточно напомнить, что к началу кризиса денежная масса

[1] *Дементьев В.Е.* Длинные волны экономического развития и финансовые пузыри. — М.: ЦЭМИ РАН, 2009.

в российской экономике была более чем наполовину сформирована под иностранные кредиты (рис. 4). Особенно велико было влияние иностранных кредиторов на межбанковском рынке, который оказался в полной зависимости от иностранных банков (рис. 5). Поэтому их отток вызвал автоматический обвал российского финансового рынка. Сочетание девальвации рубля и повышения ставки рефинансирования возобновляет этот порочный круг, втягивая российскую экономику в новый виток неэквивалентного обмена (в котором чистый ущерб российской экономике составлял в докризисный период около 50 млрд долл. в год)[1].

Рис. 4. Корпоративный внешний долг и М2, трлн руб.

Источник: Ершов М.В. Финансовые механизмы экономического роста. — М.: ГУУ, 2008.

К сожалению, российские денежные власти не усвоили уроки финансового краха в 1998 году. Чрезмерная открытость российской экономики и привязка внутренних источников денежного предложения к приобретению иностранной валюты повлекли ее чрезвычайную уязвимость от колебаний внешнеэкономической конъюнктуры. Как отмечается в Прогнозе, триада «открытый счет капитала, высокая доходность финансовых активов, укрепление рубля» формирует потоки горячих денег нерезидентов при немедленном бегстве капитала из России, как только возникают серьезные риски в США, Китае, Бразилии или на любом другом значимом финансовом рынке.

Руководство российских денежных властей так и не признало очевидную причинно-следственную связь между формированием этой триады и глубиной обвала финансового рынка. Не убеждает его и опыт стран,

[1] *Глазьев С.* Антикризисные меры: просчеты, выводы, предложения // Экономическая наука современной России. — 2009. — № 2.

сохранивших валютный контроль (Китай, Индия и др.), которые сумели защитить свою финансовую систему от ударов глобального кризиса. Они продолжают рост производства и энергично наращивают инвестиции и расходы на стимулирование инновационной активности, реализуя стратегии опережающего развития.

Рис. 5. Внутренние и внешние источники финансирования на некоторых сегментах российского рынка (на 01.01.2008 г.).

Источник: Ершов М.В. Финансовые механизмы экономического роста. — М.: ГУУ, 2008.

В отсутствие валютного контроля в условиях кризисного сжатия общей балансовой стоимости российского фондового рынка до 300 млрд долларов возникает угроза перехода заложенных активов российских компаний в собственность их иностранных кредиторов: из 450 млрд долларов их общего среднесрочного долга обеспечено капитализацией заложенных активов не более чем половина[1]. Эта угроза усиливается по отношению ко всей российской экономике вследствие нарастающей монетизации финансовой пирамиды американских долговых обязательств, сопровождающейся одновременно резким ростом эмиссии и вывозом долларов за пределы США для приобретения реальных активов. В отсутствие мер по защите своей финансовой системы российская экономика будет поглощаться иностранным капиталом и лишится способности к самостоятельному развитию, что обрекает ее на ухудшение позиции при любом из сценариев дальнейшего развертывания глобального кризиса.

Именно к таким результатам приводило следование подобной политике, навязываемой МВФ, в ходе предыдущих финансовых кризисов. В условиях привязки денежной эмиссии к приобретению иностранной валюты от-

[1] *Митяев Д.А.* О динамике саморазрушения мировой финансовой системы (сценарии и стратегии). Возможности адаптации и выбор стратегии для России. Сценарно-игровой доклад. — М.: ИНЭС, 2009.

ток иностранного капитала парализует финансовую систему, влечет неплатежи между предприятиями и в бюджет, неконтролируемую девальвацию национальной валюты, утрату ликвидной части валютных резервов, спад производства и галопирующую инфляцию. Многократно подешевевшие активы затем скупаются иностранным капиталом, национальная экономика теряет самостоятельность и колонизируется связанными с зарубежными эмиссионными центрами транснациональными корпорациями.

Как справедливо замечает Д. Митяев, нет сомнений, что возобновление политики макроэкономической стабилизации монетарными методами (борьба с инфляцией путем «стерилизации» денежной массы и сокращения госрасходов) приведет к стандартным, многократно проверенным в десятках стран последствиям: углублению экономического спада, параличу банковской системы, сужению коридора возможностей до «форточки» наращивания внешнего долга[1].

При анализе проводившейся в России экономической политики перед кризисом, во время кризиса и после острой фазы кризиса невозможно удержаться от аналогии с дефолтом 1998 года. Как и в середине 1990-х годов, перед нынешним кризисом российские денежные власти вкладывали деньги в финансовую пирамиду под предлогом стерилизации денежной массы. Разница заключается лишь в том, что 10 лет назад они строили ее из российских государственных обязательств за счет иностранных инвесторов и денежной эмиссии, а перед нынешним кризисом вложили валютные резервы страны в пирамиду долговых обязательств США. При этом и десятилетие назад, и перед нынешним кризисом они поставили российскую финансовую систему в полную зависимость от иностранного спекулятивного капитала. Отток последнего в кризисный момент привел к обвалу финансового рынка и вызвал неплатежеспособность системообразующих корпораций. Правда, в отличие от финансовой катастрофы 1998 года десятилетием позже их удалось спасти за счет сэкономленных на социальных расходах нефтедолларов.

Соответственно различались и антикризисные меры. Если в 1998 году в отсутствие валютных резервов государство разрешило олигархам не возвращать долги иностранным кредиторам, пожертвовав финансовой репутацией страны и сбережениями граждан, то десятилетием позже оно заместило иностранные кредиты собственными. Общим является то, что и в том и в другом случае олигархические структуры стали главными бенефициарами государственной помощи. Это не помешало им использовать полученные от государства средства на игру против рубля и вывоз капитала, отток которого в острый период кризиса с середины 2008 года до четвертого квартала 2009 года оценивается в 180 млрд долларов. Одновременно они перенесли за рубеж и оборот капитала. Как отмеча-

[1] *Митяев Д.А.* Указ соч.

ется в [1], если до кризиса 70% всех ценных бумаг российских компаний котировалось на российских биржах и только 30% на зарубежных биржах (в значительной мере на Лондонской и Франкфуртской биржах и немного на Нью-Йоркской), то к концу 2008 года уже 55% всех российских ценных бумаг торговалось на зарубежных биржах и относительно меньшая часть в России. По числу торгуемых акций объем российской биржи в период кризиса не увеличился, а лондонской биржи вырос в 2,8 раза.

Пожалуй, главным отличием антикризисной политики 2008 года от 1998-го стала ее валютная составляющая. В 1998 году у страны не было валютных резервов, что предопределило неизбежность резкой, более чем трехкратной, девальвации рубля в течение одного месяца. Это существенно облегчило последующую макроэкономическую стабилизацию и способствовало быстрому экономическому росту посредством импортозамещения и роста экспорта. В 2008 году денежные власти пошли по пути постепенной девальвации рубля, спровоцировав бегство от него и переток капитала из реального сектора в сферу валютных спекуляций. В результате предприятия не смогли воспользоваться некоторым улучшением ценовой конкурентоспособности своей продукции и нарастить внутреннее производство в целях замещения резко (почти вдвое) сократившегося импорта. Поэтому в отличие от посткризисного быстрого оживления производства в 1998–1999 годах, ни в 2009-м, ни в 2010-м российская промышленность не смогла выйти на докризисный уровень и вернуться на траекторию устойчивого роста.

Как и в 1999 году, сразу же после оживления экономики денежные власти начали тормозить экономический рост, возобновив порочную практику стерилизации кажущейся им избыточной денежной массы путем эмиссии дорогостоящих государственных обязательств, а также повысив ставку рефинансирования. В отличие от всех других ведущих стран мира, удерживающих реальную ставку рефинансирования на отрицательном уровне в целях поддержки экономического роста доступными кредитными ресурсами, российские денежные власти, наоборот, повысили ее до 13%. В отсутствие регулирования процентных ставок это повлекло повышение процентов по кредитам, выдаваемым производственным предприятиям, до 17–25% и фактически вновь отрезало реальный сектор от финансового. В дополнение к этому правительство заявило о намерениях крупномасштабных заимствований в целях финансирования дефицита бюджета, что повлечет еще большее удорожание кредитных ресурсов и снизит и без того низкий финансовый потенциал российской инвестиционной системы.

Нет сомнений, что возобновление политики макроэкономической стабилизации монетарными методами вновь посадит экономику на мель. При этом в отличие от благоприятной конъюнктуры мировых рынков сырья,

мощно поддержавшей экономический рост в России в первом десятилетии нового века, в настоящее время на это рассчитывать не приходится. В фазе депрессии и предстоящего оживления мировой экономики спрос на сырье будет расти невысокими темпами, а вызываемое расширением нового технологического уклада повышение эффективности, снижение энергоемкости и материалоемкости экономики будут его сдерживать в и в долгосрочной перспективе. В ближайшие 10–15 лет «ножницы цен» будут работать в неблагоприятном для экспортеров сырья направлении — сдерживание цен на сырье будет сопровождаться опережающим ростом цен на высокотехнологическую продукцию. В этих условиях без кардинальной переориентации экономической политики государства на цели долгосрочного социально-экономического развития с резким повышением инновационной и инвестиционной активности российская экономика обречена на дальнейшую деградацию.

13.2. Проблемы управления

В отличие от либеральной доктрины, не требующей от управленцев ничего, кроме красивых фраз и навязчивого пиара, политика развития невозможна без научно обоснованных решений, квалифицированного менеджмента, ответственной и творчески активной бюрократии. Следует признать, что неэффективность сформировавшейся в России системы управления хозяйством и коррумпированность бюрократии несовместимы с требованиями инновационной экономики. Последняя нуждается в высококвалифицированном и прозрачном регулировании, требующем от госчиновников и менеджеров творческого подхода и добросовестного отношения к делу.

Проведение эффективной антикризисной стратегии предполагает резкое повышение требований к управленческим кадрам, введение жестких механизмов ответственности за достижение целевых показателей и соревновательности за достижение объективных результатов. Произошедшая в последние годы массовая замена директоров предприятий как в частном, так и в государственном секторах не способствовала повышению качества менеджмента — новые руководители уступают прежним как в понимании производственных технологий, так и в умении организовать производство высокотехнологической продукции. Назначаемые в силу личных связей, многие топ-менеджеры российских предприятий не несут ответственности за результаты своей деятельности.

Особой проблемой является сверхбюрократизация системы госрегулирования, сопровождающаяся ее крайней неэффективностью. К примеру, сбор налогов на одного занятого в налоговой службе, скорость обработки

таможенных деклараций, объем ВВП на одного госслужащего в России на порядок ниже, чем в США или в ЕС. Переходу на инновационный путь развития препятствуют непреодолимые административные барьеры на пути распространения новых технологий, основанные на непрофессиональном применении и произвольном толковании норм технического и налогового регулирования, экспортного и таможенного контроля.

Типичным примером может служить многолетнее игнорирование со стороны Росздравнадзора заявки российских ученых на проведение клинических испытаний использования собственных стволовых клеток организма из жировой ткани в регенеративной медицине. В результате некомпетентности чиновников Россия лишается возможности опережающего развития одного из наиболее перспективных направлений развития медицины, на порядки повышающего эффективность лечения многих широко распространенных болезней.

Нетрудно заметить, что выстроенная в России система управления не соответствует современным требованиям. Ее коренной порок, несовместимый с культурой инновационного управления, — клановокорпоративный принцип кадровой политики на всех уровнях властной иерархии. Назначенные по принципу личной преданности и защищенные круговой порукой чиновники ориентируются на соблюдение субординации, сохранение статус-кво и минимизацию карьерных рисков. Они не склонны брать на себя ответственность за принятие решений, не мотивированы на решение сложных задач восстановления и развития экономики. А задачи эти весьма масштабны, требуют высокой квалификации, обширных знаний и недюжинных организационных способностей. Среди них: модернизация и опережающее развитие российской экономики на основе нового технологического уклада; переход к обществу знаний; восстановление единого экономического пространства СНГ и подъем конкурентоспособности отечественных предприятий до уровня мировых образцов; создание привлекательного образа России как ведущей мировой державы со своим проектом нового мирового порядка. Опыт последних лет заставляет усомниться в способности нынешней правящей элиты не только к их решению, но и к правильной постановке.

Характерным примером является провал всех попыток восстановления отечественного гражданского авиастроения, которое является важной составной частью нового технологического уклада и одним из самых мощных локомотивов экономического роста. Для этого в наследство от советского авиапрома России досталось все необходимое: современный производственно-технологический комплекс, передовая научно-технологическая база, отработанная система подготовки специалистов, обширный регулируемый государством спрос и уже готовые вполне конкурентоспособные новые модели самолетов всех типов. За полтора

последних десятилетия так и не удалось решить задачу элементарного освоения этого научно-производственного потенциала. Наши современные модели остаются невостребованными, а управляемый государством «Аэрофлот» перешел на лизинг импортных самолетов, грубо нарушая постановления самого же правительства по приобретению отечественных машин. При этом дискредитировавшие себя руководители продолжают управлять отраслью и получать астрономические зарплаты, не неся никакой ответственности за срыв государственных заданий.

Для оценки компетентности нынешних руководителей российского авиапрома достаточно на секунду себе представить, что в 1992 году Китай стал бы обладателем таких предприятий, как «Авиастар», КБ им. Туполева, авиационных заводов в Воронеже и в Казани. Неужели китайцы бы летали на импортных самолетах, если бы имели нечто подобное Ту-204, Ту-334 или Ил-96? Можно ли себе представить, что за полтора десятилетия в ЕС или США не смогли бы освоить серийное производство уже сертифицированных и летающих передовых моделей? Остались бы отвечающие за это дело менеджеры на своих постах с астрономической зарплатой? Мы видим, как реагирует руководство Евросоюза на срыв сроков запуска новых моделей даже на полгода…

Провал гражданского авиастроения является, к сожалению, типичным для сложившейся в России практики управления хозяйством как в государственном, так и в частном секторах. Аналогичная ситуация в станкостроении, судостроении, автомобилестроении, атомной, электротехнической и других отраслях высокотехнологической промышленности. Неэффективное управление в газовой, нефтяной, металлургической и других сырьевых отраслях экономики до кризиса камуфлировалось сверхблагоприятной ценовой конъюнктурой.

Некомпетентные «топ-менеджеры», назначенные на руководящие посты по принципу личной преданности, не несут ответственности за неизбежные провалы в работе. Поэтому в лучшем случае они предпочитают ничего не делать, в худшем — используют служебное положение в корыстных целях. Достаточно вспомнить вопиющие примеры катастрофических последствий некомпетентных управленческих решений: банкротство государственной финансовой системы в 1998 году, аферу с сооружением высокоскоростной железной дороги Москва — Санкт-Петербург, от которой остался только котлован в Питере, реформу РАО ЕЭС, после которой цены на электроэнергию и тепло выросли пятикратно, пошла череда техногенных катастроф, а экономика стала захлебываться из-за дефицита электроэнергетических мощностей. Ответственные за эти провалы «топ-менеджеры» не только не были наказаны за нанесенный государству и стране ущерб, но, напротив, были даже поощрены властью и получили новые высокие должности.

Хорошим примером в этой области является антикоррупционная составляющая антикризисных мер в США. Незамедлительной реакцией американского госаппарата на кредитный кризис стало продолжение (после жесткого антикоррупционного закона Сарбанеса — Оксли 2003 года) активных законодательно-судебных мер по преследованию экономической преступности. В 2009 году вступили в силу Закон о борьбе с мошенничеством и его последствиями и Закон о подотчетности, ответственности и раскрытии информации о кредитных картах. Эти законы дают правоохранительным органам больше полномочий для борьбы с преступлениями на финансовых рынках, усиливают защиту потребителя от финансовых злоупотреблений. Американская администрация исходит из того, что примеру США должны последовать все страны, выделяющие значительные бюджетные средства на антикризисные меры и устанавливая высокие стандарты финансового регулирования [85].

При сложившемся стиле управления страна обречена на деградацию. Импульсы, исходящие от руководства страны, теряются в лабиринтах вертикали власти, а инициативы гаснут в бюрократическом болоте некомпетентного и безответственного, но лично преданного топменеджмента. Едва ли можно рассчитывать на успешное вхождение в экономику знаний при сохранении неофеодальной системы управления. Не личная преданность, а компетентность, не круговая порука, а персональная ответственность, не семейно-клановые отношения, а деловая и профессиональная репутация должны быть положены в основу кадровой политики. В блестящем исследовании Прохорова свойств российской культуры управления показано, что в периоды доминирования во властных структурах кланово-бюрократических, семейственных или мафиозных отношений, исключавших конкуренцию менеджеров, экономика страны деградировала. И наоборот, периоды ее подъема всегда сопровождались созданием остро-конкурентной среды среди менеджеров на всех уровнях управления [77].

В систему управления должны быть введены механизмы конкуренции и отбора руководящих кадров исходя из достигаемых ими объективных результатов. Без этого не может быть ответственного компетентного руководства. Но едва ли такой механизм можно построить в рамках нынешнего политического порядка. Без реальных выборов, без настоящей оппозиции, без парламентского контроля над исполнительной властью нельзя создать конкурентную управленческую среду и построить эффективную систему управления страной в XXI веке.

Основным барьером, препятствующим каким-либо совершенствованиям сложившейся системы управления, является ее неспособность к объективной оценке последствий принимаемых решений и соответственно исправлению ошибок. Количество и последствия последних, многие

из которых были охарактеризованы выше, превышают все мыслимые пределы, очевидные всем специалистам, кроме руководителей, принимающих решения.

Непосредственно перед кризисом были объявлены амбициозные цели выхода России на европейский уровень жизни к 2020 году [73]. К этому времени российская экономика должна быть модернизирована на передовой технологической основе и стать конкурентоспособной в целом спектре отраслей высокотехнологической промышленности. Разработаны концепция и прогноз долгосрочного социально-экономического развития страны, ориентированные на достижение этих целей. Но они остались невостребованными при принятии антикризисных мер, так как для этого требовалась бы перестройка всей системы управления государством на принципах персональной ответственности, соревновательности и объективности.

При правильной экономической политике еще можно выйти на траекторию опережающего развития, своевременно наращивая научно-технологические преимущества на ключевых направлениях становления нового технологического уклада. Но времени на раскачку больше нет. Деградация российской экономики и разрушение духовной матрицы российской цивилизации зашли слишком далеко. Для успешного развития России в условиях структурной перестройки мировой экономики на основе нового технологического уклада необходимо перестроить всю систему управления страной. Отказаться от комфортной неофеодальной кадровой политики, очистить коридоры власти от коррупции и некомпетентности, открыть их для притока новых квалифицированных кадров, введя механизмы прямой персональной ответственности и соревновательности среди управленцев по всей вертикали власти.

Нужная для мобилизации сил консолидация общества требует кардинального изменения отношений государственной власти с обществом. Граждан страны нужно допустить к участию в управлении, а также дать им возможность контроля за властями предержащими. Для этого необходимо не только восстановление реальных избирательных прав, но и введение механизма обратной связи, позволяющей гражданам добиваться отставки любого недобросовестного чиновника. Необходимо разорвать административно-коррупционное сращивание бюрократии и бизнеса, призвав его к открытому и ответственному сотрудничеству в целеполагании и реализации государственной политики. Следует кардинально увеличить участие авторитетных ученых в принятии стратегических решений. Услужливых прикормленных зарубежными фондами правительственных аналитиков следует заменить признанными учеными и специалистами, придав Российской академии наук функцию основного института

научной экспертизы и поддержки принимаемых решений в системе государственного управления.

Хотя Россия и пострадала больше других стран от глобального кризиса, несмотря на уменьшающиеся ресурсы (валютные, производственные, управленческие), падение доходов и экономической активности, объективно она куда менее зависима от мирового финансового рынка, чем кажется, по субъективному мнению апологетов международного капитала. По природно-ресурсным, военно-политическим, производственно-технологическим и иным материальным параметрам вес России в мире выглядит намного больше, чем по финансовым. Поэтому она менее уязвима по отношению к глобальному кризису, чем страны с развитым финансовым рынком. При этом с углублением кризиса эти преимущества становятся все более ощутимыми.

Имеющиеся заделы в атомной, ракетно-космической, авиационной и других наукоемких отраслях промышленности, в молекулярной биологии и генной инженерии, нано-, био- и информационных технологиях дают России значительные конкурентные преимущества для опережающего развития нового технологического уклада и неплохие шансы на лидерство в ряде направлений формирования новой длинной волны экономического роста. Но для реализации этих шансов необходимо быстрое многократное наращивание инвестиций в соответствующих направлениях.

Следует подчеркнуть, что в рамках прежней либеральной и монетаристской макроэкономической политики реальная антикризисная стратегия выработана быть не может. Задачи преодоления кризиса невозможно, как показывает мировая практика, решить только через свободный рынок капиталов, тем более такой маргинальный, как наш. Как указывает Я.М. Миркин[1], российские рынки капиталов не обладают достаточной емкостью, спекулятивны, зависят от финансирования нерезидентов, крайне волатильны и недоступны для большинства производственных предприятий. Внутренний рынок, находящийся под давлением внешней конкуренции, не способен без целенаправленной государственной политики развития решить проблемы модернизации экономики и подъема ее высокотехнологических отраслей. Коммерческие банки не могут самостоятельно нарастить свой капитал до уровня, адекватного потребностям реального сектора. Поэтому объективно возникает необходимость в государственных программах финансовой поддержки приоритетных отраслей, регионов, малого предпринимательства, в государственном стимулировании спроса на товары внутреннего производства.

[1] *Миркин Я.М.* Посткризисная стратегия развития финансового сектора России. — http://www.econorus.org.

Как уже указывалось выше, необходимо также создание системы рефинансирования коммерческих банков под кредитные обязательства производственных предприятий.

Для выхода на траекторию опережающего инновационного развития государство должно создать условия, при которых:

- каждое предприятие, обладающее возможностями освоения новых технологий в перспективных направлениях экономического роста, могло бы получить доступ к долгосрочному кредиту;
- любой научно-исследовательский коллектив, создающий новые технологии, мог бы получить финансирование на проекты их практической реализации;
- ученые, работающие в ключевых направлениях становления нового технологического уклада, и вузы, готовящие специалистов соответствующего профиля, получали бы достаточное финансирование для полной реализации своего творческого и образовательного потенциала;
- каждая фирма, осваивающая новые технологии, могла бы получить доступ к кредитам на проведение необходимых НИОКР и к регулируемым государством рынкам сбыта своей продукции;
- потребители были бы заинтересованы в приобретении новой высокотехнологической продукции отечественного производства;
- субъекты хозяйствования имели бы удобный доступ к научно-технической информации и могли видеть перспективы развития своей сферы деятельности и своевременно осваивать передовые технологии.

При всех сценариях глобального кризиса возможности развития российской экономики будут зависеть не столько от внешних факторов, сколько от внутренней экономической политики. Для разработки эффективной антикризисной стратегии необходимо учитывать возможности и ограничения технико-экономического развития и закономерности современного экономического роста.

Глава 14
Основные направления антикризисной стратегии развития российской экономики

Чтобы достичь опережающего становления нового технологического уклада и подъема экономики на длинной волне его роста, необходимо предусмотреть механизмы целевого использования кредитных ресурсов, выделяемых государством, на финансирование модернизации экономики на основе нового технологического уклада. Для этого меры по преодолению финансового кризиса должны быть направлены на формирование отечественной инвестиционной системы и резкий подъем инновацион-

ной активности. Необходимо соединить антикризисные меры со стратегией долгосрочного социально-экономического развития, на реализацию которой у государства никогда не хватало денег.

При планировании антикризисной политики нельзя забывать о том, что основным фактором современного экономического роста является научно-технический прогресс, который в свою очередь определяется интеллектуальным потенциалом общества. Выход на инновационный путь развития и переход к характерной для нового технологического уклада экономике знаний предполагает высокое качество человеческого капитала, на воспроизводство которого в развитых странах расходуется основная часть национального дохода. Важной составляющей качества трудовых ресурсов и человеческого капитала является национальная духовная культура, которая имеет огромное значение в мотивации труда и во многом определяет эффективность использования национального производственного потенциала.

14.1. Приведение управления хозяйством в соответствие с ценностями российской культуры как условие подъема экономики

Несмотря на глубокое разрушение научно-производственного потенциала, российская культурная матрица содержит благоприятные предпосылки для подъема инновационной активности и совершения технологического скачка на новую длинную волну экономического роста. Свойственные ей ценности хорошо сочетаются с управленческой парадигмой XXI века. Об этом свидетельствует научное и духовное наследие русской философской мысли.

В противовес западному рационализму в конце XIX — начале XX века в трудах российских ученых (В. Вернадского, Н. Федорова, Л. Чижевского и др.) была заложена идея о ноосферном развитии мира, которую сегодня эксперты расценивают как ключ к разработке стратегии будущего социально-экономического развития человечества. Согласно выводам А.С. Панарина, «человечеству необходима, наряду с системой инструментального знания, корректирующая и направляющая система нормообразующего знания, назначение которой — удерживать от деструктивных видов активности или предотвращать превращение продуктивного активизма в разрушительный»[1]. Этот вывод подтверждается другими иссле-

[1] Теория и практика экономики и социологии знания / Научный совет по Программе фунд. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». — М.: Наука, 2007. — С. 56.

дователями: «Будущая цивилизация мира — гуманитарно-техническая с вектором развития в сторону духовности и гуманизма. На наших глазах в муках рождается новая парадигма общественного развития, где цель человеческого существования — творческое развитие каждой личности, полная самореализация ее сущностных сил. Именно на этом пути лежат новые источники общественного прогресса, развития как мирового сообщества в целом, так и каждого государства, избравшего для своего развития не концепцию потребления, а концепцию духовности, знаний...»[1].

К сожалению, сравнительные преимущества российских культурных ценностей не были востребованы реформаторами, направившими общественную энергию на цели разрушения «старого мира» и разграбления государственной собственности. Как было показано выше, реформирование российской экономики и общества происходило вразрез с российской культурной и духовной традицией на принципах рыночного фундаментализма, провоцировавших антиобщественные формы предпринимательского поведения. Вместо созидательной инициативы и общественно полезной деятельности путь к богатству был проложен через прихватизацию государственных предприятий, на котором больше других преуспели преступники, коррупционеры и мафиозные структуры. Добросовестный труд, квалификация, производственный опыт утратили свою ценность.

Причины резкой деградации российской экономики целиком лежат в сфере управления хозяйством, сложившейся в результате реформ. Объективное состояние научно-производственного, человеческого и сырьевого потенциала российской экономики не предвещало столь резкого падения экономической активности и инвестиций, уровень которых до сих пор остается ниже дореформенного. Вывоз триллиона долларов капитала, эмиграция нескольких миллионов квалифицированных кадров за рубеж свидетельствуют о неспособности созданной реформаторами системы управления экономикой страны реализовать имеющиеся возможности экономического роста. Вместо формирования созидательных мотивов общественно полезной хозяйственной деятельности государственная политика нацеливала предприимчивых людей на присвоение чужого, не на производство нового, а на перераспределение ранее созданного богатства. Это исключало возможность формирования интеллектуального стиля управления и соответственно перехода на инновационный путь развития.

Этап паразитического присвоения социалистического наследства завершается, и возникает критически важный для разработки антикризисной политики вопрос: какой духовный стержень будет направлять экономическое поведение людей? Едва ли культ золотого тельца станет

[1] *Иванов В.Н., Иванов А.В., Доронин А.О.* Управленческая парадигма XXI века. Т. 1. — М.: МГИУ, 2002. — С. 117, 120.

новой религией нашего народа, большинство которого исповедует либо возрождающееся православие, либо коммунистическую доктрину. Если исходить из тенденции возрождения православной самоидентификации все большей части населения России, для моделирования соответствующего ей экономического поведения следует обратиться к анализу влияния православного мировоззрения на мотивы и ограничения этого поведения. В качестве его фундаментальной основы можно использовать Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании, разработанный группой ученых и богословов под эгидой Московской Патриархии РПЦ и одобренный Всемирным Русским Собором[1]. С учетом фундаментального значения изложенных в нем принципов приведем наиболее значимые для целей настоящего исследования выдержки из этого документа.

Как указывается авторами, «Свод нравственных принципов и правил» описывает идеальную модель хозяйствования, которая не существует сейчас, но к воплощению которой можно и должно стремиться в повседневности…

Сформулированные ниже нравственные принципы и правила основываются на десяти заповедях, данных Богом, а также на опыте их усвоения христианством и другими религиями, традиционно исповедуемыми в России.

I. Не забывая о хлебе насущном, нужно помнить о духовном смысле жизни. Не забывая о личном благе, надлежит заботиться о благе ближнего, благе общества и Отчизны.

Исторически российская духовно-нравственная традиция по преимуществу склонялась к приоритету духовного над материальным, к идеалу самоотвержения личности ради блага народа. Впрочем, крайности такого выбора приводили к страшным трагедиям.

Помня это, мы должны создавать такой экономический уклад, который поможет гармонично реализовывать как духовные устремления, так и материальные интересы личности и общества. Этой гармонизации, как показывает исторический опыт, содействуют правила, основанные на библейских принципах.

II. Богатство — не самоцель. Оно должно служить созиданию достойной жизни человека и народа.

Культ богатства и нравственность в человеке несовместимы. Отношение к богатству как к кумиру неизбежно разрушает экономическую и правовую культуру, порождает несправедливость в распределении плодов труда, социальную «войну всех против всех».

Стяжание богатства ради богатства заведет в тупик и личность, и дело, и национальную экономику.

[1] Свод нравственных принципов и правил в хозяйствовании. Итоговый документ VIII Всемирного Русского Народного Собора. Принят на итоговом пленарном заседании Собора.

Богатство — само по себе не благословение и не наказание. Это прежде всего испытание и ответственность.

Для нравственного человека собственность есть не только средство извлечения выгоды, но и средство служения идеалам добра и справедливости.

Собственность дает максимальную отдачу именно тогда, когда она употребляется эффективно, а плоды ее использования распределяются справедливо и ответственно, «вкладываются» в социальную стабильность. Если человек созидает материальные блага исключительно для себя, своей семьи, своей социальной группы, при этом пренебрегая интересами других, он преступает нравственный закон и многое теряет в экономическом смысле.

Чем больше собственность, тем значительнее власть человека над другими людьми. Поэтому использование собственности в хозяйствовании не должно носить узкоэгоистический характер, противоречить общему интересу.

Честное хозяйствование исключает обогащение во вред обществу. Благосостояние добросовестных предпринимателей и тружеников должно соответствовать их трудовому вкладу, быть следствием создания, рачительного использования и приумножения ими общественно полезных благ.

Долг состоятельного человека — творить людям добро, не обязательно рассчитывая при этом на общественное признание. И предприниматель, и государство должны исходить из принципа справедливости при принятии экономических решений.

Уровень потребления и стандарты качества жизни должны быть разумными и умеренными, учитывать состояние окружающей среды.

Деньги — лишь средство для достижения поставленной цели. Они должны находиться в постоянном движении, в обороте. Дело — настоящее, захватывающее целиком, — вот богатство предпринимателя. Отсутствие культа денег раскрепощает человека, делает его внутренне свободным.

Бедность или богатство человека сами по себе не говорят о его нравственности или аморальности. Бедный, растрачивающий свои способности без пользы или употребляющий их только в корыстных целях, не менее безнравственен, чем богатый, который отказывается жертвовать часть дохода на общественные нужды.

Бедность — это испытание, как и богатство. Бедный человек обязан достойно вести себя, стремиться к эффективному труду, повышать свой профессиональный уровень, чтобы выйти из бедственного состояния. Государство, общество и бизнес должны помогать ему в этом.

III. Культура деловых отношений, верность данному слову помогают стать лучше и человеку, и экономике.

Деловые отношения должны строиться на уважении прав и законных интересов их участников. В экономике нужно сочетать принципы справедливости и эффективности.

Обладая властью над материальными средствами и людьми, работодатель, в том числе государство, должен чувствовать ответственность за свои экономические решения, за действия своих работников и за последствия таких действий.

Честность и профессионализм в отношениях с клиентом и деловым партнером завоевывают доверие и укрепляют экономическое положение предприятия, в то время как «нечестная игра» обрекает его на неизбежный крах.

Соблюдение устных и письменных договоренностей служит основой гармоничных отношений в экономике. Напротив, невыполнение обязательств приводит к снижению авторитета делового сословия, да и авторитета всей страны.

Общество должно порицать подобное поведение. Те же правила применимы к недобросовестным работникам, не исполняющим определенное трудовым договором. Предприятие способно быть успешным только при взаимном исполнении обязательств внутри коллектива.

Государство призвано принимать законы, поддерживающие и развивающие культуру исполнения обязательств. При этом оно само должно быть примером такой культуры, особенно в сфере экономики и управления, в области выполнения политических обещаний. Важнейшая функция государства заключается в эффективном контроле над соблюдением договоренностей.

Не случайно в России главный лозунг делового сословия звучал так: «Прибыль превыше всего, но честь превыше прибыли».

IV. Человек — не «постоянно работающий механизм». Ему нужно время для отдыха, духовной жизни, творческого развития.

Предпринимателям, власти и обществу необходимо заботиться об интеллектуальном, духовном и физическом развитии каждой личности. Капитал материальный и финансовый сегодня невозможно ни создать, ни удержать без капитала интеллектуального — добровольного приложения человеком своих способностей, умений и знаний. Ему должны быть доступны знания и сокровища культуры, возможность реализовать себя через образование, научную и творческую деятельность. Употребленная на это часть рабочего времени окупится сторицей. Дальновидный работодатель будет заботиться и о развивающем досуге работников.

Ведь личность, потенциал и таланты которой всесторонне раскрылись, принесет максимальную пользу и обществу в целом, и конкретному делу в экономике.

V. Государство, общество, бизнес должны вместе заботиться о достойной жизни тружеников, а тем более о тех, кто не может заработать себе на хлеб. Хозяйствование — это социально ответственный вид деятельности.

Национальное хозяйство саморазрушается без эффективных мер социальной защиты. Работник, который не имеет перспективы заработать на достойную пенсию, лишен доступа к образованию, медицинскому обслуживанию, социальному страхованию, никогда не будет трудиться с радостью и удовлетворением. Напротив, уверенность человека в завтрашнем дне создает предпосылки для профессионального роста, позволяет выстраивать долгосрочную стратегию развития предприятия.

Работникам предприятия должны быть открыты возможности для ответственного участия в управлении им в соответствии с их профессиональным уровнем и образованием, дабы люди могли почувствовать себя партнерами, сопричастными судьбе общего дела.

Работодатель, в том числе государство, должен нести публичную ответственность за свое участие в программах социального и пенсионного страхования.

На государстве лежит ответственность за сохранение жизни, здоровья и человеческого достоинства пожилых людей, инвалидов, обездоленных детей. Оно должно не только помогать нетрудоспособным, но и создавать условия для развития дел милосердия, совершаемых предприятиями, религиозными и общественными объединениями, отдельными гражданами.

Степень благосостояния общества напрямую зависит от его отношения к нетрудоспособным и старикам. Выделение части доходов на помощь пожилым и больным людям, инвалидам и обездоленным детям должно быть нормой для любого рентабельного предприятия, а также для любого состоятельного работающего человека, в том числе наемного работника.

Предприятия призваны уделять повышенное внимание пенсионерам и инвалидам, вложившим свой труд в их благосостояние. Признание работодателем нынешних и прошлых трудовых заслуг своих работников примиряет прошлое с будущим, укрепляет успех его дела.

VI. Работа не должна убивать и калечить человека.

Создание достойных условий труда, строгое соблюдение техники безопасности на производстве — сфера повышенной ответственности работодателя, в том числе государства.

Труд для наемного работника — основной источник средств к существованию. Поэтому необоснованное увольнение, низкая оплата труда, несвоевременная или неполная выплата заработной платы ставят его на грань выживания. Напротив, бережное отношение работодателя к труду, здоровью и жизни ближнего несет благо и для него самого, и для работников.

Стремление к успеху любой ценой, презрение к жизни и здоровью другого — преступно и порочно.

VII. Политическая власть и власть экономическая должны быть разделены. Участие бизнеса в политике, его воздействие на общественное мнение может быть только прозрачным и открытым.

В экономике нет места коррупционерам и другим преступникам.

Недопустимо нелегитимное вовлечение органов государственной власти в конкурентную борьбу и в разрешение хозяйственных споров. Отстаивание бизнесом своих интересов перед властью должно быть законным и открытым для общественного контроля.

VIII. Присваивая чужое имущество, пренебрегая имуществом общим, не воздавая работнику за труд, обманывая партнера, человек преступает нравственный закон, вредит обществу и себе.

Государство, предприниматель, работник, любой гражданин должны бережно относиться к общему и любому другому имуществу. Привычка с легкостью воровать у государства, соседа или коллектива, портить их собственность должна быть осуждена и изгнана из нашей жизни. Тот, кто берет из общего или чужого кармана неположенное, подлежит публичному позору.

Одной из форм хищения является несправедливое распределение плодов труда среди партнеров и работников. Общество не должно делиться на сверхбогатых и сверхбедных.

Производство и все другие виды хозяйствования не должны наносить невосполнимого ущерба природе, которая есть достояние не только всех ныне живущих на Земле людей, но и будущих поколений. Те природные ресурсы, которые сегодня необходимы человеку, но в будущем не могут быть восстановлены, следует расходовать с расчетом на много веков вперед и по возможности заменять восполнимыми ресурсами. Экологическая сторона деятельности всех хозяйствующих субъектов должна быть прозрачна для общества, открыта для контроля с его стороны. Участие в проектах, направленных на защиту окружающей среды, внедрение ресурсосберегающих и безотходных технологий — важнейшая задача делового сословия.

Предприниматель должен помнить, что неуплата налогов, положенных по закону, — это хищение у сирот, стариков, инвалидов, других самых незащищенных людей.

Сокрытие доходов, незаконный увод капиталов за рубеж равнозначны обкрадыванию своих соотечественников.

Обкрадывают своих работников и те, кто не платит им достойного жалованья, обрекая людей на нищету и озлобление, лишая их радости труда. Определяя размеры вознаграждения за труд и той доли прибыли, которая расходуется на зарплату, до́лжно руководствоваться принципом справедливости, не оглядываясь на стандарты тяжелого прошлого или примеры беднейших стран. Нельзя злоупотреблять отчаянием людей, соглашающихся на низкую зарплату ради хлеба насущного.

Оплата труда не может быть ниже прожиточного минимума. Она должна позволять человеку не только полноценно питаться, но и приобретать необходимые для быта товары, растить детей, обеспечивать себя жильем.

Те, кто не выплачивают людям зарплату, систематически задерживают ее, допускают ее уровень ниже прожиточного минимума, достойны общественного порицания.

Государство, существующее на средства народа, должно соразмерно определять свою долю в общественном богатстве. Необременительные налоги — одна из основ эффективного и нравственного хозяйствования, при котором граждане могут без излишних тягот оплачивать государственные расходы.

IX. В конкурентной борьбе нельзя употреблять ложь и оскорбления, эксплуатировать порок и инстинкты.

Конкуренция — один из двигателей экономики. Монополизм равнозначен консервации и отсталости. Результаты добросовестной конкуренции служат интересам общества, она ставит его членов в равные условия, предоставляет им право выбора.

Конкуренция является достойной и нравственно оправданной, если не разрушает деловые отношения.

При ведении конкурентной борьбы нельзя пользоваться нравственно ущербными приемами. Так, предприниматель не должен допускать публичного оскорбления конкурентов, распространять заведомо ложную или непроверенную информацию о своих деловых партнерах.

X. Нужно уважать институт собственности, право владеть и распоряжаться имуществом. Безнравственно завидовать благополучию ближнего, посягать на его собственность.

Необоснованное изъятие собственности подрывает экономическую стабильность, разрушает веру людей в справедливость.

Национализация частной собственности нравственно оправданна только тогда, когда ее использование заведомо противоречит интересам общества, угрожает безопасности и жизни людей. В любом случае изъятие собственности должно проводиться строго по закону и при условии справедливой компенсации.

Это в равной степени относится к процессам отчуждения государственной и общественной собственности. Ее незаконный захват почти всегда сопровождается разрушением национальной экономики и страданием миллионов людей.

Незаконное перераспределение собственности — всегда преступление перед обществом, нарушение нравственного закона. Частное лицо, завладевшее имуществом путем обмана, не имеет морального и юридического права называться собственником. В подобном случае государство призвано восстановить справедливость, следуя закону и нравственному долгу.

Состояние экономики напрямую зависит от духовного, нравственного состояния личности. Лишь человек с добрым сердцем и светлым

умом, духовно зрелый, трудолюбивый и ответственный сможет обеспечить себя, принося пользу своим ближним и своему народу. Пусть так будет в России, вступившей в XXI век».

Приведенный выше сокращенный вариант одобренного Всемирным Русским Собором свода нравственных принципов хозяйствования представляет собой системное обобщение духовной составляющей экономического поведения, регламентируемого российской религиозной традицией. Как нетрудно заметить, мотив максимизации прибыли в них существенно ограничен требованиями соблюдать интересы общего блага, не допускать дискриминации работников, стремиться к отношениям сотрудничества, взаимопомощи, выполнять взаимные обязательства, обеспечивать социальные гарантии.

Таким образом, соответствующий российской мировоззренческой традиции духовный стержень экономического поведения принципиально отличается как от либеральной доктрины, так и от ее криминализированного воплощения в современной российской действительности. Этим во многом объясняется неприятие подавляющим большинством российского народа ультралиберальных реформ, которые легализовали аморальные и в значительной части преступные формы обогащения за счет присвоения чужого. Русская духовная традиция наполнена содержательным смыслом, важнейшими составляющими которого являются созидательная деятельность на общее благо, воплощение принципов правды и справедливости. Привнесенная из-за рубежа и с энтузиазмом подхваченная олигархами и коррупционерами доктрина вульгарного либерализма в корне этой традиции противоречит. Общество не приемлет как воровские способы обогащения, так и издевательски низкую оплату труда, олигархическую вакханалию приближенных к власти лиц на фоне массовой бедности трудящегося населения.

Разрешение противоречия между духовной традицией и практикой возможно двумя способами. Либо духовная традиция будет сломлена доминирующей хозяйственной практикой, либо последняя будет приведена в соответствие с духовной традицией.

В первом случае завершится подмена приведенных выше нравственных принципов хозяйствования культом золотого тельца с характерными для него войной всех против всех, социальной безответственностью и доминированием аморальных и преступных способов обогащения за счет присвоения чужого. Примеры такого рода стереотипов экономического поведения дают слаборазвитые страны Африки и Латинской Америки с характерной для них низкой эффективностью работы как рыночных механизмов, так и пораженных коррупцией институтов государственного регулирования. В этом случае Россию ждут дальнейшая деморализация и вырождение населения, деградация производственно-

го потенциала, превращение экономики в сырьевую колонию более развитых стран.

Во втором случае возможно построение эффективной экономической системы, работающей на созидательной мотивации десятков миллионов образованных трудоспособных граждан. При этом в условиях перехода мировой экономики на инновационный путь развития и доминирующего значения НТП как главного двигателя экономического роста специфика российской духовной традиции дает принципиальные конкурентные преимущества. Прежде всего это характерные для русской культуры доминирование духовного над материальным, вечный поиск истины, тяга к творчеству и способность к коллективному интеллектуальному труду. Эти качества как нельзя лучше отвечают вызовам современной экономики знаний, в которой основой успеха является способность создавать и осваивать новейшие прорывные технологии. Сохраняющийся в стране научный и интеллектуальный потенциал может стать основой быстрого подъема российской экономики при создании благоприятных условий его активизации. Для этого должна проводиться соответствующая социально-экономическая политика, ориентированная на активизацию имеющихся сравнительных преимуществ национальной экономики.

Разрыв между доминирующим стилем управления и общепринятыми нравственными ценностями влечет падение эффективности управления как в государственном, так и в частном секторе. Для построения эффективной экономической системы, работающей на созидательной мотивации десятков миллионов образованных трудоспособных граждан, необходимо приведение доминирующей хозяйственной практики в соответствие с духовной традицией.

Как уже неоднократно указывалось выше, выход на траекторию устойчивого роста экономики и благосостояния общества возможен только на основе многократного повышения инновационной и инвестиционной активности, кардинального улучшения качества государственного регулирования, подъема трудовой, творческой и предпринимательской энергии людей. Для этого проводимая в России социально-экономическая политика должна иметь определенный духовный стержень, соответствующий национальной культурной традиции. По меньшей мере эта политика должна быть осмысленной и понятной гражданам, ориентированной на достижение разделяемых ими социально значимых целей.

Активизация интеллектуального потенциала страны предполагает формирование соответствующего нравственного климата. Фундаментальное значение для русского человека имеет ощущение правильности общественного устройства, его соответствие понятиям справедливости, разумности, целесообразности. Без восстановления справедливости в

распределении национального богатства и дохода, преодоления коррупции государственной власти, очищения экономики от организованной преступности новый хозяйственный подъем не удастся.

Для построения эффективной системы управления экономикой, соответствующей духовной традиции и нравственным ценностям, принятым в российской культуре, должны быть пересмотрены фундаментальные принципы государственной социально-экономической политики. В том числе в экономической политике необходимо отказаться от рыночного фундаментализма, в кадровой политике — от круговой поруки и кумовства, а в практике управления — от культа вседозволенности и самообогащения. Должны быть восстановлены ключевые для русской культуры нормы социальной справедливости в распределении национального дохода и богатства. В частности, это означает:

- ревизию итогов приватизации с отменой незаконных сделок и уплатой прогрессивного компенсационного налога, пропорционального приросту рыночной капитализации приватизированного имущества в момент его передачи на вторичном рынке;
- восстановление дореформенных сбережений граждан;
- переход к гибкой денежно-кредитной политике, ориентированной на потребности экономики в долгосрочном кредитовании развития производства, поддержание высокой инновационной и инвестиционной активности;
- проведение жесткой антимонопольной политики, кардинальное повышение эффективности контролируемых государством естественных монополий;
- восстановление прогрессивной шкалы подоходного налога;
- приведение минимальной оплаты труда в соответствие с реальным прожиточным минимумом;
- переход к нормативному планированию социальных расходов исходя из общепринятых в развитых странах стандартов и национальных традиций с установлением единых для всей страны социальных стандартов подушевых расходов на образование, здравоохранение, детские и другие социальные пособия;
- обеспечение прав граждан на бесплатное высшее образование;
- возвращение в общенародную собственность природных ресурсов;
- введение механизма рационального природопользования с научно обоснованной системой штрафных санкций за загрязнение окружающей среды и изъятием природной ренты в доход государства;
- введение персональной ответственности чиновников за должное исполнение своих обязанностей, включающей право каждого гражданина добиваться отставки недобросовестных чиновников в судебном порядке;
- введение политической ответственности федеральной исполнительной власти за уровень жизни народа;

• кардинальное повышение оплаты труда, удвоение величины прожиточного минимума.

Разумеется, реализация этих принципов потребует политической воли и последовательной политики следования общественным интересам, которой выросшая на вседозволенности олигархия будет противодействовать. Преодоление этого сопротивления невозможно без вовлечения в процессы управления хозяйством и государством граждан, восстановления их избирательных прав, реализации демократических форм политического устройства и создания механизмов ответственности власти перед обществом.

Выше было показано, что вследствие несоответствия проводившейся до сих пор экономической политики фундаментальным для русской культуры ценностям справедливости, разумности, целесообразности реакцией народа на разграбление страны и чудовищную несправедливость сложившейся в результате «либеральных» реформ социально-экономической системы стало повальное пьянство, наркотизация молодежи, резкое повышение уровня преступности и самоубийств. Сложившаяся в России система управления хозяйством бесперспективна. Ее сохранение обрекает страну на бесконечные внутренние конфликты и внешнюю зависимость, общество — на деградацию, а народ — на вымирание. Чтобы избежать этого, необходимы кардинальные изменения во всем комплексе хозяйственных отношений и государственной экономической политике. Эти изменения должны привести систему хозяйствования в соответствие как с традиционными нравственными ценностями, активизировав «человеческий фактор», так и с закономерностями современного экономического роста, активизировав научно-производственный и интеллектуальный потенциал. Возможность решения такой задачи определяется тем, что традиционно присущие русской культуре хозяйствования нравственные ценности и стереотипы предпринимательского поведения соответствуют требованиям и условиям современного экономического роста. Сохраняющийся в стране научный и интеллектуальный потенциал может стать основой быстрого подъема российской экономики при создании благоприятных условий его активизации.

14.2. Предпосылки вывода российской экономики на новую длинную волну экономического роста

Как было показано выше, только опережающее освоение Россией производств ядра нового технологического уклада позволит обеспечить высокие и устойчивые темпы экономического роста в долгосрочной перспективе.

В сложившихся условиях выход на траекторию устойчивого роста экономики и благосостояния общества возможен только на основе концентрации имеющихся ресурсов на прорывных направлениях формирования нового технологического уклада, декриминализации рыночной среды и обеспечения добросовестной конкуренции, многократного повышения инновационной и инвестиционной активности, кардинального улучшения качества государственного регулирования, подъема трудовой, творческой и предпринимательской энергии людей. Несмотря на колоссальные разрушения, российская экономика все еще обладает мощным научно-производственным потенциалом и достаточными ресурсами для преодоления тенденций ее деградации за счет активизации внутренних возможностей и конкурентных преимуществ. Прежде всего это:

- высокий уровень образования населения (по доле лиц с высшим образованием Россия занимает одно из первых мест в мире) и духовные традиции, ориентирующие людей на созидательный творческий труд, социальную справедливость и партнерство, самореализацию личности в интересах общества;
- развитый научно-производственный потенциал, наличие зрелых производственно-технологических структур по ряду направлений современного и новейшего технологических укладов (из 50 современных макротехнологий, обеспечивающих производство наукоемкой продукции, Россия обладает 17 и могла бы претендовать на 10–15% мирового рынка наукоемкой продукции);
- наличие собственных научных школ и уникальных передовых технологий в перспективных направлениях развития четвертого ТУ;
- значительные масштабы свободных производственных мощностей в наукоемкой промышленности, позволяющие «оседлать» новую длинную волну экономического развития;
- богатые природные ресурсы, обеспечивающие большую часть внутренних потребностей в сырье и энергоносителях, а также устойчивый приток валютных поступлений;
- значительные валютные резервы, позволяющие последовательно наращивать денежное предложение, ремонетизируя российскую экономику;
- огромная территория и емкий внутренний рынок, обеспечивающие широкое разнообразие жизнедеятельности и потребностей населения;
- исторические традиции великой державы и заслуженный мировой авторитет, заставляющий мировое сообщество считаться с российскими национальными интересами;
- большой объем несвязанных сбережений, вовлечение которых в экономический оборот способно удвоить инвестиционную активность.

Объем образующихся и накопленных в российской экономике сбережений вполне достаточен, чтобы обеспечить двукратное увеличение

капитальных вложений, необходимое для выхода на режим простого воспроизводства основного капитала в реальном секторе экономики. В предкризисные годы валовые национальные сбережения составили от 32 до 35% от ВВП, в то время как фактический объем валовых накоплений едва превышал 20%. Около четверти налоговых доходов федерального бюджета накапливалось в Стабилизационном фонде и его производных. Из этого следует, что потенциал сбережений реализовывался в инвестициях менее чем наполовину. К этому следует добавить средства в наличной валюте, находящиеся на руках граждан, величина которых оценивается в 50 млрд долларов. Кроме того, из-за вывоза капитала российская экономика ежегодно теряет еще более 50 млрд долларов потенциальных инвестиций. Нереализованным остается потенциал ремонетизации российской экономики, который оценивается Торгово-промышленной палатой России в 155–310 млрд долларов.

Исследования состояния имеющегося научно-производственного потенциала свидетельствуют о наличии объективных предпосылок устойчивого и быстрого развития российской экономики в среднесрочной перспективе с темпом не менее 10% прироста ВВП в год и до 25% прироста производственных капитальных вложений на основе активизации ее конкурентных преимуществ и инвестиционных возможностей. Для этого должны быть решены следующие **задачи** экономической политики.

В технологической области стоит задача формирования и развития производственно-технологических систем шестого и пятого технологических укладов и стимулирования их роста вместе с модернизацией смежных производств. Для этого должны быть решены проблемы выращивания конкурентоспособных на мировом рынке предприятий, осваивающих технологии современного технологического уклада. Одновременно должны быть созданы условия для опережающего становления новейшего технологического уклада, включающие государственную поддержку соответствующих фундаментальных и прикладных исследований, развертывание инфраструктуры подготовки кадров необходимой квалификации, создание информационной инфраструктуры.

В институциональной области стоит задача формирования такого хозяйственного механизма, который обеспечил бы перераспределение ресурсов из устаревших и бесперспективных производств, а также сверхприбылей от экспорта природных ресурсов в производственно-технологические системы современного и нового технологических укладов, концентрацию ресурсов в ключевых направлениях их развития, модернизацию экономики, повышение ее эффективности и конкурентоспособности на основе распространения новых технологий. Решению этой задачи должны быть подчинены меры по формированию институтов развития, реструктуризации неплатежеспособных предприятий,

программа приватизации, регулирование внешней торговли, научно-техническая, промышленная, финансовая политика государства.

Те же цели должны определять политику в области совершенствования организационно-производственной структуры экономики. Важно стимулировать такие формы интеграции финансовых, производственных, торговых, научно-исследовательских и образовательных организаций, которые могли бы устойчиво развиваться в условиях жесткой международной конкуренции, обеспечивать непрерывное повышение эффективности производства на основе своевременного освоения новых технологий. Необходимо как можно быстрее ликвидировать отставание в использовании современных технологий управления развитием производства — обеспечить освоение CALS-технологий, методов инновационного менеджмента, введение общепринятых стандартов и протоколов.

Макроэкономическая политика должна обеспечивать благоприятные условия для решения перечисленных задач, гарантируя выгодность производственной деятельности, хороший инвестиционный и инновационный климат, поддержание благоприятных для развития нового технологического уклада ценовых пропорций и других параметров хозяйственного механизма, способствуя преодолению дезинтеграции и демонетизации экономики.

Сочетанием мер макроэкономической, структурной и институциональной политики должна быть решена задача преодоления инвестиционного кризиса, предполагающая трехкратное повышение объема инвестиций в развитие производства. На микроуровне необходимо восстановить связь между созидательной общественно полезной деятельностью и доходами хозяйствующих субъектов, создать условия, стимулирующие конструктивную мотивацию предпринимательской деятельности на повышение эффективности производства, внедрение прогрессивных нововведений и освоение современных технологий, трансформацию доходов и сбережений в инвестиции.

Необходимым условием эффективного функционирования механизмов рыночной конкуренции является активизация антимонопольной политики, подавление организованной преступности, декриминализация хозяйственных отношений, упорядочивание процессов ценообразования.

Решение перечисленных задач требует повышения эффективности системы государственного управления на основе введения механизмов прямой персональной ответственности носителей государственной власти за результаты их работы на благо общества, политической ответственности правительства за ежегодные итоги социально-экономического развития страны, преодоления коррупции в государственных органах управления.

Реализацию указанных предпосылок и решение поставленных задач определяет активная научно-техническая, институциональная, финансовая,

информационная и структурная политика государства. Научно-техническая политика включает выбор приоритетов, разработку и реализацию целевых программ их достижения. Институциональная политика заключается в создании необходимых правовых, организационных и ценностных структур, поддерживающих инновационную активность и обеспечивающих благоприятную среду для широкомасштабных нововведений.

Организация российского научно-производственного потенциала в конкурентоспособные структуры предполагает активную политику государства по выращиванию успешных высокотехнологических хозяйствующих субъектов. Необходимо восстановление длинных технологических цепочек разработки и производства наукоемкой продукции. Для этого следует, с одной стороны, провести воссоединение разорванных приватизацией технологически сопряженных производств, а с другой стороны, стимулировать развитие новых наукоемких компаний, доказавших свою конкурентоспособность. Для решения первой задачи государство может использовать дооценку активов, в том числе за счет неучтенных при приватизации имущественных прав на интеллектуальную и земельную собственность. Решение второй задачи достигается путем использования разнообразных инструментов промышленной политики: льготных кредитов, государственных закупок, субсидирования научно-исследовательских работ и т.п.

Финансовые условия активизации научно-производственного потенциала включают: создание институтов долгосрочного кредитования развития производства и механизмов проектного финансирования перспективных, но рискованных научно-технических разработок, освобождение инновационной деятельности от налогообложения, активное государственное стимулирование прорывных направлений НТП, включая финансирование фундаментальных исследований, софинансирование прикладных разработок, венчурное финансирование перспективных нововведений посредством широкой сети разнообразных финансовых институтов.

Информационные предпосылки активизации научно-производственного и интеллектуального потенциала состоят в формировании открытой и удобной для потребителей информационной инфраструктуры, обеспечивающей доступ к современным научным знаниям и техническим достижениям, а также в функционировании системы оценки и выбора приоритетных направлений НТП. Эта система должна помогать как государству, так и частным организациям и гражданам правильно определять перспективные направления развития в целях максимально эффективного использования имеющихся ресурсов.

Важной предпосылкой успешного выхода на новую длинную волну экономического роста является научно обоснованная стратегия развития нового технологического уклада в российской экономике, которая должна

сочетать: стратегию лидерства в тех направлениях, где российский научно-промышленный комплекс имеет технологическое превосходство, стратегию догоняющего развития в направлениях со значительным отставанием и стратегию опережающей коммерциализации в остальных направлениях.

Необходимой предпосылкой быстрого становления нового технологического уклада является механизм целевого предоставления кредитов, выделяемых государством для поддержки долгосрочных инвестиций. Меры по преодолению финансового кризиса должны быть увязаны со стратегическими целями долгосрочного социально-экономического развития страны, предусматривающими широкое применение ключевых технологий нового технологического уклада.

В последние годы произошли существенные изменения в целеполагании экономической политики российского государства. Вместо либерализации экономики и бессмысленного ее реформирования в качестве целей государственной политики провозглашены переход на инновационный путь развития, подъем благосостояния народа, построение высокоэффективной социально ориентированной экономики. Год назад глава государства в своем выступлении на Госсовете определил основные ориентиры социально-экономического развития России до 2020 года: возвращение России в число мировых технологических лидеров, четырехкратное повышение производительности труда в основных секторах российской экономики, увеличение доли среднего класса до 60–70% населения, сокращение смертности в 1,5 раза и увеличение средней продолжительности жизни до 75 лет. При этом он призвал «сконцентрировать усилия на решении трех ключевых проблем: создании равных возможностей для людей, формировании мотивации к инновационному поведению и радикальном повышении эффективности экономики, прежде всего на основе роста производительности труда.

Следует заметить, что в отличие от прошлых стратегий, исходивших из наивного представления о чудодейственности механизмов рыночной самоорганизации, нынешнюю стратегию отличает трезвое понимание сложного положения российской экономики, теряющей конкурентоспособность и стремительно опускающейся на сырьевую периферию мирового рынка, лишаясь внутреннего потенциала саморазвития. Констатируется тупиковость инерционного энергосырьевого сценария развития, низводящего Россию до роли сырьевого придатка мировой экономики. И в соответствии с рекомендациями науки определяются приоритеты государственной политики: инвестиции в человеческий капитал, подъем образования, науки, здравоохранения, построение национальной инновационной системы, модернизация экономики, развитие новых конкурентоспособных секторов в высокотехнологических сферах экономики знаний, реконструкция и расширение производственной, социальной и финансовой инфраструктуры [21].

К сожалению, реализация принятой правительством Концепции долгосрочного развития оказалась не по зубам существующей системе управления. Неизменное следование монетаристским рецептам в денежно-кредитной политике, безответственность лиц, управляющих крупными корпорациями, некомпетентность проводимой экономической политики исключают возможность реализации Концепции.

Это подтверждают итоги развития российской экономики в 2008–2010 годах. За этот период не только не были достигнуты цели первого этапа КДР, но произошел откат на несколько лет назад практически по всем показателям экономического развития. Разумеется, этот провал списан на глобальный экономический кризис. Но беда в том, что российская экономика откатилась назад не только по объемным, но и по уровневым показателям, отражающим ее эффективность. В том числе произошло резкое снижение производительности труда, являющейся одним из целевых показателей КДР.

Как было показано выше, в отличие от большинства других стран, использующих кризисное сокращение производства для его модернизации, повышения эффективности экономики и создания научно-технологических предпосылок ее дальнейшего развития, в России, наоборот, продолжается разрушение научно-технического потенциала и деградация обрабатывающей промышленности, сжатие ее высокотехнологического сектора. Реальная макроэкономическая политика вернулась в прежнее монетаристское русло, а экономика предоставлена инерции сложившихся тенденций нарастающего отставания, действующих вразрез с КДР и целями социально-экономического развития, поставленных политическим руководством страны.

14.3. Политика опережающего развития – лучший способ преодоления кризиса

Ключевая идея формирования антикризисной стратегии заключается в опережающем становлении базисных производств нового технологического уклада и скорейшем выводе российской экономики на связанную с ним новую длинную волну роста. Для этого необходимо концентрированное вложение ресурсов в развитие перспективных производственно-технологических комплексов нового технологического уклада, что невозможно без системы целенаправленного управления финансовыми потоками. Создание такой системы, включающей механизмы денежно-кредитной, налогово-бюджетной и валютной политики, ориентированные на становление ядра нового технологического уклада, должно стать стержнем антикризисной стратегии. Необходимым условием ее успеха является достижение синергетического эффекта, что предполагает ком-

плексность формирования сопряженных кластеров производств нового технологического уклада и согласованность макроэкономической политики с приоритетами долгосрочного технико-экономического развития. Для этого формирование антикризисной стратегии должно предусматривать создание в системе государственного управления подсистемы управления долгосрочным социально-экономическим развитием.

Ведущее значение подсистемы развития в системе государственного регулирования экономики связано с ключевой ролью научно-технического прогресса в обеспечении современного экономического роста. Политика развития включает в себя: определение приоритетов долгосрочного социально- и технико-экономического развития, сохранение и развитие научно-производственного потенциала страны, формирование на этой основе промышленной, научно-технической и финансовой политики. Необходимым элементом политики развития должно стать индикативное планирование. Политика развития должна обеспечивать подъем конкурентоспособности отечественных предприятий, выращивание национальных лидеров — «локомотивов» экономического роста.

Создание подсистемы управления развитием включает:

- развертывание процедур обоснования и выбора приоритетных направлений долгосрочного социально-экономического развития;
- создание системы стратегического планирования, способной выявлять перспективные направления экономического роста, а также направлять деятельность государственных институтов развития на их реализацию;
- формирование каналов финансирования проектов создания и развития производственно-технологических комплексов нового технологического уклада и сфер потребления их продукции;
- настройку макроэкономической политики на обеспечение благоприятных условий инновационной деятельности.

Ниже эти составные части подсистемы управления развитием характеризуются более подробно.

Выбор приоритетов технико-экономического развития предваряет политику развития экономики на основе современных технологий, разработку и реализацию программ по ее осуществлению. Определение приоритетов технико-экономического развития по основным направлениям научно-технического прогресса должно вестись исходя из закономерностей долгосрочного экономического роста, глобальных направлений технико-экономического развития и национальных конкурентных преимуществ. Эти приоритеты должны реализовываться посредством финансируемых при поддержке государства целевых программ, льготных кредитов, государственных закупок и инструментов государственной экономической политики. К выбираемым приоритетам следует предъявлять следующие требования.

С *научно-технической* точки зрения выбираемые приоритеты должны соответствовать перспективным направлениям роста формирования современного технологического уклада и своевременного создания заделов становления следующего. С *экономической* точки зрения государственная поддержка приоритетных направлений должна характеризоваться двумя важнейшими признаками: обладать значительным внешним эффектом, улучшая общую экономическую среду и условия развития деловой активности; инициировать рост деловой активности в широком комплексе отраслей, сопряженных с приоритетными производствами. Иными словами, она должна создавать расширяющийся импульс роста спроса и деловой активности. С *производственной* точки зрения государственное стимулирование должно приводить к такому росту конкурентоспособности соответствующих производств, при котором они, начиная с определенного момента, выходят на самостоятельную траекторию расширенного воспроизводства в масштабах мирового рынка, выполняя роль «локомотивов роста» для всей экономики. С *социальной* точки зрения реализация приоритетных направлений структурной перестройки экономики должна сопровождаться расширением занятости, повышением реальной зарплаты и квалификации работающего населения, общим ростом благосостояния народа.

К приоритетным направлениям, осуществление которых удовлетворяет всем необходимым критериям, относятся, в частности, следующие:

- освоение современных информационных технологий;
- развитие биотехнологий, в особенности генной инженерии и других направлений приложения микробиологических исследований, поднимающих эффективность здравоохранения, АПК, фармакологической и других отраслей промышленности;
- развитие нанотехнологий и основанных на них средств автоматизации, позволяющих резко поднять конкурентоспособность и эффективность отечественного машиностроения;
- создание наноматериалов с заранее заданными свойствами;
- развитие лазерных технологий;
- обновление парка гражданской авиации, износ которого достиг критической величины, на основе организации производства и лизинга современных моделей самолетов отечественного производства;
- комплексное развитие ракетно-космической промышленности;
- обновление оборудования электростанций, износ которого приближается к критическим пределам, а также модернизация существующих и строительство новых атомных станций;
- развитие технологий переработки и использования природного газа;
- развитие комплекса технологий ядерного цикла, расширение сферы их потребления;

• развитие современных транспортных узлов, позволяющих существенно улучшить скорость и надежность комбинированных перевозок;

• развитие жилищного строительства и модернизация ЖКХ с использованием современных технологий;

• развитие информационной инфраструктуры на основе современных систем спутниковой и оптоволоконной связи, сотовой связи в городах;

• модернизация непроизводственной сферы на основе современного отечественного оборудования (диагностические приборы и лазеры для медицины, вычислительная техника для системы образования и т.д.);

• применение технологий регенерации тканей, в том числе с использованием стволовых клеток, в медицине;

• оздоровление окружающей среды на основе современных экологически чистых технологий.

Этот перечень приоритетных направлений технико-экономического развития составлен на основе анализа основных тенденций современного НТП с учетом состояния отечественного научно-промышленного потенциала. Он не претендует на полноту и окончательность. Но с него можно начинать формирование и реализацию государственной политики развития.

Система стратегического планирования должна определять содержание бюджетной, внешнеторговой, промышленной и других составляющих экономической политики государства, которые необходимо увязывать посредством прогнозирования, программирования и индикативного планирования развития экономики страны.

Прогнозирование, программирование и индикативное планирование социально-экономического развития страны должно быть эшелонировано по временному горизонту на год, пять лет и двадцатилетний прогнозный период. В условиях современного НТП субъекты хозяйственной деятельности, органы государственного управления и общество в целом нуждаются в научно обоснованном предвидении будущих тенденций научно-технического и социально-экономического развития. В условиях современного НТП для работы предприятий необходимым является как минимум десятилетний горизонт планирования своего развития.

В нынешней системе регулирования экономики прогнозирование социально-экономического развития играет скорее декоративные функции, а система целеполагания просто отсутствует. Без устранения этих пробелов невозможно сформулировать эффективную систему управления экономическим развитием.

Прежде всего необходимо изменение *технологии прогнозирования социально-экономического развития*. Экстраполяция прошлых тенденций не должна доминировать при формировании планов будущего развития. Задача заключается как раз в обратном — в переломе сложившихся тенденций, преодолении депрессии и инициировании экономического

роста. Прогноз должен определяться сочетанием имеющихся возможностей и желаемых результатов. Для этого он должен учитывать закономерности современного экономического развития, начинаться с формулирования четких целей социально-экономического развития на заданную перспективу и инвентаризации имеющихся ресурсов, которые могут быть задействованы путем создания соответствующих макроэкономических условий и мер государственного регулирования. Эти меры должны определять содержание индикативных планов социально-экономического развития страны.

В зависимости от горизонта прогнозирования содержание индикативных планов должно различаться. *В годовом цикле* прогнозирования индикативное планирование должно включать характеристику всех основных макроэкономических параметров (ВВП, занятость, платежный баланс, инвестиции и т.д.) и инструментов экономической политики (процентные ставки, налоги, таможенные тарифы, бюджетные расходы, в том числе государственные закупки, нормативы амортизации, регулируемые цены, доходы, государственные инвестиции, приоритеты и нормативы работы институтов развития и т.д.). Частью технологии индикативного планирования на год является формирование государственного бюджета и составление плана развития государственного сектора.

В пятилетнем цикле индикативного планирования основное значение имеет определение среднесрочных приоритетов научно-технического и социально-экономического развития страны, на основе которых должна вестись разработка целевых программ, а также желаемых пропорций экономики. Важной задачей пятилетнего цикла прогнозирования является выявление ожидаемых диспропорций и узких мест, затрудняющих социально-экономическое развитие страны. Другая задача — поиск новых возможностей, открывающихся вследствие глобального НТП и структурных изменений мировой экономики. Исходя из сопоставительного анализа возникающих проблем и возможностей следует вести поиск путей подъема конкурентоспособности национальной экономики, меры по осуществлению которых и составят содержание пятилетних программ научно-технического и социально-экономического развития страны.

Двадцатилетний цикл прогнозирования имеет своей целью ориентацию долгосрочного развития страны на фоне глобальных тенденций научно-технического и экономического развития. Главной задачей на этом горизонте прогнозирования является поиск стратегических направлений повышения конкурентоспособности национальной экономики в пространстве глобального экономического развития. Ключевое значение при этом имеет прогнозирование прорывных направлений НТП и моделирование нового технологического уклада, формирующих траекторию будущего экономического роста и открывающих новые возможности

социально-экономического развития. Исходя из этого должны определяться приоритеты долгосрочного экономического развития страны, вестись разработка целевых научно-технических программ, стимулироваться развитие научно-производственного потенциала страны. Планируемые для этого меры и направления государственной экономической и научно-технической политики должны отражаться в концепции социально-экономического развития страны на долгосрочный период.

В отличие от административных директив, планировавшихся сверху в централизованной плановой системе, индикативные планы и программы развития рыночной экономики не должны содержать обязательных для исполнения хозяйствующим субъектам заданий. Их необходимо разрабатывать с участием и с учетом предложений деловых кругов и научного сообщества. Сама процедура разработки плана преследует задачу формирования общенационального консенсуса в отношении приоритетов социально-экономического развития страны и опирается на работу институтов социального партнерства.

Дополняя действие механизмов рыночной конкуренции, государство тем самым будет содействовать снижению неопределенности и неустойчивости рыночной конъюнктуры, помогать предприятиям ориентироваться в перспективах развития производства и вовремя осуществлять перераспределение капитала в освоение новых технологий и рынков сбыта, обеспечивать развитие соответствующей информационной среды. Индикативные планы не препятствуют свободному целеполаганию самостоятельных хозяйствующих субъектов, а выполняют для них функцию маяков, указывающих перспективные направления изменения экономической конъюнктуры и экономической политики государства [27].

За последние годы созданы некоторые элементы системы стратегического планирования, принята Концепция долгосрочного развития России до 2020 года, установившая приоритеты развития, соответствующие перспективным направлениям становления нового технологического уклада, действуют федеральные целевые программы реализации некоторых из них, образованы институты развития. Однако в целом эта система не работает должным образом и допускает стратегические ошибки, вследствие чего Россия упускает возможности опережающего развития отечественных нано-, био-, атомных, авиа-, ракетно-космических, лазерных, клеточных и других технологий, входящих в ядро нового технологического уклада и обладающих хорошей конкурентоспособностью в масштабах мирового рынка.

Критически важной задачей при формировании долгосрочной стратегии развития страны является четкое, увязанное с имеющимися ресурсами определение технологических направлений (отраслей), где целесообразна ставка на лидерство, догоняющее развитие (динамическое наверстывание) либо опережающую коммерциализацию научных достижений. Как для вы-

хода из ловушки недоразвития многих отраслей пятого технологического уклада, так и для лидерства в формировании кластера производств следующего технологического уклада стране необходима система согласованных долгосрочных планов. Выбор стратегии технологической модернизации не может быть универсальным для всех отраслей и секторов. В условиях технологической многоукладности российской экономики оптимальной является смешанная стратегия с элементами стратегии лидерства там, где имеются конкурентные преимущества, и элементами стратегии модернизации экономики в секторах экономики, где требуется восстановление инженерного и конструкторского потенциала. Исходя из имеющихся возможностей составляющие российскую экономику совокупности технологически сопряженных производств можно разбить на следующие три группы.

1. Технологические совокупности, в которых имеется возможность опережающего развития на основе сохранения лидирующих позиций либо технологического прорыва и занятия (по отдельным направлениям) значимой доли на мировом рынке (от 5% и более) — ракетно-космический комплекс, ядерная энергетика и промышленность, самолетостроение, отдельные сегменты наноиндустрии и биотехнологии, военно-промышленный комплекс.

2. Технологические совокупности, в которых сохраняется технологический паритет (уровень соответствует мировому или «идет вслед», возможно объединение усилий, технологический «размен») — химико-металлургический комплекс, электротехническая промышленность, агропромышленный комплекс.

3. Отрасли, характеризующиеся значительным отставанием от мирового уровня — фармацевтика, гражданское машиностроение, электронная промышленность, информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

Для эффективности работы системы стратегического планирования необходимо ввести нормы ответственности за достижение планируемых результатов и связать с ней инструменты макроэкономической политики. Решение первой задачи требует установления правовых норм экономической ответственности организаций и административной ответственности руководителей за выполнение устанавливаемых правительством целевых показателей развития. Для этого необходимо принятие федерального закона о стратегическом планировании[1] и придание упоминавшейся Концепции долгосрочного развития статуса планового документа, который необходимо учитывать при планировании бюджета, денежной политики и принятии других управленческих решений, включая программу антикризисных мер.

[1] Зарубежный опыт государственного прогнозирования, стратегического планирования и программирования / Под ред. С.Ю. Глазьева, Ю.В. Яковца. — М.: Государственный университет управления, 2008.

Решение второй задачи предполагает формирование регулируемых государством контуров управления налогово-бюджетной, денежно-кредитной и налоговой политики.

Реанимация научно-технического потенциала предполагает доведение расходов на НИОКР до уровня передовых стран. Следует согласиться с предложениями академика Рогова о трех необходимых этапах дальнейшего развития науки в России [1].

На первом этапе задача заключается в том, чтобы довести уже в ближайшие годы затраты на НИОКР как минимум до 2% ВВП (1% за счет государственного финансирования и 1% за счет частных вложений). Россия может и должна к 2012 году достичь показателя 50% от уровня лидеров по расходам на одного исследователя, то есть на науку следует тратить около 50 млрд долларов в год (в ценах 2010 г.). Если этого не будет сделано, то к концу нынешнего десятилетия произойдет окончательный развал российской науки, что лишит нашу страну каких-либо реальных перспектив на вхождение в группу мировых лидеров.

На втором этапе (до 2020 г.) расходы на НИОКР следует довести до 3% ВВП — 75% от уровня лидеров по затратам на одного исследователя, чтобы обеспечить в среднем выделение средств в размере 70–80 млрд долларов в год в постоянных ценах.

На третьем этапе (середина XXI века) вложения в НИОКР должны составлять 4–5% ВВП (100–120 млрд долл. в год в постоянных ценах). Это позволит войти в группу мировых лидеров по расходам на одного исследователя. Только в этом случае Россия сможет вернуться в число научных сверхдержав, стать одним из центров силы в многополярном мире наступившего столетия [14].

Работу по сохранению и активизации научно-промышленного потенциала в нынешних условиях его глубокого разрушения необходимо концентрировать на следующих направлениях:

- обеспечение приоритетности государственной поддержки НИОКР, конверсии наукоемкой промышленности и стимулирования НТП, утроение государственных расходов на эти цели;
- стимулирование передачи технологий из военного в гражданское производство;
- выявление и поддержка развития технологий, освоение которых обеспечит российским предприятиям конкурентные преимущества на мировом рынке, реализация целевых программ их распространения;
- разработка и реализация программ развития территорий с высокой концентрацией научно-технического потенциала (технополисов и наукоградов);
- субсидирование импорта перспективных современных технологий и научно-технической информации;

• создание с помощью государства инфраструктуры, обеспечивающей коммерциализацию результатов НИОКР, включая венчурные фонды, коллективные научные и информационные центры, инженерные парки и пр.

Стимулирование инновационной активности является важнейшим направлением политики развития, ключевым для преодоления депрессии. Реализация этого направления включает следующие элементы:

• учет всех затрат предприятий на цели проведения НИОКР, модернизации производства и внедрения новых технологий в составе издержек производства, их освобождение от налогообложения;

• субсидирование расходов на защиту интеллектуальной собственности на отечественные изобретения и разработки за рубежом;

• разрешение страховым компаниям и пенсионным фондам участвовать в венчурных проектах;

• сохранение информационной инфраструктуры научно-исследовательских работ, поддержание сети научно-технических библиотек, субсидирование их деятельности по предоставлению услуг пользования информационными сетями и базами данных и закупке научной литературы;

• поддержание функционирования опытных стендов, экспериментальных установок и опытных производств, создание сети технологических центров и парков коллективного пользования;

• активное вовлечение в осуществление приоритетных направлений НТП научно-технического потенциала СНГ;

• защита интеллектуальной собственности, обеспечение прав на нее.

Перевод начавшегося оживления экономики в режим устойчивого экономического роста предполагает **формирование соответствующих макроэкономических условий,** обеспечивающих выгодность расширения производственной деятельности и инвестиций в развитие производства. Эти условия включают нормализацию системы денежного обращения и формирование механизмов кредитования производственной деятельности, снижение процентных ставок и развертывание институтов развития, снижение налогообложения производственной и инвестиционной деятельности, исправление ценовых диспропорций, защиту внутреннего рынка от недобросовестной конкуренции со стороны импортеров.

В целях оздоровления финансового положения производственных предприятий и создания условий для роста инвестиционной активности должны быть предприняты следующие меры по устранению узких мест и повышению эффективности системы государственного регулирования **денежного обращения.**

Во-первых, должны быть устранены основные причины демонетизации экономики. Для этого необходимо отказаться от необоснованной политики количественного регулирования денежной массы и перейти к регулирова-

нию ставки рефинансирования — с ее последовательным снижением до уровня, не превышающего норму рентабельности внутренне ориентированных секторов экономики. Уровень денежного предложения следует привести в соответствие со спросом на кредитные ресурсы со стороны производственной сферы. Для этого вместо эмиссии денег под прирост валютных резервов необходимо перейти к рефинансированию коммерческих банков под залог векселей платежеспособных производственных предприятий. Это потребует от Центрального банка организации мониторинга платежеспособности крупных предприятий и обеспечения прозрачности его эмиссионной политики, приведения ее в соответствие с задачами ремонетизации экономики. В свою очередь, доступ к кредитным ресурсам Центрального банка потребует от предприятий повышения прозрачности и эффективности своей деятельности, будет способствовать их модернизации в соответствии с требованиями повышения конкурентоспособности. При такой организации политики денежного предложения обеспечивается главная функция денежной эмиссии — кредитование экономического роста. Снижая ставку рефинансирования, Центральный банк стимулирует рост экономической активности; повышая ее — ужесточает требования к экономической эффективности. Это дает возможность проведения гибкой денежно-кредитной политики в соответствии с целями и приоритетами экономической политики государства.

Во-вторых, необходимо приступить к формированию механизмов долгосрочного кредитования инвестиций в развитие и модернизацию предприятий, осваивающих перспективные технологии современного и нового ТУ, а также выполняющих важные социальные функции; преобразовав для этого Резервный фонд в Бюджет развития и создав полноценные институты развития с механизмами их централизованного рефинансирования.

В-третьих, необходимо прекратить использование гарантированных государством высокодоходных спекулятивных инструментов, отвлекающих денежные ресурсы из производственной сферы, включая эмиссию Центральным банком облигаций и открытие им депозитных счетов коммерческим банкам. Переориентация политики денежного предложения на рефинансирование производственной деятельности снимает проблему стерилизации «избыточной» денежной массы — соответствующим регулированием процентных ставок обеспечивается ее связывание в кредитовании роста объемов и повышении эффективности производства и предложение товаров и услуг.

В-четвертых, следует принять меры по защите отечественной банковской системы от поглощения зарубежными конкурентами, ограничив присутствие последних на российском рынке разумными пределами.

В-пятых, должны быть предприняты необходимые действия по улучшению структуры денежной массы, резкому сокращению ее наличной

составляющей. Для этого следует осуществить комплекс мер по электронизации платежей и расчетов, внедрению соответствующих информационных технологий в торговле и финансовых услугах, обеспечение надежной правовой защиты сделок, совершаемых в электронной форме. Эти меры будут содействовать декриминализации экономики, вытеснению теневой составляющей хозяйственного оборота, сокращению неплатежей и ремонетизации экономики, повышению эффективности денежного обращения и снижению инфляции.

В результате осуществления предлагаемых мер политика денежного предложения станет соответствовать обоснованному спросу на деньги, обеспечивая эффективное использование имеющегося в стране научно-производственного потенциала и рост экономики. Сочетание целевого контроля над эмиссией денег и механизмов рефинансирования кредитных институтов под спрос на деньги со стороны производственной сферы обеспечит удержание низкой инфляции и низких процентных ставок, нормализацию платежного оборота, оздоровление финансового положения производственных предприятий и подъем инвестиционной активности.

При нынешнем состоянии российской финансовой системы в качестве ведущего механизма обеспечения подъема инвестиционной активности целесообразно использовать систему государственных банков развития. Другие механизмы, прежде всего частные банки и фондовый рынок, могут работать как дополняющие первый. В дальнейшем, по мере роста производства и инвестиций, накопления сбережений, развития рыночной инфраструктуры, их значение будет возрастать. Но с учетом неразвитости коммерческих банков и фондового рынка в ближайшие 5–10 лет сами по себе они не смогут обеспечить решение задачи трехкратного повышения инвестиционной активности.

Государственная банковская система должна компенсировать отсутствие эффективно работающего рыночного механизма внутри- и межотраслевого перелива капитала. Для этого ей необходимо сочетать способность концентрировать инвестиции в перспективных направлениях развития экономики и функции поддержания необходимого уровня инвестиционной активности для обеспечения воспроизводства социально значимых отраслей и секторов хозяйства. Достигается это сочетание соответствующей конструкцией системы государственных институтов развития, состоящей из Российского банка развития, реализующего задачу привлечения инвестиций в освоение перспективных направлений роста нового и современного технологического уклада и специализированных банков развития, обеспечивающих поддержание необходимого уровня инвестиционной активности в соответствующих секторах российской экономики. В частности, такие банки необходимы: для кредитования экспорта товаров с высокой добавленной стоимостью; привлечения инвестиций в

развитие сельского хозяйства; кредитования малого бизнеса и жилищного строительства. Каждая из этих сфер обладает определенной спецификой, затрудняющей привлечение кредитов на рыночных условиях.

Формально некоторые из этих банков — Российский банк развития, Росэксимбанк, Россельхозбанк — созданы, но ни один из них как институт развития так и не заработал. Для этого они должны быть встроены в соответствующую систему организации финансовых потоков. Такая система должна включать механизмы рефинансирования банков развития, процедуры выбора приоритетных направлений экономического развития, обеспечивающие их реализацию гибкие технологии денежного предложения и надежный контроль над эффективностью использования предоставляемых кредитов.

Сложившаяся на сегодняшний день в России структура распределения сбережений позволяет реализовать оба известных из международного опыта механизма финансирования институтов развития: как основанного на сбережениях, так и использующего механизмы рефинансирования Центрального банка. Формирование первого из них предусматривает привлечение кредитных ресурсов Сберегательного банка на депозиты в банки развития и их размещение в инвестиционных проектах, реализующих приоритетные направления развития экономики. Создание второго механизма — кредитование банков развития через централизованные процедуры денежного предложения — не означает, разумеется, восстановления административной технологии распределения капитальных вложений. Централизованная процедура регулирования кредитной эмиссии или размещения организованных под контролем государства сбережений ограничивается установлением пропорций распределения общих инвестиционных ресурсов государственной финансовой системы между банками развития в соответствии с приоритетами экономического роста и целями поддержания инвестиционной активности. Принятие же собственно инвестиционных решений обеспечивается банками развития самостоятельно с соблюдением всех рыночных критериев окупаемости и надежности соответствующих инвестиционных проектов.

Кроме того, необходима активизация инвестиционной составляющей бюджетной политики, включающая:

- восстановление Бюджета развития и института государственных гарантий для привлечения кредитов на финансирование приоритетных инвестиционных проектов, возложение функций его исполнения на Банк развития;
- формирование государственной инвестиционной программы исходя из приоритетных направлений структурной перестройки экономики на основе шестого и пятого технологических укладов;
- проведение инвентаризации исполнения обязательств инвесторов, приобретших акции приватизированных предприятий на условиях ин-

вестиционных конкурсов с признанием недействительными сделок, по которым обязательства не выполнены;

• предоставление государственных гарантий по привлекаемым кредитам только при условии наполнения соответствующих инвестиционных проектов закупками отечественного оборудования.

Инструменты денежно-кредитной политики, необходимые для эффективного функционирования национальной инвестиционной системы, должны обеспечить адекватное денежное предложение для расширенного воспроизводства и опережающего развития экономики на перспективных направлениях становления нового технологического уклада. Необходимо создать эмиссионный механизм рефинансирования Банком России коммерческих банков под увеличение их кредитных требований к предприятиям реального сектора в меру роста финансовых потребностей развивающейся экономики.

Выше уже говорилось об организации рефинансирования коммерческих банков под залог векселей производственных предприятий как основного канала денежного предложения. Наш собственный и мировой опыт позволяет сконструировать оптимальные механизмы денежного предложения, замкнутые на кредитование реального сектора экономики и приоритетные направления ее развития. Для этого следует увязать условия доступа коммерческих банков к рефинансированию со стороны Центрального банка с обязательствами по целевому использованию получаемых от государства кредитных ресурсов для финансирования производственных предприятий и приоритетных направлений хозяйственной деятельности. Это можно сделать комбинацией косвенных (рефинансирование под залог облигаций и векселей платежеспособных предприятий) и прямых (софинансирование государственных программ, предоставление госгарантий) способов денежного предложения. Посредством ломбардного списка ЦБ и лимитов госгарантий государство сможет избирательно воздействовать на денежные потоки, обеспечивая расширенное воспроизводство системообразующих предприятий, благоприятные условия для роста экономической активности и привлечения инвестиций в приоритетные направления развития. Проще говоря, Центральному банку следует выдавать кредиты на рефинансирование коммерческих банков не до их предоставления конечным заемщикам, а после. В этом случае, чтобы получить кредит в Центральном банке, коммерческий банк должен будет вначале предоставить кредит предприятию. Лишь затем под его обязательство (вексель) он получит соответствующий заем в Центральном банке.

Концентрация денежной эмиссии на рефинансировании коммерческих банков под обязательства производственных предприятий создает конкуренцию между банками за клиентов в среде производственных предприятий ради доступа к рефинансированию со стороны Центрального банка.

В результате кредитный рынок из рынка продавца, монополизированного крупными коммерческими банками, превратится в рынок покупателя, конкурентная борьба на котором повлечет снижение процентных ставок. При этом ставка рефинансирования не должна превышать среднюю норму прибыли в обрабатывающей промышленности (в соответствии с международной практикой она должна находиться в пределах 4–6%[1]), а сроки предоставления кредитов соответствовать типичной длительности научно-производственного цикла производства машиностроительной продукции (2–5 лет).

В общем виде предлагаемая система будет функционировать следующим образом. На макроуровне политика денежного предложения ориентируется на обеспечение спроса на деньги со стороны производственной сферы при желаемом уровне экономической активности, регулируемом посредством ставки рефинансирования. Наряду с рутинными процедурами рефинансирования текущей деятельности коммерческих банков для поддержания роста долгосрочных инвестиций денежные власти организуют два контура денежного предложения: Центральный банк — банки развития — производственные предприятия; сбережения населения — Сбербанк — банки развития — производственные предприятия. Таким образом, накапливаемые и вновь создаваемые денежные ресурсы трансформируются в кредитование производства и инвестиции, авансируя экономический рост.

На микроуровне за счет организованного таким образом кредитования инвестиционных проектов в приоритетных направлениях экономического развития и социально значимых видах деятельности обеспечивается расширение конкурентоспособных и перспективных производств. Задачей банков развития является не финансирование административно назначаемых инвестиционных проектов, а стимулирование инвестиционной активности в перспективных направлениях экономического роста. При грамотной организации этого процесса один рубль, вкладываемый в приоритетный проект через банки развития, может привлечь 2–3 рубля частных инвесторов. В современных российских условиях естественными партнерами банков развития станут коммерческие банки, работающие с предприятиями реального сектора. Соучаствуя в финансировании инвестиционных проектов в приоритетных направлениях экономического роста, поддерживаемых банками развития, они тем самым наращивают свою клиентскую базу, содействуя развитию предприятий-партнеров.

Таким образом, предлагаемая система поддержания инвестиционной активности будет стимулировать рост конкурентоспособных финансово-

[1] *Фетисов Г.Г.* О мерах по преодолению мирового кризиса и формированию устойчивой финансово-экономической системы (предложения для «Группы двадцати» по финансовым рынкам и мировой экономике) // Вопросы экономики. — 2009. — № 4.

производственных структур. Банковская система получит мощный импульс переориентации на работу с реальным сектором. Постепенно будет преодолена дезинтеграция российской экономики, восстановится нормальная взаимосвязь финансовой сферы и реального сектора в обеспечении расширенного воспроизводства экономической деятельности. Сформируется ориентированная на экономический рост финансово-промышленная система, обеспечивающая высокий уровень инвестиционной и инновационной активности [27].

В условиях мирового кризиса развитие финансового сектора России возможно только на основе ***опережающего роста внутреннего платежеспособного спроса в сравнении с внешним.*** В этой связи реструктуризация финансового сектора должна ориентироваться не на рынок акций, а на рост банковской системы в сочетании с ограничением финансовых спекуляций и стимулированием долгосрочных инвестиций, институтами развития и венчурного финансирования[1]. При этом целевая поддержка государством коммерческих банков в рамках антикризисных мер должна быть ограничена предоставлением только целевых кредитов с соблюдением следующих принципов: равный доступ к госпомощи, ограничение поддержки во времени и в масштабах, участие самих банков в антикризисных мерах, недопустимость получения выгод от господдержки акционерами. В исключительных случаях господдержка собственного капитала банковского сектора могла бы осуществляться путем приобретения Банком России привилегированных акций коммерческих банков[2].

Важным условием реализации собственной антикризисной стратегии является отказ от использования зарубежных рейтинговых агентств для оценки надежности тех или иных заемщиков. Банк России должен использовать только рейтинги, устанавливаемые российскими агентствами, а также результаты собственных мониторингов.

Необходимым условием перехода к политике длинных и дешевых денег для реального сектора экономики является ***восстановление валютного контроля,*** предусматривающее введение разрешительного порядка осуществления операций капитального характера при сохранении свободной конвертируемости рубля по текущим операциям. Без этого не удастся снизить процентные ставки и расширить до нужных масштабов (в 2–3 раза) кредитование реального сектора экономки.

В отсутствие валютных ограничений коммерческие банки направляют получаемые от денежных властей кредитные ресурсы на приобрете-

---

[1] *Миркин Я.М.* Посткризисная стратегия развития финансового сектора России. — http://www.econorus.org.

[2] *Маевский В.И.* Реальный сектор и банковская система. — http://www.econorus.org.

ние иностранной валюты, подрывая устойчивость рубля и лишая смысла государственную кредитную политику и поддержку банковской системы. Важным элементом этой политики могла бы стать стабилизация обменного курса рубля на период антикризисных мер, а также введение обязательной продажи валютной выручки. Это устранит потребность в крупных интервенциях Центрального банка на валютном рынке и сбережет валютные резервы для более важных целей. Будут остановлены механизмы долларизации экономики, отпадет необходимость в поддержании высокой процентной ставки[1].

Для повышения привлекательности операций в рублях целесообразно использовать фиксацию и последовательное уменьшение валютной позиции коммерческих банков, увеличение норм резервирования по их валютным операциям, ограничение системы госгарантий по банковским вкладам исключительно вкладами в рублях, восстановить налог на валютообменные операции. Целесообразность этих мер определяется необходимостью не только борьбы с вывозом капитала, но и нейтрализации угроз дестабилизации финансового рынка и национальной безопасности в связи с ожидаемой экспансией иностранного спекулятивного капитала вследствие лавинообразно нарастающей долларовой эмиссии под монетизацию деривативов для спасения американских финансовых институтов. Как было показано выше, растущая часть этой эмиссии вывозится ими за рубеж для размещения в реальных активах в свете неизбежного продолжения падения доллара.

В числе мер по ***защите российского финансового рынка*** от угроз дестабилизации извне желательно максимально использовать рекомендации международных антикризисных форумов, проходивших с участием России, в том числе: по пресечению операций с офшорными зонами; обеспечению прозрачности и регулированию забалансовых операций банков и компаний, устранению зависимости от ангажированных рейтинговых агентств; созданию общедоступной системы раскрытия информации о рынке (эмитентах и профессиональных участниках), находящейся в собственности государства и бесплатной для пользователей.

В условиях нарастающей дестабилизации мировой валютно-финансовой системы нужно, с одной стороны, защитить внутренний рынок от набегов быстро увеличивающихся масс иностранного спекулятивного капитала, а с другой стороны, расширять сферу использования собственной валюты, поддерживая экспансию национальных финансовых институтов на связанные с Россией рынки. Для ***расширения сферы использования рублей в международных расчетах*** необходимо перейти на ценообразование и внешнюю торговлю природным газом, нефтью, металлами, военной техникой за рубли, обеспечить рублевое кредитование экспорта российских товаров, а также

[1] *Некипелов А.Д.* Кризис и перспективы российской экономики. — http://www.econorus.org.

максимально удешевить операции по обмену национальных валют интегрированных с Россией государств. Последняя задача может быть решена при помощи Межгосбанка СНГ, который, имея корреспондентские отношения с центральными банками всех государств Содружества, может на порядок снизить транзакционные издержки валютообменных операций. Можно также воспользоваться механизмом «валютных свопов», широко используемых ФРС США и Китаем для поддержания спроса на свою валюту и расширения возможностей кредитования торговли.

В условиях неустойчивости валютных курсов важно проводить ***политику оптимизации валютных резервов,*** предусматривающую их страновую и инструментальную диверсификацию. Избыточная по сравнению с потребностью в годовом импорте часть валютных резервов может быть инвестирована в приобретение активов, дающих доступ к перспективным технологиям нового технологического уклада и к участию российских предприятий в производственной кооперации на их основе.

Наряду с мерами по формированию национальной кредитно-инвестиционной системы должны быть приняты меры ***по защите финансовых институтов от разрушительных колебаний финансового рынка.*** Они могут включать дополнительные формы страхования кредитных рисков, расширение коридора соответствующих контрольных нормативов, изменение правил оценки залогов, ограничение маржинальных требований, введение методик оценки имущества, предусматривающих стабилизацию его стоимости[1].

После принятия всех перечисленных выше мер возможно ***наращивание денежного предложения*** как необходимое условие поддержания внутреннего спроса, подъема инвестиционной и инновационной активности. Российская экономика нуждается в существенном расширении денежного предложения для восстановления внутреннего рынка, подъема инновационной и инвестиционной активности в целях модернизации и опережающего развития.

Формирование опирающейся на внутренние источники финансово-инвестиционной системы позволит наращивать и максимально использовать сбережения, более трети которых в течение всего постсоветского периода вывозилось за рубеж. Это создаст условия для повышения нормы накопления.

Как показывает наш собственный и зарубежный опыт, для опережающего развития норма накопления должна составлять не менее трети ВВП[2]. В годы реформ она сложилась на уровне 16–19% при норме сбережений 33–35% ВВП. Для соответствующего повышения нормы накопления необходимо применение мер по прекращению вывоза капитала,

[1] *Миркин Я.М.* Указ. соч.

[2] *Полтерович В.М.* Механизм глобального экономического кризиса и проблемы технологической модернизации — http://www.econorus.org.

достигающего 10% ВВП в год, улучшению инвестиционного климата, наращиванию институтов развития, дестимулированию расточительного и демонстративного потребления (введение прогрессивных налогов на сверхдоходы и имущество физических лиц, акцизов на продажи предметов роскоши и пр.) и стимулированию накоплений.

Международный опыт свидетельствует о том, что страны, которым пришлось осуществлять модернизацию и структурную перестройку своей экономики, чтобы сделать ее конкурентоспособной, в течение долгих периодов демонстрировали очень высокий уровень инвестиций. В послевоенной Европе норма накопления вплоть до 1970-х годов составляла 25%. В Японии в тот же период она достигала 30%, а в Южной Корее была еще выше. В период индустриализации в СССР, а также в проводящем модернизацию экономики современном Китае норма накопления превышала 1/3, достигая 40% ВВП [21].

Проведение системной политики формирования отечественной инвестиционной системы, переориентации макроэкономической политики на цели развития дает возможность повышения нормы накопления в российской экономике до 35% за счет внутренних источников. Целенаправленное стимулирование инвестиционной активности на перспективных направлениях роста нового технологического уклада позволит создать высокотехнологическое ядро, растущее с темпом не менее 30% в год, которое могло бы через несколько лет стать мощным «локомотивом» экономического роста.

Ориентация налогово-бюджетной политики на цели развития предполагает снижение налоговой нагрузки на все виды инновационной и высокотехнологической деятельности, а также приоритетное выделение бюджетных ассигнований на поддержку критически значимых для становления нового технологического уклада государственных расходов.

Нынешнее состояние налогово-бюджетной системы характеризуется избыточным налогообложением труда, двукратным недофинансированием социальной сферы, науки и функций развития, а также большим и устойчивым профицитом федерального бюджета. При этом усиливается и без того чрезмерная дифференциация бюджетных расходов на душу населения в разных регионах страны, большинство из которых не имеет необходимых средств на обеспечение социальных гарантий. Преодоление указанных диспропорций предполагает снижение налогового бремени трудовой и производственной деятельности, более широкое использование неналоговых источников дохода, прежде всего платежей за использование природных ресурсов, а также восстановление принципа сбалансированности доходов и расходов бюджета с формированием последних на основе программно-целевого подхода.

В основе действующей налоговой системы лежит налогообложение труда, к которому сводятся все налоги на доходы и добавленную стои-

мость. При этом бремя налогообложения доходов одинаково для богатых и бедных, хотя источники дохода у них разные. У бедных, живущих, как правило, на зарплату, источником дохода является труд, который недооценивается в среднем вдвое по отношению к своему результату и международным стандартам. У богатых основными источниками дохода являются собственность, часто приватизированная за бесценок, присвоение части чужого труда путем занижения зарплаты и завышения цен либо природная рента, образующаяся от эксплуатации принадлежащих всему обществу природных ресурсов. Получается, что самый недооцененный и угнетенный фактор производства — труд — несет главное налоговое бремя. А доходы, полученные за счет присвоения чужого, будь то природная рента, неоплаченный труд или завышение цен, легализуются уплатой незначительных налогов. В результате работать становится невыгодно и творческая энергия людей направляется на присвоение чужого как самый короткий путь к обогащению.

Действующая в России налоговая система не только несправедлива, но и неэффективна. Она дестимулирует труд и поощряет вывоз капитала, потакает монополизации и подрывает конкуренцию, порождает коррупцию и угнетает предпринимательскую инициативу. Исследования и практический опыт доказывают необходимость кардинального изменения налоговой системы в следующих направлениях:

– изъятие природной ренты в доход государственного бюджета путем введения прогрессивного налога на сверхприбыль у недропользователей, платы за использование гидроэнергетических ресурсов;

– снижение налогов на труд, включая социальный налог и налог на добавленную собственность;

– восстановление прогрессивной шкалы подоходного налога с увеличением необлагаемого дохода до двукратной величины прожиточного минимума;

– включение всех расходов на НИОКР в себестоимость продукции и исключение из налогооблагаемой базы части прибыли, направляемой на модернизацию производства, освоение новой техники, обучение кадров;

– введение экологических налогов — платежей за загрязнение окружающей среды.

Необходимо также обеспечить кардинальное улучшение условий инвестиционной активности, включая освобождение от налогообложения части прибыли, направляемой на цели развития производства и освоения новой техники, научных исследований и разработок, пополнение оборотных средств предприятий и формирование резервов. В целях стимулирования оживления производства следует предоставлять налоговые кредиты предприятиям, расширяющим производство и наращивающим инвестиции, а также вводить методики ускоренной амортизации.

Особое значение имеет восстановление амортизации как механизма воспроизводства основных фондов. Для этого необходимо проводить регулярную переоценку основных средств по рыночной стоимости, а начисления амортизации с первичной, а не с остаточной стоимости, а также обеспечивать целенаправленное использование амортизационных отчислений [27].

Важным шагом к созданию благоприятной инновационной среды и действенной антикризисной мерой могла бы стать отмена налога на добавленную стоимость (НДС).

Введение НДС в 1990-е годы было связано с высокой вероятностью галопирующей инфляции в переходный период. После его введения налоговая система оказалась в ловушке, поскольку НДС хоть и страхует бюджет от обесценения доходов в условиях высокой инфляции, но сам же содействует ее поддержанию. Этот налог фактически ведет к росту цен по технологической цепочке, и чем сложнее товар, тем выше инфляционное воздействие НДС. При этом чем сложнее производство, чем больше технологических переделов, чем сложнее кооперация — тем больше НДС. И в итоге получается, что чем сложнее высокотехнологичная продукция, тем выше налоговое бремя. Таким образом, НДС штрафует предприятия за усложнение производства и тем самым тормозит инновационную активность.

Другим недостатком НДС является отвлечение оборотного капитала предприятий на его оплату. Особенно болезненно это отвлечение сказывается на экспортерах, которым возврат НДС часто задерживается на длительное время. Фактически применяемые технологии взимания НДС снижают конкурентоспособность российской продукции на мировом рынке.

Для уравнивания условий конкуренции внутренних товаропроизводителей и нерезидентов НДС взимается на импортируемые товары. При этом по понятным причинам от взимания НДС освобождены услуги, оказываемые нерезидентами резидентам за пределами территории РФ. Это снижает налоговые поступления в российский бюджет и, конечно же, ухудшает конкурентоспособность отечественных производителей, например туристических услуг. При этом в России не освобождается от уплаты экспорт большинства видов услуг (кроме транспортных). Это способствует сохранению сырьевой специализации российской экономики в то время, как западные страны во все большей мере оплачивают импорт товаров за счет экспорта услуг. Кроме того значительная часть импорта, ввозимого физическими лицами, облагается по льготным схемам или не облагается вовсе. В 2007 году объем такой импортной «челночной» торговли составил 29 млрд долларов (величина статьи «Поправки к данным ФТС России — прочие»).

Важным недостатком НДС является чрезмерная трудоемкость взимания этого налога. По некоторым данным, начисление НДС занимает около половины времени бухгалтеров, что эквивалентно полной занятости миллиона высококвалифицированных специалистов. Проверками отчетности по НДС заняты десятки тысяч налоговых инспекторов. Если учесть, что объем начисляемого НДС примерно десятикратно превышает величину реальных налоговых поступлений, то коэффициент полезного действия этой работы составляет около одной десятой. При этом объем этой работы огромен — величина начисляемого НДС в сумме сопоставима с объемом ВВП.

Колоссальная сложность и трудоемкость начисления и взимания НДС порождает высокую коррупциогенность этого налога. НДС был в свое время разработан во Франции и затем постепенно введен в других западноевропейских странах с высоким уровнем доходов и достаточно высоким уровнем налоговой дисциплины. Весь опыт переноса этого налога на российскую почву оставляет желать лучшего [69].

В распределение доходов, генерируемых в российской экономике, по факторам производства основная часть приходится на природную ренту. При этом ее налогообложение пока далеко от оптимального. В частности, несмотря на сверхвысокий уровень загрязнения окружающей среды, намного превышающий в многих регионах страны ее ассимиляционный потенциал, экологический налог в России носит символический характер. Это позволяет загрязняющим производствам извлекать сверхприбыль за счет нанесения необратимого вреда здоровью населения и природе. Величина этой сверхприбыли особенно велика у предприятий химико-металлургического комплекса, работающих в основном на экспорт и расходующих на экологические и природоохранные мероприятия намного меньше средств, чем их иностранные конкуренты.

Крайне искаженный характер носит налогообложение природной ренты в добывающей промышленности. В части экспортируемой продукции она изымается посредством экспортных пошлин и налога на добычу полезных ископаемых. В части же продукции, поставляемой на внутренний рынок, последний налог по сути является налогом на потребителя.

По действующим в рыночной экономике правилам ценообразования цена добываемого природного сырья определяется так называемыми замыкающими затратами — издержками его производства на самом плохом месторождении. Прибыль от эксплуатации такого месторождения равна нулю. Начисление налога на добычу означает увеличение этих издержек и, следовательно, сокращение добычи за счет выведения из эксплуатации самых плохих месторождений, роль которых в формировании замыкающих затрат переходит к относительно лучшим. Таким образом, действующий в настоящее время налог на добычу полезных ископаемых

в части внутреннего потребления просто учитывается в цене этих ископаемых и переносится на потребителя.

Методологически правильным способом налогообложения природной ренты было бы введение налога на дополнительный доход у недропользователей, который бы взимался с части прибыли, превышающей среднюю рентабельность в промышленности по прогрессивной шкале с 80%-ным максимумом. Разумеется, возврат природной ренты в доход государства не должен подрывать механизм воспроизводства добывающей промышленности и других природоэксплуатирующих отраслей. У них должно оставаться достаточно прибыли для развития производства. Для этого механизм изъятия природной ренты предполагает дифференцированный подход к месторождениям и предусматривает вычитание из налогооблагаемой базы тех средств, которые вкладываются в развитие производства, разработку месторождений или экологические мероприятия. При таком подходе изымаемые в доход государства сверхприбыли будут стимулировать предприятия добывающей промышленности по-хозяйски относиться к природным ресурсам, повышать эффективность производства и заботиться об охране окружающей среды.

Автор в свое время разработал и инициировал необходимый для этого законопроект, который, однако, был отвергнут налоговой бюрократией как слишком сложный в реализации.

Возвращение в доход государства природной ренты с лихвой бы компенсировало выпадающие доходы бюджета в случае отмены НДС. Россия имеет крупнейшие в мире запасы полезных ископаемых; их прогнозный потенциал оценивается более чем в 140 трлн долларов. По оценкам Мирового совета по энергии, на территории нашей страны сосредоточено около 60% мировых запасов невозобновляемых природных ресурсов, в том числе 20% запасов нефти, 35% газа, 12% угля. Значительны запасы золота, алмазов, железных руд, цветных и редких металлов.

Большинство государств изымают сверхприбыль от использования природных ресурсов в свой бюджет и тратят на общенациональные цели. В экономической теории эта сверхприбыль, не зависящая от деятельности предприятий и получаемая за счет уникальных свойств эксплуатируемых природных ресурсов, называется природной рентой. По оценке Комитета по защите прав граждан на общенациональные природные ресурсы, ежегодный объем природной ренты, образующейся только при эксплуатации российских месторождений углеводородов и металлических руд, а также гидроэнергетических ресурсов, даже в условиях низкой ценовой конъюнктуры составляет более 50 млрд долларов. В том числе в нефтегазовом комплексе ежегодный объем природной ренты в 2000–2005 годах оценивался в 35–45 млрд долларов, в металлургическом комплексе — в 3–7 млрд долларов [63]. В 2006–2007 годах в период бурного роста цен

на нефть эта величина была вдвое больше. По имеющимся оценкам, за счет природной ренты можно было бы профинансировать свыше половины расходов государственного бюджета России.

Использование столь существенных доходов, образующихся за счет эксплуатации принадлежащих государству природных ресурсов в общенациональных интересах, позволило бы преодолеть бюджетный кризис и обеспечить выполнение всех социальных обязательств государства. Природные богатства дарованы нам Богом и должны использоваться в интересах всего общества, для решения общенациональных задач. Это предполагает сохранение государственной собственности на природные ресурсы общефедерального значения (месторождения газа, нефти, угля, металлических руд, химического сырья, драгоценных металлов и камней, а также лесные массивы и водные пространства).

Для реализации права собственности государства (и в его лице общества) на недра и другие природные ресурсы должен быть применен принцип платы за использование природных ресурсов в коммерческих целях. Наряду с охарактеризованным выше налогом на дополнительный доход у недропользователей необходимо восстановить платежи за использование недр и загрязнение окружающей среды. Доступ частных предприятий к эксплуатации природных ресурсов должен регулироваться государством на началах открытой конкуренции, что предполагает создание механизма аукционной продажи прав на разработку месторождений и уникальных природных объектов. Плату за пользование водохранилищами в гидроэнергетических целях следует рассчитывать на основе природной ренты, исчисляемой как разница между среднеотраслевыми и индивидуальными издержками производства. Экспортные пошлины на вывоз сырьевых товаров должны исчисляться с учетом разницы между мировой ценой и издержками их производства по внутренним ценам.

Использование вышеперечисленных инструментов возврата природной ренты в доход государства как собственника природных ресурсов, успешно применяемых в мировой практике, позволило бы увеличить государственный бюджет не менее чем в полтора раза и отказаться от НДС.

Не только доходная, но и расходная части государственного бюджета должны быть приведены в соответствие с потребностями экономики в развитии.

Принципы формирования государственного бюджета должны быть пересмотрены в соответствии с общей логикой системы регулирования экономики, ориентированной на развитие. Доминирование целей развития должно подкрепляться соответствующей технологией планирования бюджета. В основу его разработки необходимо закладывать законодательно установленные нормативы, определяющие уровень бюджетных

расходов по соответствующим направлениям, а также программно-целевой принцип планирования и осуществления расходов. При этом первым по значимости приоритетом должны пользоваться расходы на науку и стимулирование НТП, а также на образование и национальную безопасность, составляющие основу устойчивости будущего развития. Социальные расходы должны соответствовать научно обоснованным и единым для всей территории страны нормативам финансирования социальных гарантий, рассчитанным на душу населения.

Исходя из структуры нового технологического уклада и опыта передовых стран необходимо как минимум полуторакратное увеличение государственных расходов на здравоохранение и образование, являющихся несущими отраслями нового технологического уклада, двукратное увеличение ассигнований на науку и доведение их до уровня 3% ВВП, характерного для развитых стран. С учетом специфических российских условий, удорожающих хозяйственную деятельность (суровость климата, обширность территории, неразвитость транспортной инфраструктуры, демографический кризис, трудности переходного периода и др.) главным фактором роста и долгосрочным конкурентным преимуществом России может быть только научно-техническое и интеллектуально-образовательное превосходство. Переход на инновационный путь развития, освоение «экономики знаний» являются естественно возможной успешной стратегией социально-экономического развития нашей страны.

Увеличение финансирования следует концентрировать на перспективных направлениях развития нового технологического уклада, в которых российские организации имеют конкурентные преимущества. В частности, необходимо на порядок увеличить финансирование научных разработок в сфере молекулярной биологии, генной инженерии и клеточных технологий, изготовления нанотехнологического оборудования, лазерных технологий, гелиоэнергетики, нанопорошков и новых материалов. Важной составляющей бюджетной политики должна стать ориентация госзакупок на приобретение высокотехнологической продукции отечественного производства.

Очевидным направлением антикризисных бюджетных расходов является модернизация транспортной, телекоммуникационной, энергетической и жилищно-коммунальной инфраструктуры в целях обеспечения благоприятных условий для повышения эффективности хозяйственной деятельности и роста деловой активности. При этом важно ассигнования на эти цели направлять в основном на закупку передового отечественного оборудования.

В период реализации антикризисной политики не следует ограничивать дефицит бюджета, финансируя его за счет внутренних источников и покрывая рост государственных заимствований путем эквивалентной эмиссии денег на рефинансирование коммерческих банков под залог го-

сударственных обязательств. В сложившихся условиях бюджетный канал денежной эмиссии предпочтительнее, чем банковский. Ярким доказательством этого стало использование банками эмитированных для их спасения денег на финансовые спекуляции против национальной валюты. Кроме того, многие критически важные для становления нового технологического уклада расходы, включая финансирование фундаментальных исследований, создание телекоммуникационной инфраструктуры, проведение испытаний новых технологий и т.д., могут быть осуществлены только при бюджетной поддержке.

При этом доходность государственных обязательств не должна превышать ни ставку рефинансирования, ни норму прибыли в машиностроении и других высокотехнологических отраслях обрабатывающей промышленности (что соответствует максимальному уровню 4–5%). Для расширения рынка государственных заимствований необходимо прекратить использование облигаций и депозитов Банка России, предложив их владельцам конвертацию в государственные обязательства правительства. Одновременно следует отказаться от политики вывода «избыточной» ликвидности за рубеж и использовать избыточные валютные резервы на инвестиции, в том числе в долговые инструменты публичного рынка[1].

Через доходность государственных обязательств и кредитную политику государственных банков денежные власти определяют цену денег в экономике. Она не должна быть выше средней рентабельности производства в любой из значимых для страны отраслей экономики. При этом для отраслей с объективно заниженной рентабельностью (например, сельское хозяйство или водный транспорт в связи с сезонностью) могут практиковаться специальные процедуры снижения стоимости заемных денег по целевым кредитным инструментам.

Кроме адекватной макроэкономической политики, антикризисная стратегия должна включать активную ***промышленную политику***, стимулирующую «точки роста» в общей депрессивной среде. При этом наибольшее значение имеют точки роста с большим мультипликатором, стимулирующие экономическую активность в большом числе технологически сопряженных производств: выпуск полноценных отечественных самолетов (Ил-96, Ту-204, Ту-334, Ан-140, Ан-148, Бе-200), жилищное строительство, космические системы связи, модернизация транспортной и энергетической инфраструктуры.

Важным элементом промышленной политики наряду с формированием поддерживаемых государством крупных интегрированных корпораций должно стать стимулирование спроса на отечественное оборудование посредством соответствующего регулирования госзакупок и закупок контро-

[1] *Миркин Я.М.* Посткризисная стратегия развития финансового сектора России. — http://www.econorus.org.

лируемых и поддерживаемых государством предприятий (прежде всего «Аэрофлот», «Газпром», «Роснефть», РЖД и пр.). Необходимы жесткие административные меры по ответственности их руководителей за соблюдение приоритетности закупок отечественной техники. Это имеет особое значение в несущих отраслях нового технологического уклада (здравоохранение, авиация, телекоммуникации), а также в добывающей промышленности и в инфраструктурных отраслях, имеющих гарантированный рынок сбыта.

Наблюдаемая инерция в развитии технологической базы отечественных предприятий, их низкая заинтересованность в коммерциализации передовых научных достижений обусловливают актуальность мер по усилению давления на компании со стороны государства с целью повышения их инновационной активности. Необходима активизация воздействия государства на экономику через установление жестких стандартов и технических условий — энергопотребления в промышленности, ЖКХ и на транспорте; качества дорожного покрытия, строительных материалов и автомобильного топлива. Целесообразно ужесточить допустимые концентрации вредных веществ в промышленных отходах; ввести предельные уровни расходования строительных материалов на единицу полезной площади и т.д.

Важным направлением антикризисной стратегии является ***расширение экономического пространства*** путем создания Таможенного союза и единого экономического пространства ЕврАзЭС с участием Украины при сохранении зоны свободной торговли в рамках СНГ. Создание интеграционных объединений расширяет возможности развития российской экономики, повышает ее устойчивость к внешним шокам, увеличивает масштаб деятельности и конкурентные преимущества российских предприятий. Реализуя общую антикризисную стратегию, государства ЕврАзЭС повышают свои возможности выхода из кризиса на траекторию опережающего развития.

Выход на траекторию устойчивого экономического роста предусматривает формирование механизмов расширенного воспроизводства, связывающих процессы роста производства, увеличения доходов населения, расширения конечного спроса, накопления сбережений и подъема инвестиций. В условиях глубокой дезинтеграции экономики это требует применения характеризуемых ниже инструментов государственного регулирования для устранения диспаритета цен, оздоровления конкурентной среды, активизации конечного спроса.

В сфере ценообразования для ликвидации накопившихся ценовых диспропорций необходимо устранение завышения цен на продукцию монополизированных отраслей экономики. Формы государственного контроля над ценообразованием должны определяться условиями конкуренции: от прямого регулирования тарифов на услуги естественных монополий до мониторинга цен на продукцию, производимую и поставляемую на рынок в кон-

курентных условиях. При этом государство не должно подменять рыночное ценообразование бюрократическим произволом. Его задача — исключить злоупотребления и установление какого-либо контроля над рынком в целях завышения цен, обеспечить максимальную свободу конкуренции.

Обеспечение механизмов добросовестной рыночной конкуренции требует упорядочения процедур ценообразования, введения их правового регулирования в целях предотвращения дискриминации потребителей, пресечения злоупотреблений монопольным положением на рынке, обеспечения расширенного воспроизводства товаров и услуг. Должны быть установлены четкие правовые рамки и процедуры регулирования цен на федеральном и региональном уровнях, которые обеспечили бы прозрачность ценообразования и его соответствие принципам добросовестной конкуренции. Для этого необходимо принятие федерального закона о ценообразовании и ценовой политике, регламентирующего функции и методы государственного регулирования цен, а также ответственность хозяйствующих субъектов за соблюдение дисциплины цен.

В антимонопольной политике важнейшие задачи, как уже указывалось выше, — декриминализация оптовой и розничной торговли, расчистка товаропроводящей сети от организованной преступности, устранение информационных и других барьеров во внутренней торговле, прекращение злоупотреблений со стороны естественных монополий, обеспечение других условий для действия механизмов добросовестной конкуренции и повышения деловой активности. Для этого необходимы:

- усиление защиты прав предпринимателей в практической работе правоохранительной системы, ее очищение от коррупции;
- повышение эффективности работы судебной системы разрешения хозяйственных споров, ее защита от административного и криминального давления;
- выведение антимонопольных органов из структур исполнительной власти, обеспечение их самостоятельности и ответственности за должное выполнение своих функций;
- устранение организационных монополий в торговле;
- систематические оперативные меры по расчистке товаропроводящей сети от криминального контроля;
- отделение естественных монополий от исполнительной власти, обеспечение открытости процедур ценообразования на их продукцию при участии потребителей и под контролем антимонопольных органов;
- упрощение и снижение бремени налогообложения малого бизнеса, создание специальных институтов кредитования малого предпринимательства.

Для активизации конечного спроса в целях стимулирования производства должна быть внедрена соответствующая система регулирования

инвестиций и закупок в государственном секторе, предусматривающая:

- увеличение государственных закупок передового отечественного оборудования в целях обеспечения общественных нужд, в том числе для модернизации транспортной и телекоммуникационной инфраструктуры, жилищно-коммунального сектора, учреждений здравоохранения и образования;
- повышение эффективности государственного контроля над использованием амортизационных отчислений и фондов накопления на предприятиях, контролируемых государством (включая естественные монополии), в целях размещения заказов среди производителей отечественного оборудования;
- прекращение использования средств государственного бюджета всех уровней на цели импорта, за исключением ограниченного перечня критически необходимых товаров, не производимых в стране.

В регулировании внешнеэкономической деятельности важнейшими задачами являются: повышение конкурентоспособности отечественных товаров и услуг, защита внутреннего рынка от недобросовестной конкуренции из-за рубежа, создание благоприятных условий для расширения внутреннего производства, ограничение вывоза капитала за рубеж и предотвращение атак спекулятивного капитала с целью дестабилизации рубля, а также расширение сферы использования последнего в международных расчетах.

1. Для решения этих задач должны быть предприняты следующие меры в сфере регулирования *внешнеэкономической деятельности:*

- введена защита внутреннего рынка Таможенного союза России, Белоруссии и Казахстана от недобросовестной конкуренции из-за рубежа посредством антидемпинговых и компенсационных пошлин, а также нетарифных мер, предусмотренных российским законодательством и правилами ВТО;
- проведена корректировка импортного тарифа Таможенного союза на готовые изделия с учетом возможностей импортозамещения в целях повышения загрузки простаивающих производственных мощностей отечественных товаров и создания благоприятных условий освоения ядерных и несущих производств современного и нового технологического уклада;
- проведено снижение импортного тарифа на сырьевые товары, комплектующие, не производимые в России и вместе с тем критически важные для повышения конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей виды технологического оборудования;
- прекращена практика предоставления правительством льгот по уплате импортных пошлин, в том числе с временно ввозимых летательных аппаратов, других видов производимой в России техники, а также для отдельных предприятий и проектов;

• организовано стимулирование экспорта товаров с высокой добавленной стоимостью, в том числе за счет резкого расширения практики предоставления государственных гарантий под экспортные кредиты; ужесточен контроль над качеством импортируемых товаров, устранена практика делегирования функций государственного контроля качества иностранным организациям, недопущение каких-либо льгот импортерам в данной области;

• установлены ограничения на импорт услуг, затрагивающих интересы отечественных товаропроизводителей и чувствительных к требованиям безопасности потребителей;

• обеспечение полноценного функционирования Таможенного союза и Зоны свободной торговли, созданных с государствами Содружества.

2. *Присоединение России к ВТО* не должно ограничить возможности социально-экономического развития страны. Необходимые для этого меры государственной промышленной, научно-технической, инвестиционной политики должны быть заблаговременно приведены в соответствие с планируемыми условиями присоединения, а последние — давать возможность их применения. В частности, противоречащие требованиям ВТО меры должны быть своевременно заменены другими, не менее эффективными. Государственные субсидии могут быть заменены долгосрочными низкопроцентными кредитами, предоставляемыми государственными банками развития. Нормы ВТО не ограничивают также меры налогового стимулирования инновационной и инвестиционной активности, способы рефинансирования экономической деятельности Центральным банком, допускают возможность субсидирования НИОКР, гибкие формы контроля над ценообразованием и другие меры неизбирательного (общего) характера.

3. В сфере валютного регулирования необходимо обеспечить возможности наращивания инвестиций в развитие российской экономики при защите ее от внешних угроз дестабилизации валютно-финансовой системы. Ключевой задачей при этом является расширение использования рублей в международных расчетах и придание российской валюте статуса международной. Решение этой задачи позволит многократно увеличить возможности финансирования социально-экономического развития России. Для этого необходимо обеспечить привлекательность рублевых операций по сравнению с валютными, что предполагает:

• восстановление ограничений на вывоз капитала в иностранной валюте при либерализации операций с капиталом в рублях;

• поддержание более высоких резервных требований по валютным счетам по сравнению с рублевыми;

• перевод экспорта нефти, газа, промышленного сырья транспортных и телекоммуникационных услуг на рубли;

• создание благоприятных условий для осуществления внешнеторговых расчетов в рублях, включая импорт товаров конечного спроса;

• расширение практики использования рубля в международных расчетах, создание условий для его использования в качестве резервной валюты в странах СНГ, а также в ЕС и другими крупными внешнеторговыми партнерами России;

• введение жестких санкций за нарушение запрета на расчеты в иностранной валюте по операциям, совершаемым на российском внутреннем рынке;

• восстановление обязательной продажи всей валютной выручки от экспорта российских товаров;

• проведение дедолларизации экономики, включающее повышение привлекательности рублевых сбережений путем ограничения государственных гарантий по банковским вкладам исключительно рублевыми вкладами.

Наряду с повышением относительной привлекательности рублевых операций должны быть предприняты меры по защите российской валюты от внешних угроз ее дестабилизации:

• введены ограничения на движение иностранного спекулятивного капитала, включая введение процедуры предварительного декларирования конвертации рублевых средств для вывоза капитала;

• обеспечена прозрачность деятельности Центрального банка в отношении политики размещения валютных резервов и операций на открытом рынке в целях регулирования обменного курса рубля;

• повышена устойчивость структуры валютных резервов страны, их диверсификация, отказ от привязки рубля к доллару как в формировании валютных резервов, так и в политике регулирования и номинирования обменного курса;

• повышена действенность санкций в отношении коммерческих структур, нелегально вывезших капитал или ведущих платежно-расчетное обслуживание проводимой в России деятельности в зарубежных офшорных зонах.

Дедолларизация российской денежной системы, приведение денежной политики в соответствие с целями социально-экономического развития страны, расширение использования рубля в международных расчетах требуют кардинального повышения качества макроэкономической политики. Ее денежно-кредитная составляющая должна быть увязана с инвестиционной, промышленной и внешнеторговой. В частности, отказ от привязки рубля к доллару может сопровождаться повышением обменного курса рубля. Для компенсации снижения ценовой конкурентоспособности отечественных товаров должны быть своевременно предприняты меры по защите внутреннего рынка и модернизации российской экономики на современной технологической основе. Для этого долж-

на проводиться системная политика опережающего развития научно-производственного потенциала страны.

Социальная составляющая антикризисной стратегии должна фокусироваться на поддержании на приемлемом уровне социальной инфраструктуры, а также на расширении возможностей для самореализации граждан (например, обучение безработных современным информационным технологиям, развертывание систем микрокредитования).

Увеличению социальных пособий следует предпочесть выполнение государством своих обязательств перед населением, включая защиту их имущественных прав и восстановление дореформенных сбережений граждан. Исходя как из необходимости выполнения долговых обязательств государства, так и из экономической целесообразности денежная эмиссия на эти цели является более предпочтительной по сравнению с эмиссией на цели беззалогового кредитования коммерческих банков. Она будет одновременно решать задачи наполнения банковской системы ликвидностью и стимулирования конечного спроса. При этом целевое использование восстанавливаемых вкладов можно ограничить приобретением отечественных товаров длительного пользования, строительством или приобретением жилья, оплатой коммунальных, образовательных или медицинских услуг, разрешив свободно расходовать только проценты. В таком случае все эмитированные для восстановления сбережений деньги будут работать на расширение производства отечественных товаров и услуг в отличие от кредитной накачки банков, которые в условиях кризиса руководствуются стратегией минимизации риска и удерживают получаемые от государства ресурсы, не доводя их до реального сектора.

Технологически восстановление сбережений граждан может быть обеспечено созданием специального фонда под управлением Сбербанка с предоставлением необходимого для их обслуживания и погашения кредитного ресурса. Масштаб эмитируемых для этого денег должен ежегодно определяться на основе потребности в выплате процентов и заявлений вкладчиков о товарном наполнении погашаемых вкладов, сводимых в обобщенные программы, реализация которых может осуществляться централизованным образом в соответствии с процедурой закупок для государственных нужд.

В условиях нарастающего хаоса и турбулентности на мировых рынках необходимо предусмотреть создание системы ***защиты от угроз экономической безопасности,*** которая наряду с охарактеризованными выше инструментами валютного контроля должна располагать защитными контурами финансовой, распределительной и имущественных систем[1].

Защитный контур финансовой системы должен гарантировать платежи и кредиты реальному сектору при аварийной ситуации в банковской

[1] *Митяев Д.А.* Указ. соч.

системе. ЦБ должен быть готов «подхватить» систему расчетов через расчетно-кассовые центры и госбанки в случае цепной реакции банкротств коммерческих банков. Программы поддержки системообразующих предприятий, регионов и отраслей в условиях возможного паралича банковской системы должны производиться через казначейство, которое может также принять на себя функции обслуживания госпредприятий.

Для защиты стратегических активов в экономике и обеспечения выпуска продукции жизнеобеспечения (продовольствие, энергия, транспорт и др.) при катастрофическом сценарии дальнейшего развертывания кризиса государство должно быть готово к национализации соответствующих системообразующих предприятий и узлов инфраструктуры (электростанции, элеваторы, порты, склады) либо к их постановке под жесткий антимонопольный контроль. При этом предприятия из числа системообразующих должны получать финансовую помощь только под соответствующие бизнес-планы и передачу пакетов акций (активов) государству в качестве обеспечения своих обязательств по выпуску продукции и возврату средств. При этом не должна допускаться покупка стратегических активов иностранным капиталом (или конверсия долгов в собственность), за исключением случаев создания совместных предприятий или объединения активов на паритетных началах.

Защита систем воспроизводства «человеческого капитала» должна гарантироваться переводом соответствующих статей бюджета в режим защищенных вне зависимости от бюджетных доходов. Необходимо также создание стратегических резервов основных сырьевых товаров, продовольствия и лекарств в целях поддержания производства и импорта критически значимых товаров.

Кардинальное повышение эффективности государственного регулирования экономики является необходимым условием реализации стратегии опережающего развития.

Постигшая Россию экономическая катастрофа является прямым результатом самоустранения государства от функций регулирования экономики. Преодоление кризиса возможно только при условии выполнения российским правительством ключевых функций государственного регулирования экономики. Так же как преодоление Великой депрессии рыночной экономики в 1930-е годы было обеспечено усилением регулирующей роли государства, преодоление нынешней депрессии возможно только при кардинальном повышении эффективности государственного регулирования экономики.

Общество, как и природа, не терпит пустоты. Если государство самоустраняется от властных рычагов и механизмов регулирования, его место занимает организованная преступность, а принятием решений и урегулированием конфликтов начинают заниматься по своим понятиям

те или иные авторитеты. Место правовых норм занимает уголовный и бюрократический произвол. Такое государство не может быть эффективным. Споры о том, много или мало места в российской экономике должно занимать государство, в таких условиях не имеют смысла. Такое государство в принципе не может быть эффективным — оно подлежит замене на современное, ответственное перед гражданами государство развития.

Функции государства хорошо известны и многократно обоснованы в общественных науках. Государство как основной институт регулирования общественной жизнедеятельности призвано координировать и балансировать взаимоотношения между субъектами экономических и общественных отношений, обеспечивать целостность, жизнеспособность и безопасность общества. Одновременно государство выступает выразителем и средством осуществления национальных интересов, защищает права личности, семьи, общества в целом. Государственное регулирование обеспечивает также важные функции консолидации общества, поддерживая механизмы согласования интересов различных субъектов экономической и политической деятельности, предотвращая и нейтрализуя возможные социальные конфликты.

Конкретное содержание функций государства и его формы, масштабы и характер деятельности могут зависеть от специфических особенностей стран и регионов мира, исторических традиций. Вместе с тем ряд системообразующих функций, обеспечивающих единство экономического пространства, государство выполняет всегда и везде. Это прежде всего функции регулирования денежного обращения, прав собственности, поддержания правопорядка, внешнеэкономических отношений, обеспечения национальной безопасности, защиты окружающей среды и ряд других. В условиях рыночной экономики к числу системообразующих относятся также функции обеспечения конкуренции, регулирования монополий, защиты прав потребителей, производства общественных благ.

Роль и конкретное наполнение функций государственного регулирования экономики меняются в ходе общественного развития, их значение усиливается во время обострения внешних и внутренних конфликтов, угроз национальной безопасности страны, экономических кризисов. Значение тех или иных функций государственного регулирования экономики зависит также от степени развития негосударственных институтов регулирования, механизмов рыночной самоорганизации хозяйственной деятельности. По мере их совершенствования и усложнения относительно снижается значение таких функций, как регулирование цен, внешней и внутренней торговли, оборота прав собственности. В то же время возрастает значение таких функций, как обеспечение социальных гарантий, предотвращение социальных конфликтов и поддержание отношений социального партнерства, защита прав потребителей и контроль за ка-

чеством и безопасностью продукции, развитие инфраструктуры транспорта и связи, эффективное функционирование судебной и правоохранительной систем, укрепление институтов рыночной самоорганизации.

В предкризисное десятилетие в научно-публицистической литературе сложилось досужее мнение об отмирании государства под давлением процесса либеральной глобализации. Среди политических деятелей модно стало рассуждать о бессмысленности государственного регулирования экономики, о необходимости тотальной либерализации рынков для привлечения капризного международного капитала. В интересах последнего большинство стран действительно пошло по пути радикальной либерализации своих рынков, отказавшись от многих ранее действовавших институтов контроля предпринимательской деятельности. Но из этого не следует отмирание государства. Отмирают одни функции, появляются другие.

Некоторые государства передают часть своих функций наднациональным институтам, как это сделали страны Евросоюза, делегировавшие Брюсселю функции торгово-экономической и валютной политики. Недавно функции внешнеторгового, таможенного и в значительной части технического регулирования были переданы Россией Комиссии таможенного союза Беларуси, Казахстана и Российской Федерации. Ряд функций регулирования экономики передается самоуправляющимся объединениям предпринимателей и профессиональным структурам. Но едва ли на этом основании можно говорить об ослаблении государства. Оно просто становится другим — более гибким, менее навязчивым, лучше организованным.

Правда, повышение эффективности и углубление государственного регулирования экономики происходит только в развитых странах. Многим развивающимся странам, лишенным собственных возможностей для развития, под давлением иностранных кредиторов приходится отказываться от национального суверенитета, отдавая свое экономическое пространство для бесконтрольного освоения международным капиталом. Но колонии существуют давно, и факт их наличия в современных условиях не означает отмирания государства. Точнее, оно действительно происходит в слаборазвитых странах, доказывая тем самым противоположное — необходимость сильного государства для сохранения реального суверенитета и успешного разития.

В условиях современной научно-технической революции происходит усложнение регулирующей роли государства, которая дополняется функциями развития науки, образования, информационной инфраструктуры. Возрастает значение и социальных функций государства, его роль в придании социальной направленности рыночному хозяйству, преодолении разрывов в доходах и уровне жизни, согласовании интересов различных

слоев общества, создании условий для полного проявления созидательной творческой активности каждого человека.

Огромная роль государства в обеспечении научно-технических и интеллектуальных условий развития экономики объясняется, с одной стороны, высокой степенью неопределенности и дороговизной научных исследований, их зачастую кооперационным характером, затрудняющим частное присвоение результатов, с другой стороны, ведущим значением научно-технического прогресса в обеспечении современного экономического роста и конкурентоспособности экономики, где главной является способность экономической системы генерировать интеллектуальную ренту.

Страны, не способные обеспечить необходимый уровень образования населения, развития науки и качества информационной среды, будут обречены на постоянную зависимость от внешних финансовых и информационных центров, сохранят за собой главным образом значение источника природного сырья и человеческого материала для транснациональных корпораций и развитых стран, концентрирующих глобальный интеллектуальный потенциал.

В условиях, характерных для современной экономики глобализации хозяйственных связей и международной экономической интеграции, серьезные изменения претерпевают и функции государства во внешних отношениях, существенно усложняются инструменты государственной защиты национальных интересов. Выживание нации в этих условиях требует освоения новых функций государственного регулирования, направленных на стимулирование конкурентных преимуществ и сохранение национального суверенитета относительно основных жизнеобеспечивающих систем и ресурсов страны; определение и осуществление приоритетов долгосрочного социально-экономического и научно-технического развития; привлечение международного капитала на выгодных для страны условиях; выращивание национальных лидеров мировой экономики, способных выступать «локомотивами» внутреннего экономического роста; защиту интересов отечественных предприятий в сложной системе многостороннего регулирования глобальной экономической конкуренции.

Стабильное функционирование российской экономики предполагает наряду с освоением общих функций государственного регулирования развитие ряда специфических функций, направленных на сглаживание факторов, снижающих конкурентоспособность национальной экономической системы, а именно: неблагоприятных климатических условий, обуславливающих повышенную энергоемкость производства; огромной территории, повышающей транспортные, оборонные и внешнеэкономические нагрузки на экономический потенциал. Эти специфические функции государственного регулирования включают:

• развитие общенациональной системы транспортных и телевизионных коммуникаций, компенсацию повышенных транспортных издержек дальних перевозок поддержанием относительно низких тарифов;

• развитие общенациональной энергетической системы, ее поддержку и контроль за ее функционированием в целях обеспечения гарантированного энергоснабжения населения и предприятий;

• приоритетную поддержку науки, образования и научно-технического прогресса как главных факторов повышения эффективности производства, компенсирующих повышенные энергетические и транспортные затраты;

• создание и поддержание льготных условий хозяйственной деятельности в регионах с неблагоприятным климатом;

• создание и поддержание механизмов использования природной ренты, образующейся при эксплуатации ценных месторождений природных ресурсов, в целях социально-экономического развития страны.

Наряду со специфическими функциями государственного регулирования, обусловленными природно-климатическими условиями, для нынешнего состояния российской экономики характерно особое значение функций переходного состояния. Среди них следует выделить: обеспечение социальной ориентации рыночной экономики, системы социальных гарантий и социальной защиты; формирование высокоэффективного частного сектора экономики; обеспечение норм защиты прав собственности; создание системы гражданского законодательства; обеспечение условий для развития конкуренции, нейтрализация ее недобросовестных форм; стимулирование роста конкурентоспособности отечественных предприятий, инновационной активности и структурной перестройки экономики; проведение гибкой внешнеэкономической политики, направленной на развитие конкурентных преимуществ национальной экономики в масштабах мирового рынка.

В настоящее время мы сталкиваемся с системным кризисом государственной власти, глубинная причина которого кроется в отсутствии механизмов ответственности власти перед обществом. Без них власть подвержена коррупции и разложению, так же как лишенный иммунитета человек беззащитен перед болезнетворными микробами. Прежние механизмы осуществления этих функций сломаны, новые так и не созданы. Даже фундаментальные функции обеспечения рыночной конкуренции, защиты прав собственности, стимулирования конкурентоспособности отечественных предприятий, которые обязано выполнять государство для нормального развития рынка, не осуществляются. Несмотря на многочисленные официальные декларации, не реализуются должным образом функции развития и стимулирования НТП, без которых ни одна национальная экономика сегодня не выдерживает конкуренции. Функ-

ции социальной защиты, так же как и защиты национальных интересов, выполняются неудовлетворительно. Государство не справляется даже с фундаментальной обязанностью «ночного сторожа» — обеспечением правопорядка и защиты общественной безопасности.

Вследствие демонтажа инструментов государственного регулирования оказались заблокированными и ключевые механизмы рыночной самоорганизации. В том числе фундаментальное условие рыночной экономики — регулирование и защита прав собственности — подорвано высокой криминализацией хозяйственных отношений и коррумпированностью органов государственной власти, слабостью судебной системы, неразвитостью механизмов рыночной самоорганизации оборота прав собственности, пробелами в действующем законодательстве, слабой ответственностью за его соблюдение и надлежащее применение. Неудовлетворительное осуществление государством функции защиты собственности стало важной причиной обнищания широких слоев населения, роста социальной напряженности, долгового и бюджетного кризисов, падения экономической эффективности, дискредитации реформы. В частности, из-за нежелания государства обеспечивать адекватное выполнение этой функции произошло обесценение сбережений населения, хранившихся в сберкассах, во время гиперинфляции, спровоцированной непродуманной либерализацией цен. Позже десятки миллионов людей вторично утратили свои сбережения в результате крупномасштабных мошеннических операций по сооружению финансовых пирамид, происходивших при попустительстве государства и не без помощи государственных средств массовой информации. Отказ государства от управления принадлежавшей ему собственностью, бесплатная приватизация ее большей части повлекли утрату огромных источников дохода, что стало одной из причин бюджетного кризиса и роста государственного долга.

Неудовлетворительное выполнение государством функции регулирования и защиты прав собственности стало одной из важнейших причин нарастания хаоса в экономике и ее криминализации, резкого падения инвестиционной активности, бегства капитала за рубеж, сокращения бюджетных доходов и вползания государства в состояние долгового кризиса.

Не намного лучше обстоят дела и с осуществлением другой важнейшей системообразующей функции государства — обеспечение устойчивого расширенного воспроизводства и повышения человеческого потенциала. Демонтаж многих элементов прежней системы социального обеспечения, здравоохранения, образования, воспитания детей не компенсировался развертыванием системы обеспечения социальных гарантий, адекватной требованиям социально ориентированной рыночной экономики.

Следует заметить, что политика свертывания социальных расходов государства не только вызывает негативные социальные последствия, но

и противоречит закономерностям современного экономического роста, который в решающей степени достигается за счет инвестиций в человеческий капитал, объем которых в развитых странах уже намного превышает объем инвестиций в капитал производственный. Недоинвестирование в человеческий капитал усугубляется его обесценением вследствие растущей безработицы и деградации структуры экономики, которые уже существенно превысили критический уровень. Продолжается «утечка умов» которая достигает нескольких десятков тысяч ученых и специалистов в год, совокупный экономический ущерб от которой, по подсчетам экспертов ООН, в 1990-е годы превышал 50 млрд долларов в год.

Эти факты свидетельствуют о серьезном расстройстве ключевой функции современного государства — обеспечение развития интеллектуального, образовательного и научного потенциала нации, благоприятных условий для научно-технического прогресса как главного источника современного экономического роста. Наметившиеся в России тенденции деградации человеческого потенциала противоположны глобальному процессу повышения уровня образования населения и значения творческого интеллектуального труда, формирования отношений социального партнерства и сотрудничества — процессу, который неразрывно связан с происходящими технологическими изменениями. Неспособность государства обеспечить нормальный уровень воспроизводства человеческого потенциала делает невозможным устойчивое развитие в будущем. Закрепление этих тенденций повлечет за собой дальнейшее резкое снижение конкурентоспособности и возможностей самостоятельного развития российской экономики, которая не сможет обеспечивать необходимый для современного и новейшего технологического уклада уровень производительности труда, интеллектуального и нравственного образования людей, качества жизни.

Как следует из изложенного выше, современное эффективное государство, работающее в интересах социально-экономического развития своей страны, должно обеспечивать широкий набор социальных гарантий (быть социальным), строгое исполнение законодательства (быть правовым), стимулировать научно-технический прогресс (быть государством развития). Кроме того, государство должно быть ответственным и открытым для контроля гражданского общества (быть демократическим), а также обеспечивать добросовестную конкуренцию в экономике (быть рыночным).

Авторитаризм в современных российских условиях — это не признак силы, а выражение слабости нынешнего государства. Власть сильна своей связью с народом. Чем больше она выражает национальные интересы, тем прочнее ее позиции. Чем больше она открыта для него, тем больше к ней доверия. Чем больше она подотчетна народу, тем эффективнее ее по-

литика. Такой власти нечего опасаться народного волеизъявления. И наоборот, коррумпированная, некомпетентная и противостоящая интересам страны власть боится выборов, гласности, любых форм народного контроля. Она предпочитает опираться на силу и подавляет оппозицию.

Коррумпированное чиновничество инстинктивно льнет к авторитарной власти в страхе перед открытыми демократическими формами общественного контроля. Олигархи готовы откупиться и всемерно поддерживать действующую власть, лишь бы сохранить контроль за полученными в результате приватизации предприятиями и источниками дохода. Руководители СМИ готовы на фабрикацию и размещение любых клеветнических материалов, лишь бы сохранить свои «теплые места». Предприниматели охотно дают взятки для ухода от установленных законом обязанностей. Коррумпированные чиновники легко идут на исполнение преступных указаний ради сохранения своих должностей.

Главный порок сложившейся в России политической системы заключается в коллективной безответственности властвующей элиты, связанной круговой порукой и отгородившейся от народа стеной пиара. Ей свойственны политика без демократии, рынок без конкуренции, государство без ответственности. Эта модель организации взаимоотношений государства, бизнеса и общества лишена внутренних механизмов развития и обречена на загнивание: политика без демократического контроля оборачивается узурпацией власти и ее злоупотреблениями, экономика без конкуренции деградирует и влечет обеднение общества, государство без ответственности порождает чиновный произвол и бессмысленность государственной власти. Как справедливо указывается в [51], создаваемая «вертикаль власти» в значительной своей части — не вертикаль власти, *а горизонталь преклонения перед «силой» денег.* И пока этот культ не будет преодолен, «горизонталь власти» будет действовать в его интересах. Цель коррумпированных чиновников — стабилизировать нынешнее состояние, не дать выйти стране из того тупика, в который она зашла. Инновации не просто не нужны, а вредны и опасны для этого «класса». Развитие нуждается в ресурсах, а в условиях развала отечественной науки и деиндустриализации страны эти ресурсы придется брать в добывающем секторе, перераспределять гигантские финансовые потоки.

Круговая порука коррумпированных чиновников, недобросовестных предпринимателей, организованной преступности подавляет развитие страны и подъем благосостояния народа, превращая и страну, и людей в источник наживы тех, кто должен по долгу своему им служить. Две трети населения при продолжении проводимой в стране политики не смогут вырваться из бедности, дать своим детям хорошее образование и обрести жизненную перспективу. Происходит это не потому, что власти не знают

что делать — необходимые для эффективной политики экономического роста и подъема народного благосостояния меры давно предлагаются российскими учеными. Властвующая элита не проводит необходимую для успешного развития страны политику, потому что руководствуется своими частными, а не общенациональными интересами. Хотя сложившаяся в стране политико-экономическая система блокирует механизмы развития, она приносит колоссальные сверхприбыли власть имущим. В отсутствие конкуренции, демократического контроля и каких-либо механизмов ответственности они получили возможность присвоения львиной доли национального богатства и дохода.

Способы оздоровления государственной власти хорошо известны. При нынешнем состоянии пораженного коррупцией государства нет другого пути эффективного устройства политической системы, кроме принципа жесткой ответственности властей предержащих за проводимую ими политику и принимаемые решения. Необходима политическая ответственность исполнительной власти за уровень благосостояния и качество жизни населения. Для этого следует принять соответствующие федеральный и региональные законы, предусматривающие введение механизма объективного контроля за уровнем и качеством жизни по стране в целом и в каждом регионе, а также процедуру отставки федерального правительства и администраций субъектов Федерации в случае снижения уровня жизни соответственно в стране или регионе. Необходимо также введение персональной ответственности государственных должностных лиц за надлежащее исполнение законов, привлечение их к административной или уголовной ответственности автоматически по фактам нарушения норм действующего законодательства.

Для преодоления коррумпированности, некомпетентности и безответственности исполнительной власти требуется также введение механизмов парламентского контроля над деятельностью правительства и расширение полномочий Государственной Думы в утверждении Кабинета министров.

Ключевой вопрос функционирования правового государства и рыночной экономики — эффективность судебной системы. Нынешняя ее организация по принципу «круговой поруки» судей и их административного назначения порождает судебный произвол, коррупцию и безответственность. При всех недостатках механизма выборности судей населением он лучше нынешней коррумпированной системы. Судей целесообразно избирать на неограниченный срок с периодическим подтверждением полномочий при наличии оснований для их отзыва непосредственно населением.

Наконец, «четвертая власть» — средства массовой информации — не может оставаться в нынешнем состоянии подчинения президент-

ской администрации, коррумпированности и вседозволенности. Государственные телеканалы должны быть под контролем общественности и управляться советами директоров, избираемыми соответствующими представительными органами власти. Независимо от форм собственности при теле- и радиокомпаниях должны действовать наблюдательные советы, избираемые представительными органами власти из авторитетных деятелей культуры, представителей Церкви, влиятельных общественных организаций в целях контроля над соответствием содержания транслируемых передач общепринятым нормам нравственности и требованиям действующего законодательства. Необходимо также ужесточить ответственность руководителей СМИ за распространение клеветнической информации и другие злоупотребления влиянием на общественное мнение.

В разумной политической системе глава государства должен быть не самодержавным диктатором, а дирижером, следящим за тем, чтобы все ветви власти работали в гармоничной симфонии совместной деятельности, формируя оптимальный для граждан и общества порядок. Иными словами, его главная функция должна заключаться в контроле над соблюдением законодательства всеми ветвями власти и обеспечении соответствия проводимой государством политики общенациональным интересам. Не будем также забывать, что любые формы социально-экономических отношений могут эффективно работать только в адекватной культурно-нравственной среде. В частности, рыночные отношения будут работать на развитие экономики только при наличии жесткой ответственности их субъектов за выполнение взятых на себя обязательств, строгое соблюдение принципов добросовестной конкуренции и правового государства. При этом чем ответственнее поведение деловых кругов, тем либеральнее может быть политика государства.

К концу второго тысячелетия в большинстве развитых стран мира сформировались правовые государства, в которых ответственность власти, а также граждан определяется четко зафиксированными в законодательстве нормами. Правовое государство предполагает разделение власти между независимыми друг от друга законодательной, исполнительной и судебной ветвями, которые, как правило, формируются путем избрания должностных лиц непосредственно народом или его представителями. Принцип выборности наделенных властными полномочиями лиц означает, что правовое государство является по источнику происхождения власти демократическим.

Прямая персональная ответственность каждого гражданина перед законом и политическая ответственность властвующей элиты перед избирающим ее народом — это два механизма, определяющие функционирование правового государства. Оно может быть более или менее эффективным в зависимости от качества функционирования механизмов

правовой и политической ответственности властвующей элиты перед обществом. Работа этих механизмов может быть нарушена коррупцией и бюрократическим произволом, которые часто превращают демократические и правовые формы лишь в декорации авторитарных режимов, обслуживающих интересы не народа, а властвующей верхушки. Предотвратить выхолащивание демократических и правовых форм может только постоянно действующий общественный контроль над властью, достигаемый посредством свободных СМИ и разнообразных общественных организаций, защищающих интересы граждан.

Деятельность политических и общественных организаций, защищающих права и свободы граждан, наполняет структуры и формы функционирования правового государства содержательным смыслом, позволяющим гармонизировать интересы разных социальных групп в общенародных требованиях, определяющих политику государства. В этом случае государство становится социальным. Именно тип социального демократического государства соответствует современному состоянию общества, развивающемуся на основе научно-технического прогресса и экономики знаний. В течение последних десятилетий он сформировался в большинстве развитых стран, обеспечивая высокий уровень жизни населения и быстрые темпы роста экономики.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Грядущая трехлетка: угроза последнему шансу на «экономическое чудо»

Прогноз социально-экономического развития России и принятый на 2011 год федеральный бюджет с ориентирами на плановый период 2012 и 2013 годов дают представление о дальнейших перспективах эволюции российской экономики. Выше говорилось о возможностях ее опережающего развития в условиях глобального кризиса, связанного с замещением доминирующих технологических укладов. В макроэкономических показателях стратегия опережающего развития характеризуется средним темпом ежегодного прироста ВВП не менее 8%, объема производственных инвестиций — не менее 15%, приростом производительности труда — не менее 12%. Расчеты показывают, что для достижения этих показателей необходимо в первые три года выхода на траекторию опережающего развития добиться увеличения нормы накопления до 30%, повышения расходов на НИОКР вдвое, подъема уровня инновационной активности не менее чем в три раза. При этом ядро нового технологического уклада должно расти на 35–40% в год, а исходящие от него импульсы модернизации — обеспечиваться приростом производства в его несущих отраслях на 10–15% в год. Определенным приближением к стратегии опережающего развития можно считать Концепцию социально-экономического развития, утвержденную правительством в 2008 году.

Втягивание российской экономики в глобальный кризис прервало ее быстрый рост, темпы которого составляли 7–8% ежегодного прироста ВВП. Кризис вскрыл очевидный для специалистов изъян этого роста, основанного на повышении мировых цен на нефть и буме потребительских расходов без структурной перестройки и модернизации экономики. Трансформации нефтедолларов в инвестиции, в развитие мешала проводившаяся экономическая политика стерилизации денежной массы и вывоза капитала за рубеж. Тем самым денежные власти искусственно сдерживали инвестиционную и инновационную активность, лишая экономику длинных дешевых денег и подталкивая платежеспособные предприятия к заимствованиям коротких и дорогих денег за рубежом. С уходом последних рухнул и механизм, поддерживавший эту неоколониальную модель экономического роста. Последовавший вслед за этим глубокий спад промышленного производства блокировал реализацию планов долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года, установленных упомянутой выше Концепцией. Ее первый этап, предусматривавший достижение темпов прироста ВВП, оказался сорван.

Срыв первого этапа Концепции долгосрочного социально-экономического развития России был вызван не только кризисом. Он был значительно усугублен допущенными ошибками в стратегии антикризисной политики, подчиненной интересам олигархического капитала и выразившейся в мощной эмиссии денег в пользу привилегированных коммерческих банков. Игра последних на обрушение курса рубля повлекла за собой расстройство и без того слабых механизмов финансирования инвестиционной и инновационной активности и отток капитала из реального сектора в спекулятивный. Из-за этого эффективность антикризисной политики оказалась удручающе низкой. Взвалив на себя самое большое из ведущих стран мира бремя антикризисных расходов, государство своей неадекватной политикой фактически спровоцировало максимальный из стран «двадцатки» спад производства, вывоз капитала и падение инвестиций.

Наблюдаемое в настоящее время посткризисное оживление экономики не сопровождается формированием новых механизмов и институтов поддержания инвестиционной и инновационной активности, необходимых для реализации стратегии опережающего развития. Крайне низкой остается норма накопления и уровень расходов на НИОКР. Запланировано сокращение государственных расходов в реальном выражении, которые остаются существенно меньше уровня большинства европейских стран. Доля расходов бюджетной системы сокращается к 2013 году до 36,3% ВВП по сравнению с 41,1% ВВП в кризисном 2009 году и 52,7% во Франции или 42,8% в Польше. Хотя структура расходов бюджетной системы России после кризиса стала более прогрессивной — почти три четверти из них направляется на нужды социально-экономического развития и социальной защиты, как и в развитых странах, — эффективность осуществления бюджетных ассигнований оставляет желать много лучшего. Основная их часть направляется на социальные трансферты, прежде всего Пенсионному фонду, не оказывая особого влияния на развитие экономики.

По основным параметрам федерального бюджета и структуре его расходов можно сделать вывод о явной схожести избранного российскими властями курса с кейнсианским подходом стимулирования конечного спроса. В противоположность докризисному периоду бюджет сводится с дефицитом, уровень которого последовательно снижается с 4,1% ВВП до 3,1% ВВП. В структуре расходов основную часть составляют трансферты бедным слоям населения, что дает максимальный эффект с точки зрения увеличения конечного спроса. В 2011 году увеличиваются расходы на оборону, что дает аналогичный эффект.

Кейнсианский подход, несомненно, является намного более адекватным закономерностям современного экономического роста, чем либерально-монетаристский, которому упорно следовали российские денежные власти, блокируя тем самым инвестиционную и инновационную активность.

Во всяком случае, он не тормозит, а стимулирует экономический рост. Но в условиях нынешнего кризиса он явно недостаточен для вывода экономики на траекторию устойчивого роста, так как не содержит механизмов модернизации и повышения эффективности экономики, ее структурной перестройки на основе нового технологического уклада. Более того, по уровню расходов на основные несущие отрасли нового технологического уклада — науку, образование и здравоохранение — в российской бюджетной системе закладывается продолжение отставания не только от развитых стран, но и от большинства других постсоциалистических стран, включая Белоруссию и Украину с их намного меньшей устойчивостью бюджетной системы.

В условиях сырьевой ориентации российской экономики слабостью неокейнсианского подхода с упованием на оживляющий характер конечного спроса является отсутствие надежных каналов направления последнего на внутренние источники покрытия. В связи с последовательным повышением курса рубля после его девальвации в начальной фазе кризиса происходит устойчивый прирост импорта. Согласно прогнозу, в 2011–2013 годах он будет вдвое опережать прирост отечественного производства, составляющий чуть более 4% в год. И это после падения доли внутреннего производства в структуре источников покрытия прироста внутреннего спроса в 2008–2010 годах с 60,3 до 35%. Таким образом, продолжаются тенденции вытеснения отечественных товаров импортными, за счет которого достигается основная часть розничного товарооборота. При сохранении этих тенденций едва ли можно рассчитывать на оживляющий характер роста доходов населения, прирост спроса которого на две трети покрывается импортом.

Сырьевая ориентация российской экономики не позволяет надеяться и на оживляющую роль роста внешнего спроса. Доля топливно-энергетических товаров и металлов в российском экспорте в прогнозный период будет составлять около 80%. Значительная часть валютной выручки от экспорта сырья в условиях фактического отсутствия валютного контроля остается за рубежом или в отсутствие обязанностей по ее обязательной продаже — на валютных счетах, не трансформируясь во внутренний спрос. Кроме того, рост экспорта этой группы товаров происходит за счет повышения мировых цен, ежегодный прирост его физического объема составляет 2–3%. Незначительная же доля машин и оборудования, которая, согласно прогнозу, не превысит 6% в структуре российского экспорта, не позволяет надеяться на существенную роль прироста внешнего спроса в оживлении российской экономики.

Кейнсианские рецепты плохо работают при сырьевой структуре экономики. Для нее характерна низкая эластичность прироста производства в зависимости от прироста конечного спроса. Более того, в условиях структурного кризиса кейнсианские рецепты могут оказаться вредными, так как следование им может усугубить структурные диспропорции, если стимулирование спроса будет трансформироваться в прирост производства

устаревших товаров, продлевая воспроизводство устаревших технологий. Правильной политикой в этих условиях является оказание помощи предприятиям в свертывании устаревших производств и освоении новых, что выходит далеко за пределы традиционного кейнсианского подхода.

Как было показано выше, в сложившихся условиях оптимальной и единственно выигрышной стратегией для российской экономики является стратегия опережающего развития, возможности начала реализации которой ограничены трехлетнем периодом. По истечении этого срока в передовых странах завершится этап становления нового технологического уклада, который перейдет в фазу быстрого роста. Последняя характеризуется завершением формирования технологических траекторий, которые будут направлять очередную длинную волну экономического роста в ближайшие два десятилетия. В этой фазе опережающее развитие и связанное с ним «экономическое чудо» становятся невозможными. Отстающим странам остается наверстывать упущенное, имитируя или импортируя зарубежные технологии и финансируя экономический рост стран-лидеров за счет занижения зарплаты и уровня жизни своего населения и природной ренты. «Проспав» возможности опережающего развития в период смены доминирующих технологических укладов, Россия замкнется в колониальной нише экспортера сырья и импортера готовой продукции, утратив научно-технологическую самостоятельность и окончательно превратившись в сырьевой придаток ЕС и Китая.

Бюджетные проектировки на 2011–2013 годы не дают оснований надеяться на воплощение стратегии опережающего развития. В весьма умеренных расходах на национальную экономику, которые составят в 2011 году 3,4% ВВП, превалируют текущие затраты, имущественные взносы и политические проекты, в то время как программно-целевая составляющая бюджетной политики сужается. Сокращается к 2013 году как и без того невысокая (менее 10%) доля расходов на федеральные целевые программы, так и доля программной части расходов по ряду важнейших разделов. При этом многие целевые программы продолжают финансироваться остаточным методом (некоторые наполовину и меньше), что несовместимо с принципами программно-целевого подхода и требованиями к эффективности бюджетных расходов. Особенно ярко это проявляется в неудовлетворительном исполнении федеральной адресной инвестиционной программы, по итогам исполнения которой из 1413 запланированных к вводу объектов введены в эксплуатацию лишь 249.

Слабостью программно-целевой составляющей федерального бюджета является низкая доля расходов на НИОКР в целевых программах, которая составляет не более четверти. В целом расходы на НИОКР остаются на недопустимо низком для перехода на инновационный путь развития уровне — около 1% ВВП по сравнению с ориентацией передовых стран на переход к

уровню 3–4% ВВП. При этом бюджетом запланировано снижение уровня расходов на науку гражданского назначения, который сократится к 2013 году до 0,36%, что еще более усугубляет проблему повышения уровня инновационной активности.

Самым негативным образом на перспективах развития российской экономики скажется возобновление сооружения финансовой пирамиды государственных обязательств. К концу 2013 года планируется двукратное увеличение государственного долга до уровня 18% ВВП с соответствующим ростом расходов на его обслуживание. Последние превысят в 2013 году 600 млрд рублей по сравнению с 519 млрд рублей на образование или 433 млрд рублей на здравоохранение. Государственные займы планируется брать посредством эмиссии облигаций с доходностью от 4,5% по краткосрочным до 8,5% по долгосрочным обязательствам. При этом около трети занимаемых за счет этого средств государство планирует направлять на погашение задолженности по ранее выпущенным облигациям. Это указывает на наличие пирамидальной составляющей в эскалации расходов по обслуживанию и погашению государственных облигаций, создающей угрозу повторения дефолтов в будущем.

Масштабная эмиссия государственных обязательств с доходностью до 8,5% создаст барьер притоку кредитных ресурсов в производственную сферу, рентабельность производства в которой будет на сопоставимом уровне с несравнимо большими рисками. Тем самым будет сохраняться охарактеризованный выше дисбаланс в структуре инвестиций с преобладающей долей финансовых инвестиций по сравнению с инвестициями в основной капитал. В совокупности за три года в новую пирамиду гособлигаций планируется втянуть 5 трлн рублей, что составляет значительную часть денежной массы и вдвое превышает объем инвестиций в основной капитал. Наряду с продолжающейся эмиссией облигаций Банка России это сделает невозможным достижение минимально необходимого для выхода на устойчивый экономический рост уровня капиталовложений в развитие производства.

Прирост государственных заимствований намного превысит прирост денежной массы, который планируется Банком России на весьма умеренном уровне от 11 до 23% при прогнозном уровне инфляции 6–7%. С учетом прогнозируемого прироста ВВП это будет означать сохранение заниженного уровня монетизации российской экономики и соответственно нехватки денег для поддержания воспроизводства и завышенных процентных ставок.

Согласно данным официального прогноза, среднегодовой ежегодный прирост инвестиций в основной капитал в 2011–2013 годах составит 7%, что существенно ниже минимально необходимого уровня не только для реализации стратегии опережающего развития, но и для поддержания простого воспроизводства основных фондов. При этом норма накопления к

концу прогнозного периода увеличится до 21,9% , что по-прежнему в полтора раза ниже сложившейся в российской экономике нормы сбережений и свидетельствует о существенном недоиспользовании имеющегося инвестиционного потенциала. Неудивительно, что даже к концу прогнозного периода объем инвестиций в основной капитал будет оставаться почти на 20% ниже, чем перед началом радикальной реформы в 1991 году.

Ни в федеральном бюджете, ни в основных направлениях единой денежно-кредитной политики не предусматривается действенных мер по стимулированию роста инвестиционной активности. Между тем без резкой активизации государственных институтов развития трудно ожидать ее выхода на необходимый для перехода к устойчивому экономическому росту уровень. Прирост банковских кредитов предприятиям в кризисный период резко замедлился, существенно выросла просроченная задолженность и ухудшилось финансовое положение производственных предприятий в большинстве отраслей экономики. Едва ли можно рассчитывать на рост инвестиций за счет собственных средств предприятий. Судя по планируемому продолжению опережающего роста тарифов на услуги естественных монополий (на газ — на 15% в год, на электроэнергию — на 5–10% в год) финансовое положение предприятий обрабатывающей промышленности еще более ухудшится.

Таким образом, судя по основным документам, определяющим экономическую политику государства на ближайшие три года, последняя будет носить инерционный характер. Ее денежно-кредитная составляющая вновь будет формироваться по дискредитировавшим себя монетаристским рецептам с хорошо известными последствиями в части торможения экономического роста, блокирования подъема инвестиционной и инновационной активности . В ней не предусматривается мер, необходимых для реализации обоснованной выше стратегии опережающего развития.

Следствием возобновления инерционного подхода на основе отжившей неоклассической парадигмы и наивных представлений о самодостаточности рыночных механизмов для обеспечения экономического роста станет углубление структурных диспропорций российской экономики и утрата ею научно-технического потенциала, необходимого для самостоятельного успешного развития. Официальный прогноз предусматривает весьма умеренные темпы прироста ВВП на уровне около 4% ВВП, что соответствует среднемировым. Вместе с прогнозируемым сохранением сырьевой специализации российской экономики это будет означать стагнацию ее нынешнего положения в качестве сырьевого придатка Евросоюза и Китая. Будет нарастать технологическое отставание российской экономики не только от передовых стран, но и от быстроразвивающихся стран Азии, включая Китай.

Закладываемые в официальном прогнозе макроэкономические параметры фактически означают отказ от реализации Концепции долгосрочного

социально-экономического развития России на период до 2020 года, с которой связывались планы перехода на инновационный путь развития. Согласно ей темп роста ВВП в 2007–2012 годах должен был составить 137–138%, в 2012–2020 годах — 164–166%, что позволило бы обеспечить рост ВВП в 2,3 раза по сравнению с 2007 годом. Согласно официальному прогнозу, в 2012 году ВВП увеличится по сравнению с 2007 годом менее чем на 10%. Нетрудно посчитать, что для достижения поставленных долгосрочных целей экономического роста ежегодный прирост ВВП начиная с 2012 года должен составлять не менее 9,5% в год [58].

Специфика прогнозного периода заключается в том, что именно в ближайшие три года будет происходить активная структурная перестройка мировой экономики, связанная со сменой доминирующих технологических укладов. Выше было показано, что страны, которые ее осуществят раньше других, первыми оседлают новую длинную волну экономического роста и обеспечат себе технологическое преимущество и экономическое превосходство на два десятилетия вперед. Поэтому для достижения высоких темпов экономического роста в будущем необходимо обеспечить еще более высокие темпы роста экономической, прежде всего инвестиционной и инновационной, активности в ближайшее время. Без повышения темпов экономического роста до 10% ежегодного прироста ВВП, 15% прироста инвестиций и 30% расходов на НИОКР в 2011–2013 годах обеспечить 10%-ный прирост ВВП во второй половине начинающегося десятилетия не удастся.

Имея все еще значительный научно-технический и интеллектуальный потенциал, Россия могла бы совершить такой прорыв, построив свое «экономическое чудо». Но для этого должны быть реализованы меры экономической политики, обоснованные в последнем разделе настоящей книги. Повторение ранее совершавшихся ошибок в экономической политике 2011–2013 годов, закладываемых в федеральном бюджете и основных направлениях денежно-кредитной политики, приведет к повторению и их многократно проверенных последствий. Возврат на никуда не ведущую дорогу монетаризма и рыночного фундаментализма сохранит, разумеется, доминирующее положение олигархического капитала и сверхдоходы властвующей элиты. Но платой за это станет утрата последнего шанса на российское «экономическое чудо».

Может, властям предержащим стоит отказаться от сопровождения избранных в рыночный рай за счет будущего всей страны и подавляющей части собственного народа? Вспомним Ф.М. Достоевского, который писал, что билета в рай недостоин тот, по чьей вине пролилась слезинка хотя бы одного ребенка...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аганбегян А.Г.* Кризис: беда и шанс для России. — М.: АСТ, Астрель, Харвест, 2009.

2. *Акаев А.А.* Современный финансово-экономический кризис в свете теории инновационно-технологического развития экономики и управления инновационным процессом. — М.: УРСС, 2009.

3. *Алферов Ж.* Перспективы электроники в России. Гетероструктурная электроника и акустоэлектроника // Электроника: наука, технология, бизнес. — 2004. — Вып. 6.

4. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993–2003 гг. (экспертно-аналитическое мероприятие) / Руководитель рабочей группы — Председатель Счетной палаты Российской Федерации С.В. Степашин. — М.: Олита, 2004.

5. Аналитический вестник Информационно-аналитического управления Совета Федерации. — 1999. — № 10 (98).

6. *Андреев А.* Инновационный путь развития России в контексте глобального пространства образования // Вестник Российской академии наук. — 2010. — Т. 80. — № 2.

7. *Андреев А.Л.* Российское образование: социально-исторические контексты. — М.: Наука, 2008.

8. *Афанасова М.А.* Структурные преобразования экономики в контексте проблем выбора типа инновационного развития. В кн.: Инновационное развитие экономики России: национальные задачи и мировые тенденции: Сборник статей в 2 томах. Т. 1. — М.: МАКС Пресс, 2008.

9. *Белоусов А.* Сценарии экономического развития России на 15-летнюю перспективу // Проблемы прогнозирования. — 2006. — № 1.

10. *Бетелин В.Б., Велихов Е.П., Кушниренко А.Г.* Промышленная политика, инновации, массовые информационные технологии, отечественные системообразующие компании. — М.: Энергоиздат, 2007.

11. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. — М.: Международные отношения, 1998.

12. *Борзенко А.* Технология MEMS. — http://www.bytemag.ru/articles/detail.php?ID=6756.

13. *Вебер Макс.* Протестантская этика и дух капитализма. — Ивано-Франковск: Ист-Вью, 2002.

14. Вестник Российской академии наук. — 2010. — Т. 80. — № 7.

15. *Гельман М.* Ночной стриптиз Анатолия Чубайса в программе Владимира Познера на ОРТ // Промышленные ведомости. — 2009. — № 1–2 (январь — февраль).

16. *Глазьев С., Микерин Г.* «Либерально-патерналистская» интерпретация «третьего пути» как реакция на переход к инновационной экономике (в связи с выходом книги Р. Тейлера и К. Санстейна «Подталкивание: улучшение решений относительно здоровья, богатства и счастья») // Российский экономический журнал. — 2008. — № 5–6.

17. *Глазьев С.* О практичности количественной теории денег, или Сколько стоит догматизм денежных властей // Вопросы экономики. — 2008. — № 7.

18. *Глазьев С.* Простота хуже воровства. — http://www.pravoslavie.ru/analit/glazjev.htm.

19. *Глазьев С.* Состоится ли переход российской экономики на инновационный путь развития? (О правительственных долгосрочных концептуально-прогнозных проектировках) // Российский экономический журнал. — 2008. — № 1–2.

20. *Глазьев С.* Экономика присвоения — это тупик // Российская Федерация сегодня. — 2006. — № 1.

21. *Глазьев С.Ю.* Возможности и ограничения технико-экономического развития России в условиях структурных изменений в мировой экономике. Научный доклад. — М.: ГУУ, 2008.

22. *Глазьев С.Ю.* Выбор будущего. — М.: Алгоритм, 2005.

23. *Глазьев С.Ю.* Геноцид. — М.: Терра, 1998.

24. *Глазьев С.Ю.* Кто в стране хозяин. Сборник статей. — М.: Терра, 2001.

25. *Глазьев С.Ю.* Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. Соавт. Дементьев В.Е., Елкин С.В., Крянев А.В., Ростовский Н.С., Фирстов Ю.П., Харитонов В.В. / Под ред. С.Ю. Глазьева и В.В. Харитонова. — М.: Тровант, 2009.

26. *Глазьев С.Ю.* Обучение рынку / Под ред. С.Ю. Глазьева. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004.

27. *Глазьев С.Ю.* О стратегии экономического развития России. — М.: Национальный институт развития, 2006.

28. *Глазьев С.Ю.* Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. — М.: Экономика, 2010.

29. *Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. — М.: ВлаДар, 1993.

30. *Глазьев С.Ю., Фетисов Г.Г.* Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. — М.: Наука, 1992.

31. *Говорухин С.С.* Великая криминальная революция. — http://www.govoruhin.ru/filmography/criminal.htm.

32. Государственный доклад «О состоянии здоровья населения Российской Федерации в 1999 году». — М.: Министерство здравоохранения РФ, РАМН, 2000.

33. *Грублер А.* Инновации и экономический рост. — М.: Наука, 2002.

34. *Данилов-Данильян В.И., Рывкин А.А.* Воспроизводственный аспект экономического развития и некоторые проблемы управления // Экономика и мат. методы. — 1982. — Т. XX. — Вып. 1.

35. *Дементьев В.Е.* Длинные волны экономического развития и финансовые пузыри. — М.: ЦЭМИ РАН, 2009.

36. Демографический ежегодник Федеральной службы государственной статистики. — М.: Росстат, 2009.

37. *Дмитриева О.* К оценке правительственных антикризисных действий-2009 и принятых параметров бюджетной политики-2010 // Российский экономический журнал. — 2009. — № 11–12.

38. *Дмитриева О.* К оценке правительственных антикризисных действий-2009 и принятых параметров бюджетной политики-2010 // Российский экономический журнал. — 2009. — № 11–12.

39. Государственный доклад «О состоянии здоровья населения РФ в 1992 году». — М.: Министерство здравоохранения РФ, РАМН, Госкомитет по санэпидемнадзору РФ, 1993.

40. Ежегодный отчет ООН об уровне жизни за 2009 год. — http://hdr.undp.org.

41. *Елисеева И.И., Старков Б.А., Васильева Э.К.* Социальная статистика. — М.: Финансы и статистика, 2001.

42. *Ершов М.* Банковская система и развитие российской экономики // Мировая экономика и международные отношения. — 2005. — № 3.

43. *Ершов М.В.* Экономический суверенитет России в глобальной экономике. — М.: Экономика, 2005.

44. Закон РФ № 3266-1 «Об образовании» от 10 июля 1992 г.; Федеральный закон № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г.

45. Заключение Счетной палаты на проект федерального закона «Об исполнении федерального бюджета на 2000 год». — http://www.budgetrf.ru/Publications/Schpalata/Zakluchenia.

46. Заявление Правительства Российской Федерации и Центрального банка Российской Федерации об экономической и структурной политике на 1998 год // Вестник Банка России. — 1998. — № 45 (300).

47. ИА «Росбалт». — 2005. — 18 января.

48. *Илларионов А.Н.* Формула успеха: как сделать российское экономическое чудо? Доклад. — М.: Фонд комплексных прикладных исследований «Ускоренный экономический рост», 2002.

49. Инвестиции в биотехнологии: неоправданный риск или ставка на фаворита? — www.k2kapital.com. 14.09.2006.

50. Индикаторы науки: 2009. Статистический сборник. — М.: ГУ–ВШЭ, 2009.

51. Инновации и инвестиции для модернизации и технологического перевооружения экономики России // Сборник тезисов выступлений участников деловой программы X Московского международного салона инноваций и инвестиций. — М.: ФГУ НИИ РИНКЦЭ, НП «Инноватика», 2010.

52. Инновационно-технологическое развитие экономики России: проблемы, факторы, стратегии, прогнозы / Ред. В.В. Ивантер, К.К. Вальтух, А.Г. Гранберг. — М.: МАКС Пресс, 2005.

53. *Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А., Глазьев С.Ю.* Куда идет Россия. Белая книга реформ. — М.: Алгоритм, 2008.

54. *Карлайл Томас.* Герои, почитание героев и героическое в истории. — М.: Эксмо, 2008.

55. *Клайнкнехт Альфред.* Циклы нововведений: вопросы теории. — М.: Экономика, 1990.

56. *Колганов А.И.* Российское государство и национальная инновационная система // Альтернативы. — 2005. — № 4.

57. *Колчин А.Ф., Овсянников М.В., Стрекалов А.Ф., Сумароков С.В.* Управление жизненным циклом продукции. — М.: Анахарсис, 2002.

58. Комплексный сравнительный анализ динамики социально-экономического развития Российской Федерации в рамках СНГ на основе показателей, определенных Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года и Стратегией экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2020 года. Экспертно-аналитический доклад. — М.: Счетная палата РФ, 2010.

59. *Кондратьев Н.Д.* Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. — М.: Экономика, 2002.

60. *Кононов В.* MEMS-технологии — главный локомотив рынка сенсоров. — http://www.3dnews.ru/news/mems_tehnologii_glavnii_lokomotiv_rinka sensorov/

61. *Кокшаров А.* Атлант упал // Эксперт. — 2009. — № 35.

62. *Ли Синь.* Пострадает ли от глобального кризиса стратегия России-2020? (Мнение китайского ученого) // Проблемы современной экономики. — 2009. — № 2 (30).

63. *Кузык Б.Н., Агеев А.И., Волконский В.А., Кузовкин А.И., Мудрецов А.Ф.* Природная рента в экономике России. — М.: Институт экономических стратегий, 2004.

64. *Львов Д., Глазьев С.* Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. — 1986. — № 5.

65. *Маслюков Ю.* Вина правительства Примакова в том, что оно спасло Россию. — Правда.Ru. — 1999. — 13 мая.

66. Материалы научно-практической конференции РАН «Инновации РАН-2007» // Биржа интеллектуальной собственности. — 2008. — Т. 7. — № 2.

67. *Меньшиков С.М., Клименко Л.А.* Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. — М.: Международные отношения, 1989.

68. *Митяев Д.А.* О динамике саморазрушения мировой финансовой системы (сценарии и стратегии). Возможности адаптации и выбор стратегии для России. Сценарно-игровой доклад. — М.: Институт экономических стратегий, 2009.

69. Отмена НДС в Российской Федерации: причины, возможности, последствия. Аналитический доклад. — М.: Национальный институт развития РАН, 2008.

70. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2006 год // Вестник Банка России. — 2005. — № 65.

71. *Петров Ю.* Глобальный кризис и кризис экономики России: причины, последствия, предложения по изменению социально-экономической политики // Российский экономический интернет-журнал. — 2009.

72. *Петров Ю., Жукова М.* Трансграничное движение капитала в постсоветской России (анализ на основе симметричного представления платежного баланса за 1992–2005 гг.) // Российский экономический журнал. — 2006. — № 7–8.

73. *Петров Ю.* О целях социально-экономической политики, путях и средствах их достижения (к анализу проекта правительственной Концепции долгосрочного развития страны // Российский экономический журнал. — 2007. — № 11–12.

74. *Платон.* Государство. — М.: Наука, 2005.

75. *Полтерович В.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. — 1999. — Т. 35. — Вып. 2.

76. Предполагаемая численность населения РФ до 2030 года. Статбюллетень. — М.: Росстат, 2010.

77. *Прохоров А.П.* Русская модель управления. — М.: Эксперт, 2002.

78. *Рей А.* Конкурентные стратегии государства и фирм в экспортно ориентированном развитии // Вопросы экономики. — 2004. — № 8.

79. *Рельсон Р., Уинтер С.* // Эволюционный подход в экономической науке. — М.: ГУ–ВШЭ, 2006.

80. Реформы глазами американских и российских ученых / Под общ. ред. О.Т. Богомолова. — М.: Российский экономический журнал, Фонд «За экономическую грамотность», 1996.

81. *Римашевская Н.* Распределение населения России по ежемесячным доходам в начале XXI века // Вестник Российской академии наук. — 2004. — Т. 74. — № 3.

82. *Роговски Е.А.* Кто победит Алана Гринспена? — http://www.netda.ru/newpublicist/rogovsky/rogovsky-grinspan.htm.

83. *Рогов С.М.* Россия должна стать научной сверхдержавой. Доклад на заседании Президиума РАН 16 марта 2010 г. — http://www.iskran.ru.

84. Российский статистический ежегодник. 2009. — М.: Росстат, 2010.

85. Россия и мир-2010. Ежегодный прогноз. — М.: ИМЭиМО РАН, 2009.

86. *Семенкова Т.* Издание трудов Смита в дореволюционной России и в советское время. В кн.: Адам Смит и современная политическая экономия / Под ред. Н.А. Цаголова. — М.: Издательство Московского университета, 1979.

87. *Симчера В., Соколин В., Шевяков А.* К построению исторических рядов социально-экономического развития России // Экономическая наука современной России. — 2001. — № 6.

88. Состояние и тенденции развития науки в России (ежегодное информационно-аналитическое издание Центра исследований и статистики науки). — М., 2009.

89. *Спартак А.* Внешнеэкономическая стратегия России в условиях глобализации // Мировая экономика и международные отношения. — 2008. — № 5.

90. *Стариков Н.В.* Кризис: как это делается. — СПб.: Питер, 2009.

91. *Субетто А.И.* Бытие России в XXI веке (философский этюд). — http://www.trinitas.ru/rus/doc/0202/010a/02020100.htm.

92. *Сысоев А.* Амортизационная политика как фактор инвестиционного развития экономики // Проблемы прогнозирования. — 2006. — № 1.

93. *Толкачев С.* Призрак Гласса — Стигала бродит по Америке // Капитал страны (интернет журнал). — 31 января 2010 г.

94. *Федосов Е.* Инновационный путь развития как магистральная мировая тенденция // Вестник Российской академии наук. — 2006. — № 9.

95. *Фортов В.Е., Махутов Н.А.* Основы прогнозирования научно-технологического развития машиностроения, ОПК и транспорта до 2030 года. В сб.: Методические рекомендации по разработке прогноза научно-технологического и социально-экономического развития России на период до 2030 года. — М.: ИНЭС, 2010.

96. *Фортов В.Е., Махутов Н.А.* Прогнозирование показателей развития машиностроения. В сб.: Методические рекомендации по разработке прогноза научно-технологического и социально-экономического развития России на период до 2030 года. — М.: ИНЭС, 2010.

97. *Чабанов В.Е.* Экономика XXI века, или Третий путь развития. — СПб.: БХВ-Петербург, 2007.

98. *Чепасова Э.* Структурная перестройка и качество роста // Экономист. — 2005. — № 3.

99. *Швейцер П.* Победа: роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. — Минск: СП Авест, 1995.

100. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития. — М.: Прогресс, 1982.

101. *Яременко Ю.В.* Избранные труды. В 3 кн. Кн. 1. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. — М.: Наука, 1997.

102. *Angela Hullmann*. The economic development of nanotechnology — An indicators based analysis. European Commission, DG Research. 28 November 2006. — http://cordis.europa.eu./nanotechnology; http://www.cetraonline.it/file_doc/262/nanoarticle_hullmann_nov2006.

103. American Economic Association. — http://www.vanderbilt.edu.

104. *Blackman A.W.* The Market Dynamics of Technological Substitution // Technological Forecasting and Social Change. — 1974. — Vol. 6.

105. *Drexler K. Eric*. Engines of Creation: The Coming Era of Nanotechnology. — N.Y.: Anchor books, 1987.

106. *Freeman C.* Technical Innovation, Diffusion, and Long Cycles of Economic Development. In: The Long-Wave Debate. — Berlin, 1987.

107. *Galbraith John Kenneth*. Money: Whence it Came, Where it Went. — UK: Harper Collins Distribution Services, 1975.

108. L или V — риски и ожидания. Доклад Центра стратегических исследований Банка Москвы // Экономическое обозрение Банка Москвы. — 2009. — 22 июня.

109. *Mensch G.* Das technoligishe Patt: Innovationen ubervinden die Depression. — Frankfurt: Umschau Verlag, 1975.

110. *Nakicenovic N.* Technological substitution and Long Waves in the USA. In: The Long Wave Debate. — Berlin, 1987; *Grubler A.* The Rise and Fall of Infrastrictures//American Economic Review. — 1959. — № 49.

111. National Security Strategy for a New Century. — W.: White House, 1999.

112. *Perez Carlota.* Technological Revolutions and Financial Capital: The Dynamics of Bubbles and Golden Ages. — London: Elgar, 2002.

113. *Simon Herbert A.* Administrative Behavior: A Study of Decision-Making Processes in Administrative Organizations. — Glencoe (Illinois): Free press, 1960.

114. http://www.china.org.cn.

Основные опубликованные научные труды С. Ю. Глазьева

Монографии

Глазьев С.Ю. Экономическая теория технического развития. — М.: Наука, 1990.

Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. — М.: ВлаДар, 1993.

Глазьев С.Ю. За критической чертой: о концепции макроэкономической политики в свете обеспечения экономической безопасности страны. — М.: Российский экономический журнал, 1996.

Глазьев С.Ю. Геноцид. — М.: Терра, 1998.

Глазьев С.Ю. Выбор будущего. — М.: Алгоритм, 2005.

Глазьев С.Ю. О стратегии экономического развития России. — М.: Национальный институт развития РАН, 2006.

Глазьев С.Ю. Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов. — М.: Национальный институт развития РАН, 2007.

Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. — М.: Экономика, 2010.

Glazyev S. Russia and New World Order. — Washington: EIR, 1999.

Участие в коллективных монографиях

Глазьев С.Ю. Структурная политика технического развития. Соавт. Львов Д.С. — М.: ЦЭМИ АН СССР, 1987.

Глазьев С.Ю. Длинные волны НТП и социально-экономическое развитие. Соавт. Микерин Г.И. — М.: Наука, 1989.

Глазьев С.Ю. Новая концепция управления НТП. Соавт. Львов Д.С. — М.: ЦЭМИ АН СССР, 1989.

Глазьев С.Ю. Экономическая стратегия научно-технического развития. Соавт. Львов Д.С., Каримов И.А., Кузнецов Е.Н. — М.: ЦЭМИ АН СССР, 1989.

Глазьев С.Ю. Стратегия распространения перспективных технологий. Соавт. Львов Д.С., Каримов И.А., Кузнецов Е.Н. — М.: ЦЭМИ АН СССР, 1989.

Глазьев С.Ю. Управление научно-техническим развитием. Соавт. Львов Д.С., Фетисов Г.Г. — М.: Наука, 1990.

Глазьев С.Ю. Влияние экономической реформы на науку. В кн.: Наука на пороге рынка / Под ред. С.Ю. Глазьева. — М.: Экономика, 1992.

Глазьев С.Ю. Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. Соавт. Львов Д.С., Фетисов Г.Г. — М.: Наука, 1992.

Глазьев С.Ю. Об открытости и разумной защите российской экономики. В кн.: Реформы глазами американских и российских ученых / Под общ. ред. О.Т. Богомолова. — М.: Российский экономический журнал, Фонд «За экономическую грамотность», 1996.

Глазьев С.Ю. Вступительная статья к книге: Эффективность государственного управления (пер. с англ.). Соавт. Батчиков С.А. / Общ. ред. Глазьева С.Ю. — М.: Фонд «За экономическую грамотность», Российский экономический журнал, ЗАО «Консалтбанкир», 1998.

Глазьев С.Ю. Предприятие и формация. Соавт. Москвин Д.Д., Биншток Ф.И., Фельдман М.Н. — М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Глазьев С.Ю. Стратегия экономического роста на пороге XXI века и экономическая безопасность России. В кн.: Наука и безопасность России. — М.: Наука, 2000.

Глазьев С.Ю. Белая книга. Экономические реформы в России 1991–2001 гг. Соавт. Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А. — М.: Эксмо, 2003.

Глазьев С.Ю. Введение и заключение к книге: Обучение рынку / Под ред. С.Ю. Глазьева. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2004.

Глазьев С.Ю. Конкурентные преимущества национальной культуры хозяйствования: возможности и проблемы реализации. В кн.: Русский вопрос / Под ред. Г.В. Осипова, В.В. Локосова, И.Б. Орловой. — М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007.

Глазьев С.Ю. Нравственные начала в экономическом поведении и развитии: важнейший ресурс возрождения России. В кн.: Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние / Под ред. О.Т. Богомолова. — М.: ИЭ РАН, ИНЭС, 2008.

Глазьев С.Ю. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике. Соавт. Дементьев В.Е., Елкин С.В., Крянев А.В., Ростовский Н.С., Фирстов Ю.П., Харитонов В.В. / Под. ред. С.Ю. Глазьева и В.В. Харитонова. — М.: Тровант, 2009.

Глазьев С.Ю. Модернизация российской экономики на основе нового технологического уклада как ключевое направление антикризисной политики. Соавт. Харитонов В.В., Елкин С.В., Фирстов Ю.П., Дубинина С.А., Новохатько И.М., Крянев А.В. В кн.: Аналитические доклады победителей конкурса «Россия в условиях мирового кризиса». — М.: Российский гуманитарный научный фонд, Языки славянских культур, 2009.

Публикации в научной периодике

Львов Д., Глазьев С. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП // Экономика и математические методы. — 1986. — № 5.

Глазьев С. Некоторые закономерности технико-экономического развития и возможности ускорения НТП // Известия АН СССР. Серия экономическая. — 1987. — № 3.

Каримов И., Глазьев С. Научно-технический фактор экономической динамики // Известия АН СССР. Серия экономическая. — 1988. — № 2.

Львов Д., Глазьев С. Остаться вчерашними? // Коммунист. — 1989. — № 8.

Львов Д., Каримов И., Глазьев С., Кузнецов Е. Соизмерение ценности хозяйственных благ во времени // Экономика и математические методы. — 1990. — № 2.

Glazyev S. Elaboration of Scenarios of Computer Integrated Manufacturing Technologies Diffusion // IIASA (Laxemburg). — 1990.

Glazyev S., Kaniovsky U. Diffusion of Innovations under Conditions of Uncertainty: A Scholastic Approach // IIASA (Laxemburg). — 1990.

Глазьев С. Управление научно-техническим прогрессом в новых условиях хозяйствования // Вопросы экономики. — 1990. — № 1.

Глазьев С. К эффективной модели управления научно-техническим прогрессом // Экономические науки. — 1990. — № 11.

Glazyev S., Lvov D. Some General Regularities of Techno-economic Evolution // Communist Economies. — 1990. — Vol. — № 2.

Glazyev S. Privatization of State Property in the USSR: Possible Ways and Implications // Communist Economies. — 1991. — Vol. 3. — № 3.

Глазьев С., Малков Л. «Утечка умов» и общественное сознание // Экономические науки. — 1992. — № 1.

Глазьев С. Внешнеэкономическая деятельность: итоги и перспективы // Внешняя торговля. — 1993. — № 2.

Глазьев С. О внесении в Государственную Думу России законопроектов об имущественных правах религиозных организаций // Вопросы экономики. — 1994. — № 9.

Глазьев С. Экономическая политика: проблемы нынешней и императивы новой модели // Российский экономический журнал. — 1994. — № 5–6.

Глазьев С. Как оживить отечественное товаропроизводство // Российский экономический журнал. — 1994. — № 10.

Глазьев С. Текущий год определит судьбу России // Российский экономический журнал. — 1995. — № 3.

Глазьев С. Перспективы экономического роста в 1996 году // Вопросы экономики — 1996. — № 5.

Глазьев С. Как добиться экономического роста? (Макродинамика переходной экономики: упущенные возможности и потенциал улучшения) // Российский экономический журнал. — 1996. — № 5–6, 7.

Глазьев С. Закономерности социальной эволюции: вопросы методологии // Социологические исследования. — 1996. — № 6.

Глазьев С. Стабилизация и экономический рост // Вопросы экономики. — 1997. — № 1.

Глазьев С. Основа обеспечения экономической безопасности страны — альтернативный реформационный курс // Российский экономический журнал. — 1997. — № 1, 2.

Глазьев С. Стратегия экономического роста // Наука, политика, предпринимательство. — 1997. — № 3–4.

Глазьев С. Российская реформа и новый мировой порядок // Российский экономический журнал. — 1997. — № 7.

Глазьев С. Центральный банк против промышленности России // Вопросы экономики. — 1998. — № 1, 2.

Глазьев С., Маневич В. Социально-экономическая эволюция России: об итогах и сценариях ближайшего будущего // Российский экономический журнал. — 1998. — № 1, 2.

Глазьев С. Антикризисна ли «антикризисная программа»? // Российский экономический журнал. — 1998. — № 6.

Глазьев С. Крах «стабилизационной программы» и императив перехода к мобилизационной модели // Российский экономический журнал. — 1998. — № 9–10.

Glazyev S. Key Measures for a Transition to Economic Growth in Russia // Executive Intelligence Review. — 1998. — Vol. 26. — № 13.

Глазьев С. «Стабилизация» экономики России // Белорусский экономический журнал. — 1998. — № 3.

Глазьев С. Состоится ли в 1999-м переход к политике роста? // Российский экономический журнал. — 1999. — № 1, 2.

Глазьев С. Будет ли переход к политике экономического роста? (О макроэкономическом прогнозировании) // Экономические стратегии. — 1999. — № 1.

Глазьев С. Критические замечания по фундаментальным вопросам денежной политики // Вопросы экономики. — 1999. — № 2.

Глазьев С. К правительственно-центробанковскому заявлению-99 // Российский экономический журнал. — 1999. — № 5–6.

Глазьев С. Реформационный поворот: возможность третья // Российский экономический журнал. — 1999. — № 9–10.

О перспективах социально-экономического развития Российской Федерации в 2000 году и на период до 2002 года (рекомендации парламентских слушаний, проведенных Комитетом Государственной Думы по экономической политике и предпринимательству) // Российский экономический журнал. — 2000. — № 2.

Глазьев С. В очередной раз — на те же грабли? (К оценке «Стратегии развития Российской Федерации до 2010 года» Фонда «Центр стратегических разработок») // Российский экономический журнал. — 2000. — № 5–6.

Глазьев С., Батчиков С. Что сулит углубление либералистской реформы в России? (Прогнозные соображения в контексте отечественного и аргентинского реформационного опыта) // Российский экономический журнал. — 2000. — № 7.

Стратегия экономического развития России. По материалам общероссийской дискуссии, проведенной Комитетом Государственной Думы по экономической политике и предпринимательству, отделением экономики РАН, Российским торгово-финансовым союзом и «Российским экономическим журналом» // Российский экономический журнал. — 2000. — № 7.

Глазьев С. О правительственном плане действий в области социальной политики и модернизации экономики на 2000–2001 годы // Российский экономический журнал. — 2000. — № 8.

Глазьев С. Грядет ли новый финансовый кризис в России? // Вопросы экономики. — 2000. — № 6.

Глазьев С. Инструментом какой социально-экономической политики быть бюджету-2001? // Российский экономический журнал. — 2000. — № 9.

Глазьев С. Пути преодоления инвестиционного кризиса // Вопросы экономики. — 2000. — № 11.

Глазьев С. Проблемы прогнозирования макроэкономической динамики (материалы к лекциям и семинарам) // Российский экономический журнал — 2001. — № 3, 4.

О стратегии социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу (рекомендации парламентских слушаний, проведенных 3 апреля 2001 г. Комитетом Государственной Думы по экономической политике и предпринимательству и Комитетом Государственной Думы по труду и социальной политике // Российский экономический журнал. — 2001. — № 4.

Глазьев С., Диянский А. Центральный банк России: цена «независимости» // Российский экономический журнал. — 2001. — № 5–6.

Как обеспечить развитие российской экономики в условиях дестабилизации мировой финансовой системы? (По материалам парламентских чтений, проведенных Комитетом Государственной Думы по экономической политике и предпринимательству) // Российский экономический журнал. — 2001. — № 7.

Глазьев С. Новый программный документ прежнего курса (о принятой правительственной программе социально-экономического развития РФ на среднесрочную перспективу) // Российский экономический журнал. — 2001. — № 8.

Глазьев С., Петров Ю. Бюджет-2002: выбор социально-экономической политики // Российский экономический журнал. — 2001. — № 9.

Глазьев С. Реализовать последний шанс! // Российский экономический журнал. — 2002. — № 1.

Последствия присоединения России к ВТО для отечественной промышленности: обоснование методики оценки (совместная разработка Межведомственного аналитического центра и Комитета Государственной Думы

по экономической политике и предпринимательству) // Российский экономический журнал. — 2002. — № 1.

Глазьев С. Очередной установочный документ прежнего реформационного курса (о президентском Послании-2002 Федеральному Собранию РФ) // Российский экономический журнал. — 2002. — № 4.

Глазьев С., Жукова М. Потенциал региональной бюджетно-налоговой политики (на примере разработки альтернативного бюджета Красноярского края) // Российский экономический журнал. — 2002. — № 8.

Глазьев С., Жукова М. Бюджет-2003: очередной выбор социально-экономической политики // Российский экономический журнал. — 2002. — № 9.

Глазьев С. Об очередной правительственной среднесрочной программе и не только о ней // Российский экономический журнал. — 2003. — № 3.

Глазьев С. Бюджет-2004: все тот же вопрос выбора социально-экономической политики // Российский экономический журнал. — 2003. — № 8.

Глазьев С. Социально-экономический смысл бюджета-2005 // Российский экономический журнал. — 2004. — № 9–10.

Глазьев С. Очередной «клон» правительственных рыночных фундаменталистов [о «Программе социально-экономического развития РФ на среднесрочную перспективу (2005–2008 годы»)] // Российский экономический журнал. — 2005. — № 2.

Глазьев С. Федеральная социально-экономическая политика: принципиальных изменений не намечается (по поводу правительственных бюджетных проектировок и прогнозных оценок-2006) // Российский экономический журнал. — 2005. — № 7–8.

Глазьев С. Политика социальной справедливости и экономического роста (фрагмент новой книги «Выбор будущего») // Российский экономический журнал. — 2005. — № 11–12.

Глазьев С. Нужно ли нам становиться «глобальным энергетическим гарантом»? (К определению геоэкономической позиции России в контексте ее председательства в «Большой восьмерке») // Российский экономический журнал. — 2006. — № 1.

Глазьев С. Президентское Послание-2006 Федеральному Собранию РФ: последуют ли за словами дела? // Российский экономический журнал. — 2006. — № 5–6.

Глазьев С. Бюджет-2007: все тот же социально-экономический смысл // Российский экономический журнал. — 2006. — № 9–10.

Глазьев С. Перспективы российской экономики в условиях глобальной конкуренции (заключительный раздел доклада «Развитие российской экономики в условиях глобальных технологических сдвигов» к обсуждению на заседании экономической секции Отделения общественных наук РАН) // Российский экономический журнал. — 2007. — № 1–2.

Глазьев С. Гуманитарный ответ либеральной глобализации // Проблемы развития. — 2007. — № 1(5).

Глазьев С. О задачах структурной политики в условиях глобальных технологических сдвигов // Экономическая наука современной России. — 2007. — № 3.

Глазьев С. Перспективы российской экономики в условиях глобальной конкуренции // Экономист. — 2007. — № 5.

Глазьев С. О стратегии экономического развития России // Вопросы экономики. — 2007. — № 5.

Глазьев С. Состоится ли переход российской экономики на инновационный путь развития? (О правительственных долгосрочных концептуально-прогнозных проектировках) // Российский экономический журнал. — 2008. — № 1–2.

Глазьев С., Микерин Г. «Либерально-патерналистская» интерпретация «третьего пути» как реакция на переход к инновационной экономике (в связи с выходом книги Р. Тейлера и К. Санстейна «Подталкивание: улучшение решений относительно здоровья, богатства и счастья») // Российский экономический журнал. — 2008. — № 5–6.

Глазьев С., Клоцвог Ф. Перспективы экономического развития СНГ при интеграционном и инерционном сценариях взаимодействия стран-участниц // Российский экономический журнал. — 2008. — № 7–8.

Глазьев С. О практичности количественной теории денег, или Сколько стоит догматизм денежных властей // Вопросы экономики. — 2008. — № 7.

Глазьев С. О стратегии и концепции социально-экономического развития России до 2020 года // Экономические стратегии. — 2008. — № 4 (62).

Глазьев С. Кризис, антикризисные меры и стратегия инновационного народнохозяйственного развития в зеркале теории долгосрочной мегатехнологической динамики // Российский экономический журнал. — 2008. — № 12.

Глазьев С. Научно-производственный потенциал: современное состояние и перспективы развития // Проблемы теории и практики управления. — 2008. — № 12.

Глазьев С. Мировой экономический кризис как процесс смены технологических укладов // Вопросы экономики. — 2009. — № 3.

Глазьев С. Антикризисные меры: просчеты, выводы, предложения // Экономическая наука современной России. — 2009. — № 2.

Глазьев С. Об антикризисной стратегии России // Российский экономический журнал. — 2009. — № 6.

Глазьев С. К запуску механизмов Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России // Российский экономический журнал. — 2009. — № 11–12.

Глазьев С. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса (предисловие к новой книге) // Российский экономический журнал. — 2010. — № 3.

Глазьев С. Какая модернизация нужна России? // Экономист. — 2010. — № 8.

Глазьев С. Грядут не просто три очередных потерянных года (по поводу прогнозных и бюджетных параметров-2011–2013) // Российский экономический журнал. — 2010. — № 4.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Якутин. «Феномен Глазьева»: штрихи к портрету 50-летнего юбиляра. 7

— • —

ПРЕДИСЛОВИЕ 25

ВВЕДЕНИЕ 28

Раздел 1. КАТАСТРОФА ВМЕСТО РЕФОРМЫ 43
Глава 1. Объективные результаты реформы 44
1.1. Деградация человеческого потенциала 45
1.1.1. Вырождение народа 46
1.1.2. Обнищание населения и ухудшение качества жизни 49
1.1.3. Разрушение здравоохранения 57
1.2. Разрушение производственного потенциала 60
Глава 2. Методология реформы 68
2.1. Неудачи в реформировании советской экономики. 70
2.2. Шоковая терапия 80
2.3. Пять ударов по экономике и обществу 115
2.4. Банкротство государства 134
2.5. Первоначальное накопление капитала на основе присвоения общенародной собственности. 146
2.6. Внешний контроль над Правительством России 153
2.7. Коррупция власти и ее отчуждение от общества 164
Глава 3. Идеология реформы 174
3.1. Несоответствие макроэкономической догматики реформаторов реальным экономическим процессам 175
3.2. Несостоятельность теоретических основ реформы. 182
3.3. Культ стяжательства как суть утопии рыночного фундаментализма 186
3.4. Экономика частного присвоения как практическое воплощение идеологии реформы 189
3.5. Отторжение реформы национальной культурой хозяйствования 196

Раздел 2. УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ 202
Глава 4. Новые возможности и старые ошибки. 207
4.1. Восстановление экономики после финансового краха 1998 года 210
4.2. Возвращение к политике рыночного фундаментализма 214

Глава 5. Цена некомпетентности 223
5.1. Неиспользованные нефтедоллары 223
5.2. Парадоксы денежной политики 225
5.3. Архаичность бюджетной политики 237
Глава 6. Разрушение механизмов воспроизводства и дезинтеграция экономики 245
6.1. Прекращение воспроизводства научно-технологического потенциала 245
6.2. Дезинтеграция промышленности 256
6.3. Разрушение воспроизводства человеческого потенциала 263
6.4. Прекращение расширенного воспроизводства основного капитала . . . 269
6.5. Блокирование механизмов экономического развития 276
Глава 7. Альтернативы в теории и на практике 280
7.1. Научная основа обобщения опыта переходных экономик 281
7.2. Объяснение результатов различных вариантов рыночных реформ 285

Раздел 3. СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА 313
Глава 8. Закономерности современного экономического роста 315
8.1. Современное научное представление об экономическом развитии 316
8.2. Технологические сдвиги в современной экономике 340
8.3. Механизмы международной конкуренции в современной экономике 350
8.4. Особенности технологического развития российской экономики 356
Глава 9. Причины глобального экономического кризиса 368
9.1. Обрушение лавины деривативов 371
9.2. Саморазрушение долларовой финансовой пирамиды 377
Глава 10. Перспективы дальнейшего развертывания глобального кризиса 383
10.1. В поисках дна 384
10.2. Прогнозы дальнейшего развертывания экономического кризиса 398
10.3. Нужен ли России существующий мировой порядок? 407
Глава 11. Развитие нового технологического уклада в мировой и российской экономике 416
11.1. Становление нового технологического уклада 417
11.2. Развитие ядра нового технологического уклада 419
11.2.1. Нанобиотехнологии 426

11.2.2. Генно-модифицированные продукты 428
11.2.3. Наноматериалы 430
11.2.4. Гелиоэнергетика 432
11.3. Распространение ключевых технологий нового технологического уклада 433
11.4. Экономика знаний как парадигма управления нового технологического уклада 446
Глава 12. Возможности технологического развития в условиях кризиса мировой экономики 454
12.1. Возможности опережающего развития в условиях структурных изменений мировой экономики 455
12.2. Формирование институтов развития нового технологического уклада 462
Глава 13. Антикризисная политика в России 467
13.1. Последствия ошибочной макроэкономической политики 468
13.2. Проблемы управления 483
Глава 14. Основные направления антикризисной стратегии развития российской экономики 489
14.1. Приведение управления хозяйством в соответствие с ценностями российской культуры как условие подъема экономики 490
14.2. Предпосылки вывода российской экономики на новую длинную волну экономического роста 501
14.3. Политика опережающего развития – лучший способ преодоления кризиса 507

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. Грядущая трехлетка: угроза последнему шансу на «экономическое чудо» 549

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 556

— • —

ОСНОВНЫЕ ОПУБЛИКОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ ТРУДЫ С. Ю. ГЛАЗЬЕВА 564

С. Ю. Глазьев

УРОКИ ОЧЕРЕДНОЙ
РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ:
КРАХ ЛИБЕРАЛЬНОЙ УТОПИИ
И ШАНС НА «ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЧУДО»

Вступительная статья и научное руководство проектом —
Ю.В. Якутина

Издание подготовлено к выпуску
Отделом допечатной подготовки
ЗАО ИД «Экономическая газета»
125319, Москва, ул. Черняховского, 16

Оформление, верстка: Е.В. Колышев, В.И. Рябов
Оформление рисунков: А.А. Лосев
Цветокоррекция: В.А. Ефремов
Набор: Т.Б. Лосятинская
Корректура: Н.П. Дубинина, Н.А. Журова, А.Ю. Мелентьев

Подписано в печать 22.12.2010.
Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 36.
Авт. печ. л. 37,5.
Тираж 3000 экз.

Отпечатано в типографии ООО «МедиаГрупп».

По вопросам сотрудничества и приобретения книги
обращаться по адресу:
125319, Москва, ул. Черняховского, 16.
Тел.: (499) 156-7603, 152-1826
E-mail: kommerz@ideg.ru

ISBN 978-5-900792-87-3

